

Вилльямъ Джемсъ
профессоръ Гарвардскаго университета.

2

НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГІИ.



Съ рисунками въ текстъ.



Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Л. Е. Оболенскаго.



DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„С.-Петербургская Электропечатня“, Вознесенскій пр., 53.
1902.

Психологія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В в е д е н і е.

Дозволено цензурою.—С.-Петербургъ, 20 мая 1902 г.

Наиболѣе ясное понятіе о предметѣ психологіи дастъ профессоръ Леддъ: «Психологія, говоритъ онъ,—есть описаніе и истолкованіе состояній сознанія, какъ таковыхъ». Подъ состояніемъ сознанія мы разумѣемъ ощущенія, желанія, эмоціи ¹⁾, акты познаванія, сужденія, рѣшенія, хотѣнія и т. п. Историкъ всего этого, очевидно, должно включать въ себя изученіе ихъ причинъ, условій и непосредственныхъ результатовъ, насколько все это поддается нашему изслѣдованію.

Въ данной книгѣ психологія разсматривается, какъ отрасль естествознанія. Это замѣчаніе нуждается въ поясненіи. Многіе мыслители полагаютъ, что въ сущности есть одна только наука о всѣхъ вещахъ или предметахъ, и что пока мы не познали всѣхъ предметовъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть нами вполне познанъ. Если бы это требованіе было осуществлено, то такой наукой была бы философія. Но до осуществленія такого знанія всѣхъ вещей еще очень далеко, и вѣсто такого знанія мы имѣемъ цѣлую массу начатковъ знанія, совершенныхъ въ разныхъ областяхъ и сохраняющихся отдѣленными другъ отъ другъ единственно ради практическаго удобства до той поры, пока они, развившись съ теченіемъ времени, будутъ въ состояніи слиться въ одну цѣлую истину. Эти предварительные начатки знанія мы называемъ «науками», употребляя метафизическое число. Каждая изъ нихъ, во избѣжаніе слишкомъ медленнаго развитія, ставитъ себѣ произвольно выбранныя ею задачи и совершенно пренебрегаетъ остальными. Такимъ образомъ каждая наука принимаетъ нѣкоторые данныя, какъ безспорныя, предоставляя другимъ отраслямъ философіи проверить ихъ значеніе и истинность. Напримѣръ, всѣ естественныя науки, несмотря на то, что дальнѣйшія философствованія приводятъ насъ къ тому, принимаютъ, что матеріальный міръ существуетъ совершенно независимо отъ воспринимающей его мысли. Механическая наука при-

¹⁾ Для движенія, называемыя въ просторѣчій чувствованіями. Ред.

принимает, что эта матерія обладает «массой» и проявляет «силу», определяя эти термины только феноменально¹⁾ и не заботясь относительно немислимости нѣкоторыхъ положеній, которая обнаруживается при болѣе точномъ размышленіи. Подобнымъ же образомъ механическая наука принимает, что движеніе существуетъ независимо отъ воспринимавшей мысли, вопреки затрудненіямъ, заключающимся въ этомъ предположеніи. Физики безъ всякой критики допускаютъ существованіе атомовъ, дѣйствіе на расстоянии и прочее; химія безъ критики принимаетъ всѣ данныя физики, а физиологія—всѣ данныя химіи. Психологія, какъ отрасль естествознанія, рассматриваетъ вещи такимъ же частнымъ (одностороннимъ) и условнымъ образомъ. Въ добавленіе къ «матеріальному міру» со всѣми его опредѣленіями, принимаемыми прочими естественными науками, психологія признаетъ особая добавочныя, свои собственные данныя и предоставляет болѣе развитымъ отраслямъ философіи изслѣдовать ихъ окончательное значеніе и истинность. Эти данныя суть:

1) Состоянія мышленія и чувствованія или всякія другія обозначенія преходящихъ состояній сознанія, которыя могутъ быть познаны.

2) Познаніе другихъ предметовъ при помощи этихъ состояній сознанія. Этими предметами могутъ быть или матеріальныя тѣла и событія или же другія состоянія души. Матеріальные предметы могутъ быть либо близкими, либо отдаленными во времени и пространствѣ, а душевныя состоянія могутъ быть состояніями души другихъ лицъ или же самого мыслителя въ какой-нибудь иной моментъ времени.

Какимъ образомъ одинъ предметъ можетъ познавать другой, это составляетъ задачу такъ называемой теоріи познанія. Какъ можетъ существовать вообще такой предметъ, какъ «состояніе души», есть задача психологіи, которую называютъ рациональной, въ отличіе отъ психологіи эмпирической²⁾. Полная истина относительно состояній души не можетъ быть постигнута, пока теорія познанія и рациональная психологія не скажутъ своего слова. Но пока относительно душевныхъ состояній можетъ быть собрано и объединено громадное количество предварительныхъ истинъ, которыя мало-по-малу пропикнуты болѣе широкой истиной и будутъ ею истолкованы, когда для этого наступитъ время. Такое предварительное объединеніе положеній о состояніяхъ души и объ элементахъ познания, которыми пользуются эти состоянія, и есть то, что я разумю подъ психологіей, рассматриваемой, какъ отрасль естествознанія; факты и законы психологіи, понимаемой такимъ образомъ, сохраняютъ свое значеніе и при всякой другой окончательной теоріи матеріи, души и познания. Если критики найдутъ что эта естественно-научная точка зрѣнія слишкомъ произвольно урѣзываетъ вещи, они, вмѣсто того, чтобы бранить книгу, опирающуюся на этотъ взглядъ, скорѣе сами должны идти дальше ея, пополнять ее болѣе собственными положеніями, берущими вопросъ глубже. Неполные обзоры

¹⁾ Т. е. настолько, насколько они намъ «являются», представляются или для насъ «проявляются». Отъ слова феноменъ—явленіе. Ред.

²⁾ Рациональной или рационалистической ее называютъ потому, что ея положенія и выводы основываются главнымъ образомъ, если не исключительно, на соображеніяхъ разума. Наоборотъ, эмпирическая психологія ставитъ на первый планъ опытъ. Ред.

являются часто практически необходимыми. Чтобы идти дальше обычныхъ «научныхъ» положеній, потребовалось бы въ настоящемъ случаѣ написать не одинъ томъ, а полку томовъ, чего авторъ не въ силахъ выполнить.

Позвольте добавить еще, что въ этой книгѣ мы будемъ касаться только души чловѣка. Хотя психическая жизнь существуетъ, стоящихъ ниже, изслѣдуется въ послѣднее время съ нѣкоторымъ успѣхомъ, но мы не имѣемъ мѣста для разсмотрѣнія ея здѣсь и можемъ только указывать на ея проявленія въ тѣхъ случаяхъ, когда они проливаютъ свѣтъ на нашу собственную природу.

Факты душевной жизни не могутъ быть надлежащимъ образомъ изучены особо отъ той физической среды, знаніе о которой они образуютъ. Большой ошибкой прежней рациональной психологіи было считать душу абсолютно нематеріальнымъ существомъ съ извѣстными свойственными только ей способностями, которыми объясняютъ различныя дѣятельности души, какъ, напр., воспоминаніе, воображеніе, сужденіе, хотѣнія и проч., почти безъ отношенія къ особенностямъ міра, къ которымъ относятся эти дѣятельности. Но болѣе богатое фактами воззрѣніе послѣдняго времени постигаетъ, что наши внутреннія способности заранее приспособлены къ формамъ того міра, въ которомъ мы живемъ, приспособлены, я разумю, такъ, чтобы обезпечить нашу безопасность и благо-состояніе въ его средѣ. Не только наши способности къ образованію новыхъ привычекъ, къ запоминаніямъ послѣдствій, къ отвлеченію общихъ свойствъ отъ вещей и къ ассоцірованію съ ними ихъ обычныхъ слѣдствій именно необходимы намъ для того, чтобы направлять насъ въ этомъ мірѣ, гдѣ смѣшаны разнообразія съ однообразіями, — но и наши эмоціи и инстинкты приспособлены къ наиболѣе специфическимъ формамъ этого міра. Вообще, если какое-либо явленіе имѣетъ значеніе для нашего благо-получія, оно въ первый же моментъ, какъ мы сталкиваемся съ нимъ, интересуется и возбуждаетъ насъ. Опасныя вещи наполняютъ насъ невольнымъ страхомъ; ядовитыя—отвращеніемъ; необходимыя вещи—желаніемъ. Коротко сказать, духъ и міръ развились одновременно и поэтому нѣсколько приспособлены другъ къ другу. Специфическія взаимодействія между внѣшнимъ порядкомъ и порядкомъ сознанія, эти взаимодействія, благодаря которымъ могла явиться съ теченіемъ времени та гармонія между ними, которая существуетъ, сдѣлались предметомъ многихъ соображеній школы эволюціонистскихъ мыслителей (Гер. Спенсера); хотя до сихъ поръ этихъ соображеній нельзя признать окончательными, однако, во всякомъ случаѣ, они освѣтили и обогатили психологію въ ея цѣломъ и поставили множество новыхъ вопросовъ самаго разнообразнаго характера.

Главный результатъ этого сравнительно новаго взгляда есть постепенно растущее убѣжденіе въ томъ, что психическая жизнь есть прежде всего явленіе телеологическое, то есть, что различныя процессы чувствованія и мышленія развились до того состоянія, въ какомъ они оказываютъ теперь, благодаря ихъ полезности для выполнения нашихъ воздѣйствій (реакцій) на внѣшній міръ. Въ общемъ, весьма немногія изъ новѣйшихъ формулъ оказали психологіи услугу больше той, какую ей оказала формула Спенсера, утверждающая, что сущность жизни духовной и жизни тѣлесной одна и та же, а именно—«приспособленіе внутреннихъ

отношений къ вѣшнимъ». У низшихъ животныхъ и у дѣтей существуетъ приспособленіе къ предметамъ, непосредственно находящимся передъ ними. А когда степень душевнаго развитія растётъ, все болѣе совершенствуясь, то развивается приспособленіе къ предметамъ, все болѣе и болѣе удаленнымъ во времени и пространствѣ, и совершается оно при помощи все болѣе и болѣе сложныхъ и точныхъ процессовъ разсужденія.

Итакъ, прежде всего и въ основаніи всего, духовная жизнь существуетъ ради выполнения дѣйствій, имѣющихъ характеръ охранительный. Во-вторыхъ и въ частности, душевная жизнь совершаетъ и многія другія дѣятельности и можетъ даже, если она дурно «приспособлена», приводить къ гибели своего обладателя. Психологія, взятая въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, должна изучать всякіе виды духовной дѣятельности, т. е. и безполезныя и опасныя, такъ же тщательно, какъ и тѣ, которые «приспособлены». Но изученіе «опасныхъ элементовъ» душевной жизни стало предметомъ особой отрасли знанія, называемой «психіатріей» — наукой объ умопомѣшательствахъ, а изученіе «безполезнаго» передано эстетикѣ. Эстетикѣ и психіатріи не будетъ уделено спеціальнаго вниманія въ данной книгѣ.

Всѣ душевныя состоянія (все равно, каково ихъ отношеніе къ полезности) сопровождаются тѣлесной дѣятельностью какого-либо рода. Они приводятъ къ незамѣтнымъ измѣненіямъ въ дыханіи, кровообращеніи, общемъ мускульномъ напряженіи, въ дѣятельности железъ или другихъ внутреннихъ органовъ даже тогда, когда не влекутъ за собою замѣтныхъ движеній мускуловъ, дѣйствующихъ по нашей волѣ. Итакъ, не только извѣстныя особыя состоянія души (такія, напримѣръ, которыя называются хотѣніями), но всѣ состоянія ея, какъ таковыя, даже простыя состоянія мышленія и чувствованія по своимъ послѣдствіямъ суть двигатели. Это будетъ подробно показано, когда наше изученіе подвинется впередъ. А пока запишемъ это положеніе, какъ одинъ изъ основныхъ фактовъ науки, въ которую мы вступаемъ.

Выше было сказано, что должны быть изучены «условія» состояній сознанія. Непосредственное условіе какого-нибудь состоянія сознанія состоитъ въ дѣятельности какого-нибудь рода въ мозговыхъ полушаріяхъ. Это положеніе поддерживается столь многими фактами изъ патологіи и принято физиологами въ основаніе столь многихъ изъ ихъ разсужденій, что для ума воспитавшагося на медицинскихъ знаніяхъ, кажется почти аксіомой. Во всякомъ случаѣ, было бы трудно дать краткое и рѣшительное доказательство безусловной зависимости умственнаго процесса отъ перваго измѣненія. Нельзя отрицать, что нѣкоторая общая и обычная доля такой зависимости существуетъ. Достаточно только принять въ соображеніе, какъ быстро (насколько намъ извѣстно) можетъ быть упитано сознаніе ударомъ по головѣ, или вслѣдствіе быстрой потери крови, или при эпилептическомъ припадкѣ, или отъ очень большой дозы алкоголя, опія, эфира, окиси азота, — или какъ легко сознаніе можетъ быть измѣнено качественно при помощи меньшей дозы нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ веществъ, а также и другихъ, или въ горячкѣ, — чтобы видѣть, насколько наша душа находится въ зависимости отъ тѣлесныхъ случайностей. Маленькое засореніе желчнаго протока, потокъ лекарства, облегчающаго желудокъ, чашка крѣпкаго кофе въ подходящій мо-

ментъ могутъ совершенно перевернуть на время взгляды человѣка на жизнь. Наше настроеніе духа и наши рѣшенія болѣе опредѣляются условіемъ нашего кровообращенія, чѣмъ нашими логическими доводами. Будетъ-ли человѣкъ вести себя героемъ или трусомъ, зависить отъ временнаго состоянія его «нервовъ». При многихъ видахъ помѣшательства, — но отнюдь не при всѣхъ, — были найдены ясныя измѣненія въ мозговой ткани. Разрушеніе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ участковъ мозговыхъ полушарій сопровождается потерями памяти или приобретенной двигательной способности совершенно опредѣленнаго рода, къ чему мы еще вернемся въ главѣ объ афазіи. Соединяя вѣстѣ все такіе факты, нашъ умъ приходитъ къ простому и коренному понятію, состоящему въ томъ, что душевный процессъ безразлично и безусловно долженъ быть функцией мозгового процесса, измѣняясь соответственно измѣненіямъ послѣдняго и относясь къ послѣднему, какъ слѣдствіе къ причинѣ¹⁾.

Это понятіе является «рабочей гипотезой»²⁾, которая лежитъ въ основѣ всей «физиологической психологіи» послѣднихъ лѣтъ, и оно же будетъ рабочей гипотезой въ этой книгѣ. Взятое въ столь безусловной формѣ, это понятіе вѣроятно можетъ оказаться слишкомъ общимъ утвержденіемъ того, что въ дѣйствительности составляетъ лишь частичную истину. Но единственнымъ способомъ увѣриться въ неудовлетворительности этого понятія является серьезное примѣненіе его ко всякому возможному случаю, который можетъ намъ встрѣтиться. Примѣнить какую-нибудь гипотезу ко всѣмъ случаямъ гдѣ она достаточна, есть дѣйствительное и часто единственное средство доказать ея недостаточность. Поэтому, я буду приниматьъ, сначала безъ всякой проверки, что однообразное отношеніе состояній мозга къ состояніямъ сознанія есть законъ природы. Примѣненіе этого закона въ подробностяхъ покажетъ лучше всего, гдѣ онъ встрѣчаетъ удобства и гдѣ для него лежатъ затрудненія.

Нѣкоторымъ читателямъ такое допущеніе покажется, вѣроятно, самымъ непростительнымъ апіорнымъ матеріализмомъ³⁾.

Несомнѣнно, въ одномъ смыслѣ это — матеріализмъ; а именно это положеніе ставитъ высшее въ зависимость отъ низшаго. Но хотя мы утверждаемъ, что процессъ мышленія есть слѣдствіе механическихъ законовъ, — ибо согласно другой «рабочей гипотезѣ», именно физиологической, законы мозговыхъ процессовъ суть въ сущности механическіе законы, — мы ничуть не объясняемъ природы мысли тѣмъ, что подтверждаемъ эту зависимость; и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ наше предположеніе не является матеріализмомъ. Авторы, которые самымъ безусловнымъ образомъ утверждаютъ, что зависимость нашихъ мыслей отъ нашего мозга есть фактъ, часто сильнѣе всѣхъ настаиваютъ на томъ:

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что такое понятіе есть лишь условное научное допущеніе. Оно не выдерживаетъ критики съ болѣе широкой, научно-философской точки зрѣнія (см. объ этомъ Л. Е. Оболенскаго «Исторія Мысли» стр. 314—317).

²⁾ Рабочей гипотезой называется такое положеніе, которое кладется въ основу дальнѣйшаго изслѣдованія, какъ условно-примѣное орудіе для дальнѣйшаго раскрытія истины (см. далѣе).

³⁾ Т. е. принятыя безъ предварительнаго фактическаго и опытнаго доказательства.

что этот фактъ необъяснимъ и что интимная (внутренняя) сущность сознанія никогда не можетъ быть объяснена какой либо матеріальной причиной. Безъ сомнѣнія, потребуется много поколѣній психологовъ для того, чтобы подтвердить гипотезу о такой зависимости во всѣхъ ея мелочахъ. Книга, которая ее ставитъ основнымъ положеніемъ, до нѣкоторой степени строится на гадательномъ основаніи. Но изучающій психологию долженъ помнить, что науки постоянно принимаютъ на себя подобный рискъ и что онѣ подвигаются впередъ зигзагами отъ одной абсолютной формулы къ другой, которая исправляетъ первую, идя очень далеко въ другую сторону. Въ настоящее время психологія находится на матеріалистическомъ пути, и въ интересахъ ея окончательнаго успѣха ей долженъ быть разрѣшенъ свободный путь даже тѣмъ, которые увѣрены, что она никогда не достигнетъ гавани, не поворачивъ еще разъ своего руля. Одно только вполнѣ вѣрно, что когда формулы психологіи будутъ включены въ общій сводъ философіи, то онѣ явятся въ совершенно другомъ значеніи чѣмъ то, которое онѣ будутъ представлять до тѣхъ поръ, пока онѣ изучаются съ точки зрѣнія отвѣченной и урѣзанной «естественной науки», какъ бы ни могло быть практически неизбежно и необходимо изученіе ихъ съ такой предварительной точкой зрѣнія.

Отдѣлы психологіи. Итакъ, мы должны, на сколько возможно полнѣе, изучить состоянія сознанія въ соотношеніи съ ихъ вѣроятными нервными условіями. Теперь вполнѣ понятно, что нервная система есть ничто иное, какъ машина для воспріятія впечатлѣній и для реагирования въ глѣзахъ предохраненія индивидуума и его рода.—Поэтому читателя нужно въ этихъ рамкахъ познакомить съ физиологіей. Какъ машина, нервная система анатомически распадается на три главныхъ отдѣла, заключающихъ:

- 1) Волокна, приводящіе токи (къ центрамъ).
- 2) Органы центрального переправленія токовъ. и
- 3) Волокна, отводящіе токи (отъ центровъ).

Съ точки зрѣнія отравненій (функцій) нервной системы мы имѣемъ соответственно этимъ анатомическимъ подраздѣленіямъ: 1) ощущение, (правильнѣе сказать, возбужденіе или раздраженіе), 2) отраженіе отъ центра и 3) движеніе. Въ психологіи мы можемъ подраздѣлить нашу работу соответственно подобной схемѣ и рассмотреть послѣдовательно три основныхъ сознательныхъ процесса и ихъ условія. Первымъ будетъ ощущение; вторымъ — центральная мозговая или умственная дѣятельность; третьимъ — стремленіе къ дѣйствию. Не мало неопредѣленностей возникаютъ изъ такого подраздѣленія, но оно имѣетъ практическія удобства для такой книги, какъ эта, а эти удобства слѣдуетъ предпочесть всѣмъ возраженіямъ, какія могутъ быть представлены

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ощущеніе въ общемъ смыслѣ.

Первые токи, идущіе въ центръ, суть единственные агенты, которые нормально вліяютъ на мозгъ. Первые центры человѣка окружены нѣсколькими плотными оболочками, назначеніемъ которыхъ является охраненіе центровъ отъ прямого дѣйствія силъ внѣшняго міра. Волосы, толстая кожа черепа, черепная крышка и по крайней мѣрѣ двѣ перепонки или оболочки, изъ которыхъ одна твердая, окружаютъ мозгъ; и этотъ органъ, сверхъ того, подобно спинному мозгу, омывается серозной жидкостью, въ которой онъ какъ-бы плаваетъ. При такихъ условіяхъ единственно, что можетъ случиться съ мозгомъ, это слѣдующее:

- 1) очень глухіе и очень слабые механическіе удары;
- 2) измѣненія въ качествахъ и количествахъ притока крови, и
- 3) токи, пробѣгающіе по такъ называемымъ вносящимъ или центростремительнымъ нервамъ.

Механическіе удары обыкновенно недействительны; результаты измѣненій крови обыкновенно переходящи; первые же токи, напротивъ, вызываютъ послѣдствія имѣющія наибольшее жизненное значеніе, какъ въ моментъ ихъ прибытія, такъ и потомъ въ невидимыхъ тропинкахъ ихъ пробѣга, которая эти токи прокладываетъ въ вѣществахъ мозга, и которая, какъ мы думаемъ, остаются болѣе или менѣе постоянными чертами строенія мозга, измѣняя его дѣятельность въ теченіе всего будущаго времени.

Каждый приводящій нервъ отходитъ отъ опредѣленной части периферіи и приводится въ дѣйствіе и возбуждается къ внутренней дѣятельности особою силою внѣшняго міра. Обыкновенно нервъ нечувствителенъ къ силамъ другого порядка: такъ, оптическіе нервы не воспринимаютъ впечатлѣнія отъ воздушныхъ волнъ, а кожные нервы — отъ свѣтовыхъ волнъ. Изычный нервъ не возбуждается ароматическими испареніями, слуховой нервъ нечувствителенъ къ теплотѣ. Каждый нервъ выбираетъ изъ колебаній внѣшняго міра какое-нибудь одно, которому исключительно этотъ нервъ соответствуетъ. Слѣдствіемъ этого является то, что наши ощущенія образуютъ прерывающіеся ряды, раздѣленные другъ отъ друга громадными пропусками. Нѣтъ причины предполагать, что порядокъ колебаній во внѣшнемъ мірѣ является такъ же прерывающимся, подобно порядку нашихъ ощущеній. Между самыми быстрыми, еще слышимыми воздушными колебаніями (по большей мѣрѣ 40.000 колебаній въ секунду) и самыми медленными, уже ощущаемыми тепловыми колебаніями (которые исчисляются билліонами, колеб. въ с.) природа должна была гдѣ-нибудь осуществить безчисленныя промежуточныя степени, для воспріятія которыхъ мы не имѣемъ особыхъ нервовъ. Процессъ въ самыхъ нервныхъ волокнахъ совершенно сходенъ или очень сходенъ для всѣхъ различныхъ нервовъ. Это — такъ называемый «токъ»; но токъ въ сѣтчаткѣ возбуждается однимъ порядкомъ внѣшнихъ колебаній, а въ ухѣ, напримѣръ, другимъ порядкомъ. Это зависитъ отъ различныхъ конечныхъ органовъ, которыми вооружены многіе приводящіе нервы. Совершенно подобно тому, какъ мы сами вооружимся ложкою, чтобы брать

суть, и визкою, чтобы брать мясо, наши нервные волокна вооружаются конечными аппаратами одного рода для того, чтобы схватывать воздушные волны, и другого—для волн эфира. Конечный аппарат всегда состоит из видоизмененных эпителиальных клеток, которые являются продолжением нервного волокна. Последнее не может само быть возбуждаемо непосредственно внешним агентом, который действует на конечный орган. Зрительные волокна не приводятся в движение непосредственными лучами солнца; кожный нервный ствол можно привести в соприкосновение со льдом, не вызывая ощущения холода¹⁾. Волокна суть простые проводники; конечные аппараты—множество несовершенных телефонов, в которые говорит материальный мир, и из которых каждый воспринимает часть того, что было сказано; мозговые клетки у центральных концов волокон являются таким же количеством других телефонов, при помощи которых умъ внимает далекому зову.

«Специфическая энергия» разных частей мозга. На известном протяжении анатомы отметили определенно дорожки, по которым идут чувствительные нервные волокна послѣ ихъ входа въ центры до ихъ окончания въ строю веществ мозговых извилин²⁾. На одной изъ слѣдующихъ страницъ будетъ показано, что сознание, которое сопровождается возбуждениемъ сѣраго вещества, изменяется соответственно тому, тогъ или другой участокъ вещества возбуждается. Если приходятъ въ возбуждение затылочные доли, получается сознание видимыхъ предметовъ, если же верхняя часть височныхъ долей, получается сознание слышимыхъ предметовъ. Каждая область мозговой коры отвѣчаетъ возбужденію, которое приносить къ ней приводящая волокна, такимъ образомъ, что съ нимъ въ неизмѣнномъ соотношеніи является особенное качество чувствования. Это и есть такъ названный законъ «специфическихъ энергій» въ нервной системѣ. Конечно, у насъ нѣтъ даже гадательнаго истолкованія причины такого закона. Психологи (какъ Льюисъ, Вундтъ, Розенталь, Гольдшейдеръ и др.) много разсуждали о томъ, зависитъ ли специфическое свойство чувствования только отъ возбужденнаго участка коры, или же отъ рода тока, посылаемаго туда нервомъ. Несомнѣнно, родъ внешней силы, действующей постоянно на конечный органъ, видоизмѣняетъ его; родъ сотрясенія, получаемого отъ конечнаго органа, видоизмѣняетъ первое волокно, и родъ тока въ такомъ измѣненномъ волоконѣ, посылаемаго въ корковый центръ, видоизмѣняетъ послѣдній. Видоизмѣненіе центра въ свою очередь (хотя нельзя угадать—какъ и почему), повидимому, видоизмѣняетъ протекающее сознание. Но эти приспособительныя видоизмѣненія должны совершаться чрезвычайно медленно; и если дѣло въ действительности касается

какого-либо взрослого индивидуума, то можно съ увѣренностью сказать что больше, чѣмъ отъ всего другого, зависитъ отъ возбужденнаго участка коры, какой родъ предметовъ онъ будетъ чувствовать. Надавливаемъ ли мы сътчатку, колемъ ли ее, рѣжемъ, щиплемъ или гальванизируемъ живой зрительный нервъ, субъектъ всегда чувствуетъ сверканіе свѣта, такъ какъ конечнымъ результатомъ нашихъ операций является возбужденіе затылочной области коры. Такимъ образомъ, наши обычные виды чувствования внешнихъ предметовъ зависятъ отъ извилинъ, соединенныхъ случайно съ особыми конечными органами, на которые действуютъ эти предметы. Мы видимъ сіяніе солнца и огонь только потому, что единственный периферическій конечный органъ, воспримчивый къ схватыванію волнъ эфира, исходящихъ отъ этихъ предметовъ, возбуждаетъ тѣ особые волокна, которые идутъ къ зрительнымъ центрамъ. Если бы мы могли перемѣнить внутреннія соотношенія, то мы чувствовали бы окружающій миръ совсѣмъ въ новомъ видѣ. Если бы, напримеръ, мы могли соединить внешнія окончанія нашихъ зрительныхъ нервовъ съ нашими ушами, а окончанія слуховыхъ нервовъ—съ нашими глазами, то мы слышали бы молнію и видѣли бы громъ, видѣли бы симфонию и слышали бы движеніе дирижера. Такіа предположенія, какъ эти (вышеприведенныя), являются хорошей тренировкой для новичковъ въ идеалистической философіи.

Ощущеніе отличается отъ воспріятія. Точно опредѣлить, что такое ощущеніе, невозможно; и въ действительной жизни сознанія ощущенія, называемыя такъ въ обыденной рѣчи, и воспріятія незамѣтно переходятъ другъ въ друга. Все мы можемъ сказать, что подъ ощущеніями мы подразумеваемъ «первыя» вещи (этапъ) на пути сознанія. Они суть непосредственные результаты воздѣйствія нервныхъ токовъ на сознаніе, когда эти токи входятъ въ мозгъ и президе, чѣмъ они пробудили нѣкоторыя внушенія или ассоціаціи съ прошлымъ опытомъ. Но ясно, что такія непосредственныя ощущенія могутъ существовать только въ первые дни жизни. Но они совершенно невозможны у взрослыхъ съ ихъ воспоминаніями и большимъ количествомъ приобретенныхъ ассоціацій. До всѣхъ впечатлѣній на органы чувствъ, мозгъ погруженъ въ глубокій сонъ, и сознаніе на дѣлѣ не существуетъ. Даже первые недѣли послѣ рожденія проходятъ у дѣтей почти въ непрерывномъ снѣ; это обстоятельство лишаетъ органы чувствъ сильнаго средства къ прекращенію этой дремоты (сознанія). У новорожденнаго мозгъ даетъ образованіе абсолютно чистому ощущенію. Но опытъ оставляетъ свое «невообразимое прикосновеніе» (слѣдъ) въ веществѣ извилинъ, и слѣдующее впечатлѣніе, которое передается органомъ чувствъ, производитъ мозговую реакцію, въ которой пробужденный слѣдъ послѣдняго впечатлѣнія играетъ свою роль. Слѣдствиемъ этого являются другой родъ чувствования и высшая степенъ сужденія. «Идеи» о предметѣ смѣшиваются съ знаніемъ объ его только чувствующемъ присутствіи; мы называемъ этотъ предметъ, классифицируемъ, сравниваемъ его, строимъ предположенія относительно его, и осложненіе возможнаго сознанія, которое можетъ вызвать приходящій токъ, все идетъ crescendo до конца жизни. Вообще, это болѣе высокое сознаніе о предметахъ называется воспріятіемъ, чистое же (невнятное), недоступное расчлененію чувствованіе ихъ присутствія есть ощущеніе (насколько мы имъ

¹⁾ Субъектъ можетъ, тѣмъ не менѣе, при этомъ опытѣ ощущать боль; и нужно допустить, что нервные волокна всякаго рода, какъ и конечные аппараты, могутъ до нѣкоторой степени возбуждаться механической силой и электрическими токами.

²⁾ Такъ, волокна зрительнаго нерва направляются къ затылочнымъ долямъ; обонятельныя волокна—къ задней части височной доли (hippocampus); волокна слухового нерва проходятъ сперва въ мозжечекъ и оттуда, вѣроятно, въ верхнюю часть височной доли. Эти употребительныя анатомическія термины будутъ истолкованы въ этой же главѣ послѣ. Кора (cortex) есть сѣрая поверхность извилинъ.

совѣмъ обладаемъ). До нѣкоторой степени мы, кажется, способны приходить въ состояніе этого нерасчлененнаго чувствованія въ моменты, когда наше вниманіе совершенно разбѣлю.

Ощущенія обладаютъ моментомъ познания. Итакъ, ощущение есть абстракція, рѣдко осуществимая сама по себѣ; и объектъ, о которомъ знаетъ ощущение, есть абстрактный объектъ, не существующій (одинъ) самъ по себѣ. «Чувствуемые качества» вотъ объекты ощущенія. Ощущенія глаза знаютъ о цвѣтѣ предметовъ; ощущенія уха знакомятъ со звуками; ощущенія кожи даютъ чувство осязаемой тяжести предметовъ, остроконечности, теплоты или холода и т. п. Отъ всѣхъ органовъ тѣла могутъ идти токи, возбуждающіе въ насъ качество боли и до известной степени—удовольствія.

Такія качества, какъ вязкость, шероховатость и др., можно предположить, чувствуются благодаря (одновременному дѣйствію) сотрудничеству мускулыныхъ ощущеній съ кожными. Геометрическія же свойства предметовъ, съ другой стороны, ихъ форма, величина, отдаленіе и пр. (насколько мы различаемъ и отождествляемъ ихъ), не могутъ быть, по мнѣнію многихъ психологовъ, безъ вызыванія воспомнаній прошлаго; и сужденіе объ этихъ качествахъ, слѣдовательно, считается превосходящимъ степень (силу) чистаго и простаго ощущенія.

«Познаніе, какъ ознакомленіе», и «познаніе о средѣ». Ощущеніе, такимъ образомъ разсматриваемое, отличается отъ воспріятія единственно, крайней простотой своего объекта или содержанія. Объектъ ощущенія, будучи простымъ качествомъ, является замѣтно однороднымъ; а функція ощущенія есть ознакомленіе съ этимъ кажущимся однороднымъ фактомъ. Функція же воспріятія, съ другой стороны, есть функція знанія о чемъ-нибудь, касающемся этого факта: мы должны знать, что за фактъ мы уразумѣваемъ въ это время, и эти различныя «что» даются намъ ощущеніями. Наши первыя мысли имѣютъ въ основѣ почти исключительно ощущенія. Онѣ даютъ намъ подборъ (разныхъ) «что», «это» или «то»; другими словами, подборъ предметовъ разсужденія съ ихъ еще не обнаруженными соотношеніями. Прежде всего мы видимъ свѣтъ; по выраженію Кондилляка, мы скорѣе сами этотъ свѣтъ, чѣмъ видимъ его. Но все наше дальнѣйшее зрительное познаніе занято тѣмъ, что даетъ намъ этотъ опытъ. И еслибы мы ослѣпли въ этотъ первый моментъ, въ нашихъ знаніяхъ о предметѣ не исчезла бы ни одна изъ его существенныхъ чертъ, пока остается наша память. Въ школахъ для слѣпыхъ, воспитанникамъ сообщаютъ о свѣтѣ столько же, какъ въ обыкновенныхъ школахъ. Изучаютъ тамъ все: отраженіе, преломленіе, спектръ, теорію колебаній эфира и пр. Но наиболѣе свѣдущій слѣпорожденный воспитанникъ такой школы все таки не имѣетъ того знанія, которымъ обладаетъ очень мало обученный зрячій ребенокъ: слѣпому никогда нельзя объяснить, что такое свѣтъ въ его «первичномъ смыслѣ», и недостатку этого чувственнаго познанія не можетъ замѣнить никакой учебникъ. Все это такъ очевидно, что мы обыкновенно находимъ ощущение «заранѣе принятымъ» въ качествѣ элемента опыта, даже у тѣхъ философовъ, которые менѣе всего склонны придавать ему много значенія или относиться съ уваженіемъ къ познанію, которое оно (т. е. ощущение) приноситъ.

Ощущенія отличаются отъ образовъ воображенія. Какъ ощущение, такъ и воспріятіе, при всѣхъ ихъ различіяхъ, сходны между собой въ томъ, что ихъ объекты являются живыми, яркими и находящимися на лицѣ. Объекты же только мышленія, припоминаемые, или воображаемые, наоборотъ, представляются относительно блѣдными и лишенными той остроты или вкуса, того качества реального присутствія, которымъ обладаютъ объекты ощущенія. А такъ какъ корковые мозговые процессы, съ которыми связаны ощущенія, обусловлены токами, приходящими отъ периферіи тѣла, то внѣшній объектъ долженъ возбуждать глазъ, ухо и т. д. прежде, нежели явится ощущение. Съ другой стороны, тѣ корковые процессы, съ которыми связаны чистыя идеи или образы, обусловлены по всей вѣроятности токами, идущими отъ другихъ извилинъ. И такъ, казалось бы, что токи отъ периферіи нормально возбуждаютъ родъ мозговой дѣятельности, который токи отъ другихъ извилинъ неспособны возбудить. Этому роду дѣятельности соответствуетъ качество яркости, присутствія или реальности объекта протекающаго въ сознаніи.

Существованіе во внѣ (отнесеніе внѣ) объектовъ ощущенія. Каждый чувствуемый предметъ или качество чувствуется во внѣшнемъ пространствѣ. Невозможно представить себѣ (постигать) блескъ или цвѣтъ иначе, чѣмъ распространяющимся и внѣшнимъ нашему тѣлу. Звуки также представляются въ пространствѣ. Прикосновенія относятся къ поверхности тѣла, а чувства боли всегда охватываютъ какой-нибудь органъ. Мнѣніе, которое получило большое распространеніе въ психологій, состоитъ въ томъ, что чувствуемые качества прежде всего постигаются въ самомъ умѣ и затѣмъ какъ бы «проектируются» имъ во внѣ при посредствѣ умѣ и интеллектуальномъ или сверхъ-чувственномъ душевномъ актѣ. Но нѣтъ никакихъ основаній для этого мнѣнія. Единственные факты, которые, кажется, служатъ въ пользу его, могутъ быть гораздо лучше истолкованы другимъ образомъ, какъ мы это увидимъ ниже. Истинно первое ощущеніе, получаемое ребенкомъ, есть для него внѣшній міръ. И вселенная, которую ребенокъ узнаетъ въ дальнѣйшей своей жизни, есть не что иное, какъ увеличеніе того перваго простаго зачатка, который съ разрастаніемъ съ одной стороны, съ всасываніемъ съ другой, вырастаетъ такимъ большимъ, сложнымъ и расчлененнымъ, что его первоначальное состояніе нельзя припомнить. Въ своемъ нѣмомъ пробужденіи къ сознанію «о чемъ то здѣсь», о какомъ-то «этомъ» (или о чемъ-нибудь, для чего даже опредѣленіе «это» было-бы, можетъ быть, слишкомъ отличительнымъ, и интеллектуальное засвидѣтельствовавшее чего было бы лучше выражено простымъ междометіемъ «Ай!»), ребенокъ встрѣчаетъ объектъ, въ которомъ (хотя онъ и данъ въ чистомъ ощущеніи) заключаются всѣ «категоріи сужденія». «Онъ (предметъ) имѣетъ влѣшность, объективность, единство, субстанціальность, причинность въ томъ полномъ смыслѣ, въ какомъ этими свойствами обладаетъ какой-нибудь позднѣйшій объектъ или система объектовъ. Здѣсь юный познаватель и пріивѣтствуетъ свой міръ. и чудо познанія, какъ говоритъ Вольтеръ, проявляется столько же въ писшихъ ощущеніяхъ ребенка, какъ и въ высшемъ произведеніи мозга Ньютона.

Физиологическимъ условіемъ этого первичнаго чувственнаго опыта

являются, вероятно, многие нервные токи, приходящие одновременно от различных периферических органов; но это множество органических условий не мешает сознанию быть единым сознанием. Мы увидим впоследствии, что может быть только одно сознание, даже если оно обусловлено взаимодействием многих органов и хотя бы оно являлось сознанием о многих предметах сразу. Объект, который доходит до сознания ребенка через посредство многочисленных приводящих нервных токов, есть одна обширная цветущая и невнятно-шумящая «Спутанность». Эта «Спутанность» является вселенной ребенка. С самого начала до конца она является, как нечто занимающее пространство. Знание о нем имеет в основе ощущение, но по мере того, как в нем различаются частности, и мы узнаем об их соотношениях, наше познание делается воспринимающим или даже строящим.

Интенсивность ощущений. Свет может быть настолько слабым, чтобы не раздвигать чувствительно тьму; звук — настолько тихим, чтобы не быть услышанным; прикосновение — настолько слабым, что мы не замечаем его. Другими словами, требуется некоторая определенная сумма внешних стимулов для того, чтобы вызвать какое-нибудь ощущение их присутствия. Это положение названо Фехнером законом порога сознания: нужно перешагнуть через нечто прежде, чем объект получить вход в сознание. Впечатление «только что» за порогом называется *minimum visibile, audible* и т. д. (т. е. минимумом видимого, слышимого и т. д.). Начиная с этой точки, раз нарастает сила впечатления, усиливается также ощущение, хотя с меньшей скоростью, до тех пор, пока, наконец, ощущение не достигает высшей точки (акме), которую никакое нарастание стимулов не может чувствительно переместить еще выше.

Обыкновенно, уже до «высшей точки» боль начинает примешиваться к специфическому характеру ощущения. Это ясно можно наблюдать в случаях сильного давления, интенсивного жара, холода, света и звука, а в случаях обоняния и вкуса можно наблюдать это, хотя и менее ясно, в том, что здесь нам менее легко увеличивать силу данных стимулов. С другой стороны, все ощущения, как бы неприятны они ни были при очень большой интенсивности своей, доставляют скорее удовольствие, чем что-либо иное, в своих самых низких степенях. Слабо-горький вкус или гнилой запах могут быть по крайней мере интересными.

Закон Вебера. Я сказал, что интенсивность ощущения нарастает более медленными шагами, чем нарастает причина, его возбуждающая. Если бы не было порога ощущения и если бы всякое равное приращение во внешних стимулах вызывало равное приращение во интенсивности ощущения, то простая прямая линия представила бы соотношение между обоими явлениями. Пусть (рис. 1) горизонтальная линия 0, 1, 2, 3 — означает ряд (скалу) интенсивностей объективных (внешних) стимулов, так что 0 соответствует отсутствию всякой интенсивности, 1 — интенсивности 1 и т. д. Пусть вертикали, опущенные с кривой линии OS^1 , означают возбуждаемые ощущения. При 0 не будет никакого ощущения; при 1, ощущение будет представлено данной вертикали S^1 —1, при 2 ощущение будет представлено отрезком S^2 —2 и так далее. Линия S будет подниматься ровно, так как по (нашему) предположению вертикали (т. е.

ощущения) увеличиваются в такой-же самой степени, как горизонтали (т. е. стимулы), которыми вертикали в отдельности соответствуют. Но в природе, как сказано выше, вертикали нарастают более медленно.

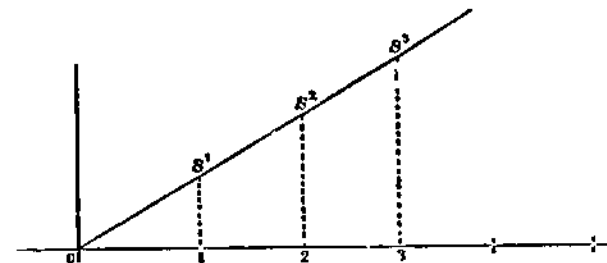


Рис. 1.

Если каждый шаг вперед в горизонтальном направлении до самого конца будет одинаковой величины, то следовательно, каждый шаг вверх в вертикальном направлении будет несколько короче, чем последний; линия ощущений будет выгнутой вверх вместо того, чтобы быть прямой.

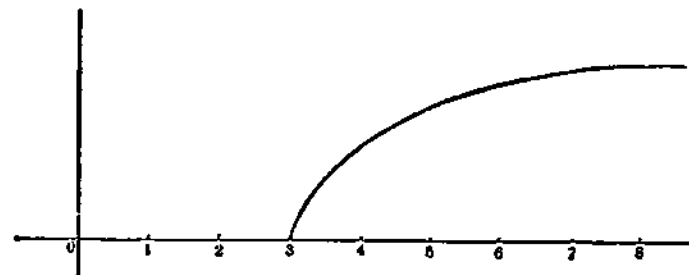


Рис. 2.

Рисунок 2-ой изображает действительное положение вещей; 0 есть нулевая точка для стимулов, а (сознанное) ощущение, представленное кривой линией, не начинается, пока не достигнут «порог», при котором стимул имеет силу 3. Отсюда постепенно ощущение нарастает, но оно нарастает все меньше с каждым шагом, пока, наконец, достигает «высшей точки», где линия ощущений становится прямой. Точный закон этого запаздывания называется законом Вебера, так как он первый наблюдал его на тягестях. Я приведу следующий Вундтом разбор этого закона и фактов, на которых он основан.

«Каждый знает, что в тихую ночь мы слышим звуки, не замечаемые при дневном шуме. Тихое тиканье часов, втерз, циркулирующий в камин, треск стульев в комнате и тысячи других слабых звуков воспринимаются нашим ухом. Так же хорошо известно, что в смыванном гуле улиц или шума железной дороги мы можем не слышать не только того, что говорить нам наши соседи, но даже собственного нашего голоса. Звезды, очень яркие ночью, не видны днем; и хотя мы видим днем луну, она много бледнее в это время, чем ночью.

«Безякий, кто имѣетъ дѣло съ тяжестями, знаетъ, что если къ фунту, находящемуся на рукѣ, прибавить второй фунтъ, разница чувствуется непосредственно; между тѣмъ, если его прибавить къ пуду, мы не замѣчаемъ вовсе разницы...

«Звукъ колокола, свѣтъ звѣзды, давленіе фунтовой гири—это все стимулы нашихъ чувствъ, и стимулы, виѣшній размѣръ которыхъ остается одинъ и тотъ-же днемъ и ночью. Итакъ, чему насъ учатъ эти опыты? Очевидно, тому, что одинъ и тотъ-же стимулъ сообразно обстоятельствамъ, при которыхъ онъ дѣйствуетъ, чувствуется или болѣе или менѣе интенсивно, или вовсе не чувствуется. Какого-же рода это измѣненіе въ обстоятельствахъ, отъ котораго можетъ зависѣть это измѣненіе въ чувствованіи? Обсуждая вопросъ подробно, мы видимъ, что оно (измѣненіе) повсюду одного и того-же рода. Тиканіе часовъ есть слабый стимулъ для нашего слухового нерва, стимулъ, который мы ясно слышимъ (различаемъ), когда онъ одинъ, и котораго не различаемъ, когда онъ присоединяется къ сильному (стимулу) шуму копытъ и къ другимъ дневнымъ шумамъ. Свѣтъ звѣзды есть стимулъ для глаза. Но если возбужденіе, производимое этимъ свѣтомъ, присоединяется къ сильному стимулу отъ дневного свѣта, мы ничуть не почувствуемъ его, хотя мы его ясно чувствуемъ, когда онъ соединяется съ болѣе слабымъ возбужденіемъ отъ сумеречнаго свѣта. Фунтовая гиря есть стимулъ для нашей кожи, который мы чувствуемъ, когда онъ присоединяется къ предыдущему стимулу равной силы, но который исчезаетъ, если онъ соединяется съ стимуломъ въ сорокъ разъ большимъ по счету.

«Итакъ, мы можемъ считать общимъ правиломъ, что стимулъ для того, чтобы быть чувствуемымъ, можетъ быть тѣмъ слабѣе, тѣмъ было слабѣе предшествовавшее возбужденіе органа, но долженъ быть тѣмъ сильнѣе, тѣмъ сильнѣе было предшествовавшее возбужденіе... Самымъ простымъ соотношеніемъ было бы, очевидно, то, что ощущеніе будетъ наростать въ совершенно такой же пропорціи, какъ стимулъ... Но если бы существовало это самое простое изъ всѣхъ соотношеній.... то свѣтъ звѣздъ, на примѣръ, долженъ бы увеличиться при соединеніи съ дневнымъ свѣтомъ такъ-же, какъ это бываетъ при прибавленіи его къ мраку ночного неба, а мы знаемъ, что это не такъ... Такимъ образомъ ясно, что сила ощущеній не наростаетъ пропорціонально суммѣ стимуловъ, но медленнѣе. И теперь является вопросъ, въ какой пропорціи слабѣе наростаетъ приращеніе ощущенія въ сравненіи съ большимъ нарастаніемъ приращенія стимула? Обыденные опыты недостаточны для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Мы нуждаемся въ точныхъ измѣреніяхъ—и суммы различныхъ стимуловъ, и интенсивности самихъ ощущеній.

«Однако, какъ выполнить эти измѣренія, это намъ внушаетъ ежедневный опытъ. Измѣрять силу ощущеній, какъ мы знаемъ, невозможно: мы можемъ измѣрять только разницу ощущеній. Опытъ показываетъ намъ, что совершенно неодинаковыя разницы ощущенія могутъ проходить отъ одинаковыхъ разницъ виѣшняго стимула. Но всѣ эти опыты выражаются въ одномъ родѣ фактовъ, а именно, что въ одномъ случаѣ та же самая разница стимула можетъ быть чувствуема, а въ другомъ—вовсе нѣтъ: фунтъ, прибавляемый къ другому фунту, чувствуется,

а прибавляемый къ центнеру, не чувствуется... Мы можемъ очень быстро добиться результата нашихъ наблюденій, если начнемъ съ произвольной силы стимула (замѣчая, какое ощущеніе онъ даетъ намъ), а затѣмъ наблюдать, насколько мы можемъ усиливать этотъ стимулъ безъ видимаго измѣненія ощущенія. Если мы поведемъ такіа наблюденія надъ стимулами отъ различныхъ абсолютныхъ суммъ, мы будемъ принуждены искать одинаково различнымъ путемъ суммы прибавленія къ стимулу, который способенъ дать намъ чуть-чуть замѣтное чувствованіе большаго. Какой-нибудь свѣтъ, чтобы быть чуть-чуть замѣтнымъ въ сумерки, не долженъ быть почти также сильнымъ, какъ свѣтъ звѣзды. Но онъ долженъ быть много ярче, чтобы быть едва замѣтнымъ въ теченіе дня. Если теперь мы будемъ дѣлать такіа наблюденія надъ всѣми возможными силами различныхъ стимуловъ и отиѣтимъ для каждой силы сумму прибавленія къ послѣдней, требуемую для того, чтобы произвести едва замѣтное измѣненіе ощущенія, то мы будемъ имѣть ряды цифръ, въ которыхъ непосредственно выраженъ законъ, сообразно которому ощущеніе измѣняется, когда усиливается возбужденіе....»

«Особенно легко производить наблюденія, согласно этому методу, въ области свѣта, звука и давленія. Обращаюсь къ послѣднему.

«Мы находимъ неожиданно—простой результатъ. Едва чувствуемое прибавленіе къ первоначальному вѣсу должно находиться строго въ одномъ и томъ же отношеніи къ нему, быть одной и той же дробной частью (долей) его, безразлично, съ какою бы вѣсомъ мы ни производили опыта... Какъ среднее для множества опытовъ съ тяжестью, найдено, что эта доля равна около $\frac{1}{3}$, то есть, безразлично, какое давленіе уже было произведено на кожу,—увеличеніе или уменьшеніе этого давленія будетъ чувствоваться, какъ скоро прибавляемый или отнимаемый вѣсъ доходитъ до трети первоначальнаго вѣса».

Затѣмъ Вундтъ описываетъ, какимъ образомъ могутъ быть наблюдаемы разницы въ мускульныхъ чувствованіяхъ, тепловыхъ, свѣтовыхъ и звуковыхъ, и дѣлаетъ слѣдующее заключеніе:

«Итакъ, мы напалъ, что всѣ чувства, стимулы которыхъ можно точно измѣрять, повинуются однообразному закону. Какъ бы различны ни могли быть ихъ отдѣльныя тонкости различенія, вѣрно изъ всего то, что приращеніе стимула, необходимое для полученія приращенія ощущенія, находится въ постоянномъ отношеніи ко всему стимулу. Цифры, въ которыхъ выражается это отношеніе для отдѣльныхъ чувствъ, могутъ быть представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Ощущеніе свѣта.	
Мускульное ощущеніе	..
Чувство давленія,	}
теплоты,	
звукъ,	
	$\frac{1}{3}$

Эти цифры далеки отъ того, чтобы дать точную мѣру, насколько ее можно желать. Но онѣ, по крайней мѣрѣ, могутъ дать общее понятіе объ относительной, огаичительной восприимчивости различныхъ чувствъ... Этотъ имѣющій большое значеніе законъ, который дастъ въ такой простой формѣ:

соотношение между ощущением и стимулом, вызывающим его, был впервые найден физиологом Эрнестом Генрихом Вебером¹⁾.

Закон Вебера. Другим образом выражают закон Вебера, говоря, что для того, чтобы получить равные положительные приращения к ощущению, должно брать равные относительно приращения к стимулу. Профессор Вебер из Лейпцига основал на закон Вебера теорию численного измерения ощущений, по поводу которой разгорелся продолжительный метафизический спор. Каждое чуть заметное приращение ощущения, когда мы увеличиваем постепенно стимул, было принято Вебером за единицу ощущения, и все эти единицы он принимал равными между собою вопреки тому факту, что равно заметны приращения по разным направлениям образом являлись непременно равно большими. Нисколько фунтов, которые образуют именно чуть заметное прибавление к центнеру, больше чувствуются при прибавлении, чем пять унций к фунту, составляющая также чуть заметное приращение к нему. Вебер игнорировал этот факт. Он разсудил, что если в различных заметных степенях нарастания могли пройти в постепенно нарастающем стимуле от порога до того момента, когда почувствовалась интенсивность s , то, следовательно, ощущение s сложилось из s единиц, которые были одинаковы во всю длину линии²⁾. Раз ощущения представлены в числах, психология может, согласно Веберу, стать «точной» наукой, доступной математическому изучению. Его общая формула получения числа единиц для какого-либо ощущения есть $S = C \log R$, где S означает ощущение, R — стимул, выраженный численно, а C — постоянная, которая должна быть отдельно определена на опыте при каждом отдельном роде чувствительности. Ощущение пропорционально логарифму возбуждения (стимула); в абсолютных значениях, в единицах, каких-либо серий ощущений могли бы быть представлены ординатами кривой на рис. 2, если бы последняя была правильно проведенной логарифмической кривой с порогами, правильно установленными на опытах.

На психо-физическую, как ее называют, формулу Вебера обрушились со всех сторон; но так как абсолютно ничего практического не происходит от нее, то здесь мы не будем распространяться о ней больше. Главным плодом его книги было побуждение к экспериментальному исследованию действительности закона Вебера (который относится только к чуть заметному приращению и ничего не говорит об измерении ощущения, как целого), — и побуждение к употреблению статистических методов. Закон Вебера, как оказывается, когда мы имеем дело с чувствами, только приблизительно подтверждается. Употребление статистических методов необходимо в виду необыкновенных колебаний нашей чувствительности от одного момента до следующего. Именно,

¹⁾ Vorlesungen über Menschen u. Thierseele, Lecture VII.

²⁾ Другими словами, S — обозначает ощущения вообще, а d — приращение его к уже различимое; мы имеем равенство $dS = \text{const}$. Приращение стимула, которое вызывает dS (назовем его dR), между тем, изменяясь, Вебер называет «математическим дифференциальным порогом», и если его относительное значение для R всегда одно и то же, мы имеем равенство $\frac{dR}{R} = \text{const}$.

пайдено, что, когда разница между двумя ощущениями доходит до предела распознаваемости, в один момент мы ее распознаем, а в следующий — нет. Безпрестанный случайный внутренний изгиб не дает возможности показать, каково последнее распознаваемое приращение ощущения, — без обращения к среднему выводу из большого числа опытов. Эти случайные блуждания чувствительности, впрочем, то увеличивают, то уменьшают нашу чувствительность и исключаются при таком среднем выводе; то-есть, находясь в первом случае над чертой ощущения, а во втором — под, в итоге нейтрализуют друг друга, и проявляется нормальная чувствительность, если только есть такая (то есть чувствительность, обусловленная постоянными причинами, в отличие от обусловленной случайными). Методы получения среднего вывода имеют свои трудности и ловушки, и спор о них сдвинулся действительно очень утонченным. В доказательство, как трудны некоторые из статистических методов, и как могут быть терпеливы и мелкие исследователи, я могу сказать, что Вебер сам, испытывая закон Вебера для тяжестей, при помощи так называемого «метода истинных и ложных случаев», внес в таблицы и вычислил не менее 24,576 отдельных суждений (даных).

Ощущения не сложны. Основным возражением на всю попытку Вебера, повидимому, является то, что, хотя видимые причины наших ощущений могут состоять из многих частей, но всякая распознаваемая степень также как всякое распознаваемое качество самого ощущения, повидимому, является единственным фактом сознания. Каждое ощущение есть целое неделимое. «Сильное ощущение», как говорит доктор Мюнстерберг, «не представляет взятого много раз слабого ощущения или суммы нескольких слабых ощущений, но скорее есть нечто совершенно новое и как будто несравнимое, так что искать измеримой разницы между сильными и слабыми звуковыми, световыми или термическими ощущениями покажется на первый взгляд бессмысленным, как пытаться вычислить математически разницу между соевым и кислым или между головной болью и зубной. Ясно, что в более сильном ощущении света не содержится более слабого; не согласно с психологией сказать, что предыдущее отличается от последующего некоторым приращением»¹⁾. Несомненно, наше чувствование алого цвета не есть чувствование розового с прибавленной долей более розового; алый цвет есть нечто совершенно иное, чем розовый. Это подобно нашему ощущению света электрической дуги: он не содержит в себе света многих коптящих свечных светов. Каждое ощущение представляется неделимой единицей; и совершенно невозможно видеть какой-либо ясный переход в явном, что ощущение есть сложная масса единиц.

Нельзя противоречия между этими толкованиями и фактом в том, что, начиная с слабого ощущения и увеличивая его, мы чувствуем все «меньше», «больше» и «больше» по мере увеличения его. Прибавлено еще, сказать, не того же самого вещества; но является все большая и большая разница, все большее и большее расстояние — от начального

пункта, которое мы и чувствуемъ. Въ главѣ о «распознаваніи» мы увидимъ, что разница можетъ быть воспринимаема между простыми вещами. Мы увидимъ также, что разницы сами различаются — существуютъ различныя направленія разницы; и вдоль по одному какому-либо изъ нихъ могутъ быть установлены ряды вещей такъ, чтобы отъ нарастания неизмѣнно въ этомъ направленіи. Въ нѣкоторыхъ такихъ рядахъ конецъ отличается больше отъ начала, чѣмъ середина. Разницы въ «интенсивности» образуютъ одно подобное направленіе возможнаго нарастанія, — поэтому наши сужденія о большей интенсивности могутъ быть объяснены безъ предположенія, что къ нарастающей суммѣ было прибавлено больше единицъ.

Такъ называемый «Законъ относительности». Законъ Вебера является только единичнымъ случаемъ еще болѣе широкаго закона, по которому чѣмъ на большее мы обращаемъ вниманіе, тѣмъ менѣе мы способны замѣчать какую-нибудь деталь. Законъ этотъ очевиденъ тамъ, гдѣ вещи отличаются по природѣ. Какъ легко мы забываемъ физическое недомоганіе, когда бесѣда становится горячей; какъ мало мы обращаемъ вниманіе на шумъ въ комнатѣ, пока насъ поглощаетъ наша работа! *Ad plura intentus minus est ad singula sensus*, говоритъ древняя пословица. Теперь можно было-бы прибавить, что однородность того, на что мы обращаемъ вниманіе, не измѣняетъ результата; но что въ сознаніи съ двумя сильными ощущеніями одного и того же рода, еще прежде, чѣмъ оно лишено способности, благодаря ихъ суммѣ, замѣчать мелочь въ разницѣ между ними, которую оно желало бы непосредственно постигнуть, самыя ощущенія этой мелочи были бы слабѣе и, слѣдовательно, одарены были бы менѣе отвлекающей силой.

Эта частная идея можетъ быть принята отчасти¹⁾, а именно: несомнѣнный общій фактъ, что психическое дѣйствіе приводящихъ токовъ зависитъ отъ того, что другіе токи могутъ приходить одновременно. Не только восприимчивость предмета, которую токъ приноситъ къ сознанію, но и качество его измѣняются подъ вліяніемъ другихъ токовъ. «Одновременныя²⁾ ощущенія видоизмѣняютъ другъ друга», вотъ краткое выраженіе этого закона. «Мы чувствуемъ всѣ вещи въ отношеніи ихъ другъ къ другу», вотъ неопредѣленная формула Вундта для этого общаго «закона относительности», который въ той или другой формѣ получилъ известность въ психологіи со временъ Гоббса. Много тактистическаго предполагалось о немъ, но хотя мы, разумѣется, не знаемъ о болѣе запутанныхъ процессахъ, связанныхъ съ нимъ, однако, повидимому, нѣтъ основанія сомнѣваться, что они — физиологической природы и происходятъ отъ интерференціи одного тока съ другимъ. Токи, интерферировавшіе другъ съ другомъ, естественно производятъ видоизмѣненное ощущеніе.

¹⁾ Я заимствую это изъ Ziehen'a: *Leitfaden d. Physiologischen Psychologie*. 1901, p. 36, который цитируетъ толкованіе объ этомъ Гершлага.

²⁾ Последовательныя во времени ощущенія — также; но я рассматриваю только одновременныя для простоты.

Примѣры подобнаго видоизмѣненія легко найти¹⁾. Взятыя поты пріятнѣе, когда они составляютъ аккордъ, какъ и цвѣта, гармонично составленныя. Нѣкоторая часть кожи при погруженіи въ горячую воду чаетъ воспріятіе нѣкоторой теплоты; при болѣешемъ погруженіи кожи ощущеніе болѣе интенсивно, хотя, разумѣется, теплота воды остается та же самая. Подобно этому, существуетъ «хроматическій минимумъ» величины объектовъ. Они, отбрасывая на сѣтчатку изображеніе, вѣроятно, должны возбуждать достаточное количество нервныхъ волоконъ, безъ чего не дадутъ вовсе ощущенія цвѣта. Веберъ замѣтилъ, что талеръ, положенный на кожу лба, кажется (чувствуется) болѣе тяжелымъ, когда онъ холодный, чѣмъ когда онъ теплый. Урбанчикъ нашелъ, что всѣ наши органы чувствъ вліяютъ взаимно на ощущенія. Цвѣтъ окрашенныхъ лоскутковъ, на столько удаленныхъ, что онъ не могъ быть отличенъ, былъ распознанъ его паціентами отчетливо, когда зазвучать камертонъ близъ ихъ уха. Самыми обычными примѣрами въ направленіи этого рода, кажется, есть — усиленіе боли отъ шума или вѣта и усиленіе тошноты отъ всѣхъ сопутствующихъ ощущеній.

Дѣйствіе контраста. Наиболѣе известными примѣрами того направленія, въ которомъ одинъ нервный токъ видоизмѣняетъ другой, служатъ явленія, извѣстныя подъ названіемъ «одновременнаго цвѣтового контраста». Возьмемъ нѣсколько листовъ ярко и различно окрашенной бумаги; положимъ на каждую изъ нихъ по кусочку одной и той же сѣрой бумаги; затѣмъ покроемъ каждый листъ какой-нибудь прозрачной бѣлой бумагой, которая смягчаетъ видъ (цвѣтъ) сѣрой бумаги и окрашеннаго фона. Сѣрый клочекъ представится въ каждомъ (отдѣльномъ) случаѣ окрашеннымъ въ дополнительный²⁾ къ фону цвѣтъ; и столь различными представятся эти отдѣльные кусочки бумаги, что ни одинъ зритель, пока онъ не подыметъ прозрачную бумагу, не повѣритъ тому, что всѣ кусочки вырѣзаны изъ одной и той же сѣрой бумаги. Гельмгольдъ объяснилъ эти результаты, какъ состояніе, обусловленное ложнымъ приложеніемъ укоренившейся привычки, — именно привычки принимать во вниманіе цвѣтъ той среды, черезъ которую видны предметы. Одинъ и тотъ же предметъ въ голубоватомъ свѣтѣ яснаго неба, при красновато-желтомъ свѣтѣ свѣчи, при темно-коричневомъ свѣтѣ, отраженномъ на окружающіе предметы отъ стола изъ полированного краснаго дерева, всегда считается окрашеннымъ въ свой собственный цвѣтъ, который умъ добавляетъ къ (видимому цвѣту) внѣшности изъ своего собственнаго знанія, исправляя этихъ поддѣлку, произведенную средой. Въ случаѣ съ листами бумаги, согласно Гельмгольцу, умъ вѣритъ, что цвѣтъ фона, смягченный прозрачной бумагой, блѣдно распространяется

¹⁾ В нѣкоторыхъ случаяхъ, когда зеленый свѣтъ и красный, на примѣръ, падаютъ одновременно на сѣтчатку, даютъ ощущеніе желтаго; но я не рассматриваю его, такъ какъ нѣтъ нѣкоторыхъ токи въ данномъ случаѣ вліяютъ на различныя волокна зрительнаго нерва.

²⁾ Дополнительнымъ цвѣтомъ называется такой, который въ соединеніи съ даннымъ даетъ бѣлый. Такъ, напр., красный и темно-голубой, голубой и оранжевый, синий и желтый и т. д., суть взаимно дополнительные цвѣта, т. е. если сдѣлать каждую пару, то получимъ бѣлый или бѣловатый цвѣтъ. Необходимо замѣтить, что здѣсь говорится о смѣшеніи цвѣтовъ, а не красокъ; при смѣшеніи красокъ получается другой результатъ, благодаря поглощенію цвѣтныхъ лучей слоями краски. Ред.

и надъ сѣрымъ кускомъ. Но, чтобы видѣть этотъ кусокъ сѣрымъ сквозь такую окрашенную перепонку, онъ долженъ быть, въ действительности, цвѣта дополнительнаго къ цвѣту перепонки. И такъ какъ, по нашему безсознательному мнѣнью, онъ долженъ быть окрашенъ въ дополнительный цвѣтъ, то мы и продолжаемъ его видѣть именно такъ окрашеннымъ.

Эта теорія показала Герингу не выдерживающей критики. Разсмотрѣние указанныхъ имъ фактовъ слишкомъ мелочно для повторенія его здѣсь; достаточно сказать, что они доказываютъ физиологическій характеръ этого случая, и того рода, при которомъ, когда чувствительные нервные тѣла идутъ вмѣстѣ, дѣйствіе каждаго на сознание отлично отъ того, которое было-бы, если-бы они шли отдѣльно.

«Послѣдовательный контрастъ» отличается отъ измѣненій въ цвѣтахъ, дѣйствующихъ на насъ одновременно, и полагаютъ, что онъ обусловленъ утомленіемъ. Факты (относящіеся къ этому явленію) будутъ отмѣчены подъ рубрикой «послѣ-изображенія», въ отдѣлѣ о зрѣніи. Какъ бы то ни было, это должно породить мысль, что «послѣ-изображенія» отъ предшествовавшихъ ощущеній могутъ существовать вмѣстѣ съ настоящими ощущеніями, и что тѣ и другія могутъ видоизмѣнять другъ друга, точь въ точь какъ сосуществующіе (т. е. одновременные) процессы ощущенія.

И другія чувства, кромѣ зрѣнія, представляютъ явленія контраста, но послѣднія настолько менѣе ясны, что я не упомяну здѣсь о нихъ. Итакъ мы можемъ перейти къ очень краткому обзору различныхъ чувствъ въ отдѣльности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зрѣніе.

Строеніе глаза описано во всѣхъ учебникахъ по анатоміи. Я упомяну только о нѣсколькихъ пунктахъ, имѣющихъ интересъ для психолога¹⁾. Глазъ представляетъ сплюснутый шаръ, образуемый твердой бѣ-

¹⁾ Изучающій психологию можетъ легко проверить болѣе простыя данныя анатоміи глаза на глазѣ молодого быка, который онъ достанетъ у всякаго мясника. Прежде всего надо очистить глазъ отъ жира и мышцъ и изучить его форму и пр., а затѣмъ (слѣдуя методу Гольдвинга Берда) сдѣлать острый скальпелемъ надрѣзъ въ склеротикѣ (внѣшней твердой оболочкѣ) на полдюйма отъ края роговой оболочки такимъ образомъ, что обнаруживается черная сосудистая оболочка. Затѣмъ лезвиемъ ножницъ, введеннымъ въ это отверстіе, надо перерѣзать насквозь склеротику, сосудистую оболочку и сѣтчатку (избѣгая поранить оболочку стекловиднаго тѣла) вокругъ всего глазного яблока, параллельно краю роговой оболочки.

Такимъ образомъ глазное яблоко будетъ раздѣлено на двѣ части: переднюю заключающую радужную оболочку, хрусталикъ, стекловидное тѣло и т. д., между тѣмъ, какъ задняя часть содержитъ больше всего сѣтчатку. Обѣ части могутъ быть отдѣлены посредствомъ погруженія глазного яблока въ воду, роговой оболочкой книзу, и простого отрыванія той части, съ которой связанъ зрительный нервъ. Когда это отдѣленное заднее полушаріе плавать въ водѣ, будетъ видна

лой оболочкой (склеротикой), въ которой замкнуты внутри — первая по верхности и въкоторыя преломляющіе элементы (хрусталикъ и «влагли») эти элементы отбрасываютъ на первую поверхность изображеніе внѣшняго міра

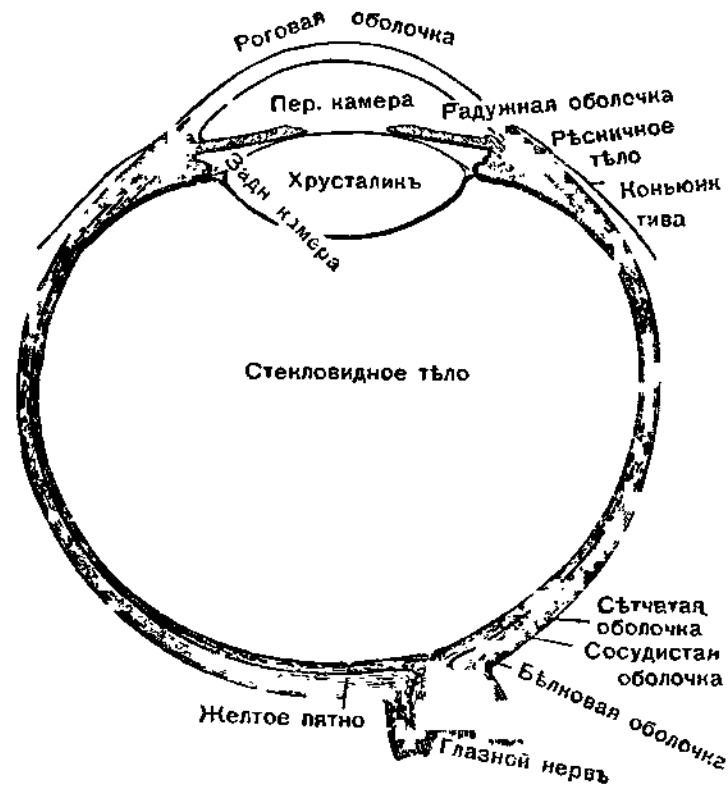


Рис. 3.

Глазъ, дѣйствительно, представляетъ маленькую камеру - обскуру, существенной частью которой является чувствительная пластинка.

Для сѣтчатки, распростертая на сосудистой оболочкѣ (которая у быковъ — вся нѣсколько радужной); а повернувъ эту воловину глаза внутренней поверхностью наружу и очистивъ ее подъ водою щеткой пль верблюжьей шерсти, мы сможемъ обнажить сосуды и верну глазного яблока.

Послѣ этого можно обратиться къ передней части глазного яблока. Нужно захватить щипцами со всѣхъ сторонъ край склеротики и сосудистой оболочки (не включая сѣтчатку), приподнять глазъ, такимъ образомъ удерживаемый щипцами, и осторожно трясги его до тѣхъ поръ, пока стекловидное тѣло, хрусталикъ, капсула (или сумка), связка и проч. не вывадутъ въ силу пчь тяжести и ... отдѣлятся отъ радужной оболочки, рѣсничныхъ отростковъ, роговой оболочки и склеротикъ, которая останется на щипцахъ. Пслѣдуютъ эти послѣдніе

Сѣтчатка именно соответствуетъ этой пластинкѣ. Зрительный нервъ проходитъ сквозь склеротическій слой и распространяетъ свои волокна, въ видѣ радусовъ, по всѣмъ направленіямъ на внутренней поверхности склеротики, образуя тонкую просвѣчивающую плену (см. рис. 3, сѣтч. об.). Волокна нерва входятъ въ сложный аппаратъ клетокъ, зернышекъ и развитѣній (рис. 4) и, наконецъ, оканчиваются въ такъ называемыхъ палочкахъ и колбочкахъ (рис. 4,—9), являющихся специфическими органами для воспріятія дѣйствія свѣтовыхъ лучей. Отрочно сказать, по эти конечные органы не направлены впередъ къ свѣту, когда онъ струится черезъ зрачокъ, но назадъ, къ самой склеротикѣ, такъ что лучи свѣта проходятъ просвѣчивающія нервныя волокна, клеточные и зернистые слои сѣтчатки прежде, чѣмъ они достигаютъ самихъ палочекъ и колбочекъ (см. рис. 5).

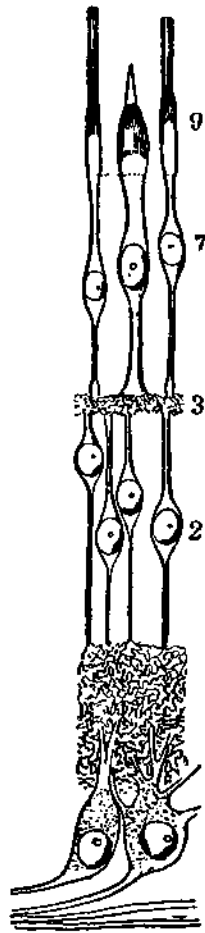


Рис. 4

Слѣпое пятно. Итакъ, зрительныя нервныя волокна не должны быть непосредственно воспримчивы къ свѣту. Дѣйствительно, мѣсто, гдѣ нервъ входитъ, является совершенно слѣпымъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ нервныхъ волоконъ, остальные же слои сѣтчатки начинаются лишь вокругъ этого мѣста входа нервовъ. Ничего нѣтъ легче, чѣмъ доказать существованіе этого слѣпого пятна. Закройте правый глазъ и смотрите

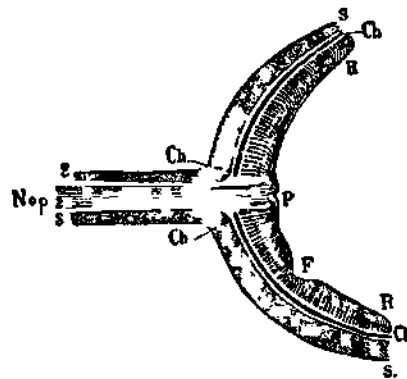


Рис. 5. Схема волоконъ сѣтчатки, по Киссу. Кор.—зрительный нервъ; Ск.—склеротика; Сѣтч.—сосудистая об.; Р—сѣтчатка; F—палочка; F—желтое пятно.

часть и бросимъ взглядъ на рѣсничный мускулъ, который представляется бѣлой линіей, когда сосудистая оболочка, при помощи щетки изъ верблюжьей шерсти и скальпеля, отдѣлена насколько возможно далеко впередъ, отъ склеротики. Обратившись къ частямъ, которыя прилежатъ къ стекловидному тѣлу, можно замѣтить свѣтлое кольцо вокругъ хрусталика и расходящіеся лучами наружу отъ него знаки рѣсничныхъ отростковъ, оставленные передъ тѣмъ, какъ они оторвались отъ поддерживающей ихъ связки.

упорно лѣвымъ глазомъ на крестъ на рис. 6, держа книгу вертикально противъ лица и двигая ее туда и сюда. Вы найдете, что на разстояніи около фута черный кругъ исчезнетъ; но если страница эта будетъ ближе

+

Рис. 6.

(къ глазу) или дальше, онъ будетъ виденъ. Въ теченіе опыта взглядъ долженъ оставаться прикованнымъ къ кресту. Измѣреніемъ легко показать, что это слѣпое пятно находится тамъ, гдѣ входитъ зрительный нервъ.

Желтое пятно. Въ слѣпое пятно чувствительность сѣтчатки не повсюду одинакова. Больше всего она въ желтомъ пятнѣ, маленькомъ углубленіи, лежащемъ не вдалекѣ отъ мѣста входа зрительнаго нерва, и вокругъ котораго направляются радіально нервныя волокна, не проходя поверхъ него. Остальные слои, слѣдовательно, отсутствуютъ въ желтомъ пятнѣ, такъ что здѣсь сѣтчатка состоитъ только изъ однихъ колбочекъ. Чувствительность сѣтчатки прогрессивно уменьшается по направленію къ ея периферіи, вслѣдствіе чего на ней ни цвѣтъ, ни форма, ни число впечатлѣній не могутъ быть хорошо распознаны.

При нормальномъ пользованіи обоими нашими глазами, глазныя яблоки вращаются такъ, что заставляютъ оба изображенія какого-нибудь предмета привлечь наше вниманіе, упасть на оба желтыхъ пятна, какъ на мѣста самаго остраго зрѣнія. Какъ всякій можетъ замѣтить, это происходитъ не произвольно. Дѣйствительно, почти невозможно не «повернуть глазъ» въ тотъ мигъ, когда какой-нибудь вѣщій предметъ привлекаетъ наше вниманіе (поворачиваніе глазъ есть только другое названіе для такого вращенія глазныхъ яблокъ, когда оно подставляетъ оба желтыхъ пятна подъ изображеніе предмета).



Рис. 7.

Теперь можно воспользоваться тонкой капиллярной трубкой для того, чтобы надуть свѣтлое кольцо какъ разъ ниже буквы р на рис. 3 и такимъ образомъ наружить самую поддерживающую связку.

Всѣ эти части могутъ быть видны на разрѣзѣ въ замороженномъ или мотетическомъ въ спирту глазѣ.

Аккомодация. Перемишение изображений предмета въ фокусъ, преломляющихъ элементовъ,—то есть, дѣланіе этого изображенія болѣе яснымъ,—совершается при помощи спеціальнаго аппарата. Какъ во всякой камерѣ-обскурѣ, чѣмъ дальше отъ глаза предметъ, тѣмъ болѣе впереди отброшено его изображеніе, и чѣмъ ближе къ глазу предметъ, тѣмъ болѣе кади находится его изображеніе. Въ фотографическихъ камерахъ задняя стѣнка сдѣлана подвижной и можетъ быть отодвинута отъ объектива, когда предметъ, отбрасывающій изображеніе, близко, и—подвинута впередъ, когда предметъ находится далеко. Такимъ образомъ, изображеніе получается всегда яснымъ. Но такое измѣненіе длины самой камеры невозможно въ глазномъ яблокѣ, и тотъ же самый результатъ достигается инымъ образомъ. Именно, хрусталикъ дѣлается болѣе выпуклымъ, когда смотрятъ на близкій предметъ, и болѣе плоскимъ, когда предметъ отдаленъ. Это измѣненіе обусловлено антагонизмомъ (борьбой) круговой «связки», на которой подвѣшенъ хрусталикъ, съ «рѣсничнымъ мускуломъ». Когда рѣсничный мускулъ въ покой, связка принимаетъ настолько растянутую форму, что дѣлаетъ хрусталикъ болѣе плоскимъ. Но хрусталикъ въ высокой степени эластиченъ; и онъ переходитъ въ болѣе выпуклую форму, естественную для него, всякій разъ, какъ рѣсничный мускулъ, сокращаясь, заставляетъ связку ослабить ея давленіе. Сокращеніе этого мускула, дѣлая, слѣдовательно, хрусталикъ болѣе преломляющимъ, приспособляетъ глазъ къ близкимъ предметамъ («аккомодируетъ» его къ нимъ, какъ мы говоримъ); а его растяженіе, наоборотъ, дѣлая хрусталикъ менѣе преломляющимъ, приспособляетъ глазъ къ видѣнію вдаль. Такимъ образомъ, аккомодация къ близкому предмету является болѣе активнымъ измѣненіемъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ сокращеніе рѣсничнаго мускула. Когда мы смотримъ вдаль, мы просто оставляемъ наши глаза пассивными. Мы чувствуемъ эту разницу въ усилии, когда мы сравниваемъ оба ощущенія: отъ приспособленія къ далекимъ и къ близкимъ предметамъ.

Конвергенція (сведеніе осей обоихъ глазъ) сопровождается аккомодацией. Оба глаза дѣйствуютъ, какъ одинъ органъ; то есть, когда предметъ привлекаетъ вниманіе, оба глазныхъ яблока поворачиваются такъ, что изображенія предмета могутъ упасть на желтые пятна. Когда предметъ находится вблизи, онъ, естественно, требуетъ, чтобы глаза повернулись внутрь, то есть конвергировали; а такъ какъ въ то же время происходитъ также и аккомодация, то оба движенія—конвергенціи и аккомодации—образуютъ естественно ассоцірованную пару, изъ которой каждое отдѣльное движеніе трудно выполнить. Актъ аккомодации сопровождается также сокращеніемъ зрачка. Когда мы обратимся къ стереоскопическому видѣнію, окажется, что при большомъ навыкѣ можно научиться конвергировать съ ослабленной аккомодацией и аккомодировать съ параллельными осями зрѣнія. Выполненіе этого изучающій психологическую оптику найдетъ очень полезнымъ для себя.

Какъ получается одно изображеніе при двухъ сѣтчаткахъ. Мы слышимъ обоими ушами только одинъ звукъ и обоняемъ обонимъ поздравъ только одинъ запахъ; точно также обоими глазами мы видимъ только одинъ предметъ. Разница заключается въ томъ, что мы также мо-

жемъ видѣть вдвойнѣ при извѣстныхъ условіяхъ, между тѣмъ какъ ни при какихъ условіяхъ мы не можемъ слышать или обонять вдвойнѣ. Главныя условія одинаго зрѣнія могутъ быть легко объяснены.

Прежде всего, впечатлѣнія, полученные сразу, на двухъ желтыхъ пятнахъ всегда кажутся являющимися на одномъ и томъ же мѣстѣ. Искусственно никакъ нельзя сдѣлать, чтобы они казались лежащими одно рядомъ съ другимъ, пока они оба остаются на желтыхъ пятнахъ. Результатомъ является то, что одинъ предметъ, отбрасывающій свои изображенія на желтые пятна обоихъ конвергирующихъ глазныхъ яблокъ, необходимо покажется всегда именно однимъ предметомъ. Кроме того, если глазные яблоки, вмѣсто конвергирования, будутъ оставаться параллельными, и два одинаковыхъ предмета, одинъ насупротивъ другого, отбрасываютъ свои соответствующія изображенія на желтые пятна, то оба эти предмета покажутся также однимъ или (на обыкновенномъ языкѣ) «ихъ изображенія сольются». Чтобы проверить это, пусть читатель смотритъ пристально передъ собою, какъ бы въ безконечное пространство сквозь бумагу съ черными пятнышками на рис. 8, приходящимися соответственно противъ его глазъ. Онъ увидитъ тогда, что оба черныхъ пятна сливаются какъ бы вмѣстѣ и соединяются въ одно, которое кажется расположеннымъ между ихъ первоначальными мѣстами и какъ бы лежитъ противъ корня носа.

Это получившееся отъ слиянія пятно является результатомъ отъ пятенъ, лежащихъ противъ обоихъ глазъ, но видимыхъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. А, въ добавленіе къ этому скомбинированному пятну, каждый глазъ видитъ также пятно, противоположащее другому глазу. Для праваго глаза оно является слѣва отъ сливагося пятна, для лѣваго—справа, такъ что видны три пятна, изъ которыхъ среднее видно обоими глазами и имѣетъ по бокамъ два другихъ пятна, каждое видимое однимъ глазомъ. Что факты таковы, можно удостовѣриться,

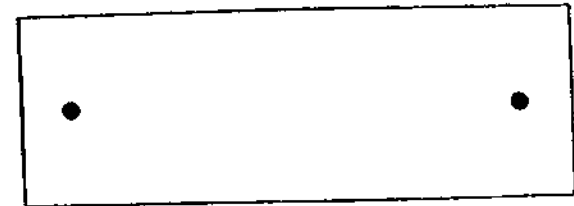


Рис. 8.

помѣщая посрединѣ рисунка, поперекъ, какой-нибудь узкій непрозрачный предметъ (напр., карту) такъ, чтобы онъ мѣшалъ видѣть одно изъ пятенъ на рисункѣ другому глазу. Вертикальная перегородка въ средней плоскости, идущая отъ бумаги къ носу, дѣйствительно, удалитъ видѣніе каждымъ глазомъ пятна, лежащаго противъ него, и такимъ образомъ будетъ видно только одно слившееся пятно¹⁾.

Если вмѣсто двухъ одинаковыхъ пятенъ мы возьмемъ два различныхъ рисунка или два различно окрашенныхъ пятна, въ качествѣ объектовъ зрѣнія для обоихъ желтыхъ пятенъ, то они тѣмъ не менѣе будутъ видны на одномъ и томъ же мѣстѣ, но такъ какъ они не могутъ казаться

¹⁾ Эта вертикальная перегородка введена въ спектроскопахъ, которые въ протѣкшіе случаи дали бы намъ три изображенія вѣсего одного.

однимъ предметомъ, то они будутъ появляться здѣсь, попеременно сѣняя другъ друга въ полѣ зрѣнія. Это явленіе называется борьбой сѣтчатокъ или борьбой полей зрѣнія¹⁾.

Что касается частей сѣтчатки, лежащихъ кругомъ желтыхъ пятенъ, то тамъ существуетъ подобное же соотвѣтствіе. Всякое впечатлѣніе на верхнюю половину одной изъ сѣтчатокъ заставляетъ насъ видѣть предметъ ниже горизонта, а на нижнюю—выше горизонта; впечатлѣніе на правой сторонѣ одной изъ сѣтчатокъ даетъ намъ изображеніе предмета слѣва отъ средней линіи, а на лѣвой—справа отъ этой линіи. Слѣдовательно, каждый квадрантъ (четверть круга) одной сѣтчатки соотвѣтствуетъ, какъ цѣлое, геометрически подобному квадранту другой сѣтчатки, и внутри двухъ подобныхъ квад-



Рис. 9.

рантовъ, напримѣръ al и ag, должны были бы быть, если бы соотвѣтствіе было выведено подробно, геометрически-подобныя точки, которыя въ томъ случаѣ, если онѣ возбуждаются въ одно и то же время свѣтомъ, испускаемымъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, сдѣлаютъ то, что предметъ покажется въ одномъ и томъ же направленіи для каждаго глаза. Опытъ подтверждаетъ это предположеніе. Если мы смотримъ на звѣздный сводъ параллельно направленными глазами, то каждая звѣзда видна въ отдаленности, а законы перспективы показываютъ, что при этихъ условіяхъ параллельно идущіе отъ каждой звѣзды лучи свѣта²⁾ должны попасть внутри каждой сѣтчатки въ точки, которыя геометрически подобны другъ другу. Подобнымъ образомъ, два стекла очковъ, находящихся на дюймъ или около этого отъ глазъ, кажутся однимъ большимъ стекломъ посрединѣ. Мы можемъ также сдѣлать опытъ, аналогичный опыту съ пятнами. Если мы возьмемъ два совершенно одинаковыхъ рисунка, не больше тѣхъ, которые вставляются въ стереоскопъ, и если мы будемъ смотрѣть на каждый изъ нихъ, соотвѣствующимъ ему, однимъ глазомъ (ограничивая поле зрѣнія средней перегородкой), мы увидимъ одинъ плоскій рисунокъ, всѣ части котораго являются въ единственномъ числѣ. Такъ какъ возбуждаются «тождественныя точки сѣтчатокъ», то оба глаза видятъ свой

¹⁾ Если на мѣстѣ одного пятна нарисовать что-нибудь, что дополняется рисункомъ на мѣстѣ другого пятна, то оба рисунка соединятся въ одинъ. Напр., если на одномъ нарисовать кружокъ, а на другомъ звѣзду, то вы увидите звѣзду, нарисованную внутри круга; если на одномъ нарисуете очертаніе аба, носа и губъ, а на другомъ (въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ) бровь, глазъ, усы и т. д., то при сдвинутіи увидите цѣлое лицо.

²⁾ Звѣзды находятся такъ далеко отъ насъ, что ихъ лучи, доходящіе до земли, представляютъ какъ-бы совершенную параллельность.

объектъ въ одномъ и томъ же направленіи, и въ результатѣ оба предмета соединяются въ одинъ.

Здѣсь опять, если рисунки отличаются другъ отъ друга, мы наталкиваемся на борьбу сѣтчатокъ (полей зрѣнія). И должно замѣтить, что когда опыты сдѣланы въ первый разъ, слившійся рисунокъ является всегда далеко не яснымъ. Это обусловлено упомянутою раніе трудностью accommodations къ чему-нибудь на такомъ близкомъ разстояніи, какъ въ поверхности бумаги, между тѣмъ какъ конвергенція ослаблена настолько, что каждый глазъ видитъ рисунокъ противъ себя.

Двойныя изображенія. Поэтому непосредственнымъ слѣдствіемъ закона тождественнаго мѣстоположенія изображеній, падающихъ на геометрически сходныя точки, является то, что изображенія, которыя падаютъ на геометрически несходныя точки обѣихъ сѣтчатокъ, будутъ видны въ разныхъ направленіяхъ, и, слѣдовательно, ихъ объекты покажутся въ двухъ мѣстахъ, то есть, будутъ видны двойными. Возьмемъ лучи, параллельно идущіе отъ одной звѣзды, падающіе на оба глаза, которые въ то же время конвергируютъ на близкій предметъ, O, вмѣсто того, чтобы быть параллельными, какъ въ выше приведенномъ случаѣ. Оба желтыхъ пятна получатъ изображенія отъ O, которыя, слѣдовательно, сольются въ одно. Итакъ, если SL и SR на рис. 10 представляютъ параллельные лучи, то каждый изъ нихъ упадетъ на ту носовую половину сѣтчатки, которая ему подлѣжитъ. Но обѣ носовыя (т. е. находящіяся ближе къ носу) половины несходны, онѣ геометрически симметричны, но не геометрически подобны. Поэтому изображеніе звѣзды въ лѣвомъ глазу покажется какъ бы лежащимъ влѣво отъ O, а изображеніе ея въ правомъ глазу покажется справа отъ этой точки. Однимъ словомъ, звѣзда будетъ видна двойной — «гомонично-двойной»¹⁾.

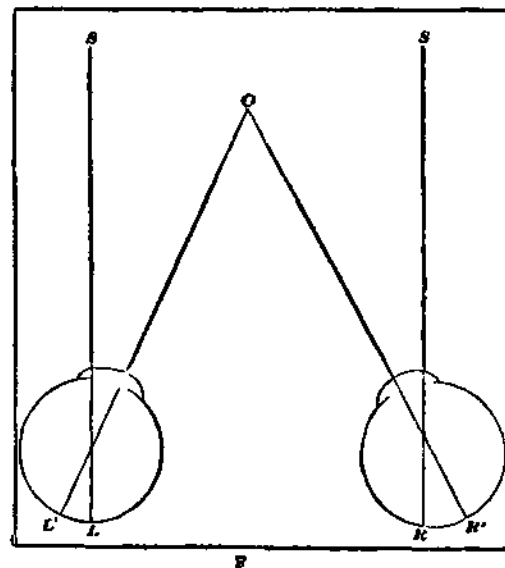


Рис. 10.

¹⁾ Этотъ опытъ можно продѣлать просто. Поставьте въ некоторомъ разстояніи отъ себя свѣчу, а затѣмъ другую поблизу отъ своего лица: если вы будете смотрѣть на ближайшую обоими глазами, т. е. сводя на нее оси обоихъ глазъ, то дальняя явится въ васъ двойной, по бокамъ ближайшей, потому что ея изображения попадутъ на мѣста сѣтчатки, не соотвѣтствующія другъ другу. Можно сдѣлать обратный опытъ, смотря обоими глазами на дальнюю свѣчу. Тогда ближняя явится двойной по той же причинѣ.

Обратно, если на звезду смотреть прямо с параллельными осями (зрения), то какой-нибудь близкий предмет, как 0, будет видимым в двойном виде, так как его изображения будут возбуждать вышние (т. е. более близкие к сетчатке) половины обеих сетчаток вместо того, чтобы возбуждать одну вышнюю и одну носовую половину. Положение изображений здесь будет обратное тому, какое было в предыдущем случае. Теперь изображение в правом глазу покажется слева, изображение в левом — справа; двойные изображения будут «гетерономными».

То же самое рассуждение и тот же их результат должно применить там, где местоположение предмета по отношению к направлению обеих зрительных осей таково, что его изображения падают не на несходные половины сетчатки, а на не подобные части сходных половин. Конечно, здесь видимые положения будут не так сильно разниться, как в предыдущем случае, и двойные изображения покажутся лежащими не так далеко друг от друга.

Тщательные опыты, произведенные многими наблюдателями согласно так называемому «гагпескопическому» методу, подтверждают этот закон и показывают, что на обеих сетчатках существуют точки, соответствующие одному и тому же зрительному направлению. Для подробного ознакомления с этими опытами надо обратиться к специальным трактатам.

Видные рельефности. Предыдущее описание бинокулярного зрения¹⁾ следует так называемой теории тождественных точек. В целом она излагает факты правильно. Станным представляется только то, что мы кажемся так мало смущенными бесчисленными двойными изображениями, которые мы должны постоянно получать от предметов более близких и более далеких, чем наблюдаемая нами точка. Ответом на это является то, что мы воспитали в себе привычку невнимания к двойным изображениям. Насколько предметы интересуют нас, мы обращаем наши желтые пятна к ним, и предметы необходимо дают одно изображение: так что если какой-нибудь предмет возбуждает несходственные точки, это можно принять за доказательство, что он не имеет для нас такого значения, чтобы была надобность замечать, видится ли он нам в одном месте или в двух. При большом навыке можно приобрести большое умение обнаруживать двойные изображения, хотя, как говорят некоторые, это — такое искусство, которому вполне научиться нельзя ни в один год, ни в два.

В тех случаях, когда существует несходство изображений, получаемых в обоих глазах от одного и того же предмета²⁾, несходство хотя бы незначительное, — почти невозможно видеть их как бы в

¹⁾ Т. е. зрением двумя глазами. Ред.

²⁾ Напр., когда мы смотрим на разрисованный статист, то правый глаз видит неизбежно большее пространство его правой стороны, а левый — его левой стороны. Поэтому, в каждом глазу являются изображения не тождественные. То же будет, если мы смотрим на дом, находящийся в некотором расстоянии, или на какой-нибудь предмет: передний план предмета будет одинаков для обоих глаз, но не боковые его стороны. Ред.

двойном виде; скорее они дают восприятие рельефного предмета. Чтобы подтвердить наши положения, возьмем рис. 11. Предположим, что мы



Рис. 11.

смотрим на точки, находящиеся в средине линий *a* и *b*, именно так, как мы смотрели на кружки на рис. 8. Мы получим тот же результат, то есть точки сольются в средней линии. Но сами линии целиком не сольются вследствие того, что, благодаря их наклонению, их верхние концы падают на височные половины сетчатки, а их нижние концы — на носовые; и в результате мы увидим две скрещенные линии по средине, как на рис. 12.



Рис. 12.

В тот момент, когда мы обращаем внимание на верхние концы этих линий, наши желтые пятна во всяком случае стремятся покинуть точки, изображенные на средине линий, и подвинутся вверх и при совершении этого будут несколько конвергировать, следуя за линиями, которые поэтому покажутся сливающимися у верхушки, как на рис. 13.

Если, наоборот, мы обращаем внимание на нижние концы, то глаза опускаются и расходятся, а концы линий будут, наоборот, сходиться, попадая на желтые пятна, и мы увидим то, что изображается на рис. 14.



Рис. 13.

Рис. 14.

Следование наших глаз вверх и вниз по линиям, заставляет линии сходиться и расходиться (конвергировать и дивергировать) точно так, как это было бы, если бы глаза следили вверх и вниз за одной какой-нибудь линией, верхний конец которой был бы к нам ближе, чем нижний. Если же наклон этих линий (на рис. 11) будет незначительным, то мы в то время, когда смотрим на их срединную точку, не будем их видеть в отдаленности, но увидим слившимися в одну линию во всей их длине. При этих условиях их верхний конец как бы близок к нам, а нижний — другим словами, мы видим линии стереоскопически; и мы видим их так даже тогда, когда наши глаза строго выжмы. Иначе говоря, незначительное несоответствие в нижних концах, вызывающее расхождение желтых пятен — (дивергенцию), заставляет нас видеть эти концы дальше; незначительное несоответствие в верхних концах, вызывающее схождение (конвергенцию) заставляет нас видеть эти концы ближе той точки, на которую мы смотрим.

Однимъ словомъ, эти несоответствія дѣйствуютъ на наше воспріятіе подобно настоящимъ движеніямъ ¹⁾).

Воспріятіе разстоянія. Когда мы смотримъ на окружающіе насъ предметы, наши глаза безпрерывно движутся, конвергируютъ, дивергируютъ, аккомодируютъ, отдыхаютъ и пробѣгаютъ поле зрѣнія. Это поле является простирающимся въ трехъ измѣреніяхъ, причемъ нѣкоторые его части болѣе удалены, а другія находятся ближе къ намъ.

«При смотрѣніи однимъ только глазомъ, наше воспріятіе разстояній очень несовершенно, и это можно иллюстрировать простымъ фокусомъ: держа кольцо, подвѣшенное на суркѣ, передъ лицомъ кого-либо, предложить ему закрыть одинъ глазъ и пропустить палочку сбоку сквозь кольцо. Если держать ручку для пера прямо передъ однимъ глазомъ въ то время, какъ другой глазъ закрытъ, и попытаться коснуться ея пальцемъ, двигая его накрестъ по направленію къ ручкѣ, то почти всегда произойдетъ ошибка. Въ подобныхъ случаяхъ мы получаемъ единственное указаніе отъ суммы усилий, необходимыхъ для «аккомодации» глаза, чтобы видѣть предметъ ясно. Если же мы пользуемся обоими глазами, наше воспріятіе разстоянія гораздо совершеннѣе: когда мы смотримъ на предметъ обоими глазами, зрительныя оси сходятся (конвергируютъ) къ нему, и чѣмъ ближе находится предметъ, тѣмъ больше схождение (конвергенція). Мы обладаемъ довольно точнымъ познаніемъ степени мускульнаго усилия, требуемой для того, чтобы конвергировать глаза на возможно близкія точки. Когда предметы находятся дальше, ихъ видимый размѣръ и видоизмѣненія ихъ изображеній на сѣтчаткѣ, испытываемыя благодаря воздушной перспективѣ, приходятъ на помощь. Относительное разстояніе предметовъ опредѣляется очень легко по движенію глазъ; при этомъ всѣ неподвижные предметы кажутся перемѣщающимися въ противоположномъ направленіи (какъ, напримѣръ, когда мы смотримъ изъ окна желѣзнодорожнаго вагона), причемъ наиболѣе близкіе предметы, кажется, передвигаются наиболѣе быстро; по различнымъ кажущимся скоростямъ движенія мы можемъ узнать, какіе предметы дальше и какіе находятся ближе.

Разсматриваемое съ субъективной точки зрѣнія разстояніе есть совершенно специфическое содержаніе сознанія. Конвергенція, аккомодация, бинокулярное несоответствіе, величина, степень яркости, параллаксъ ²⁾ и пр., все это даетъ намъ особые чувствованія, которые служатъ знаками чувства разстоянія, но не представляютъ его самого; они только внушаютъ намъ его. Лучшій способъ испытать сильно это чувство состоитъ въ томъ, чтобы пойти на какую-нибудь вершину холма и запрокинуть голову

¹⁾ Простейшимъ видомъ стереоскопа являются двѣ жестяныя трубки при- близительно въ одинъ или полтора дюйма въ діаметрѣ, совершенно черныя внутри и (для нормальныхъ глазъ) длиною въ 10 дюймовъ. Закройте каждый задній конецъ клочками бумаги не слишкомъ плотной, на которыхъ проведены толстыя черныя линіи въ дюймъ длиною. Въ трубки можно смотрѣть насквозь, однимъ глазомъ въ каждую, и держать ихъ то параллельно то съ сходящимися дальними концами. Когда надлежащимъ образомъ вращаютъ трубки, изображенія въ нихъ дадутъ всѣ разные виды сліянія и не-сліянія, а также стереоскопическое явленіе.

²⁾ Параллаксомъ называется уголъ, составленный двумя линіями, проведенными изъ двухъ различныхъ мѣстъ къ одному и тому же предмету.

назадъ: горизонтъ покажется тогда очень отдаленнымъ, и приближается, когда снова поднять прямо голову.

Воспріятіе величинъ. Тѣ ощущенія, на которыхъ основаны наши заключенія о размѣрѣ предметовъ, опредѣляются прежде всего размѣрами изображеній получаемыхъ на сѣтчаткѣ, и чѣмъ больше уголъ зрѣнія, тѣмъ болѣе изображение на сѣтчаткѣ: такъ какъ уголъ зрѣнія зависитъ отъ разстоянія предмета, то правильное воспріятіе величины предмета зависитъ сильно отъ правильного воспріятія разстоянія; составивъ сужденіе, сознательное или безсознательное, о послѣднемъ, мы заключаемъ о величинѣ предмета по величинѣ возбужденнаго участка сѣтчатки. Большая часть людей иногда удивлена тѣмъ, что то, что кажется большой птицей въ облакахъ, было только маленькимъ насекомымъ, находящимся у самого глаза; кажущаяся большая величина обусловлена предварительнымъ неправильнымъ сужденіемъ о разстояніи предмета. Присутствіе предмета достаточно хорошо извѣстной вышины, какъ напримѣръ, человека, также помогаетъ въ образованіи представленій (при помощи сравненія) о величинѣ; художники съ этою цѣлью часто помѣщаютъ человѣческія фигуры, чтобы помочь въ составленіи понятія о величинѣ другихъ изображенныхъ предметовъ.

Ощущенія цвѣта. Система цвѣтовъ есть нѣчто очень сложное. Если взять какой-нибудь цвѣтъ, напр., зеленый, то можно перейти отъ него болѣе, чѣмъ въ одномъ направленіи, черезъ серіи зеленыхъ цвѣтовъ съ все болѣе яркимъ желтоватымъ оттѣнкомъ, скажемъ, къ желтому цвѣту или черезъ другія серіи съ все болѣе яркимъ синеватымъ оттѣнкомъ — къ синему. Въ результатѣ было бы то, что если бы попытались нанести на бумагу различные распознаваемые цвѣта, то этотъ рядъ не могъ бы быть линейнымъ, но покрылъ бы поверхность. При такомъ расположеніи цвѣтовъ по поверхности мы можемъ переходить отъ какого-нибудь цвѣта къ другому по разнымъ линіямъ постепенно измѣняющихся промежуточныхъ (цвѣтовъ). Такое расположеніе представлено на рисункѣ 15. Это просто диаграмма для классификаціи, основанная на степеняхъ просто ощущаемой разницы, и она не имѣетъ физическаго значенія. Черный цвѣтъ существуетъ, но онъ не фигурируетъ на поверхности этой диаграммы. Мы не можемъ помѣстить его гдѣ-нибудь рядомъ съ другими цвѣтами, такъ какъ мы должны представить прямой переходъ и отъ неокрашеннаго бѣлаго цвѣта къ черному, и отъ каждаго чистаго цвѣта какъ къ черному, такъ и къ бѣлому. Лучшій способъ это помѣстить черныя цвѣты въ третьемъ измѣреніи подъ бумагой. Можно перейти прямо отъ чернаго къ бѣлому, или обойти круговой дорогой черезъ оліантовый, зеленый и блѣдно-зеленый, или мѣтло мѣнять цвѣта отъ темно-синяго до желтаго черезъ зеленый, или же идти дорогой отъ небесно-голубого, бѣлаго и палеваго цвѣта и т. д. Въ какомъ случаѣ измѣненія будутъ непрерывными и такимъ образомъ эта система цвѣтовъ образуетъ то, что Вундтъ называетъ непрерывностью въ трехъ измѣреніяхъ.



Рис. 15.

Смѣшеніе цвѣтовъ. Разсматриваемые съ физиологической точки зрѣнія, цвѣта имѣютъ ту особенность, что многія пары ихъ, дѣйствуя вмѣстѣ на сѣтчатку, вызываютъ ощущение бѣлаго цвѣта. Цвѣта, дающіе это, называются дополнительными. Таковы спектральные цвѣта—красный и зеленовато-синій, желтый и пурпурово-синій. Кроме того, зеленый и пурпуровый являются также дополнительными. Всѣ спектральные цвѣта, сложенные вмѣстѣ, даютъ также бѣлый свѣтъ, какъ мы это испытываемъ ежедневно въ солнечномъ свѣтѣ. Сверхъ того, пары разнородныхъ эфирныхъ волнъ, падая на нашу сѣтчатку, заставляютъ насъ ощущать тотъ же цвѣтъ, какой даютъ одиночныя однородныя волны. Такимъ образомъ, желтый, который является простымъ спектральнымъ цвѣтомъ, ощущается и тогда, когда зеленый свѣтъ сложенъ съ краснымъ; синий ощущается тогда, когда смѣшаны фіолетовый и зеленый цвѣта. Пурпуровый, который вовсе не входитъ въ цвѣта спектра, получается, когда волны или красного и фіолетоваго, или синяго и оранжеваго накладываются другъ на друга ¹⁾.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ детального соответствія между нашей системой цвѣтовыхъ ощущений и физическими стимулами, которые ихъ вызываютъ. Каждое цвѣтовое чувствованіе является «специфической энергіей» (см. выше), которую могутъ вызвать многія различныя физическія причины. Гельмгольцъ, Герингъ и другіе пыгались упростить путаницу этихъ фактовъ при помощи физиологическихъ гипотезъ, которыя, сильно различаясь въ деталяхъ, сходятся въ принципѣ, такъ какъ всѣ онѣ кладутъ въ основаніе ограниченное число простѣйшихъ процессовъ въ сѣтчаткѣ, которымъ—разъ они по-одиночкѣ возбуждены,—соответствуютъ отдѣльно опредѣленные «основныя» цвѣта. Когда же они возбуждены въ соединеніи,—а это можетъ быть благодаря очень большому числу различныхъ физическихъ стимуловъ,—то ощущаются другіе цвѣта, называемые «вторичными». Часто говорятъ, что вторичныя цвѣтотыя ощущенія сложены, будто бы, изъ первичныхъ ощущений. Это большая ошибка. Ощущенія, какъ таковыя, не сложены,—желтый, напримеръ вторичный цвѣтъ по теоріи Гельмгольца, есть настолько же простое качество чувствованія, какъ и первичныя красный и зеленый цвѣта, которые, какъ говорятъ, «составляютъ» его. Складываются только элементарныя (простѣйшія) процессы въ сѣтчаткѣ. Послѣдніе, сообразно ихъ смѣшенію, производятъ различныя результаты въ мозгу, и вслѣдствіе этого непосредственно получаютъ въ сознаніи ощущенія вторичныхъ цвѣтовъ. Итакъ, «теорія цвѣ-

¹⁾ Обыкновенное смѣшеніе красокъ состоитъ не въ сложении, но скорѣе, какъ показалъ Гельмгольцъ, въ вычитаніи цвѣтовъ. Чтобы сложить одинъ цвѣтъ съ другимъ, мы должны въ при помощи соответственныхъ стеколъ направить различно окрашенныя лучи свѣта на одну и ту же отражающую поверхность или мы должны дать смотрѣть глазу на какой-нибудь цвѣтъ черезъ наклонную или вертикальную пластинку, подъ которой этотъ цвѣтъ находится, между тѣмъ какъ верхняя поверхность стекла отражаетъ въ тотъ же глазъ другой цвѣтъ, помѣщенный рядомъ,—тогда оба цвѣта смѣшиваются на сѣтчаткѣ; или наконецъ, мы должны дать различно окрашеннымъ лучамъ свѣта падать послѣдовательно на сѣтчатку такъ быстро, что второй лучъ попадаетъ на сѣтчатку прежде, чѣмъ впечатлѣніе, произведенное первымъ, исчезло. Послѣднее лучше всего сдѣлать, смотря на быстро вращающійся кругъ, секторы котораго окрашены въ разные цвѣта, назначенные для смѣшенія.

товъ» суть физиологическія, а не психологическія гипотезы, и для большаго ознакомленія съ ними читатель долженъ обратиться къ книгамъ по физиологіи.

Длительность свѣтовыхъ ощущений. «Она больше длительности стимуловъ, и этимъ фактомъ пользуются при устройствѣ фейерверковъ: подымающаяся ракета вызываетъ ощущеніе свѣтового слѣда, простирающагося далеко за мѣстомъ ярко свѣтящейся въ данный моментъ части самой ракеты, такъ какъ ощущеніе, вызванное ракетой въ нижней части въ восхожденія, еще остается. Такимъ же образомъ, падучія звѣзды кажутся имѣющими сзади себя свѣтящіяся хвосты. При быстромъ вращеніи передъ глазомъ круга съ чередующимися бѣлыми и черными секторами мы получаемъ для каждой точки сѣтчатки попеременно возбужденіе (обусловленное прохожденіемъ бѣлаго сектора) и отдыхъ (когда проходитъ черный секторъ); если вращеніе достаточно быстро, то вызывается ощущеніе однороднаго сѣраго цвѣта, какой былъ бы полученъ, еслибы бѣлая и черная краски были смѣшаны и распределены равномерно по кругу. При каждомъ оборотѣ круга, глазъ воспринимаетъ столько же свѣта, какъ получилъ бы и въ послѣднемъ случаѣ, и онъ не способенъ распознать, что этотъ свѣтъ составленъ изъ отдѣльныхъ порцій, попадающихъ въ глазъ съ промежутками: возбужденіе, обусловленное каждой изъ порцій, продолжается еще въ то время, когда начинается слѣдующее, и такимъ образомъ всѣ они сливаются вмѣстѣ. Если кто-нибудь внезапно завернетъ газъ въ комнатѣ, на освѣщенной другою освѣщеніемъ, изображеніе пламени остается на короткое время послѣ погашенія самого пламени». Если мы на мгновенье откроемъ глаза на сцену и затѣмъ обратимъ ихъ въ совершенный мракъ, то намъ будетъ казаться, что сцена, какъ бы въ прозрачномъ свѣтѣ, прорѣзывается сквозь мракъ. Мы можемъ видѣть на ней подробности, не замѣченныя въ то время, какъ глаза наши были открыты. Это есть положительный слѣдъ или такъ называемое первичное позитивное послѣ-изображеніе. Согласно Гельмгольцу, треть секунды есть наиболѣе благоприятное время экспозиціи на свѣтъ, чтобы получилась слѣдъ послѣ-изображенія.

Отрицательныя слѣды (послѣ-изображенія) обусловлены болѣе сложными обстоятельствами, между которыми утомленіе сѣтчатки,—какъ обыкновенно принято думать,—играетъ главную роль.

Нервный зрительный аппаратъ легко утомляется. Обыкновенно мы этого не замѣчаемъ, такъ какъ и возобновленіе его совершается быстро, и въ обыкновенной жизни наши глаза, будучи открытыми, никогда не отдыхаютъ; мы двигаемъ ими туда и сюда, такъ что части сѣтчатки воспринимаютъ свѣтъ попеременно отъ болѣе свѣтлыхъ и отъ болѣе темныхъ предметовъ, и онѣ попеременно то возбуждаются, то отдыхаютъ. Какъ постоянно и обычно движеніе глазъ, можно легко замѣтить при попыткѣ «фиксировать» въ теченіе короткаго времени небольшое пятно, не отводя взгляда; дѣлать это даже въ теченіе нѣсколькихъ секундъ представляется невозможнымъ безъ навыка. Если какой-нибудь маленькій предметъ сильно «фиксируется» въ теченіе двадцати или тридцати секундъ, то покажется, что все поле зрѣнія дѣлается сѣроватымъ и темнымъ, такъ какъ части сѣтчатки, воспринимающія болѣе свѣта, утомляются, и не вызываютъ болѣе сильнаго ощущенія, чѣмъ части, менѣе утомленныя и возбужденныя

свѣтомъ отъ менѣ освѣщенныхъ предметовъ. Или будемъ смотрѣть упорно на какой-нибудь черный предметъ, напримѣръ, на чернильное пятно на бѣлой страницѣ, въ теченіе двадцати секундъ, и затѣмъ обратимъ глаза къ бѣлой стѣнѣ: послѣдняя покажется темно-сѣрой съ бѣлымъ пятномъ на ней; этотъ эффектъ обусловленъ большимъ возбужденіемъ частей сѣтчатки, предварительно отдохавшихъ на черномъ, сравнительно съ ощущеніемъ, вызваннымъ въ остальной сѣтчаткѣ свѣтомъ отъ бѣлой стѣны, дѣйствующимъ на предварительно утомленную часть зрительной поверхности. Въ вспоминать много случаевъ подобныхъ явленій, которые главнымъ образомъ замѣчаются вскорѣ послѣ утренняго вставанія. Подобныя же явленія можно замѣчать и на цвѣтахъ: такъ, если смотрѣть на красное пятно, то глазъ, обращенный затѣмъ къ бѣлой стѣнѣ, видитъ синевато-зеленое пятно; элементы, дающіе ощущение краснаго цвѣта, устали, и теперь бѣлый смѣшанный цвѣтъ стѣны вызываетъ въ этомъ участкѣ сѣтчатки только остальныя первичныя цвѣтовые ощущенія. Сочетаніе цвѣтовъ, имѣющее цѣлью получить отъ cadaго изъ нихъ наибольшій эффектъ, зависитъ именно отъ этого свойства глазъ: красный и зеленый, помѣщенные рядомъ, усиливаютъ другъ друга, такъ какъ одинъ цвѣтъ даетъ отдыхъ частямъ зрительнаго аппарата, наиболѣе возбужденнымъ другимъ, и поэтому каждый изъ нихъ кажется яркимъ и живымъ, когда глазъ переходитъ отъ одного къ другому; между тѣмъ какъ красный и оранжевый вмѣстѣ, каждый возбуждая и расходуя главнымъ образомъ одни и тѣ же зрительныя элементы, дѣлаютъ другъ друга тусслыми или, въ народномъ выраженіи, «убиваютъ» другъ друга.

«Если мы будемъ упорно фиксировать въ теченіе тридцати секундъ точку между двумя бѣлыми квадратами, находящимися другъ отъ друга на разстояніи около 4 мм. ($\frac{1}{4}$ дюйма), на широкой черной полосѣ, и потомъ закроемъ глаза, мы получимъ отрицательное послѣ-изображеніе, въ которомъ будутъ видны два темныхъ квадрата на свѣтлой поверхности; эта поверхность свѣтлѣе вокругъ отрицательныхъ послѣ-изображеній cadaго квадрата, но наиболѣе свѣтлой она представляется между ними. Эта свѣтлая граница называется короной (corona) и объясняется обыкновенно, какъ слѣдствіе «одновременнаго контраста»: темное послѣ-изображеніе квадрата, говорятъ, побуждаетъ насъ мысленно ошибаться въ нашемъ сужденіи и полагать, что окружающая его свѣтлая поверхность ярче, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; и она ярче всего между обоими темными квадратами точно такъ, какъ человѣкъ средняго роста между двумя высокими кажется ниже, чѣмъ если бы онъ находился одинъ. Однако, если наблюдать за послѣ-изображеніями, то часто замѣчается не только то, что свѣтлая полоса между квадратами гораздо свѣтлѣе, чѣмъ нормальный, свойственный сѣтчаткѣ, идиоретинальный свѣтъ (смотри ниже), но что, когда изображеніе блѣднѣетъ, часто оба темныхъ послѣ-изображенія квадратовъ совершенно исчезаютъ со всею короной за исключеніемъ той части между квадратами, которая еще видна въ видѣ свѣтлой полосы на однообразномъ сѣроватомъ фонѣ. Здѣсь нѣтъ никакого контраста, чтобы вызывать ошибку сужденія; и изъ этого и другихъ опытовъ Герингъ заключаетъ, что свѣтъ, дѣйствуя на одну часть сѣтчатки, вызываетъ обратныя измѣненія во всѣхъ остальныхъ частяхъ, и что это играетъ громадную роль въ образованіи явленій контраста. По-

добныя же явленія можно наблюдать и на обращенныхъ предметахъ: въ ихъ отрицательныхъ послѣ-изображеніяхъ каждый цвѣтъ замѣняется дополнительнымъ къ нему, какъ черный замѣняется бѣлымъ въ безцвѣтныхъ изображеніяхъ».

Это — одинъ изъ фактовъ, упомянутыхъ ранѣе, которые побудили Геринга отвергнуть психологическое истолкованіе одновременнаго контраста.

Интенсивность свѣтящихся предметовъ. Черный цвѣтъ есть зрительное ощущеніе. Мы имѣемъ черный цвѣтъ исключительно въ полѣ зрѣнія; мы не видимъ, напримѣръ, не ощущаемъ чернаго концами пальцевъ или желудкомъ. Однако, чисто-черный цвѣтъ есть только «отвлеченное понятіе», ибо сама сѣтчатка (въ объективно совершенномъ мракѣ), по видимому, является мѣстомъ внутреннихъ измѣненій, которыя даютъ въ которое ощущеніе свѣта. Это и есть то, что подразумевается подъ «идиоретинальнымъ свѣтомъ», о которомъ говорилось нѣсколькими строками выше. Онъ имѣетъ свое значеніе при опредѣленіи всѣхъ послѣ-изображеній при закрытыхъ глазахъ. Какой-нибудь объективный свѣтовой стимулъ, чтобы мы его восприняли, долженъ быть достаточно сильнымъ, то есть способнымъ дать чувствительное усиленіе ощущенія, болѣе сильное или болѣе яркое, чѣмъ идиоретинальный свѣтъ. Когда объективный (внѣшній) стимулъ усиливается, получается воспріятіе болѣе сильнаго свѣта; но воспріятіе измѣняется, какъ мы видѣли ранѣе, медленно, чѣмъ стимулъ. Послѣднія числовыя опредѣленія Кенига и Бродгена были примѣнены къ шести различнымъ цвѣтамъ, и отъ интенсивности, произвольно названной единицей, доходили до интенсивности, превосходившей ее въ 100,000 разъ. Отъ интенсивности 2,000 до 20,000 законъ Вебера остается въ силѣ; ниже и выше этого ряда различающая чувствительность уклонялась отъ веберовскаго закона. Относительное различіе приращенія здѣсь было то же самое для всѣхъ цвѣтовъ и лежало (согласно таблицамъ) между 1% и 2% его наростанія въ стимулѣ. Предшествующіе наблюдатели получили различные результаты.

Для того, чтобы цвѣтъ предмета могъ быть различнымъ хоть нѣсколько, въ предметѣ должно существовать извѣстное количество свѣтовой интенсивности. «Въ темнотѣ всѣ кошки сѣры». Цвѣта быстро дѣлаются замѣтными по мѣрѣ усиленія свѣта: сперва синіе и послѣдними красные и желтые, но до извѣстной степени интенсивности, когда они дѣлаются снова неотчетливыми вследствие того, что каждый изъ нихъ стремится обратиться въ бѣлый цвѣтъ. При наивысшей выносимой интенсивности свѣта, всѣ цвѣта поглощаются въ ослѣпляющемъ блѣтомъ блескѣ. Объ этомъ опять обыкновенно говорятъ, какъ о «смѣшеніи» ощущенія бѣлаго цвѣта съ первоначальными цвѣтовыми ощущеніями. Это вовсе не смѣшеніе двухъ ощущеній, но замѣщеніе одного ощущенія другимъ, вследствие измѣненія въ первомъ процессѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СЛУХЪ *).

Ухо. Слуховой органъ у человѣка состоитъ изъ трехъ частей, а именно наружнаго уха, средняго уха или барабанной полости и внутренняго уха или лабиринта; послѣднее заключаетъ конечные органы слухового нерва.

Наружное ухо состоитъ изъ видимаго расширенія на поверхности головы, называемаго раковиной (concha) М, рис. 16, и прохода, ведущаго отъ

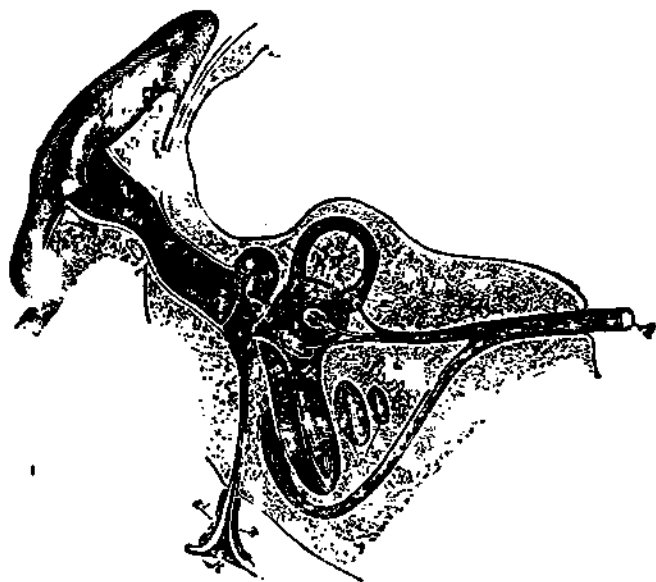


Рис. 16.—Полудиagramматическій разрезъ черезъ правое ухо (Чермакъ). М, ушная раковина; С, наружный слуховой проходъ; Т, барабанная перепонка; Р, барабанная полость; О, овальное окно; К, круглое окно; В, глоточное отверстие Евстахиевой трубы; У, слуховая раковина; Е, полукружные каналы; З, улитка; Вд, ходъ преддверья; Рд, барабанный ходъ; А, слуховой нервъ.

всѣхъ внутрь, наружнаго слухового прохода, С. Этотъ проходъ закрытъ на внутреннемъ концѣ своею барабанной перепонкой, Т. Онъ покрытъ кожей, сквозь которую открываются многочисленныя маленькія железы, выделяющія ушную воскъ (ceru).

*) При обученіи анатоміи уха, большую помощь оказываетъ великолѣпная модель, приготовленная докторомъ Audoux, 56 Rue de Vaugirard, Paris, описанная въ каталогѣ фирмы подъ номеромъ 21 такъ: „Oreille temporal de 60 ст. nouvelle edition“. etc.

Среднее ухо (Р, рис. 16) представляетъ неправильную полость въ височной долѣ, закрытую съ наружной стороны барабанной перепонкой. Отъ внутренней ея стороны отходитъ Евстахиева труба (R) и открывается въ глотку. Внутренняя стѣнка барабанной полости костная за исключеніемъ двухъ небольшихъ отверстій, овальнаго и круглаго окошечекъ, о и к, которыя ведутъ въ лабиринтъ. При жизни круглое окошечко закрыто окаймляющею слизистой перепонкой, а овальное—стремляшкой. Барабанная перепонка Т, растянута поперекъ наружной стороны барабанной полости, образуетъ неглубокую воронку съ вогнутой поверхностью, обращенной кнаружи. Съ внешней ея стороны на нее давитъ наружный воздухъ, а съ внутренней—воздухъ, поступающій въ барабанную полость черезъ Евстахию трубу. Если бы барабанная полость была совсѣмъ закрытой съ обеихъ сторонъ, то эти давленія, при измѣненіи барометрическаго давленія вѣшняго воздуха, не были всегда равны между собою, перепонка изгибалась бы внутрь или наружу сообразно съ тѣмъ, было-ли наружное или внутреннее давленіе сильнѣе. Для этого-то барабанная полость также сообщается съ вѣшнымъ воздухомъ черезъ Евстахию трубу, т. е. черезъ глотку, въ которой эта труба оканчивается. Однако если бы Евстахиева труба была всегда открыта, звуки нашего собственнаго голоса достигали бы черезъ нее съ сильнымъ шумомъ и неотчетливо, — поэтому она обыкновенно закрыта; но каждый разъ, какъ мы глотаемъ, она открывается и такимъ образомъ воздушное давленіе въ полости становится равнымъ давленію въ наружномъ слуховомъ проходѣ. Когда мы поднимаемся на воздушномъ шарѣ или быстро спускаемся въ глубокую шахту, внезапное и большое измѣненіе наружнаго воздушнаго давленія часто причиняетъ болѣзненное напряженіе барабанной перепонки, которое можно сильно облегчить частыми глотательными движеніями.

Слуховыя косточки. Три маленькихъ косточки лежатъ въ барабанной полости, образуя цѣпь отъ барабанной перепонки до овальнаго окошечка. Наружная кость есть молоточекъ (malleus); средняя—наковальня (incus) и внутренняя—стремя. Всѣ онѣ представлены на рис. 17.

Акомодация (приспособленіе) существуетъ въ ухѣ, какъ и въ глазу. Одинъ мускулъ, длиною въ дюймъ, tensor tympani, возникаетъ въ каменистой части височной кости (иля по каналу, параллельному Евстахию трубѣ) и входитъ въ молоточекъ подъ его головкой. Когда онъ сокращается, онъ дѣлаетъ барабанную перепонку болѣе натянутой (потому что одинъ изъ отростковъ молоточка упирается въ бараб. переп. Ред.). Другой небольшой мускулъ, stapedius, идетъ въ головку стремянной косточки. Сокращеніе этихъ мускуловъ многими лицами ясно чувствуется, когда они слышатъ извѣстныя ноты, а нѣкоторые могутъ сокращать ихъ произвольно.

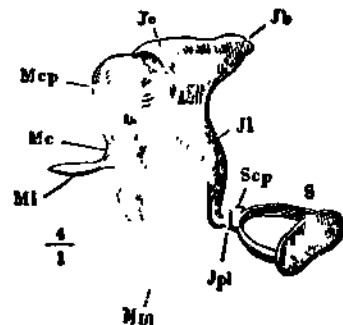


Рис. 17.— Мср, Мс, Мл, Мп представляютъ различныя части молоточка; Жс, Жд, Ж, Жр—различныя части наковальни; Ст—стремя.

Не смотря на это, еще до сих пор царить неизвестность относительно точного их применения при слухе, хотя весьма вероятно, что они придают перепонкам, на которых они действуют, степень напряжения, наиболее соответствующего тому, чтобы воспринимать какия бы то ни было степени колебаний, могущих попасть на них в данный момент. При вслушивании, у высших животных голова и уши, а у человека только голова—повернуты так, чтобы лучше всего воспринять звук. Это также есть часть реакции, называемая «приспособлением» уха (смотри главу о внимании).

Внутреннее ухо. «Лабиринт прежде всего состоит из камер и труб, выдолбленных в височной кости и заключенных в ней со всех сторон, за исключением овального и круглого окон, лежащих с наружной его стороны, и некоторых отверстий для кровеносных сосудов и слухового нерва; при жизни, все они или иным образом закрыты так, что не пропускают влаги. В этом костном лабиринте лежат перепончатые части, такой же формы, как и он, но меньшей величины, так что между обоями (лабиринтами) остается пространство; оно выполнено водянистой жидкостью, называемой перилимфой, а перепончатое внутреннее ухо наполнено подобной же жидкостью—эндолимфой.

Костный лабиринт. «Костный лабиринт представляется из трех частей: преддверия, полукружных каналов и улитки; наружная поверхность этих его внутренних частей, с разных сторон, изображена на рис. 18. Преддверие представляет центральную часть

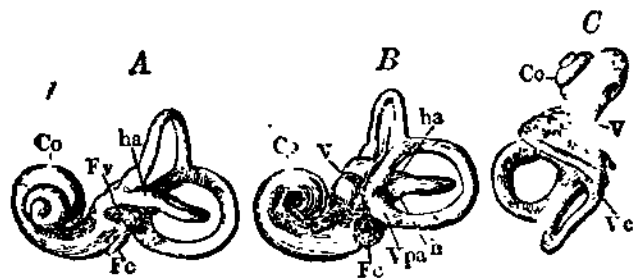


Рис. 18.—Наружный вид костного лабиринта. А, правый лабиринт, видный с наружной стороны; В, левый лабиринт с наружной стороны; С, левый лабиринт с внутренней стороны. Co, улитка; Fv, перед. окно; Fc, круглое окно; ha, горизонтальный полукружный канал; ha, его ампула; Vc, соединяющая часть обоих каналов; Vc, ампула.

и имеет на наружной своей стороне овальное окно (Fv), к которому припаяно основание стремени косточки. За преддверием находятся три костных полукружных канала, сообщающихся с задней стороной преддверия каждым концом и расширяющихся близ одного конца до образования ампулы. Костная улитка представляет трубку, закручивающуюся вокруг себя, несколько похожую на раковину улитки и лежащую против преддверия.

Перепончатый лабиринт. «Перепончатое преддверие, лежащее в кости, состоит из двух ишечков, сообщающихся посредством узкого

отверстия. Задний называется *utricle* и в него открываются перепончатые полукружные каналы. Передний же, называемый *sacculus*, сообщается при помощи трубки с перепончатой улиткой. Перепончатые полукружные каналы очень похожи на костные, и каждый из них имеет ампулу; в ампуле одна сторона перепончатой трубки тесно прилегает к своему костному защитнику; в этом месте нервы входят в ампулы. Отношение между перепончатой и костной улиткой очень сложны. Разрыв через эту часть слухового аппарата показывает, что его костная часть (рис. 19) состоит из трубки, повернутой два с половиной раза вокруг центральной костной оси, *modiolus*. От оси выступает перегородка, *lamina spiralis*, и она отчасти разделяет трубку, простираясь всего дальше поперек в ее нижних завитках. К наружному краю этой костной пластинки прикреплена перепончатая улитка (*scala media*), представляющая в поперечном разрезе треугольную трубку, соединенную основанием своим с наружной стороной костной спирали улитки. Спиральная пластинка (перегородка) и перепончатая улитка, таким образом, подразделяют полость костной трубки (рис. 20)

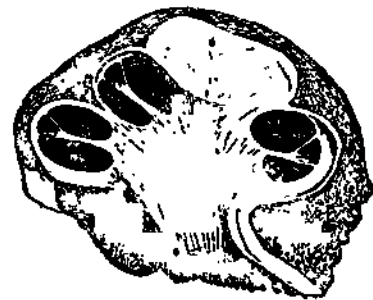


Рис. 19.—Разрыв через улитку по линии ее оси.

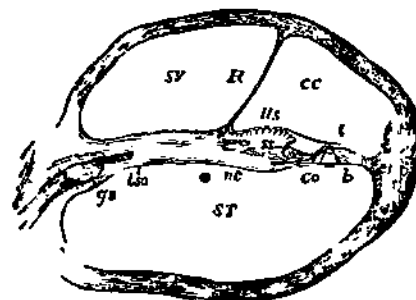


Рис. 20.—Разрыв одного завитка улитки, увеличенный. SV, ход преддверия; R, перепонка Рейсснера; CC, перепончатая улитка (*Scala media*); I, ламин спиральная; Co, покровная перепонка; ST, барабанный ход; Co, спиральная пластинка; B, кортиева столба; B, основная перепонка.

на верхнюю часть (*scala vestibuli*, лестница преддверия) SV, и на нижнюю (*scala tympani*, барабанная лестница) ST. Между ними находится спиральная перегородка или пластинка (*Iso*) и улиточный ход (*ductus cochlearis* или *scala media*), в котором и лежит перепончатая улитка (CC); последняя ограничена сверху перепонкой Рейсснера (R), а снизу перепонкой основания (B).

Перепончатая улитка не простирается до верхушки костной улитки; над ее верхушкой ход преддверия и барабанный ход сообщаются между собою. Оба они наполнены перилимфой, так что, когда воздушные волны ударяют в барабанную перепонку, эти волны передаются через слуховые косточки их

последнему звену, стремешку и стремешко вталкивается в овальное окно (o, на рис. 16), отчего волна перилимфы подымается в ход преддверия до верхушки, откуда она поварачивается в барабанный ход, устремляется вниз по его завиткам и выталкивает круглое окно v, приводя в

движение, вероятно, при своем прохождении вверх и вниз Рейсснерову и основную перепонки.

Конечные органы. «Перепопчатая улитка содержит (въ себѣ) нѣкоторыя твердыя тѣла, расположенныя на основной перепонкѣ и образующія Кортіевъ органъ. Последний заключаетъ въ себѣ концевые органы нервовъ улитки. Желобокъ (рис. 20, ss) на краю костной спиральной пластинки

Увеличено въ 300 разъ.

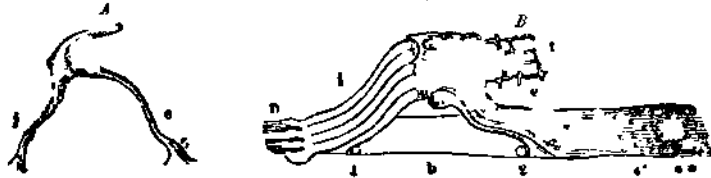


Рис. 21.—Кортіевы столбы. А, пара столбовъ, отдѣленныхъ отъ остальныхъ; В, кусокъ основной перепонки со многими столбами на ней, показывающимъ, какъ они перекрываютъ ее въ видѣ Кортіева туннеля; С, внутренне и е, внешніе столбы, D, основная перепонка, E, сѣтчатая перепонка.

(sulcus spiralis) выставленъ кубовидными клѣтками; на внутреннемъ краѣ основной перепонки (рис. 20, b) онѣ становятся колоннообразными и тогда слѣдуютъ рядами, которые несутъ на своихъ верхнихъ концахъ массу короткихъ жесткихъ волосковъ и образуютъ внутреннія волосныя или рѣсничныя клѣтки, укрѣпленныя внизу своими узкими окончатостями въ основную перепонку; въ нихъ входятъ нервныя волокна. За внутренними волосными клѣтками слѣдуютъ Кортіевы столбы (Co, рис. 20), изображенные въ

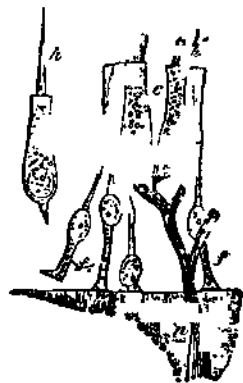


Рис. 22.—Чувствительный органъ. А, поперечный сѣкъ канала и органа. При нервномъ волокнѣ проходитъ черезъ органъ и входитъ въ органъ. В, органъ въ видѣ органъ. С, органъ въ видѣ органъ. D, органъ въ видѣ органъ. E, органъ въ видѣ органъ.

сильно увеличенномъ видѣ на рис. 21. Эти столбы тверды и расположены рядомъ въ двѣ шеренги, наклоненныя другъ къ другу своими верхними концами, такъ что онѣ образуютъ родъ туннеля; между ними отличаютъ внутренніе и внешніе столбы, причѣмъ первые находятся ближе къ спиральной пластинкѣ. Внутреннихъ столбовъ гораздо больше, чѣмъ внешнихъ: относительныя числа для тѣхъ и другихъ около 6000 и 4500. Къ наружнымъ сторонамъ головокъ внешнихъ столбовъ прикреплена сѣтчатая перепонка (г, рис. 21), жесткая и пробуравленная (отверстіями). Кнаружи отъ внешнихъ столбовъ идутъ четыре ряда внешнихъ волосныхъ клѣтокъ, причѣмъ внутренний рядъ ихъ, вѣроятно, соединяетъ съ нервными волокнами; ихъ щетинки входятъ въ отверстія сѣтчатой перепонки. Надъ внешними волосными клѣтками находится обыкновенный цилиндрическій эпителий, который переходитъ постоянно въ кубовидныя клѣтки, выстилающія большую часть перепопчатой улитки. Отъ верхняго края sulcus spiralis подымается покровная перепонка (t, рис. 20), простирающаяся надъ Кортіевыми столбами и волосными клѣтками.

Такимъ образомъ волосныя клѣтки служатъ, повидимому, конечными органами для «схватыванія» колебаній, сообщаемыхъ основной перепонкѣ воздушными волнами черезъ всѣ промежуточные аппараты, твердые и жидкіе. Аналогичныя волосныя клѣтки имѣются у конечныхъ нервныхъ нитей въ тѣнкахъ sacculus, utriculus и ампулы (смотри рис. 22).

Различныя качества звука. Съ физической стороны звуки состоятъ изъ колебаній, которыя, вообще говоря, представляютъ воздушныя волны. Когда эти волны не періодичны, въ результатъ получается шумъ; когда же онѣ періодическаго характера, то получается то, что въ наше время названо тономъ или нотой. Громкость звука зависитъ отъ силы волнъ. Когда онѣ повторяются періодически, то слѣдствіемъ скорости ихъ повторенія получается качество, называемое высотой звука. Кромѣ силы и высоты, тоны имѣютъ каждый свой звуковой оттѣнокъ или тембръ, который сильно можетъ отличаться въ разныхъ инструментахъ, издающихъ одинаково сильныя тоны одной и той же высоты. Этотъ оттѣнокъ зависитъ отъ формы воздушной волны.

Высота. Уже одинъ толчокъ воздуха, приведеннаго въ движеніе какой бы то ни было причиной, даетъ ощущеніе звука, но требуется по крайней мѣрѣ четыре или пять толчковъ или больше для того, чтобы доставить намъ ощущеніе высоты звука. Высота тона, напримѣръ, с (do) обусловлена 132 колебаніями въ секунду, высота его октавы с' вызвала въ два раза большій числомъ, то есть 264 колебаніями; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не необходимо, чтобы колебанія происходили въ теченіе цѣлой секунды для того, чтобы замѣтить высоту тона. «Звуковыя колебанія могутъ слѣдовать другъ за другомъ или такъ быстро, или такъ медленно что не въ состояніи вызвать слуховыя ощущенія, совершенно подобно тому, какъ ультра-фіолетовыя и ультра-красныя лучи солнечнаго спектра неспособны возбудить сѣтчатку. Самый высокій слышимый тонъ соответствуетъ приблизительно 38,106 колебаніямъ въ секунду, но число это неодинаково для различныхъ лицъ: многія лица не слышатъ крика летучей мыши или чирканія сверчка, такъ какъ эти звуки лежатъ близъ верхняго предѣла слышанія. Съ другой стороны, звуки со скоростью колебаній около 40 въ секунду не хорошо слышны, а немного ниже этого они производятъ скорѣе «гулъ», чѣмъ настоящее ощущеніе тона, и употребляются только вмѣстѣ съ тонами высшихъ октавъ, которыми они сообщаютъ характеръ большей глубины».

(Въ музыкѣ существуетъ опредѣленная послѣдовательность тоновъ или звуковъ (do, re, mi... и д.), строго опредѣляемая отношеніемъ числа колебаній одного тона къ другому, напр., если do даетъ 32 кол., то слѣдующій тонъ re долженъ дать $\frac{9}{8}$ его или 36 колеб., mi— $\frac{8}{8}$ или 40, fa— $\frac{7}{8}$ или 41, и т. д., въ слѣдующей октавѣ тѣ же отношенія, но число колебаній въ двое больше: «do»==64, re $\frac{9}{8}$ его или 72, mi $\frac{8}{8}$ или 80, fa— $\frac{7}{8}$ его или 84, sol==96, la $\frac{9}{8}$ do, si==108, Ped.).

Такимъ образомъ вся система высотъ образуетъ непрерывность одного измѣренія, т. е., говоря иначе, можно переходить отъ одной высоты къ другой только черезъ одинъ рядъ промежуточныхъ высотъ звеневъ, а не черезъ большее число рядовъ, какъ это было съ цвѣтами. Всѣ ряды высотъ заключены въ предѣлахъ, такъ называемой, музыкальной гаммы.

Принятие известных избранных пунктов в этой скале в качестве «ноты» имѣетъ частью историческое объясненіе, частью эстетическое, но во всякомъ случаѣ слишкомъ сложное для изложенья въ этой книгѣ.

«Тембръ» тона обусловленъ формой волны. Волны бываютъ или простыя («маятникообразныя»), или сложныя. Такимъ образомъ, если камертонъ (дающій приблизительно простыя волны) колеблется 132 раза въ секунду, мы услышимъ тонъ с. Если одновременно ударить другой камертонъ въ 264 колебанія, дающій слѣдующую по высотѣ октаву с', воздушное движеніе въ каждый моментъ явится алгебраической суммой движеній, обусловленныхъ обоими камертонами; всякій разъ, какъ волны одного камертона и волны другого совпадаютъ своими вершинами, ихъ волны усиливаютъ другъ друга, и, наоборотъ, когда подъемъ волны одного совпадаетъ съ подъемомъ другого, онѣ уменьшаютъ эффектъ другъ друга¹⁾. Въ результатѣ является движеніе, все еще періодическое, повторяющееся въ равныя промежутки времени, но уже не маятникообразное, такъ какъ оно не одинаково въ восходящей и нисходящей частяхъ кривыхъ линий. Мы, такимъ образомъ, заключаемъ изъ этого факта, что немаятникообразныя колебанія могутъ явиться результатомъ сліянія или, технически выражаясь, сложенья маятникообразныхъ.

Предположимъ, что одновременно звучитъ много музыкальных инструментовъ (какъ въ оркестрѣ). Каждый производитъ свое особое дѣйствіе на частицы воздуха, движенія которыхъ, составляя алгебраическую сумму, должны быть въ любой данный моментъ очень сложными; однако ухо можетъ улавливать ихъ свободно и слѣдить за тонами каждого отдѣльнаго инструмента. Кромѣ того, въ очень многихъ музыкальных инструментахъ можно физически доказать, что одновременно съ каждой одной нотой звучать, хотя и слабѣе, нѣсколько верхнихъ октавъ и другихъ «гармоническихъ» звуковъ. Гельмгольцъ доказалъ, что отъ относительной силы того или другого гармонического тона или отъ большаго числа послѣднихъ зависитъ особый тембръ инструмента. Различные гласные звуки въ человѣческомъ голосѣ также зависятъ отъ преобладанія разныхъ верхнихъ гармоническихъ тоновъ, сопровождающихъ ноту, которую эта гласная поется. Когда два камертона (упомянутые въ этой рубричкѣ) звучатъ одновременно, то новая форма колебанія имѣетъ такой же періодъ, какъ камертонъ съ меньшей высотой; однако наше ухо можетъ ясно различить составной звукъ отъ звука одного только камертона съ меньшей высотой, какъ тонъ той же высоты, но иного тембра; и въ сложномъ звукѣ оба составляющихъ его тона могутъ быть слышимы привычнымъ ухомъ каждый въ отдѣльности. Какимъ же образомъ одна составная форма волны позволяетъ намъ слышать разомъ столько звуковъ?

Разложеніе сложныхъ формъ волны, какъ предполагаютъ (по Гельмгольцу), происходитъ благодаря разнымъ видамъ симпатическаго

¹⁾ Подъемъ или вершина волны и ея паденія суть выраженія, употребляемыя ради наглядности, на самомъ дѣлѣ, волны звуковыя не опускаются и не поднимаются какъ волны воды, а состоятъ изъ ряда сгущеній и разрѣженій воздуха вокругъ звучащаго тѣла. Эти сгущенія происходятъ отъ толчковъ, даваемыхъ воздуху звучащимъ тѣломъ.

резонанса различныхъ частей перепончатой улитки. Основная перепонка у верхушки улитки приблизительно въ двѣнадцать разъ шире, чѣмъ у основанія ея, гдѣ она начинается, и здѣсь перепонка въ значительной степени составлена изъ радіально расположенныхъ волоконъ, которыя можно уподобить натянутымъ струнамъ. А физическій принципъ симпатическаго резонанса гласитъ, что если натянутыя струны находятся близъ источника колебаній, то онѣ сами приходятъ въ колебаніе но, только тѣ, собственная быстрота колебаній которыхъ соответствуетъ быстротѣ колебаній источника, остальные же струны остаются въ покоѣ. Согласно этому принципу, волны перелимфы, устремляясь внизъ по барабанному ходу съ извѣстной скоростью повторяемости, должны привести нѣкоторымъ отдѣльнымъ волокнамъ основной перепонки въ колебаніе, а другія оставить безъ воздѣйствія. Если затѣмъ каждое колеблющееся волокно возбуждаетъ находящуюся надъ нимъ волосную клѣтку и никакія другія, и если каждая такая волосная клѣтка, посылая токъ въ слуховому мозговому центру, вызываетъ тамъ специфическій процессъ, которому соответствуетъ ощущеніе особой высоты тона,—то физиологическое условіе разнообразія нашихъ ощущеній высоты тоновъ будетъ выяснено. Предположимъ напр., что приведена въ колебаніе струна, въ которой оказываются, можетъ быть, двадцать различныхъ физическихъ родовъ колебаній: въ концѣ концовъ, двадцать различныхъ волосныхъ клѣтокъ или концевыхъ органовъ воспримутъ это колебаніе; и если наша способность различенія представляетъ максимумъ, то въ нашемъ сознаніи могутъ появиться двадцать различныхъ «объектовъ» слуха, подъ видомъ столькихъ же различныхъ высотъ звука.

Кортиевы столбы, какъ предполагаютъ, являются заглушителями¹⁾ для волоконъ основной перепонки точно такъ же, какъ молоточекъ, наковальня и стремя суть заглушители для барабанной перепонки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они являются передатчиками ея колебаній среднему уху. Дѣйствительно, здѣсь должно быть моментальное прекращеніе физиологическихъ колебаній, потому что въ ощущеніяхъ звуковъ мы не находимъ тѣхъ положительныхъ слѣдовъ (т. е. продлений звука въ нашемъ ухѣ, когда звукъ уже кончился) и такихъ смѣшеній быстро слѣдующихъ другъ за другомъ тоновъ, какія намъ показываетъ сѣтчатка по отношенію къ свѣту. Теорія Гельмгольца о разложеніи звуковъ правдоподобна и остроумна. Существуетъ одно возраженіе противъ нея, именно, что клавиатура улитки, кажется, недостаточно велика сравнительно съ числомъ отдѣльныхъ воспринимаемыхъ нами звуковъ. Мы можемъ различать много больше степеней высоты, чѣмъ это возможно при 20,000, приблизительно, волосныхъ клѣтокъ.

Такъ называемое сліяніе ощущеній слуха. Наиболее обычный способъ объясненія того факта, что волны, не дающія каждой въ отдѣльности никакого чувствованія высоты тона, даютъ его, когда онѣ повторяются, состоитъ въ томъ, что нѣсколько ощущеній воятъ сливаются въ

¹⁾ Заглушителями или демферами называются такіе приспособленія, напр., въ рояляхъ, которыя останавливаютъ дрожанія струны, когда въ нихъ окончилась надобность. Для этого въ рояляхъ, надъ каждой струной устроенъ особый брусокъ съ замшевой вставкой, прикасающейся къ струнѣ; онъ поднимается и опускается надъ струной вмѣстѣ съ клавишей.

одно сложное ощущение. Предпочтительное объяснение — то, которое следует аналогии с мускульным сокращением. Если в бедренный нерв ятушки будут посылаемы электрические удары с значительными промежутками, мускул, с которым соединяется этот нерв, даст целый ряд судорог, одну для каждого удара. Но если удары следуют один за другим со скоростью в 30 ударов в секунду, то отдельные судороги не замечаются, а вместо них наблюдается постоянное сокращение. Это постоянное сокращение известно под названием *tetanus*. Опыт показывает, что здесь происходит физиологическое накопление или напластование процессов в мускульной ткани. Последней требуется $\frac{1}{20}$ секунды или больше для того, что бы мускул отдохнул после сокращения, обусловленного первым ударом. Но (в случае *tetanus'a*) второй удар приходит прежде, чем может наступить отдых, затѣмъ третій и такъ дальше, такъ что непрерывный *tetanus* занимаетъ мѣсто раздѣльных судорогъ. Подобное происходитъ въ слуховомъ мозговомъ центре и дѣйствуетъ на послѣдній въ немъ токъ къ слуховому мозговому центру и дѣйствуетъ на послѣдній такъ, что слышенъ глухой звуковой ударъ. Если бы другіе удары следовали немедленно, мозговой центръ приходилъ бы послѣ каждого въ свое равновѣсіе съ тѣмъ, что бы снова терять его такимъ же образомъ при слѣдующемъ толчокѣ, и въ результатѣ каждому толчку воздуха соответствовало бы отдѣльное звуковое ощущеніе. Но если слѣдующіе толчки будутъ слѣдовать слишкомъ быстро, то каждый изъ нихъ достигнетъ мозга прежде, чѣмъ исчезли воздѣйствія предыдущихъ на этотъ органъ. Слѣдовательно, здѣсь происходитъ накопление процессовъ въ слуховомъ центрѣ—физиологическое условіе. аналогичное тетанусу мускула, а этому новому условію непосредственно соответствуетъ новое качество чувствованія, именно высоты (тона). Последнее чувствованіе является совершенно новымъ а не «кажущимся». Многими ощущеніями глухого удара, слагающимися въ одно. Никакія ощущенія глухого удара не могутъ существовать при такихъ обстоятельствахъ, потому что тѣ физиологическія условія, которыя вызываютъ ощущенія глухого удара, теперь замѣнились другими. Это «сложеніе» произошло въ мозговыхъ клеткахъ раньше, чѣмъ былъ достигнутъ порогъ ощущенія отдѣльных ударовъ. Точно такъ же красный и зеленый цвѣтъ, моргая сѣтчаткѣ въ достаточно быстрой сѣткѣ, даютъ возвышеніе центральному мозговому процессу, которому непосредственно соответствуетъ ощущеніе желтаго. При такихъ условіяхъ ощущенія краснаго и зеленаго не имѣютъ случая возникнуть. Точно такъ же, если бы мускулъ могъ чувствовать, онъ имѣлъ бы при одномъ отдѣльномъ сокращеніи одинъ видъ чувствованія и имѣлъ бы совершенно иной видъ чувствованія при тетаническомъ сокращеніи; и это чувствованіе тетаническаго сокращенія вовсе не было бы тождественно множеству чувствованій сокращенія.

Гармонія и диссонансъ. Когда нѣсколько тоновъ звучатъ вмѣстѣ, мы можемъ испытывать особые чувствованія удовольствія или неудовольствія, называемыя соответственно — гармоніей и диссонансомъ. Наиболее гармонично звучитъ тонъ со своей октавой. Когда съ октавой звучитъ гармонично звучитъ тонъ со своей октавой, напримеръ, с-е-g-c', мы получаемъ «терція» и «квинта» данной ноты, напримеръ, с-е-g-c', мы получаемъ «полный аккордъ» или таиничный созвучіа. Отношенія чиселъ колебаній

здѣсь суть 4:5:6:8, такъ что можно было думать, что простыя отношенія являются основаніемъ гармоніи. Но интервалъ с-d диссонируетъ, хотя и представляетъ сравнительно простое отношеніе 8:9. Гельмгольцъ объясняетъ диссонансъ тѣмъ, что обертоны взаимно дѣлаютъ «перебой» или «бѣнія». Последнее производитъ тонкій скрипъ, который неприятенъ. Гдѣ обертоны не дѣлаютъ «бѣній» или же дѣлаютъ ихъ слишкомъ быстро для того, что бы дѣйствіе перебоевъ было замѣтно, тамъ, согласно Гельмгольцу, получается гармонія, которая, слѣдовательно, является скорѣе тѣмъ-то отрицательнымъ, тѣмъ положительнымъ. Вундтъ объясняетъ гармонію присутствіемъ сильныхъ тождественныхъ обертоновъ въ тонахъ, которые звучатъ гармонично. Ни одно изъ этихъ объясненій музыкальной гармоніи не можетъ быть названо вполне удовлетворительнымъ; а вопросъ этотъ слишкомъ запутанъ для того, что бы разбирать его даже на этихъ страницахъ.

Распознавательная чувствительность уха. Законъ Вебера вполне подходитъ для интенсивности звуковъ. Если шарикъ изъ слоновой кости или металла падаетъ на доску изъ чернаго дерева или желѣза, они производятъ звукъ, который тѣмъ слышнѣе, чѣмъ они тяжелѣе или чѣмъ съ большей высоты они падаютъ. Дѣлая опыты въ этомъ направленіи (послѣ другихъ), Мерпель нашелъ, что едва замѣтное приращеніе силы звука требуетъ приращенія на $\frac{1}{100}$ первоначальнаго стимула повсюду между интенсивностями 20 и 5000 на его произвольной скалѣ. Ниже даннаго предѣла дробное приращеніе стимула должно быть большимъ; выше его не было сдѣлано измѣреній.

Распознаваніе различій въ высотѣ звука неодинаково въ разныхъ частяхъ этой скалы. Близъ 1000 колебаній въ секунду, $\frac{1}{100}$ колебанія можетъ сдѣлать болѣе или менѣе уловимымъ, для тонкаго слуха, измѣненіе звука вверхъ или внизъ. Но требуется гораздо большее относительное измѣненіе числа колебаній для того, что бы вызвать ощущеніе повышенія или пониженія въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ скалы. Самой хроматической гаммой пользовались, какъ иллюстраціей къ закону Вебера. Въ этой гаммѣ, тоны отличаются, повидимому, одинаково одна отъ другой своей высотой, однако ихъ числа колебаній образуютъ рядъ, въ которомъ каждый тонъ представляетъ извѣстное увеличеніе числа колебаній предшествующаго. Тѣмъ не менѣе этотъ законъ не имѣетъ ничего общаго съ интенсивностями или съ едва замѣтными различіями; такимъ образомъ особый параллелизмъ между рядами ощущеній и рядами вѣтвистыхъ стимуловъ представляетъ здѣсь скорѣе совершенно самостоятельный случай, чѣмъ подтвержденіе болѣе общаго закона Вебера.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Осязание, температурное чувство, мускульное чувство и боль.

Первые окончания в коже.—Многие из приводящих кожных нервов оканчиваются соединениями с волосными луковицами; тонкие волоски, находящиеся на большей части кожной поверхности, выдаваясь над кожей, передают всякое движение, полученное ими, с увеличенной силой первыми волокнами, прикрепленными к их основаниям. Тонкие разветвления осевых цилиндров, проникают между клетками эпидермы и оканчиваются здесь, не имея концевых органов. В коже или непосредственно над ней были также отысканы различные специальные формы нервных концевых органов, а именно: 1) Осязательные клетки; 2) Пачиниевы тельца; 3) Осязательные тельца; 4) Концевые колбочки¹⁾.

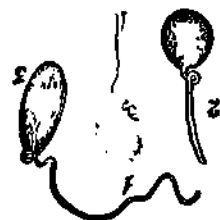


Рис. 23.— Концевые колбочки из концевых тел человеческого глаза, увеличенными.

Все эти тела состоят по существу из зернышек, образованных из соединительной ткани, в которой или кругом которой оканчивается одно или больше чувствительных нервных волокон. Тела эти, вероятно, усиливают впечатление подобно тому, как песчинка в башмаке или крошка в пальце перчатки.

Осязание или чувство давления. — «Через кожу мы получаем различные виды ощущений: собственно осязание, теплоту и холод и боль; и мы можем с большей или меньшей точностью локализовать эти ощущения на поверхности тела.

Внутренность рта обладает также тремя видами чувствительности. При помощи собственно осязания мы распознаем давление или натягивание, производимое на кожу, и силу давления, а также мягкость или твердость, шероховатость или гладкость тела, вызывающего это чувство осязания, и, наконец, форму тела, когда оно настолько велико, что может ощущаться все целиком. Когда мы для того, чтобы изучить форму какого-нибудь предмета, прикасаемся к нему рукой, мускульные ощущения соединяются с собственно осязательными, и такая комбинация обоих ощущений происходит часто; сверх того, мы редко осязаем что-нибудь без получения в то же время ощущений температурных, следовательно, чистые осязательные чувствования редки. С эволюционной точки зрения, осязание является, вероятно, первым ясно дифференцированным ощущением, и оно до сих пор значительно удержало свое первоначальное положение в нашей психической жизни²⁾.

¹⁾ Мартин: op. cit.

²⁾ Мартин: op. cit.

Предметы имеют наибольшее значение для нас, когда они находятся в непосредственном соприкосновении с нами. Главная функция наших глаз и ушей состоит в том, чтобы дать нам возможность приготовиться к соприкосновению с приближающимися телами или отражать подобное соприкосновение. Соответственно этому они характеризовались, как органы предварительного осязания.

«Тонкость осязательного чувства не одинакова на различных участках кожи; наибольшей она является на лбу, висках и на нижней стороне предплечья, где может ощущаться вес 2 миллиграммов, производящих давление на площадь в 9 квадр. миллиметров».

«Для того, чтобы чувство осязания могло быть вызвано, соседние участки кожи должны испытывать иное давление. Когда рука погружается в жидкость, например, в воду, которая проникает во все неровности руки и давит (приблизительно) с одинаковой силой на все соседние погруженные участки кожи, то чувство давления ощущается только по линии вдоль поверхности, где сходятся погруженные и непогруженные участки кожи».

Локализирующая способность кожи. «Когда глаза наши закрыты и кто-нибудь прикасается к какой-либо точке нашей кожи, мы можем с некоторой точностью указать участок, испытанный возбуждение; хотя осязательные чувствования в общих чертах одинаковы, они отличаются чем-то друг от друга (помимо интенсивности), по чему мы можем их отличать: должно существовать некоторое качество их, вызывающее субъективное ощущение, но доходящее с определенной ясностью до сознания, и которое можно сравнить с обертонами, определяющими тембр тона. Тонкость способности к локализации сильно варьирует на различных участках кожи; она измывается при помощи определения наименьшего расстояния, которое должно отделять друг от друга два предмета (например, притупленные концы пальцев циркуля), при чем оба они опущались бы как два таковых. Следующая таблица иллюстрирует некоторые из наблюдаемых неодинаковых отношений кожи к локализации ощущений:

Кончик я	1,1 мм. (0,04 дюйма).
Пальца сторона последней фаланги пальца	2,2 " (0,08 ")
Красная часть губы	4,4 " (0,16 ")
Косик носа	6,6 " (0,24 ")
Тыльная сторона второй фаланги пальца	11,0 " (0,44 ")
Пятка	22,0 " (0,88 ")
Тыльная сторона кисти	30,8 " (1,23 ")
Предплечье	39,6 " (1,58 ")
Гр. (шир.)	44,0 " (1,60 ")
Задняя сторона шеи	53,2 " (2,11 ")
Средняя спина	66,0 " (2,64 ")

Способность локализации является немного более острой поперек длинной оси какой-нибудь конечности, чем вдоль по ней; и тогда, когда давление как раз достаточно сильно, чтобы вызвать заметное осязательное ощущение, способность лучше, чем когда давление более слабо; она очень

легко и быстро доступна къ усовершенствованию путемъ привычки. Кажется, что естественная тонкость этой способности находится въ соотношеніи съ тѣмъ, что кожа, обладающая ею, покрываетъ болѣе подвижную часть тѣла.

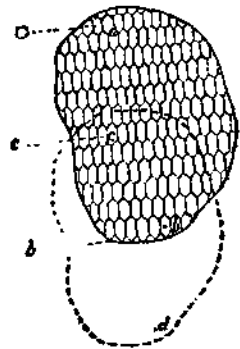


Рис. 24.

«Можно было бы думать, что эта способность локализации зависитъ непосредственно отъ распределения нервовъ; что каждый осязательный нервъ соединяется однимъ концомъ своимъ съ специальнымъ мозговымъ центромъ, (возбужденіе котораго вызываетъ ощущение съ характернымъ признакомъ), а другимъ концомъ распределяется на определенномъ участкѣ кожи, и что чѣмъ болѣе этотъ участокъ, тѣмъ болѣе могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга двѣ точки, все еще вызывающія одно только ощущение а не два. Однако, если бы это было такъ, то периферическіе осязательные участки, изъ коихъ каждый опредѣлялся бы анатомическимъ распределеніемъ нервного волокна, должны бы были имѣть опредѣленные кожные границы, каковыми, какъ показываетъ опытъ, участки эти не обладаютъ.

Предположимъ, что небольшія плоскости на рис. 24 представляютъ, каждая, периферическій участокъ распределения нерва. Если коснуться какихъ-нибудь двухъ точекъ въ плоскости с, то, согласно этой теоріи, мы получимъ одно только ощущение; а если бы въ то время, какъ ножки циркуля остававшихся бы раздвинутыми на то же разстояніе или да еще болѣе сближены, помѣстивъ одну въ с, а другую на соприкасающійся участокъ, то раздраженіе получили бы два волокна, и мы должны были бы получить два ощущения; но такъ на дѣлѣ не бываетъ: на одномъ и томъ же участкѣ кожи точки прикосновенія должны быть всегда отдѣлены другъ отъ друга однимъ и тѣмъ же разстояніемъ, безразлично, какъ мѣнять ихъ положеніе, и только тогда они могутъ давать начало двумъ распознаваемымъ ощущениямъ.

«Вѣроятно, что нервныя участки много меньше по величинѣ, чѣмъ осязательныя, и что много не возбужденныхъ участковъ должно находиться между возбужденными для того, чтобы вызвать раздѣльные ощущения. Если мы предположимъ, что такихъ невозбужденныхъ участковъ должно находиться двѣнадцать, то на рис. 24 а и б будутъ какъ разъ на границахъ одного осязательнаго участка; и безразлично, какъ передвигать ножки циркуляра, пока между ними будутъ находиться одиннадцать или меньше невозбужденныхъ участковъ, мы получимъ одно осязательное ощущение; этимъ путемъ мы можемъ объяснить тотъ фактъ, что осязательныя участки не имѣютъ неизмѣнныхъ границъ на кожѣ, несмотря на то, что распределеніе нервовъ во всякой части должно быть постояннымъ. Мы видимъ также, почему ножъ, положенный тупой стороной на поверхность кожи, вызываетъ ощущение непрерывной линіи, хотя съдается многихъ отдѣльных нервныхъ участковъ. Если-бы мы могли отличать возбужденіе каждаго изъ нихъ отъ ощущений, идущихъ отъ непосредственно соприкасающихся съ ними участковъ, мы получали-бы ощущение ряда точекъ прикосновенія, одну для г. возбужденнаго

перваго участка; но при отсутствіи промежуточныхъ невозбужденныхъ нервныхъ участковъ, ощущенія сливаются вмѣстѣ.

«Температурное чувство. Его конечныя органы». Подъ температурнымъ чувствомъ мы подразумеваемъ нашу способность ощущать холодъ и теплоту и съ помощью этихъ ощущений воспринимать температурныя различія вѣншихъ предметовъ. Органомъ этого чувства является вся кожа, слизистая оболочка рта и зѣва, глотка и гортань и входъ въ носъ. Непосредственное согрѣваніе или охлажденіе чувствительнаго нерва могутъ возбудить его и вызвать боль, но только не настоящее температурное ощущение; отсюда мы приходимъ къ заключенію о присутствіи температурныхъ концевыхъ органовъ. (Анатомически присутствіе ихъ еще не доказано. Однако, физиологически, демонстрація особыхъ точекъ на кожѣ для ощущенія тепла и холода является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ открытій послѣднихъ лѣтъ. Если провести концомъ карандаша по ладони или щецѣ, то можно замѣтить опредѣленные мѣста внезапнаго холода. Это—точки холода; тепловые точки менѣе легко отличить. Гольдшайдеръ, Бликсъ и Дональдсонъ сдѣлали тщательное изслѣдованіе для опредѣленія такихъ участковъ кожи и нашли, что тепловые точки и точки холода расположены часто и постоянно отдѣлены другъ отъ друга. Въ промежуткахъ между ними не возбуждается никакого температурнаго ощущенія посредствомъ заостреннаго холоднаго или горячаго предмета. Механическое и электрическое раздраженіе также вызываетъ въ этихъ точкахъ ихъ соотвѣтственные специфическія ощущенія).

Чувствованіе температуры находится въ соотношеніи съ состояніемъ кожи. «Въ теплой комнатѣ мы не чувствуемъ ни въ какой части нашего тѣла ни тепла ни холода, хотя различныя части его поверхности имѣются разныя температуры: пальцы и носъ холоднѣе, чѣмъ туловище, покрытое одеждой, а послѣднее въ свою очередь холоднѣе внутренней полости рта. Температура, которою обладаетъ данный участокъ температурнаго органа (измѣренная термометромъ) и при которой не чувствуется ни тепло, ни холодъ, есть нуль ея температурнаго ощущенія и въ находится въ прямой зависимости отъ объективной температуры, такъ какъ она, какъ мы только что видѣли, различна не только въ различныхъ частяхъ органа, но даже отъ времени до времени въ одной и той же части. Всякій разъ, какъ участокъ кожи получаетъ температуру выше нуля температурнаго ощущенія, мы чувствуемъ тепло, и наоборотъ. Ощущеніе тѣмъ болѣе замѣтно, чѣмъ болѣе эта разлика и чѣмъ вѣснѣе оно сдѣлана: прикосновеніе металлическаго тѣла, которое быстро проводитъ теплоту къ кожѣ или отъ нея, вызываетъ болѣе замѣтное ощущение типа или холода, чѣмъ прикосновеніе болѣе слабого проводника, г. папируса, куска дерева съ той же температурой.

Измѣненіе температуры въ органѣ можетъ быть причинено измѣненіемъ въ кровеносной системѣ (если больше крови приливаетъ къ кожѣ, то тѣло согрѣвается ею, если меньше—охлаждается) или температур-



Рис. 25.—Фигура, обозначенная X. П., показываетъ точки холода; Г. П.—тепловые точки, а средняя фигура—волосяныя точки на кускѣ кожи съ одного изъ пальцевъ Гольдшайдера.

ными изменениями в газах, жидкостях или твердых телах, находящихся в соприкосновении с ними. По временам мы не можем различить ясно, имеем-ли мы дело с внешней или внутренней причиной: кто-либо, вернувшись с прогулки при ветре, часто находит комнату слишком теплой, хотя на деле она не такова; motion ускоряет его кровообращение и следовательно нагревание его кожи, но движение наружного воздуха быстро отняло излишек теплоты; при входе в комнату неподвижный воздух производит менее быстро это охлаждение, кожа нагревается, а причина этого нагревания приписывается угнетающей теплоты комнаты. Из-за этого, часто, открывают окна и садятся на сквозняк, подвергаясь сопровождающему сквозняку риску; между тем, если отдохнуть пять или десять минут, пока кровообращение не придет к нормальному состоянию, получится тот же результат, но без опасности для здоровья.

Острота температурного чувства является наиболее сильной при температурах в 30°C с небольшим (86°Фар.); при такой температуре можно замечать разницы меньше, чем в $0,1^{\circ}\text{C}$. Тем не менее, для измерения абсолютных температур, кожа является средством очень ненадежным в виду изменчивости ее кожного ощущения. Мы можем локализовать температурные ощущения также, как осязательные, но не так точно¹⁾.

Мышечное ощущение. Ощущение в самом мускуле не может быть хорошо отлечено от ощущения в сухожилии или в месте его прикрепления. При мышечном утомлении наиболее болезненно ощущаются места прикрепления их. Однако, при мышечном ревматизме все мышцы становятся болезненной, а такое сильное сокращение, напр., вызываемое гальваническим током, или известное под названием судороги, вызывает сильную специфическую боль, ощущаемую во всей массе пораженной мышцы. Сакс полагает, что он доказал — и экспериментально, и анатомически — существование в мышце лягушки специальных чувствительных нервных волокон, отличных от двигательных волокон. Последние оканчиваются в «концевых пластинках», первая же — в сплетениях.

Мышечному чувству приписывалось большое значение, как фактору в наших восприятиях не только веса и давления, но и пространственных отношений между предметами вообще. Наши глаза и наши руки, при пользовании нами пространством, движутся по нему и сквозь него. Обыкновенно предполагают, что без такого чувства промежуточного движения, совершаемого нами, мы не воспринимали-бы двух видимых или осязаемых точек, как отделенных пространственным промежутком. Я далек от того, чтобы отрицать громадное участие двигательных слухов в построении наших пространственных восприятий. Но до сих пор является открытым вопрос, каким образом наши мускулы помогают нам в этих опытах: при помощи-ли их собственных ощущений, или посредством пробуждения ощущений движения в нашей коже, считая или в суставных поверхностях. Последнее мне кажется наи-

более правдоподобным взглядом, и читатель, может быть, будет того же мнения по прочтении шестой главы.

Чувствительность к тяжести. Когда мы желаем точно определить вес какого-нибудь предмета, мы всегда, когда это возможно, поднимаем его и таким образом связываем мускульные и суставные ощущения с осязательными. Таким способом мы можем гораздо лучше составлять суждения о весе предметов.

Леберт наизясть, что в то время, как к тяжести, лежащей на руке, должна быть приложена $\frac{1}{8}$ для того, чтобы почувствовалось увеличение веса та же рука, активно поднимающая тяжесть, почувствует прибавление столь малое, как $\frac{1}{17}$. Недавние и очень тщательные опыты Мереля, в которых палец, надавливая на один конец коромысла, уравновешивая от 25 до 8020 граммов, показали, что между 200 и 2000 гр. чувствовалось постоянное пробное приращение веса приблизительно на $\frac{1}{10}$, когда палец был неподвижен, и около $\frac{1}{10}$, когда палец был в движении. Выше и ниже этих предельных способностей различения становилось слабее.

Боль. — Физиология боли является еще загадкой. Можно-бы предположить, что особая приносящая волокна с их особыми концевыми органами приносят болевые ощущения к особому болевому центру. Или же можно предположить, что к такому специальному органу приходят избытки токов от всех других чувствительных центров, когда сила их внутреннего возбуждения достигла известного предела. Или, наконец, можно предположить, что известная крайняя степень внутреннего возбуждения вызывает чувство боли во всех центрах. Это правда, что ощущения всякого рода, которые в умственных степенях скорее приятны, тем неприятны, становятся болезненными, когда их интенсивность сильно нарастает. Отношение, с каким приятность и неприятность изменяются сообразно интенсивности ощущений, грубо представлено на рис. 26 кривой пунктирной.

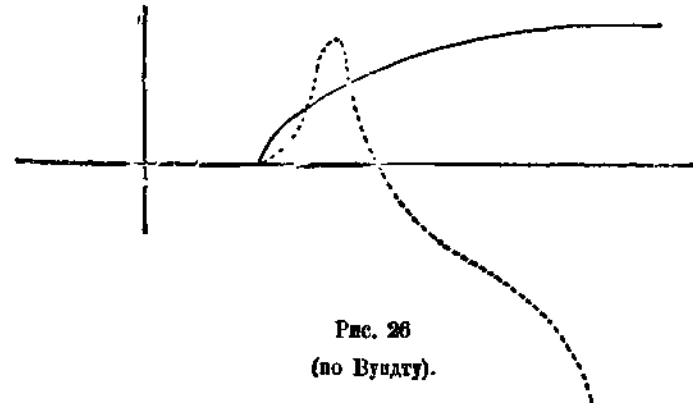


Рис. 26
(по Вундту).

¹⁾ Маршалл: op. cit., с пропусками.

ной линией. Горизонтальная линия представляет порог как чувствительности ощущения, так и его приятности. Ниже этой линии находится неприятное. Пунктирная кривая представляет кривую по закону Вебера, с ко-

торую мы познакомились на рис. 2. При минимальном ощущении приятное чувство равно нулю, как это показывает пунктирная кривая. Сначала она поднимается медленно, тем интенсивнее ощущение, а затем все выше и выше и достигает своего максимума прежде, чем ощущение достигает своей высшей точки (асиме). После этого максимума приятности пунктирная линия быстро опускается и скоро падает ниже горизонтальной линии в область неприятного и болезненного. Что все ощущения становятся болезненными, когда они слишком интенсивны, это факт (обыденного знания) всем известный. Свет, звук, запахи, даже сладкий вкус, холод, тепло и все кожные ощущения должны быть умеренными для того, чтобы доставлять наслаждение.

Однако, качество (т. е. род) ощущения осложняет вопрос, ибо в некоторых ощущениях, — как горькое, кислое, соленое и некоторые запахи, — поворотный пункт пунктирной кривой должен, действительно, лежать очень близко к началу скалы. В коже болевое чувство тоже скоро становится настолько интенсивным, что совершенно пересиливает качество специфическое для этого рода возбуждения. При крайней степени тепла, холода и давления, они уже не различаются, — мы чувствуем только боль. Гипноза об отдельных концевых органах в коже несколько подтверждается недавними опытами, так как и Бликер, и Гольдшайдер нашли в коже, наряду с их специальными тепловыми точками и точками холода, также специальные «болевые точки». Между ними (замечаны) находятся точки, совершенно нечувствительные. Как бы ни рвался вопрос о кожных болевых точках, некоторые факты едва ли вроятным существование отдельных приводящих к мозгу путей для одних болевых и для других только осязательных кожных ощущений. В состоянии, обозначаемом словом анальгезия, осязание сохраняется, но наиболее сильный ципок, ожог или электрическая искра, разрушающая ткань, не вызывают болевого ощущения. Это может случиться при болезни позвоночника, при гипнотическом внушении или в известных стадиях отравления эфиром или хлороформом. «Подобное состояние у крысы было произведено Шиффом посредством отделения сразу вещества от спинного мозга и оставления неповрежденными задних болевых столбов. Наоборот, если отделить последние и оставить спрое вещество, то повышается чувствительность к боли, а собственно осязание, вероятно, утрачивается. Эти опыты делают весьма вероятным, что когда приходят импульсы достигают спинного мозга на каком-нибудь уровне и здесь входят в его спрое вещество через задние корешки, они направляются различными путями к центрам сознания: осязательные импульсы быстро выходят из спрое вещества и направляются тотчас в хорошо проводящее белое волокно, между тем как болевые импульсы идут далее в спрое вещество. До сих пор неизвестно, по одним ли и тем же волокнам оба импульса достигают спинного мозга. Спрое вещество проводит нервные импульсы, но не легко: они скоро задерживаются в нем. Слабый (осязательный) импульс, достигая его по приводящему волокну, может распространяться здесь только на коротком расстоянии и затем переходит в отдельное, хорошо проводящее волокно в белом столбе и достигает головного мозга; между тем как сильный (болевой)

импульс распространяется дальше в спрое вещество и, может быть, вырывается из него по многим волокнам, ведущим к мозгу через белые столбы, и таким образом дает начало некоординированному и дурно локализованному ощущению. Что боли дурно локализируются и тем хуже, тем он интенсивнее, это — факт всем известный и получающий, таким образом, здесь свое объяснение ¹⁾.

Боль также дает начало дурно-координированным оборонительным движениям. Чем сильнее боль, тем сильнее порыв. Без сомнения, у низших животных боль является почти единственным стимулом, а мы сохранили эту особенность настолько, что она является стимулом наших наиболее энергических, но не наиболее сознательных реакций.

Вкус, обоняние также, как и холод, жажда, тошнота и другие так называемые «обычные» ощущения не будут рассматриваться в этой книге, ибо относительно их неизвестно ничего, что имело бы психологический интерес.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ощущения движения.

Я разбираю их в отдельной главе для того, чтобы отнести к ним с тем вниманием, которого заслуживает их значение. Они бывают двух родов:

1) Ощущения предметов, движущихся по нашим ощущающим поверхностям, и

2) Ощущения перемещения всего нашего тела в пространстве.

1) Ощущение движения по поверхностям. Физиологи вообще принимают, что восприятие этого ощущения невозможно, пока мы не знаем отдаленно: начального положения (*terminus a quo*) и конечного (*terminus ad quem*) и пока мы не воспринимаем, что последовательные перемещения двигающегося тела в эти положения отделены заметными промежутками времени. В действительности, однако, мы познаем таким путем только самые медленные движения. Видя часовую стрелку на XII, а затем на VI, я заключаю, что в этот промежуток времени она двигалась. Видя солнце теперь на востоке, а потом на западе, я вывожу, что оно прошло над моей головой. Но мы можем только судить вывод об этом из того, что уже знаем вообще несколько более непосредственным образом, а из опыта известно, что мы обладаем чувством вращающегося движения — как непосредственным и простым ощущением. Черняк давно указывал на разницу между видением движения се-

¹⁾ Мартин; *op. cit.*

линейной стрелки, когда мы смогримъ непосредственно на нее, и между подмѣчаніемъ того факта, что она перемѣнила свое положеніе въ то время, какъ нашъ взглядъ удерживался на какой-нибудь другой точкѣ циферблата. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ специфическое качество ощущенія, отсутствующее во второмъ. Если читатель найдетъ у себя участки кожи, напримеръ, руки, на которыхъ два уголка циркуля, раздвинутого на дюймъ, чувствуются, какъ одно впечатлѣніе, и если онъ затѣмъ карандашечъ проведетъ по этому мѣсту линію въ $\frac{1}{10}$ дюйма длиною, то онъ ясно будетъ различать движеніе точки и смутно—направленіе движенія. Очевидно, здѣсь воспріятіе движенія не вытекаетъ изъ предварительнаго знанія того, что его начальный и конечный пункты суть раздѣльные мѣста въ пространствѣ, такъ какъ даже точки, отдѣленные разстояніемъ въ 10 разъ большимъ, не различались нами, когда воспріятіе вызывалось уголками ножекъ циркуля. Положите концы всѣхъ вашихъ пальцевъ на ту часть вашего закрытаго глаза, которая ближе къ виску, и вы не будете ощущать каждаго отдѣльнаго пальца. Но попробуйте двигать ими каждымъ въ отдѣльности, и вы будете въ состояніи сосчитать ихъ ¹⁾. Такимъ образомъ, очевидно, что такъ какъ наше ощущеніе движенія гораздо тоньше ощущенія положенія, то оно не можетъ быть выведено изъ послѣдняго (то есть изъ ощущенія положенія).

Почти въ то же самое время Фироратъ обратилъ вниманіе на нѣкоторые постоянныя иллюзіи этого рода ощущеній. Укажемъ нѣкоторыя. Если кто-нибудь тихо проводитъ линію по нашему запястью или пальцу, причемъ послѣдніе неподвижны, то мы будемъ чувствовать, будто-бы эта часть тѣла будетъ двигаться въ направленіи противоположномъ движущейся точкѣ. Напротивъ, если мы двигаемъ нашей конечностью по неподвижной точкѣ, то намъ покажется, будто-бы движется эта точка. Если читатель коснется своего лба указательнымъ пальцемъ и затѣмъ, оставляя послѣдній безъ движенія, будетъ вращать головой такъ, чтобы кожа лба двигалась подъ концомъ пальца, онъ получитъ непремѣнно ощущеніе, будто кончикъ пальца самъ движется въ направленіи, противоположномъ головѣ. То же происходитъ, когда мы отводимъ пальцы одинъ отъ другого: можно двигать только нѣкоторые, остальные же остаются неподвижными, но намъ кажется, будто и эти послѣдніе активно отдаляются отъ первыхъ. Согласно Фирорату, эти иллюзіи являются пережитками примитивной формы воспріятія, когда движеніе хотя и чувствовалось—какъ движеніе, но еще приписывалось всему «содержанію» сознанія, а еще не различалось, какъ принадлежность одной только части его. Когда наше воспріятіе развилось вполнѣ, мы сознаемъ не только простыя отношенія движенія предмета и нашей кожи, по которой онъ движется, а можемъ различать безусловное движеніе одного изъ этихъ элементовъ и безусловный покой другого. Когда мы ощущаемъ при помощи зрѣнія, напримеръ, что все поле зрѣнія движется, мы полагаемъ, что это мы сами или наши глаза движутся; а всякій предметъ на переднемъ планѣ, который кажется движущимся по отношенію къ заднему

плану, мы считаемъ на самомъ дѣлѣ неподвижнымъ. Но первоначально это различеніе не производилось ясно. Ощущеніе движенія, распространялось нами на все, что мы видѣли, и сообщалось всему. При всякомъ отношеніи движенія предмета и сѣтчатки, намъ казалось, что и предметъ движется, и что мы сами движемся. Даже теперь, когда все наше поле зрѣнія находится дѣйствительно въ движеніи, у насъ начинается легкое головокруженіе и мы чувствуемъ, будто мы тоже двигаемся; и наоборотъ, до сихъ поръ намъ кажется, что движется все поле зрѣнія, когда мы внезапно дергаемъ или быстро поворачиваемъ голову и глаза то въ одну, то въ другую стороны. Та же самая иллюзія получается при надавливаніи на глазныя яблоки. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы знаемъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ, но такъ какъ условія необычны, то появляется наше первобытное ощущеніе безпріпятственнаго. То же самое происходитъ, когда облака плывутъ близъ луны: мы знаемъ, что луна неподвижна, но мы видимъ, что движется скорѣе она, чѣмъ облака. Даже, когда мы медленно двигаемъ нашими глазами, примитивное ощущеніе сохраняетъ свое преобладающее значеніе. Если мы точно прослѣдимъ нашъ опытъ, то найдемъ, что всякій предметъ, на который мы обращаемъ нашъ взоръ, кажется движущимся навстрѣчу нашему глазу.

Но самую цѣнную замѣтку по этому вопросу далъ Шнейдеръ (G. H. Snelder) въ статьѣ ¹⁾, гдѣ онъ разбираетъ вопросъ съ зоологической точки зрѣнія и показываетъ на примѣрахъ изъ всякихъ отдѣловъ животнаго царства, что движеніе есть то качество, при помощи котораго животныя наиболее легко привлекаютъ вниманіе другъ друга. Инстинктъ, заставляющій «притворяться мертвымъ», вовсе не есть мнимая смерть, но скорѣе вызванный страхомъ паразитъ, который спасаетъ насѣкомое, ракообразное или другое животное отъ опасности быть замѣченнымъ его врагомъ. У людей этому явленію соответствуютъ неподвижность и связанность съ ней задержки дыханія, напр., у мальчика, играющаго въ прятки и близъ котораго находится ищущій; обратное же представляется въ нашемъ произвольномъ маханіи руками, въ подпрыгиваніи и т. д., когда мы хотимъ издали привлечь чье-либо вниманіе. Животныя, «подстерегающія свою добычу» или скрывающіяся отъ своихъ преслѣдователей, показываютъ также, насколько неподвижность уменьшаетъ ихъ замѣтность. Въ лѣсахъ, если мы будемъ неподвижны, бѣлки и птицы будутъ почти прикасаться къ намъ. Мухи садятся на чучела птицъ и на неподвижныхъ лягушекъ. Съ другой стороны, ужасное потрясеніе отъ чувства, что предметъ, на которомъ мы сидимъ, начинаетъ двигаться, или чрезмѣрный испугъ, испытываемый нами, когда насѣкомое неожиданно пронзало по нашей кожѣ, или когда незамѣтно копка подойдетъ и начнетъ тереться у нашей руки, а также сильныя рефлекторныя эффекты шекотанія и т. д. показываютъ, насколько возбуждающимъ является ощущеніе движенія само по себѣ. Котенокъ не можетъ воздержаться отъ преслѣдованія движущагося мяча. Впечатлѣнія, слишкомъ слабыя, чтобы ихъ можно было различить, ощущаются немедленно, если предметъ производитъ

¹⁾ У Джамса приведенъ другой опытъ, но произвести его почти невозможно, и мы замѣнили его.
Ред.

¹⁾ Vierteljahrsch. für Wiss. Philos., II. 377.

ихъ, приходятъ въ движеніе. Сидящая муха незамѣтна,—мы ее замѣчаемъ въ то время, какъ она ползаетъ. Тѣнь можетъ быть слишкомъ слабой, чтобы быть замѣченной, пока она въ покоѣ; напримѣръ, если мы держимъ палецъ между папины закрытымъ вѣкомъ и солнечнымъ свѣтомъ, мы не замѣчаемъ тѣни отъ него на нашемъ вѣкѣ, но въ тотъ моментъ, когда мы имъ двигаемъ, мы ее различаемъ. Подобный способъ зрительнаго воспріятія воспроизводитъ тотъ способъ зрѣнія, какой мы должны предположить у лучистыхъ животныхъ.

У насъ самихъ гладкое назначеніе периферическихъ частей слѣзчатки—быть часовыми, которые, когда передъ ними движутся лучи свѣта, кричатъ: «Кто идетъ?» и призываютъ къ этому мѣсту желтое пятно. Большая часть участковъ кожи выполняетъ ту же обязанность по отношенію къ кончикамъ пальцевъ.

Очевидно, что движеніе поверхности кожи надъ предметомъ (для результатовъ возбужденія) равносильно движенію предмета по поверхности кожи. При изслѣдованіи формъ и разбѣра предметовъ глазомъ или кожей, движенія этихъ органовъ непрерывны и неудержимы. Каждое такое движеніе проводятъ точки и линіи предмета по воспринимающей поверхности, запечатлѣвая ихъ во сто разъ рѣже во вниманіи. Поэтому, громадная роль, которую играютъ движенія въ нашей воспринимающей дѣятельности, побудила многихъ психологовъ доказывать, что мускулы сами являются органами воспріятія пространства. Но «чувствительность поверхности», но «мускульное чувство» является для этихъ писателей первоначальнымъ и единственнымъ разоблачителемъ пространства или объективной протяженности, существующихъ вѣкъ насъ (объективно). Но все они не замѣтили, съ какою особенной напряженностью (интенсивностью) мускульныя движенія призываютъ къ участию «чувствительность нашихъ поверхностей», и какъ сильно простое различіе впечатлѣній зависитъ отъ подвижности тѣхъ поверхностей, на которыя эти впечатлѣнія падаютъ.

Наши суставныя поверхности служатъ осязательными органами, и становятся очень болѣзненными при воспаленіи. Помимо давленія, единственный стимулъ (возбужденіе), воспринимаемый ими, есть движеніе ихъ другъ по другу. Воспріятіе положенія, которое могутъ принять наши конечности, повидному, обусловлено ощущеніемъ этого движенія больше, нежели чѣмъ-либо другимъ. Пациенты, страдающіе кожной и мышечной анестезіей (потерей чувствительности) въ ногѣ, могутъ часто доказывать сохраненіе ихъ суставной чувствительности, указывая (движеніями здоровой ноги) положенія, въ которыя хирургъ ставитъ ихъ больную ногу. Гольдшейдеръ въ Берлинѣ приводилъ посредствомъ особаго аппарата въ пассивное вращеніе, въ различныхъ суставахъ, пальцы, а также руки и ноги. Этотъ механическій аппаратъ въ то же время отмѣчалъ и скорость вращенія, придаваемого суставамъ, и величину угла вращенія. Миппальные ощущаемые углы вращенія были гораздо меньше одного углового градуса для всѣхъ суставовъ, исключая суставовъ пальцевъ. Такія перемѣщенія, по словамъ Гольдшейдера, два могутъ быть обнаружены глазомъ. Анестезія кожи, вызванная при этомъ индуктивными токами, не вносила никакого разстройствъ въ воспріятіе, равно какъ этого не достигали и различныя степени давленія со стороны движущей силы на кожу. Въ дѣйствительности, вос-

пріятіе дѣлалось все болѣе яснымъ, по мѣрѣ того, какъ сопутствующія ощущенія давленія удалялись при помощи искусственной анестезіи. Однако, когда сами суставы были искусственно анестезированы, воспріятіе движенія анонилось смутнымъ, а тѣ углы вращенія, которыя прежде ощущались, теперь пришлось сильно увеличивать. По мнѣнію Гольдшейдера, всѣ эти факты доказываютъ, что суставныя поверхности и только онѣ являются мѣстомъ впечатлѣній, при помощи которыхъ непосредственно воспринимаются движенія нашихъ членовъ.

2) Ощущенія движенія въ пространствахъ.—Они могутъ быть раздѣлены на чувства—вращенія и чувства перемѣщенія. Какъ было установлено въ концѣ главы объ ухѣ, лабиринтъ (полукружные каналы, *utricle* и *sacculus*) повидному не имѣетъ ничего общаго со слухомъ. Въ наше время окончательно установлено, что полукружные каналы служатъ органами шестого особаго чувства, именно, чувства вращенія. Когда это чувство возбуждается субъективно, оно извѣстно подъ названіемъ головокруженія или *vertigo* и быстро влечетъ за собою чувство тѣноты. Раздражающее заболѣваніе внутренняго уха причиняетъ сильное *vertigo* (болѣзнь *Ménier's*). Травматическое раздраженіе каналовъ у птицъ и млекопитающихъ заставляетъ этихъ животныхъ падать и метаться въ такихъ тѣлодвиженіяхъ, которыя лучше всего объясняются предположеніемъ, что они страдаютъ отъ ложныхъ ощущеній паденія и т. д., которыя и стараются уравновѣсить (компенсировать) рефлекторными мускульными актами прыганія въ другую сторону. Гальваническое раздраженіе перепончатыхъ каналовъ у голубей вызываетъ точно такія же компенсирующія движенія головы и глаза, какія происходятъ при дѣйствительномъ вращеніи, сообщенномъ этимъ животнымъ. Глухонѣмые (между которыми много должны были разстроить свои слуховые нервы или лабиринтъ той-же болѣзью, которая лишила ихъ слуха) въ очень большомъ процентѣ случаевъ оказываются совершенно невосприимчивы къ головокруженію при вращеніи. Пуркинѣ и Махъ показали, что каковъ бы ни былъ органъ у чувства вращенія, онъ долженъ находиться въ головѣ; тщательными опытами Махъ исключилъ возможность предположенія его въ туловищѣ.

Полукружные каналы, будучи какъ бы шестью крохотными «уровнемерами», помѣщенными въ трехъ плоскостяхъ, перпендикулярныхъ другъ къ другу, представляются удивительно приспособленными для того, чтобы быть органами чувства вращенія. Мы должны только предположить, что, когда голова повертывается въ плоскость одного изъ нихъ, относительная иерція эндолимфы моментально усиливаетъ ея давленіе на нервныя окончанія въ соотвѣтственной ампулѣ, и это давленіе возбуждаетъ тотъ, который идетъ по направленію къ центральному органу чувства *vertigo*. Этимъ органомъ, повидному, является мозжочекъ, и цѣлесообразность всего этого проявилась въ сохраненіи прямого положенія головы и тѣла. Если кто-нибудь стоитъ съ закрытыми глазами и обратитъ вниманіе на свое тѣло, то онъ найдетъ, что едва-ли хоти на одинъ моментъ остается въ равновѣсіи. Начинаясь паденія послѣдовательно въ разныя стороны постоянно исправляются мускульными сокращеніями, которыя естественнѣе равновѣсія; и хотя впечатлѣнія, получаемыя сухожильными звязками, подошвами ноги, суставами и т. д., безъ сомнѣнія, находятся въ числѣ

Строение мозга ¹⁾.

причины тѣхъ сокращеній, которыми поддерживается равновѣсiе, однако наиболѣе сильнымъ и наиболѣе специфическимъ рефлексомъ въ нарушившемъ равновѣсiе членѣ является, повидимому, тотъ, который вызывается ощущеніемъ начинающагося головокруженія. Экспериментально доказано, что это ощущение гораздо легче возбуждается (при такомъ нарушеніи равновѣсiя), чѣмъ прочія упомянутыя выше ощущенія. Когда мозжечокъ разрушается, отвѣтный рефлексъ не происходитъ и въ результатѣ получается потеря равновѣсiя. Раздраженіе мозжечка вызываетъ vertigo, потерю равновѣсiя и тошноту; гальваническіе токи, пропущенные черезъ голову, также вызываютъ различныя формы головокруженія, соотвѣтственно направленію токовъ. Кажется вѣроятнымъ, что непосредственное возбужденіе центра въ мозжечкѣ является причиной этого чувствованія. Въ добавленія къ этимъ рефлексамъ, возникающимъ отъ различныхъ частей тѣла, нужно добавить что чувство вращенія производитъ соотвѣтствующее вращеніе глазныхъ яблокъ въ противоположномъ направленіи, тѣмъ и обуславливаются нѣкоторыя изъ субъективныхъ явленій зрительнаго vertigo (оптическаго головокруженія). Само вращеніе не вызываетъ никакого ощущенія; только остановка или конецъ или, выражаясь въ болѣе общемъ смыслѣ, измѣненіе скорости (положительное или отрицательное) вліяетъ на концевые органы въ ампулахъ. Тѣмъ не менѣе, ощущеніе всегда обладаетъ небольшою продолжительностью; и чувствованіе обратнаго движенія послѣ сильнаго вращенія можетъ длиться приблизительно съ минуту, постепенно исчезая.

Причина чувства перемѣщенія (движенія впередъ или назадъ) является болѣе спорной. Мѣстомъ (возникновенія) этого ощущенія называли полукружные каналы, когда они посылаютъ одновременно свои токи въ мозгъ, а также и utricleus. Экспериментаторъ послѣднихъ лѣтъ, М. Деляжъ, считаетъ, что оно не можетъ быть въ головѣ, и приписываетъ его скорѣе всему тѣлу, поскольку его части (кровеносныя сосуды, внутренности и т. д.) подвижны относительно другъ друга и претерпѣваютъ треніе или давленіе отъ ихъ относительной инерціи при наступленіи движенія перемѣщенія. Однако, исключеніе М. Деляжемъ лабиринта изъ этой формы чувствительности не можетъ считаться окончательно обоснованнымъ.

Эмбриологическій очеркъ.—Мозгъ является въ анатоміи весьма запутаннымъ предметомъ, пока не получается извѣстное общее представленіе о немъ: тогда онъ становится сравнительно простымъ дѣломъ для пониманія. Уподобленіе клубку дано сравнительной анатоміей и въ частности эмбриологіей. Въ извѣстный моментъ развитія всѣхъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ спинно-мозговая (деребро-спинальная) ось представляетъ полую трубку, содержащую жидкость, и оканчивающуюся спереди



Рис. 27.

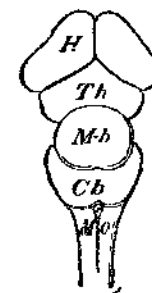


Рис. 28.

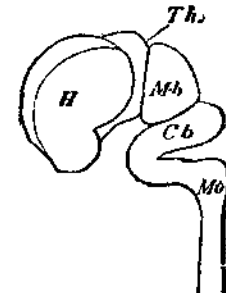


Рис. 29.

расширеніемъ, которое раздѣлено поперечными перегородками на три такъ называемыхъ «мозговыхъ пузыря» (см. рис. 27). Стѣнки этихъ пузырей утолщаются въ большей части мѣстѣ, а въ другихъ измѣняются въ тонкую сосудистую ткань, въ нѣкоторыхъ образуются выступы, которые въ свою очередь представляютъ, по вѣроятности, дальнѣйшія подраздѣленія. Средній пузырь или средний мозгъ (Mb на рисункахъ) подвергается измѣненію послѣ другихъ. Его верхнія стѣнки утолщаются въ зрительныя доли или четыреххолміе (corpora quadrigemina), какъ ихъ называютъ у человека; его нижнія стѣнки становятся такъ называемыми ножками мозга или стига cerebri; а его полость превращается въ сильвиевъ водопроводъ.

Передній и задній пузыри подвергаются гораздо болѣе значительнымъ измѣненіямъ. Стѣнки задняго пузыря въ ихъ самой передней части

¹⁾ Для начинающихъ эта глава явится только бѣглымъ эскизомъ. Какъ пособие, слѣдуетъ имѣть модели. Самой лучшей является „Cerveau de texture de Grande Dimension“, сдѣланная Auzoux, 56 Rue de Valenciennes, Paris. Это—чуждое произведеніе искусства и стоитъ 300 франковъ. M. Jules Tarlich, 97 Boulevard Saint Germain, Paris, приготовляетъ наборы изъ пяти большихъ гипсовыхъ моделей, которыя я считаю очень полезными для школьных цѣлей. Онѣ стоятъ 350 франковъ и много лучше нѣкоторыхъ германскихъ моделей, видѣнныхъ мною.

очень сильно утолщаются и образуют сверху мозжечокъ (*cerebellum*, в на всѣхъ рисункахъ) и варолиевъ мостъ (*Pons Varolii*, P. V. на рис. 31) снизу. Въ своихъ самыхъ заднихъ частяхъ задній пузырь утолщается

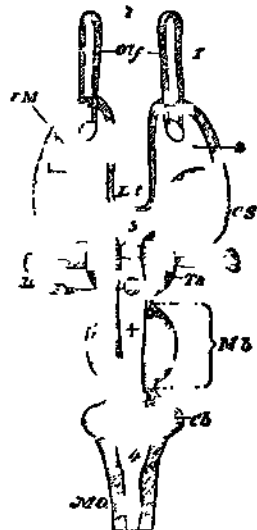


Рис. 30.

ные бугорки (*thalami optici*—Th на всѣхъ рисункахъ).

Отъ передняго пузыря прямо вперед зрительныхъ бугорковъ вырастаютъ (отходятъ) съ каждой стороны углубленія, въ которыхъ продолжается полость пузыря и которая становится соответственно каждой сторонѣ полушаріями (Ншр, рис. 31). У человѣка ихъ стѣнки очень сильно утолщаются и образуютъ на своей поверхности складки, такъ называемыя извилины. Въ то же самое время они растутъ къзади скорѣе, чѣмъ впереди отъ ихъ начальнаго пункта передъ зрительными бугорками, образуя надъ послѣдними арку и, сыростая скорѣе всего вдоль верхней поверхности бугорковъ, затѣмъ огибаютъ изгибомъ внизъ и опять впереди послѣ продолженія надъ задней частью бугорковъ. Когда полушарія вполнѣ развиты у человѣка, они лежатъ надъ всеми другими частями мозга и покрываютъ ихъ. Ихъ полости образуютъ боковые желудочки, строеніе которыхъ легче

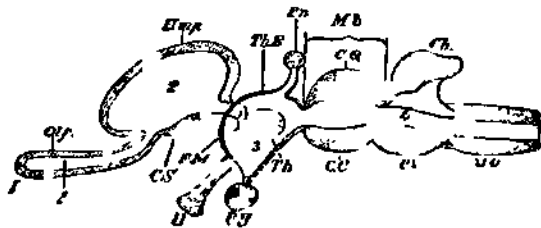


Рис. 31 (по Гексли).

понять на разрѣзѣ, чѣмъ въ описаніи. Можно продвинуть зондъ въ каждый изъ нихъ отъ третьяго желудочка до ихъ задняго конца; и, какъ и въ третьемъ желудочкѣ, ихъ стѣнки внизу расходятся вдоль по извѣстной линіи, образуя длинную щель, въ которую можно проникнуть, не разрывая нервной ткани. Эта трещина, вслѣдствіе роста полушарія влѣзучи, назадъ и затѣмъ внизъ отъ его начальнаго пункта, оказывается завороченной и обращенной къверху вышней поверхностью¹⁾.

Въ началѣ развитія оба полушарія соединены только соответственными зрительными буграми. Но за четвертый и пятый мѣсяцы зародышевой жизни они соединяются другъ съ другомъ надъ буграми посредствомъ разрастающагося между ними массивной системы поперечныхъ волоконъ, которая подобно большому мосту перекрѣкаетъ среднюю линію и носитъ названіе *corpus callosum* (мозолистое тѣло). Эти волокна расходятся лучами въ стѣнки обоихъ полушарій и образуютъ непосредственную связь между извилинами правой и лѣвой стороны. Подъ *corpus callosum* образуется другая система волоконъ, называемая *forqix* (сводъ), который находится въ особой связи съ *corpus callosum*. Прямо передъ зрительными буграми, отсюда начинаютъ расти полушарія, въ ихъ стѣнкѣ образуется ганглиозная масса, называемая *corpus striatum* (полосатое тѣло, C. S. рис. 30 и 31). Сложное по строенію, она состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, называемыхъ: одна—*nucleus lenticularis*, и другая: *nucleus candatus*. Рисунки съ толкованіями къ нимъ дадутъ болѣе ясное понятіе о дальнѣйшихъ деталяхъ строенія мозга, чѣмъ всякое словесное описаніе; поэтому, послѣ нѣкоторыхъ практическихъ указаній для разрѣченія этого органа, я перейду къ краткому изложенію физиологическихъ отношеній его отдѣльнымъ частямъ другъ къ другу.

Разрѣченіе мозга барана.—Средствомъ дѣйствительно понять строеніе мозга является разрѣченіе его. Мозги млекопитающихъ отличаются другъ отъ друга только ихъ размѣрами, и на мозгъ барана можно изучать все, что существенно для мозга человѣка. Поэтому, занимающійся психологіей долженъ сдѣлать разрѣченіе бараньяго мозга. Много указаній для совершенія этой процедуры дано въ руководствахъ по разрѣченію человѣческихъ труповъ, между прочимъ, въ «Практической анатоміи» Гоулена (Черчилль), въ «Руководствѣ для студентовъ по сравнительной анатоміи и диссекціи» Моррелла (Лонгманъ) и въ «Практической физиологіи» Фостера и Лампаса (Макмилленъ). Для небольшого обихода, гдѣ не было достать этихъ книгъ, я даю нѣсколько практическихъ замѣчаній. Необходимые инструменты суть: небольшая пила, рѣзецъ съ ручкой и зонтекъ съ крючкомъ на рукояткѣ; всѣ три инструмента входятъ въ обыкновенный медицинскій наборъ для вскрытія и могутъ быть приобретены въ мастерскихъ хирургическихъ инструментовъ. Кромѣ того требуются: пара ножницъ и пинцетовъ и серебряный зажимъ. Запиши всѣ въ одностороннюю тетрадь, а также домашними орудіями всѣ эти инструменты, который ему необходимо купить.

¹⁾ Имя въ мѣстѣ, къ которымъ проходятъ полости, при жизни и разрывавшія оболочку, называемой *pia mater* (мягкая оболочка). Имя этого пункта въ мозговыхъ сосудахъ въ своихъ изви-

Первымъ дѣломъ является снятіе черепной крышки. Надо пилой сдѣлать два надрѣза на выдающейся части каждаго мыщелка (то-есть суставной поверхности, ограничивающей отверстіе затылка, въ которое входитъ спинной мозгъ), проходя впередъ къ вискамъ животнаго. Затѣмъ сдѣлать два надрѣза, по одному съ каждой стороны, которые пересекаютъ первые надрѣзы и встрѣчаются съ ними подъ угломъ на лобной кости. При дѣйствительной опытности находятъ легко лучшее направление для этихъ надрѣзовъ. Трудно совершенно распиливать черепную кость, не вонзая мѣстами пилы также въ самый мозгъ. Здѣсь наступаетъ очередь рѣзца, — сильнымъ ударомъ молотка по нему можно взломать яѣкоторые части черепа, не совсѣмъ распиленные. Когда черепная крышка совершенно готова отдѣлаться, чувствуется, какъ она «колеблется». Тогда надо всунуть крючокъ подъ ее передній конецъ и сильно потянуть его. Отдѣлится только костная черепная крышка, оставивъ надкостницу внутренней поверхности, приставленную къ надкостницѣ основанія черепа, покрывающей мозгъ и образующей такъ называемую *dura mater*, то-есть вѣшнюю изъ мозговыхъ оболочекъ. Ее нужно расщепить и вскрыть по краямъ для того, чтобы показаться мозгъ, завернутый въ его ближайшую оболочку, *pia mater*, перепончатую кровеносными сосудами, развѣтвленія которыхъ проникаютъ въ ткани.

Теперь мозгъ, заключенный въ его *pia mater*, нужно тщательно «облущить». Обыкновенно лучше всего начать съ передняго конца, отворачивая оболочку кверху и постепенно переходя къзади. При этомъ можно разорвать *lobi olfactorii* (обонятельныя доли); ихъ нужно тщательно извлечь изъ углубленій въ основаніи черепа, къ которымъ онѣ прикреплены посредствомъ развѣтвленій, посылаемыхъ ими черезъ кость въ носовую полость. Для этой имепно цѣли хорошо имѣть небольшой изогнутый тупой инструментъ. Затѣмъ зрительные нервы привязываютъ мозгъ снизу, а потому ихъ нужно перерѣзать, — лучше всего близъ перекрещиванія (*chiasma*). Послѣ этого идетъ подмозговой придатокъ, который и долженъ быть оставленъ съзади. Онъ прикрепленъ шейкой, такъ называемымъ *infundibulum* (воронка), въ верхнюю часть которой на короткое разстояніе продолжается внизъ полость третьяго желудочка. Функція его неизвѣстна, и, вѣроятно, онъ представляетъ «рудиментарный» органъ». Затѣмъ нужно послѣдовательно перерѣзать другіе нервы, о которыхъ я не буду сообщать подробностей. Ихъ положенія въ человеческомъ мозгѣ представлены на рис. 32. Когда эти нервы отдѣлены и часть *dura mater* (*tentorium*), вдающаяся между полушаріями и мозжечкомъ, перерѣзана по краямъ, мозгъ удобно вынимается.

Лучше всего его изслѣдовать свѣжимъ. Если надо приготовить и сохранить нѣсколько мозговъ, то для этого я нашелъ хорошій способъ: положить ихъ сперва въ растворъ хлористаго цинка какъ разъ такой плотности, чтобы они плавали въ немъ, и оставить ихъ тамъ на двѣ недѣли или меньше. Этотъ растворъ размягчаетъ *pia mater*, которую теперь можно удалять большими кусками, послѣ чего достаточно помѣстить мозгъ въ совсѣмъ слабый спиртъ для того, чтобы сохранять его неопредѣленное

время гибкимъ, эластичнымъ и въ его естественной формѣ, однако принявшимъ въ воздухѣ однообразную блѣлую окраску. До погруженія въ хлористый цинкъ всѣ наиболѣе поверхностныя связи частей мозга должны быть отдѣлены другъ отъ друга для того, чтобы привести жидкость въ соприкосновеніе съ maximum'омъ поверхности. Если пользуются свѣжимъ мозгомъ, то *pia mater* лучше должна быть отдѣлена тщательно съ большинствомъ участковъ при помощи пинцета, скальпеля и ножницъ. На высказкахъ между мозжечкомъ и полушаріями и между мозжечкомъ и продолговатымъ мозгомъ будутъ найдены при этомъ тонкіе, паутиннообразные, влажные и прозрачные остатки *membranae arachnoideae* (паутинной оболочки).

Теперь можно изслѣдовать подраздѣленія мозга въ должномъ порядкѣ. Относительно извилинъ, кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ надо справиться съ болѣе специальными руководствами.

Прежде всего при взглядѣ на полушарія сверху съ глубокой продольной щелью между ними, видно, что они частью покрываютъ изобразительный сложный мозжечокъ, который выступаетъ съзади и въ свою очередь покрываетъ почти весь продолговатый мозгъ. По удаленіи полушарій обнаруживается блестящее мозолистое тѣло (*corpus callosum*), приблизительно на $\frac{1}{2}$, дюйма подъ поверхностью полушарій. Въ мозжечкѣ нѣтъ средней перегородки, — вмѣсто нея находится посерединѣ возвышеніе.

При взглядѣ на мозгъ снизу, еще видна спереди по средней линіи продольная щель, а по обѣимъ сторонамъ ея обонятельныя доли, гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ у человека; зрительные ходы и перекрестъ зрительныхъ нервовъ или *chiasma*; *infundibulum* (воронка), перерѣзанная какъ разъ позади *chiasma*, а позади воронки непарное *cor-*

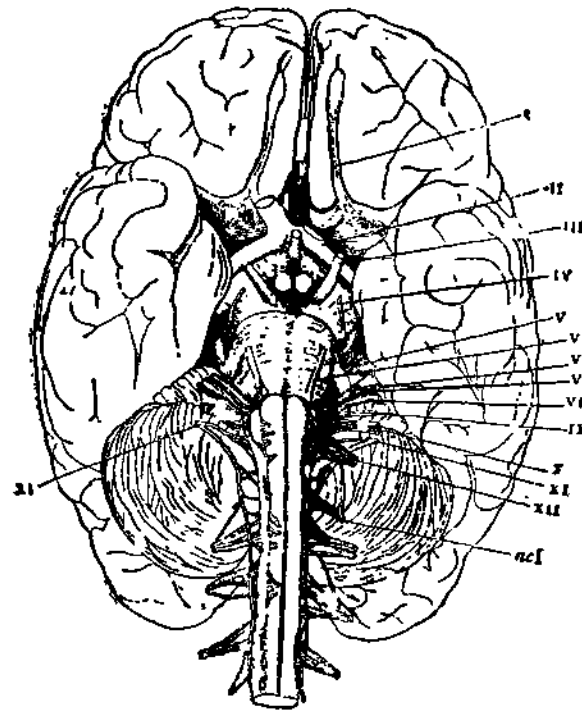


Рис. 32. — Человѣческій мозгъ снизу, съ перечисленными его нервами, по Гемле. I, обонятельный; II, зрительный; III, *oculo-motorius*; IV, *trochlearis*; V, тройничный; VI, *abducens oculi*; VII, лицевой; VIII, слуховой; IX, языко-глоточный; X, блуждающій; XI, *accessorius Willisii*, XII, подъ-язычный; *acI*, первый шейный, и т. д.

pus albicans или *mamillare* (сосковидное тѣло), назначеніе котораго неизвѣстно и который у человека является парнымъ (органомъ). Затѣмъ показываются ступа (ножки), спускающіяся на мостъ, какъ бы отводя волокна назадъ съ обѣихъ сторонъ. Далѣе слѣдуетъ самъ варолиевъ мостъ, гораздо менѣе выдающійся, чѣмъ у человека, и, наконецъ, за нимъ идетъ продолговатый мозгъ, широкій, плоскій и относительно большихъ размѣровъ. Мостъ по виду походитъ на кольцо, соединяющее обѣ половины мозжечка и окружающее продолговатый мозгъ, волокна котораго, выходя спереди изъ-подъ кольца, раздѣлили это кольцо на двѣ ножки (ступы). Однако, внутреннія отношенія нѣсколько менѣе просты, чѣмъ можно заключить изъ этого описанія.

Теперь перейдемъ къ мозжечку; вытаснимъ сосудистыя (*choroidea*) сплетенія мягкой оболочки, которыя выполняютъ четвертый желудочекъ, и обнаружимъ верхнюю поверхность продолговатаго мозга (*medulla oblongata*). Четвертый желудочекъ представляетъ треугольное вдавление, сзади оканчивающееся въ точкѣ, называемой *calamus scriptorius*. (Отсюда очень тонкій зондъ можетъ проникнуть въ центральный каналъ спинного мозга). Боковая граница желудочка съ каждой стороны образована веревчатымъ тѣломъ и колопною, которая входитъ въ мозжечекъ, образуя его нижнюю или заднюю ножку съ соответственной стороны. Окружая при своемъ расхожденіи *calamus scriptorius*, заднія колонны спинного мозга продолжаютъ въ продолговатомъ мозгѣ въ видѣ *fasciculi graciles*. Послѣдніе сперва отдѣляются отъ широкыхъ веревчатыхъ тѣлъ тонкой трещиной. Но впереди она исчезаетъ, и скоро «тонкая» и «канатообразная» перетяжки снаружи дѣлаются незамѣтными.

Обратимся теперь къ брюшной (нижней) поверхности продолговатаго мозга и отмѣтимъ переднія пирамиды, два кругловатыхъ ствола, по одному съ каждой стороны тонкой средней расщелины. Эти пирамиды скрепляются и покрываются спереди варолиевымъ мостомъ (*pons Varolii*), широкой поперечной полосой, которая окружаетъ ихъ подобно кольцу, и входитъ съ каждой стороны сверху въ мозжечокъ, образуя его среднія ножки. Мостъ имѣетъ посрединѣ тонкую выемку, и ея задній край съ каждой стороны образованъ волокнами *trapezium*. Трапеций состоитъ изъ волоконъ, которыя вмѣсто того, чтобы окружать пирамиду, по видимому идутъ въ стороны отъ нея. Трапеций у человека не видно. Оливки представляютъ небольшіе выступы на продолговатомъ мозгу, лежащіе какъ разъ по бокамъ пирамиды и подъ трапеций.

Теперь надо перерѣзать ножки мозжечка близко ихъ входа въ этотъ органъ. Они дадутъ съ каждой стороны по одной плоскости разрѣза, хотя получаютъ волокна по тремъ направленіямъ. Заднюю и среднюю части мы видѣли: переднія ножки проходятъ впередъ къ четыреххолмью (*corpora quadrigemina*). Тонкій бѣлый слой нервной ткани между ними и неразрывный съ ними называется *valva Vioussensii*. Онъ покрываетъ часть канала изъ четвертаго желудочка въ третій. Отдѣливъ мозжечекъ, изслѣдуемъ его и слѣдемъ разрѣзы для того, чтобы показать особое распредѣленіе бѣлаго и сѣраго вещества, образующее форму, такъ называемаго въ учебникахъ, дерева жизни (*arbor vitae*).

Теперь, отогнувъ вверхъ задній край полушарій, обнаружимъ четыреххолміе (передняя пара котораго называется *pates*, а задняя *testes*) и зашпигимъ *glans pinealis*—небольшой органъ посрединѣ, расположенный какъ разъ передъ ними и, вѣроятно, подобно сосковидному тѣлу, являющийся остаткомъ полезнаго для высшихъ животныхъ органа. Теперь видѣтъ закругленный задній край мозолистого тѣла, проходящій отъ одного полушарія къ другому. Завернемъ его еще больше вверхъ, оставивъ продолговатый мозгъ и прочее, свѣсимъ его внизъ насколько возможно и прослѣдимъ нижнюю поверхность отъ ея края впередъ. Она широка сзади, а узка спереди и переходитъ непрерывясь въ сводъ (*fornix*). Передній, такъ сказать, стволъ этого органа погружается внизъ какъ разъ передъ зрительными буграми (*thalami optici*), которые теперь видны съ дугообразнымъ сводомъ надъ ними и съ среднимъ третьимъ желудочкомъ между ними. Края свода, направляясь назадъ, расходятся въ стороны больше, чѣмъ края мозолистого тѣла и подъ именемъ *corpora fimbriata* входятъ, какъ мы это увидимъ, въ боковые желудочки.

Требуются хороши топографическія способности, для того, чтобы понять ясно строеніе этихъ желудочковъ, даже когда ихъ изслѣдуютъ глазомъ и рукой. Словесное описаніе совершенно бесполезно. Главное, что нужно запомнить, это то, что они представляютъ отростки отъ первоначальной полости (какъ и третій желудочекъ) передняго пузыря, и что большое расщепленіе образовалось въ стѣнкахъ полушарій, такъ что они (боковые желудочки) теперь сообщаются съ наружной поверхностью вдоль по щели, серповидной и загнутой.

Изучающій анатомію мозга можетъ изслѣдовать отношенія его частей различными способами. Но онъ хорошо сдѣлаетъ, во всякомъ случаѣ, если нарѣжетъ горизонтальныя ломтики изъ полушарій почти до уровня мозолистого тѣла и изслѣдуетъ распредѣленіе сѣраго и бѣлаго вещества на поверхностяхъ разрѣза, изъ которыхъ всякая является такъ называемымъ *septum ovale*. Затѣмъ пусть онъ подрѣжетъ въ направленіи спереди назадъ край мозолистого тѣла, пока онъ не пройдетъ «насквозь» и подниметъ прилежащій къ полушаріямъ край разрѣза,—тогда онъ увидитъ пространство, которое и есть желудочекъ, и которое, при дальнѣйшемъ сдвиганіи вдоль по этой сторонѣ и при удаленіи покрывки полушарій, будетъ все болѣе обнажаться. Самымъ замѣтнымъ предметомъ на его днѣ является *nucleus caudatus corpori striati*.

Разрѣжемъ мозолистое тѣло поперекъ близъ его задняго края и отогнемъ переднюю часть его впередъ и въ сторону. Задній край (*Splenium*), оставленный *in situ* и закругленный загибается внизъ и переходитъ въ сводъ (*Fornix*). Передняя часть также переходитъ въ сводъ, но ближе къ средней линіи, гдѣ тонкая перепонка, *septum lucidum*, треугольной формы, переходя отъ одного тѣла къ другому, образуетъ на днѣ нѣчто вроде перегородки между смежной частью боковыхъ желудочковъ съ обѣихъ сторонъ. Прорвемъ эту перегородку, если нужно, и обнаружимъ верхнюю поверхность свода, широкую сзади и узкую спереди, гдѣ передніе столбы свода опускаются внизъ передъ третьимъ желудочкомъ (они были первоначально образованы изъ утолщенія на переднихъ стѣнкахъ этого желудочка) и, наконецъ, проникаютъ въ сосковидное тѣло. Перерѣжемъ эти

столбы и загнем их назад, обнаружив зрительную долю мозга и отметив нижнюю поверхность свода. Его расходящиеся задние столбы направляются назад, вниз и затем снова вперед, образуя своими

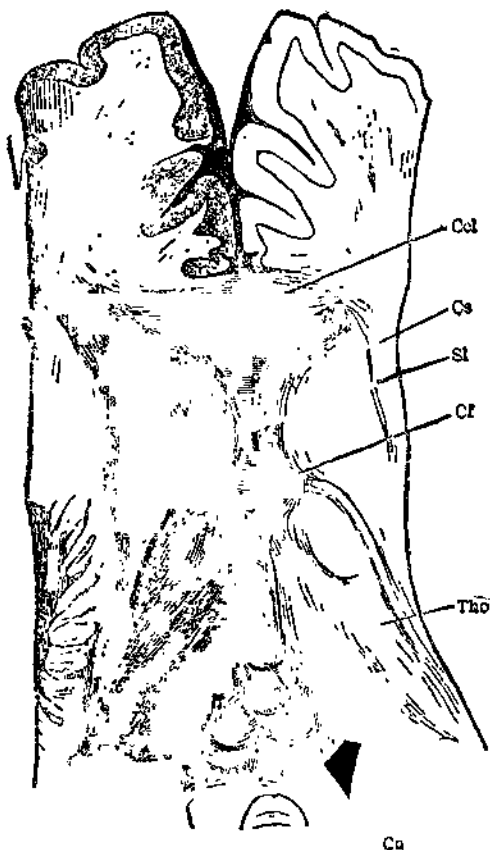


Рис. 33. — Горизонтальный разрез человеческого мозга как раз над зрительными буграми. — Col, мозолистое тело в разрезе; Cs, полосатое тело; St, *striatum lucidum*; Cr, калония свода; Tho, зрительные бугры; Ca, *glans pinealis*. (По Гешле).

Обратим внимание на толстую среднюю комиссуру, соединяющую оба зрительные бугра подобно тому, как мозолистое тело и сводь соединяют полушария. Все они являются эмбриологическими новообразованиями.

Посмотрим также на переднюю комиссуру, проходящую как раз перед передними столбами свода, а равно и заднюю комиссуру с ее боковыми продолжениями вдоль зрительных бугров, как раз под *glans pinealis*.

На среднем разрезе отметим довольно тонкую переднюю стенку третьего желудочка и ее продолжение вниз в воронку (*infundibulum*).

острыми краями согрота *fimbriata*, ограничивающая щель, которою открывается желудочек. Полуцилиндрические коеки позади согрота *fimbriata* и параллельно им идущие в стенке желудочка, представляют собою *hippocampi*. Вообразим себе сводь и мозолистое тело укороченными по направлению спереди назад к поперечной связке; далее, представим себе, что полушария не выросли сзади и снизу зрительных бугров; в таком случае согрота *fimbriata* с каждой стороны будет верхним или передним краем расщепления в стенке желудочка полушария, а нижний и задний край этого желудочка будут задним краем полосатого тела там, где оно вырастает из зрительного бугра.

Небольшая выемка как раз сзади переднего столба свода и находящаяся между ним и зрительными буграми представляют так называемую *foramina Mongoi*, через которую сосудистые пучки и т. д. проходят из среднего желудочка в боковые.

Отвернем вверх или срежем задний конец одного полушария так, чтобы ясно видеть зрительные пути, направляющиеся вверх по направлению к заднему углу зрительного бугра. Согрота *geniculata*, к которым они также направляются, заметны у человека, меньше заметны у барана. Во всяком случае нижние из них видны между перевязкой зрительных путей и «testes».

Таким образом мы сделали обзор главнейших частей мозга. Продольный разрез всего органа по средней линии представляется весьма поучительным (рис. 34). Изучающий строение мозга должен также сделать (для того, чтобы на свежем мозге или уплотненном в двухром-кислом кали или аммонии увидеть контраст цветов между белым



Средний разрез человеческого мозга под полушариями. Th, зрительный бугор; Cr, четырехжелезистый; V, III третий желудочек; Cs, средняя комиссура; St, столб свода; Inf, воронка; Cr, я, зрительный нерв; Pit, *corpus pituitare*; Av, дерево жизни (по Оберштейнеру).

веществом и серым) поперечные разрезы через *nates* и стига и через полушария, как раз перед сосновидным телом. Последний разрез показывает с каждой стороны *nucleus lenticularis* полосатого тела, а также внутреннего капсулу.

После всего сказанного и сделанного можно констатировать, что понимание строения мозга не есть легкое дело для начинающего. Изучение мозга должно быть пройдено, забыто и вновь пройдено много раз прежде, чем окончательно будет усвоено умом. Но терпение и повторение здесь, как и в других случаях, дадут хорошие плоды.



Рис. 35. — Поперечный разрез через правое полушарие (по Герондзери). Cs, мозолистое тело; Pt, столб свода; Th, внутренняя капсула; V, третий желудочек; Nl, *nucleus lenticularis*.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Функции мозга.

Общее понятие о функциях нервов. Если а начну рубить стволъ дерева, его вѣтви не придутъ въ движеніе отъ моего дѣйствія и его листья, какъ прежде, будутъ мирно шептать подъ вѣтромъ. Если, напротивъ, я сильно ударю по ногѣ человѣка, то все остальное его тѣло отреагируетъ на это нападеніе движеніями тревоги и обороны. Причина этого различія заключается въ томъ, что человѣкъ обладаетъ нервной системой, между тѣмъ, дерево таковой не имѣетъ; и назначеніе нервной системы состоитъ въ томъ, чтобы приводить каждую часть тѣла въ гармоническое взаимодействие съ любой другой частью. Приводящіе нервы, при возбужденіи ихъ какимъ-нибудь физическимъ раздражителемъ, — будь онъ такъ грубъ въ способѣ своего воздѣйствія, какъ рубящій топоръ, или такъ тонокъ, какъ свѣтоты волны, — сообщаютъ это возбужденіе нервнымъ центрамъ. Сотрясеніе, произведенное въ центрахъ, не копчается на этомъ, но разряжается по отводящимъ нервамъ, вызывая движенія, которые могутъ быть весьма разнообразны, смотря по тому, съ какимъ животнымъ и съ какимъ раздражителемъ мы имѣемъ дѣло. Эти отвѣтныя движенія обыкновенно имѣютъ въ общемъ цѣлесообразный характеръ (служащій въ пользу). Они охраняютъ отъ вреднаго стимула и допускаютъ полезный; между тѣмъ, какъ, если стимулъ, самъ по себѣ безразличенъ, является сигналомъ для нѣкотораго отдаленнаго обстоятельства, имѣющаго практическую важность, дѣйствія животного относятся въ этому обстоятельству такимъ образомъ, чтобы, согласно данному случаю, или уничтожить его опасность или обезпечить его пользу. Возьмемъ обыкновенный примѣръ: если я, входя на станцію, слышу, что кондукторъ кричитъ: «Всѣ на мѣста», то сердце мое останавливается, затѣмъ бьется сильнѣе, а мои ноги въ отвѣтъ воздушнымъ волнамъ, падающимъ на мою барабанную перепонку, ускоряютъ свои движенія. Если я набѣгу спотыкаюсь, то ощущеніе паденія вызываетъ движеніе рукъ по направленію паденія, при чемъ цѣль этого движенія — защитить тѣло отъ слишкомъ внезапнаго удара. Если въ мой глазъ попадаетъ твердая пылинка, его вѣки насильно закрываются и обильный потокъ слезъ стремится вымыть глазъ.

Эти три отвѣта на стимулы, вызывающіе ощущеніе, отличаются однако другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ. Закрывать глаза и слезотеченіе — совершенно произвольны, равно какъ и сердечное волненіе. Такіе произвольные отвѣты мы обозначаемъ именемъ «рефлекторныхъ» актовъ. Движеніе рукъ для того, чтобы ослабить ударъ при паденіи, можно также назвать рефлективнымъ, такъ какъ оно совершается слишкомъ быстро для того, чтобы успѣть его обдумать, т. е., чтобы считать его преднамѣреннымъ. Однако, до нѣкоторой степени, оно менѣе автоматически, чѣмъ предшествующіе акты, ибо человѣкъ, при помощи сознательнаго усиленія, можетъ научиться — совершать его болѣе искусно или даже совер-

шенно подавить его. Дѣйствія этого рода, въ которыя входятъ въ равной степени инстинкты и хотѣнія, называютъ «полурефлекторными». Акты устремленія къ побѣдѣ не имѣютъ, съ другой стороны, вовсе элемента инстинктивности. Они являются результатомъ воспитанія, и ему предшествуетъ сознаніе цѣли, которой надо достигнуть, и опредѣленный приказъ воли. Это — «волевой актъ». Такимъ образомъ рефлексы животного и волевые дѣйствія постепенно переходятъ незамѣтно одни въ другіе, связанные между собою актами, которыя могутъ часто совершаться автоматически, но могутъ быть также видоизмѣнены сознательнымъ разумомъ.

Первые центры лягушки. Теперь посмотримъ немного ближе на то, что происходитъ въ центрахъ.

Лучшій способъ приступить къ дѣлу заключается въ томъ, чтобы взять какое-нибудь животное, сравнительно низшаго типа, напр., лягушку, и изучить при помощи вивисекціи функціи различныхъ нервныхъ центровъ ея.

Первые центры лягушки изображены на прилагаемой диаграммѣ, (рис. 36) не требующей никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. Сперва я приступаю къ изысканію того, что случится, если извлечь у разныхъ лягушекъ различныя количества переднихъ частей мозга такимъ способомъ, какимъ извлекаетъ ихъ обыкновенный студентъ, то есть, безъ крайнихъ предосторожностей въ отношеніи чистоты операци.

Итакъ, если мы сведемъ нервную систему лягушки къ одному только спинному мозгу, сдѣлавъ разрѣзъ позади основанія черепа между спиннымъ и продолговатымъ мозгомъ и этимъ отсѣкая головной мозгъ отъ всякой связи съ остальнымъ тѣломъ, то лягушка продолжаетъ жить, но дѣятельность ея очень своеобразно видоизмѣнена. Она перестаетъ дышать или глотать; она лежитъ плашмя на животѣ, а не сидитъ, подобно нормальной лягушкѣ, на переднихъ лапкахъ, хотя ея заднія лапки имѣютъ обычное положеніе, загнуты къ тѣлу и, если вывести ихъ изъ этого положенія, немедленно возвращаются къ нему. Если опрокинуть ее на спину, она спокойно остается на ней, не переворачиваясь (на брюхо) подобно нормальной лягушкѣ. Способность движенія и голосъ, очевидно, совершенно исчезли. Если мы ее подвѣсимъ за носъ и будемъ раздражать различныя участки ея кожи кислотой, она совершитъ рядъ замѣчательныхъ «оборонительныхъ» движеній, рассчитанныхъ на то, чтобы стереть раздражителя. Такъ, если будетъ тронута кислотой грудь, ее сильно будутъ тереть обѣ переднія лапки; если мы коснемся наружной стороны локтя, задняя лапка той же стороны тѣла подымается прямо къ мѣсту раздраженія и будетъ тереть его. При раздраженіи колѣна, его будетъ тереть пятка, а если отрѣзать ступню, остатокъ ноги будетъ совершать обычные движенія, но не достигающія цѣли, вслѣдствіе отнятія ступни, а затѣмъ, у многихъ лягушекъ наступитъ пауза, какъ-бы для размысленія, за которою послѣдуетъ быстрое движеніе противоположной неискоренной ноги по направленію къ мѣсту, пораженному кислотой.

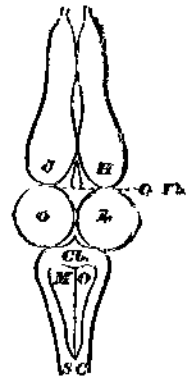


Рис. 36. — С Н, мозговая подушка; ОН, зрительные бугры; ОЛ, зрительная доля; СБ, мозжечокъ; МО, продолговатый мозгъ; СС, спинной мозгъ.

Наиболее поразительной чертой всех этих движений, помимо их целесообразности, является их точность. У лягушек, у которых мы нарушили отнятием головного мозга способности суждения, при надлежавшей силе раздражения, эти движения так мало разнообразятся, что почти походят своей машинообразной правильностью на движения картонного прыгуна, ножки которого непременно дергаются всякий раз, как потянуть за шнурок. Следовательно, спинной мозг лягушки заключает в себя системы клеток и волокон, приспособленные к превращению кожных раздражений в оборонительные движения. Мы можем назвать их центром оборонительных движений в этом животном. В действительности, мы можем пойти дальше этого и, перерезав спинной мозг в разных местах, найти, что отдельные отрезки его являются независимыми механизмами для соответственных действий головы, рук и ног. Отрезок, заведующий деятельностью рук, особенно активен у лягушек-самцов в период спаривания; и одни эти члены с соответствующими им грудью и спиной, когда все остальное отрезано, сильно захватывают палец, помещенный между ними, и остаются висеть на нем значительное время.

Центры продолговатого мозга, зрительная доля и другие центры между спинным мозгом и полушариями лягушек обладают также автоматичностью. Экспериментально доказано, что каждый из них заключает в себя механизм для точного выполнения известных специальных актов в ответ на определенные стимулы. Так, при наличии продолговатого мозга животное глотает; при наличии продолговатого мозга и мозжечка (вместе) оно прыгает, плавает и переворачивается со спины на живот; при наличии зрительных долей оно квакает, если его щипать, и т. д. Лягушка, потерявшая только свои мозговые полушария, для неопытного наблюдателя ничем не отличается от нормальной.

Лягушка, лишенная полушарий, не только способна, при соответственном внешнем побуждении, на все вышеупомянутые действия, но она руководится зрением, так что, если между ею и светом помещено препятствие, при чем мы будем принуждать ее двигаться вперед, она или перепрыгивает через него или обходит его с какой-нибудь стороны. В надлежащие сроки она проявляет половой инстинкт и отличается, среди животных ее вида, самца от самки. Одним словом, она так походит во всех отношениях на нормальную лягушку, что даже человека, очень знакомого с этими животными, возьмет сомнение, действительно этой лягушке недостает чего-нибудь; но затем скоро такой человек замечает у нее почти полное отсутствие произвольных движений, то есть таких, которые не вызваны каким-либо данным возбуждением чувствительности. Безпрерывная плавательная движения, совершаемая такою лягушкою в воде, повидному, являются неизбежным результатом соприкосновения жидкости с ее кожей. Они прекращаются, когда, например, палка касается ее лапы. Последняя является чувствительным раздражителем, к которому автоматически направляются, с помощью рефлекторного действия, ножки и на котором животное остается сидеть. Оно не обнаруживает голода и позволяет мучиться безнаказанно

показывать по своему носу. Чувство страха, повидному, также покинуло ее. Одним словом, она представляет крайне сложную машину, множество действий которой, насколько они проявляются, направлены к самосохранению, но все же машину в том смысле, что она, повидному, не заключает в себя ни одного движения, которое нельзя бы было вычислить вперед. Прямая к такому животному правильный чувственный стимул, мы почти также уверены в получении определенного ответа, как организм уверен в получении определенного тона при нажатии известной клавиши органа.

Но если мы теперь к низшим центрам придадим полупшария головного мозга, то есть, если мы, иными словами, сделаем предметом наших наблюдений не поврежденное животное, — все это изменится. Кроме вышеупомянутых ответов на данные чувственные возбуждения, лягушка теперь совершает продолжительные и сложные акты произвольного передвижения, то есть, как будто она движима тем, что мы у самих себя называем идеей. Ее реакция на внешние стимулы варьирует также и по форме. Вместо того, чтобы совершать простые оборонительные движения своими задними лапками, подобно обезглавленной лягушке, когда к ней прикасаются, или сделать один-два прыжка и затем сидеть неподвижно, подобно лишенной полушарий, — наша лягушка совершает постоянные и разнообразные усилия убежать, как будто бы ее побуждением теперь было не просто привосновение руки физиолога, а мысль о понятии опасности. Руководимая чувством голода, она отправляется в поиски за насекомыми, рыбой или меньшими лягушками и видоизменяет способы поисков соответственно каждому виду своей жертвы. Физиолог не может, посредством манипуляций пасть наю, по своему желанию, побудить ее квакать, воспользоваться на берег, плавать или останавливаться. Ее образ действий сделан подлежащим вычислению, — мы уже не можем его точно предсказать. Стремление убежать является ее преобладающей реакцией, но она может сделать что-нибудь другое, даже надуться и сделаться совершенно пассивной в наших руках.

Таковы обыкновенно наблюдаемые явления и таковы впечатления, естественно получаемые при этом. Отсюда вытекают непреодолимо некоторые общие заключения. Первое из них следующее:

Акты, заведующие всякими центрами, происходят при употреблении одних и тех же мышц. Когда задняя ножка лягушки, лишенной головного мозга, стирает кислоту, она призывает к участию все ножные мышцы, которыми лягушка с неповрежденным продолговатым мозгом и мозжечком пользуется, поворачиваясь со спины на брюхо. Однако, их сокращения скомбинированы различно в обоих случаях, так что и результаты сильно разнятся. Следовательно мы должны заключить, что в спинном мозгу существуют особые системы клеток и волокон для стирания, в продолговатом — для переворачивания и т. д. Подобно этому, в зрительных буграх существуют также системы для перепрыгивания через видимые препятствия и для сохранения тела при движении в равновесии; в зрительных долях — для движений назад или для остановки. Но мы не должны предполагать в полушариях

существования механизма, непосредственно соподчиняющего друг друга (координирующего) мускульные сокращения, так как наличие этих органов не привносит съ собою никакой новой элементарной формы движения, а только различным образом определяет поводы, по которым случаются движения, дѣлая обычные стимулы менѣе необходимыми и машино-образными. Мы можем скорѣе принять, что если приказаніе для движения вытирания дано полушаріями, токъ идетъ прямо къ центру вытирания въ спинномъ мозгу, возбуждая этотъ механизмъ въ его цѣломъ. Подобнымъ же образомъ, если нормальная лягушка желаетъ прыгнуть, она должна только со стороны полушарій возбудить центр прыганія въ зрительныхъ буграхъ или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ можетъ находиться, а послѣдній позаботится о подробностяхъ выполненія. Это похоже на то, какъ генералъ приказываетъ полковнику сдѣлать определенное движеніе (по войскамъ), но не указываетъ ему, какъ оно должно быть сдѣлано.

Итакъ, одна и та же мышца неоднократно представляется въ различныхъ положеніяхъ; и при каждомъ она входитъ въ различныя комбинаціи съ другими мышцами для того, чтобы совместно дѣйствовать въ некоторой специальной формѣ согласованнаго движенія. При каждой высотѣ этой сложности, движеніе является разряженіемъ чувствительнаго стимула, имѣющаго нѣкоторую частную форму, между тѣмъ какъ стимулы, разряжающіеся изъ полушарій, не представляются такими элементарными видами ощущенія, а являются группами ощущеній, образующихъ обыкновенно опредѣленные объекты или вещи.

Низшіе центры голубя.—Результаты получаются точно тѣ же, если мы вмѣсто лягушки возьмемъ голубя, вырѣжемъ тщательно его полушарія и обождемъ, пока онъ не оправится отъ этой операци. Нѣтъ для него естественнаго движенія, которое его голова, хотя и лишенная полушарій, не могла-бы выполнить; даже кажется, что, спустя нѣсколько дней, голубь совершаетъ движенія подъ вліяніемъ нѣкотораго внутренняго стимула, такъ какъ онъ движется произвольно. Но эмоцій и инстинктовъ у такого голубя уже не существуетъ. По замѣчательнымъ словамъ Шрадера:

«Животное, лишенное полушарій, движется въ мірѣ вещей, которыя... совершенно равнодушны для него... Оно, по удачному выраженію Гольца, безлично... Каждый предметъ является для него лишь массой, занимающей пространство; оно сворачиваетъ съ пути передъ обыкновеннымъ голубемъ точно также, какъ передъ камнемъ. Оно можетъ пытаться вскарабкаться на нихъ одинаково. Всѣ авторы соглашаются съ тѣмъ, что такие голуби (лишенные полушарій) никогда не находятъ разницы между тѣмъ, находится-ли на дорогѣ имъ неодушевленное тѣло, или кошка, собака, даже хищная птица. Такое животное не знаетъ ни друзей, ни враговъ: среди самаго большого общества оно живетъ отшельникомъ. Томное воркованіе самца пробуждаетъ въ голубѣ не большее впечатлѣніе, чѣмъ шумъ горошинокъ или призывный свистъ, который прежде, до совершенія операци, заставлялъ птицу сбѣжать на кормленіе. Также, какъ и прежде наблюдатели, я совершенно не видалъ, чтобы самки, лишенные полушарій, отличали на ухаживаніе самца. Самецъ, лишенный полушарій, можетъ ворковать цѣлый день и ясно обнаруживать признаки полового возбужде-

нія, но его дѣятельность не направлена ни на какой предметъ: онъ совершенно безучастенъ къ тому, находится-ли около него самка или нѣтъ. Если помѣстить самку близъ него, онъ не замѣчаетъ, что это самка, а не какой-нибудь иной предметъ. Какъ самецъ не обращаетъ никакого вниманія на самку, такъ послѣдняя не обращаетъ вниманія на своего дѣтеныша. Выводокъ можетъ слѣдовать за матерью, безпрестанно прося пищи, но онъ могъ бы также хорошо просить о пищѣ камень... Голубь, лишенный полушарій, является ручнымъ въ самой высшей степени: онъ такъ же мало боится человека, какъ не боится вошкѣ или хищной птицы».

Общее понятіе о полушаріяхъ.—Всѣ эти факты приводятъ насъ, когда мы попытаемся ихъ формулировать шире, къ идѣи вродѣ слѣдующей: низшіе центры дѣйствуютъ только при наличности чувственныхъ стимуловъ; полушарія же дѣйствуютъ при соображеніи, а ощущенія, которыя они могутъ воспринимать, служатъ только побудителями къ соображенію. Но что такое соображеніе, какъ не ожиданіе (въ воображеніи) ощущеній, которыя будутъ получены тѣмъ или другимъ образомъ сообразно съ тѣмъ, будетъ ли совершено то или другое дѣйствіе. Такъ, напр., если я бросаюсь въ сторону при видѣ гремучей змѣи, соображая, какое это опасное животное, то умственнымъ матеріаломъ, создающимъ мое благоразумное соображеніе, являются болѣе или менѣе живыя представленія: движенія головы змѣи, внезапной боли въ моей ногѣ, состоянія страха, опухающей конечности, озноба, бреда, смерти и т. д. и гибель моихъ надеждъ. Но всѣ эти образы я построилъ изъ моихъ прежнихъ опытовъ; они являются воспроизведеніями того, что я чувствовалъ или видѣлъ. Короче говоря, они суть отдаленныя, давно прошедшія ощущенія; и главное отличіе между животнымъ, лишеннымъ полушарій, и животнымъ здоровымъ можетъ быть выражено кратко словами: одно повинуется отсутствующимъ предметамъ, другое только присутствующимъ.

Такимъ образомъ полушарія представляются, повидимому, главнымъ мѣстопробываніемъ памяти. Слѣды прошлаго опыта должны особымъ образомъ накапливаться и сохраняться въ нихъ и должны, при ихъ возбужденіи наличнымъ стимуломъ, появиться прежде всего, какъ представленія отдаленныхъ благъ и бѣдъ; а затѣмъ они должны разряжаться въ соотвѣтственно приспособленные двигательные пути для устраненія бѣды и для обезпеченія выгоды отъ добра. Если мы уподобимъ нервные токи электрическимъ, то можемъ сравнить нервную систему, С, лежащую подъ полушаріями Н, съ электрическимъ элементомъ, дающимъ токъ по прямой линіи отъ органа чувства до мышцы (см. линію S... C... M... на рис. 37). Полушаріе, Н, добавляетъ къ нему болѣе длинный путь для тока, въ видѣ петлеобразной линіи, по которой токъ пройдетъ въ томъ случаѣ, если по какой-нибудь причинѣ онъ не можетъ воспользоваться прямой линіей.

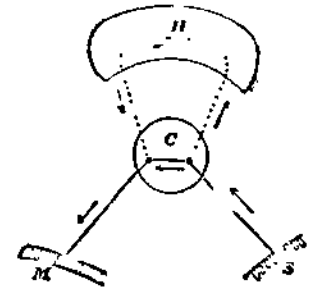


Рис 37.

Такъ утомленный путникъ въ жаркій день опускается на сырую землю подъ кленомъ. Ощущенія сладостнаго покоя и прохлады, распространяясь по прямой линіи, естественно разряжаются въ мускулахъ полнымъ ослаблѣніемъ: онъ отдается опасному отдыху. Но разъ обходная линія открыта, часть тока пойдетъ по ней и пробудитъ воспоминанія о ревматизмѣ и простудѣ, которые возмрутъ вверхъ надъ внушеніями чувства и побудятъ человѣка подняться и продолжать свой путь до того мѣста, гдѣ онъ съумѣетъ насладиться отдыхомъ болѣе безопасно. Мы рассмотримъ дальше, какимъ образомъ эта обходная линія полушарій, какъ предполагають, служитъ хранилищемъ для воспоминаній, подобныхъ вышеприведеннымъ. А тѣмъ временемъ, я прошу читателя отмѣтить нѣкоторые выводы, говорящіе за существованіе такого хранилища.

Во-первыхъ, ни одно животное безъ него не можетъ размышлять, ожидать, откладывать, точно взвѣшивать тотъ или другой мотивъ или сравнивать ихъ. Словомъ, благоразуміе является для такого животного неосуществимою добродѣтью. Согласно съ этимъ мы видимъ, что природа отдаляетъ отъ низшихъ центровъ тѣ функціи¹⁾, при упражненіи которыхъ благоразуміе является добродѣтью, и вручаетъ ихъ большому мозгу. Тамъ, гдѣ животное имѣетъ дѣло съ болѣе сложными формами окружающей среды, тамъ благоразуміе есть добродѣтель. Высшія животныя именно имѣютъ дѣло съ такими сложными отношеніями; и чѣмъ сложнее эти отношенія, съ которыми приходится имѣть дѣло животному, тѣмъ выше мы считаемъ животное. Слѣдовательно, подобное животное, чѣмъ оно выше, тѣмъ меньше дѣйствій можетъ совершать безъ помощи полушарій. У лягушки многія дѣйствія достаются всецѣло на долю низшимъ центрамъ; у птицы—меньше; у грызуна еще меньше; у собаки—очень мало, а у обезьянъ и человѣка съ трудомъ можно найти такіа дѣйствія.

Преимущества этого устройства нервной системы очевидны. Для примѣра возьмемъ захватываніе пищи и предположимъ, что оно есть рефлекторное дѣйствіе низшихъ центровъ. Животное неизбежно и непреодолимо осуждено бросаться на пищу, гдѣ бы она ни представлялась и безразлично при какихъ обстоятельствахъ; оно можетъ противостоять этому влеченію не больше, чѣмъ вода можетъ отказаться кипѣть, когда огонь зажженъ подъ котелкомъ. Оно часто платится жизнью за это злоупотребленіе прожорливостію. То, что такое животное подвергаетъ себя возмездію, или разнимъ врагамъ, ловушкамъ, ядамъ, опасностямъ перепасышенія, должно оказываться существенной частью его существованія. Недостатокъ у него всякаго размышленія для того, чтобы взвѣсить опасность отъ привлекательности приманки, и недостатокъ всякаго хотѣнія—остаться голоднымъ еще немного времени являются прямой мѣрой его низкаго положенія на умственной лѣстницѣ. И тѣ рыбы, которыя, подобно нѣкоторымъ нашимъ рѣчнымъ рыбамъ, даже послѣ того, какъ ихъ съ крючка удочки бросили обратно въ воду, тотчасъ же снова хватаютъ его автоматически, весьма скоро пополнились бы за низкую степень своей смышленности полнымъ исчезновеніемъ своей породы, если бы ихъ необыкновенная плодовитость не искупала ихъ перазсудительности. Аппетитъ и внушаемы имъ дѣйствія

¹⁾ Отправленія, дѣятельности какаго-либо органа.

у всѣхъ высшихъ животныхъ сдѣлались функціями головного мозга. Они исчезаютъ, когда ножъ фізіолога оставилъ на мѣстѣ лишь подчиненные центры. Лишенный полушарій голубъ умирать съ голоду даже на копнѣ хлѣба.

Возьмемъ въ свою очередь половую функцію. У птицъ она достается исключительно на долю полушарій. Когда послѣднія вырѣзаны, голубъ не обращаетъ никакого вниманія на прикосновеніе и воркованіе своей подруги. То же самое наблюдается, по Гольцу, у псовъ, которые потеряли большую часть мозговой ткани. Тѣ, которые читали «Происхожденіе человека» Дарвина, вспомнятъ, какое значеніе этотъ писатель приписываетъ вліянію полового подбора на улучшеніе породъ птицъ. Самки по природѣ сдержанны, и ихъ сдержанность самецъ долженъ преодолѣть, выставляя на видъ великолѣпное опереніе и разнообразныя придатки имѣющіе назначеніе служить въ борьбѣ и т. п. Съ другой стороны, у лягушекъ и жабъ, у которыхъ (какъ мы видѣли выше) половымъ инстинктомъ заведуютъ низшіе центры, мы находимъ механическое повиновеніе наличнымъ чувственнымъ побужденіямъ и почти полное отсутствіе способности выбора. Слѣдствіемъ этого является то, что каждую весну происходитъ колоссальное опустошеніе среди лягушекъ (въ томъ числѣ погибаетъ много взрослыхъ и безчисленное количество яичекъ), и это исключительно по той причинѣ, что половой импульсъ у этихъ животныхъ имѣетъ совершенно слѣпой характеръ.

Не пужно говорить о томъ, насколько высота всего общественнаго уровня у человѣческаго рода зависитъ отъ преобладанія благопрістойности и даже цѣломудрія въ этой области. Едва ли другимъ какимъ-нибудь факторомъ въ большой степени измѣряется различіе между цивилизаціей и варварствомъ. Объясняемое фізіологически, цѣломудріе есть не что иное, какъ то, что чувственные побужденія пересиливаются внушеніями эстетической и моральной умѣнности, которыя вызываются въ головномъ мозгу окружающими условіями (обстоятельствами), и что дѣйствіе непосредственно зависитъ отъ задерживающаго или дозволяющаго вліянія однихъ этихъ внушеній.

Въ предѣлахъ психической жизни, обусловленной самимъ головнымъ мозгомъ, существуетъ то же самое общее отлччіе между обдумываніемъ болѣе непосредственнаго и обдумываніемъ болѣе отдаленнаго. Во всѣ вѣка человѣкъ, который руководится въ своихъ намѣреніяхъ ссылкой на наиболѣе отдаленныя цѣли, считался наиболѣе разумнымъ. Бродяга, который живетъ съ часу на часъ; цыганъ, имѣющій работу лишь на одинъ день; холостякъ, устраивающій только одну свою личную жизнь; отецъ, работающій для другого поколѣнія; патріотъ, думающій о цѣломъ государствѣ и о многихъ поколѣніяхъ, и, наконецъ, философъ и святой, которые пекутся о человечествѣ и вѣчности,—они всѣ составляютъ непрерывную іерархію, въ которой каждая слѣдующая ступень является результатомъ увеличеннаго проявленія той особой формы дѣйствія, которой отлчаются головные центры отъ всѣхъ низшихъ.

Теорія автоматизма.—На той обходной линіи, о которой мы говорили выше, и вдоль которой, какъ предполагають, расположены воспоминанія и идеи о прошломъ, дѣйствіе, поскольку оно является физическимъ процессомъ,

должно быть объяснено по типу подобных-же действий въ низшихъ центрахъ. Если смотрѣть на процессъ въ низшихъ центрахъ, какъ на рефлекторный процессъ, то и въ высшихъ центрахъ онъ долженъ быть такимъ же, т. е. рефлексомъ. Въ обоихъ случаяхъ токъ выходитъ изъ центровъ въ мускулы лишь послѣ того, какъ онъ сперва входитъ въ центры; но между тѣмъ, какъ путь, по которому токъ выходитъ изъ низшихъ центровъ, опредѣляется немногочисленными и, фиксированными въ системахъ клѣтокъ, рефлексамъ,—въ полушаріяхъ рефлексы многочисленны и измѣнчивы. Это, какъ мы увидимъ, только разница въ степени, а не въ качествахъ, и типъ рефлекса этимъ не нарушается. Представленіе всякаго дѣйствія по этому типу является основной идеей новѣйшей физиологіи нервной системы. Эта идея въ настоящее время привела къ двумъ совершенно противоположнымъ теоріямъ объ отношеніи сознанія къ нервнымъ функциямъ. Нѣкоторые авторы, находя, что чувствованіемъ управляютъ повидимому высшія волевые функции, заключаютъ, что нѣкоторое подобное чувствованіе управляетъ самими низшими рефлексамъ, хотя бы это чувствованіе находилось въ связи съ спиннымъ мозгомъ и оставалось не сознаннымъ для высшаго сознательнаго чувствованія, связаннаго съ полушаріями. Другіе авторы, находя, что рефлексы и полу-автоматическіе акты, не взирая на ихъ цѣлесообразность, совершаются, повидимому, совершенно безсознательно, ударяются въ противоположную крайность и утверждаютъ, что цѣлесообразность даже высшихъ волевыхъ дѣйствій, связанная съ полушаріями, ничѣмъ не обязана тому факту, что эти дѣйствія сопровождаются сознаніемъ. По мнѣнію этихъ писателей, они являются результатомъ чистаго и простаго физиологическаго механизма.

Для того, чтобы совершенно понять это послѣднее ученіе, провѣримъ его на примѣрахъ. Движенія нашего языка и пера, блескъ глазъ при разговорѣ, конечно, суть явленія физиологическаго порядка, и, какъ у таковыхъ, ихъ предшествующія причины могутъ быть исключительно механическими. Если бы мы совершенно узнали нервную систему Шекспира и ознакомились вполнѣ со всѣми окружающими его условіями, то, согласно теоріи автоматизма, мы были-бы способны показать, какъ въ данный періодъ его жизни его рука рѣшила начертить на извѣстныхъ полосахъ бумаги тѣ неразборчивые маленькіе черные знаки, которые мы для краткости называемъ рукописью «Гамлета». Мы поняли-бы въ этой рукописи основанія каждой помарки и каждаго измѣненія, и все это мы поняли-бы, не допуская хоть бы въ самой малой степени присутствія мыслей въ сознаніи Шекспира. Слова и фразы будутъ при этомъ приниматься не за символы чего-то высшаго, чѣмъ они сами, но за ничтожныя, чисто внѣшнія и простыя факты. Подобнымъ же образомъ теорія автоматизма утверждаетъ, что мы могли бы самымъ исчерпывающимъ образомъ написать біографію приблизительно двухсотъ фуптовъ тепловатаго бѣлковаго вещества, называемыхъ Мартиномъ Лютеромъ, насколько не обращая вниманія на то, что чувствовала эта бѣлковая масса.

Но, съ другой стороны, во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что бы могло намъ помѣшать дать столь-же полный отчетъ о духовной жизни и Лютера, и Шекспира, отчетъ, въ которомъ всякій проблескъ мысли и эмоціи нашелъ бы свое мѣсто. Исторія сознанія шла бы на-ряду съ исторіей тѣла каждаго

человѣка, и каждый моментъ въ одной соотвѣтствовалъ бы, точка въ точку, моменту въ другой, но не воздѣйствовалъ бы на него. Такъ, мелодія исходить изъ струны арфы, но она не задерживаетъ и не ускоряетъ колебаній этихъ струнъ; такъ тѣнь движется рядомъ съ путникомъ, но она не оказываетъ никакого вліянія на его шаги.

Какъ простая концепція, и пока мы ограничиваемся изслѣдованіемъ самихъ первыхъ центровъ, эта чисто механическая теорія представляется одной изъ наиболѣе соблазнительныхъ. Однако наше сознаніе существуетъ и, по всей вѣроятности, развивалось, подобно всѣмъ другимъ функциямъ, для пользованія имъ, а потому въ высшей степени невѣроятно a priori, чтобы оно не имѣло своей особой полезности. Его полезность, повидимому, заключается въ способности выбора; но чтобы выбирать, оно должно быть дѣйствующимъ (активнымъ). Тѣ состоянія, которыя чувствуются какъ благоприятныя, нами задерживаются; тѣ же, которыя чувствуются какъ неблагоприятныя, нами устраняются. Если-бы такое «задерживаніе» или, наоборотъ, «устраненіе» состояній сознанія въ отдѣльности значило-бы также и фактическое усиленіе, или, наоборотъ, задерживаніе соотвѣтственныхъ нервныхъ процессовъ, то оказалось бы, что наличность состояній сознанія можетъ служить направленною перваго процесса, т. е. направлять его по тому пути, который сознанію кажется лучшимъ. Но въ среднемъ выводѣ то, что кажется лучшимъ для сознанія, то является, дѣйствительно, лучшимъ для живого существа. Всѣмъ хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что удовольствія ассоциированы вообще съ такими опытами прошлаго, которые были благоприятны, а страданія съ вредными. Всѣ основныя жизненные процессы иллюстрируютъ этотъ законъ. Голодъ, удрученіе, лишеніе пищи, питья и сна, истощающая работа, ожогъ, раны, воспаленіе, дѣйствія яда,—все это настолько же непріятно, насколько пріятны—насыщеніе голоднаго желудка, услаждающій отдыхъ и сонъ послѣ усталости, упражненіе послѣ покоя, неповрежденная кожа или кости во всякое время. Герб. Спенсеръ и другіе доказывали, что эти совпаденія нужнаго съ пріятнымъ обусловлены не какой-то предустановленной гармоніей, но простымъ дѣйствіемъ естественнаго подбора, который несомнѣнно въ концѣ концовъ долженъ привести къ гибели тѣхъ видъ животныхъ, которому дѣйствія несомнѣнно вредныя кажутся доставляющими наслажденіе. Животное, которое находило бы удовольствіе въ чувствѣ удрученія, обладало бы продолжительностью жизни не больше четырехъ или пяти минутъ, если бы, напр., это удовольствіе было настолько сильно, чтобы заставить его держать голову подъ водою. Но если сознательное удовольствіе ничего не усиливаетъ, а сознательное страданіе ничего не задерживаетъ, то непонятно, почему бы наиболѣе вредное для организма состояніе, напримѣръ, жженіе тѣла, не могло совершенно безнаказанно доставлять трепетъ восторга, а наиболѣе необходимое, какъ, напримѣръ, дыханіе, вызывать мучительную агонію. Оставалось бы только предположить а priori разумную гармонію, но она отвергается презрительно поборниками теоріи автоматизма. Единственно достойную вниманія попытку объяснить распредѣленіе чувствованій нашихъ—сдѣлалъ Грауль Алленъ въ своемъ небольшомъ поучительномъ произведеніи «Физиологическая эстетика», а его разсужденіе основано исключительно на томъ дѣлательномъ

сь другимъ) образуютъ область, черезъ которую проходятъ всѣ двигательныя возбужденія, отъ коркового слоя, по дорогѣ къ исполнительнымъ центрамъ въ области вороньева моста, продолговатаго и спинного мозга, отъ которыхъ получаютъ раздраженія, производящія сокращенія мышцъ. Существованіе этой такъ называемой «двигательной зоны» установлено съ очевидностью какъ анатомически, такъ и путемъ вивисекціи и патологически.

Соответствующие рисунки (38 и 39), по Шэферу и Хорслею, показываютъ топографическое расположеніе двигательной зоны у обезьянъ ястре любого описанія.

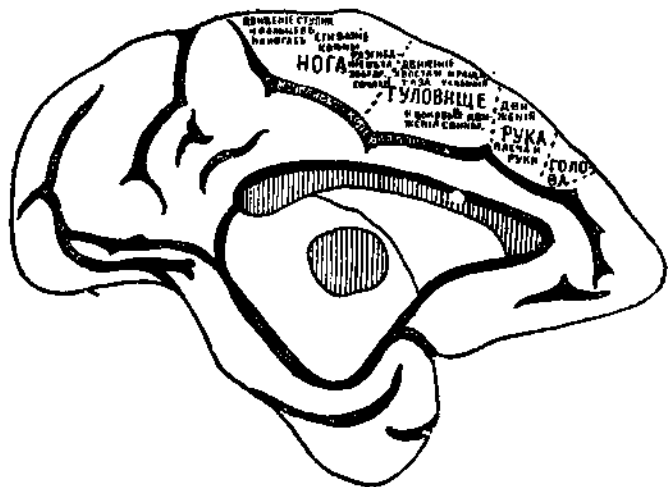


Рис. 39.—Лѣвое полушаріе мозга обезьяны. Медиальная поверхность.

Рис. 40, по Старру, показываетъ, какъ волокна направляются внизъ. Всѣ чувствительныя токи, входящія въ полушарія, выходятъ изъ роландовой области, которую, слѣдовательно, можно считать, какъ-бы воронкообразной трубкой, служащей для выхода; она суживается по мѣрѣ того, какъ погружается подъ поверхность и проходитъ черезъ внутреннюю капсулу, варолевъ мостъ и части, лежащія ниже. Темныя эллипсы на лѣвой сторонѣ диаграммы изображаютъ кровоизліянія или опухоли, и читатель можетъ легко отмѣтить, слѣдуя за направленіемъ волоконъ, каково можетъ быть дѣйствіе (роль) этихъ опухолей въ прерываніи двигательныхъ токовъ.

Одно изъ наиболѣе поучительныхъ доказательствъ двигательной локализации въ мозговой корѣ дается болѣзью, именъ называемой афезіей или двигательной афазіей (Motor aphasia); эта болѣзнь (двигательная афазія) не представляетъ ни потери голоса, ни паралича языка или губъ. Голосъ больного такъ же громокъ, какъ прежде, и всѣ нервныя токи его подъязычнаго и лицевого нервовъ могутъ быть совершенно нормальны, исключая первыхъ токовъ, необходимыхъ для рѣчи. Онъ можетъ свѣяться,

кричать и даже пѣть; по онъ не въ состояніи выговорить ни одного слова; или же нѣсколько бессмысленныхъ отрывистыхъ фразъ составляютъ всю его рѣчь; или, наконецъ, онъ говоритъ безсвязно и сбивчиво, дурно выговаривая слова, неправильно раздѣляя ихъ и невѣрно пользуясь ими. Разница въ этихъ случаяхъ зависитъ отъ развитія болѣзни въ большей или меньшей степени. Иногда его рѣчь представляетъ только наборъ невнятныхъ гласныхъ. Въ случаяхъ чистой двигательной афазіи, т. е. не соединенной съ другими разстройствами мозга, больной замѣчаетъ свои ошибки и сильно страдаетъ отъ этого.

Всякій разъ, какъ пациентъ умираетъ при такихъ условіяхъ и когда было возможно сдѣлать изслѣдованіе его мозга, находили, что нижняя часть 3-й

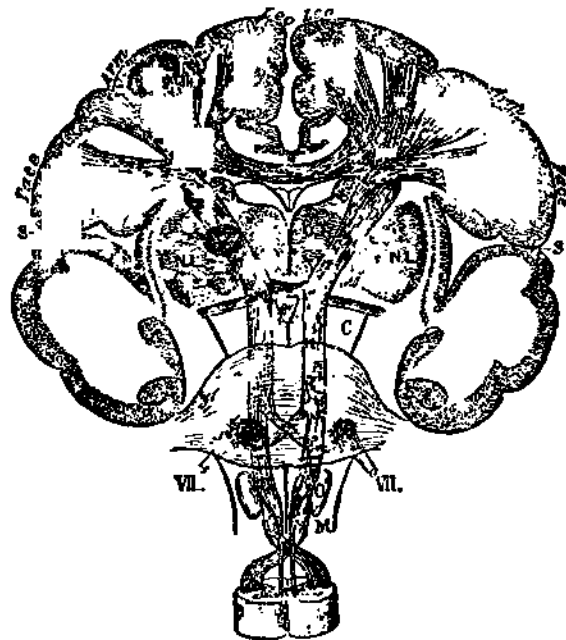


Рис. 40.—Схематическій поперечный разсѣтъ человеческого мозга, черезъ роландову область. S, Сильвиева борозда; N. C. *nucleus caudatus*, и N. L. *nucleus lenticularis* продолговатаго тѣла; O. T., зрительный бугоръ; C. ножка; M. продолговатый мозгъ; VII. лицевые нервы, выходящіе изъ нихъ *nucleus* въ область варолева моста. Волокна, проходя между O. T. и N. L., образуютъ такъ называемую внутреннюю капсулу.

лобной извилины есть мѣсто поврежденія (см. рис. 41). Брока первый отмѣтилъ этотъ фактъ въ 1861 году, и съ того времени эта извилина получила названіе извилины Брока. У людей, дѣйствующихъ исключительно правой рукой, поврежденіе найдено въ лѣвомъ полушаріи, а у лѣвшей—въ правомъ. У большинства людей, дѣйствительно, лѣвое полушаріе болѣе развито, то есть, всѣ ихъ наиболѣе тонкія и спеціальныя движенія поручены лѣвому полушарію. Обыкновенное преобладаніе правой руки въ совершеніи такихъ движеній является лишь слѣдствіемъ этого факта, слѣдствіемъ, которое въ мозгу проявляется при изслѣдованіи того сильнаго скрещиванія волоконъ, идущихъ отъ лѣваго полушарія только къ правой половинѣ тѣла, которое показано на рисункѣ 42, подъ буквой M. Но преобладаніе лѣваго полушарія можетъ существовать и не проявляясь такимъ способомъ. Это случается, когда какой-нибудь органъ имѣется на обѣихъ сторонахъ тѣла, но можетъ управляться однимъ лѣвымъ полушаріемъ; такой именно случай представляютъ голосовыя органы при пополненіи той въ высокой степени тонкой и спеціальной двигательной обязанности, которую мы называемъ рѣчью. Оба полушарія могутъ

иннервировать (возбуждать) ихъ съ обѣихъ сторонъ какъ оба они способны иннервировать съ обѣихъ сторонъ мышцы туловища, реберъ и диафрагмы.

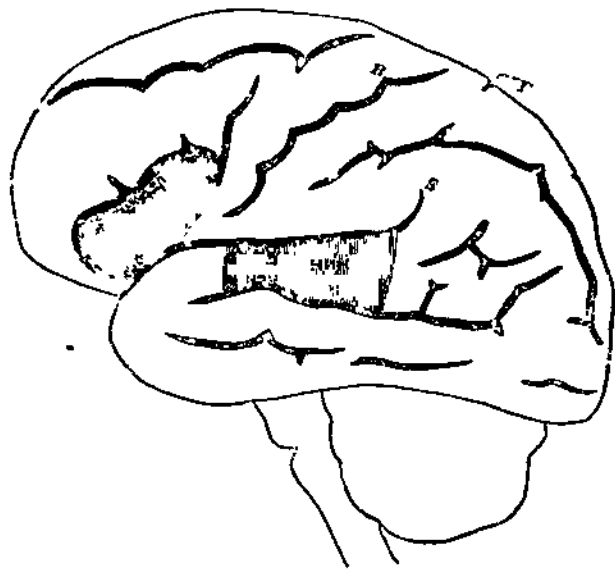


Рис. 41. — Схематический профиль левого полушария, зачерченными частями которого соответствуют разрушению, приведенному двигательной («Брока») и чувствительной («Вернике») афазией.

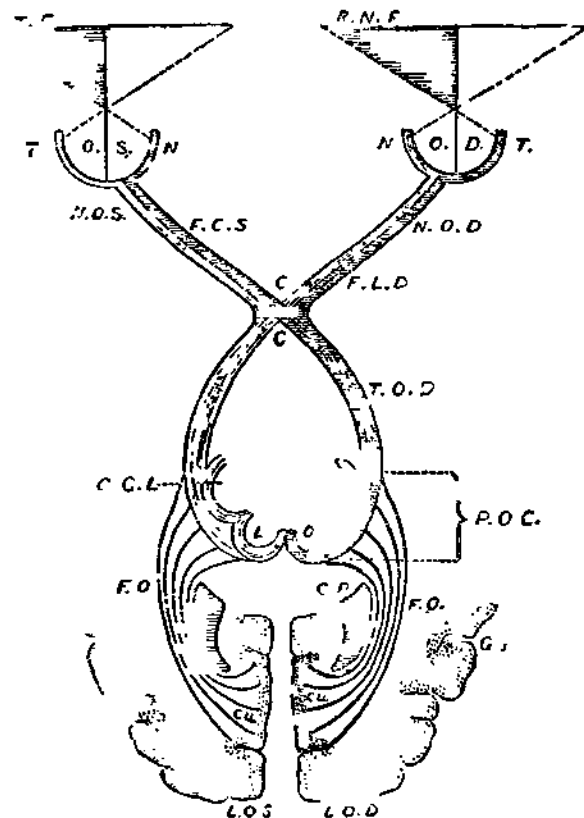
Однако, въ настоящихъ случаяхъ афазии, оказывается, что при специальныхъ движенияхъ рѣчи лѣвое полушаріе у большинства лишь беретъ на себя обыкновенно эту исключительную роль. При разобщеніи съ этимъ полушаріемъ, способность рѣчи пропадаетъ, — даже, если бы противоположное полушаріе оставалось цѣлымъ для совершения моменты специальныхъ актовъ, какъ, напримеръ, различныхъ движений, необходимыхъ при жѣ.

Зрительный центръ помѣщается въ затылочныхъ доляхъ. Это также доказано при помощи всѣхъ трехъ способовъ возможныхъ доказательствъ. Оказывается, что волокна отъ лѣвыхъ половинъ обѣихъ сѣточекъ идутъ къ лѣвому полушарію, волокна правыхъ половинъ — къ правому. Слѣдствіемъ является то, что когда, напримеръ, повреждена правая затылочная доля, то въ обѣихъ глазахъ наблюдается половинчатая слѣпота («hemianopsia»), то есть, обѣ сѣчатки становятся слѣпыми на правыхъ своихъ половинахъ, и больной терлетъ лѣвую половину своего зрительнаго поля.¹⁾ Диаграмма 42 пояснитъ, въ чемъ дѣло.

Совсѣмъ недавно Шеферъ и Мункъ, изслѣдуя движенія глазного яблока, вызванныя гальванизированиемъ зрительныхъ участковъ коры у обезьянъ и собакъ, нашли основаніе вывести аналогичное соотвѣстствіе между верхними и нижними частями сѣточекъ съ одной стороны и определенными частями зрительнаго участка коры съ другой. Если обѣ затылочные доли разрушены, то мы получимъ удвоенную геміопію или, другими словами, полную слѣпоту. У человѣка, при обыкновенной геміопической слѣпотѣ, существуетъ нечувствительность къ свѣту на одной половинѣ поля зрѣнія, но умственные образы видимыхъ предметовъ остаются. При двойной геміопіи существуютъ всѣ основанія предполагать, что не только ощущение свѣта должно отсутствовать, но что всѣ воспоминанія и образы

¹⁾ Такъ какъ лѣвая половина зрительнаго поля воспринимается правой половиной сѣчатки См. выше. Ред.

зрительнаго порядка должны также исчезнуть, т. е. человѣкъ терлетъ свои зрительныя «идеи». Однако, только слѣпота, вызванная поврежденіемъ коркового слоя, можетъ такъ дѣйствовать на идеи. Разрушеніе сѣточекъ или зрительныхъ путей, гдѣ бы то ни было на протяженіи между



42 — 1 х 1 мм. Механизмъ зрѣнія, по Стену. Предполагается, что картинка гир- (С) правой затылочной доли повреждена, и всѣ асти, ведущія къ ней, затемнены для того, чтобы показать, что она не выполняетъ своего назначения. F. O. — зрительныя волокна внутри полушарій. P. O. C. — область нижнихъ зрительныхъ центровъ (отъ зрѣнія до quadrig. пнме, T. O. D. — правый зрительный путь, C. — перекрестокъ (chiasma), F. L. D. — волокна, идущія въ лѣвую или височную половину, T. правая сѣточка, и F. C. S. — волокна, идущія къ центральной и косоной половинѣ лѣвой сѣчатки. O. D. — правая сѣточка, L. S. — лѣвое глазное яблоко. Итакъ, при этой половинѣ поля зрѣнія (т. е. говоря, правое носовое поле, X. N. F., и лѣвое височное поле, L. T. B., слѣдуетъ ожидать, что при поврежденіи при

корковымъ слоемъ и глазами, можетъ повредить чувствительности сѣточекъ къ свѣту, но не отнять способности зрительнаго воображенія.

Душевная слѣпота. — Наиболее интереснымъ эффектомъ разстройства въ корковомъ слое является душевная слѣпота. Она состоитъ не столь-

ко въ нечувствительности къ зрительнымъ впечатлѣніямъ, сколько въ неспособности понимать ихъ. Психологически это объясняется потерей ассоціацій между зрительными ощущеніями и тѣмъ, что они означаютъ; и всякій перерывъ въ путяхъ между оптическими центрами и центрами для другихъ идей долженъ привести къ этому. Такъ, напечатанные буквы азбуки или слова изображаютъ опредѣленные звуки и опредѣленные расчлененныя движенія. Но при нарушеніи связи между словорасчленяющими или слуховыми центрами съ одной стороны и зрительными центрами съ другой, мы должны а priori ожидать, что если мы и будемъ видѣть написанные слова, это не вызоветъ въ насъ идеи объ ихъ звукѣ

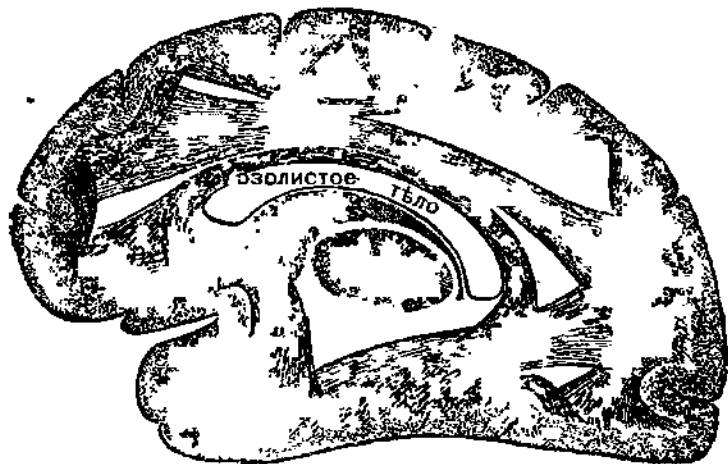


Рис. 48. — Волокна, соединяющія височные центры, заложенные въ корковомъ слое. (Схематически, по Старру).

или о движеніи, необходимомъ для произнесенія ихъ. Короче говоря, мы должны получить алексію (alexia) или неспособность выговаривать эти слова: и это именно мы имѣемъ, какъ осложненіе афазіи, во многихъ случаяхъ сильнаго поврежденія лобно-височныхъ областей.

Часто случается, что тамъ, гдѣ больной не можетъ узнать предмета при помощи зрѣнія, тамъ онъ узнаетъ его и называетъ, какъ только касается этого предмета своей рукой. Это указываетъ интереснымъ образомъ на то, какъ многочисленны входящіе пути, которые всѣ оканчиваются выходомъ изъ мозга черезъ каналъ рѣчи. Можетъ быть открытъ путь къ руцѣ, хотя путь къ глазу закрытъ. Когда душевная слѣпота является наиболѣе полной, ни зрѣніе, ни осязаніе, ни слухъ не пригодны къ тому, чтобы руководить больнымъ, и получается особый видъ болѣзни названный асимболией или апраксией. Въ этомъ случаѣ, самые обыкновенные предметы не распознаются. Больной надѣваетъ свои брюки на одно плечо, шляпу на другое; кусаетъ мыло и кладетъ свои башмаки на столъ, или беретъ свою плиту въ руку и бросаетъ ее прочь, не зная, что дѣлать съ нею и т. д. Такое расстройство можетъ произойти только отъ поврежденія мозга на значительномъ пространствѣ.

Центръ слуха расположенъ у человѣка въ верхней извилищѣ височной доли (см. часть, помѣченную словомъ «Вернике» на рис. 41). Явленія афазіи обнаруживаютъ это.

Нѣсколькими страницами выше мы рассматривали двигательную афазію; теперь мы должны ознакомиться съ слуховой афазіей.

Наше знаніе объ афазіи имѣло три періода: мы можемъ упомянуть о періодѣ Брока, періодѣ Вернике и періодѣ Шарко.

Что открылъ Брокъ, мы уже видѣли. Вернике былъ первый, который отличилъ тѣ случаи, гдѣ больной не можетъ даже понимать рѣчи, отъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ понимаетъ, а только не можетъ говорить; первые изъ упомянутыхъ сейчасъ случаевъ Вернике приписалъ поражению височной доли. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ глухотой къ словамъ, и болѣзнь эта называется слуховой афазіей. Последнее статистическое изслѣдованіе по этому вопросу сдѣлано докторомъ Алленъ Старромъ. Въ семи случаяхъ чистой глухоты къ словамъ, которые онъ собралъ (случаи, гдѣ больной могъ читать, говорить и писать, но не понималъ, что ему говорили), поражение ограничивалось первой и второй височной извилиной въ ихъ заднихъ двухъ третяхъ. Пораженіе (у лицъ нормальныхъ, то есть отличающихся преобладаніемъ роли лѣваго полушарія) находится всегда съ лѣвой стороны, подобно пораженію при двигательной афазіи. Простой слухъ не уничтожается, даже если лѣвый центръ его совершенно разрушенъ, такъ какъ правый центръ будетъ еще заботиться о немъ.

Но примѣненіе слуха для различенія словъ связано съ неповрежденностью лѣваго центра болѣе или менѣе исключительно. Здѣсь, должно быть, услышанные слова входятъ въ ассоціацію, во 1-хъ, съ вещами, которые символизируются этими словами, и, во 2-хъ, съ необходимыми для произношенія ихъ движеніями. У большинства изъ насъ (какъ говорить Вернике) рѣчь должна начинаться съ слуховыхъ знаковъ, то есть наши зрительныя, осязательныя и другія идеи, вѣроятно, не возбуждаютъ непосредственно двигательныхъ центровъ рѣчи,—эти центры получаютъ раздраженіе лишь тогда, когда въ насъ возникаютъ сперва умственные звуки словъ. Эти послѣдніе и являются непосредственнымъ стимуломъ для произношенія; и когда возможность произношенія уничтожается разрушеніемъ его обычнаго пути въ лѣвую височную долю, то произношеніе, конечно, должно пострадать. Въ немногихъ случаяхъ, гдѣ путь этотъ, хотя и уничтоженъ, но не оказывается вреда для рѣчи, мы должны предположить какую-либо особенность чисто индивидуальную (идиосинкразію). Больной, должно быть, иннервируетъ свои органы рѣчи или отъ соответствующей части другого полушарія, или непосредственно отъ центровъ зрѣнія, осязанія и т. д., безъ первоначальнаго отклоненія иннервации въ слуховую область. Подробный анализъ этихъ-то именно индивидуальныхъ различій составляетъ вкладъ, который внесъ Шарко въ дѣло разъясненія этого предмета.

Всякая вещь, имѣющая свое названіе, обладаетъ многочисленными свойствами, качествами или внѣшними признаками. Въ нашемъ сознаніи свойства вещи различаются, различно воспринимаются органами чувствъ. Если различныя свойства вещи входятъ, каждая въ отдельности, въ соотношеніе съ различными-жѣ

свойствами, напр. одна часть съ слуховымъ названіемъ предмета, другая— съ выговариваніемъ названія и т. п., то въ такомъ случаѣ должна неизбежно возникнуть (по закону ассоціаціи, который мы рассмотримъ ниже) такая связь между всѣми этими частями мозга, что дѣятельность одной какой-нибудь изъ нихъ вызоветъ, вѣроятно, дѣятельность всѣхъ остальныхъ.

Когда мы говоримъ и въ то-же время думаемъ, конечнымъ процессомъ является произнесение словъ. Если часть мозга, заведующая произнесениемъ, повреждена, рѣчь невозможна или разстроена, даже если всѣ другія части мозга невредимы: и это именно то условіе, которое, какъ мы нашли выше, возникаетъ при пораженіи извилины Брока. Но за актомъ произнесения словъ возможны различныя порядки послѣдовательности въ ассоціаціяхъ идей говорящаго человѣка. Наиболее обычнымъ порядкомъ, какъ было сказано выше, является слѣдующій: осязательныя, зрительныя или другія свойства вещей, о которыхъ мы думаемъ, ассоциированы съ звукомъ ихъ названій и, затѣмъ, съ произношеніемъ послѣднихъ. Но такъ какъ въ сознаніи известнаго индивидуума видѣніе предмета или видѣніе его (писавшаго) названія обыкновенно предшествуетъ произношенію, то поврежденіе слухового центра на дѣйствуетъ собственно (pro tanto) на рѣчь или на чтеніе этого лица. Онъ будетъ душевно глухимъ, то есть пострадаетъ его пониманіе человѣческаго голоса, но онъ не будетъ страдать афазіей. Такимъ образомъ возможно объяснить семь случаевъ глухоты къ словамъ, которые фигурируютъ на таблицѣ Старра,—безъ двигательной афазіи.

Если этотъ порядокъ ассоціаціи,—т. е. начинающій рѣчь не слуховымъ, а зрительнымъ впечатлѣніемъ,—выдѣлился и сдѣлался обычнымъ для даннаго индивидуума, то поврежденіе его зрительныхъ центровъ сдѣлаетъ его не только слѣпымъ къ словамъ, но и афазикомъ, т. е. разстроитъ его рѣчь. Его рѣчь станетъ сбивчивой вслѣд-

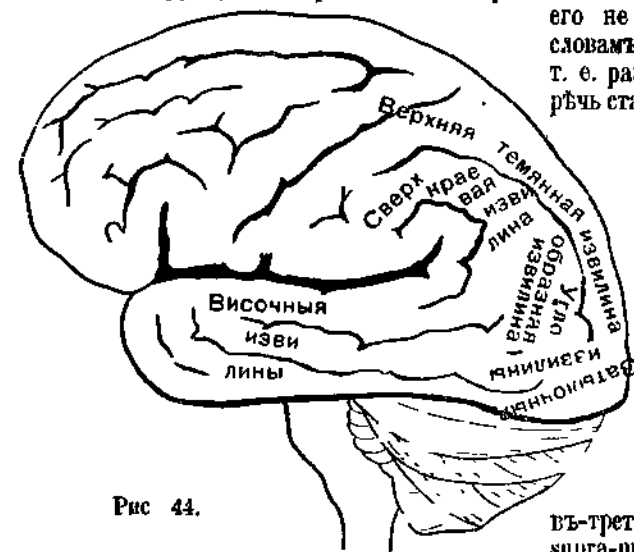


Рис 44.

подъ которыми проходятъ волокна, соединяющія зрительные центры съ остальнымъ мозгомъ (см. рис. 44). Исслѣдованіе случаевъ чисто чувстви-

тельные пораженія затылочныхъ долей. Поэтому Науинъ, являясь на диаграмму полушарія 71 случай афазіи, вполне отчетливо наблюдавшійся имъ, находить, что пораженія концентрируются въ трехъ мѣстахъ: во-первыхъ, въ центрѣ Брока, во-вторыхъ, въ центрѣ Вернике, въ-третьихъ, въ извилинахъ supra-marginalis и angularis,

тальной афазіи, произведенное докторомъ Старромъ, совпадаетъ съ этимъ результатомъ.

Въ главѣ о «Воображеніи» мы вернемся къ этимъ различіямъ въ сферѣ чувствъ разныхъ индивидуумовъ. Тѣхъ не менѣе, мы должны признать, что въ весьма немногихъ случаяхъ проявляется болѣе очевидно,—чѣмъ въ исторіи нашего знанія объ афазіи,—огромное значеніе проницательности и терпѣнія многихъ соединенныхъ дѣятелей, которые мало-по-малу приводятъ самый темный вопросъ въ упорядоченную ясность. Нѣтъ никакого «органа» рѣчи въ мозгу, какъ нѣтъ «способностей» рѣчи въ душѣ. Вся душа и весь мозгъ болѣе или менѣе находятся въ «дѣйствіи» у человѣка, который пользуется рѣчью. Прилагаемая ниже диаграмма, по Россу, представляетъ четыре части, наиболее живо занятія рѣчью. Эта диаграмма, поясняемая нашимъ текстомъ, не нуждается въ дальнѣйшемъ толкованіи (см. рис. 45).

Центры обонянія, вкуса и осязанія.—Остальные чувствительные центры выражены менѣе опредѣленно. Обоняніе и вкусъ я не скажу ничего, а о мышечномъ и возможномъ чувствованіи—только то, что оно, по всей вѣроятности, расположено въ двигательной зонѣ и, быть можетъ, въ извилинахъ непосредственно сзади и посреди нея. Приходящіе осязательные токи должны входить въ клетки этой области по одной группѣ волоконъ, а раздраженія выходить изъ нея по другой группѣ; впрочемъ, объ этихъ анатомическихъ подробностяхъ мы въ настоящее время ничего не знаемъ.

Заключение.—Такимъ образомъ, мы видимъ, что положеніе Мейперта и Джексона, которымъ мы начали изложеніе этого предмета, обазывается въ своемъ цѣломъ подтвержденнымъ наиболее удовлетворительно объективными изслѣдованіями. Высшіе центры, вѣроятно, включаютъ только приспособленія для представленія впечатлѣній и движеній, и другія приспособленія для объединенія дѣятельностей всѣхъ этихъ приспособленій. Токи, идущіе отъ органовъ чувствъ, сперва возбуждаютъ нѣкоторые приспособленія, которыя въ свою очередь возбуждаютъ другія, пока, наконецъ, не происходитъ нѣкотораго рода разрядъ внизъ.

Если все это ясно усвоено, то нѣтъ основанія для вопроса: представляется ли двигательная зона исключительно двигательной или также и чувствительной. Весь корковый слой, поскольку токи проходятъ черезъ него, является и тѣмъ, и другимъ. Всѣ токи, вѣроятно, приносятъ съ собою

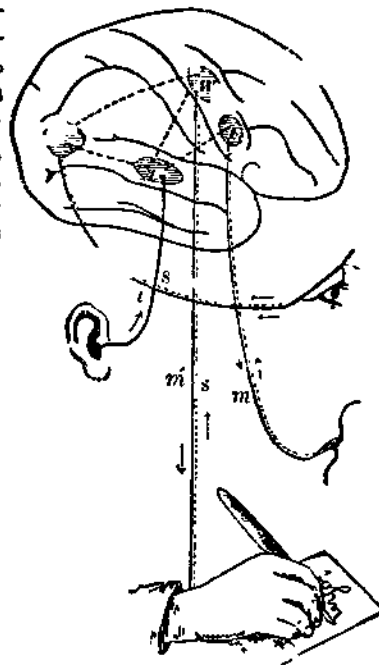


Рис 45.—А—слуховой центр, W—центр письма, B—центр рѣчи.

чувствованія и рано или поздно вызываютъ движенія. Поэтому, если смотрѣть съ одной стороны, каждый центръ является приводящимъ, а съ другой—отводящимъ, подобно двигательнымъ клеткамъ спинного мозга, обладающимъ этими двумя свойствами, связанными неразрывно. Мариэкъ, Эксперъ и Панетъ показали, что, если обрѣзать кругомъ «двигательный» центръ, то при такомъ отдѣленіи его отъ воздѣйствія остальной части мозговой коры, пропекаются тѣ же самыя разстройства, какъ при полномъ вырѣзываніи его, такъ что центръ дѣйствительно является, какъ я называлъ его, только воронкой, черезъ которую выходитъ иннервирующий потокъ, начинающійся въ другомъ мѣстѣ нервной системы; сознаніе сопровождается этотъ потокъ, и будетъ преимущественно зрительнымъ, если потокъ преимущественно затылочный, а если онъ преимущественно височный, то сознаніе будетъ главнымъ образомъ слуховымъ; оно будетъ осязательнымъ и т. д., если потокъ болѣе всего занимаетъ двигательную зону. Мнѣ кажется, что мы можемъ рѣшиться на такую нѣсколько широкую и неопредѣленную формулировку вопроса, насколько она опирается на современное состояніе науки и по меньшей мѣрѣ настолько, насколько ее нельзя опровергнуть. Однако, очевидно, какъ мало она даетъ намъ подробностей о томъ, что происходитъ въ мозгу, когда какая-нибудь мысль появляется въ сознаніи. Общія формы воспринимаемаго соотношенія между вещами, какъ, напримѣръ, ихъ тождество, подобіе или контрасты; формы самого сознанія, какъ напримѣръ, его свободное теченіе безъ усилій или его спутанность, его внимательное или невнимательное, пріятное или непріятное состояніе; явленія интереса и выбора и т. д., все они могутъ быть сгруппированы, какъ состоянія, соответствующія токамъ, которые связываютъ одинъ центръ съ другимъ. Однако, не можетъ быть ничего смутнѣе подобной формулы. Кроме того, извѣстныя части мозга, какъ напр., нижнія лобныя доли не поддаются помѣщенію ихъ въ общую формулу. Разрушеніе ихъ у собакъ не сопровождается никакимъ мѣстнымъ нарушеніемъ движенія или чувствительности, а у обезьянъ ни возбужденіе, ни вырѣзываніе этихъ долей не вызываетъ никакихъ симптомовъ. Одна обезьяна у Хорслея и Шефера послѣ операции оставалась такой же ручной и дѣлала разные штуки такъ же хорошо, какъ и до операции.

Короче сказать, очевидно, что наше знаніе о состояніяхъ нашего сознанія безконечно превосходитъ наше знаніе о сопровождающихъ эти состоянія мозговыхъ условіяхъ. Безъ внутренняго анализа душевныхъ элементовъ рѣш, ученіе объ афазіи, напримѣръ, которое является наиболѣе блестящимъ соприкосновеніемъ въ физиологіи, было бы совершенно невозможно. Поэтому, наше допущеніе (см. ранѣе), что состоянія сознанія зависятъ отъ мозговыхъ условій, должно быть понимаемо, какъ простой постулатъ. Мы можемъ вообще вѣрить, что оно должно быть вѣримъ, но какое нибудь точное знаніе того, почему оно истинно, къ сожалѣнію, отстало.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію сознательныхъ состояній въ собственномъ смыслѣ, я въ отдѣльной главѣ поговорю о двухъ или трехъ сторонахъ работы мозга (функціи мозга), которые имѣютъ общее значеніе и принимаютъ сообщенія участіе въ проявленіи всѣхъ нашихъ духовныхъ состояній.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Нѣкоторыя общія условія нервной дѣятельности.

Нервный разрядъ. Слово «разрядъ» употребляется постоянно и должно употребляться въ этой книгѣ для обозначенія того, что токъ пробѣгаетъ сверху внизъ къ мускуламъ или другимъ внутреннимъ органамъ. Читатель не долженъ понимать это слово иносказательно. Съ динамической точки зрѣнія, выходъ тока изъ двигательной клетки, вѣроятно, совершенно сходенъ съ вспышкой при выстрѣлѣ изъ ружья. Вещество клетки находится въ состояніи внутренняго напряженія, которое разряжается входящимъ токомъ, приводящимъ молекулы (частицы) въ болѣе устойчивое равновѣсіе и освобождающимъ нѣкоторую сумму энергіи, которая и даетъ возникновеніе току выходящаго волокна. Этотъ токъ силнѣе тока входящаго волокна. Когда онъ достигаетъ мускула, то вызываетъ аналогичную дезинтеграцію его молекулъ, находящихся въ напряженіи, и въ результатъ получается еще болѣе сильный эффектъ. Маттеучи показалъ, что дѣйствіе, произведенное мышечнымъ сокращеніемъ, было въ 27.000 разъ болѣе дѣйствія, произведеннаго гальваническимъ токомъ, раздражающимъ двигательный нервъ, соответствующій этой мышцѣ. Если заставить мышцу голени у лягушки сокращаться, сперва непосредственно путемъ раздраженія ея двигательнаго нерва, затѣмъ рефлекторно, раздражая ея чувствительный нервъ, то оказывается, что рефлекторный способъ требуетъ болѣе сильнаго тока и онъ медленнѣе, по зато сокращеніе при немъ силнѣе. Эти факты доказываютъ, что клетки въ спинномъ мозгу, служащія центромъ рефлекса, оказываютъ сопротивленіе, которое нужно сперва преодолѣть, но что изъ нихъ выходитъ наружу относительно очень сильный выходящій токъ. Что же это, какъ не разрядъ, въ маломъ видѣ производящій взрывъ?

Время реакціи.—Измѣреніе времени, необходимаго для разряда, является однимъ изъ предметовъ изслѣдованій, наиболѣе тщательно производившихся за послѣдніе годы. Гельмгольцъ указалъ дорогу, открывъ способъ отводящаго тока въ бедренномъ нервѣ лягушки. Методы, которыми онъ пользовался, вскорѣ были примѣнены къ реакціямъ органовъ чувствъ, и результаты вызвали сильное удивленіе въ публикѣ, когда ихъ описали, какъ измѣренія «скорости мысли». Фраза «быстрый, какъ мысль» съ незапамятныхъ временъ означала все то, что по своей быстротѣ было замѣтельно и не поддавалось опредѣленію; и способъ, которымъ наука положила свою властную руку на эту тайну, напомнилъ вѣкъ о томъ дѣлѣ, когда Франклинъ первый «сигналъ собою fulmen» (похитилъ съ неба огонь), предназначивъ царство болѣе новой и холодной породы боговъ. Впрочемъ, я долженъ указать, что фраза «скорость мысли» вводитъ въ заблужденіе, ибо... Такъ какъ изъ изслѣдованныхъ слѣдуетъ, никоимъ образомъ не я... какой частный актъ мысли пропекается за то время,

которое измеряется. Это время, в действительности, представляет всю продолжительность данных реакций на стимулы. Но, вѣдь, некоторые условия реакции приготовлены заранее; они состоятъ въ допущеніи тѣхъ двигательныхъ и чувственныхъ напряженій, которыя мы называемъ выжидательнымъ состояніемъ. Значитъ, какъ разъ то, именно, что происходитъ въ теченіе времени, занимаемаго самой, т. е. действительной, реакціей (другими словами, то, что именно прибавляется къ существовавшимъ уже ранее ожидаемымъ напряженіямъ, вызывающимъ действительный, настоящий разрядъ), сдѣлано не въ данный моментъ—какъ съ точки зрѣнія нервной физиологін, такъ и съ точки зрѣнія психологін.

Методъ во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ по существу одинъ и тотъ же. Субъекту, надъ которымъ производятъ опытъ, дается какой-нибудь сигналъ, и въ тотъ же моментъ аппаратъ самъ собою отмѣчаетъ время этого сигнала. Затѣмъ субъектъ долженъ произвести известное мышечное движеніе, которое и представляетъ «реакцію» и которое тоже отмѣчается автоматически. Время, которое, окажется прошедшимъ между двумя отмѣтками, есть все время этой реакции. Аппараты, записывающіе время, бываютъ различныхъ типовъ. Одинъ типъ представляетъ вращающійся барабанъ, покрытый записанной бумагой, на которой одно электрическое перо чертитъ линію, прерываемую сигналомъ и возобновляемую «реакціей», между тѣмъ какъ второе электрическое перо (соединенное съ металлическимъ прутомъ, колеблющимся съ известной скоростью) чертитъ рядомъ съ первой линіей «линію времени», каждое колебаніе или звено которой означаетъ известную дробь секунды и во которой можно измерять время перерыва въ «линіи реакции». См. рис. 46, гдѣ линія вре-

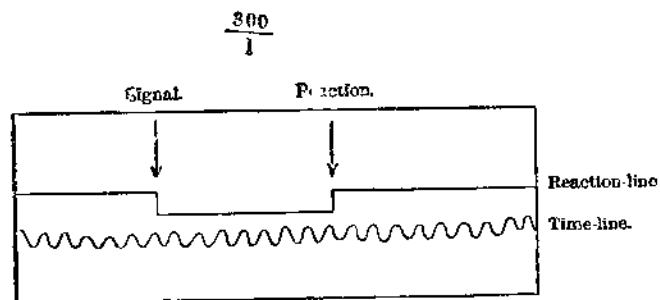


Рис. 46.

мени реакции (Reactionline) прервана сигналомъ у первой стрѣлки (Signal) и продолжена снова реакціей у второй (Reaction). Наиболее часто употребляемый аппаратъ есть хроноскопическіе часы Гиппа. Стрѣлки ихъ ставятся на 0; сигналъ приводитъ ихъ въ движеніе (при помощи замыканія электрическаго тока), а реакція останавливаетъ ихъ. Продолжительность движенія стрѣлокъ, до тысячныхъ долей секунды, легко видѣть затѣмъ на циферблатѣ.

Простыя реакціи.—Найдено, что время реакціи разнится у одного в того же лица сообразно съ направленіемъ его выжидательнаго состоянія. Если субъектъ думаетъ насколько возможно меньше о движеніи, которое

онъ долженъ сдѣлать, а сосредоточиваетъ свою мысль на сигналѣ, который долженъ явиться, то время реакціи болѣе продолжительно; наоборотъ, если онъ направитъ свою мысль исключительно на мышечный отвѣтъ,—оно короче. Ланге, который первый замѣтилъ этотъ фактъ, работая въ лабораторіи Вундта, нашелъ у себя «мышечное» время реакціи равнымъ въ среднемъ 0,123, а «чувственное» въ среднемъ около 0,230. Очевидно, что опыты для того, чтобы имѣть какую-нибудь сравнительную цѣнность, должны всегда быть сдѣланы согласно «мышечной» методѣ, которая сводитъ число до минимума и дѣлаетъ его болѣе постояннымъ. Въ общемъ выводѣ, оно лежитъ между одной и двумя десятими секунды. Мнѣ кажется, что при такихъ обстоятельствахъ реакція является въ сущности рефлекторнымъ актомъ. Предварительное приготовленіе мышцъ къ движенію подразумеваетъ возбужденіе путей разряда до такой степени, которая уже совершенно близка къ разряду еще до подачи сигнала. Другими словами, это ожиданіе подразумеваетъ образованіе настоящей «рефлекторной дуги» въ центрахъ, по которой входящій токъ мгновенно можетъ снова выйти вонъ. Но, съ другой стороны, когда выжидательное вниманіе обращено исключительно на сигналъ, возбужденіе двигательныхъ путей можетъ начаться только послѣ того, какъ появляется сигналъ, и при такихъ условіяхъ реакція протекаетъ дольше. Въ томъ весьма напряженномъ состояніи, въ какомъ мы находимся, совершая реакціи по «мышечному» методу, мы иногда отвѣчаемъ движеніемъ на фальшивый сигналъ, въ особенности, если онъ одного рода съ тѣмъ, котораго мы ожидаемъ. Сигналъ является только искрой, прикасающейся къ уже заложеной минѣ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ мысли,—рука дѣлаетъ движеніе отъ непроизвольнаго содроганія.

Слѣдовательно, эти опыты ни въ какомъ отношеніи не представляютъ измереній скорости мысли. Только при усложненіи ихъ, является возможность того, что мы получимъ нѣчто въ родѣ умственнаго акта. Опыты могутъ быть усложняемы различными способами. Такъ, напр., требуется, чтобы реакція была нами задержана до той поры, пока сигналъ сознательно не пробудитъ ясную идею (по Вундту время различенія, время ассоцірованія¹⁾, и лишь послѣ этого она (реакція) можетъ быть совершена). Или можно употребить массу различныхъ сигналовъ, каждый съ различною ему соответствующей реакціей, и реагирующій можетъ не знать, какой сигналъ онъ получитъ. Тогда реакція, повидимому, едва ли произойдетъ безъ предварительнаго соображенія и выбора. Впрочемъ, и здѣсь различеніе и выборъ сильно разнятся отъ тѣхъ умственныхъ актовъ, которые мы обыкновенно понимаемъ подъ этимъ названіемъ. Между тѣмъ время простой реакціи остается исходнымъ пунктомъ для всѣхъ вышеприведенныхъ усложненій, и нужно сдѣлать краткій обзоръ его собственныхъ измѣненій²⁾.

¹⁾ При такой отсрочкѣ реакціи, мы должны, действительно, пустить въ ходъ тѣхъ процессъ мысли, чтобы отличить данный сигналъ отъ какого-нибудь фальшиваго, или, иными словами, ассоціровать его съ тѣмъ, котораго мы ждемъ.

²⁾ Чтобы по второму сложному способу опредѣлить скорость соответствующаго процесса, приходится, вѣдь, изъ всего времени сложной реакціи вычитать время простой реакціи, определенное заранее.

Время реакции изменяется съ индивидуумомъ и съ его возрастомъ. У старыхъ, какъ и у необразованныхъ людей, реакция протекаетъ дольше (приблизительно около секунды, какъ это нашелъ Эксперъ у одного стараго нищаго). У дѣтей она протекаетъ также долго (полъ-секунды, по Герцелю).

Упражненіе укорачиваетъ время реакции на величину, которая для каждаго индивидуума представляетъ минимумъ, выше котораго не можетъ быть достигнуто дальнѣйшее сокращеніе времени реакции. У стараго нищаго, упомянутаго выше, послѣ долгаго упражненія время реакции уменьшилось до 0,1866 секунды.

Утомленіе замедляетъ теченіе реакции, а сосредоточиваніе вниманія ускоряетъ его. Характеръ сигнала заставляетъ мѣняться время реакции. Я привожу здѣсь среднія числа, полученные нѣкоторыми наблюдателями:

	Гиршъ	Генкель	Эксперъ	Вундтъ
для звука	0,149	0,1505	0,1360	0,167
" свѣта	0,200	0,2246	0,1506	0,222
" осязанія	0,182	0,1546	0,1337	0,213

Изъ этого можно замѣтить, что на звукъ быстрее реагируютъ, чѣмъ на свѣтъ или осязаніе. На вкусъ и обоняніе реагируютъ еще медленнѣе, чѣмъ на свѣтъ и осязаніе. Интенсивность (сила) сигнала вызываетъ разницу въ реакціяхъ. Чѣмъ интенсивнѣе стимулъ, тѣмъ коротче время реакции. Герцель сравнилъ реакцію отъ мозоли на пальцѣ ноги съ реакціей отъ кожи руки у того же субъекта. Оба мѣста раздражались одновременно, и субъектъ пытался реагировать одновременно рукой и ногой, но все время нога двигалась быстрѣе. Когда прикасались не къ мозоли, а къ здоровой кожѣ ноги, то раньше реагировала всегда рука. Опьяняющія вещества вообще замедляютъ время реакции, но многое зависитъ отъ дозы.

Сложныя реакции.—Онѣ происходятъ тогда, когда какой-нибудь видъ интеллектуальнаго процесса сопровождаетъ реакцію. Правильнѣе было-бы говорить о нихъ въ главѣ, касающейся различныхъ интеллектуальныхъ процессовъ. Но нѣкоторые предпочитаютъ видѣть всѣ эти измѣренія вмѣстѣ, не взирая на связи; поэтому, для павстрѣчу ихъ взглядамъ, я разсматриваю здѣсь сложныя реакціи.

Когда мы должны до реагирования думать, то очевидно, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи объ опредѣленномъ времени реакции,—оно всецѣло зависитъ отъ того, какъ долго мы думаемъ. Мы можемъ отмѣтить только такіе моменты времени, которые являются минимальными временами нѣкоторыхъ опредѣленныхъ и очень простыхъ интеллектуальныхъ процессовъ. Поэтому-то время, необходимое для различенія, сдѣлалось предметомъ опытаго измѣренія. Вундтъ называетъ его Unterscheidungszeit. Лица, подвергавшіяся этому опыту и для которыхъ время простой реакции было предварительно опредѣлено, должны были совершить движеніе, и всякій разъ то же самое, въ моментъ, когда они различили, какой изъ двухъ или болѣе сигналовъ они получили. Излишекъ времени, требуемый этими реакціями, сравнительно съ временемъ простой

реакции, при которой давался только одинъ сигналъ и при томъ извѣстный заранее, и есть, по Вундту, время, необходимое для акта различенія. Было найдено, что это время больше въ томъ случаѣ, когда подавались не въ порядкѣ четыре сигнала, чѣмъ когда подавались только два сигнала. Въ послѣднемъ случаѣ (двумя сигналами было внезапное появленіе чернаго или бѣлаго предмета) среднія числа, полученные (въ секундахъ) тремя наблюдателями, были соответственно слѣдующія:

0,030 сек. 0,047 сек. 0,079 сек.

Когда подавалось четыре сигнала (къ прежнимъ цвѣтамъ прибавляли красный и зеленый), эти числа у тѣхъ же наблюдателей стали:

0,157 с. 0,073 с. 0,132 с.

Профессоръ Каттель нашелъ, что при такомъ методѣ нельзя получить никакихъ результатовъ, и обратился къ методу, употреблявшемуся наблюдателями до Вундта, и отъ котораго Вундтъ отказался. Это, какъ называется его Вундтъ, — *einfache Wahlmethode* (методъ простого выбора). Реагирующий субъектъ ожидаетъ сигнала и реагируетъ на него, если онъ одного какого-нибудь рода, и не отвѣчаютъ на него, если сигналъ другого рода. Реакція, слѣдовательно, совершается послѣ различенія; двигательный импульсъ не можетъ быть посланъ къ рукѣ, пока субъектъ не знаетъ, какой сигналъ передъ нимъ. Поступая такимъ образомъ, проф. Каттель нашелъ, что увеличеніе времени, требуемаго для различенія бѣлаго сигнала отъ не-сигнала, у двухъ наблюдателей равно

0,030 и 0,050;

— для различенія одного цвѣта отъ другого было около

0,100 и 0,110;

— для различенія извѣстнаго цвѣта отъ десяти другихъ цвѣтовъ,

0,103 и 0,117;

— для различенія буквы А обыкновеннаго шрифта отъ буквы Z,

0,142 и 0,137;

для различенія данной буквы отъ всѣхъ остальныхъ буквъ азбуки (реагируя тогда, когда появится эта буква),

0,119 и 0,116;

— для различенія одного слова отъ какихъ-либо двадцати пяти другихъ словъ

отъ 0,118 до 0,158 секунды;

причемъ разница здѣсь зависитъ отъ длины словъ и отъ знакомства съ языкомъ, къ которому эти слова принадлежатъ.

Профессоръ Каттель обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что время для различенія слова часто немногимъ больше, чѣмъ время, необходимое для различенія буквы. «Значитъ,—говоритъ онъ,—мы различаемъ не от-

дельных буквы, из которых складается слово, но все слово целиком. Применение этого обстоятельства при обучении детей чтению очевидно».

Онъ находитъ также большое различие во временахъ, въ которыхъ различаются разные буквы (для буквы Е требуется особенно много времени).

Время, необходимое для ассоциации одной идеи съ другой, также измѣнялось. Гальтонъ, пользуясь очень простымъ приборомъ, нашелъ, что взглядъ на непредвидимое слово пробуждаетъ ассоциируемую съ нимъ «идею» приблизительно въ $\frac{1}{6}$ секунды. Затѣмъ Вундтъ производилъ опредѣленія, въ которыхъ «сигнальное слово произносилось громко ассистентомъ»; слова были односложными. Лицо, надъ которымъ экспериментировали, должно было надавить клавишу, какъ только звукъ слова вызвалъ въ немъ по ассоциации идею. И слово, и реакция отмѣчались хронографически, и промежутки времени между словомъ и реакцией дали въ суммѣ изъ всѣхъ опытовъ у четырехъ наблюдателей соответственно до 1,009; 0,896; 1,037 и 1,154 секунды. Чтобы получить точное время, требуется для возникновения идеи по ассоциации, нужно отсюда вычесть время простой реакции и время, необходимое для простого признанія звуковъ, обозначающихъ слова («время апперцепции», какъ его называетъ Вундтъ). Эти промежутки времени опредѣляются отдѣльно и вычитаются. Разность, называемая Вундтомъ временемъ ассоциации, доходила у тѣхъ же четырехъ лицъ соответственно до 706, 723, 752 и 874 тысячныхъ секунды. Величина послѣдней цифры обусловлена тѣмъ фактомъ, что реагирующий былъ американецъ, ассоциация котораго съ нѣмецкими словами, естественно, будетъ медленнѣе, чѣмъ съ словами родного ему языка. Самое короткое отмѣченное время ассоциации было 0,341 секунды, когда слово «Stirn» вызвало у Вундта по ассоциации слово «Wind». Профессоръ Каттель произвелъ нѣкоторые интересныя наблюденія надъ временемъ ассоциации между видомъ буквъ и ихъ названіями. «Я наклеилъ,—говоритъ онъ,—буквы на вращающійся барабанъ и опредѣлялъ, съ какой быстротой онѣ могутъ быть прочитаны вслухъ въ то время, какъ появляются въ разрывѣ экрана». Онъ нашелъ, что это время различно, смотря по тому, одна-ли или больше, чѣмъ одна буква была видна въ данный моментъ въ разрывѣ экрана; онъ нашелъ, что приблизительно время, которое необходимо для того, чтобы увидѣть и назвать отдѣльную букву, когда появляется только она одна, доходитъ до $\frac{1}{6}$ секунды. Быстрота чтенія у человека, очевидно, представляетъ мѣру быстроты его ассоциаций, такъ какъ каждое видимое слово должно по крайней мѣрѣ вызвать (по ассоциации) свое названіе прежде, чѣмъ быть прочитаннымъ. «Я нахожу,—говоритъ проф. Каттель,—что требуется приблизительно въ два раза больше времени для того, чтобы читать (вслухъ и какъ можно скорѣе) слова, не находящаяся въ связи, чѣмъ слова, составляющія фразы, а также для чтенія буквъ, не имеющихъ связи, сравнительно съ чтеніемъ буквъ, составляющихъ слова. Когда слова составляютъ фразы, а буквы — слова, процессы видѣнія и называнія не только накладываются одинъ на другой, но съ помощью одного умственного усилія субъектъ можетъ распознать цѣлую группу словъ или буквъ, а съ помощью одного волевого акта — выбрать движенія, необходимыя для процесса называнія, такъ что скорость, съ которою слова и буквы читаются, въ действительности нахо-

дится въ предѣлахъ максимума скорости, съ какою могутъ двигаться органы рѣчи... Напримѣръ, читая возможно скоро, авторъ читалъ со скоростью—138 тысячныхъ секунды для англійскаго, 167 т. сек. для французскаго, 250 т. сек. для нѣмецкаго, 327 т. с. для итальянскаго, 434 т. с. для латинскаго и 484 т. с. для греческаго языка; эти цифры соответствовали прочтенію отдѣльнаго слова. Опыты, произведенные другими, поразительно подтверждаютъ эти результаты. Субъектъ не знаетъ, что онъ читаетъ иностранныя слова медленнѣе, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ; этимъ объясняется, почему кажется, что иностранцы такъ быстро говорятъ...

«Время, необходимое для того, чтобы увидѣть и назвать цвѣта и изображенія предметовъ, было опредѣлено такимъ же образомъ. Было найдено, что время для цвѣтовъ и изображеній приблизительно одинаково (выше $\frac{1}{6}$ секунды) и приблизительно въ два раза больше, чѣмъ для словъ и буквъ. Другіе опыты, произведенные мною, показываютъ, что мы можемъ распознать отдѣльный цвѣтъ или изображеніе въ немногимъ болѣе короткое время, чѣмъ слово или букву, но болѣе продолжительное для того, если мы попробуемъ назвать ихъ. Это происходитъ потому, что въ опытѣ со словами и буквами ассоциация между идеей и названіемъ происходила такъ часто, что процессъ сталъ автоматическимъ, между тѣмъ какъ въ случаѣ съ цвѣтами и изображеніями мы должны выбирать названіе съ помощью волевого усилія».

Докторъ Роменсъ нашелъ «замѣчательныя различія въ максимумѣ скорости чтенія у различныхъ индивидуумовъ, которые всѣ привыкли много читать. Эта разница, такъ сказать, можетъ доходить до отношенія 4:1; или, выражаясь иначе, въ данное время одинъ индивидуумъ въ состояніи прочесть въ четыре раза больше, чѣмъ другой. Кромѣ того, оказалось, что не было никакого соотношенія между медленностью чтенія и способностью усвоенія; наоборотъ, когда всѣ усилія направлены на усвоеніе какъ можно большаго въ данное время, читающіе быстро (какъ оказалось по написаннымъ или замѣчаннымъ) обыкновенно даютъ отчетъ объ отрывкахъ того параграфа, который былъ усвоенъ медленно читающими, лучшіи, чѣмъ могли сдѣлать эти послѣдніи. И я нашелъ, что наиболѣе быстро читающіе вместе съ тѣмъ лучше усваиваютъ прочтенное. Я скажу еще, — продолжаетъ Роменсъ,—что нѣтъ никакого соотношенія между той быстротой воспріятія, которая удостовѣрена этимъ способомъ, и умственной дѣятельностью, удостовѣренной общими результатами интеллектуальной работы, такъ какъ я проводилъ опыты съ разными, очень извѣстными въ наукѣ и литературѣ людьми, большинство которыхъ, какъ я нашелъ, читаютъ медленно».

Степень сосредоточенія вниманія сильно вліяетъ при опредѣленіи времени реакціи. Что-либо, смущающее или отвлекающее насъ до сигнала или пугающее насъ въ сигналѣ, удлиняетъ соответственно время.

Сложеніе стимуловъ. Повсюду въ нервныхъ центрахъ проходятъ законы, что стимулъ, который былъ-бы неспособенъ самъ по себѣ возбудить нервный центръ къ действительному разряду, можетъ, однако, вызвать разрядъ, если дѣйствуетъ совместно съ другимъ стимуломъ или съ нѣкоторымъ числомъ ихъ (также

подъединительных, когда они действуют сами по себе в одиночку). Естественно рассматривать это явление, как сложение напруг, которые в конце концов преодолевают сопротивления. Первое из них приводит к «скрытому возбуждению» или «повышенную раздражимость», причем не обнаруживается никаких практических последствий; последнее из напруг является соломинкой, переламывающей горб верблюда.

Это доказано многими физиологическими опытами, которые не могут быть здесь изложены; по вѣ лаборатории мы постоянно применяемъ этотъ законъ сложения вѣ практикѣ нашей обыденной жизни. Если лошадь, всушая омнибусъ, вдругъ останавливается, послѣднимъ способомъ погнать ее является примѣненіе множества обыденныхъ побуждений сразу. Если кучеръ пользуется возжами и крикомъ, кто-нибудь изъ стоящихъ около тянетъ лошадь за голову, другой бьетъ кнутомъ по заднимъ ногамъ, кондукторъ звонитъ колокольчикомъ, а вышедшіе пассажиры подталкиваютъ омнибусъ, и дѣлаютъ все это одновременно, — то упрямымъ лошадѣ обыкновенно приходится, и она весело пускается вѣ путь. Если мы стараемся вспомнить забытое имя или событіе, мы думаемъ о возможно большемъ количествѣ «намековъ», такъ, чтобы при соединенномъ ихъ дѣйствіи, они могли напомнить намъ то, что не въ силахъ напомнить намъ каждый изъ нихъ вѣ отдѣльности.

Видъ мертвой добычи часто не возбуждаетъ звѣря устремиться за ней, но если къ этому еще вѣ добычѣ замѣчается движеніе, то звѣрь начинаетъ преслѣдовать ее. «Брюккѣ замѣтилъ, что бывшая у него курица, у которой былъ извлеченъ мозгъ и которая не дѣлала никакой попытки клевать зерна, лежащая передъ самыми ея глазами, начинала клевать ихъ, если зерна были брошены на землю съ силой такъ, чтобы вызвать специфическій звукъ». «Докторъ Алленъ Томсонъ вывелъ изъ лицъ нѣсколькихъ цыплятъ на коверѣ, гдѣ онъ держалъ ихъ много дней. Цыплята не обнаруживали никакого стремленія скрестись коверъ, но когда Томсонъ насыпалъ немного песку на коверъ, цыплята сейчасъ же начали свои спробушія движенія». Незнакомый человѣкъ и темнота совместно являются стимулами страха и подозрѣнія для собакъ (а по той же причинѣ и для людей). Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ вѣ отдѣльности не можетъ вызвать вѣншія проявленія, но когда они вмѣстѣ, то есть, когда незнакомый человѣкъ (появляется) вѣ темнотѣ, у собаки будетъ вызвано сильнѣйшее недоверіе. Уличные разношники хорошо знаютъ силу такого сложения стимуловъ, ибо они помѣщаются вѣ рядъ на троттуарѣ, и прохожіи часто покупаютъ у послѣдняго изъ нихъ, вслѣдствіе повторяющихся просьбъ, то, что онъ отказался купить у перваго вѣ ряду.

Приливъ крови къ мозгу. Всѣ части мозговой коры, при возбужденіи ихъ электричествомъ, вызываютъ измѣненія вѣ дыханіи и кровообращеніи. Кровяное давленіе нѣсколько повышается, по общему правилу, во всемъ тѣлѣ, независимо отъ того, гдѣ производится раздраженіе мозговой коры, хотя двигательная зона является вѣ данномъ случаѣ наиболѣ чувствительной областью. Замѣчается также замедленіе и ускореніе биеній

сердца. Моссо, пользуясь своимъ «плетизмографомъ»¹⁾, какъ показателемъ, открылъ, что при умственной дѣятельности приливъ крови къ рукамъ уменьшается, и кромѣ того артеріальное напряженіе (какъ показали сфигмографъ²⁾ вѣ этихъ конечностяхъ увеличивалось (см. рис. 47).

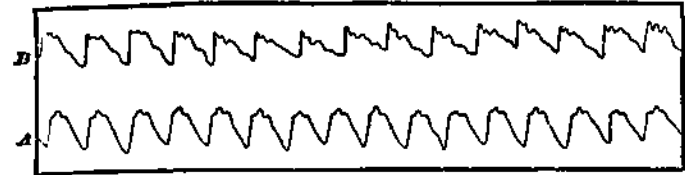


Рис. 47.—Сфигмографическая пульсовая линия. А — при умственномъ отдыхѣ, В — при умственной дѣятельности (Моссо).

Столь небольшая эмоція, какъ вызванная входомъ профессора Людвигъ вѣ лабораторію, мгновенно сопровождалась уменьшеніемъ объема рукъ. Самъ мозгъ является органомъ чрезвычайно богатымъ сосудами, какъ губка, наполненная кровью; другіе приборы Моссо показали, что при меньшемъ приливѣ крови къ ногамъ, больше крови приливаетъ къ головѣ. Субъектъ, котораго наблюдаютъ, ложится на столъ, представляющій вѣ то же время чувствительные вѣсы, такъ что онъ наклоняется внизъ у головы или у ногъ, смотря по тому, у какого конца вѣсы увеличился. Вѣ тотъ моментъ, какъ начиналась вѣ субъектѣ эмоціональная или умственная дѣятельность, конецъ стола, находящійся у головы, наклонялся внизъ, вслѣдствіе перераспределенія крови вѣ системѣ субъекта (т. е. прилива ея къ головѣ). Но лучшимъ доказательствомъ немедленнаго прилива крови къ мозгу при (психической) дѣятельности мы обязаны наблюденіямъ Моссо надъ тремя лицами, мозгъ которыхъ былъ открытъ, благодаря пораненію черепа. При помощи аппарата, описаннаго вѣ книгѣ Моссо, этотъ физиологъ былъ вѣ состояніи получить кривую пульса вѣ мозгу, непосредственно начерченную самимъ мозговымъ пульсомъ. Внутречерепное давленіе крови повышалось всякій разъ, какъ къ субъекту обращались съ

¹⁾ Плетизмографомъ называется весьма остроумный, но, вѣ сущности, простой аппаратъ. Представьте себѣ цилиндръ (трубку), наполненный водой и лежащій горизонтально. Цилиндръ этотъ настолько великъ, что вѣ немъ свободно помѣщается рука или нога. Одинъ конецъ цилиндра закрыть, а вѣ другой, открытый, вкладывается рука, а чтобы вода изъ цилиндра не вылилась, ва цилиндрѣ пѣтется гуттаперчевый рукавъ, который плотно облегаетъ часть руки, не вошедшую внутрь цилиндра. Весьма понятно, что малѣйшее увеличеніе объема руки, напр., отъ прилива крови, производитъ давленіе на воду, которая окружаетъ руку, и, наоборотъ, малѣйшее уменьшеніе объема руки, уменьшитъ давленіе. И вотъ, для опредѣленія этихъ усилений или ослабленій давленія руки на воду, верху цилиндра вставлена узенькая трубка, размѣренная градусами. Понятно, что при распрѣненіи руки вода будетъ подниматься вѣ этой трубкѣ, вытѣсняясь изъ цилиндра; наоборотъ, когда объемъ руки уменьшается, вода вѣ трубкѣ будетъ падать.

²⁾ Дѣло плоть, вѣроятно, о сфигмосомѣ, которымъ измѣряется давленіе крови вѣ артеріяхъ, тогда какъ сфигмографъ только отмѣчаетъ графически частоту биеній пульса.

рѣшю, или онъ начиналъ усиленно думать, напримѣръ, при рѣшеніи арифметической задачи въ умѣ. Моссо даетъ въ своемъ сочиненіи большое число воспроизведенныхъ кривыхъ, которыя показываютъ мгновенность перемены въ приливѣ крови всякій разъ, какъ психическая дѣятельность ускорялась по какой-либо причинѣ,—умственной или эмоциональной. Онъ рассказываетъ объ одной женщинѣ, у которой однажды, когда отмигалась пульсовая кривая мозга, онъ замѣтилъ внезапное повышение безъ всякой видимой внешней или внутренней причины. Однако, впоследствии она ему призналась, что въ тотъ моментъ она мимоходомъ взглянула на черепъ, лежащій на шкапу въ комнатѣ, и что это вызвало у нея незначительную эмоцію.

Измѣреніе температуры мозга.—Мозговая дѣятельность, по-видимому, сопровождается мѣстнымъ выдѣленіемъ тепла. Первая тщательная работа въ этомъ направленіи была сдѣлана докторомъ Д. С. Ломбардомъ въ 1867 году. Онъ отмигалъ измѣненія на очень чувствительныхъ термометрахъ и термоэлектрическихъ столбикахъ, помѣщенныхъ возлѣ черепа живыхъ людей, и нашелъ, что любое умственное усиліе, напр., вычисленіе, сочиненіе, чтеніе стиховъ про себя или вслухъ, и въ особенности эмоциональное возбужденіе,—напр., пароксизмъ гнѣва,—вызывали общее повышение температуры, рѣдко превосходящее одинъ градусъ Фаренгейта. Въ 1870 году неутомимый Шиффъ взялся за этотъ вопросъ, экспериментировавъ на живыхъ собакахъ и цыплятахъ и погружая въ вещество ихъ мозга термоэлектрическія иглы. Когда животныя совершенно привыкли къ этой операци, онъ вызывалъ у нихъ различныя ощущенія—осязательныя, зрительныя, обонятельныя и слуховыя. Онъ находилъ очень точно внезапное измѣненіе внутримозговой температуры. Если, напримѣръ, онъ подставлялъ порошій свертокъ бумаги къ носу своей собаки, когда она лежала неподвижно, то получалось незначительное отклоненіе, но когда въ бумагѣ былъ кусокъ мяса, отклоненіе было гораздо большее. Изъ этихъ и другихъ опытовъ Шиффъ заключилъ, что чувственная дѣятельность повышаетъ температуру мозговой ткани, но онъ не пытался опредѣлять локализацию¹⁾ повышения теплоты, исключая того обстоятельства, что нашелъ это повышение въ обоихъ полушаріяхъ независимо отъ того мѣста, гдѣ могло быть вызываемо ощущеніе. Докторъ Амидонъ въ 1880 году сдѣлалъ шагъ впередъ въ опредѣленіи локализованія теплоты, вызванной произвольными мышечными сокращеніями. Приложивъ къ черепу одновременно нѣсколько очень чувствительныхъ поверхностныхъ термометровъ, онъ нашелъ, что когда различныя мышцы тѣла производили сильное сокращеніе въ теченіе десяти или больше минутъ, температура повышалась въ различныхъ участкахъ черепа; при этомъ участки эти были точно локализованы. Повышеніе температуры часто было значительно больше градуса Фаренгейта. Въ значительной степени эти участки соответствуютъ центрамъ тѣхъ же самыхъ движеній, указаннымъ Феррье и другими на основаніи иныхъ данныхъ; одни эти участки покрываютъ большую часть черепа.

Фосфоръ и мысль.—Принимая во вниманіе множество незбѣжныхъ и обширныхъ распространенныхъ въ публикѣ по этому вопросу, меня могутъ

¹⁾ Т. е. мѣсто въ мозгу. *Ред.*

простить за краткое упоминаніе о нихъ въ данной главѣ. «*Ohne Phosphor, kein Gedanke*»¹⁾, было извѣстнымъ логунгомъ «матеріалистовъ» въ періодъ возбужденія этого вопроса, которое охватило Германию въ шестидесятыхъ годахъ. Мозгъ, подобно всякому другому органу тѣла, заключаетъ фосфоръ и кромѣ того десятка два другихъ химическихъ элементовъ. Почему должно выбрать фосфоръ, какъ сущность мозга, никто не знаетъ. Такъ же правильно было бы сказать: «*Ohne Wasser, kein Gedanke*»²⁾ или «*Ohne Kochsalz, kein Gedanke*»³⁾—вѣдь мысль остановилась бы такъ же быстро, если бы мозгъ высохъ или потерялъ свой NaCl (поваренную соль), какъ если бы онъ потерялъ свой фосфоръ. Въ Америкѣ «фосфорное заблужденіе» тѣсно связано съ цитируемыми (правильно или ложно) словами профессора А. Агассиса о томъ, что причина, почему рыбаки интеллигентные земледѣльцы, заключается въ томъ, что первые ѣдятъ много рыбы, которая заключаетъ много фосфора. Въ истинности всѣхъ этихъ приведенныхъ фактовъ можно сомнѣваться.

Единственно правильный путь удостовѣрить важное значеніе фосфора для мысли состоятъ бы въ томъ, чтобы найти, выдѣляется-ли мозгъ при умственной дѣятельности больше фосфора, чѣмъ во время покоя. Къ сожалѣнію, мы не можемъ этого сдѣлать непосредственно, но есть возможность измѣрить количество PO_4 (фосфорный ангидридъ) въ мочѣ, и этотъ способъ былъ примѣненъ разными наблюдателями, причемъ нѣкоторые изъ нихъ нашли, что при умственномъ трудѣ количество фосфатовъ въ мочѣ уменьшилось, между тѣмъ какъ другіе нашли, что оно увеличилось. Въ общемъ, невозможно отмѣтить постоянное соотношеніе. При возбужденіи у маньяковъ, по-видимому, выдѣляется меньше фосфора, тѣмъ при возбужденіи у нормальныхъ людей. Во время сна выдѣляется фосфора больше. Тотъ фактъ, что фосфорные препараты оказываютъ хорошее дѣйствіе при первомъ истощеніи, не указываетъ нисколько на роль фосфора въ умственной дѣятельности. Подобно желѣзу, мышьяку и другимъ лечебнымъ средствамъ, фосфоръ является возбуждающимъ или тоническимъ средствомъ, о внутреннемъ дѣйствіи котораго въ нервной системѣ мы не знаемъ абсолютно ничего, и кромѣ того, когда его назначаютъ, онъ помогаетъ въ крайне ограниченномъ числѣ случаевъ.

Философы, увлекающіеся ролью фосфора, часто сравнивали мысль съ выдѣленіемъ. «Мозгъ выдѣляетъ мысль, какъ почка—мочу или какъ печень—желчь»,—вотъ фразы, которыя можно иногда слышать. Едва-ли нужно указывать на ложность этой аналогіи. Вещества, которыя мозгъ выдѣляетъ въ кровь (холестеринъ, креатинъ, ксантинъ и всякія другія), подобны мочѣ и желчи, такъ какъ они дѣйствительно представляютъ настоящіе матеріальныя выдѣленія. Насколько дѣло идетъ объ этихъ веществахъ, мозгъ является глухой железой. Но мы не знаемъ ничего, связаннаго съ дѣятельностью печени и почекъ, что можно было бы даже въ самой отдаленной степени сравнить съ потокомъ мысли, сопровождающимъ матеріальныя выдѣленія мозга.

Безъ фосфора нѣтъ мысли. *Ред.*

Безъ воды нѣтъ мысли.

Нѣтъ мысли безъ поваренной соли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Привычка.

Значение ея въ психологіи.—Остается еще условіе общей нервной дѣятельности настолько важное, что оно заслуживаетъ отдѣльной главы, — а именно: я имѣлъ въ виду способность нервныхъ центровъ, и въ особенности полушарій, къ приобретению привычекъ. Съ физиологической точки зрѣнія, приобретенная привычка есть ничто иное, какъ новый путь прохода для разряда, образовавшійся въ мозгу, путь, по которому извѣстные входящіе токи въ послѣдствіи всегда стремятся выходить. Это является основнымъ положеніемъ данной главы; и мы увидимъ въ другихъ, болѣе психологическихъ главахъ, что такія функціи, какъ ассоціація идей, воспріятіе, память, разсужденіе, воспріятіе воли и т. д., могутъ быть лучше всего поняты, какъ результаты новаго образованія именно такихъ путей разряда.

Привычка имѣетъ физическую основу.—Разъ кто-либо попытается опредѣлить, что такое привычка, онъ придетъ къ основнымъ свойствамъ матеріи. Законы природы можно сравнить съ неизмѣнными привычками, которымъ слѣдуютъ различные элементарные виды матеріи въ своихъ дѣйствіяхъ и воздѣйствіяхъ другъ на друга. Впрочемъ, въ органическихъ мірѣ привычка болѣе мѣтличива. Даже инстинкты различны у индивидуумовъ одного вида сравнительно съ индивидуумами другого, и они мѣняются въ одномъ и томъ же индивидуумѣ, какъ мы увидимъ позже, соотвѣственно требованіямъ окружающихъ условій. Согласно принципамъ атомистической философіи, привычки элементарной частицы матеріи не могутъ измѣняться, такъ какъ частица эта сама по себѣ является неизмѣняемымъ тѣломъ; но привычки сложной массы матеріи могутъ измѣняться, такъ какъ онѣ въ послѣдней инстанціи обусловлены строеніемъ сложнаго тѣла, и какъ вѣшнія силы, такъ и внутреннія напряженія могутъ отъ времени до времени измѣнить это строеніе въ другое, нѣсколько отличающееся отъ того, какимъ оно было раньше. То есть, привычки могутъ измѣняться такимъ образомъ въ томъ случаѣ, если тѣло достаточно пластично, чтобы сохранять свою цѣльность, и не разрушается тогда, когда строеніе его измѣняется. Измѣненіе въ строеніи, о которомъ здѣсь говорится, нисколько не отражается на вѣшной формѣ; оно можетъ быть не видно и касаться частицъ, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда кусокъ желѣза намагничивается или кристаллизуется вслѣдствіе дѣйствія нѣкоторыхъ вѣшнихъ причинъ, или когда индійская резина дѣлается рыхлой, или гипсъ «осѣдаетъ». Всѣ эти измѣненія происходятъ медленно; упомянутыя вещества оказываютъ нѣкоторое сопротивленіе видоизмѣняющей причинѣ, на преолюбіе котораго требуется время, но постепенность въ измѣненіи часто спасаетъ вещество отъ совершеннаго распада. Когда строеніе измѣнилось, та же операція становится условіемъ сравнительнаго постоянства новой формы строенія и новыхъ при-

вычекъ, проявляемыхъ теперь тѣломъ. Поэтому, пластичность въ широкомъ смыслѣ слова означаетъ обладаніе строеніемъ настолько слабымъ, что оно уступаетъ какому-либо вліянію, но, въ то же время, достаточно прочнымъ, чтобы не поддаться ему сразу и совершенно. Каждая относительно прочная фаза равновѣсія въ такомъ строеніи отличается тѣмъ, что мы можемъ назвать новымъ сочетаніемъ привычекъ. Органическая матерія, и въ особенности нервная ткань, повидимому, одарены крайне необыкновенною степенью пластичности этого рода, такъ что мы можемъ безъ колебанія поставить нашимъ первымъ положеніемъ слѣдующее: явленія привычки у живыхъ существъ обусловлены пластичностью тѣхъ органическихъ веществъ, изъ которыхъ составлены тѣла этихъ существъ.

Философія привычки, такимъ образомъ, является прежде всего главой изъ физики скорѣе, чѣмъ изъ физиологіи или психологіи. Что въ корнѣ она представляетъ физическій принципъ, признается всеми новѣйшими писателями, свѣдущими въ этомъ вопросѣ. Они обращаютъ вниманіе на сходство (аналогію) съ приобретенными привычками, обнаруженными мертвой матеріей. Такъ, Леонъ Дюмонъ пишетъ:

«Всякій знаетъ, какъ платье послѣ того, какъ его носили нѣкоторое время, прилегаетъ лучше къ формѣ тѣла, чѣмъ когда оно было новымъ; произошло измѣненіе въ ткани, и это измѣненіе заключается въ новой привычкѣ сѣпленія. Замокъ работаетъ лучше послѣ того, какъ его употребляли нѣкоторое время; сначала надобно употребить большіе силы для того, чтобы преодолѣть извѣстную шероховатость механизма. Побѣда надъ этимъ сопротивленіемъ есть явленіе привыканія. Легче согнуть бумагу, когда она была уже согнута, и т. д. Совершенно также, въ нервной системѣ, впечатлѣнія отъ вѣшнихъ предметовъ протряхиваютъ для себя все болѣе и болѣе приспособленные пути, и эта приобретенная проводимость снова возникаетъ при сходныхъ возбужденіяхъ извнѣ, уже и послѣ того, какъ она была прервана на нѣкоторое время».

И это явленіе замѣчательно не въ одной только нервной системѣ. Рубецъ на любомъ мѣстѣ тѣла представляетъ *locus minoris resistentiae* (мѣсто наименьшаго сопротивленія), болѣе подверженъ дѣйствию тренія, воспаленію, вліянію бои и холода, чѣмъ сосѣднія части. Вывихнутая лодыжка или рука подвергаются опасности быть вывихнутыми еще разъ; суставы, пораженные однажды ревматизмомъ или подагрой, слизистыя оболочки, подвершіяся однажды простудѣ, съ каждымъ новымъ повтореніемъ болѣзни болѣе склонны къ вторичному заболѣванію, причемъ, въ концѣ концовъ, здоровое состояніе нерѣдко замѣняется хронически болѣзненнымъ. И въ нервной системѣ, хорошо извѣстно, какъ многія такъ называемыя функціональныя разстройства, повидимому, остаются только потому, что имъ случилось однажды начаться; часто достаточно энергичнаго пресѣченія нѣсколькихъ припадковъ при помощи медицины, чтобы дать природнымъ силамъ организма возможность вновь завладѣть полемъ сраженія и вернуть органы въ нормальнымъ отправленіямъ. Эпилепси, невралгій, конвульсивныхъ припадковъ разныхъ видовъ, бессонницы — все это подходящіе случаи. И для того, чтобы понять ясное, что такое привычка, достаточно припомнить успѣхъ, съ которымъ леченіе «отученіемъ» можетъ часто при-

мѣняться къ жертвамъ болѣзненнаго удовольствія страсти, или къ недовольному и раздражительному настроенію духа. Этотъ успѣхъ показывается, какъ сильно обязаны эти болѣзненные проявленія простой энергіи нервныхъ органовъ, когда они однажды направлены по ложному пути.

Привычки обусловлены путями черезъ нервные центры.—Если привычки обусловлены вообще пластичностью вещества тѣла по отношенію къ внѣшнимъ агентамъ, то мы можемъ непосредственно видѣть по отношенію къ какимъ внѣшнимъ влияніямъ пластично собственно вещество мозга. Ни къ механическимъ давленіямъ, ни къ измѣненіямъ въ температурѣ, ни къ нѣкоторымъ изъ силъ, которымъ подвержены всѣ остальные органы нашего тѣла, ибо, какъ мы видѣли ранѣе, природа такъ завернула и окутала мозгъ, что единственные впечатлѣнія, могущія вліять на него, суть доходящія черезъ кровь съ одной стороны, и черезъ чувствительные нервные корешки съ другой; а корковый слой полушарій кажется особенно восприимчивымъ къ крайне ослабленнымъ токамъ, входящимъ туда по этимъ каналамъ. Токи, разъ они вошли, должны найти выходъ. Найдя его, они оставляютъ слѣды на своихъ путяхъ. Единственное, что они могутъ дѣлать, это, говоря короче, углублять старые пути или прокладывать новые; а въ пластичность мозга выражается въ двухъ словахъ, когда мы называемъ его органомъ, въ которомъ токи, приходящіе изъ органовъ чувствъ, прокладываютъ съ крайней легкостью пути, не легко затѣмъ исчезающіе. Ибо очевидно, что, подобно всякому другому нервному явленію, простая привычка,—напримѣръ, привычка говорить въ носъ или засовывать руки въ карманы и кусать ногти,—является съ механической точки зрѣнія ни чѣмъ инымъ, какъ рефлекторнымъ разрядомъ; анатомическимъ же субстратомъ ея долженъ быть путь въ нервной системѣ. Наиболее сложныя привычки, которыя мы скоро разсмотримъ подробно, представляютъ съ этой самой точки зрѣнія не что иное, какъ соединенные въ дѣль разряды въ нервныхъ центрахъ, обусловленные присутствіемъ системъ рефлекторныхъ путей, устроенныхъ такъ, чтобы одинъ послѣдовательно возбуждалъ другой: такъ, впечатлѣніе, вызванное мускульнымъ сокращеніемъ, служитъ стимуломъ для возбужденія слѣдующаго, и это до тѣхъ поръ, пока послѣднее впечатлѣніе не остановитъ процесса и не замкнетъ цѣпи.

Надо замѣтить, что увеличеніе видоизмѣненія въ строеніи живой матеріи можетъ быть болѣе быстрымъ, чѣмъ тотъ же процессъ въ неодушевленной массѣ, такъ какъ постоянное возобновленіе живой матеріи помощью питанія, стремится скорѣе закрѣпить произведенное видоизмѣненіе и способствовать ему, чѣмъ противодействовать ему возобновленіемъ первоначальнаго строенія ткани, подвергшейся измѣненію. Такъ, мы замѣчаемъ послѣ упражненій нашихъ мышцъ и мозга въ какомъ-нибудь новомъ направленіи, что мы не можемъ дальше продолжать эти упражненія; но спустя день или два отдыха, когда мы снова примемся за тѣ же упражненія, мы замѣтимъ перѣлку увеличеніе нашей ловкости и способности къ нимъ. Я часто замѣчалъ это при изученіи мотивовъ (мелодій); и это позволило одному нѣмецкому автору сказать, что зимою мы научаемся плавать, а лѣтомъ—кататься на конькахъ.

Практическіе результаты привычки.—Прежде всего, привычка уменьшаетъ наши движенія, дѣлаетъ ихъ точными и уменьшаетъ усталость.

Человѣкъ рождается съ стремленіемъ совершать большіе дѣйствія, чѣмъ онъ можетъ по имѣющимся у него готовымъ приспособленіямъ въ нервныхъ центрахъ. У другихъ животныхъ большая часть дѣйствій совершаются сразу автоматически. Но у человѣка число дѣйствій настолько громадно, что большая часть ихъ должна быть плодомъ труднаго изученія. Если бы практика не совершенствовалась ихъ, а привычка не сберегала траты нервной и мысленной энергіи, мы были бы въ трудномъ положеніи. Докторъ Мюдсли говоритъ: ¹⁾

«Если бы ни одинъ актъ не становился болѣе легкимъ послѣ повторенія его много разъ, если бы было необходимо тщательно обращаться къ сознанию для совершенія его всякій разъ, то очевидно, что вся дѣятельность въ теченіе жизни ограничивалась бы однимъ или двумя дѣйствіями, и не было бы никакого прогресса въ развитіи. Человѣкъ могъ бы быть занятъ по дѣламъ дилемъ одѣваніемъ и раздѣваніемъ своей особы; положеніе его тѣла поглотило бы все его вниманіе и энергію; умываніе рукъ или застегиваніе пуговицъ было бы для него такъ же трудно въ каждомъ случаѣ, какъ ребенку при его первой попыткѣ; и сверхъ того, онъ былъ бы совершенно истощенъ своими усиліями. Подумайте объ усиліяхъ необходимыхъ для того, чтобы научить ребенка стоять, или о множествѣ усилій, которыя онъ долженъ дѣлать для этого, и о легкости, съ какою онъ въ концѣ концовъ стоитъ, не сознавая никакихъ усилій. Ибо въ то время, какъ повторныя дѣйствія, ставшія автоматическими, совершаются съ сравнительно небольшимъ утомленіемъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ органическимъ движеніямъ или движеніямъ бывшимъ рефлекторными съ самаго начала,—сознательное усиліе воли вызываетъ скоро истощеніе. Спинной мозгъ безъ памяти былъ бы просто спиннымъ мозгомъ идиота... Человѣкъ не можетъ представить себѣ, сколь многимъ онъ обязанъ его автоматическому внимательству, пока болѣзнь не повредитъ его функціи.»

Можно убѣдиться въ этомъ отвѣченно слѣдующимъ образомъ: если какой-либо актъ требуетъ для своего выполненія цѣпи, A, B, C, D, E, F, G и т. д. послѣдовательныхъ нервныхъ процессовъ, то при первыхъ совершеніяхъ дѣйствія, сознательная воля должна выбирать каждый изъ этихъ процессовъ изъ множества ошибочныхъ послѣдовательностей или сочетаній, которыя ему подвертываются сами; но привычка скоро приводитъ къ тому, что каждый процессъ влечетъ за собою своего соотвѣтственнаго преемника безъ подвертыванія какого-либо другого процесса, представляющагося для выбора, и безъ всякаго отношенія къ сознательной волѣ. И это въ концѣ концовъ дойдетъ до того, что вся цѣпь A, B, C, D, E, F, G, постепенно появляется сама, лишь только A слѣлано, совершенно такъ, какъ если бы A и конецъ цѣпи были соединены въ непрерывный потокъ. Въ то время, какъ мы учимся ходить, ѣздить верхомъ, плавать, кататься на конькахъ, фехтовать, писать, играть или пѣть, мы прерываемъ себя на каждомъ шагу ненужными движеніями и фальшивыми нотами. Наоборотъ, когда мы приобрѣли ловкость, результаты слѣдуютъ одинъ за другимъ не только съ минимума мысленнаго дѣйствія, потребнаго для ихъ продолженія, но

¹⁾ Maudsley: the Physiology of Mind. P. 155.

они слѣдуютъ при одномъ мгновенномъ «знакѣ». Мѣткій стрѣлокъ видитъ иглицу и, еще не думая о ней, прицѣливается и попадаетъ. Блескъ въ глазу противника, мгновенное прикосновеніе его рапиры, — и фехтовальщикъ находится, что нужно немедленно сдѣлать, чтобы правильно отпарировать и нанести свой ударъ. Одинъ взглядъ на музыкальные героглифы, называемые нотами, — и пальцы пианиста мелькаютъ, вызывая дождь звуковъ. И мы совершаемъ въ подходящее время непроизвольно не только правильную работу, но также и неправильную, если она стала у насъ привычной. Иностранно, каждому случалось вынимать изъ кармана свой входной ключъ, приходя къ двери дома своихъ знакомыхъ? Известно, что нѣкоторые лица, заходя въ свою спальню, чтобы одѣться къ обѣду, снимаютъ по привычкѣ одну часть одежды за другой и, наконецъ, ложились спать, и это имъ дѣлалось только потому, что было обычнымъ исходомъ первыхъ нѣсколькихъ движеній въ то время, когда они собирались спать ночью. Мы все имѣемъ определенную заведенную манеру совершения нѣкоторыхъ повседневныхъ обязанностей, связанныхъ съ туалетомъ, съ открываніемъ и закрываніемъ домашнихъ шкаповъ и т. п. Но наши высшіе центры мышленія едва-ли знаютъ что-нибудь объ этомъ. Немногіе люди могутъ быстро отвѣтить, какой носокъ, башмакъ или штанину они надѣваютъ раньше другой. Для такого отвѣта они должны сперва въ умѣ повторить этотъ актъ; и даже этого не всегда достаточно, — актъ долженъ быть ими продѣланъ на самомъ дѣлѣ, что бы узнать свою привычку. Такъ, на вопросы: какая половина ставенъ открывается прежде? или въ какую сторону открывается моя дверь? и т. д., — я не могу дать отвѣта, но моя рука никогда не ошибется. Никто не можетъ описать порядокъ, въ которомъ онъ причесываетъ волосы или чиститъ зубы, но, вѣроятно, этотъ порядокъ довольно неизмѣненъ у насъ всехъ.

Эти результаты могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ: въ дѣйствіи, сдѣлавшемся привычнымъ, которое побуждаетъ каждое новое мышечное сокращеніе занять мѣсто въ определенномъ порядкѣ, работаетъ не мысль и не воспріятіе, а ощущение, вызванное мышечнымъ сокращеніемъ. Строго произвольный актъ долженъ, наоборотъ, во все время, пока онъ совершается, направляться идеей, воспріятіемъ и хотѣніемъ. Въ привычномъ дѣйствіи, достаточнымъ руководителемъ является только ощущение, а высшія области мозга и сознанія остаются сравнительно свободными. Нижеприведенная диаграмма пояснитъ дѣло.

Пусть А, В, С, D, E, F, G представляютъ закрѣпившуюся привычку цѣпь мышечныхъ сокращеній, и пусть а, b, c, d, e, f означаютъ различныя ощущенія, вызываемыя въ насъ этими сокращеніями, когда они совершаются въ послѣдовательномъ порядкѣ. Такая ощущенія обыкновенно возникаютъ въ движущихся частяхъ тѣла, но они также могутъ быть результатомъ дѣйствія какого-либо движенія на глазъ или ухо. Благодаря имъ, и благодаря только имъ, мы въ состояніи узнать, произошло ли нѣтъ сокращеніе мускула. Когда рядъ А, В, С, D, E, F, G только еще изучается, каждое изъ этихъ ощущеній становится предметомъ отдѣльнаго акта вниманія со стороны сознанія. Мы каждое движеніе, прежде чѣмъ перейти къ слѣдующему, умственно проверяемъ, совершись-ли оно правильно. Мы колеблемся, сравниваемъ, выбираемъ, вспоминаемъ, отвергаемъ

и т. д.; и порядокъ, въ которомъ разрѣшается слѣдующее движеніе, точно устанавливается центрами идей по окончаніи этого обдумыванія.

Наоборотъ, въ привычномъ дѣйствіи единственный импульсъ, который должны послать умственные центры, это — импульсъ съ приказомъ «начать». Онъ представленъ на диаграммѣ буквой у; имъ можетъ быть мысль о первомъ движеніи или о послѣднемъ результатѣ, или простое воспріятіе нѣкоторыхъ изъ привычныхъ условий цѣпи, напримѣръ, присутствія клавиатуры близъ рукъ. Въ данномъ примѣрѣ, сознательная мысль или хотѣніе возбудило движеніе А не скорѣе, чѣмъ А возбуждаетъ рефлекторно В благодаря ощущенію, что случилось а. Затѣмъ В возбуждаетъ С черезъ b, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока цѣпь не кончится и умъ не получитъ сознанія о конечномъ результатѣ. Это умственное воспріятіе, являющееся въ концѣ, указано на диаграммѣ ощущеніемъ результата движенія G, причемъ это ощущеніе является уже, не просто ощущеніемъ, а воспріятіемъ въ центрѣ высшемъ, въ G', центрѣ образованія идей, лежа-

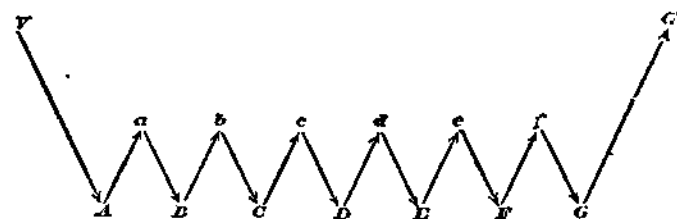


Рис. 48.

щемъ надъ уровнемъ простыхъ ощущеній а, b, c... и т. д. Ощущаемыя впечатлѣнія, а, b, c, d, e, f предполагаются имѣющими свое мѣсто нахожденіе ниже уровня центровъ идей.

Привычки стоятъ въ связи съ ощущеніями, въ которыхъ не прилагается вниманія. Мы назвали а, b, c, d, e, f «ощущеніями». Если это — ощущенія, то такіа, къ которымъ мы обыкновенно невнимательны; но то они — нѣчто большее, чѣмъ безсознательные первые токи, это кажется несомнѣннымъ, ибо они привлекаютъ наше вниманіе, если слѣдуютъ неправильно. Исследование Шнейдера объ этихъ ощущеніяхъ заслуживаетъ быть процитированнымъ. «Въ актѣ хожденія, — говоритъ онъ, — даже когда наше вниманіе всецѣло поглощено чѣмъ-либо другимъ, очень сомнительно, чтобы мы могли сохранить равновѣсіе, если бы не было на-лицо ощущеніе положенія нашего тѣла, и очень сомнительно, чтобы мы подвинули нашу ногу, если бы мы не имѣли ощущенія ея движенія, какъ выполненнаго, и если бы не было даже минимальнаго чувствованія импульса опустить ее внизъ. Вязаніе кажется совершенно механическимъ актомъ, и вязальщица продолжаетъ вязать къ то время, какъ она читаетъ или участвуетъ въ оживленную бесѣду. Но если мы спросимъ ее, какъ это возможно, она едва ли отвѣтитъ, что вязаніе происходитъ само собой. Она скорѣе скажетъ, что она сознаетъ его, что она чувствуетъ своими руками процессъ вязанія и то, какъ она должна вязать, и что, следовательно,

движения визания вызываются и регулируются ассоциированными между собою ощущениями даже тогда, когда внимание ее отвлечено...

Далѣе онъ говоритъ: «Когда ученикъ начинаетъ играть на скрипкѣ, то для того, чтобы отучить его поднимать во время игры правый локоть, ему вкладываютъ подъ мышку книгу, которую ему приказываютъ держать крѣпко, прижимая верхнюю часть руки близко къ тѣлу. Мышечныя ощущения и осязательныя, связанныя съ книгой, вызываютъ импульсъ крѣпко прижимать ее. Но часто случается, что начинающій, внимание котораго поглощается воспроизведеніемъ нотъ, роняетъ книгу. Однако, вполнѣдствіи этого никогда не бываетъ; самыхъ слабыхъ ощущений соприкосновенія достаточно, чтобы вызвать импульсъ—держать книгу на мѣстѣ, и внимание можетъ быть всецѣло поглощено нотами и движеніемъ пальцевъ лѣвой руки. Слѣдовательно, одновременное сочетаніе движеній обусловлено прежде всего легкостью, съ которою въ насъ, на-ряду съ умственными процессами, происходятъ еще и процессы чувствованій, на которыя не обращается вниманія.

Значеніе привычки въ этикѣ и педагогикѣ.—«Привычка—вторая натура! Привычка есть природа, увеличенная въ десять разъ!»—воскликнулъ, какъ говорятъ, герцога Веллингтона; и вѣроятно, какой-нибудь солдатъ-ветеранъ лучше всего можетъ оцѣнить, до какой степени это вѣрно. Ежедневное ученіе и годы дисциплины приводятъ, наконецъ, къ тому, что приучаютъ человѣка впередъ къ большей части возможныхъ случаевъ его поведенія.

«Есть рассказъ,—говоритъ проф. Гексли,—который достаточно вѣроятенъ, хотя и можетъ быть выдумкой,—о продолжкѣ одного путника, который, увидѣвъ одного отставного ветерана, несущаго домой свой обѣдъ, внезапно крикнулъ: «На караулъ!» на что солдатъ моментально опустилъ руки внизъ, уронивъ свою баранину и картофель въ капаву. Ученіе было основательнымъ, и его результаты вошли совершенно въ нервную систему солдата».

Наблюдали не разъ, что кавалерійскія лошади безъ сѣдокъ, во многихъ сраженіяхъ, собирались вмѣстѣ и совершали свои обычныя эволюціи при звукѣ призывной трубы. Большая часть домашнихъ животныхъ кажется почти пастухами, простыми мапингами, выполняющими съ минуты на минуту, не сомнѣваясь и не колеблясь, обязанности, къ которымъ ихъ приучили; при этомъ мы не замѣтимъ ни малѣйшаго признака того, чтобы въ ихъ умѣ возбуждалась когда-нибудь сама собою возможность поступить иначе. Люди, состарѣвшіеся въ тюрьмѣ, просили, чтобы ихъ приняли обратно туда послѣ того, какъ ихъ уже освобождали. Говорятъ, что во время одной желѣзнодорожной катастрофы тигръ изъ звѣринца, клетка котораго сломалась и открылась, выскочилъ, но сейчасъ же запозлъ туда обратно, какъ будто бы его сильно смутило его новое положеніе.

Такимъ образомъ, привычка представляется огромнымъ общественнымъ маховымъ колесомъ, наиболѣе цѣннымъ охранительнымъ агентомъ общества. Она одна держитъ насъ всѣхъ въ установленныхъ границахъ; она одна спасаетъ счастливыхъ, обладающихъ богатствомъ, отъ завистливыхъ возстаній бѣдняка. Она одна препятствуетъ тому, что самыя трудныя и отталкивающія работы не попадаютъ людямъ, которые привыкли имѣть

съ ними дѣло. Она держитъ зимою рыбака и матроса на морѣ; она удерживаетъ рудокопа въ его темной шахтѣ и прикрѣпляетъ земледѣльца къ его хижинѣ или пустынной фермѣ въ теченіе всѣхъ снѣжныхъ мѣсяцевъ; она защищаетъ насъ отъ нашествія жителей пустыни и полярныхъ странъ. Она принуждаетъ насъ всѣхъ продолжать борьбу за жизнь на томъ пути, на который толкнуло насъ наше воспитаніе или нашъ первый выборъ, и выполнять наилучшимъ образомъ тѣ занятія, которыя намъ неприятны, выполнять только потому, что къ другимъ мы не приспособлены, а начинать съизнова приучать себя уже слишкомъ поздно. Привычка удерживаетъ различные слои общества отъ смѣшенія. Уже въ двадцать-пять лѣтъ можно увидѣть профессиональный отпечатокъ, лежащій на молодомъ странствующемъ приказчикѣ, молодомъ докторѣ, молодомъ священникѣ и молодомъ адвокатѣ. Вы замѣтите едва уловимыя особыя черты, проходящія въ характерѣ, въ особенностяхъ мысли, въ предразсудкахъ, однимъ словомъ, отпечатки «магазина», отъ которыхъ человѣкъ можетъ избавиться не скоро, тѣмъ рукавъ его сюртука можетъ внезапно принять новое расположеніе складокъ. Въ общемъ, это лучше, что человѣкъ не можетъ скоро избавиться отъ привычекъ. Для общества хорошо, что у большинства изъ насъ къ тридцатилѣтнему возрасту характеръ «сѣдается» подобно гипсу и никогда вновь не размягчается.

Если время между двадцатью и тридцатью годами является критическимъ періодомъ въ образованіи интеллектуальныхъ и профессиональных привычекъ, то періодъ ниже двадцати лѣтъ еще болѣе важенъ для закрѣпленія привычекъ, то есть такъ называемыхъ, личныхъ (индивидуальныхъ), такихъ, какъ манера говорить и произношеніе, жестикація, движенія и ловкость. Едва-ли, изучивъ иностранный языкъ послѣ двадцатилѣтняго возраста, кто-нибудь можетъ говорить на немъ безъ особаго акцента. Едва-ли можетъ когда-либо юноша, перенесенный въ общество высшаго круга, отучиться отъ носового произношенія и отъ другихъ недостатковъ рѣчи, вложенныхъ въ него благодаря ассоціаціямъ его дѣтскихъ лѣтъ.

Поэтому великимъ дѣломъ всякаго воспитанія является сдѣлать нашу нервную систему нашимъ союзникомъ, а не врагомъ. Это значитъ обезпечить фондъ, капитализировать наши приобрѣтенія и жить спокойно на проценты съ запаснаго фонда. Для этого мы должны сдѣлать автоматическими и привычными возможно раньше какъ можно болѣе полезныхъ дѣйствій и должны охранять себя отъ проникновенія въ нашъ образъ жизни того, что, по нашимъ соображеніямъ, невыгодно для насъ, какъ мы охраняли бы себя отъ чумы. Чѣмъ болѣе деталей нашей повседневной жизни мы передадимъ охранѣ автоматизма, не требующей усилій, тѣмъ болѣе наши высшія способности сознанія будутъ свободны для своей собственной особой дѣятельности. Нѣтъ болѣе жалкаго человѣческаго существа, чѣмъ человѣкъ, въ которомъ привычкой является только нерѣшительность, и для котораго зажечь сигару, выпить стаканъ вина, вставать ежедневно съ постели и идти спать или начинать каждый разъ свою работу является предметомъ особаго волевого обсужденія. Навѣрно, половина времени у такого человѣка уходитъ на разсужденія или сожалѣнія о томъ, что должно бы было настолько прочно укорениться

въ пемь, что практически даже вовсе не существовало бы для его сознания. Если подобные повседневные поступки еще не укоренились въ комъ-либо из моих читателей, пусть онъ сейчас же примется за исправление дѣла.

У профессора Бэнэ въ главѣ о «Моральныхъ привычкахъ» по этому вопросу дано нѣсколько удивительныхъ практическихъ замѣчаній. Изъ его разбора вытекаютъ два главныхъ правила. Первое — что въ приобретѣніи новыхъ привычекъ или при оставленіи старой привычки мы должны стараться вооружаться возможно сильной и рѣшительной инициативой, накоплять всевозможныя обстоятельства, которыя подкрѣпятъ бы правильные мотивы, поставить себя въ условія, ободряющія новое направленіе жизни, наложить на себя обязательства, насовѣстимыя съ прежнимъ направленіемъ и т. д. Дайте публичное обѣщаніе, если на это есть возможность; коротко говоря, надо окружить свое рѣшеніе всякими пособіями, какія извѣстны. Это дастъ вашему новому начинанію такое основаніе, что искушеніе нарушить его не явится такъ скоро, какъ это могло бы быть въ иномъ случаѣ; и каждый день, въ который нарушеніе рѣшенія откладывается, дастъ этому послѣднему шансы вовсе не быть нарушеннымъ.

Второе правило гласитъ: не надо никогда даже въ видѣ исключенія допускать нарушеніе той привычки, которую мы желаемъ въ себѣ образовать, пока эта новая привычка прочно не вторгнется въ нашу жизнь. Каждое уклоненіе отъ нея подобно допущенію паденія клубка изъ веревокъ, который тщательно кто-нибудь наматывалъ; одно такое паденіе разматываетъ клубокъ больше, чѣмъ многіе обороты наматываютъ опять. Непрерывность воспитанія привычки является великимъ средствомъ для того, чтобы сдѣлать дѣйствіе нервной системы непогрѣшимо правильнымъ. Профессоръ Бэнъ говоритъ слѣдующее:

«Особенность моральныхъ привычекъ, противоположающая ихъ умственнымъ приобретеніямъ, заключается въ присутствіи двухъ враждебныхъ силъ, изъ которыхъ одна постепенно приобретаетъ вліяніе надъ другой. Въ подобномъ положеніи необходимо прежде всего не проиграть сраженія. Каждая побѣда неправой стороны разрушаетъ результатъ многихъ завоеваній правдой. Поэтому, существенной предосторожностью должно быть здѣсь такое регулированіе обѣихъ противоположныхъ силъ, чтобы одна могла имѣть рядъ непрерывныхъ успѣховъ до тѣхъ поръ, пока повтореніе не укрѣпитъ ее настолько, что она будетъ въ состояніи бороться съ противной стороной при всякихъ обстоятельствахъ. Такой путь является теоретически лучшей стезей духовнаго прогресса.»

Необходимость обезпечить съ самаго начала успѣхъ представляется настоятельной. Неудача съ перваго шага способна заглушить энергію для всѣхъ будущихъ попытокъ, между тѣмъ какъ прошлые успѣшныя опыты придадутъ энергію и на будущее время. Одному человѣку, который обратился къ Гете за совѣтомъ относительно одного предпріятія, но не довѣряя своимъ силамъ, Гете отвѣчалъ: «О, вамъ нужно только подуть себѣ на руки!» И это замѣчаніе рисуетъ, какое вліяніе на умъ Гете имѣла его обычно сопровождавшаяся успѣхомъ карьера.

Сюда же относится вопросъ объ «отвычаніи» при оставленіи старыхъ привычекъ, какъ влѣсто и злоупотребленіе опиумъ. Жива, свѣдущія въ этомъ вопросѣ, расходятся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, а также относительно

того, какой способъ отвычанія можетъ быть лучшимъ въ каждомъ отдѣльномъ (индивидуальномъ) случаѣ. Впрочемъ, большинство специалистовъ сходятся на мнѣніи, что лучшимъ путемъ является приобретеніе новой привычки, если бы существовала дѣйствительная возможность ввести ее въ жизнь. Мы должны стараться не давать воли настолько тяжелой работѣ, чтобы вызвать ея пораженіе съ самаго начала; но разъ кто-либо можетъ перенести данную задачу, то лучшимъ путемъ борьбы—будь это отученіе отъ привычки, какъ куреніе опія, или просто замѣна часовъ пробужденія и занятія другими—является острый періодъ страданія, а потомъ освобожденіе отъ него. Поразительно, какъ быстро потухаетъ желаніе, если его никогда не поддерживать.

Прежде чѣмъ «передѣлывать себя заново», надо сперва научиться непоколебимо, не оглядываясь ни направо, ни налево, твердо идти по прямому и узкому пути. Тотъ, кто ежедневно приходитъ къ новому рѣшенію, похожъ на человѣка, который, придя къ краю рва, черезъ который онъ долженъ перескочить, останавливается и начинать слова то же путешествіе. Безъ непрерывнаго движенія впередъ не возможна такая вещь, какъ накопленіе нравственныхъ силъ. И высшимъ благомъ регулярнаго труда¹⁾ является приобретеніе возможности такого накопленія, упражненіе въ немъ и привычка къ нему.

Къ предыдущимъ двумъ можно прибавить третье правило: Надо пользоваться по возможности самымъ первымъ благоприятнымъ случаемъ для того, чтобы дѣйствовать сообразно каждому принятому вами рѣшенію, а при каждомъ эмоціоанномъ возбужденіи быть въ состояніи поступать въ направленіи привычекъ, которыя вы стремитесь приобрести. Не въ моментъ своего образованія, но въ моментъ воспроизведенія двигательныхъ результатовъ рѣшенія и стремленія, сообщается мозгу новое «расположеніе». Только что цитированный авторъ замѣчаетъ:

«Наличное присутствіе практическихъ случаевъ одно доставляетъ точку опоры, для того рычага, при помощи котораго мораль можетъ умножить свою силу и подняться вверхъ. Тотъ, кто не имѣетъ прочной опоры, чтобы надавить на рычагъ, никогда не подымется надъ ступенью тщетныхъ тѣлодвиженій.»

Какимъ бы полнымъ запасомъ правилъ ни обладалъ кто-либо, и какъ бы ни были хороши его чувства, но если онъ не пользовался всякимъ представляющимся благоприятнымъ случаемъ, чтобы дѣйствовать, его характеръ можетъ оставаться безъ всякаго воздѣйствія въ сторону улучшенія. «Добрыми настрѣеніями вымошенъ адъ»—говоритъ пословица. И это очевидно слѣдуетъ изъ выше сказанныхъ положеній. «Характеръ», говоритъ Д. С. Милль,—«есть вполне выработанная воля»; а воля въ томъ смыслѣ, какъ онъ ее понимаетъ, есть совокупность стремленій дѣйствовать твердо, быстро и опредѣленно во всѣхъ главныхъ случайностяхъ жизни. Стремленіе дѣйствовать становится фактически вытѣреннымъ въ насъ только въ зависимости отъ непрерывности повторенія, съ которою дѣйствительно принимаются наши акты и мозгъ «развивается» до пользованія ими. Когда

¹⁾ I. Jahnsen: „Beiträge zu Charakterologie“ (1867). Vol. I P. 209.

допускают себя до того, что решение или прекрасный порыв чувства испаряются, не принеся практического плода, это хуже, чем потерянный шанс успеха; это приводит к положительному пренебрежению будущими решениями и эмоциям пойти по нормальному пути разряда. Нить типа человеческого характера, больше заслуживающего презрения, чем тип слабохарактерного сентименталиста и мечтателя, который проводит свою жизнь среди болыхающегося океана чувствительности и эмоций, но который никогда не совершает на деле ни одного благородного поступка. Руссо, воспламенявший своим красноречием всех матерей во Франции и призывавший их следовать Природе и кормить своим младенцев, в то время, как сам посылал своих собственных детей в воспитательный дом, — является классическим образцом такого типа. Но каждый из нас в соответственной мере вступает немедленно на путь Руссо всякий раз, как после восхищения отвлеченно формулированным «добротом», мы на практике игнорируем какой-нибудь действительный случай среди «других грязных мелочей», под которыми скрыто таится это самое «добро». В этом будничном мире всякое «добро» запятано пошлостью сопутствующих обстоятельств; но горе тому, кто может познать добро лишь тогда, когда думает о нем в его чистой и отвлеченной форме! Привычка чрезмерного чтения романов и посещение театра порождают истинных уродов в этом отношении. Слезы русской дамы над вымышленными лицами театральной пьесы в то время, как ее кучер замерзает на своих козлах снаружи, представляют явление, которое хотя и в меньшей степени, встречается везде. Даже привычка к чрезмерному слушанию музыки у тех, кто не играет сам и не одарен в музыкальном отношении настолько, чтобы наслаждаться ею чисто интеллектуальным образом, оказывается, вероятно, расслабляющее действие на характер. После музыки такой человек переполнен эмоциями, которые обыкновенно проходят, не побуждая его что-нибудь сделать, и таким образом в нем поддерживается недвоятельно-сентиментальное состояние. Средством против этого было бы — никогда не позволять себе, чтобы эмоция, полученная в концерте, не выразилась после каким-либо действительным образом. Пусть это проявление эмоции в действительности будет даже самым крохотным делом — вроде оживляющего разговора с какой-нибудь бабушкой или предложения посадить кого-нибудь к себе в экипаж, если не представляется каких-нибудь более героических проявлений, — но пусть это проявление будет непременно совершено.

Эти последние приметы убеждают нас в том, что не только частные линии разряда, но также общие формы его запечатываются, повидному, в мозгу привычкой. Подобно тому, как в том случае, когда мы допускаем, чтобы наши эмоции бездельно испарялись, они проложат себе в мозгу путь на такое постоянное «испарение», — таким же образом есть основание предполагать, что если мы часто будем уклоняться от совершения какого либо усилия, наша способность совершать усилия исчезнет прежде, чем мы узнаем это. Точно также, если мы допустим блуждание нашего внимания, то вскоре последнее станет блуждать всегда. Внимание и усилия, как мы увидим после, суть лишь два названия для

одного и того же психического факта. Какими мозговыми процессами они соответствуют, мы не знаем. Самыми сильными основаниями для допущения, что они совершенно зависят от мозговых процессов и не представляют чистых актов духа, является именно тот факт, что они представляются в некоторой степени поддержанными законами привычки, который является законом материальным. В качестве последнего практического правила, относящегося к привычкам воли, мы можем еще предложить приблизительно такое: поддерживайте в оживленном состоянии способность к усилиям посредством какого-нибудь ежедневного небольшого хотя-бы бесполезного упражнения. Это значит, надо быть систематически аскетом или героем в мелких и несущественных случаях, делать ежедневно или через день что-нибудь по той только причине, что без этого, пожалуй, вы не знали бы этого, так что, когда настанет момент ужасной нужды, он придет вас бодрым и способным перенести испытание. Аскетизм такого рода подобен страховке, которую человек уплачивает за свой дом и имущество: выплачиваемый деньги не приносят ему выгоды в это же время и, может быть, никогда не принесут ему дохода. Но если случится пожар, то полученная человеком премия будет для него спасением от разорения. То же произойдет и с человеком, который ежедневно вырабатывает в себе привычку к сосредоточенному вниманию, энергическому желанию и самоотречению в мелочах. Он будет стоять подобно башне в то время, когда все рушится вокруг него, и когда его более изнужденные собратья разнесены, как мелкая солома при порыве ветра.

Таким образом, физиологическое изучение душевных состояний является наиболее могущественным союзником поучающей этики. Ах, в котором мучаются в будущей жизни и о котором говорят теологи, не хуже ада, который мы создаем себе в этом мире, направляя путем привычки наш характер на ложный путь. Если бы молодые люди могли знать, как скоро они становятся простыми ходячими пучками привычек, они обращали бы больше внимания на свое поведение в период этого пластического состояния. Мы прядем свою собственную судьбу, хорошую или дурную, доходим, наконец, до того, что уже никогда не можем уничтожить того, что сделали сами. Всякий ничтожнейший порыв доброты или порока оставляет свой след как бы он ни был незначителен. Пьяница Рипль Ванг Винкль, в пьесе Джефферсона, извиняет себя каждое новое отступление от завета, говоря: «Я не буду считать этого времени!» Прекрасно! он может его не считать, и милосердное Небо может не считать также; но тем не менее сосчитано-то оно будет. Считают его так, среди его нервных клеток и волокон, молекул, запиная и накапливая это время для того, чтобы воспользоваться им, когда явится следующее искушение. Ни один из наших поступков не изглаживается в буквальный, строго научный смысл. Разумается, это имеет как свою хорошую, так и дурную стороны. Как мы становимся несправивыми пьяницами, благодаря множеству отдельных выпивок, так мы становимся святыми в морали и авторитетами и знатоками в практической и научных сферах, благодаря множеству отдельных действий и часов труда. Пусть молодежь несколько не боится

за результаты своего воспитанія, какимъ бы путемъ она не совершила его. Если молодой человекъ правильно проводитъ каждый часъ своего рабочего дня, онъ можетъ спокойно предоставить конечный результатъ самому себѣ. Онъ можетъ съ совершенною увѣренностью, проспавшись въ одно прекрасное утро, считать себя однимъ изъ компетентныхъ людей своего поколѣнія, какое бы занятіе онъ себѣ не выбралъ. Незамѣтно среди всѣхъ мелочей его работы создается у него способность оцѣнки всей этой работы какъ богатство, которое никогда не исчезнетъ. Молодежь должна знать эту истину заранее. Незнание этой истины, вѣроятно, породило болѣе унынія и трусости въ юношахъ, выходящихъ на трудное поприще, чѣмъ всѣ другія причины, взятая вмѣстѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Потокъ сознанія.

Порядокъ нашего изслѣдованія долженъ быть аналитическимъ ¹⁾. Теперь мы подготовлены къ тому, что бы начать путемъ, внутренняго самонаблюденія изслѣдованіе самого сознанія въ его зрѣломъ состояніи. Большинство книгъ примѣняетъ здѣсь такъ называемый синтетическій методъ. Исходя отъ «простыхъ идей ощущенія» и рассматривая ихъ, какъ множество атомовъ, онѣ приступаютъ къ построению высшихъ состояній сознанія изъ ихъ «ассоціацій, интеграцій» или «слаганія» подобно тому, какъ дома строятся посредствомъ склеиванія кирпичей. Это имѣетъ дидактическія преимущества, которыми обыкновенно обладаетъ синтетическій методъ. Но онъ виѣняется а priori (т. е. безъ предварительнаго опыта. Ред.) той очень сомнительной теоріи, что наши высшія состоянія сознанія составлены изъ «единицъ»; и вмѣсто того, чтобы исходить отъ того, что читатель знаетъ непосредственно, а именно отъ его конкретныхъ состояній сознанія, взятыхъ въ цѣломъ, онъ начинаетъ съ суммы предположенныхъ «простыхъ идей», о которыхъ читатель не имѣетъ непосредственнаго свѣдѣнія, и относительно приводимыхъ взаимодѣйствій которыхъ онъ долженъ отдаться на вѣру какой-нибудь вѣроятной фразѣ. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ методъ перехода отъ простаго къ сложному подвергаетъ насъ иллюзіямъ. Всѣ педанты и отвѣщенные мыслители, естественно, будутъ противъ устраненія этого метода. Но изучающій психологію, любящій полноту человѣческой природы, предпочтетъ слѣдовать «аналитическому» методу и начать съ наиболѣе конкретныхъ

фактовъ, съ которыми онъ ежедневно знакомился въ своей собственной внутренней жизни. Аналитическій методъ найдетъ въ надлежащее время и составныя элементарныя части, если таковыя существуютъ, но онъ не рискуетъ при этомъ опрометчивыми предположеніями. Читатель долженъ помнить, что наши предшествующія главы объ ощущеніи имѣли главнымъ образомъ дѣло съ физиологическими условіями ощущенія. Онѣ помѣщены вкратчѣ для удобства, такъ какъ входящія нервныя токи идутъ прежде исходами. Съ психологической же точки зрѣнія ихъ лучше было бы поставить послѣдними. Чистыя ощущенія были описаны раньше, какъ процессы, которые взрослымъ тоже совершенно неизвѣстны, и нами намѣренно не было сказано ничего, что могло бы хотя на мгновенье привести читателя къ предположенію, что эти ощущенія суть элементы для образованія высшихъ состояній сознанія.

Основной фактъ.—Первый и первоначальный фактъ, который всякій признаетъ присущимъ его внутреннему опыту, есть тотъ фактъ, что нѣкоторого рода сознаніе происходитъ. Состоянія души смѣняются въ немъ другъ друга. Если бы мы по англійски могли сказать «думается» ¹⁾ какъ мы говоримъ: «дождитъ» или «дуетъ», мы бы опредѣлили этотъ фактъ наиболѣе просто и съ наименьшей предвзятостью. Но такъ какъ нельзя сказать такъ по англійски, то мы просто скажемъ, что «мышленіе происходитъ».

Четыре свойства сознанія. Какъ же оно происходитъ? Мы немедленно отмѣтимъ четыре важныхъ свойства въ этомъ процессѣ, и предметомъ этой главы будетъ разборъ этого процесса вообще.

1° Каждое «состояніе» сознанія стремится быть частью личнаго сознанія.

2° Въ каждомъ личномъ сознаніи, состоянія постоянно смѣняются.

3° Каждое личное сознаніе чувствуется, какъ непрерывное.

4° Оно заинтересовано въ нѣкоторыхъ частяхъ своего объекта, а въ другихъ нѣтъ, и все время оно или принимаетъ или отвергаетъ тѣ или другія части,—однимъ словомъ, выбираетъ среди нихъ.

Рассматривая послѣдовательно эти четыре пункта, мы пойдемъ сперва промежуточнымъ, неокончательнымъ путемъ, въ смыслѣ собственно терминологіи, которую будемъ употреблять: мы будемъ пользоваться психологическими терминами, которые могутъ быть вполне опредѣлены только въ слѣдующихъ главахъ книги. Но всякій знаетъ, что обозначаютъ термины вѣтые въ обычномъ, не обработанномъ смыслѣ, а только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ мы будемъ употреблять ихъ. Эта глава похожа на первоначальный эскизъ художника узломъ по холсту, эскизъ, на которомъ не видны еще нѣкости отдѣлки.

Когда я говорю: каждое «состояніе» или «мысль» есть часть личнаго сознанія, то слова «личное сознаніе» являются однимъ изъ вышеупомянутыхъ терминовъ. Его значеніе мы знаемъ до тѣхъ поръ пока никто не попроситъ насъ опредѣлить его; но дать точный

¹⁾ Т. е. есть, Джемсъ и есть здѣсь не отъ множествъ или элементовъ данныхъ явленій къ сложнымъ явленіямъ,—что бы. бы методомъ «синтетическимъ», а наоборотъ, отъ сложныхъ явленій къ нѣмъ с. простымъ элементамъ. Р. С.

По англійски, вѣтъ такой безличной формы, какъ наше «думается» или «бы употребитъ чѣстоимѣніе среднего рода „it thinks“, т. е. „эт. Р. С.“

ответъ о немъ является самой трудной философской работой. Съ этой работой мы столкнемся въ слѣдующей главѣ; здѣсь же достаточно предварительнаго замѣчанія.

Въ этой комнатѣ—скажу, въ этой аудиторіи,—происходитъ множество мыслей,—ваши и моя; нѣкоторыя изъ нихъ соотнобщаются взаимно другъ другу, а нѣкоторыя нѣтъ. Онѣ такъ же мало существуютъ «каждая сама по себѣ» и также мало независимы другъ отъ друга, какъ и мало зависятъ всѣ другъ отъ друга. Онѣ ни то и не другое: ни одна изъ нихъ не обособлена, но каждая связана съ нѣкоторыми другими, а ваша съ вашими другими мыслями. Находится-ли гдѣ-нибудь въ этой комнатѣ только мысль, мысль сама по себѣ, т. е. которую никто не думаетъ, въ этомъ мы не имѣемъ средствъ убѣдиться, ибо не знаемъ ничего о ея видѣ. Единственнымъ состояніемъ сознанія, съ которыми мы естественно имѣемъ дѣло, находятся въ личномъ сознаніи, въ душѣ, въ «я», въ особыхъ конкретных проявленіяхъ моего и вашего «я».

Каждая изъ нашихъ душъ держится своихъ собственныхъ мыслей про себя. Нѣтъ никакой передачи или общаго между ними. Никакая мысль непосредственно не входитъ въ мысли другого личнаго сознанія, какъ принадлежащая ему. Абсолютная уединенность, несократимая множественность,—вотъ законъ. Представляется, будто элементарный психическій фактъ не есть просто мысль или «та мысль», но кажется, что есть только моя мысль, такъ какъ каждая мысль свойственна кому-нибудь. Ни одновременность, ни близость въ пространствѣ, ни сходство по качеству и содержанію не способны заставить пропикнуть другъ въ друга тѣ мысли, которыя отдѣлены барьеромъ принадлежности разнымъ личнымъ сознаніямъ. Пропати между такими мыслями являются наиболѣе интимныя сознанія. Пропати между такими мыслями являются наиболѣе абсолютными въ природѣ. Всѣмъ признаю, что это истина, поскольку дѣло идетъ о существованіи этого «ничто», соответствующаго термину «личное сознаніе», безъ какихъ-либо частныхъ взглядовъ на его подразумеваемую природу. Въ этихъ предѣлахъ, скорѣе личное «я», чѣмъ мысль, можетъ разсматриваться, какъ непосредственное данное психологіи. Всеобщимъ сознательнымъ фактомъ является не то, что «чувствовали и мысли существуютъ», а то «я думаю», «я чувствую». Никакая психологія не можетъ ни въ малѣйшей степени сомнѣваться въ существованіи личнаго «я». Мысли, связанные такъ, какъ мы ихъ чувствуемъ связанными, являются тѣмъ, что мы понимаемъ подъ словами «личныя я». Самое худшее, что можетъ сдѣлать психологія, это такъ истолковать природу этихъ «я», чтобы отнять у нихъ то богатство, какими они обладаютъ.

Сознаніе находится въ постоянномъ измѣненіи. Я не думаю эничъ сказать, что ни одно состояніе сознанія не имѣетъ продолжительности, — даже если это вѣрно, то оно съ трудомъ можетъ быть установлено. Я желаю только подчеркнуть то, что ни одно состояніе, разъ протекши, не можетъ вернуться и быть тождественнымъ съ протекшимъ, которое было ранѣе. Мы то видимъ, то слышимъ, то разсуждаемъ, то хотимъ, то вспоминаемъ, то ожидаемъ, то любимъ, то ненавидимъ: и мы знаемъ, что наши сознанія заняты попеременно разными способностями. Но всѣ они, можно сказать, суть сложныя состоянія.

производимыя сочетаніемъ болѣе простыхъ;—слѣдуя-ли эти болѣе простые состоянія закону измѣчивости? Являются-ли, напримеръ, ощущенія, получаемыя нами отъ одного и того-же объекта, всегда одними и тѣми же? Дастъ-ли намъ одна и та же трапа — одно и то же чувство зеленой цвѣта, одно и то же небо — одинаковое всегда чувство голубого, и получаемъ-ли мы одно и тоже обонятельное ощущеніе, независимо отъ того, сколько разъ мы прикладываемъ нашъ носъ къ одному и тому же флакону съ одеколономъ? Мнѣніе, говорящее: «нѣтъ», кажется многимъ продуктомъ метафизической софистики; и тѣмъ не менѣе напряженное вниманіе къ этому вопросу показываетъ, что въ этомъ вопросѣ нѣтъ доказательства въ пользу того, чтобы входящій токъ давалъ намъ когда-нибудь дважды точно то же самое тѣлесное ощущеніе.

Дважды получается только одинъ и тотъ же «объектъ». Мы снова и снова слушаемъ ту же самую ноту; мы видимъ одно и то же качество зеленого цвѣта, или нюхаемъ одинъ и тотъ же видъ боли. Реальности, (т. е. существованія предметовъ) конкретныя и абстрактныя, матеріальныя и идеальныя, постоянное существованіе которыхъ мы допускаемъ за этими ощущеніями, повидимому, постоянно проходятъ снова передъ нашей мыслью и приводятъ насъ, благодаря нашей небрежности, къ предположенію, что и наши «идеи» о нихъ суть однѣ и тѣ же. Когда мы, спустя нѣкоторое время, приступимъ къ главѣ «Воспріятіе», мы увидимъ, насколько укоренилась наша привычка пользоваться единственно нашими чувственными впечатлѣніями, какъ ступеньками, чтобы идти выше къ познанію реальностей, присутствіе которыхъ они обнаруживаютъ. Трава, когда смотрѣть изъ окошка, кажется мнѣ одного и того же зеленого цвѣта — какъ на солнцѣ, такъ и въ тѣни, а между тѣмъ художникъ нарисовалъ вторую темноту краской, а первую ярко желтой для того, чтобы дать реальный осязаемый эффектъ. Общее правило состоитъ въ томъ, что мы не обращаемъ вниманія на различные способы, какими однѣ и тѣ же вещи видѣны нами, звучатъ и пахнутъ для насъ на различныхъ разстояніяхъ и при различныхъ обстоятельствахъ. Тождество вещей, — вотъ въ чемъ мы заботимся убѣдиться; и какія-либо ощущенія, которыя убѣждаютъ насъ въ этомъ, будучи, вѣроятно, приняты при этомъ грубомъ способѣ за однѣ и тѣ же. Это дастъ намъ торопливое доказательство о субъективной тождественности различныхъ ощущений, и мы его принимаемъ, почти какъ безспорное доказательство факта. Вся исторія того, что называется ощущеніемъ, является комментариемъ къ нашей неспособности сказать, совершенно ли сходны два чувственныхъ качества, воспринятыхъ отдѣльно. Наше вниманіе вызывается гораздо болѣе, чѣмъ абсолютнымъ качествомъ впечатлѣнія, — его пропорціей относительно какихъ бы то ни было впечатлѣній, какия мы можемъ имѣть въ то же самое время. Когда все кругомъ темнаго цвѣта, то ощущеніе чего-либо менѣе темнаго заставитъ насъ увидѣть пречтенъ большаго. Гельмгольцъ высчитываетъ, что бѣлый мраморъ, нарисованный бы съ десяти до двадцати тысячъ разъ ярче при дневномъ свѣтѣ, чѣмъ при настоящемъ (реальномъ) лунномъ свѣтѣ.

Почти всякая разница никогда не могла бы быть изучена ощущением; о ней заключают из ряда не примыхъ соображений. Последняя заставляет насъ допустить, что наша восприимчивость постоянно измѣняется, такъ что одинъ и тотъ же предметъ не можетъ давать намъ снова то же самое ощущение. Мы чувствуемъ вещи различно, смотря по тому, спимъ мы или бодрствуемъ, голодны или сыты, бодры или усталы; различно—ночью и утромъ, лѣтомъ и зимою; и, сверхъ всего этого, различно въ дѣтскомъ возрастѣ, зрѣломъ и дряхломъ. И тѣмъ не менѣе мы никогда не сомнѣваемся, что наши чувствованія открываютъ одинъ и тотъ же міръ съ однимъ и тѣмъ же чувственными качествами и съ одними и тѣми же чувственными вещами, находящимися въ немъ. Различіе въ восприимчивости доказывается лучше всего различіями нашихъ эмоций по поводу вещей, въ различные возрасты нашей жизни, или когда мы находимся въ различныхъ органическихъ настроеніяхъ. Чтѣ было ярко и возбужденно, становится скучнымъ, избыточнымъ и бесполезнымъ. Пѣніе птицы дѣлается утомительнымъ, дуновение вѣтерка—ушлымъ, небо—печальнымъ.

Изъ этихъ косвенныхъ догадокъ, что наши ощущенія, слѣдуя измѣненіямъ нашей способности чувствовать, всегда подвержены существенной перемѣнѣ, должно прибавить другую догадку, основанную на томъ, что должно происходить въ мозгу. Каждое ощущение соответствуетъ въ некоторому мозговому процессу. Для того, чтобы повторилось тождественное ощущение, оно должно бы произойти второй разъ въ невидокзмѣненномъ мозгѣ. Но такъ какъ это, строго говоря, физиологически невозможно, то невидокзмѣненное чувствование есть impossibility; ибо мы предполагаемъ, что каждому мозговому видокзмѣненію, какъ бы ничтожно оно не было, должно соответствовать въ равной степени измѣненіе въ сознаниі, которому служитъ мозгъ.

Но если догадка о «простыхъ ощущеніяхъ», повторяющихся будто-бы въ неизмѣненномъ видѣ, такъ легко оказывается лишней основанія, то насколько еще болѣе неосновательна догадка о неизмѣненности еще болѣе простыхъ массъ нашей мысли!

Тутъ очевидно и ясно, что состояніе нашей мысли никогда не бываетъ точно однимъ и тѣмъ же. Каждая мысль, которую мы имѣемъ въ данномъ моментѣ, о какомъ фактѣ, строго говоря, единственна и только носитъ подобіе родства съ другими нашими мыслями о томъ же самомъ фактѣ. Когда повторяется тождественный фактъ, мы должны думать о немъ по новому способу, видѣть его подъ нѣсколькими иными углами, постигать его въ отношеніяхъ, отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ появился въ предыдущемъ случаѣ. И процессъ благодаря которому мы узнаемъ его, есть мысль о «немъ въ этихъ отношеніяхъ», мысль, слитая съ сознаниемъ всего, что мы знали о немъ прежде. Нерѣдко мы сами поражаемся странными перемѣнами въ нашихъ послѣдовательныхъ мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Мы удивляемся, какъ мы могли думать то-то мѣсяцъ тому назадъ, объ извѣстномъ вопросѣ. Мы не знаемъ, какъ, по очевидно мы переросли возможность того (прежняго) состоянія сознания. Съ году на годъ мы видимъ вещи въ иномъ свѣтѣ. Что было по реальнымъ, стало реальнымъ, а что вызывало возбужденіе—стало безразличнымъ. На друзей, каждымъ словомъ которыхъ мы дорожили раньше, брошена тѣнь;

женщины, нѣкогда казавшіяся намъ божественными, звѣзды, лѣса и воды—насколько все это теперь намъ представляется скучнымъ и зауряднымъ! Молоденькія дѣвушки, сіявшія предъ нами въ небесномъ ореолѣ, теперь едва замѣчаются нами; картины утрачиваютъ всякую содержательность; а что касается книгъ, такъ развѣ теперь мы признаемъ за Гёте таинственную многозначительность или за Дж. Ст. Миллемъ особенную вѣсность? Вѣсто всего этого, мы все болѣе чувствуемъ вкусъ къ труду; для насъ все яснѣе выступаютъ значеніе нашихъ общественныхъ обязанностей и общаго блага.

Я увѣренъ, что такой конкретный и полный способъ разсмотрѣнія видокзмѣненій сознания является единственно вѣрнымъ приемомъ, какъ ни трудно проведеніе его во всѣхъ деталяхъ. Если въ началѣ нашихъ разсужденій кое-что и покажется темнымъ, то, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ подвигаться впередъ, оно станетъ угасать. Пока же слѣдуетъ отмѣтить, что если правиленъ нашъ приемъ, то точно также правильно и положеніе, которое мы выше пытались обосновать, а именно, что никогда двѣ идеи, явившіяся у насъ, не бываютъ совершенно одинаковы. Положеніе это въ теоретическомъ смыслѣ представляетъ несравненно болѣе важную, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ, ибо одно уже допущеніе его ставитъ насъ въ невозможность рабски слѣдовать по стопамъ послѣдователей Локка и Гербарта, — словомъ, той школы, которая пользовалась почти безграничною вліятельностью въ Германіи, да и у насъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что часто представляется удобнымъ формулировать факты психической жизни такими способами, который напоминаютъ пѣчто вроде теорій атомовъ, и разсматривать высшія состоянія сознания такъ, какъ если бы они были построены изъ неизмѣняющихся простыхъ идей, которыя то удаляются, то возвращаются. Впрочемъ, ради упрощенія нерѣдко и кривыя линіи разсматриваются какъ агрегаты бесконечно малыхъ прямыхъ линій, а электричество и нервные токи принимаются условно за жидкость. Но и въ томъ, и другомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что въ нашей рѣчи мы прибѣгаемъ къ символамъ, а въ дѣйствительной природѣ нѣтъ ничего такого, что соответствовало-бы нашимъ словамъ.

Непреходящая идея, въ періодическіе промежутки времени появляющаяся предъ свѣтомъ нашего сознания, есть мнѣ, метафизическая сущность, совершенно чуждая дѣйствительности.

Мышленіе кажется для каждаго личнаго сознания замѣтно непрерывнымъ.

«Непрерывнымъ» я могу назвать лишь такой процессъ, который протекаетъ безъ перерывовъ, приостановокъ и дѣленій. Единственные перерывы, которые можно хорошо замѣтить въ отвлеченіяхъ мышленія единичной особи, суть либо временныя пробѣлы, въ теченіе которыхъ сознание утрачивается, либо рѣзкіе скачки въ самомъ содержаніи познаваемого, гдѣ послѣдующее съ предшествующимъ въ связи не находится.

Положеніе о непрерывности сознания вмѣщаетъ въ себя два понятія: а) Даже временныя пробѣлы сознание чувствуетъ послѣ ихъ прекращенія такъ, что предшествующія имъ и послѣдующія состоянія сознания преемуются отдѣльными частями одного и того-же «я».

в) Перемены въ содержаніи сознанія отъ одного момента до другого никогда не бываютъ рѣзки и внезапны.

Рассмотримъ сначала случаи временныхъ пробѣловъ, какъ наиболѣе простой.

Когда Петръ и Павелъ, спавшіе на одной кровати, просыпаются и сознаютъ, что пережили сонъ, то каждый изъ нихъ умственно возвращается назадъ и приводитъ себя въ связь съ однимъ только изъ двухъ теченій своихъ мыслей, а именно съ теченіемъ, которое нарушено часами сна. Подобно тому, какъ токъ электрода, опущеннаго въ землю, безошибочно пробивается чрезъ промежуточные прослойки почвы къ другому шарному съ нимъ электроду, запытанному въ землю же, такъ и настоящее Петра немедленно смыкается съ прошлымъ того-же Петра, но никогда не ошибѣтъ не сомкнется съ прошлымъ Павла. Въ свою очередь, и мышленіе Павла также яло подвергается подобной ошибкѣ. Пропедашее мышленіе Петра является принадлежащимъ единственно лишь теперешнему Петру. Онъ, конечно, можетъ имѣть знаніе, и очень правильное, о томъ, въ какомъ состояніи были мысли Павла, когда тотъ былъ погруженъ въ сонъ, но это знаніе совершенно иное, чѣмъ то, какое Петръ выноситъ о самолично пережитыхъ состояніяхъ бодрствованія и сна. Эти послѣднія Петръ помнитъ, а то, что происходило съ Павломъ, Петръ себя только представляетъ. Воспоминаніе сходно съ непосредственнымъ ощущеніемъ, — т. е. предметъ воспоминанія пропикнутъ яркостью и непосредственностью, какія недостижимы вовсе для объекта представленія. Этимъ качествомъ теплоты, интвности и непосредственности обладаетъ и мышленіе Павла о себѣ самомъ.

Съ той же увѣренностью, съ какой онъ говоритъ, что это настоящее есть частица его «я» и принадлежитъ всецѣло ему, съ той же увѣренностью онъ и все прочее, проникающее въ его сознаніе, если оно одинаково ярко и непосредственно, называетъ своимъ, называетъ «я». Впослѣдствіи мы войдемъ въ обсужденіе того, въ чемъ по существу заключаются качества, которыми усвоются понятіе яркости и непосредственности. Но какія бы прошедшія состоянія сознанія не явились съ этими качествами, они должны приниматься какъ родственныя себѣ нашимъ сознаніемъ даннаго момента, становиться его собственными и, выстѣ съ этимъ сознаніемъ, признаются за одно общее съ нашимъ «я».

Эта общность «я» и есть нѣчто такое, чего временные пробѣлы не могутъ перервать, и эта же общность есть причина, въ силу которой мышленіе настоящаго момента, хотя и не находится въ невѣдѣніи о временномъ пробѣлѣ, тѣмъ не менѣе ощущаетъ себя неразрывнымъ съ нѣкоторыми избранными частями прошедшаго.

Такимъ образомъ, сознаніе никогда не рисуется самому себѣ раздробленнымъ на куски. Выраженія вроде «пѣли» или «ряда» не рисуютъ сознанія такъ, какъ оно представляется самому себѣ. Въ немъ нѣтъ ничего, что могло бы связываться, — оно течетъ. Поэтому метафора «рѣка» либо «потокъ» всего естественнѣе рисуетъ сознаніе.

Поэтому позволите намъ впредь, говоря о немъ, называть его «потоккомъ мысли», «потоккомъ сознанія», «потоккомъ субъективной жизни».

в) Но затѣмъ, даже въ пробѣлахъ одного и того же «я», и между мыслями, которыя все одинаково чувствуются, какъ принадлежащія одному и тому же «я», наблюдается нѣчто вроде связности и безсвязности между отдѣльными ихъ частями, о чемъ не говорится въ только что выставленномъ положеніи. Я говорю здѣсь о тѣхъ пробѣлахъ, которые возникаютъ въ сознаніи внезапными контрастами качествъ въ слѣдующихъ другъ за другомъ моментахъ потока мысли. Если выраженія «пѣли» или «ряда» по существу вовсе не пригодны для обозначенія явленій, происходящихъ въ области сознанія, то не зачѣмъ ихъ и употреблять.

Но развѣ напр. огушительный взрывъ не раскалывается на двѣ части сознанія, если онъ внезапно разражается падѣй нмъ? Нѣтъ, ибо даже въ наше сознаніе объ ударѣ грома вкрадывается и продолжается въ немъ сознаніе предшествовавшей ему тишины; вѣдь слыша, когда грохочетъ громъ, мы слышимъ не голый громъ, но громъ, нарушившій тишину и представляющій контрастъ съ нею. Ощущеніе, которое мы выносимъ о томъ же самомъ объективномъ громѣ, совсѣмъ иное, чѣмъ какое получилось бы, если бы этотъ громъ былъ продолженіемъ другого грома. Мы увѣрены, что громъ исключаетъ и упраздняетъ тишину, но ощущение грома есть въ то же время и ощущение этой преобразившейся тишины, и трудно отыскать въ конкретномъ дѣйствительномъ сознаніи человека ощущение, которое бы исключительно ограничивалось настоящимъ безъ намека на то, что дали впечатлѣнія предшествующаго.

Устойныя (субстантивныя) и «переходныя» (транзитивныя) состоянія сознанія.

Окидывая общимъ взглядомъ дивный потокъ сознанія, мы прежде всего поражаемся различіемъ въ быстротѣ теченія отдѣльныхъ его частей.

Подобно жизни птицы, сознаніе кажется состоящимъ изъ смѣны перелетовъ и моментовъ отдыха. Это сказалось даже на ритмѣ языка, гдѣ каждая мысль отбивается въ отдѣльное предположеніе, а ряды предположеній смыкаются въ періоды. Моменты отдыха въ области сознанія обыкновенно заняты нѣкотораго рода чувственными образами, обладающими тою особенностью, что они могутъ неопредѣленно долгое время держаться предѣ души и позволяютъ созерцать себя безъ всякихъ измѣненій; что касается тѣхъ частей сознанія, которыя можно сравнить съ перелетами, то они наполнены мыслями о динамическихъ или статическихъ отношеніяхъ, которыя получаются между предметами, созерцаемыми въ періоды сравнительнаго покоя.

Мы и обозначимъ эти моменты покоемъ сознанія «устойными» состояніями потока сознанія, а перелеты его «переходными состояніями» этого потока. Изъ этого оказывается, что наше мышленіе постоянно стремится отъ того «устойнаго» состоянія сознанія, которое оно только что покинуло, къ какому-нибудь другому «устойному»-же моменту. Значитъ, можно сказать, что главное назначеніе переходныхъ состояній сознанія заключается въ томъ, чтобы приводить насъ умъ отъ одного «устойнаго» заключенія къ другому.

Весьма трудно путемъ самонаблюденія опредѣлить, для чего дѣйствительно служатъ переходные моменты. Если они составляютъ перелеты къ заключенію, то остановить ихъ для того, чтобы рассмотреть раньше, чѣмъ

пастушка выводъ изъ нихъ, значило бы уничтожить ихъ. Если же мы дождемся того момента, когда завершится выводъ, самая сила и устойчивость послѣдняго своимъ блескомъ поглощаетъ и совершенно затѣняетъ переходныя состоянія сознанія.

Попытка перехватить мысль на полдорогѣ и окинуть взглядомъ этотъ отрезокъ убѣждаетъ, насколько затруднительно самонаблюдение въ области переходныхъ состояній сознанія. Перелетъ мысли всегда такъ стремителенъ, что доводить пась почти каждый разъ до вывода, прежде чѣмъ мы успѣемъ ее захватить въ пути. Если же мы проявимъ достаточное проворство и поймаетъ переходную мысль на-лету, то она немедленно перестаетъ быть переходной, т. е. самой собою. Подобно тому, какъ свѣжикъ, захваченный теплою рукою, утрачиваетъ кристаллическую форму и превращается въ каплю воды, такъ, вмѣсто уловленія «чувства соотношенія» между переходнымъ состояніемъ сознанія и выводомъ, мы захватываемъ нѣчто «устойчивое», по большей части послѣднее произнесенное нами слово, которое останавливаемъ, причѣмъ улетучивается его служебная роль, значеніе и соотношеніе со всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ разсужденіемъ. Въ этихъ случаяхъ попытки анализа потока мысли посредствомъ самонаблюдения столь же мало состоятельны, какъ если бы, схвативъ вертлящійся волчокъ, мы мнили захватить его движеніе, или какъ если бы мы старались закрыть кранъ газовой горѣлки съ такой быстротой, которая дала бы намъ возможность рассмотреть, какой видъ имѣетъ тѣнь.

Требованіе точно опредѣлить переходныя состоянія сознанія, которое несомнѣнно будетъ предъявлено сомнѣвающимися психологами къ тѣмъ, кто высказывается за реальность существованія этихъ состояній, мало добросовѣстно; вѣдь, столь же неосновательно оспаривать и Зенонъ защитниковъ дѣйствительнаго существованія движенія вообще, предлагая точно обозначить мѣсто, гдѣ находится стрѣла въ моментъ ея полета, и выводя изъ невозможности дать прямой отвѣтъ на нелѣпый вопросъ, несостоятельность основного положенія о движеніи.

Эта трудность внутренняго самонаблюденія приводитъ къ плачевнымъ результатамъ.

Если схватываніе и наблюденіе переходныхъ моментовъ въ потокѣ мысли представляетъ непреодолимую трудность, то, очевидно, всѣ школы должны были впадать въ крупныя промахи по невозможности закрѣпить и уяснить себѣ переходныя состоянія сознанія и благодаря превеликому значенію, придаваемому болѣе устойчивымъ состояніямъ сознанія. Въ области исторіи мысли, эти промахи сказались въ двухъ разныхъ направленияхъ. Однихъ мыслителей они натолкнули на сенсуализмъ: не будучи въ состояніи точно опредѣлить устойчивыя ощущенія, которые бы отвѣчали безчисленнымъ соотношеніямъ и формамъ объединенія между предметами чувственного порядка и не находя подходящаго обозначенія для душевныхъ состояній, отражающихъ такія соотношенія, эти ученые попросту отвергли существованіе подобныхъ душевныхъ состояній. Многие же изъ нихъ подобно Юму, дошли до отрицанія реальности большинства внутреннихъ соотношеній какъ въ нѣ сознанія, такъ и въ немъ самомъ. Элементарныя устойчивыя идеи (ощущенія и ихъ воспроизведенія, пригоняемыя одна къ другой, на манеръ костяшекъ при игрѣ въ домино, но на

самомъ дѣлѣ раздѣленные, при чемъ все прочее выдавалось за словесную иллюзію), вотъ къ чему сводилась суть взглядовъ этой школы.

Съ другой стороны интеллектуалисты, не имѣя возможности отрицать реальность отношеній вѣи мысли (*extra mentem*), но и не способные обозначить сколько-нибудь опредѣлительно какія бы то ни было устойчивыя (субстантивныя) ощущенія, которые были бы имъ извѣстны, должны были бы также признать, что подобныхъ ощущеній не существуетъ вовсе. На самомъ же дѣлѣ интеллектуалисты пришли къ выводу прямо противоположному и утверждаютъ, будто отношенія должны познаваться въ чемъ-то, что не есть ни ощущеніе, ни душевное состояніе, въ чемъ-то неразрывно и по существу одинаковомъ съ субъективной тканью, изъ которой дѣлаются ощущенія и иные устойчивыя элементы сознанія. Отношенія эти познаются чѣмъ-то лежащимъ въ совершенно иной плоскости, путемъ чистаго акта (*actus purus*)—Мысли, Интеллекта или Разума; при чемъ эти слова «Мысль», «Интеллектъ», «Разумъ» пишутся съ прописной буквы, а это должно обозначать, что они суть нѣчто, неизмѣримо возвышающееся надъ какими бы то ни было переходными, недоговорными явленіями чувственности.

Съ нашей точки зрѣнія, и интеллектуалисты, и сенсуалисты одинаково неправы. Если признать вообще существованіе ощущеній, то съ такою же достовѣрностью, какъ существуютъ соотношенія между предметами въ вещественной природѣ (*in rerum natura*), слѣдуетъ допустить существованіе и тѣхъ ощущеній, которымъ извѣстны эти отношенія.

Во всей человеческой рѣчи нѣтъ такого союза, предлога или нарѣчія, нѣтъ синтаксической формы и даже интонаціи голоса, которая бы по выражала того или другого отбѣика въ отношеніяхъ, которая въ данное мгновеніе мы чувствуемъ существующими между крупными объектами нашего мышленія. Если мы говоримъ объективно, то на передній планъ выдвигаются отношенія реальныя; если же говоримъ субъективно, то потокъ сознанія подбираетъ всѣ отношенія, сообщая имъ свою собственную внутреннюю окраску; и въ томъ и другомъ случаѣ отношенія эти безчисленны и никакой языкъ не въ состояніи опредѣлить всѣ ихъ отбѣики.

Подобно тому, какъ мы говоримъ объ ощущеніи сипевы или холода, мы должны бы говорить объ ощущеніяхъ, вытекающихъ изъ смысла частицъ «и», «если», «но», «черезъ». Этого, однако же, мы не дѣлаемъ: мы настолько закоренились въ привычку придавать значеніе лишь устойчивымъ элементамъ сознанія, что нашъ языкъ почти отказывается схватывать все измѣняемое. Вернемся теперь опять къ сходству этихъ наблюдений съ мозговыми явленіями. Мы считаемъ мозгъ за органъ, внутренне равновѣсіе котораго постоянно колеблется отъ измѣненій, и измѣненія эти охватываютъ всѣ части мозга. Пульсъ этихъ перемиль, несомнѣнно, въ разныхъ частяхъ мозга сильнѣе, чѣмъ въ другихъ; точно также этотъ ритмъ измѣненій по временамъ то ускоряется, то замедляется. Такъ въ калейдоскопѣ однообразно вращающагося, фигуры хотя и перераспредѣляются самою собою, тѣмъ не менѣе есть мгновенія, когда эти перераспределенія кажутся чрезвычайно малыми, прерывистыми и почти отсутствующими, послѣ чего наступаетъ время, когда эти перераспределенія слѣдуютъ другъ за другомъ съ

волшебною быстротою. Такимъ образомъ, сравнительно устойчивыя формы чередуются со столь быстрыми, что мы бы и не узнали ихъ, увидавъ вновь. Также и въ мозгу, — постоянныя перераспределения должны выражаться; въ нѣкоторой формѣ сравнительно продолжительныхъ напряженій, тогда какъ перераспределения непостоянныя просто приходятъ и уходятъ. Но если сознание соответствуетъ факту самого перераспределения, такъ почему же ряды перераспределения не останавливаются, а сознание должно постоянно приостанавливаться? А если сравнительно продолжительныя перераспределения влекутъ за собою опредѣленные процессы сознания, то отчего не допустить, что и скоропреходящія перераспределения вызываютъ иныя формы сознания, соответствующія даннымъ перераспределениямъ.

Объектъ, проходящій предъ сознаниемъ всегда имѣетъ «ореолъ»¹⁾.

Существуютъ еще иныя, не имѣющія названія, видоизмѣненія сознания, столь же важныя какъ и «переходныя (транзитивныя) его состоянія» и они также способны быть познаваемыми, какъ эти послѣднія. Примеры покажутъ, что именно я здѣсь имѣю въ виду.

Предположимъ, что три лица послѣдовательно дѣлаютъ на насъ окрикъ: «Послушай!» «Эй!» «Смотри!» Наше сознание приходитъ тутъ въ три совершенно отличныхъ состоянія ожиданія, хотя передъ нимъ нѣтъ никакого опредѣленнаго объекта, ни въ одномъ изъ этихъ трехъ случаевъ.

Итакъ, вѣроятно, и отрицать не станеть, что тутъ существуетъ реальный возбужденіе сознания, чувство того направленія, въ которомъ сейчасъ появится впечатлѣніе, хотя никакого положительнаго впечатлѣнія еще нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, никакого названія для этого душевнаго состоянія у насъ нѣтъ, кромѣ словъ «Слушай!» «Эй!» «Гляди!»

Плм, предположимъ, что мы хотимъ вспомнить забытое имя. Тутъ наше сознание очутится въ особомъ состояніи. Въ сознании окажется пробѣлъ, но не одинъ только чистый пробѣлъ. Пробѣлъ этотъ обладаетъ напряженною активностью. Въ сознании является нѣчто въ родѣ «призрака имени», манящаго насъ въ извѣстномъ направленіи; мгновенными произношеніями насъ ощущение близости къ отыскиваемому имени, а затѣмъ мы отступаемъ назадъ, не подыскавъ того, что искали. Если память подсказываются невѣрные имена, то этотъ чрезвычайно опредѣленный пробѣлъ дѣйствуетъ непосредственно такъ, что отвергаетъ невѣрные имена: они не способны войти въ его форму. И пробѣлъ одного забытаго имени отнюдь не вполнѣ такъ ощущается, какъ пробѣлъ другого забытаго имени, хотя, при отсутствіи въ обоихъ случаяхъ опредѣленнаго содержанія, казалось, оба пробѣла

совершенно равнозначущи. Когда я тщетно пытаюсь припомнить имя Спальдинга, мое сознание напрягается совсѣмъ въ иномъ направленіи, чѣмъ когда я склоняюсь вспомнить имя Боульса. Возникаетъ безчисленныя сознанія того, что нужно, но каждое изъ нихъ, взятое въ отдельности, не имѣетъ названія. Однако, каждое изъ этихъ сознаній отличается отъ остальныхъ. Это ощущение недостающаго отличается toto coelo отъ недостающаго ощущенія: напротивъ, оно само есть сильное ощущение. Здѣсь можетъ являться въ сознании ритмъ забытаго слова, но безъ звуковъ, которые включаются этотъ ритмомъ; или же возможно, что насъ безпокойно дразнить что нибудь въ родѣ начальной гласной или согласной, съ которой начинается забытое имя, но не выделяясь ярко и отчетливо. Каждый знаетъ, какія муки таланта производитъ размыръ бѣлаго стихотворенія, когда забыть какой нибудь стихъ: этотъ размыръ безъостановочно отбивается въ головѣ, усилываясь заполняться забытыми словами.

Въ чемъ состоитъ тотъ мгновенный первоначальный проблескъ познания того, о чемъ кто нибудь думаетъ, которое обозначается вульгарнымъ выраженіемъ «и мы схватили это!» Несомнѣнно, тутъ вѣрно подмѣчено созвучное ощущеніе или проявленіе сознания. Или напр., развѣ читатель никогда не задавался вопросомъ о томъ, какое душевное состояніе переживается, разъ возникаетъ намѣреніе сказать какую нибудь вещь, но она еще не связана? Это — намѣреніе опредѣленное, рѣзко отличающееся отъ прочихъ намѣреній, и слѣдовательно, здѣсь переживается опредѣленное состояніе сознания, а между тѣмъ, много ли въ составъ его входитъ опредѣленныхъ чувственныхъ образовъ, словъ и предметовъ? Да почти никакихъ, но обождите немножко: слова и предметы выплывутъ въ сознание, а предварительное намѣреніе, смутное гаданіе скроется въ тѣнь. По мѣрѣ того, какъ на смѣну намѣренію выплываютъ слова, намѣреніе производитъ то, какъ на смѣну намѣренію выбираются, а неподходящія отменяются, — соответствующія слова выбираются, а неподходящія отменяются съ стороны. Весь процессъ, предваряющій воплощеніе номысла въ слово, иначе назвать нельзя, какъ только «намѣреніемъ сказать то-то». Можно допустить, что по крайней мѣрѣ добрая треть нашей психической жизни сводится къ скоропреходящимъ предварительнымъ, усматриваемымъ въ перспективѣ, схемамъ мысли, не ставшей еще членораздѣльной. Или, какъ собѣ объяснить тотъ фактъ, что человѣкъ, принимаясь за чтеніе вслухъ произведенія, нѣтъ не читаннаго, оказывается въ состояніи придавать словамъ правильную интонацію, если не допустить, что съ первыхъ же словъ смутно схватываются общія очертанія фразы и смыслъ каждаго произносимаго слова настолько сливается съ сознаниемъ, что самая интонація видоизмѣняется и диктуется сознаниемъ, а голосъ придаетъ словамъ надлежащую выразительность по мѣрѣ того, какъ они выговариваются? Правда и то, что характеръ интонаціи въ значительной степени опредѣляется грамматическимъ построеніемъ фразъ. Прочитывая «не болѣе», мы уже ожидаемъ появленія «чѣмъ»; читая «хотя», мы предвидимъ «но или «однако» или «тѣмъ не менѣе». Это предчувствіе развѣтывающейся грамматической схемы словъ на практикѣ столь безошибочно, что чтецъ даже не способный взять въ толкъ и четырехъ мыслей въ книгѣ, читаемой вслухъ, тѣмъ не менѣе станетъ читать съ осмысленной выразительностью, соблюдая всѣ надлежащія ей отбѣнки.

¹⁾ Мы переподимъ здѣсь словомъ «ореолъ» терминъ «fringe», имѣя въ виду выразить терминомъ ореолъ то образное сравненіе, которымъ Джечъ хочетъ сказать, что каждый предметъ, являющійся въ нашей мысли, не является въ чистомъ своемъ видѣ, а окруженъ какъ бы ореоломъ, т. е. смутнымъ сіяніемъ (какое рисуютъ обыкновенно вокругъ ликовъ святыхъ). Этотъ ореолъ или сіяніе состоитъ изъ смутнаго знанія нами о различныхъ отношеніяхъ даннаго образа или предмета съ другими.

Какъ читатель увидитъ, мнѣ главнымъ образомъ вѣжно обратить его вниманіе на тотъ фактъ, что смутнымъ и не разчлененнымъ явленіемъ сознанія надлежитъ въ умственной жизни отводить подобающее значеніе. Ф. Гальтонъ и пр. Гэсли, какъ мы увидимъ изъ главы «О воображеніи», сдѣлали значительный шагъ впередъ, подорвавъ странную теорію Юма и Бэркля, будто бы мы можемъ имѣть только образы совершенно опредѣленныхъ предметовъ. Другая такая же цѣль будетъ мною достигнута, если я опровергну столь-же странное понятіе, будто въ «состояніяхъ сознанія» возбуждаются простыя объективныя свойства или качества вещей, а не ихъ отношенія. Необходимо признать, что «опредѣленные образы» старой психологіи составляютъ ничтожную часть нашей душевной жизни, какъ она на самомъ дѣлѣ складывается. Разсужденія психологіи добраго стараго времени можно уподобить тому, если бы кто нибудь сталъ доказывать, что рѣка состоитъ исключительно изъ стакановъ, кувалтъ, ведеръ, бочекъ и иныхъ мѣръ емкости. Если бы всѣ эти ведра и бочки и были погружены въ рѣку, тѣмъ не менѣе въ промежуткахъ между ними текущая вода преспокойно катилась бы по прежнему. Съ такою же рѣшительностью психологи проглядѣли и текучую воду сознанія, а вѣдь любой опредѣленный образъ омывается и окрашивается текучею водою сознанія, окружающею всѣ такіе образы. Вмѣстѣ съ образомъ возникаетъ сознаніе его соотношеній къ прочему близкому и дальнему, известная окраска, знающая его первоначальное происхожденіе, и смутное сознаніе того, куда данный образъ насъ ведетъ. Все значеніе и истинная дѣйствительность образа, именно, и заключается въ этомъ ореолѣ или смутномъ сіяніи, окружающемъ и сопровождающемъ его или еще вѣрнѣе: образъ и окружающая его среда сливаются во одно, и это одно становится плотью отъ плоти и костью отъ кости другого. Правда, образъ представляетъ тотъ же предметъ, что и прежде, но самый то образъ приобретаетъ новую и свѣжую окраску.

Вотъ сознаніе-то этого ореола отношеній, окружающихъ образъ, мы и обозначимъ терминомъ «психическій обертонъ»¹⁾ или «психическій ореолъ».

Нервно-мозговая условія «психического ореола».

Ничего не можетъ быть легче, какъ символизировать эти факты съ помощью терминовъ физиологіи мозга. Подобно тому, какъ эхо несетъ въ себѣ указаніе на то, откуда идетъ звукъ,—ощущеніе исходнаго пункта нашей мысли, вѣроятно, слѣдуетъ приписать замирающему возбужденію тѣхъ процессовъ, которые ярко возникли на мгновеніе; точно также ощущеніе того, куда направляется сознаніе, т. е. предвкушеніе того, тѣмъ завершится умственный процессъ, слѣдуетъ приписать возникающему воз-

¹⁾ Обертонами, какъ читатель видѣлъ въ главѣ о музыкѣ, Гельмгольцъ называлъ тѣ звуки (тоны), которые сопровождаютъ основной тонъ, напр., при звучаніи струны, когда одновременно колеблется вся она, ея половина, ея треть, ея четверть, а также и при звучаніи многихъ другихъ предметовъ. Ред.

бужденію тѣхъ путей или токовъ въ мозгу, соотносительное появленіе которыхъ въ сознаніи (ихъ психическій коррелятъ) чрезъ мгновеніе становится яркой чертой, присутствующей въ нашей мысли.

Графически этотъ нервный процессъ, образующій основу сознанія, можно изобразить такъ.

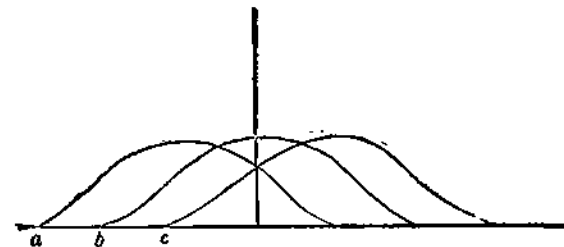


Рис. 49.

Пусть горизонтальная линия обозначаетъ линію времени, а кривыя линіи, выходящія изъ a , b и c ,—представляютъ нервныя процессы, которые находятся въ соотношеніи (составляютъ корреляты) съ мыслями, представленными буквами a , b и c . Каждый изъ этихъ процессовъ протекаетъ въ известное время, и интенсивность его сначала растетъ, достигаетъ кулиминаціонной точки, а затѣмъ идетъ на убыль. Въ то время, какъ процессъ, обусловленный мыслью a , еще не завершился, процессъ для c только начался, а процессъ, вызванный мыслью b , уже достигъ кулиминаціонной точки. Въ моментъ времени, графически представленный вертикальною линіею, всѣ три процесса уже существуютъ, съ тѣми интенсивностями, которыя обозначены подъемомъ кривыхъ, тогда какъ интенсивность процесса c все болѣе возрастаетъ, интенсивность процесса a падаетъ, а интенсивность процесса b занимаетъ среднее между остальными мѣсто. Если я стану повторять: a , b , c , то въ то мгновеніе, когда я говорю b , изъ моего сознанія вполнѣ не исчезнутъ, ни a , ни c , но оба на особый ладъ примѣтаютъ и свой членный свѣтъ къ болѣе рѣзко выступающему b , по той причинѣ, что ихъ процессы тоже дѣйствуютъ, хотя и въ различной степени. Тоже наблюдается въ музыкальной области съ оберъ-тонами; ухо ихъ не отличаетъ въ отдѣльности; они слѣзаются съ основною нотой, сливаются съ нею, видоизмѣняютъ ее. Вотъ такимъ же образомъ возрастающіе и убывающіе нервныя процессы, сѣшиваясь съ процессомъ, достигшимъ кулиминаціонной точки, сѣшиваются съ нимъ и видоизмѣняютъ психическій эффектъ его.

„Тема“ мышленія.

Разсматривая познавательную функцію при разныхъ состояніяхъ „темы“, мы безъ труда убѣждаемся, что разница между простымъ „комствомъ“ съ предметомъ и отчетливымъ „знаніемъ“ о немъ состоитъ главнымъ образомъ въ отсутствіи или присутствіи «психическаго ореола» или «психическаго ореола». Отчетливое знаніе о пред-

метѣ предполагаетъ осведомленность объ отношеніяхъ его ко всему прочему; знакомство же съ предметомъ сводится лишь къ тому впечатлѣнію, какое онъ производитъ. А между тѣмъ большая часть соотношеній между опредѣленнымъ предметомъ и всѣмъ прочимъ намъ дается только зарождающимися, полусвѣтлымъ ореоломъ или «психическими обертонами» которые образуются перасвѣщенными смутными впечатлѣніями, тяготившими къ данному предмету.

Прежде, чѣмъ перейти къ слѣдующему по порядку положенію, я долженъ коснуться этого чувства тяготѣнія или сродства, которое само по себѣ представляетъ любопытѣйшую особенность субъективной стороны потока сознанія.

Мысль можетъ оставаться одинаково рациональною во всѣхъ формахъ.

При любомъ сознательномъ мышленіи всегда выступаетъ какое нибудь подлежащее или предметъ, около которыхъ группируются остальные элементы мысли. Отношеніе или интересъ къ этой темѣ или предмету чувствуется постоянно на психическомъ ореолѣ, а въ особености отношеніе согласія или противорѣчія, содѣйствія, либо противодѣйствія (въ отношеніи къ главной темѣ или предмету мышленія). Любая мысль, въ которой свойства этого «ореола» позволяютъ намъ чувствовать себя «удовлетворенными», можемъ считать такой мыслью, которая развивается тому мышленію. Тамъ, гдѣ мы чувствуемъ, что объектъ этой мысли (добавочной, развивающей тему) имѣетъ право занять опредѣленное мѣсто въ схемѣ взаимныхъ соотношеній главной темы,—тамъ этого чувства достаточно, чтобы эта придаточная мысль стала усвоенной, составною частью въ ряду нашихъ идей.

Главную тему мышленія мы можемъ развивать либо на словахъ, либо въ зрительныхъ и иныхъ представленіяхъ, но тотъ или иной способъ не вліяетъ неизбѣжно на ростъ нашего знанія о темѣ мышленія. Если только мы чувствуемъ въ этихъ формахъ, выражающихъ нашу мысль, каковы бы они ни были, что «ореолъ» (обертоны) имѣютъ тяготеющее или сродство со всѣми другими и съ главною темою нашего мышленія, и если мы сознаемъ, что подходимъ къ конечному выводу, то, очевидно, все наше мышленіе протекаетъ правильно и рационально. Слова каждаго языка, благодаря продолжительнымъ ассоціациямъ, связались съ «психическими ореолами», имѣющими взаимное притяженіе или отталкиваніе со всѣми другими и съ выводами, а потому эти «психическіе ореолы» протекаютъ совершенно параллельно съ подобными же ореолами, въ зрительныхъ, осязательныхъ и иныхъ идеяхъ или представленіяхъ. Наиболѣе существеннымъ элементомъ въ этихъ ореолахъ, повторяю, является только ощущеніе согласія или противорѣчія, правильности или неправильности направленія мысли.

Если мы знаемъ и англійскій, и французскій языкъ и начнемъ говорить фразу по французски, то и всѣ дальѣйшія слова будутъ возникать въ насъ на французскомъ языкѣ и едва ли мы когда либо при этомъ перескочимъ на языкъ англійскій. Это сродство французскихъ словъ между собою не есть ничто такое, что совершается только механически.

вслѣдствіе законовъ, управляющихъ мозгомъ; нѣтъ, это сродство есть нѣчто, что мы въ тоже время и чувствуемъ.

Если мы слышимъ произносимое по французи изреченіе, наше пониманіе его никогда не подижается настолько, чтобы утратить сознаніе, что его слова лингвистически родственны другъ другу. При этомъ наше вниманіе едва ли когда бываетъ такъ разсѣянно, чтобы мы не замѣтили, если среди этого изреченія будетъ вставлено хотя бы одно англійское слово. Подобное смутное разумѣніе взаимнаго сродства между словами и будетъ тѣмъ минимумомъ «психическаго ореола», который можетъ сопровождать эти слова, разъ мы о нихъ думаемъ вообще. Обыкновенно смутное сознаніе того, что всѣ слышимыя нами слова принадлежатъ къ одному языку, либо къ опредѣленному специальному словарю этого языка, и что слова разставлены съ заурядною грамматическою правильностью равносильно практически допущенію, что то, что мы слышимъ, имѣетъ смыслъ. Но если въ эту же рѣчь ввести неупотребительное иностранное слово, или допустить грамматическую погрѣбность или, наконецъ, если въ философское разсужденіе включить площадную пошлость, то вся сентенція какъ бы потерлетъ свой тонъ; мы ощутимъ толчокъ отъ безсвязности, и наше полусознательное одобреніе всей рѣчи исчезнетъ. Въ подобныхъ случаяхъ ощущеніе разумности рѣчи есть скорѣе нѣчто отрицательное, чѣмъ положительное, такъ какъ представляетъ только отсутствіе такого толчка, отсутствіе чувства противорѣчія или несообразности между отдѣльными выраженіями мысли.

Наоборотъ, если слова принадлежатъ не одному словарю, или грамматическое построеніе правильно, то фразы и не имѣющія смысла могутъ быть безнаказанно изрекаемы и пройти, не вызвавъ нашего отрицанія. Подтвержденіемъ этому могутъ служить длинныя рѣчи на нѣкоторыхъ митингахъ,—напр., разныхъ сектъ, гдѣ переворачиваются на разные лады тѣ же избитыя фразы,—а также постоянно оплачиваемыя грошами газетныя строчки репортерскихъ отчетовъ. Мнѣ помнится, въ отчетѣ объ атлетическомъ состязаніи въ Джеромѣ Паркѣ я вычиталъ такую фразу: «Штипы наполняли вершины деревьевъ утренними пѣвнями, дѣлая воздухъ сырýmъ, свѣжимъ и пріятнымъ». Вѣроятно, эта бессмыслица была торопливо набросана репортеромъ и многими прочитана безо всякой критики¹⁾.

Отсюда мы видимъ, что или вовсе не составляетъ различія или большого различія то, въ какомъ сортѣ умственного матеріала и въ какихъ качественныхъ свойствахъ образовъ протекаетъ наше мышленіе. Единственно важными по внутреннему значенію являются тѣ образы, которые служатъ въ мыслительномъ процессѣ, такъ сказать, станціями мысли, «устойными» выводами—предчувствуемыми или конечными. На всемъ остальномъ протяженіи потока мысли, сознаніе взаимоотношеній

¹⁾ Тѣмъ не менѣе еще менѣе замѣтны, если полагаются въ стихотворной формѣ: извѣстенъ знаменитый стихъ Лермонтова: „и Терекъ, прыгая, какъ дѣвица косматой гривой на хребтѣ“. Въ одномъ очень солидномъ журналѣ нечеловѣчно, нѣтъ ни къ тому назадъ, стихотвореніе очень изысканной поэмой, гдѣ вклялась фраза: „нахлынул до дна“... Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ ни поэты, ни редакция почтеннаго журнала, не обратили вниманія

между отдельными элементами настолько надо всё преобладает, что значение отдельных форм, в каких выражаются эти отношения, сводится почти к нулю.

Это чувство отношений, эти «психические обертоны», эти ореолы или сияния, окружающие формы (термины), в каких протекает мышление, могут оставаться одними и теми же при самых разнообразных системах образности.

Диаграмма может более наглядно показать, как разнообразны средства мышления, могущия, однако, привести к одной и той же цели.



Рис. 50.

Пусть А будет обозначать опыт, служащий точкою отправления для разсуждений у нескольких мыслителей, а Z пусть будет тем практическим конечным выводом, который разумно выводится из А. Один мыслитель подойдет к выводу по одной линии, другой по другой; один прибегнет к немецким словесным образцам, другой к английским. У одного преобладают зрительные представления, у другого осязательные.

У одного приема мышления будут сопровождаться эмоциями, другой обойдется без них; у одних процессы мышления будут отличаться краткостью, синтетичностью и быстротою, другие станут колебаться в своих разсуждениях, различая их на последовательные ступени. Но когда предпоследний элемент всех процессов мышления, как бы они не отличались между собою (inter se), приведет мыслителей к одинаковому выводу, мы скажем и скажем правильно, что все эти мыслители в сущности имели одну и ту же мысль. Но каждый из них чрезмерно был бы поражен, если бы смог проникнуть в мысль соседа и убедиться, сколь отличалась сценическая обстановка мысли соседа от его собственной.

Последняя особенность, на которой следует остановить внимание в этом грубом предварительном наброске потока мысли, заключается в следующем.

Сознание всегда заинтересовывается одною стороною объекта мысли, преимущественно предъ остальными и в течение мыслительного процесса одобряет, отвергает и выбирает те или иные элементы.

Наглядным доказательством этой избирающей деятельности могут служить явления «подбирающего внимания» и «обсуждающей воли». Но только немногие из нас понимают, сколь непрерывна эта деятельность в операциях, обыкновенно не обозначаемых этими названиями.

Подчеркивание и преувеличение (эмфаз) присущи любому из наших восприятий. Для нас немисливо безпристрастно обинчать внимание значительный ряд разнообразных впечатлений. Однообразное чередование звуковых толчков разбивается на ритм, который принимает то одит, то другие формы, в зависимости от различных ударений, которые падают на разные звуковые толчки.

Наипростейший из ритмов двухчленный, который можно воспроизвести так: тик-ток, тик-ток, тик-ток. Переходя к области не звуковой, а, например, зрительной, мы заметим, что какие-нибудь пятна, разбросанные на поверхности, воспринимаются нами в рядах и группах. Точно также разрозненные линии объединяются нами в определенные фигуры. Повсюдность таких различий, как «это» и «то», «здесь» и «там», «теперь» и «тогда», является результатом того факта, что мы принимаем тот же избирательный прием подчеркивания на части пространства (места) и времени. Мы, впрочем, не ограничиваемся тем, что одит вещи подчеркиваем, другие объединяем, а третьи отстраняем. Мы действительно игнорируем большую часть предметов, находящихся перед нами. Я попытаюсь вкратце показать, как это происходит.

Начнем с самого основного. Как мы уже видели ранее, самые наши органы чувств являются только органами подбора. Из бесконечного хаоса движений, о которых физика говорит нам, как о составляющих весь внешний мир, каждый из наших органов чувств подбирает такие движения, которые не выходят за определенные пределы скоростей¹⁾.

На эти только движения известный орган чувств откликается, игнорируя все остальные, словно они и не существуют вовсе. Из того, что само в себя является неразличимым, нерасчлененной непрерывностью (continuum), лишенным различий или подчеркиваний, наши органы чувств, обращая внимание на одно движение и игнорируя другое, создали для нас мир, полный контрастов, резких ударений, перемежающихся моментов света и тени.

Таким образом, если ощущения, получаемые нами от данного органа чувств, обуславливаются причинами, корнящимися в строении концевой части этого органа, то с другой стороны из совокупности этих ощущений, уже отобранных самими органами чувств, наше внимание замечает лишь наиболее его интересующия, оставляя прочия втуне. Мы ведь обращаем внимание только на те ощущения, которые являются для нас знаками предметов, интересных нам в практическом либо эстетическом отношении; таким предметам мы даем сущительные имена и возводим их в исключительную степень независимости и доминантности. Но взятый сам в себя, независимо от личных наших интересов, пожалуй, каждый отдельный вихрь в ветряный день есть настолько же индивидуальный предмет, и заслуживает так же много или так же мало индивидуального имени, как мое собственное тело.

А затем что же происходит со всеми теми ощущениями, какие нам оставляет каждый предмет в отдельности? Наше мышление тут вновь производит подбор. Известные ощущения отбираются, как нечто наиболее достоверно представляющее данный предмет, а остальные ощущения,

¹⁾ Так, ухо принимает только колебания воздуха, не превышающия в амплитуде десятков тысяч колебаний в секунду; глаз воспринимает только колебания от 400 до 600 миллионов в сек. (красный и фиолетовый лучи) и т. д.

полученныя отъ него, считаются кажушимися видимостями, изменившимися по условіямъ даннаго момента. Такъ, столешница моего стола называется квадратной по одному изъ безконечнаго множества впечатлѣній, вызываемыхъ ею въ глазоной сѣтчаткѣ, и хотя въ данное мгновеніе настоящій слѣдъ отъ нея на той же сѣтчаткѣ имѣетъ два острыхъ и два тупыхъ угла,—но я называю этотъ послѣдній отпечатокъ на ретинѣ перепективнымъ видомъ столешницы, а четыре прямыхъ угла—называю истинной формой стола и вношу качество (атрибутъ) прямоугольности въ сущность стола только по моимъ собственнымъ чувственнымъ основаніямъ.

Подобнымъ же образомъ реальной формой круга считается нами та, которую мы получаемъ, когда линія зрѣнія перпендикулярна къ нему и проходитъ чрезъ его центръ; всѣ же остальные ощущенія отъ круга, суть лишь знаки этого ощущенія. Истиннымъ звукомъ пушечнаго выстрѣла мы считаемъ то ощущеніе, когда ухо отъ него гложетъ; за истинный цвѣтъ кирпича принимается ощущеніе, воспринимаемое глазомъ, если онъ видитъ кирпичъ подъ прямымъ угломъ на недалекомъ разстояніи, не на солнцѣ, но, однако, и не въ сумракѣ; при иныхъ условіяхъ получаютъ другія цвѣтоты впечатлѣнія, являющіяся лишь знаками кирпича, т. е. кирпичъ кажется намъ тогда либо болѣе розоватымъ, либо болѣе голубоватымъ, тѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Читатель не знаетъ ли единаго предмета, который бы онъ себѣ не представлялъ преимущественно либо въ какомъ-либо типичномъ положеніи, либо въ опредѣленномъ нормальномъ размѣрѣ, либо на извѣстномъ характерномъ разстояніи, либо въ указанной окраскѣ и пр., и пр. Но всѣ эти якобы существенныя отличительныя свойства, которыя въ общей совокупности придаютъ на нашъ взглядъ природную объективность предмету и противопоставляются тому, что называютъ субъективными ощущеніями, могущими быть у насъ въ данный моментъ, суть такія же ощущенія и только такія ощущенія, какъ и эти послѣднія, называемыя субъективными.

Наша душа слѣдуетъ своему собственному пути, когда рѣшаетъ, какія въ частности ощущенія признать за болѣе реальныя и существенныя, чѣмъ остальные.

Затѣмъ въ этомъ мірѣ предметовъ, индивидуализированныхъ съ помощью подбирающей дѣятельности нашего сознанія, то, что нами выдается за «опытъ», почти исключительно опредѣляется привычками нашего вниманія. Какой-нибудь предметъ можетъ сотни разъ проходить мимо моихъ глазъ, но если я постоянно не замѣчаю его, то нельзя сказать, что онъ входитъ въ мой опытъ. Мы всѣ видимъ мушекъ, моль и жуковъ тысячами, но кому, кромѣ энтомолога, говорятъ они что-либо о взаимныхъ различіяхъ. Съ другой стороны, предметъ, видѣнный за всю жизнь единственный разъ, можетъ оставить неизгладимый опытъ въ памяти. Или пусть четыре человека объѣдутъ всю Европу: одинъ принесетъ домой исключительно живописныя впечатлѣнія—воспоминанія о восточныхъ и цвѣтахъ, паркахъ и видахъ, произведеніяхъ архитектуры, живописи и ваянія; для другого ничего такого какъ бы и не существуетъ, но разстоянія и цѣны, движеніе пародонаселенія, устройство орошенія, затворы на обонныхъ рычагахъ и дворяхъ или полезныя статистическія цифры займутъ мѣсто первыхъ; третій въ состояніи будетъ дать богатый отчетъ

о посѣщеніи театровъ, ресторановъ, публичныхъ гуляній, не замѣтивъ ничего другого; четвертый, наконецъ, въ теченіе всего путешествія настолько будетъ погруженъ въ свои собственные субъективныя размышленія, что кромѣ нѣсколькихъ именъ городовъ, чрезъ которые проѣзжалъ, не въ состояніи будетъ ничего разсказать. Ученію, изъ одной и той же массы предметовъ, прошедшихъ передъ глазами всѣхъ четверыхъ, каждый выбиралъ то, что возбуждало его особый интересъ, и изъ этого слагалъ свой опытъ.

Если, оставляя въ сторонѣ эмпирическое сочетаніе предметовъ, мы зададимся вопросомъ, какіе совершаются въ мышленіи процессы для того, чтобы рационально связать ихъ, мы найдемъ, что и здѣсь подборъ является всемогущимъ. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ, что мышленіе вообще сводится къ способности ума расчленять цѣлое обсуждаемое явленіе на части и выдѣлять изъ этихъ частей ту, которая можетъ привести въ данномъ случаѣ къ надлежащему заключенію. Геніальность и заключается въ умѣніи всегда стать на вѣрную точку зрѣнія и извлечь съ ея помощью важныя элементы—для «разума», если дѣло касается теоретическаго вопроса, или для «способа и средства» дѣйствія, когда дѣло касается вопроса практическаго.

Если мы перейдемъ къ области эстетической, то этотъ же законъ обнаружится еще нагляднѣе. Артистъ явно подбираетъ элементы своего созданія отбрасывая всѣ тоны, краски и очертанія, не гармонирующія съ другими и съ главной цѣлью его произведенія. Это единство, гармонія «сведеніе, въ одну точку (конвергенція) выдающихся признаковъ»¹⁾, по выраженію Тэна, придающая произведеніямъ искусства превосходство надъ произведеніями природы, обусловливается вполне «элиминаціею» (выдѣленіемъ лишняго, ненужнаго). Любой предметъ природы можетъ послужить матеріаломъ для художественнаго произведенія, если художникъ достаточно талантливъ, чтобы надлежащимъ образомъ подчеркнуть въ немъ извѣстныя черты, какъ наиболѣе характерныя, а всѣ остальные, не гармонирующія съ первыми, съумѣетъ отбросить прочь, какъ явленія случайныя.

Восходя еще выше къ области нравственности, мы видимъ, что здѣсь уже заведомо подборъ царитъ неограниченно. Поступокъ не представляетъ никакого нравственнаго значенія, пока онъ не избранъ изъ ряда поступковъ, одинаково возможныхъ. Характерной чертой нравственныхъ силъ (энергій) служить подборъ доводовъ въ пользу хорошаго поведенія и удерживаніе этихъ доводовъ передъ нами, чтобы подавить въ себѣ пожеланіе выйти на болѣе соблазнительные пути и неуклонно вести насъ по тернистой тропѣ долга. Но это не все: мы совершаемъ такой процессъ потому только, что онъ подбираетъ средства къ достиженію такихъ интересовъ, которые уже чувствуются человекомъ какъ высшіе. Нравственной энергіи остается, главнымъ образомъ, только идти дальше, и изъ многихъ одинаково побудительныхъ интересовъ выбрать тотъ, который станетъ высшимъ или господствующимъ. Выборъ здѣсь чрезвычайно ва-

¹⁾ По теоріи Тэна, художникъ путемъ этой «конвергенціи» выдвигаетъ изъ ряда существенныя признаки даннаго объекта, а тѣмъ самымъ также и его цѣну.

женъ, потому что является моментомъ, рѣшающимъ весь дальнейшій жизненный путь. Когда человекъ подвергается обсужденію вопросъ, совершилъ ли ему преступленіе, избралъ-ли такую-то профессію, взять-ли такую-то должность, жениться-ли ради богатства и т. д., выборъ въ сущности колеблется между нѣсколькими одинаково возможными будущими признаками. То, чѣмъ сдѣлается человекъ, будетъ установлено его поведеніемъ въ данную минуту. Когда Шопенгауэръ въ подтвержденіе своего детерминизма приводитъ аргументъ, что у данного установившагося характера и при данныхъ условіяхъ возможна только одна реакція, онъ забываетъ, что въ такую критическую нравственную минуту то, что кажется сознанию возбуждающимъ сомнѣніе, есть именно сложность самаго характера: зачѣмъ человекъ является тутъ не столько разрѣшеніе вопроса, какое дѣйствіе онъ рѣшится сейчасъ совершить, сколько то, какимъ существомъ онъ изберетъ сдѣлаться теперь.

На основаніи человеческого опыта вообще, у различныхъ людей способность выбора въ значительной степени одинакова. Раса, какъ цѣлое, сходится въ томъ, на что она будетъ обращать вниманіе и чему будетъ давать названія; и между отмѣченными частями мы всё отбираемъ болѣе или менѣе на одинъ ладъ то, что нужно подчеркнуть и предпочесть, и что нужно поставить на второстепенное, подчиненное мѣсто или вовсе игнорировать.

Есть, впрочемъ, одинъ незаурядный случай, въ области котораго даже и двумя людьми изъ всего человечества никогда еще выборъ не дѣлался вполнѣ тождественный. Каждый изъ насъ дѣлитъ весь міръ на двѣ половины; для каждаго изъ насъ почти весь интересъ связанъ съ одною изъ этихъ половинокъ; но линію, раздѣляющую міръ на двѣ половины, каждый изъ насъ проводитъ не тамъ, гдѣ другой. Когда я скажу, что мы всё начинаемъ эти половины одинаковыми названіями, и что эти названія суть «я» и «не я», читатель сразу пойметъ, о чемъ я думаю. Совершенно своеобразный интересъ, питаемый каждой человеческой душой къ той части мірозданія, которую онъ можетъ назвать я или мое, является, пожалуй, нравственною загадкою, но составляетъ коренной психологическій фактъ. Нѣтъ такой души, которая чувствовала бы такой же интересъ къ «я» своего сосѣда, какъ къ своему собственному. «Я» сосѣда сливается для нея со всѣми прочими вещами въ одну чуждую ей общую массу, противъ которой стоитъ, выпукло выдвигаясь, ея собственное я. По выраженію Лотце, даже придавленный червякъ свое собственное страдающее «я» противопоставляетъ всей остальной вселенной, хотя яснаго представленія не имѣетъ ни о себѣ, ни о томъ, чѣмъ можетъ быть вселенная. Для меня, червякъ—ничтожная частичка вѣшняго міра, а для червяка я являюсь такою же ничтожною частичкою этого міра. Каждый изъ насъ раздвояетъ вселенную въ разныхъ пунктахъ раздѣла.

Переходя отъ этого общаго очерка психическихъ явленій къ болѣе подробному разсмотрѣнію ихъ, мы въ ближайшей главѣ попытаемся прослѣдить психологію того факта самосознанія, къ которому, такимъ образомъ, мы приведены теперь.

ГЛАВА XII.

Л и ч н о с т ь .

Мое и я. О чемъ бы я ни размышлялъ, предо мною всегда болѣе или менѣе неотступно стоитъ сознаніе *самого себя, моего личнаго существованія*. Въ то же время вѣдь это «я» сознаетъ себя; такъ что цѣлое мое «я», будучи какъ бы двойнымъ,—т. е. познающимъ и познаваемымъ, отчасти объектомъ, а отчасти субъектомъ,—должно имѣть двѣ стороны или точки зрѣнія, которыя въ немъ различимы и которыя для краткости обозначимъ—одно словомъ «мое», а другое словомъ «я». Я называю это «различными точками зрѣнія» (или сторонами), а не отдѣльными предметами, потому что тождество этихъ «мое» и «я», даже и въ самомъ актѣ ихъ различенія другъ отъ друга, является быть можетъ самымъ неискоренимымъ требованіемъ общаго чувства; поэтому оно не должно быть обойдено нашей терминологіей ни теперь, ни дальше, въ какому бы выводу о значеніи этого требованія мы ни пришли въ концѣ концовъ. Итакъ, мы рассмотримъ послѣдовательно:

А) «Я», какъ познаваемое, какъ «мое», какъ *Ego*, даваемое въ опытѣ, или «эмпирическое» «Его», какъ его иногда называютъ.

В) «Я», какъ познающее, или просто «я», или «чистое Его», по обозначенію нѣкоторыхъ писателей.

А) Личность, какъ познаваемое эмпирическое *Ego*. Провести черту между тѣмъ, что человекъ называетъ *самимъ собою* и что просто обозначаетъ словомъ «мое», затруднительно. Наши чувствованія и дѣйствія относительно вещей, принадлежащихъ намъ, очень сходны съ чувствованіями и поступками, затрогивающими непосредственно насъ самихъ. Наше доброе имя и дѣти или произведенія нашихъ рукъ могутъ быть намъ столь же дороги, какъ собственное наше тѣло, и посягательства на нихъ могутъ вызывать такіе же точно чувствованія и дѣянія, какъ непосредственное нападеніе на насъ самихъ. Наше тѣло—есть ли оно только *намъ*, или оно есть *мы сами*? Несомнѣнно, люди неоднократно отрекались отъ собственного тѣла и взирали на него какъ на вѣншній покровъ, одѣяніе, или какъ на тюрьму, сдѣланную изъ грязи, изъ которыхъ они были бы рады когда-нибудь освободиться.

Отсюда уже видно, что мы имѣемъ дѣло съ зыбкимъ матеріаломъ: одинъ и тотъ же предметъ разсматривается то какъ неотъемлемая часть «моего», то просто какъ нашъ придатокъ, а иной разъ и такъ, словно у насъ съ нимъ ничего не имѣется общаго.

Во всякомъ случаѣ эмпирическое «Его» въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова есть общій итогъ того, что человекъ можетъ назвать своимъ, т. е. и только собственное тѣло и собственные психическія силы, но и принадлежащая ему—платье и домъ, жену и дѣтей, предковъ и друзей, свою дѣльную славу и творческія произведенія, поземельную собственность и зодчество, яхту и текущіе счеты. Всѣ эти предметы вызываютъ въ немъ

одинаковыя эмоціи и чувствованія. Если эти предметы возрастают и процвѣтаютъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что мы называли терминомъ «мое», торжествуетъ; если же они колеблются и хирѣютъ, оно чувствуетъ себя подавленнымъ. Конечно, не всѣ предметы отражаются одинаково бо- лѣзненно или радостно въ этотъ «Его», но всѣ оказываютъ на него дѣй- ствіе однимъ и тѣмъ же путемъ.

Взявъ эмпирическое «Его» въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, мы можемъ подраздѣлить его исторію на три отдѣла, по отношенію:

а) къ составляющимъ его элементамъ;

б) къ чувствованіямъ и эмоціямъ, вызываемымъ этими элементами (самочувствіе);

и в) къ поступкамъ, вызываемымъ этими элементами (самообезпе- ченіе и самосохраненіе).

а) Составные элементы эмпирическаго «Его» могутъ быть подраздѣлены на классы:

матеріальное «Его»
соціальное «Его»
и духовное «Его».

Матеріальное «Его». Тѣло является существеннѣйшею частью мате- ріальнаго «Его» у каждаго изъ насъ; но нѣкоторыя части тѣла представ- ляются болѣе лично «нашими», чѣмъ другія. Затѣмъ идетъ одежда. Старинное изреченіе, гласящее, что человѣческая личность состоитъ изъ души, тѣла и одежды, заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ простую шутку. Мы настолько считаемъ одежду чѣмъ-то нераздѣльнымъ съ нашими качествами, настолько отождествляемъ съ нею самихъ себя, что развѣ не- многіе изъ насъ безъ колебанія дадутъ рѣшительный отвѣтъ, что они предпочли бы: имѣть ли красивое тѣло, прикрытое грязнымъ рубищемъ, или имѣть некрасивое тѣло, но украшенное безукоризненнымъ одѣяніемъ. Далѣе, въ матеріальномъ «Его» идетъ наша непосредственная семья, обра- зующая какъ-бы часть насъ самихъ. Наши родители, жена и дѣти являются члѣнами отъ достой нашихъ и плотью отъ плоти нашей. Когда кто-нибудь изъ нихъ умираетъ, отъ насъ какъ-бы отрывается частица собственнаго существа. Если близкіе намъ совершаютъ дурныя поступки, мы стыдимся послѣднихъ такъ, какъ еслибы они были сдѣланы нами самими. Если близкіе намъ подвергаются оскорбленію, въ насъ вспыхиваетъ гнѣвъ съ такою силою, словно мы сами стоимъ на ихъ мѣстѣ. Затѣмъ слѣдуетъ нашъ домъ. Стены здѣсь разыгрывающіяся составляютъ часть собственной на- шей жизни; виды нашего дома вызываютъ въ насъ нѣжнѣйшія чувства привязанности; мы не легко прощаемъ постороннему, если онъ погнѣвивъ нашъ домъ, откroетъ въ немъ недостатки или огнесетъ въ нему презри- тельно. Всѣ эти вещи различныхъ порядковъ являются для насъ предме- томъ инстинктивнаго предпочтенія и сливаются съ наиболѣе важными практическими интересами нашей жизни. Мы всѣ имѣемъ слѣпое влеченіе заботиться о нашемъ тѣлѣ, прикрывать его возможно болѣе красивою одеждою, заботиться о нашихъ родителяхъ, женѣ и дѣтяхъ и создавать себѣ свой собственный домъ, гдѣ мы могли бы жить, «улучшая» его.

Такое же инстинктивное влеченіе побуждаетъ насъ копить собственность, а сбереженія, сдѣланныя этимъ путемъ, становятся болѣе или менѣе близкою частью нашего эмпирическаго «мое». Наиболѣе же съ нашею личностью срастается та часть нашего достатка, которая пропитана гру- довымъ нашимъ потомъ. Развѣ только рѣдкій челоѣкъ не почувствуетъ себя лично уничтоженнымъ, если плодъ физическихъ либо умственныхъ трудовъ всей его жизни — скажемъ, какал-нибудь энтомологическая ко- ллекція или обширная рукопись — подвергается внезапному уничтоженію. Та- кія же чувства питаетъ скупецъ къ накопленному золоту и хотя, конечно, нѣкоторая доля удрученности при потерѣ имущества вызывается созна- ніемъ того, что намъ придется обойтись безъ пріятностей, которыя бы доставляло пользованіе собственностью, тѣмъ не менѣе надъ этимъ и пре- выше всего прочаго преобладаетъ чувство уменшенія нашей личности, пре- вращеніе части насъ самихъ въ ничто, а это, конечно, представляетъ уже само по себѣ своеобразное психологическое явленіе. Чрезъ это мы сразу отождествляемся съ бѣднягами, къ которымъ доселѣ относились презри- тельно, и отдаляемся болѣе, чѣмъ прежде, отъ счастливцевъ, которые вла- ствуютъ надъ сушею, морями и людьми, наслаждаясь тѣмъ, что можетъ давать богатство и власть. Какъ бы мы ни крѣпились, взывая къ ру- ководящимъ началамъ прямо противоположнымъ снобизму, а не отдѣляясь намъ отъ лянга или затаеннаго чувства почтенія и страха.

Соціальное «Его». Соціальное «Его» есть то, чѣмъ признаютъ дан- наго челоѣка окружающіе. Мы не только стадныя животныя, жаждущія пребывать на виду у нашихъ близкихъ, но мы имѣемъ прирожденное желаніе привлекать къ себѣ вниманіе постороннихъ и производить на ближнихъ выгодное впечатлѣніе. Нельзя бы и придумать болѣе жестокаго наказанія—будь это вообще физически осуществимо—какъ если бы кто-нибудь, свободно вращаясь въ обществѣ, оставался абсолютно никѣмъ не замѣчаемымъ. Представьте себѣ, что нѣкогда при вашемъ входѣ не оборачи- вался-бы къ вамъ, никто не отвѣчалъ бы на ваши рѣчи, всѣ оставляли бы безъ вниманія ваши поступки, игнорируя самое ваше существованіе; вѣдь, вы не замедлили бы власть въ такое бѣшенство и безсильное отчаяніе, по сравненію съ которымъ любая физическая мука была бы облегченіемъ, ибо самыя муки давали бы вамъ чувствовать, несмотря на всю тягост- ность вашей доли, что не настолько вы еще паче, чтобы совсѣмъ не быть стоящими людскаго вниманія.

Строго говоря, каждая особь имѣетъ столько соціальныхъ личностей, сколько оказывается на лицо индивидовъ, знающихъ данную особь и сохраняющихъ о ней представленіе въ своей памяти. Повреждать одинъ изъ этихъ образовъ о немъ, образующихся въ душахъ другихъ людей, это равносильно вреду, который былъ-бы нанесенъ самому этому челоѣку. Но такъ какъ тѣ наши сограждане, которые носятъ въ себѣ представленія о нашей личности, естественно распадаются на классы, то въ обыденномъ смыслѣ можно сказать, что данный челоѣкъ имѣетъ столько соціальныхъ «Его», сколько существуетъ отдѣльныхъ группъ или крѣпковъ, о мнѣніи которыхъ онъ заботится. Большею частью, предъ ка- юю изъ этихъ группъ индивидъ обнаруживаетъ только извѣстныя стороны св. го характера. Многіе, напр. изъ юнцовъ, держатся предъ ро-

дителями и наставниками сущими спомниками, но среди товарищей забиякъ бранятся и безчинствуют не хуже каких-нибудь пиратовъ. Мы передъ дѣтми обнаруживаемъ себя совсѣмъ съ иной стороны, чѣмъ предъ клубными сотрапезниками; мы стараемся казаться совершенно другими тѣмъ, кого мы сами навиваемъ работать для насъ,—и передъ тѣми, кто ванимаеъ насъ, а съ друзьями мы держимся иначе, чѣмъ съ первой и второй группой. Отсюда на практикѣ выходитъ какъ бы подраздѣленіе одного человѣка на многочисленныя личности; порою это можетъ даже повести къ противорѣчивой путаницѣ, когда, напр., одинъ кругъ людей узнаеъ, какъ данный субъектъ ведетъ себя въ другомъ кружкѣ; или же это можетъ казаться чѣмъ-то въ родѣ гармоническаго раздѣленія труда, напр., когда человѣкъ проявляетъ большую нѣжность къ своимъ дѣтямъ, а въ тоже время очень сурово относится къ находящимся подъ его начальствомъ солдатамъ или арестантамъ.

Всего своеобразнѣе социальное «Его», которое человѣкъ привыкаетъ имѣть въ душѣ особы, съ которой связанъ любовью. Отъ того, смотритъ-ли на насъ такая особа хорошо или дурно, зависятъ самыя сильныя, то восторженныя, то подавленные душевныя состоянія, которыя кажутся довольно бессмысленными, если къ нимъ примылить какую угодно мѣрку, кромѣ личнаго органическаго чувства.

Въ собственномъ сознаниі этого индивидуума нѣтъ представленія о такомъ его особенномъ социальномъ «Его», нѣтъ до тѣхъ поръ, пока не явится другая личность, признаваящая это своеобразное «Его». Но когда это, наконецъ, случится, его удовлетворенію нѣтъ границъ.

Доброй или худой слава, устанавливающаяся о человѣкѣ, или его честь точно также суть названія одного изъ его социальныхъ «Его». Своеобразное социальное «я» человѣка, именуемое его честью, есть обыкновенно результатъ одной изъ тѣхъ путаницъ и противорѣчій, о которой упоминалось выше. Это есть тотъ образъ, который складывается объ известной особи въ глазахъ его собственнаго общественнаго «слоя»,—образъ, который или возвышаетъ его или осуждаетъ въ зависимости отъ соответствія его поступковъ съ известными требованіями, которыя бы не могли предъ-являться къ нему вовсе, на помѣ житейскомъ поприщѣ. Такъ, частный человѣкъ можетъ невозбранно покинуть свой городъ въ разгаръ эпидеміи, но духовное лицо и врачъ считали бы такой поступокъ несовѣстимымъ со своею честью. Точно также честь заставитъ солдата сразиться или умереть при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ частный человѣкъ не замедлитъ обратиться въ бѣгство, вовсе этимъ не пытая своей социальной личности. Точно также судья или государственному человѣку ихъ официальное обличіе воспрепятствуетъ вступать въ денежные сдѣлки, хотя-бы онъ считался вполне почтеннымъ и не роняющимъ достоинства частныхъ лицъ. Не рѣдко приходится слышать, какъ люди отгѣняютъ разность своихъ социальныхъ личностей: «какъ человѣкъ, я вполне вамъ сочувствую, но какъ должностное лицо пошадить васъ не могу» или «въ качествѣ политическаго дѣятеля я вынужденъ смотрѣть на него, какъ на союзника, но опъ мнѣ, въ смыслѣ нравственной личности, противенъ». То, что можно назвать «профессиональнымъ мнѣніемъ», играетъ въ жизни чрезвычайно важную роль. Воръ не долженъ красть у другого вора; для игрока обя-

зательна уплата карточнаго долга, хотя онъ и не подумаетъ выполнять иныхъ долговъ. Точно также законъ чести «порядочнаго общества» былъ въ теченіе всей исторіи переполненъ запрещеніями и разрѣшеніями, а единственнымъ основаніемъ ихъ было желаніе послужить какъ можно лучше одному изъ своихъ социальныхъ «я». Вы, напр., вообще не допускаете обмана, но имѣете полное право згать безъ зазрѣнія совѣсти, обѣлая ваши отношенія къ какой-нибудь дамѣ; для васъ обязательно принять вызовъ отъ ровни, но если васъ на дуэль вызоветъ личность, писавшая по общественному положенію, вы вправѣ ее только высмѣять. Приниравъ этихъ, я полагаю, достаточно для выясненія значенія «социальной личности».

Духовное «мое». Подъ духовнымъ «моимъ», насколько то касается моего эмпирическаго «я», здѣсь подразумѣвается не одно какое-либо преходящее состояніе моего сознания. Я подъ этимъ понимаю скорѣ цѣлую совокупность состояній моего сознания, моихъ душевныхъ способностей и наклонностей, вылитыхъ конкретно. Эта совокупность въ любое мгновеніе можетъ сдѣлаться объектомъ моей мысли, совершающейся сейчасъ, и вызывать эмоціи, сходныя съ тѣми, какія во мнѣ пробуждаются иными частями моего эмпирическаго «я». Напр., когда мы думаемъ о себѣ самихъ, какъ о мыслителяхъ, мы представляемъ себѣ остальные стороны нашего «Его» чѣмъ-то внѣшнимъ, хотя и принадлежащимъ намъ. Но и въ предѣлахъ нашего духовнаго «Его» нѣкоторые элементы его рисуются намъ болѣе для насъ внѣшними, чѣмъ другіе. Напримѣръ, наша способность къ воспріятію ощущеній представляется намъ, такъ сказать, менѣе интимно принадлежащей намъ, чѣмъ, напр., наши эмоціи или желанія; умственные процессы, въ насъ совершающіеся, менѣе непосредственно принадлежать намъ, чѣмъ рѣшенія нашей воли. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе въ нашихъ состояніяхъ сознания оказывается дѣятельнаго чувствованія, тѣмъ болѣе они кажутся намъ центральными частями нашего духовнаго «Его». Истинный центръ или ядро нашего «Его», насколько мы знаемъ о немъ,—такъ сказать, самое святилище нашей жизни, есть то чувство дѣятельнаго состоянія, которымъ обладаютъ нѣкоторые внутреннія состоянія наши. Это чувство дѣятельности нерѣдко принималось за непосредственное раскрытіе или откровеніе живой субстанціи (сущности) нашей души. Такъ ли это или не такъ—вопросъ, къ которому мы вернемся впоследствии.

Пока я хочу только отмѣтить тотъ своеобразный внутренній характеръ, какой имѣютъ душевныя состоянія, обладающія свойствомъ казаться дѣятельными. Производитъ это такое впечатлѣніе, будто известныя душевныя состоянія стремятся на встрѣчу всѣмъ остальнымъ элементамъ нашего опыта. Весьма вѣроятно, всѣ люди согласятся, что они испытываютъ именно такое чувство.

б) Чувствованіи и эмоціи, вызываемыя составными элементами личности.

Самоопредѣленіе или самооцѣнка. Самоопѣнка бываетъ двухъ, одовъ— либо это «самодовольство», либо «недовольство собою». Самолюбіе же скорѣ слѣдуетъ отнести къ категоріи е (стр. 136), т. е. «дѣйствій», ибо люди съ повятіемъ самолюбія скорѣ связываютъ известную группу дѣятельныхъ стремленій, чѣмъ чувствованій, въ точномъ смыслѣ слова.

Язык имѣет достаточный запасъ синонимовъ для обозначенія обихъ родовъ самооцѣнки. Такъ, съ одной стороны мы отмѣчаемъ гордость, самодовольство, суебность, самоуваженіе, заносчивость, тщеславіе; съ другой же стороны—скромность, смиреніе, смущеніе, недовѣріе къ самому себѣ, стыдъ, униженіе, сокрушеніе, страхъ передъ пересудами и личное отчаяніе. Эти два противоположныхъ класса чувствованій представляются намъ какъ бы элементарными свойствами нашей природы. Подборники теории ассоціационнаго сказали-бы, что эти чувствованія есть явленія вторичныя (производныя) возникающаго изъ быстраго итога пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, итога, къ которому насъ, повидимому, способенъ приводить нашъ прежній опытъ, благополучіе или наоборотъ; причемъ сумма представлений пріятныхъ складывается въ самодовольство, а сумма представлений тягостныхъ—въ противоположное чувство стыда. Несомнѣнно, когда мы чувствуемъ самодовольство, мы перебираемъ съ пріятнымъ чувствомъ всевозможныя награды за наши заслуги; наоборотъ при приступахъ отчаянія мы предсказываемъ себѣ всякія напасти. Но голое ожиданіе награды не есть еще самодовольство, какъ опасеніе бѣды не есть еще отчаяніе; и для того и для другого требуется извѣстный, взятый въ среднемъ тонъ самочувствія, который каждый изъ насъ носитъ въ самомъ себѣ, и который не зависитъ отъ объективныхъ поводовъ къ удовольствію или недовольству. Благодаря этому, человекъ, хотя и жалко обставленный, можетъ тяготѣть къ непоколебимому самодовольству и наоборотъ человекъ, которому преуспѣваніе въ жизни вполне обезпечено, можетъ тѣмъ не менѣе до самой кончины оставаться неувереннымъ въ своихъ силахъ.

Можно впрочемъ сказать, что нормальнымъ возбудителемъ самочувствія является пережитый успѣхъ или неудача; а равно благоприятное или неблагоприятное положеніе, какое человекъ занимаетъ въ свѣтѣ. «Сунувъ пальцы, онъ вытащилъ сливу и сказалъ: «какой я умный мальчикъ». Человекъ, съ широко разросшимся опытнымъ Его, взисканный сплюю, которая пензѣнно обезпечивала ему успѣхъ, обладающій положеніемъ, богатствомъ, друзьями и добрыми именами, едва ли будетъ охватывъ болезненнымъ недовѣріемъ къ самому себѣ и сомнѣніями, какія онъ, пожалуй, испытывалъ въ юношескомъ возрастѣ. «Я ли не создалъ въсячіе сады Вавилона!» А тѣмъ временемъ другой человекъ, который совершалъ промахи за промахомъ и посреди житейскаго пути, сраженный неудачами, свалился, не взобравшись на гору, конечно, проникается болезненною неуверенностью въ самомъ себѣ и опасается даже такихъ испытаній, съ которыми ему справиться подъ силу.

Самыя эмоціи самодовольства и подавленности однородны и, — въ одинаковой мѣрѣ съ бѣшенствомъ и болью,—подлежать отпесненію къ виду первичныхъ эмоцій. Каждая изъ нихъ находитъ себѣ и физиономическое выраженіе. При приступѣ самодовольства разгибающія мышцы инертируются, глаза сіяютъ и ликуютъ, походка дѣлается упругою и покачивающеюся, ноздри раздуваются, а на губахъ играетъ своеобразная улыбка. Всѣ эти симптомы въ ихъ цѣломъ составѣ можно отчетливо наблюдать въ больницахъ для умалишенныхъ; тамъ всегда найдутся пациенты, страдающіе манією величія, и ихъ самоуверенность, нелѣпо надменные и развязныя ужимки представляютъ трагическій пон-

трасть съ полнѣйшимъ отсутствіемъ сколько нибудь пѣнныхъ личныхъ качествъ. Въ тѣхъ же пріютахъ отчаянія можно найти яркіе образцы противоположнаго типа физиономій въ лицѣ простаковъ, воображавшихъ себѣ, что они, совершивъ «неизгладимый грѣхъ», обречены на вѣчную гибель; поэтому они припадаютъ къ землѣ, держатся униженно, робко прячутся и не рѣшаются ни громко говорить, ни смотрѣть постороннимъ въ глаза. Подобно страху и гнѣву, при тождествѣ болезненныхъ условій, и эти противоположныя чувствованія личности повышаются до возбужденія вѣтъ всякой соразмѣрности съ обуславливающими ихъ причинами. Впрочемъ, фактически мы по собственному опыту знаемъ, насколько со дня на день поднимается и падаетъ барометръ нашего самоуваженія и довѣрія къ себѣ скорѣе отъ физическихъ воздѣйствій нашего организма, чѣмъ отъ причинъ рациональныхъ, и ужъ, конечно, эти смѣны субъективнаго самоощущенія не совпадаютъ съ пзмѣненіями уваженія, какія къ намъ питаютъ наши друзья.

е) Самообезпеченіе и самосохраненіе. Подъ эти понятія подходятъ значительное число коренныхъ нашихъ инстинктивныхъ побужденій. Такъ, мы различаемъ тѣлесное, социальное и духовное самоисканіе.

Тѣлесное самообезпеченіе.

Всѣ обычныя и плѣсообразныя рефлекторныя дѣйствія и движенія, направленные на питание и защиту, — суть дѣйствія физическаго самосохраненія. Страхъ и гнѣвъ наталкиваютъ на дѣйствія плѣсообразныя въ данномъ направленіи. Если подъ самообезпеченіемъ мы условнымъ разумѣть заботы въ предвидѣніи будущаго, а подъ самосохраненіемъ—все, что насъ обезпечиваетъ въ настоящемъ, то гнѣвъ и страхъ придется отнести подъ одну категорію вмѣстѣ съ инстинктами, заставляющими насъ охотиться, заготавливать запасы, строить дома, дѣлать полезныя орудія, и все это мы станемъ разсматривать, какъ побужденія къ физическому самообезпеченію. Эти инстинкты, впрочемъ, вмѣстѣ съ наклонностью къ любви, родительскою привязанностью, любознательностью и соревнованіемъ, направляются не только на развитіе физической нашей личности, но преслѣдуютъ интересы нашего матеріальнаго «Его», въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Наше социальное самообезпеченіе. Оно, въ свою очередь, поддерживается непосредственно съ помощью присущихъ намъ: наклонности къ любви и дружбѣ, жаждѣ славы, вліянія и власти, желанія нравиться и вызывать восторги; косвенно же оно питается всевозможными побужденіями, направленными на заботы о матеріальномъ благосостояніи, поскольку побужденія эти оказываются средствомъ, пригоднымъ для социальныхъ плѣей. Что непосредственныя побужденія къ заботамъ о социальной «Его», вѣроятно, являются чистыми инстинктами, уразумѣть не трудно.

Въ желаніи «привлечь на себя вниманіе другихъ» достоинъ вниманія тотъ фактъ, что сила этого желанія мало имѣетъ общаго съ истинною «тѣною заслугъ», опирающеюся на критеріи чувства или разума.

Мы безъ всякихъ разумныхъ основаній удлинимъ списокъ лицъ, которымъ нужно будто бы сдѣлать визиты, и только затѣмъ, чтобы имѣть возможность сказать, когда назовутъ чью нибудь фамилію: «А, я хорошо его знаю», и чтобы на улицѣ раскидываться чуть что не съ половиною грѣшныхъ. При этомъ, само собою разуметъ, что особенно желатель-

всѣмъ имѣть выдающихся друзей и самому отъ другихъ пользоваться вниманіемъ и восхищеніемъ. Такъ-то гдѣ-то просить читателей откровенно признаться, не былъ ли бы любой изъ нихъ чрезвычайно доволенъ, если бы имѣлъ возможность показаться разгуливающимъ по лучшей улицѣ Лондона съ двумя герцогами по бокамъ. За отсутствіемъ герцоговъ и завистливыхъ поклоновъ мы не брезгуемъ ни малѣйшей мелочью, лишь бы привлечь къ себѣ вниманіе. Въ наши дни громадная масса людей одержима страстью видѣть свое имя въ газетахъ, безразлично, въ какомъ бы отдѣлѣ это ни случилось, — въ отдѣлѣ ли «пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ», «хроникѣ», въ интервью или въ связи хотя бы съ крупнымъ скандаломъ. Гито, покусившійся на жизнь президента Гарфильда, является примѣромъ того, до какихъ крайностей можетъ доходить въ патологическихкихъ случаяхъ эта жажда — быть замѣченнымъ печатью. Весь умственный горизонтъ подобнаго чловека замкнутъ въ предѣлахъ газетъ, и въ молитвѣ, прочтенной бѣдняго на эшафотѣ, наиболѣе, пожалуй, прочувствовано было слѣдующее характерное выраженіе: «газетной прессѣ этой страны придется представить тебѣ, Господи, длинную защитительную рѣчь!»

Не только люди, но даже мѣстности и предметы, которые мнѣ известны, расширяютъ мое «я» нѣкотораго рода метафорически-соціальнымъ способомъ. «Оно меня знаетъ» восклицаетъ французскій рабочий, говоря объ орудіи своего мастерства, которымъ хорошо владѣетъ. Такимъ же образомъ выходитъ, что мы добиваемся вниманія даже и такихъ личностей, мнѣніемъ которыхъ не дорожимъ. Точно также многие дѣйствительно великіе люди, многіе, дѣйствительно разборчивыя во многихъ отношеніяхъ, женщины способны заботиться о впечатлѣніи, производимомъ ими на какого-нибудь ничтожнаго пошляка, личность котораго, въ ея цѣломъ, они презираютъ всѣмъ сердцемъ.

Духовное самообезпеченіе. Въ эту главу слѣдуетъ внести всякое побужденіе, направленное къ психическому прогрессу — будетъ-ли онъ прогрессомъ умственнымъ, нравственнымъ или духовнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ. Слѣдуетъ впрочемъ допустить, что значительная часть того, что обыкновенно считается духовнымъ самообезпеченіемъ въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова, сводится къ заботамъ о матеріальномъ и социальномъ самообезпеченіи за предѣлами могилы. Въ стремленіи магометанина попасть въ рай и стремленіи христіанина избѣжать адскихъ мученій одинаково сказывается ничѣмъ не прикрытая матеріалистичность испомыхъ благъ. Тамъ, гдѣ загробная жизнь разсматривается съ болѣе положительной и утопченной точки зрѣнія, многія изъ ея благъ, — какъ присутствие божества, общеніе съ усопшими родственниками и святыми, — есть не болѣе, какъ социальныя блага наиболѣе возвышенной категоріи. Чистымъ-же духовнымъ самообезпеченіемъ можно считать только исканіе подъема нашей внутренней природы, ея незапятнанность грѣхомъ, какъ въ здѣшнихъ мірѣ, такъ и за гробомъ. Но этотъ широкій внѣшній обзоръ фактовъ жизни нашего я былъ бы неполонъ, если бы мы не разсмотрѣли еще:

Соперничества и столкновенія между различными эмпирическими «Его».

Когда представляется много предметовъ для пожеланій, то наша матеріальная природа ограничиваетъ выборъ только однимъ изъ этихъ

многихъ, представляющихся намъ благъ; тоже замѣчается и въ области выбора нами эмпирическихъ «Его». Я часто становлюсь лицомъ къ лицу съ необходимостью остановиться на одномъ изъ моихъ опытныхъ «Его», устранивъ остальныхъ. Не поуюму, чтобы я не хотѣлъ, если-бы могъ, быть сразу и здоровымъ и красивымъ, и щеголемъ, и силачемъ, и миллионеромъ, и острякомъ, и bon-vivant, покорителемъ женскихъ сердецъ, и филантрофомъ, и филантропомъ, и государственнымъ дѣятелемъ, и воиномъ, и изслѣдователемъ Африки, и моднымъ «поэтомъ», и святымъ. Дѣятельность миллионера не совмѣщается съ подвижничествомъ святого, бопвиванъ едва ли можетъ ужиться въ одной шкурѣ съ филантропомъ, а философъ и покоритель сердецъ плохо укрываются подъ одной оболочкою. Столь различные свойства могутъ казаться возможными совмѣстно, только въ ранней юности. Но для того, чтобы осуществить къ дѣйствительности хотя бы одно изъ этихъ свойствъ, всѣ остальные должны быть болѣе или менѣе подавлены. Такимъ образомъ, тотъ, кто ищетъ обезпечить свою самую настоящую, наиболѣе сильную и глубокую личность, долженъ тщательно провѣрить этотъ списокъ, отмѣтить тотъ путь, на которомъ онъ можетъ ожидать успѣха. Благодаря этому, всѣ другія «Его» утратятъ дѣйствительность, кромѣ одного, судьба котораго дѣйствительна.

Неудачи этой социальной личности суть дѣйствительныя неудачи, а ея успѣхи — реальныя успѣхи, причемъ первыя ведутъ за собою посрамленіе, а другія — радость. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ строгій обращекъ того душевнаго подбора, о которомъ я говорилъ нѣсколькими страницами выше. Наша мысль, безпрестанно рѣшающая, какой изъ множества однородныхъ предметовъ, представляющихся ей, долженъ быть реальнымъ, здѣсь точно также дѣлаетъ выборъ одного изъ многихъ возможныхъ «Его» или характеровъ, и затѣмъ уже не считаетъ постыднымъ, если потерпитъ неудачу въ остальныхъ возможныхъ «Его», которыя ею не признаны сознательно принадлежащими ей.

Изъ предыдущихъ разсужденій возможно построить такой парадоксальный случай, доводя до крайности два вышеописанныхъ типа: 1-й парадоксъ — о чловека огорченномъ, до смерти мыслью о томъ, что онъ оказался не первымъ, а только вторымъ кулачнымъ бойцомъ или вторымъ гребцомъ, въ мірѣ. Его не утѣшаетъ то, что онъ могъ-бы побить всѣхъ обитателей міра за исключеніемъ одного. И пока это имъ не сдѣлано, онъ ставитъ ни во что всѣ остальные свои успѣхи. Въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ является какъ бы не существующимъ, и онъ, дѣйствительно, не существуетъ. — А вонъ рядомъ заморышъ, котораго всякій можетъ побороть, и онъ нисколько не огорчается своимъ слабосплѣмъ, потому что давнымъ давно отказался отъ попытки для своего «Его» «вести эту линію», — какъ говорятъ купцы, — но тамъ, гдѣ нѣтъ попытокъ, нѣтъ и неудачъ, а гдѣ отсутствуютъ неудачи — не можетъ быть и униженія.

Такимъ образомъ, наше самочувствіе въ этомъ мірѣ обуславливается вполне тѣмъ, чѣмъ мы жаждемъ сдѣлаться, или тѣмъ, что мы жаждемъ сдѣлать. Это опредѣляется отношеніемъ, въ какомъ стоятъ наши наличныя силы или способности къ силамъ и способностямъ, предполагаемымъ возможнымъ; это — дробь, въ которой знаменателемъ являются наши претензіи, а числителемъ — нашъ успѣхъ: такъ, самоуваженіе = $\frac{\text{успѣхъ}}{\text{претензіи}}$.

Дробь эта будет возрастать как по мѣрѣ уменьшенія знаменателя, такъ и по мѣрѣ увеличенія числителя. Уменьшеніе претензій составляетъ столь же блаженное успокоеніе, какъ и осуществленіе ихъ. И тамъ, гдѣ борьба безконечна, а разочарованіе въ успѣхѣхъ безпрестанно, тамъ неизбежно явится отказъ отъ своихъ претензій. Исторія протестантскаго богословія съ его понятіемъ о грѣхѣ, съ его отчаяніемъ въ собственныхъ силахъ и сомнѣніемъ въ возможности спасенія при посредствѣ добрыхъ дѣлъ, является самымъ глубокимъ примѣромъ этому. Но и въ обыденной жизни мы встрѣчаемъ безпрестанно тоже: человѣкъ испытываетъ облегченіе, разъ его ничтожество въ какомъ нибудь частномъ направленіи признано имъ окончательно и увѣренно. Когда влюбленному отвѣчаютъ на его признаніе рѣшительнымъ и неумолимымъ «нѣтъ», въ этой рѣшительности есть для него кое-что успокаивающее. Многие бостонцы обоего пола (боюсь тоже сказать объ обитателяхъ другихъ городовъ, такъ какъ не увѣренъ въ этомъ) были бы несравненно счастливѣе, если бы могли разъ на всегда отказаться отъ мысли развить въ себѣ музыкальное «Его», и не считали позоромъ то, что они смѣшиваютъ наборъ музыкальных звуковъ съ симфоніей. Какое блаженство наступаетъ въ тотъ день, когда мы рѣшаемся, наконецъ, откинуть претензіи казаться молодыми или молодцоватыми. «Слава тебѣ, Господи,—говоримъ мы,—наконецъ то эта иллюзія прошла!» Все то, что мы прибавляемъ къ своему «Его», является въ столько же бременемъ, какъ и предметомъ гордости. Нѣкто, потерявъ въ послѣдней американской войнѣ все свое состояніе и дойдя до крайней нищеты, увѣрялъ, что никогда во всю свою жизнь онъ не чувствовалъ нищеты, увѣрялъ, что никогда во всю свою жизнь онъ не чувствовалъ нищеты, увѣрялъ, что никогда во всю свою жизнь онъ не чувствовалъ нищеты, увѣрялъ, что никогда во всю свою жизнь онъ не чувствовалъ нищеты. Этотъ фактъ лишний разъ подтверждаетъ, что наше самочувствіе всецѣло лежитъ въ нашей власти. Кардэилъ замѣчаетъ: «Сведи къ нулю твои притязанія на вознагражденіе, и тогда весь міръ отутится подъ твою пятою. Совершенно справедливо сказалъ величайшій писатель нашего времени, что, строго говоря, жизнь начинается только съ отреченія».

Ни угрозы, ни убѣжденія не подѣйствуютъ на человѣка, пока они не затрогиваютъ какое-либо изъ его социальныхъ «Его»—дѣйствительное или возможныхъ для него. Этимъ только путемъ и возможно оказать вліяніе на чужую волю и даже завладѣть ею. Поэтому первою заботою дипломата, вѣдущаго переговоры, и всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ властвовать и управлять, является отысканіе у своихъ жертвъ наиболѣе сильнаго начала ихъ самооцѣнки, чтобы на это начало направить всѣ дальнѣйшія свои дѣйствія. Но когда человѣкъ становится выше тѣхъ претензій, которыя зависятъ отъ чужой воли, и когда онъ перестаетъ смотрѣть на эти претензіи, какъ на часть самого себя, мы совершенно безсильны овладѣть имъ. Стоицескій рецептъ довольства состоитъ въ томъ, чтобы пріучить себя заранѣе отказываться отъ всего, что лежитъ внѣ нашей собственной силы или власти,—тогда всѣ удары судьбы будутъ проходить для насъ нечувствительно. Эпиктетъ совѣтуетъ—этими служиваніемъ и укрѣпленіемъ нашей личности дѣлать ее неуязвимой: я долженъ умереть,—говоритъ онъ,—прекрасно, но долженъ-ли я, умирая, жаловаться на это? Я стану попрежнему высказывать открыто все то, что считаю истиной, а если тиранинъ пригрозитъ мнѣ за это смертью, я отвѣчу: «развѣ я говорилъ

тебѣ когда нибудь, что я безсмертенъ? Ты будешь дѣлать свое дѣло, а я стану дѣлать свое: твоѣ дѣло—убивать, а мнѣ умирать безстрашно; твоѣ дѣло—обречь меня на изгнаніе, а мое—удалиться безъ малѣйшей тревоги». Какъ мы поступаемъ, предпринимая путешествіе? Мы избираемъ для этого кормчаго, матросовъ и благоприятный часъ. Но наступаетъ буря. О чемъ тутъ мнѣ заботиться? Моя роль, вѣдь, уже сыграна. Этотъ предметъ принадлежитъ къ вѣдѣнію кормчаго! Судно, однако-же, тонетъ, что же теперь то мнѣ дѣлать? Единственно то, что я могу сдѣлать—примириться съ тѣмъ, что я утону безъ страха, воплей и безъ упрековъ божеству, какъ подобаешь тому, кто знаетъ, что все рожденное должно и умереть». Надо сознаться, что этотъ стоицескій взглядъ, хотя онъ и полезенъ и довольно героиченъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ, однако, такая философія можетъ стать обычнымъ душевнымъ процессомъ только у несимпатичныхъ и ограниченныхъ характеровъ. Такая разсужденія строятся только на выключеніяхъ. Если я стоикъ, то всѣ блага, какія я не могу себѣ приобрести, перестаютъ быть для меня благами, а тутъ не далеко до искушенія и совсѣмъ отвергнуть въ нихъ благо. Эта уловка охранять свою личность путемъ выключеній и отрицаній весьма обычна въ разсужденіяхъ людей, во всемъ прочемъ не сходящихся со стоиками. Всѣ узкіе люди обносятъ окопами свое я, и отвлекаютъ его отъ области того, чѣмъ просто завладѣть не могутъ. Люди, которые на нихъ не похожи, или къ нимъ относятся безъ уваженія,—люди, не доступные ихъ вліянію—оказываются въ ихъ глазахъ субъектами, къ самому существованію коихъ они относятся съ холоднымъ отрицаніемъ, если не съ положительною ненавистью—какъ бы на самомъ дѣлѣ ни были почтенны эти люди.

«Кто не хочетъ быть моимъ, тотъ для меня не существуетъ вовсе; т. е. насколько это возможно для меня,—я буду поступать такъ, какъ еслибы такого лица не было. Такимъ образомъ, исключительность и определенность, съ какою я очерчиваю границы моеѣ личности, можетъ вознаграждать меня за скудость ея внутренняго содержанія».

Люди дружелюбные дѣйствуютъ какъ разный наоборотъ, путемъ расширения границъ своей личности до вліянія въ нее всѣхъ ближнихъ. Пусть границы ихъ личности и страдаютъ вѣкоторою неопредѣленностью, это съ лихвою выкупается расширеніемъ ея содержанія. Nil humani a me alienum (ничто человеческое мнѣ не чуждо). Пусть люди презираютъ мою ничтожную личность, пусть они со мною обращаются какъ съ собакою, да я-то,—доболь держится у меня душа въ тѣлѣ,—не стану къ нимъ относиться отрицательно. Люди—такая же реальность, какъ и я. То положительное добро, которое въ нихъ есть, я сдѣлаю своимъ». Великодушіе подобныхъ дружелюбныхъ открытыхъ натуръ подчасъ, въ самомъ дѣлѣ, бываетъ трогательно. Подобные люди могутъ чувствовать нѣчто въ родѣ утонченнаго восторга, порождаемаго мыслью, что пусть они слабы и некрасивы, дурно обставлены и всѣми позабыты, а все-таки являются нераздѣльной частичкою этого чуднаго міра, владѣютъ товарищескимъ паемъ въ силѣ ломовыхъ лошадей, въ радостяхъ молодежи, въ мудрости мыслителей, и не совсѣмъ безучастны къ богатству Вандербильдовъ и самихъ Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ, относясь ли къ ближнимъ отрицательно или обнимая ихъ любовью, наше «Его» пытается утвердить себя

въ качествѣ реально существующаго. Кто выѣстъ съ Маркомъ Авреліемъ искренне говорить: «О, вселенная, всего того, чего желаешь ты, желаю и я», тотъ развилъ въ себѣ личность, въ которой устранены все слѣды отрицательности и отказа отъ благъ природы, такъ что всякое дуновение жизни можетъ дать силу его парусамъ.

Іерархія различныхъ «Его». Установилось довольно единодушное мнѣніе на счетъ классифицированія различныхъ «Его», которые могутъ заключаться въ одномъ человѣкѣ или «овладѣвать» имъ; эта классификація въ то же время обозначаетъ и различные взгляды человѣка на самого себя (самоопредѣленія). Такія различія размѣщаются въ плѣтую іерархическую лѣстницу, которая начинается съ физическими «Его», а на вершинѣ заканчивается духовнымъ «я»; въ промежуткѣ же размѣщаются внѣтѣлесно-матеріальныя и разнообразныя соціальныя «я».

Даже одно только естественное стремленіе къ самообезпеченію привело бы насъ къ увеличенію числа нашихъ «Его», причемъ обдуманно мы избираемъ только тѣ изъ нихъ, которыя можемъ удержать за собою. Такимъ образомъ, отсутствие своекорыстія можетъ сдѣлаться въ насъ «добродѣтельно поневолѣ»; и, описывая наши совершенствованія по этой части, циники не безъ резонныхъ основаній ссылаются на басню о лисицѣ и зеленомъ виноградѣ. Но тутъ дѣло идетъ о нравственномъ воспитаніи всей расы; а если мы подведемъ итогъ, состоящій въ томъ, что въ обществѣ личности, которыя мы можемъ сохранять за собою, внутренне лучше, то намъ уже нѣтъ нужды жаловаться на то, что въ достиженіи ихъ высшей цѣлности мы приводимся терпимымъ путемъ.

Разумѣется, это не единственный путь, какимъ мы научимся подчинять низшія сторяны нашей личности высшимъ. Прямое нравственное сужденіе, несомнѣнно, имѣетъ здѣсь свою долю значенія и въ концѣ концовъ значеніе не ничтожное, когда мы примѣняемъ къ самимъ себѣ сужденія, вызванныя въ насъ изначальными поступками постороннихъ лицъ. Однимъ изъ наиболее странныхъ законовъ нашей природы является то, что многое, удовлетворяющее насъ, когда мы находимъ его въ себѣ, не нравится намъ, когда мы его замѣчаемъ въ другихъ. Едва ли, напр., кто нибудь примирится съ чужимъ физическимъ «неряшествомъ»; точно также въ другихъ мы не выносимъ жадности, суетности, запальчивости, ревности, самолюбства и гордости. Будь я предоставленъ совершенно самому себѣ, я, вѣроятно, далъ бы себѣ нѣпроизвольнымъ наклонностямъ распѣсти въ моей особѣ безпрепятственно и потребовалось бы не мало времени прежде, чѣмъ во мнѣ образовалось бы понятіе о томъ, въ какомъ порядкѣ подчинить эти свойства одни другимъ. Но имѣя непрестанно случаи составлять сужденія о себѣ подобныхъ, я, какъ замѣчаетъ г. Горвидъ, начинаю разбирать в мои собственные страсти въ зеркалѣ чужихъ страстей, и начинаю думать о нихъ теперь значительно иначе, чѣмъ прежде я ихъ чувствовалъ. Само собою разумѣется, что общія нравственные обобщенія (т. е. общія правила), внушныя мнѣ въ дѣтствѣ, чрезвычайно ускоряютъ появленіе во мнѣ этихъ отраженныхъ сужденій о самомъ себѣ.

Такимъ-то образомъ и происходитъ, какъ уже было сказано выше, что люди распределяютъ различныя «Его», которыхъ они могутъ добиваться въ себѣ, по известной іерархической лѣстницѣ, соотвѣтствующей различному достоинству этихъ «Его».

Извѣстная доля тѣлеснаго эгоизма лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ «Его». Но при разсмотрѣніи другихъ качествъ индивидуума, излишекъ чувственности понижаетъ ихъ, а въ лучшемъ случаѣ ослабляетъ ихъ значеніе. Болѣе широкое матеріальное «Его» (см. выше) считается болѣе высокимъ, чѣмъ непосредственное тѣло. Кто не способенъ поступиться нѣкоторою долей такихъ благъ, какъ пища, питье, тепло и сонъ, ради преуспѣянія въ мірѣ, тотъ считается жалкимъ созданіемъ. Въ свою очередь соціальное «Его», какъ цѣлое, ставится выше, чѣмъ матеріальное «Его» во всей его совокупности. О нашей чести, друзьяхъ и общественныхъ обязанностяхъ мы должны заботиться болѣе, чѣмъ о цѣлостности нашей шкуры и имущественномъ нашемъ благосостояніи. Духовное же «Его» представляется драгоценнымъ и стоящимъ выше всѣхъ другихъ настолько, что всякій изъ насъ долженъ лучше липаться друзей доброй славы, имущества и самой жизни, чѣмъ утратить это «Его».

Въ любимъ изъ видовъ «Его», т. е. матеріальномъ, социальномъ и духовномъ, люди различаютъ непосредственное и дѣйствительное «я» отъ отдаленнаго и возможнаго, а также болѣе узкіе взгляды отъ болѣе широкихъ, — причемъ преимущество отдается этимъ вторымъ качествамъ передъ первыми. Каждый долженъ предпочесть физическимъ наслажденіямъ даннаго мгновенья свое общее здоровье; каждый долженъ пожертвовать талеръ, имѣющійся у него, ради сотни талеровъ, которые получить за это; каждый долженъ предпочесть нажить себѣ врага среди своихъ теперешнихъ знакомыхъ, если, благодаря этому, онъ приобрететъ дружбу человѣка, принадлежащаго къ болѣе высокому и цѣнному кругу общества; точно также, каждому лучше отказаться отъ учести, извѣстнаго и остроумія, чѣмъ отъ спасенія души.

Изъ всѣхъ этихъ болѣе широкихъ «Его» наибольшій интересъ представляетъ возможное соціальное «Его» благодаря тѣмъ очевиднымъ парадоксамъ, къ которымъ оно ведетъ въ поведеніи, и благодаря его связи съ нашей моральною и религиозною жизнью.

Когда, побуждаемый мотивами чести и совѣсти, я игнорирую суровый приговоръ обо мнѣ моею собственной семьей, или клубныхъ товарищей, или среды, въ которой врашаюсь; когда протестанство мѣняю на католичество, а изъ католика обращаюсь въ свободнаго мыслителя, или изъ «правильно-практикующаго» врача—въ гомеопата и т. д., я нахожу вознагражденіе—за слѣдованіе по новому пути и за утрату прежняго моего соціальнаго «Его»—въ мысли, что могутъ найтись другіе и лучшіе соціальныя судьи, которые оцѣнятъ меня правильнѣе, чѣмъ тѣ, къ которымъ я осужденъ теперь.

Идеальное соціальное «Его», для котораго я добиваюсь признанія и оцѣнки, можетъ быть очень отдаленно; оно можетъ представляться какъ едва возможное; я могу даже не надѣяться на осуществленіе этого «Его» въ те-

не собственной жизни; могу даже ожидать, что грядущія поколѣнія, которыя могли бы оправдать, если-бы знали, не будутъ ничего знать обо мнѣ, когда я умру и исчезну. И тѣмъ не менѣе чувство, волнуемое мною въ это время, есть несомнѣнно стремленіе къ идеальному социальному «Его», къ такому «Его», которое было-бы по меньшей мѣрѣ признано лучшимъ по мнѣнію возможнаго высшаго судьи—единомышленника, если-бы такой единомыслитель былъ. Это «Его»—есть то истинное, современное, окончательное, непреходящее и социальное «Его», котораго я ищу. Его судья есть «Богъ», или «Абсолютный Духъ», или «Великій спутникъ»¹⁾. Въ нашу эпоху научнаго просвѣщенія много спорить о дѣйствительности молитвы; приводятся доводы за молитву и противъ нея, но разсужденія эти мало разъясняютъ причины того, почему мы отдаемся молитвѣ, которая просто такова, что мы не можемъ помочь себѣ ею. Весьма вѣроятно, что, не смотря на науку, люди будутъ молиться до конца временъ, если только умственная ихъ сущность не подвергнется такимъ измѣненіямъ, ожидать коихъ пока нѣтъ повода. По всей вѣроятности, влеченіе къ молитвѣ есть необходимое слѣдствіе того факта, что, хотя наше сокровеннѣйшее «Его» и социального типа, но оно, однако, можетъ найти себѣ соответствующее «общество» (Socius) только въ идеальномъ мірѣ.

Весь прогрессъ въ социальномъ «Его» сводится къ тому, что на мѣсто сравнительно низшихъ судилищъ мы ставимъ сравнительно высшіе и, наконецъ,—самое высшее, идеальное судилище, о которомъ сейчасъ говоримъ; и большая часть людей постоянно, или только въ извѣстныхъ случаяхъ,—звываетъ къ этому идеальному суду въ тайникахъ своего сердца.

Ничтожѣйшій изъ отверженцевъ земного міра можетъ проникнуться сознаниемъ своей мощи, опираясь на признаніе высшихъ идеаловъ. Съ другой стороны, для огромнаго большинства изъ насъ, если мы не обладаемъ этимъ спасительнымъ внутреннимъ приближеніемъ, когда вышнее социальное «Его» потеряло крушеніе и покинуло насъ, міръ показался бы бездной ужаса.

Я говорю «для огромнаго большинства», потому что отдѣльныя особи, весьма вѣроятно, сильно отличаются другъ отъ друга по степени того чувства, которое порождается въ нихъ этимъ идеальнымъ зрителемъ. Въ сознаниіи однихъ особей это чувство играетъ болѣе существенную роль, чѣмъ у другихъ.

Кто наиболѣе проникнутъ этимъ чувствомъ, тотъ, вѣроятно, является и наиболѣе религіознымъ человекомъ.

Я, впрочемъ, убѣжденъ, что даже люди, хвастающиеся непричастностью этому чувству, на самомъ дѣлѣ носятъ въ себѣ кое какія крупинцы его. Только животное, лишенное инстинкта общительности, можетъ совсѣмъ обойтись безъ этого чувства. Весьма вѣроятно, никто не могъ бы принести жертвы ради «справедливости», если бы принципъ справедливости, изъ за котораго приносятся жертвы, не олицетворялся до нѣкоторой степени, вызывая тѣмъ надежду на благодарность.

¹⁾ Этимъ терминомъ Джемсъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду обозначить тотъ голосъ внутреннего спутника (Даймонъ), о которомъ говоритъ Сократъ.

Другими словами, полное отсутствіе социального эгоизма едва ли возможно: полное социальное самоубійство едва ли мыслимо для человѣка.

Такія изреченія, какъ Іова—«Хотя онъ убиваетъ меня, но я буду вѣренъ Ему», или Марка Аврелія «Если боги ненавидятъ меня и дѣтей моихъ, значить, на это есть причина», всего менѣе могутъ быть приводимы въ доказательство противнаго. Вѣдь, несомнѣнно, Іовъ мысленно утѣшалъ себя тѣмъ, что послѣ того, какъ Божья кара надъ нимъ свершится, Іегова признаетъ его преданность; точно также Римскій императоръ былъ увѣренъ въ томъ, что абсолютный Разумъ не окажется совершенно равнодушнымъ къ его преклоненію предъ немилостью боговъ. Старинный искусъ благочестія: «Соглашаешься ли ты во славу Божью подвергнуться проклятію», едва ли получалъ утвердительный отвѣтъ отъ кого либо, кромѣ тѣхъ, кто въ тайникахъ сердца надѣялся, что имъ «на приходъ» будетъ записана эта добровольная готовность подвергнуться проклятію и что они отсюда извлекутъ большія выгоды, чѣмъ еслибы Господь въ непобѣдимыхъ путяхъ своихъ не подвергалъ ихъ проклятію вовсе.

Телеологическое значеніе самоопредѣленія.

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія зоологическаго принципа, не трудно показать, почему люди одарены побужденіями къ самообезпеченію и эмоціями довольства и недовольства собою. Если бы наше сознание не было чѣмъ-то большимъ, чѣмъ актъ голаго познанія, и если бы оно не отдавало предпочтенія нѣкоторымъ изъ объектовъ, размѣщаемыхъ въ извѣстной послѣдовательности, оно не могло бы надолго обезпечить за собою существованіе, ибо въ силу ненарушимой необходимости любое проявленіе человѣческой души на этой землѣ обусловлено: цѣлостью тѣла, которому эта душа принадлежитъ, тѣми воздѣйствіями, какимъ подвергается это тѣло отъ другихъ, и тѣми духовными наклонностями, которыми оно пользуется, какъ матеріаломъ и которыя ведутъ его къ долговѣчности или къ разрушенію. Поэтому, собственное тѣло, затѣмъ прежде всего его друзья и, наконецъ, его духовныя наклонности должны быть для каждой человѣческой души наиболѣе интересными объектами. Начать съ того, что каждая душа для самого своего существованія должна обладать извѣстнымъ минимумомъ эгоизма (себялюбія), въ видѣ инстинктовъ къ обезпеченію своего тѣлеснаго существованія. Этотъ минимумъ долженъ быть фундаментомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ сознательныхъ актовъ или самопожертвованія, или для эгоизма болѣе утонченнаго. Всѣ души должны были придти, если не прямо, то путемъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ, къ выработкѣ въ себѣ напряженнаго интереса относительно тѣхъ тѣлъ, въ которыя онѣ вѣдены, помимо свойственнаго имъ интереса къ чистому «Его».

Тоже замѣчается и относительно представленій о нашей личности, слагающихся въ чужихъ умахъ. Я бы не существовалъ теперь, если бы не обладалъ чувствительностью къ выраженіямъ одобренія и порицанія, читаемыхъ на лицахъ тѣхъ людей, среди которыхъ протекаетъ моя жизнь. Взгляды порицанія, бросаемыя окружающими на другихъ лицъ, не оказы-

ваютъ на меня этого особаго специфическаго впечатлѣнія. Точно также моя духовная сила интересуетъ меня лично несравненно болѣе, чѣмъ наблюдаемая въ постороннихъ людяхъ и по той же причинѣ. Я бы вовсе не находился, если бы не совершенствовалъ въ себѣ умственныхъ силъ и не предохранялъ ихъ отъ упадка. И тотъ же самый законъ, который первоначально заставилъ меня заботиться о моихъ душевныхъ силахъ, понуждаетъ меня и теперь заботиться о нихъ.

И вотъ эти то три объекта въ общей совокупности составляютъ естественное мое «Его» («Я»). Но всѣ они, строго говоря, суть объекты моего мышления, которые въ любое время могутъ быть даны въ мысли. И если зоологическая или эволюционная точка зрѣнія правильна, то нѣтъ основаній не допустить, что одинъ объектъ можетъ столь же первобытно и инстинктивно порождать страсти и интересы, какъ и всякій другой. Явленіе страсти по происхожденію и существу будетъ тождественно, какова бы не была та мишень, въ которую она разряжается, а какова именно эта мишень, въ которую въ данный моментъ должна разрядиться страсть, это вопросъ только факта. Можно себѣ представить, что я столь же сильно и непосредственно могу увлекаться заботами о тѣлѣ моего ближняго, какъ заботами о своемъ собственномъ. Такъ именно я и увлекаюсь заботами о тѣлѣ моего ребенка. Единственною преподною къ чрезмерному разростанію не эгоистическихъ интересовъ служить естественный подборъ, который уничтожилъ бы интересы, чрезчуръ вредные для особи или вида. Но многіе изъ не эгоистическихъ интересовъ остаются еще не уравновѣшенными; такъ, напр., влеченіе къ противоположному полу въ человеческомъ родѣ оказывается сильнѣе, чѣмъ оно требуется въ интересахъ полезности; а на ряду съ этими не эгоистическими интересами остаются интересы въ родѣ пристрастія къ спиртному самоотравленію или къ музыкальнымъ звукамъ, которые, насколько можно видѣть, не заключаютъ въ себѣ никакой полезности. И такъ, инстинкты доброжелательства въ людямъ и себялюбія взаимно соподчинены другъ другу. Они поднимаются, если можно такъ выразиться, на одинаковый психологическій уровень; единственная разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что инстинкты, называемые эгоистическими, образуютъ болѣе обширную массу.

И т о г ъ.

Нижеслѣдующая табличка можетъ служить итогомъ изложеннаго выше. Опытная жизнь нашего «Я» подраздѣляется, какъ указано ниже, на слѣдующія рубрики:

	Матеріальная.	Соціальная.	Духовная.
Самообезпеченіе.	Тѣлесныя вождѣнія и инстинкты. Любовь къ нарядамъ, щегольство, наклонность къ стяжанію имущества, стремленіе къ устроительству. Любовь къ собственному брову и т. п.	Желаніе нравиться, быть замѣченнымъ, вызывать восторги. Общительность, соревнованіе, зависть, любви, преслѣдованіе честолюбивыхъ замысловъ, самолюбіе и т. д.	Умственные, нравственные и религіозныя влеченія. Совѣстливость.
Самоуваженіе.	Личная сутеность, скромность и пр. Гордость богатствомъ. Страхъ предъ бѣдностью.	Соціальная и семейная гордость, тщеславіе, пошлая подражательность, смиреніе, стыдливость и пр.	Чувство нравственнаго или умственнаго превосходства, чистоты и пр. Сознаніе своей низменности или вины.

В) «Его», какъ познающее «я» или чистое «Его», представляетъ собою несравненно болѣе трудный предметъ для изслѣдованія, чѣмъ то наше «Его», которое мы назвали «опытнымъ» (эмпирическимъ). Это «я» есть то, которое въ любую данную минуту сознаетъ, тогда какъ опытное «Его» — одинъ изъ предметовъ, о которыхъ получается сознаніе. Другими словами, чистое «я» есть самъ «мыслящій». И тутъ непосредственно возникаетъ вопросъ: что-же такое этотъ «мыслящій»? Есть ли это преходящее состояніе самого сознанія, или нѣчто, лежащее глубже сознанія и менте измѣнчивое?

Преходящія состоянія, какъ мы уже видѣли, должны быть настоящимъ сдѣланиемъ перемены, а вѣдь каждый изъ насъ поименовольно считаетъ свое «я» остающимся всегда однимъ и тѣмъ-же. Это побудило большинство философовъ допустить позади преходящихъ состояній сознанія неизмѣнную Субстанцію или тотъ Дѣтель, видоизмѣненіе или дѣйствіе котораго и составляютъ преходящія состоянія сознанія. Этотъ Дѣтель и есть «мыслящій» (субъектъ), а преходящія состоянія сознанія суть его орудія или

средства. «Душа», «трансцендентное я», «духъ» — такими наименованиями обозначаютъ этотъ болѣе постоянный видъ «мыслящаго». Не входя пока въ точный разборъ этихъ понятій, мы прежде всего постараемся возможно яснѣе опредѣлить, что мы разумѣемъ подъ нашей идеей о переходящихъ состояніяхъ сознанія.

Единство переходящихъ состояній сознанія. — Уже тогда, когда мы говорили объ ощущеніяхъ, съ точки зрѣнія фехнеровской идеи объ ихъ измѣреніи, мы видѣли, что нѣтъ основанія называть ихъ сложными. Но то, что вѣрно относительно простѣйшихъ ощущений, вѣрно также и относительно мыслей о сложныхъ предметахъ, составленныхъ изъ многихъ частей. Однако, къ несчастью, это положеніе противорѣчитъ широко распространенному предразсудку, и въ защиту его приходится приводить болѣе пространные доводы. Здравый смыслъ и психологи всѣхъ почти направлений согласны въ томъ, что если объектъ мысли заключаетъ нѣсколько элементовъ, то и сама мысль о немъ должна состоять изъ такого-же точно количества идей, такъ что, для каждаго отдѣльнаго элемента въ предметѣ, есть и отдѣльная идея въ мысли, причемъ лишь по внѣшности онѣ сливаются въѣсть, а на самомъ дѣлѣ раздѣльны.

«Не трудно допустить, — говоритъ Джемсъ Милль, — что ассоціація образуется изъ идей о неопредѣленномъ числѣ индивидуумовъ одну сложную идею, потому что это фактъ признанный. Вѣдь имѣемъ же мы идею «арміи»? А развѣ это не идея неопредѣленнаго числа людей образовали одну идею?»

Подобныхъ цитатъ можно бы привести не мало, и читатель по первому впечатлѣнію самъ выскажется за нихъ. Предположимъ, напр., что мысль складывается такъ: «Кучка картъ лежитъ на столѣ». Если читатель начнетъ думать объ этомъ выраженіи, ему весьма вѣроятно станутъ приходить такіа, напр., соображенія: «Развѣ это не мысль о кучѣ картъ? Развѣ это не идея о картахъ, входящихъ въ составъ кучки? И развѣ въ эту идею не входитъ идея о столѣ и также о ножкахъ стола? Значитъ, не заключаетъ ли моя мысль двухъ отдѣльныхъ составныхъ частей, одну для кучки картъ, а другую для стола? А въ идеѣ о той части, которая относится къ кучкѣ картъ, развѣ нѣтъ части для каждой карты, какъ и въ идеѣ о столѣ — развѣ нѣтъ части для каждой ножки? Но вѣдь каждая изъ этихъ частей въ отдѣльности составляетъ особую идею? Такъ не представляется ли въ существѣ и моя мысль тоже совокупностью идей, изъ коихъ каждая соответствуетъ извѣстному элементу того, что эта мысль познаетъ?»

Какъ ни сообразительны подобныя разсужденія, но они имѣютъ удивительно мало значенія. Оттого, что я предположу совокупность идей, изъ коихъ каждая, когда мы воспринимаемъ какую-нибудь «сумму идей», выражаетъ какой-нибудь элементъ даннаго факта, воспринимаемаго нами, мы этимъ еще не воспринимаемъ этого цѣлаго факта сразу. Согласно теоріи «суммы идей», выходило бы, что, напр., наша идея о пиковомъ тузѣ (въ предыдущемъ примѣрѣ) не можетъ имѣть отношенія съ нашей идеѣй о ножкѣ стола, на которомъ лежатъ карты, такъ какъ, по этой теоріи, знаніе о каждой картѣ, какъ и о каждой

ножкѣ стола, должно имѣть свою идею; такимъ же образомъ, и всѣ другія наши идеи оказываются, по этой гипотезѣ, чуждыми другъ другу. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, нашъ умъ, познавая карты, познаетъ сразу и столъ, на которомъ онѣ лежатъ, и ножки этого стола, при чемъ познанія объ этихъ элементахъ цѣлаго факта получаются нами въ извѣстныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Точно также наши понятія о какихъ-нибудь числахъ, напр., 8, 4, 2, — представляются нашему уму не какъ суммы познаній о единицахъ, а какъ отдѣльныя самостоятельныя понятія, подобныя понятію о единицѣ. Идея о парѣ (2) вовсе не есть пара идей. Если бы читатель возразилъ на это: «А развѣ вкусъ лимонада не есть сумма идей о лимонѣ и сахарѣ», я ему отвѣчу: «нѣтъ, потому что соединенія вещей нельзя смѣшивать съ сочетаніемъ ощущений (или идей). Объективный лимонадъ состоитъ, дѣйствительно, изъ лимона и сахара, но вкусъ лимонада не есть просто сумма двухъ вкусовыхъ ощущений — лимонной кислоты и сахара: въ лимонадѣ есть свой особый вкусъ, напоминающій вкусъ лимона и сахара, но эти оба вкуса сливаются въ сознаніи въ одно вкусовое ощущеніе, въ которомъ не чувствуется въ отдѣльности — ни чистой лимонной кислоты, ни сахара.

Различаемыя состоянія сознанія не могутъ «сплавляться». Но не только не доказуема мысль, что наши идеи составляютъ сочетанія болѣе мелкихъ идей, а эта мысль прямо логически бессмысленна; она не совместиима съ существенными чертами всего того, что мы называемъ сочетаніемъ или комбинаціей и что знаемъ въ дѣйствительности о такихъ сочетаніяхъ вообще.

Всѣ «сочетанія», какія намъ дѣйствительно извѣстны, суть результаты (эффекты) воздѣйствія единицъ, — называемыхъ нами «сочетавшимися» или «комбинированными», — на какую-нибудь другую сущность, иную, чѣмъ они сами. Безъ этого признака, т. е. безъ посредствующаго элемента, понятіе о комбинаціи не имѣло-бы смысла.

Другими словами, никакое возможное число сущностей (назовете ли вы ихъ силами, матеріальными частіцами, или элементами души и мысли) не можетъ само образовывать изъ себя сумму. Каждая изъ нихъ остается въ суммѣ тѣмъ, чѣмъ она была всегда, а самая сумма существуетъ только для наблюдателя, для котораго нужно для чего-нибудь игнорировать отдѣльныя единицы и важно понять ихъ сумму. Когда мы говоримъ, что H_2 и O ¹⁾ своимъ соединеніемъ даютъ воду, и благодаря этому обнаруживаютъ новыя свойства, то «вода» есть не что иное, какъ тѣ же старые атомы, но только въ новомъ положеніи — $H-O-H$; «новыя же свойства» суть лишь именное ихъ комбинированное дѣйствіе (результатъ, эффектъ), производимое въ этомъ новомъ положеніи на окружающую среду, наприм., на наши органы чувствъ, и на различные реагенты, на которые вода можетъ оказывать свое дѣйствіе и по которымъ она намъ познается. Подобнымъ же образомъ силы нѣсколькихъ человекъ могутъ комбинироваться, когда они одновременно тянутъ веревку, а силы мно-

¹⁾ Два атома водорода и атомъ кислорода. Ред.

гихъ мускульныхъ волоконъ комбинируются, когда они дѣйствуютъ на одно сухожилие.

Въ караллеограммѣ силъ, «силы» не комбинируются сами въ диагональную равнодѣйствующую силу: для этого нужно, чтобы было тѣло, на которое онѣ могли бы дѣйствовать, и только при этомъ условіи проливается ихъ соединенное дѣйствіе. Точно также и музыкальные звуки не слагаются сами (рег се) въ аккорды или диссонансы. Аккорды и диссонансы суть названія ихъ комбинированнаго дѣйствія (эффекта) на внѣшнюю среду, т. е. на наше слухъ.

Дѣло ли сколько не измѣняется и тамъ, гдѣ элементарныя единицы какого-либо сочетанія состоятъ изъ чувствованій или ощущеній. Возьмите сотню этихъ ощущеній и сплотите ихъ другъ съ другомъ какъ можно тѣснѣе (какъ-бы ни понимать такое сплоченіе); и каждое изъ нихъ все же еще останется тѣмъ самымъ ощущеніемъ, какимъ было всегда, такъ сказать, замкнутымъ въ свою особую оболочку, слѣпымъ ко всему остальному и невѣдующимъ ничего о другихъ ощущеніяхъ, съ которыми оно сплочено. Если-бы въ то время, когда эта группа или рядъ такихъ ощущеній образовались, возникло-бы сознание, воспринимавшее эту группу, какъ таковую, т. е. какъ группу, то получилось-бы новое сто первое ощущеніе, и это-то ощущеніе и было-бы всецѣло новымъ фактомъ. Сто первоначальныхъ ощущеній могутъ быть, по курьезному физическому закону, лишь сигналами для созданія этого новаго факта (или ощущенія), когда они идутъ вмѣстѣ. Такъ, напр., часто мы изучаемъ многія вещи отдѣльно, прежде чѣмъ узнаемъ ихъ, какъ сумму; но это новое знаніе, это новое ощущеніе, этотъ новый фактъ не имѣлъ бы никакого субстанціональнаго тождества (т. е. тождества по существу) съ этими предварительными ощущеніями, какъ и они не имѣли бы съ нимъ никакого тождества по существу. И никто никогда не могъ-бы вывести это новое ощущеніе изъ другихъ или сказать (въ сколько-нибудь разумномъ смыслѣ), что они развили его изъ себя самихъ.

Возьмите какое-нибудь изреченіе, состоящее изъ дюжины словъ. Сообщите каждое изъ этихъ словъ дюжинѣ людей, такъ чтобы каждый изъ нихъ зналъ лишь одно слово изъ цѣлаго изреченія. Если вы затѣмъ поставите ихъ рядомъ или соберете въ тѣсную группу, то какъ-бы усиленно каждый изъ нихъ не думалъ объ извѣстномъ ему словѣ, ни ему, ни другимъ его товарищамъ не раскроется смыслъ всего изреченія. Правда, мы иногда говоримъ о «духѣ эпохи», о «чувствѣ народа» и до извѣстной степени гипостазиремъ (олицетворяемъ) «общественное мнѣніе». Но мы при этомъ отлично знаемъ, что выражаемся такъ только символически и никогда не вообразимъ, что «духъ» (эпохи), «общественное мнѣніе» или «чувство народа» образуютъ какое-то сознание, иное и добавочное сравнительно съ тѣмъ сознаниемъ, которое имѣютъ отдѣльные индивидуумы, составляющіе то, что обозначается словами—«эпоха», «народъ», «общество». То есть отдѣльныя души (или сознания) не сливаются при этомъ въ какую-то высшую сложную душу (или сознание). Это соображеніе уже было непреодолимымъ доводомъ спиритуалистовъ противъ послѣдователей теоріи ассоціацій. Эти послѣдніе утверждаютъ, что «душа» образуется изъ множества различныхъ «идей», ассоциированныхъ въ нѣкото-

раго родѣ единство. По ихъ мнѣнію, тутъ есть и идея объ a , и идея о b . Поэтому-де здѣсь есть и идея $a + b$, т. е. идея объ a и b , взятыхъ вмѣстѣ. Но, вѣдь, это все равно, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что квадратъ a , сложенный съ квадратомъ b , равенъ квадрату $a + b$, т. е. сказалъ бы очевидную нелѣпость. Говоря иначе, идея объ $a + b$ идея о b не тождественны съ идеей объ $(a + b)$. Эта послѣдняя идея—одна, а тамъ ихъ двѣ; въ послѣдней идеѣ $(a + b)$, тотъ, кто знаетъ a , знаетъ и b , потому что онъ знаетъ сразу ихъ какъ сумму; а въ тѣхъ двухъ идеяхъ (идея объ $a + b$ идея о b) тотъ, кто знаетъ a (какъ идею, особую отъ идеи b), тѣмъ самымъ выражаетъ, что онъ не знаетъ b ; и т. д. Говоря кратко, двухъ отдѣльныхъ идей невозможно никакой логикой заставить фигурировать въ качествѣ одной идеи. Если одна идея (напр., $a + b$) идетъ въ нашемъ фактическомъ опытѣ за двумя отдѣльными идеями (объ a и о b), то мы должны ее ($a + b$) считать продуктомъ какихъ-нибудь другихъ условій, болѣе позднихъ, чѣмъ тѣ первоначальныя условія, въ какихъ были отдѣльныя идеи a и b до того времени, когда появилась идея $a + b$.).

Отсюда слѣдуетъ, что, если мы примемъ вообще существованіе потока сознанія, то проще всего было бы предположить, что вещи, которыя мы познаемъ вмѣстѣ, мы познаемъ въ единичныхъ пульсацияхъ этого потока. Иными словами: вещей можетъ быть много, и они могутъ вызвать много токовъ въ мозгу, но тѣ психическія явленія, которыя соответствуютъ этимъ токамъ, представляютъ одно «интегральное» (цѣльное) состояніе, въ которомъ проявляются многія вещи, при чемъ это состояніе можетъ быть и преходящимъ, и субстантивнымъ (см. выше).

Душа, какъ комбинирующее нѣчто. Философы спиритуалисты находили, что наше познаніе о совокупности всѣхъ вещей мы получаемъ посредствомъ какого-то «нѣчто», но что это нѣчто не есть только преходящее, измѣнчивое мышленіе, а простое (цѣльное), перманентное (не измѣняющееся само въ себѣ) существо, въ которомъ множество идей—комбинируетъ свои результаты. Здѣсь безразлично, какъ называть это существо,—«душой» или «Его», или «Духомъ»,—важно то, что, во всякомъ случаѣ, его функція есть функція «комбинирующаго нѣчто». Въ этомъ «нѣчто» мы обладаемъ орудіемъ познания, отличающимся отъ того, въ которомъ,—какъ мы уже сказали выше,—можетъ быть всего проще помѣщена причина познания совокупности вещей. Кто-же является настоящимъ «познавателемъ»: это-ли «перманентное» существо, или наше измѣняющееся, «преходящее» состояніе. Если-бы мы имѣли другія основанія,—кромя разсмотрѣнныхъ уже выше,—для допущенія въ нашу психологію такого понятія о душѣ, а затѣмъ для разсужденія о ней въ точки зрѣнія тѣхъ-же основаній, то, конечно, она могла-бы обратиться въ «познавателя». Но если-бы другихъ основаній для такого допущенія у насъ не

¹⁾ Для лицъ, незнакомыхъ съ алгебраической формой выраженія, пояснимъ, что нелѣпость эта тотчасъ дѣлается наглядной, если мы, вѣсто a и b , подставимъ какія-либо числа. напр., 2 и 3. Квадратъ 2 = 4, а 3 = 9; сумма вѣхъ квадратовъ = 13; между тѣмъ квадратъ ихъ суммы $(2 + 3 = 5)$ равенъ 25. *Ред.*

было, то мы были-бы болѣе склонны признать единственными агентами познания наши измѣняемыя состоянія. Вѣдь, существованіе ихъ мы должны во всякомъ случаѣ признать въ психологіи, и о познании совокупности вещей они даютъ отчетъ столь-же хорошо, какъ и теорія «реакцій» неизмѣняющейся души. Между тѣмъ объяснить (вполнѣ) наше познание невозможно ни съ помощью той, ни съ помощью другой концепціи (теоріи), и познание остается въ психологіи какъ послѣднее, конечное «данное» (фактъ), не подлежащее объясненію...

Но есть другія основанія для допущенія въ психологію перманентной (не измѣняющейся) души, и главныя изъ нихъ таковы:

Чувство личнаго тождества. Въ послѣдней главѣ было установлено, что мысли, существованіе которыхъ познается нами актуально, не носятъ въ какой либо пустотѣ, но каждая изъ нихъ кажется принадлежащей какому либо одному мыслящему субъекту, а не другому. Каждое мысленіе способно изъ множества другихъ мыслей, о которыхъ оно можетъ думать, отличать тѣ, которыя принадлежать ему, отъ тѣхъ, которыя ему не принадлежатъ. Первые обладаютъ какъ-бы теплотой и привязанностью другъ къ другу, тогда какъ вторыя совершенно лишены этого свойства, въ результатъ-же я вывожу о моемъ вчерашнемъ «я», что оно должно быть, въ нѣкоторомъ особенномъ уточненномъ смыслѣ, тѣмъ-же самымъ «я», которое сегодня объ этомъ разсуждаетъ. Какъ явленіе только субъективное, это сужденіе не представляетъ особой, специальной таинственности. Оно принадлежитъ къ обширному классу сужденій о подлинности или тождествѣ; и такъ же мало удивительнаго въ томъ, что мы способны производить сужденія о тождествѣ не только въ первомъ лицѣ, но и во второмъ или третьемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ умственные процессы подобны въ существенныхъ своихъ элементахъ, говоримъ ли мы—«я тотъ-же самый чѣмъ я былъ», или говоримъ: «это перо—тоже самое, какое было вчера». Думать это такъ же легко, какъ думать въ противоположномъ смыслѣ, то есть: «никто изъ насъ не остается тѣмъ же, чѣмъ былъ». Нашему обсужденію здѣсь подлежитъ только одинъ вопросъ: правильно-ли это сужденіе. Дѣйствительно-ли (реально-ли) здѣсь тождество, являющееся въ сказуемомъ (я—тотъ-же самый)?

Тождество въ «я», какъ познаваемомъ (см. ранѣе о различныхъ видахъ «я»). Если въ предложеніи—«я есть тотъ-же самый, какимъ былъ вчера», мы беремъ «я» въ широкомъ смыслѣ, то каждому очевидно, что во многихъ отношеніяхъ оно не то же самое сегодня, какимъ было вчера. Какъ конкретное, дѣйствительное «Его», Я есть нѣчто другое, чѣмъ было: напр., я былъ голоденъ, а сейчасъ сытъ; раньше я двигался, а теперь сижу покойно; прежде я былъ бѣднѣе, а теперь богаче; прежде я былъ моложе, теперь старѣе, и т. д. Но въ другихъ отношеніяхъ я остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ, и эти-то отношенія мы можемъ назвать существенными отношеніями. Мое имя и профессія, мои отношенія къ обществу (свѣту) остались тѣми-же самыми; мое лицо, мои способности и запасъ моихъ воспоминаній въ общемъ (практически) неизмѣнимы, ни тогда, ни теперь. Кромѣ того, мое теперешнее я и мое «я» прежнее непрерывны, т. е. составляютъ продолженіе другъ друга: измѣненія въ нихъ совершались постепенно и никогда не происходили сразу въ цѣломъ «я». Въ

этихъ предѣлахъ, моя личная подлинность или тождество совершенно подобна тождеству, приписываемому какому-либо другому сложному предмету. Выводъ объ этомъ тождествѣ основанъ или на сходствѣ въ существенныхъ чертахъ, или на непрерывности сравниваемого, и его не слѣдуетъ понимать обозначающимъ что либо большее того, что даютъ основанія для такого вывода, т. е. не слѣдуетъ смотрѣть на этотъ выводъ о тождествѣ, какъ на какое-то метафизическое или абсолютное единство, въ которомъ устранены всѣ различія. Сравнимыя между собою, прошедшее и настоящее «я» тождественны какъ разъ настолько, насколько они остаются тѣми-же самими, но не больше. Они тождественны какъ родъ. Но рядомъ съ этой родовой (генерической) тождественностью существуютъ и генерическія различія совершенно также реально; и если, съ одной точки зрѣнія, «я» представляю единое «Его», то съ другой точки зрѣнія «я» совершенно справедливо представляю въ себѣ многія «Его». То же самое слѣдуетъ сказать и о свойствахъ (атрибутахъ) непрерывности: непрерывность даетъ моему «я» только единство связности, или неразрывности, т. е. совершенно опредѣленнаго феноменальнаго предмета (явленія), но ни юты больше.

Тождество въ «я», какъ познающемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что все, сказанное выше, сказано только о «я» (или «Его») познаваемомъ. Въ предложеніи: «я есть тотъ самый», и т. д., «я» берется широко, какъ конкретная личность. Однако, предположимъ, что мы взяли его въ узкомъ смыслѣ, какъ только «мыслящее» «я», то есть, какъ такое, которому принадлежатъ и которому известны всѣ эти конкретныя опредѣленія болѣе широкаго конкретного «я» или «Его»: развѣ въ этомъ случаѣ не получится абсолютнаго тождества такого «я» въ различныхъ временахъ? Развѣ то нѣчто, которое въ каждый данный моментъ выступаетъ впередъ и признаетъ принадлежащимъ ему прошедшее «я» и отвергаетъ «не-я», какъ чуждое, не есть перманентное (не измѣняющееся), всегда присутствующее начало духовной дѣятельности, тождественное самому себѣ, гдѣ-бы и когда мы его ни находили?

Таковъ принципъ, на который опираются и теоріи философскія, и теоріи, созданныя на здоровомъ смыслѣ, и однако, размышляя о немъ, трудно оправдать такую идею. Если-бы не существовало переходящихъ (смѣняющихся) состояній сознанія, то, дѣйствительно, можно было бы признать всегда присутствующее начало, абсолютно тождественное съ самимъ собою, которое и было бы безпрестаннымъ «мыслящимъ» «я» въ каждомъ изъ нихъ, въ отдѣльности. Но если различные состоянія сознанія должны быть согласованы между собою, какъ реальности, то такого субстанціональнаго тождества въ мыслящемъ «я» нѣтъ нужды предполагать. Вчерашнія и сегодняшнія состоянія сознанія не имѣютъ субстанціональнаго тождества, такъ какъ въ то время, когда одно изъ нихъ имѣется налицо, другое безспорно умерло или прошло. Но между ними есть функціональное тождество, такъ какъ оба они знаютъ одни и те же предметы (объекты), и насколько прошедшее «я» есть одинъ изъ такихъ предметовъ (объектовъ), они реагируютъ на него тождественнымъ образомъ, испытывая къ нему особое расположеніе, называя его своимъ и противопоставляя его всѣмъ другимъ предметамъ (объектамъ),

которые имъ известны. Это функциональное тождество оказывается въ действительности (реально) въ мыслящемъ «я» единственнымъ сортомъ тождества, каковыя факты заставляютъ насъ предполагать. Представимъ себѣ цѣпь, слѣдующихъ другъ за другомъ мыслящихъ «я», численно различныхъ, но все они знаютъ одно и тоже прошлое, познающее однимъ и тѣмъ-же путемъ, и, благодаря этому, образуютъ вполне соотвѣтственныхъ передатчиковъ для всего опыта о личномъ единствѣ и тождествѣ, каковыми мы действительно обладаемъ¹⁾. И совершенно такую-же цѣпь слѣдующихъ другъ за другомъ мыслящихъ «я» представляетъ потокъ душевныхъ состояній (съ известной совокупностью или комплектомъ познанныхъ каждымъ изъ нихъ объектовъ, эмоциональныхъ и подбирающихъ реакціи на нихъ), рассматриваемый психологически въ предѣлахъ, допускаемыхъ естествознаніемъ (см. выше).

Отсюда, кажется, логически можно сдѣлать выводъ, что состоянія сознанія—вотъ все, съ чѣмъ пужно имѣть дѣло психологич. въ ея работѣ. Метафизика или теологія могутъ доказывать существованіе души; но для психологич., какъ науки, такая гипотеза о субстанціональномъ началѣ единства, представляется излишней роскошью.

Какимъ образомъ «я» дѣлаетъ своими различныя «Его». Но почему-же, однако, каждое послѣдующее душевное состояніе дѣлаетъ своимъ или, говоря иначе, усваиваетъ тождество своихъ прошедшихъ «Его»? Я говорилъ выше, что къ моему собственному прошлому опыту, когда я думаю о немъ, я чувствую такое особенное теплое расположеніе или симпатію, какихъ не испытываю, когда мыслю объ опытѣ другихъ людей. Этотъ фактъ и приведетъ насъ къ отвѣту на вопросъ, поставленный выше. Вѣдь, и мое теперешнее «я» чувствуется мною съ особенной теплотой и симпатіей. Тутъ входитъ и тяжелая, горячая масса моего тѣла, и ядро моего «духовнаго Еgo», съ чувствомъ внутренней моей активности (см. выше).

Мы не можемъ представить себѣ наше наличное «я» (имѣющееся въ данный моментъ) безъ одновременныхъ ощущеній того или другого изъ этихъ двухъ элементовъ нашего эмпирическаго «я». Все другія объекты мышленія, которые вносятся въ наше сознаніе вмѣстѣ съ этими двумя объектами, будутъ мыслиться нами съ особымъ теплымъ расположеніемъ или симпатіей, подобными той симпатіи, какую мы чувствуемъ къ нашему «я» данного текущаго момента.

Какойнибудь хотя-бы и отдаленный предметъ, но выполняющій это условіе, будетъ чувствоваться нами также съ особой теплотой и симпатіей. Но какіе же отдаленные предметы способны, когда мы ихъ себѣ представляемъ, выполнить это условіе?

¹⁾ Иными словами, каждое послѣдующее мыслящее «я» несетъ въ себѣ всю сумму прежняго опыта свой собственный, отчего эти «я» различны численно; а такъ какъ въ этотъ опытъ входятъ и представленіе о всѣхъ прошлыхъ нашихъ «я» съ однимъ и тѣмъ, хотя и нарастающимъ постоянно, опытнымъ содержаніемъ, то самое послѣднее «я», конечно, отождествляетъ себя съ прежними.

Очевидно, это тѣ предметы, и только тѣ, которые выполняли это условіе, когда они были еще наличными, живыми. Ихъ мы будемъ еще представлять съ той-же жизненной (животной) теплотой, которую переживали относительно ихъ; изъ нихъ еще, быть можетъ, не испарился ароматъ внутренней дѣятельности, вложенный въ какой-нибудь нашъ актъ. И естественнымъ слѣдствіемъ этого является то, что мы будемъ ассимилировать (отождествлять) ихъ другъ съ другомъ и съ тѣмъ теплымъ, симпатизирующимъ «я», которое мы сейчасъ чувствуемъ внутри себя, и мы будемъ отдавать имъ какъ нѣкоторую коллекцію отъ всякаго другого предмета, не отмѣченнаго тѣмъ-же субъективнымъ знакомъ. Подобно этому, наши скотоводы, выпускающіе свои стады зимой на какія-нибудь обширныя западные пастбища, разыскиваютъ весною и группируютъ вмѣстѣ, тѣхъ животныхъ, которыхъ признаютъ своими по особымъ выжженнымъ клеймамъ. Но совершенно тоже представляетъ и тотъ прошлый опытъ, который сейчасъ я признаю «моимъ». Опыты другихъ людей,—безразлично, какъ бы много я не зналъ о нихъ,—никогда не носятъ на себѣ этого яреваго, этого особаго клейма.

Вотъ почему Петръ, проснувшись на той же самой постели, на какой проснулся и Павелъ, и припоминая, что оба они думали до того момента, когда легли спать, вновь отождествляютъ и присваиваютъ себѣ идеи, сохрѣтыя для него тѣмъ, что онѣ «его» и никогда не повсунется смѣшать ихъ съ тѣми холодными и кажущимися блѣдными идеями, которыя онъ приписываетъ Павлу. Столь-же мало онъ можетъ смѣшать тѣло Павла, которое видитъ, со своимъ тѣломъ, которое и видитъ, и чувствуетъ непосредственно. Каждый изъ насъ говоритъ пробудившись: «А! вотъ опять мое старое» «я»,—совершенно такъ же, какъ онъ говоритъ: «Вотъ та же самая старая постель» или «та же старая комната», «тотъ-же старый міръ» и т. п.

И подобнымъ образомъ, во время нашего бодрствованія, хотя каждая волна сознанія, какъ бы умирая, уходитъ, исчезаетъ и замѣняется другой, однако, эта новая волна знаетъ прежнюю среди всѣхъ другихъ предметовъ, знаетъ ее, какъ свою собственную предшественницу и находитъ ее «согрѣтой» тѣмъ способомъ, каковымъ мы описали выше, приветствуетъ ее, говоря: «ты—моя, ты составляешь часть того самаго «я», часть котораго составляю «я». Такимъ образомъ, каждая позднѣйшая мысль, знающая и замѣчающая въ себѣ всѣ мысли, проживавшія прежде, является послѣднимъ ихъ пріемникомъ,—а такъ какъ она присваиваетъ себѣ все это то и послѣднимъ собственникомъ, всего того, что содержатъ и чѣмъ обладаютъ предыдущія мысли. Какъ сказалъ Кантъ, это можно сравнить съ упругимъ шаромъ, который-бы не только двигался, но и зналъ объ этомъ движеніи, и вотъ этотъ шаръ долженъ-бы былъ передавать и свое движеніе и свое сознаніе этого движенія другому шару, который взялъ-бы и то, и другое въ свое сознаніе и передалъ все это третьему шару, пока, наконецъ, послѣдній шаръ не завладеетъ-бы всѣмъ этимъ и не представилъ его себѣ, какъ свое собственное. Именно, эта то особенность, которую имѣетъ нарождающаяся мысль—схватывать исчезающую мысль и «присваивать» ее,—и ведетъ къ тому, что мы дѣлаемъ своими большую часть отдаленныхъ объектовъ, составляющихъ наше «Еgo». Кто сдѣлалъ

своимъ послѣднее «я», сдѣлалъ своимъ и «я», предшествовавшее этому послѣднему, такъ какъ тотъ, кто обладаетъ, владѣльцемъ обладаетъ и тѣмъ, чѣмъ владѣть этотъ послѣдній. Нѣтъ возможности отыскать какую-нибудь доказуемую черту въ личномъ тождествѣ, которая не включалась этимъ очеркомъ; невозможно представить себѣ, какимъ образомъ какое либо трансцендентное (сверхъестественное) начало единства (еслибы таковое было) могло бы привести вопросъ къ какому либо иному результату или было познано по какимъ либо другимъ плодамъ своимъ, кроме именно этого потока сознания, въ которомъ каждая послѣдующая часть знаетъ, — а, зная, схватывается и дѣлаетъ своимъ, — все то, что совершалось ранѣе, — становясь, такимъ образомъ, представителемъ всего прошлаго потока, съ которымъ, однако, отождествлять его было бы не умно.

Измѣненія «Его» и увеличеніе ихъ числа. Наше «Его», — подобно всякому другому сложному явленію (агрегату), — измѣняется по мѣрѣ своего возрастанія. Преходящія состоянія сознания, которыя должны бы были сохранять, при своемъ складываніи другъ за другомъ, тождественное знаніе о прошломъ, уклоняются отъ этой своей функціи, теряя значительные куски его изъ своего кругозора, а другіе его куски представляя ошибочно. Тождество нашего «Его», которое мы признаемъ, когда изслѣдуемъ достаточно продолжительный его процессъ, можетъ быть только относительнымъ тождествомъ медленнаго измѣненія, въ которомъ, однако, всегда содержится нѣкоторый общій ингредиентъ. Самый общій элементъ и наиболѣе однообразный состоитъ въ обладаніи нѣкоторыми общими воспоминаніями. Какъ-бы ни измѣнился человекъ со времени своей юности, онъ и въ юности и, въ зрѣлости, оглядываясь назадъ, видитъ одно и то же свое дѣтство и признаетъ его своимъ.

Такимъ образомъ, тождество, находимое нашимъ «я» въ своемъ «Его», есть лишь кое-какъ сколоченная вещь, — тождество, такъ сказать, огульное, совершенно подобное тому, какое и посторонній наблюдатель можетъ найти въ томъ же собраніи фактовъ. Мы часто говоримъ: «Онъ такъ измѣнился, что трудно его узнать»; и то же самое, хотя и не такъ часто, люди говорятъ о себѣ самихъ. Эти перемѣны въ «Его», познаваемые нашимъ «я» или посторонними наблюдателями, могутъ быть или серьезны, или незначительны. О нихъ слѣдуетъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній.

Измѣненія въ «Его» могутъ быть раздѣлены на два класса:

- а. измѣненія въ памяти, и
- б. измѣненія въ теперешнемъ тѣлесномъ или душевномъ «Его».

а. Объ измѣненіяхъ въ памяти не нужно говорить много: они достаточно извѣстны. Пробѣлы въ памяти, это — нормальный случай въ жизни, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ, и «Его» какого-либо лица, если взять его въ дѣйствительномъ данномъ состояніи («реализировать») съуживается по мѣрѣ того (passu), какъ оно утрачиваетъ изъ памяти факты. Воспоминанія о сновидѣніяхъ и объ опытахъ, переживаемыхъ въ гипнотическомъ состояніи, рѣдко сохраняются.

Точно также и ошибки памяти представляютъ довольно частое явленіе, и насколько онѣ случаются, онѣ растраниваютъ наше сознаніе о своемъ «Его». Вѣроятно, весьма многіе сомнѣваются относительно тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, приписываемыхъ ими своему прошлому. Они могли

видѣть ихъ, могли говорить о нихъ, могли дѣлать ихъ, но могли только видѣть ихъ во снѣ или вообразить ихъ. Содержаніе сновидѣній можетъ періодко смѣшаться съ потокомъ сознанія реальной жизни. Всего чаще источникъ ошибочной памяти является въ томъ, какъ мы передаемъ о томъ, что испытали сами. Такіе пересказы мы дѣлаемъ почти всегда болѣе простыми, а въ то же время и болѣе интересными, чѣмъ было въ дѣйствительности. Мы передаемъ больше то, что мы сказали-бы или сдѣлали-бы, чѣмъ то, что мы дѣйствительно сдѣлали и сказали; и, рассказывая это въ первый разъ, мы вполне ясно сознаемъ, что было въ дѣйствительности и что мы добавили еще отъ себя. Но чѣмъ дальше, тѣмъ наша выдумка вытѣсняетъ изъ памяти дѣйствительность и господствуетъ одна на ея мѣстѣ. Таковъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ ошибочности какого-либо свидѣтельства, о которомъ можно думать, что оно вполне добросовѣстно. И особенно это случается тогда, когда въ разсказѣ фигурируетъ что-нибудь чудесное, — тогда повѣствованіе вступаетъ на вымышленный путь, а память сопутствуетъ повѣствованію.

б. Когда мы переходимъ отъ такихъ измѣненій памяти къ ненормальнымъ измѣненіямъ дѣйствительнаго (теперешняго) «Его», то у насъ получается уже болѣе серьезное расстройство. Такія измѣненія образуютъ три главныхъ типа, но наше знаніе объ элементахъ и причинахъ этихъ измѣненій личности такъ незначительно, что раздѣленіе ихъ на три типа не слѣдуетъ считать чѣмъ-то, имѣющимъ глубокое значеніе. Эти типы слѣдующіе:

- а. нездоровыя заблужденія;
- б. измѣненія въ «Его»;
- в. медиумизмъ или «одержаніе».

а. Въ состояніи душевныхъ болѣзней мы часто имѣемъ ошибочное воспоминаніе о прошломъ, которое обладаетъ или меланхолическимъ, или ангвиническимъ характеромъ, смотря по характеру болѣзни. Но самыя тѣлесныя измѣненія въ «Его» происходятъ отъ наличныхъ извращеній чувствительности и волевыхъ побужденій: эти извращенія оставляютъ прошедшее нетронутымъ, но приводятъ больного къ мысли, что его теперешнее «Его» есть совершенно новое лицо. Иногда такое измѣненіе можетъ быть нормально, когда вдругъ, послѣ наступленія періода возмужанія, наступаетъ быстрое расширеніе всего характера, какъ въ области умственной, такъ и въ области волевыхъ побужденій. По болѣзненнымъ случаямъ настолько интересны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться подольше.

Фундаментъ нашей личности, — по словамъ Рибо, — образуетъ то чувство нашей жизнеспособности, которое, благодаря своему постоянному присутствію въ насъ, составляетъ основной подпочвой нашего сознанія.

«Это чувство, — говоритъ онъ, — образуетъ фундаментъ нашей личности, что, присутствуя постоянно, постоянно дѣйствуя безъ остановки, не даетъ ни сна, ни усталости, оставаясь въ насъ до тѣхъ поръ, пока мы живемъ, одной изъ формъ которой и является это чувство опоры или поддержкой того самосознанія моего, которое составляетъ память, оно есть средство или ери а (medium)».

представить теперь, что было бы возможно сразу изъять наше тело и подставить на его место другое: скелет, кровеносные сосуды, впитывающие (органы пищеварения), мускулы, кожа,—все было бы новое, исключая нервной системы с ее запасом памяти прошлого. Нить никакого сомнения, что при этом прилив непривычных ощущений жизненности произведет самые серьезные пертурбации. Между прежним чувством существования, отпечатывавшимся в нервной системе, и новым таким же чувством, действующим со всей силой реальности и повизны, произошло бы непримиримое противоречие».

Какими могут быть частные извращения телесной чувствительности, являющиеся причиной возникновения таких противоречий,—этого по большей части не может себе представить человек, мыслящий здраво. Одни больные уверяют, что у него есть другое «я», которое повторяет для него всё его мысли. Другие, между которыми не мало выдающихся и занимающих в истории первое место, уверяют, что внутри них находятся демоны, которые говорят с ними и отвечают им¹⁾. Некоторые уверяют, что кто-то дѣлает для них их мысли. У некоторых есть два тела, лежащих в двух разных постелях. Есть такие, которые чувствуют, что они потеряли некоторые части своего тела,—зубы, мозг, желудок и т. д. У некоторых,—части их тела сделаны из дерева или стекла, или из масла и т. п. У других нить больше никакого тела, или оно умерло, или оно совершенно посторонний предмет, отделенный от «я» того человека, который это рассказывает о себе. Встречаются случаи, когда части тела теряют свою связь в сознании с остальным телом и кажутся принадлежащими другому лицу, при чем ими двигает посторонняя враждебная воля. Таким образом правая рука может бороться с левой, как с врагом. Или же крики самого больного приписываются им другому лицу, которому пациент выражает сочувствие. Литература о душевных болезнях переполнена сообщениями о случаях подобных обманов чувств. Тэн цитирует рассказ одного пациента д-ра Бриехабера, о его страданиях. Из этого рассказа видно, до какой степени (и притом внезапно) можно сделаться совершенно далеким от того, что мы знаем о нормальном человеческом опыте, опыт душевно-больного человека.

«После первого или второго дня, в течение нескольких недель было невозможно наблюдать или анализировать самого себя. Страдания, причиняемые мнѣ грудной жабой²⁾, пересиливали все. Только к первым числам января я мог дать самому себе отчет о том, что я испытывал...

«Вот то первое событие, о котором у меня сохранилось ясное воспоминание. Я был один и уже был жертвой непрерывного зрительного расстройства, как вдруг меня охватило такое расстройство этого рода, которое было безопечно болѣе сильно, чѣм прежде. Предметы становились

¹⁾ В существовании такого демона (даймона) внутри себя был, повидимому, уверен Сократ. О его представлении об этом «даймоне» не следует соединять понятие злого духа. Наоборот, это был голос нравственной совести.

²⁾ Angina pectoris.

лись все меньше и меньше и удалялись от меня на бесконечное расстояние,—как люди, так и другие вещи. Сам я был гдѣ-то неизмеримо далеко. Я смотрѣлъ вокруг съ ужасом и изумлением; мир исчезал от меня... В то же время я замѣтил, что мой голос был чрезвычайно далеко от меня и что звуки его были уже не звуками моего голоса. Я топнул ногой о землю и почувствовал ее сопротивление; но это сопротивление казалось обманчивым (иллюзорным) и не потому, что земля была мягка, но потому, что тяжесть моего тела дошла почти до нуля... Я испытывал такое ощущение, как будто во мнѣ не было никакого вѣса... «Помимо того, что предметы представлялись бесконечно далекими, они представлялись мнѣ плоскими. Когда я говорил съ кѣм-нибудь, мой собеседник казался мнѣ вырѣзанным из бумаги без всякого рельефа... Это ощущение оставалось непрерывно в течение двух лѣтъ... Постоянно мнѣ казалось, что мои ноги не принадлежат мнѣ. Почти так же плохо было и относительно ощущения моих рук; что касается головы, то мнѣ казалось, что она уже не существует... Я казался самому себе автоматом, действующим не по своим собственным, а по чѣм-то посторонним побуждениям... Внутри меня было новое существо, была другая часть меня самого, т. е. прежнее мое существо, которое совершенно не интересовалось этим новым пришельцем. Я помню отчетливо, как сказал однажды, что страдания этого нового существа для меня совершенно безразличны. Я никогда не был реально обманут этими иллюзиями, но моя мысль часто все больше изнемогала от непрерывного исправления новых впечатлений, и я оставлял себя на произвол течений, на мучительную жизнь этого нового существа. У меня было пламенное желание вновь увидѣть прежний мир, вернуться къ моему прежнему «я». Это желание удерживало меня от самоубийства... Я был другим и несправедливым этого другого, чувствовал къ нему невыразимое отвращение. Конечно, это был кто-то другой, припавший мою форму и овладевший моими функциями»²⁾.

В случаях, подобных этому, очевидно, что существует не измѣнившееся «я», а измѣнилось только «Его» (эмпирическое «я»). То есть, мышление пациента в настоящий момент познает сразу и прежнее свое «Его», и новое, настолько, насколько сохраняется его память. У него возникла только страшная спутанность в той объективной сферѣ, которая прежде так просто поддавалась суждениям, при помощи которых узнавалась и признавалась своею. Теперь прошедшее и настоящее, хотя и видны оба, уже не соединяются в одно. Гдѣ мое прежнее «Его»? Что такое мое новое «я»? Тѣ-же ли они самые? Или у меня два «я»? Такими вопросами, съ отвѣтами на них в видѣ какой-нибудь теоріи, которая кажется больному удовлетворительной,—начинается безумный період его жизни.

В. Явления измѣненія личности въ простѣйшей ее фазѣ обусловлены, по видимому, пробѣлами въ памяти. Какой-нибудь человек,—как обыкновенно говорят,—начинает противорѣчить самому себе, если онъ забывает свои условия, требованія, знанія и привычки; здѣсь вопросъ

²⁾ De l'Intelligence, 3-е издание (1875 г.), томъ II, стр. 481, прим.

только о степени, до какой мы можем признать его личность изменившейся. Но в этих патологических случаях, которые известны под названием двойной или изменившейся личности, потеря памяти является внезапно, и обыкновенно ей предшествует период потери сознания или «сипкопа», продолжающийся в течение времени, более или менее различного у разных больных. В гипнотическом транс мы легко можем вызывать изменение личности или тем, что прикажем субъекту забыть все, что с ним происходило с такого-то или такого-то времени, и в этом случае он делается (или может сделаться) снова ребенком, или мы внушаем ему, что он другое, по большей части воображаемое, лицо, и в этом случае все факты, относящиеся к нему самому, исчезают, повидимому, из его души, и он переносит себя в новый характер с живостью или яркостью, пропорциональной сумме того актерского воображения, какою он обладает. Но в патологических случаях, это превращение не зависит от чуждой воли. Наиболее, быть может, знаменитый из этих случаев — случай представляет болезнь некоей Фелиции Х., сообщавшейся доктором Азамом, из Бордо. Эта женщина, когда ей было еще только 14 лет, начала приходить во «второе» состояние, характеризующееся тем, что в ней изменились все ее общия предположения, весь ее характер, как будто бы известное «внушение», существовавшее прежде, вдруг устранилось. В течение этого «второго» состояния она вспоминала первое свое состояние, но освободившись от него, т. е. возвратившись вновь в первое состояние, она ничего не помнила о втором. Когда ей наступило 44 года, продолжительность второго состояния (которое в общем было выше по качеству, чем первое) настолько стала больше продолжительности периодов первого состояния, что уже занимала большую часть ее времени. В течение его она вспоминала случаи, относящиеся к ее первоначальному состоянию, но ее полная безпамятность относительно второго состояния, когда возвращалось первое, часто очень потрясала ее: так, например, однажды этот переход от второго состояния к первому произошел в тот момент, когда она взошла в карету на похороны одного из своих друзей, и вот в своем первом состоянии она совершенно забыла, кто из ее друзей умер, хотя отлично знала это во втором состоянии. В одном из своих прежних вторых состояний она сделала беременна, но при этом забыла в первое состояние, она совершенно не знала, как это могло случиться. Ее страдания от этих потерь памяти были так сильны, что привели ее однажды к попытке покончить свою жизнь самоубийством.

Пьер Жане описывает еще более замечательный случай: «Леония Б», жизнь которой напоминает больше невнятный роман, чем подлинную историю, подверглась припадкам естественного лунатизма (сомнамбулизма), когда ей было три года. С 16-ти лет ее постоянно гипнотизировали лица всякого сорта, а в настоящее время ей 45 лет. Ее первоначальная (нормальная) жизнь развивалась среди бедной деревенской обстановки, а жизнь «вторая» проходила в приемных и кабинетах докторов, и естественно приняла совершенно иное направление, чем ее первая жизнь. В настоящее время эта бедная крестьянка, когда она находится в своем нормальном состоянии, очень серьезна и скорее печальна, покойна, и

очень кротка с каждым и чрезвычайно робка: смотря на нее, никто не подумает и никогда не может предположить, какую совершенно не похожую, другую личность она в себе заключает. Эта метаморфоза происходит, как только ее заставят уснуть посредством гипнотизма. Ее лицо становится совершенно другим. Правда, ее глаза остаются закрытыми, но острота других ее органов чувств занимает ей зрение. Она становится веселой, шумливой, беспокойной, иногда невыносимой. Она остается доброй, но приобретает особую наклонность к пронырливым манерам. Нет ничего любопытнее, как послушать ее после визита какого-нибудь путешественника, посетившего ее для того, чтобы видеть в состоянии усыпления. Она рисует словесно их портреты, передразнивает их манеры, уверяет, что ей известны их многого странная взгляды и страстишки, и относительно каждого выдумывает роман. К этому ее характеру нужно добавить огромное количество воспоминаний, о существовании которых она не подозревает даже, когда пробуждается, потому что в это время у нее — полная амнезия (потеря памяти)... Она не признает своего имени Леония и называет себя Леонтиной (Леония 2-я); к чему приучил ее первый магнетизер «Ты добрая женщина — не я», — говорит она, — «та очень глупа». Себя, как Леонтина, (т. е. Леония 2) она приписывает все ощущения и все действия, одним словом, весь сознательный смысл, который она пережила в сомнамбулизме и, связывая все это воедино, рассказывает историю своей уже долгой жизни. Леония же (Леония 1-я, как называет ее Жане в состоянии бодрствования) она приписывает исключительно те обстоятельства, которые пережила, не находясь в состоянии усыпления (сомнамбулизма). И была чрезвычайно поражена одним важным исключением из этого общего правила, и была готова думать, что возможно что нибудь произвольное в этом ее распределении своих воспоминаний. Дело в том, что, в нормальном состоянии, Леония имела мужа и детей; но Леония 2-я (сомнамбулизированная) признавала, что дети принадлежат ей, но приписывала «мужа» другой. Хотя такой выбор, быть может, и был бы объясним, но он выходит из общего правила раздвоения ее своих воспоминаний. Лишь позднее я узнал, что магнетизеры, усыплявшие ее в прежнее время и отличавшиеся такой же смелостью, как и некоторые современные гипнотизеры, привели ее в состояние сомнамбулизма перед ее первыми родами и что тем, что она уже сама впадала в это состояние во время последующих родов. Таким образом, Леония 2-я была совершенно прата, приписывая детям себя, — ведь это у нее (т. е. у сомнамбулизированной) они были, и то правило, что первое ее состояние гранда образует особую личность, не было нарушено. Но тоже самое было и с ее вторым, т. е. более глубоким усыплением (трансом). Когда она, после новых пассов¹⁾, потеря сознания и т. п., была доведена до

¹⁾ Пассажи назывались медленные движения руки над головой и лицом гипнотизируемых, при помощи которых эти состояния приводятся в состояние гипноза. Действие этих пассов объясняется физиологически односторонними ощущениями, производимыми своей ритмичностью и продолжительностью прикосновения и сознательности.

состояния, которое я называю Леонией 3-й, она оказалась еще другой личностью. Серьезная и строгая, — вместо прежней беспокойной, какъ ребенокъ, — она говорила медленно и очень мало двигалась. И опять она отделилась отъ бодрствующей Леонии 1-й. «Добрая, но скорѣе глупая женщина», — говорила она, «но — не я». Но и отъ Леонии 2, она отделилась вѣ въ этомъ 3-мъ состояніи: «какъ вы можете видѣть что нибудь, мое въ этомъ полоумномъ созданіи?» говорила она: «къ счастью, я не имѣю съ ней ничего общаго».

γ) Въ «медумизмѣ» или «одержаніи» наступленіе и прекращеніе вторичнаго состоянія являются сравнительно внезапными, и продолжительность этого состоянія бываетъ обыкновенно не велика, т. е. оно длится отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ. Если вторичное состояніе хорошо развилось, то послѣ того, какъ возвращается вновь первичное сознание, о вторичномъ не остается никакого воспоминанія. Субъектъ, во время вторичнаго состоянія, говоритъ, пишетъ или дѣйствуетъ, какъ бы одушевленный постороннимъ лицомъ, и часто называетъ это постороннее лицо и рассказываетъ его исторію. Въ старину, этимъ постороннимъ, «дѣйствующимъ» лицомъ былъ обыкновенно демонъ, и тоже случается теперь въ тѣхъ кружкахъ или общинахъ, которые благопріятствуютъ вѣрѣ въ демоновъ. У соотечественниковъ автора съверо-американцевъ, это «постороннее лицо» называетъ себя въ худшемъ случаѣ индѣйцемъ или инимъ, причудливо-говорящимъ, но безвреднымъ существомъ. Обыкновенно, онъ претендуетъ быть духомъ какого-либо умершаго лица, извѣстнаго или неизвѣстнаго въ настоящее время, и тогда субъектъ, находящійся въ трансѣ, называется «медумомъ». Медумическая «одержимость» во всѣхъ ея степеняхъ образуетъ, по моему, совершенно естественный, специальный типъ измѣненія личности, а способность къ медумизму въ пѣ-которой формѣ нѣкогда образомъ не есть исключительный (не общій) даръ у лицъ, не имѣющихъ никакой другой очевидной нервной ненормальности. Медумизмъ — явленіе очень сложное, и только въ недавнее время его стали изучать научнымъ методомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Нисшая степень медумическаго состоянія является въ видѣ автоматическаго писанія, а высшая степень такого писанія бываетъ та, когда субъектъ опыта (медумъ), хотя и сознаетъ, какія слова сейчасъ начертитъ его рука, испытываетъ такое чувство, будто внѣшняя сила заставляетъ его ихъ записывать. Затѣмъ слѣдуетъ безсознательное писаніе, даже когда медумъ занятъ чтеніемъ или разговоромъ. Бесѣда, игра на музыкальныхъ инструментахъ и т. п., совершаемая, какъ кажется медуму, по чьему-то постороннему плану или вдохновенію, принадлежатъ въ сравнительно низкимъ степенямъ «одержанія»: нормальное «я» здѣсь еще не устранено отъ сознательнаго участія въ этихъ опытахъ, но почивъ для исполненія исходитъ какъ-бы откуда-то извнѣ. На высшей ступени наступаетъ полный трансъ, — и тогда голосъ, рѣчь и вся внѣшность медума подвергаются рѣзкому измѣненію. По прекращеніи этого состоянія, о немъ не остается никакихъ воспоминаній, пока не наступаетъ слѣдующій трансъ. Любопытное особенное способа выраженія во время трансовъ является родовое ихъ сходство у различныхъ медумовъ. У насъ, въ Америкѣ, этимъ предполагаемымъ «внушителемъ» медума обыкновенно является фантасти-

чески выражающееся грубо-болтливое лицо. Исключительно всеобщимъ является индѣецъ, называющій дамъ «скау», мужчинъ — «молодцами», дома — «витвамами» и т. д.; если же вліяющее начало исходитъ изъ высшихъ, какъ бы интеллектуальныхъ сферъ, то его рѣчь изобилуетъ страшной туманной, водянистой, оптимистичной философией, въ которой нескладно повторяются фразы о духѣ, гармоніи, красотѣ, законѣ, прогрессѣ, развитіи и пр. пр. Въ концѣ концовъ, независимо отъ того, отъ какого бы медума въ трансѣ не исходили сообщенія, они производятъ одинаковое впечатленіе, словно на половину сочинены однимъ и тѣмъ-же авторомъ. Я не берусь сказать, заимствуютъ ли вдохновеніе безсознательныя личности, порождаемыя медумизмомъ, отъ вліяній «духа времени» (Leitgeist), но, несомнѣнно, такіе факты наблюдаются въ «вторичныхъ состояніяхъ» «я», которыя «развиваются» въ средѣ спиритическихъ кружковъ. Начало медумическаго трансъ ничѣмъ не отличается отъ воздѣйствія гипнотическихъ внушеній. Субъектъ, подвергающій себя опытамъ, впадаетъ въ роль медума, потому что общественное мнѣніе данного кружка ожидаетъ отъ него этого при наличныхъ условіяхъ; роль медума выполняется слабѣ или живѣе, смотря по безсознательнымъ актерскимъ дарованіямъ данного лица. Странно тутъ одно, что даже лица, не причастныя къ спиритическимъ традиціямъ, впадая въ трансъ, совершаютъ поступки въ духѣ этическихъ медумовъ, дѣлая сообщенія отъ имени умершихъ, описывая ощущенія, переживавшіяся ими въ рядѣ предсмертныхъ агоній, въпадая о блаженствѣ, испытанномъ въ странѣ вѣчнаго дѣла, и обличая участниковъ сеанса въ ихъ недостатки.

Я не имѣю никакой теоріи для истолкованія этихъ фактовъ, начальное проявленіе которыхъ не разъ наблюдалъ самолично. Во всякомъ случаѣ, я убѣдился изъ обильнаго и точнаго ознакомленія съ трансми одного медума, что «вліяющее начало» можетъ быть совершенно отличнымъ отъ того проявленія «я» у медума, которое возможно у него въ состояніи бодрствованія. Въ случаѣ, о которомъ я рассказываю, «вліяющее начало» (такъ называемый «духъ») выдавало себя за умершаго врача-француза. Какъ я убѣдился, онъ дѣйствительно проявилъ удивительную осведомленность объ обстоятельствахъ, знакомыхъ и родственникахъ многихъ участниковъ сеанса, съ которыми медумъ (это была женщина) несомнѣнно раньше не встрѣчался и фамилій ихъ не зналъ. Если я высказывалъ здѣсь голословно личное мое мнѣніе, не подкрѣпляя его доводами¹⁾, то совсѣмъ не затѣмъ, чтобы склонить кого-либо къ моимъ взглядамъ, но лишь въ силу убѣжденія, что серьезное изученіе явленій медумическихъ трансовъ чрезвычайно интересно для психологіи. Авось мое заявленіе натолкнетъ кого-либо изъ моихъ читателей на обследованіе области, отъ которой *soi disants* «ученые», обыкновенно сторонятся.

Подведеніе итоговъ и психологическое заключеніе.

Подводя итогъ содержанію этой длинной главы, я скажу: Сознаніе «я» предполагаетъ существованіе потока мысли, каждая часть котораго, мо-

¹⁾ Удѣленіе сн. хлѣбн. ч. въ сел. общ. упоминаемаго мною медума читатель найдетъ въ „Proceedings of the Society for Psychical Research“ т. VI стр. 436 и въ послѣдней части т. VII (1892).

состояния, которое я называю Леонией 3-й, она оказалась еще другой личностью. Серьезная и строгая, — вместо прежней беспокойной, какъ ребенокъ, — она говорила медленно и очень мало двигалась. И опять она отделилась отъ бодрствующей Леонии 1-й. «Добрая, но скорѣе глупая женщина», — говорила она, «но — не я». Но и отъ Леонии 2, она отделилась вѣ въ этомъ 3-мъ состояніи: «какъ вы можете видѣть что нибудь, мое въ этомъ полоумномъ созданіи?» говорила она: «къ счастью, я не имѣю съ ней ничего общаго».

γ) Въ «медумизмѣ» или «одержаніи» наступленіе и прекращеніе вторичнаго состоянія являются сравнительно внезапными, и продолжительность этого состоянія бываетъ обыкновенно не велика, т. е. оно длится отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ. Если вторичное состояніе хорошо развилось, то послѣ того, какъ возвращается вновь первичное сознание, о вторичномъ не остается никакого воспоминанія. Субъектъ, во время вторичнаго состоянія, говоритъ, пишетъ или дѣйствуетъ, какъ бы одушевленный постороннимъ лицомъ, и часто называетъ это постороннее лицо и рассказываетъ его исторію. Въ старину, этимъ постороннимъ, «дѣйствующимъ» лицомъ былъ обыкновенно демонъ, и тоже случается теперь въ тѣхъ кружкахъ или общинахъ, которые благопріятствуютъ вѣрѣ въ демоновъ. У соотечественниковъ автора съверо-американцевъ, это «постороннее лицо» называетъ себя въ худшемъ случаѣ индѣйцемъ или инимъ, причудливо-говорящимъ, но безвреднымъ существомъ. Обыкновенно, онъ претендуетъ быть духомъ какого-либо умершаго лица, извѣстнаго или неизвѣстнаго въ настоящее время, и тогда субъектъ, находящійся въ трансѣ, называется «медумомъ». Медумическая «одержимость» во всѣхъ ея степеняхъ образуетъ, по моему, совершенно естественный, специальный типъ измѣненія личности, а способность къ медумизму въ пѣ-которой формѣ нѣкогда образомъ не есть исключительный (не общій) даръ у лицъ, не имѣющихъ никакой другой очевидной нервной ненормальности. Медумизмъ — явленіе очень сложное, и только въ недавнее время его стали изучать научнымъ методомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Нисшая степень медумическаго состоянія является въ видѣ автоматическаго писанія, а высшая степень такого писанія бываетъ та, когда субъектъ опыта (медумъ), хотя и сознаетъ, какія слова сейчасъ начертитъ его рука, испытываетъ такое чувство, будто внѣшняя сила заставляетъ его ихъ записывать. Затѣмъ слѣдуетъ безсознательное писаніе, даже когда медумъ занятъ чтеніемъ или разговоромъ. Бесѣда, игра на музыкальныхъ инструментахъ и т. п., совершаемая, какъ кажется медуму, по чьему-то постороннему плану или вдохновенію, принадлежатъ въ сравнительно низкимъ степенямъ «одержанія»: нормальное «я» здѣсь еще не устранено отъ сознательнаго участія въ этихъ опытахъ, но почивъ для исполненія исходитъ какъ-бы откуда-то извнѣ. На высшей ступени наступаетъ полный трансъ, — и тогда голосъ, рѣчь и вся внѣшность медума подвергаются рѣзкому измѣненію. По прекращеніи этого состоянія, о немъ не остается никакихъ воспоминаній, пока не наступаетъ слѣдующій трансъ. Любопытное особенное способа выраженія во время трансовъ является родовое ихъ сходство у различныхъ медумовъ. У насъ, въ Америкѣ, этимъ предполагаемымъ «внушителемъ» медума обыкновенно является фантасти-

чески выражающееся грубо-болтливое лицо. Исключительно всеобщимъ является индѣецъ, называющій дамъ «скау», мужчинъ — «молодцами», дома — «витвамами» и т. д.; если же вліяющее начало исходитъ изъ высшихъ, какъ бы интеллектуальныхъ сферъ, то его рѣчь изобилуетъ страшной туманной, водянистой, оптимистичной философией, въ которой нескладно повторяются фразы о духѣ, гармоніи, красотѣ, законѣ, прогрессѣ, развитіи и пр. пр. Въ концѣ концовъ, независимо отъ того, отъ какого бы медума въ трансѣ не исходили сообщенія, они производятъ одинаковое впечатленіе, словно на половину сочинены однимъ и тѣмъ-же авторомъ. Я не берусь сказать, заимствуютъ ли вдохновеніе безсознательныя личности, порождаемыя медумизмомъ, отъ вліяній «духа времени» (Leitgeist), но, несомнѣнно, такіе факты наблюдаются въ «вторичныхъ состояніяхъ» «я», которыя «развиваются» въ средѣ спиритическихъ кружковъ. Начало медумическаго трансъ ничѣмъ не отличается отъ воздѣйствія гипнотическихъ внушеній. Субъектъ, подвергающій себя опытамъ, впадаетъ въ роль медума, потому что общественное мнѣніе данного кружка ожидаетъ отъ него этого при наличныхъ условіяхъ; роль медума выполняется слабѣ или живѣе, смотря по безсознательнымъ актерскимъ дарованіямъ данного лица. Странно тутъ одно, что даже лица, не причастныя къ спиритическимъ традиціямъ, впадая въ трансъ, совершаютъ поступки въ духѣ этическихъ медумовъ, дѣлая сообщенія отъ имени умершихъ, описывая ощущенія, переживавшіяся ими въ рядѣ предсмертныхъ агоній, въпадая о блаженствѣ, испытанномъ въ странѣ вѣчнаго дѣла, и обличая участниковъ сеанса въ ихъ недостатки.

Я не имѣю никакой теоріи для истолкованія этихъ фактовъ, начальное проявленіе которыхъ не разъ наблюдалъ самолично. Во всякомъ случаѣ, я убѣдился изъ обильнаго и точнаго ознакомленія съ трансми одного медума, что «вліяющее начало» можетъ быть совершенно отличнымъ отъ того проявленія «я» у медума, которое возможно у него въ состояніи бодрствованія. Въ случаѣ, о которомъ я рассказываю, «вліяющее начало» (такъ называемый «духъ») выдавало себя за умершаго врача-француза. Какъ я убѣдился, онъ дѣйствительно проявилъ удивительную осведомленность объ обстоятельствахъ, знакомыхъ и родственникахъ многихъ участниковъ сеанса, съ которыми медумъ (это была женщина) несомнѣнно раньше не встрѣчался и фамилій ихъ не зналъ. Если я высказывалъ здѣсь голословно личное мое мнѣніе, не подкрѣпляя его доводами¹⁾, то совсѣмъ не затѣмъ, чтобы склонить кого-либо къ моимъ взглядамъ, но лишь въ силу убѣжденія, что серьезное изученіе явленій медумическихъ трансовъ чрезвычайно интересно для психологіи. Авось мое заявленіе натолкнетъ кого-либо изъ моихъ читателей на обследованіе области, отъ которой *soi disants* «ученые», обыкновенно сторонятся.

Подведеніе итоговъ и психологическое заключеніе.

Подводя итогъ содержанію этой длинной главы, я скажу: Сознаніе «я» предполагаетъ существованіе потока мысли, каждая часть котораго, мо-

¹⁾ Удѣленіе сн. хлестать въ адресъ этой упоминаемаго мною медума читатель найдетъ въ „Proceedings of the Society for Psychical Research“ т. VI стр. 436 и въ послѣдней части т. VII (1892).

жестъ, въ качествѣ «я», вспомнить предшествовавшія части потока, можетъ знать тѣ факты, которые были известны этимъ прежнимъ частямъ, заботясь преимущественно о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ о моихъ «Его», и присвоивая этимъ послѣднимъ всѣ остальные. Это «Его» является опытнымъ агрегатомъ всѣхъ вещей, познанныхъ объективно. А то мое «я», которое познаетъ всѣ эти факты, само не можетъ быть агрегатомъ. Для тѣлей прикладной психологической науки не требуется изобрѣтать ни метафизической, низмѣняющейся сущности (вродѣ особой души), ни трансцендентальнаго Еgo, видимаго какъ бы вѣ въ времени. Познающее мое «Его» есть мое мышленіе, въ каждое мгновеніе отличное отъ того, чѣмъ было за мигъ передъ тѣмъ, но способное признавать своимъ это предыдущее мгновеніе вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что это предыдущее мышленіе признало въ свою очередь своимъ. Подъ эту характеристику подойдутъ всѣ возможные опытные факты, не потерявъ обремененія какими-либо гипотезами, за исключеніемъ гипотезы о существованіи «преходящихъ» мыслей или состояній мышленія.

Если-бы проходящія состоянія мысли были непосредственно доказуемыми «существованіями», о которыхъ ни одна школа до сихъ поръ не выразила-бы сомнѣнія, то единственно эти состоянія и слѣдовало-бы принять за «познающій» элементъ, о которомъ психологи, изслѣдующей, какъ изслѣдуютъ науки естественныя, не было бы нужды давать дальнѣйшихъ объясненій. Единственный путь, какой я могу открыть для внесенія въ психологію болѣе трансцендентальнаго (трансцендентнаго) начала, состоялъ бы въ отрицаніи того, что мы обладаемъ какимъ-либо прямымъ, непосредственнымъ знаніемъ о существованіи нашихъ «состояній сознанія», а что существованіе ихъ предполагается здравымъ смысломъ. Въ этомъ случаѣ существованіе проходящихъ состояній сознанія стало бы простой гипотезой, а это и даю-бы способъ утверждать, что должно существовать нѣкое познающее начало, сопряженное со всѣмъ познаваемымъ. Рѣшеніе же вопроса о томъ, что изъ себя представляетъ это познающее начало, явилось бы задачей метафизики. При подобной постановкѣ вопроса понятіе о мировомъ духѣ, который мыслить при нашемъ посредствѣ, или же понятіе о рядѣ личныхъ душевныхъ субстанцій, пришлось бы подвергнуть разсмотрѣнію *prima facie* на-ряду съ нашимъ «психологическимъ» рѣшеніемъ и обсудить и то, и другое безпристрастно. Я лично склоненъ думать, что въ этомъ именно направленіи и лежатъ мѣсто многихъ будущихъ изслѣдованій. «Состоянія мысли», въ которыхъ увѣренъ каждый психологъ, никоимъ образомъ не могутъ стать удобопонятными, если они отличаются отъ своихъ объектов. Но сомнѣваться въ ихъ существованіи значило бы выходить за предѣлы нашей естественно-исторической точки зрѣнія (см. стр. 1). Предварительное рѣшеніе, къ которому мы пока пришли, должно въ этой книгѣ быть и послѣднимъ словомъ, а именно, что сами мысли суть въ то же время и мыслители.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вниманіе.

Ограниченность сознанія.

Одною изъ разительнѣйшихъ особенностей нашей жизни является то, что, хотя казалось бы, насъ должны были подавить ежеминутно впечатлѣнія, получаемыя отъ всей чувствительной поверхности нашего тѣла, тѣмъ не менѣе мы замѣчаемъ изъ нихъ лишь незначительную часть. Вся сумма впечатлѣній никогда не проникаетъ въ такъ называемый сознательный нашъ опытъ, который протекаетъ черезъ всю совокупность нашихъ впечатлѣній, какъ ручеекъ чрезъ дугъ, покрытый цвѣтами. Тѣмъ не менѣе и тѣ физическія впечатлѣнія, которые не входятъ въ нашъ сознательный опытъ, существуютъ въ дѣйствительности на-ряду съ сознанными впечатлѣніями; какъ тѣ, такъ и другія дѣйствуютъ на наши органы чувствъ одинаково сильно.

Почему, однако-же, одни впечатлѣнія проникаютъ въ наше сознаніе, а другія—нѣтъ, остается тайной, и когда мы ссылаемся на «die Enge des Bewusstseins», — т. е. ограниченность сознанія,—мы только обозначаемъ этотъ фактъ, вовсе его не разъясняя.

Физиологическое основаніе ограниченности сознанія

Наше сознаніе несомнѣнно весьма ограничено по сравненію съ обширною чувствительною поверхностью нашего тѣла и тою массою приходящихъ впечатлѣній, которыя постоянно притекаютъ къ намъ извнѣ. Очевидно, никакое впечатлѣніе не можетъ перейти въ сознательный опытъ, доколѣ ему не удастся проникнуть въ мозговые полушарія и вызвать тамъ тѣ или иные процессы. Когда вторгающееся въ полушарія новое впечатлѣніе вызываетъ тамъ известныя послѣдствія, остальные впечатлѣнія временно задерживаются. Можетъ быть, они и стучатся въ дверь нашего сознанія, но отбѣсняются назадъ, доколѣ впечатлѣніе, властвующее надъ нами, не перестанетъ на него вліять. Такимъ образомъ ограниченность сознанія въ физиологическомъ отношеніи, повидимому, обусловливается тѣмъ, что дѣятельность мозговыхъ полушарій постоянно стремится быть объединеннымъ и сплоченнымъ процессомъ, опредѣляющимся то однимъ впечатлѣніемъ, то другимъ, но опредѣляющимся въ общихъ чертахъ. Цѣль, соотвѣтствующія системѣ процессовъ, властвующихъ въ данную минуту надъ нашимъ мозгомъ, суть тѣ идеи, о которыхъ мы говорили, что онѣ «интересуютъ» насъ въ данное время; такимъ образомъ подбирающій характеръ нашего вниманія, разобранный нами ранѣе съ большою под-

робностью, как оказывается, находить себя физиологическую почву. За всемъ тѣмъ, однако-же, мозгъ всегда заключаетъ въ себя способность въ разьединенію (дизинтеграціи) властвующихъ надъ нимъ процессовъ системы. Процессы эти рѣдко объединяются до полной неразрывности, такъ какъ отбрасываемыя токи далеко не вполне подавляются, но ютятся на «опущеніи» сознанія, стараясь проникнуть въ нашу мысль.

Разсѣянное вниманіе.

Въ самомъ дѣлѣ, иногда нормальное единство системы идей и впечатлѣній, повидимому, почти не существуетъ. Возможно, что въ такіа мгновенія мозговая дѣятельность понижается до minimum'a.

Большинство людей ежедневно испытываетъ и не разъ нижеслѣдующее состояніе: глаза устремляются въ пространство, звуки, доносясь извнѣ, сливаются въ однообразный смутный гулъ, вниманіе разсѣивается настолько, что все тѣло ощущается какъ-бы сразу, а передній планъ сознанія переполняется какъ бы чѣмъ-то, какимъ-то печальнымъ чувствомъ подчиненія безплодно проходящему времени. На заднемъ фонѣ мышленія мы смутно представляемъ себѣ, что должны что-то сдѣлать: встать, одѣться, отвѣтить лицу, говорившему съ нами переть этимъ,—словомъ, сдѣлать слѣдующій шагъ въ нашемъ размышленіи. Но почему-то мы не можемъ двинуться. La pensée de derrière la tête мысль, копошащаяся гдѣ-то, какъ бы на заднемъ планѣ нашего ума) еще не можетъ прорваться чрезъ оболочку жетарти, которая скрываетъ наше душевное состояніе. Каждое мгновеніе ожидаемъ мы, что эта оболочка, наконецъ, разорвется, ибо не сознаемъ никакихъ причинъ, почему такое состояніе могло бы длиться. А между тѣмъ оно продолжается мгновеніе за мгновеніемъ, и попрежнему мы кудато плывемъ, но вдругъ—безъ всякой понятной намъ причины—отъ насъ является толчокъ энергіи, что-то невидимое сообщаетъ намъ спосѣбность подтянуться, сосредоточиться, мы начинаемъ мигать глазами, встригиваемъ головою, идеи, которые таились гдѣ-то на задкахъ сознанія, приходятъ въ дѣйствіе—и колесо жизни начинаетъ попрежнему вращаться.

Это и есть крайній предѣлъ того, что мы называемъ разсѣяннымъ вниманіемъ. Между этою крайностью и чрезвычайнымъ напряженіемъ вниманія, когда человѣкъ настолько поглощается интересомъ минуты, что не ощущаетъ даже сильной физической боли,—существуетъ длинный рядъ промежуточныхъ ступеней, которыя обследованы опытнымъ путемъ.

Эта проблема извѣстна подъ именемъ объема (Span) сознанія.

Жолько разныхъ предметовъ можно воспріять сознаніемъ сразу, если они не объединены въ идейную или концептивную систему? Проф. Каттелъ производилъ опыты съ болѣе или менѣе сложными комбинаціями буквъ, которыя проводились мимо глазъ въ столь короткую долю секунды, что, казалось, исключалась всякая возможность вниманія къ ихъ послѣдовательному порядку. Когда этотъ порядокъ буквъ былъ таковъ, что онѣ образовывали знакомыя слова, онѣ замѣчались въ три раза скорѣе, чѣмъ когда составляли безсмысленныя комбинаціи. Когда слова складывались въ опре-

дѣленное изреченіе, послѣднее улавливалось вдвое скорѣе, чѣмъ когда между словами не было связи. «Изреченіе понималось сразу какъ цѣлое; если же его не удавалось схватить цѣликомъ, то почти ничего не схватывалось и изъ отдѣльныхъ словъ, составлявшихъ его. Тамъ же, гдѣ изреченіе улавливалось въ общемъ, и всѣ отдѣльныя слова вырисовывались вполне отчетливо».

Каждое слово въ свою очередь представляетъ цѣлую систему понятій (концептовъ), и въ этомъ случаѣ отдѣльныя буквы отнюдь не проникаютъ въ сознаніе одна за другой въ отдѣльности, какъ то бываетъ, разъ мы узнаемъ буквы по одиночкѣ. Точно также и изреченіе, быстро пронесшееся мимо нашихъ глазъ, представляетъ систему относительно словъ. Система понятій (концептовъ) можетъ означать множество чувственныхъ предметовъ, и впоследствии можетъ быть переведена на нихъ, но какъ существующее въ данный моментъ душевное состояніе, эта система не состоитъ изъ яснаго сознанія этихъ предметовъ. Когда, напр., я думаю о словѣ «человѣкъ», какъ о цѣломъ, въ моей мысли получается нѣчто отличное отъ того, когда я думаю о буквахъ ч, е, л, о, в, ѣ, к, ѣ, какъ о несвязанныхъ взаимно данныхъ. Когда данныя такъ не связаны взаимно, что у насъ нѣтъ концепціи, которая охватила-бы ихъ вмѣстѣ, тогда затрудняется в самую возможность сразу схватить нѣсколько ихъ вмѣстѣ, и умъ, стараясь понять одинъ концептъ, утрачиваетъ изъ виду другой. Правда, въ извѣстныхъ границахъ можно этого и избѣжать. Поланъ (Paulhan) по этому предмету произвелъ опыты, состоящіе въ томъ, что одну поэму онъ декламировалъ громко, а въ умѣ произносилъ другую; точно также, произносилъ какое-нибудь изреченіе, онъ другое записывалъ на бумагѣ; или, наконецъ, читая громко стихотвореніе, онъ въ то-же время на бумагѣ дѣлалъ вычисленіе. Поланъ пришелъ къ тому выводу, что «наиболѣе благоприятнымъ условіемъ для двойственной работы мысли является одновременное употребленіе ея для двухъ операций разнаго рода. Двѣ операции однородныя, въ родѣ двухъ умноженій, производимыхъ одновременно, или двухъ чтеній, или чтенія, комбинируемаго съ писаніемъ, дѣлаютъ самый процессъ болѣе затруднительнымъ и менѣе вѣрнымъ».

Поланъ сравнивалъ время, которое требовалось тѣми же двумя операциями при выполненіи ихъ одновременно и затѣмъ послѣдовательно одна за другой: оказалось, что, совершая обѣ операции одновременно, нѣрѣдко получается выигрышъ во времени. Напр., «я помножаю число 421,312,312,212 на 2; операция эта занимаетъ 6 секундъ; для прочтенія вслухъ четырехъ стиховъ требуется также 6 секундъ; но если продолжать обѣ операции одновременно, то требуется также только 6 секундъ; значитъ, отъ комбинаціи обѣихъ операций не происходитъ потери времени».

Такимъ образомъ, если, возвращаясь къ поставленному вопросу о томъ, сколько разныхъ предметовъ можно воспріять сразу, разумѣть подъ этимъ сколько совершенно безсвязныхъ системъ или процессовъ могутъ вестись сознаніемъ одновременно, то мы отвѣтимъ: съ удобствомъ едва ли болѣе одного, если процессы эти хорошо не усвоены; если же процессы привычны, то можно сразу вести два и даже три процесса одновременно, безъ особеннаго колебанія вниманія. Тамъ, гдѣ процессы не столь автоматичны (какъ напр., въ рассказѣ о Ю. Цезарѣ, который, динутъ одновре-

менно четыре письма, самъ писать пятое), несомненно быстро совершаются колебания мысли, въ то время, какъ она перескакиваетъ отъ одного процесса къ другому; поэтому здѣсь едва ли получается выигрышъ времени.

Если предметами, охватываемыми вниманіемъ, являются незначительныя ощущенія, и когда требуется усиліе, чтобы ихъ точно отмѣтить, то, какъ выяснилъ опытъ, вниманіе, посвящаемое одному ощущенію, въ значительной степени мѣшаетъ хорошему воспріятію другихъ. Въ этой области не мало тонкихъ наблюдений сдѣлано проф. Вундтомъ. Онъ пытался примѣнить точное положеніе, какое займетъ на циферблатѣ быстро вращающаяся стрѣлка въ моментъ боя часовъ. Въ данномъ случаѣ слѣдовало отмѣнить одновременно два разныхъ ощущенія: одно зрительное и другое слуховое. После продолжительныхъ и терпѣливыхъ наблюдений оказалось, что зрительное впечатлѣніе нѣкогда или очень рѣдко можетъ быть отмѣчено точъ въ точъ одновременно съ тѣмъ мгновеніемъ, когда раздается звонъ. Зрительное впечатлѣніе наступало чуть-чуть раньше или чуть-чуть поздне— вотъ все, что могъ примѣтить наблюдатель.

Разновидности вниманія.

Вниманіе можетъ быть подраздѣлено на нѣсколько категорій по различнымъ основаніямъ.

Оно можетъ относиться

либо а) къ предметамъ чувственнымъ

(чувственное вниманіе)

либо б) къ идеальнымъ представленіямъ

(интеллектуальное вниманіе).

Вниманіе можетъ быть также

с) непосредственное или

д) производное.

Вниманіе является непосредственнымъ тамъ, гдѣ возбуждающій его предметъ или поводъ интересенъ самъ по себѣ, безотносительно къ чему либо другому; производнымъ же вниманіе бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самый предметъ его ассоциируется съ инымъ предметомъ, представляющимъ непосредственный интересъ. То, что я называю «производнымъ» вниманіемъ, другие называли «апперцептивнымъ» вниманіемъ.

Далѣе вниманіе можетъ быть:

е) пассивнымъ, рефлекторнымъ, произвольнымъ, не требующимъ усилія; или же:

ф) активнымъ и произвольнымъ.

Произвольное вниманіе бываетъ всегда «производнымъ»; тотъ или иной предметъ обращаетъ всегда наше вниманіе безъ особеннаго усилія, за исключениемъ того случая, гдѣ предметъ представляетъ для насъ лишь отдаленный интересъ, которому помогаетъ усиліе. Какъ чувственное такъ и интеллектуальное вниманіе могутъ быть и пассивными, и произвольными.

Поводомъ для произвольнаго вниманія, направленаго на чувственный предметъ непосредственно, является либо чувственное впечатлѣніе, очень сильное, большое или внезапное; либо такимъ поводомъ является

инстинктивный стимулъ (побужденіе) или воспріятіе, которое скорѣе по своей природѣ, чѣмъ по силѣ, вызываетъ какой либо изъ врожденныхъ намъ импульсовъ и оказываетъ на насъ непосредственно возбуждающее дѣйствіе.

Въ главѣ «объ инстинктѣ» мы увидимъ, насколько стимулы эти различны у разныхъ животныхъ и какъ многіе изъ нихъ развиты у человека, что можно видѣть по дѣйствию на насъ предметовъ непривычныхъ (странныхъ), движущихся, блестящихъ, красивыхъ, пляшущихъ и драгоценныхъ, а также движущихся звѣрей, словъ, ударовъ, крови и пр.

Восприимчивость къ непосредственно возбуждающимъ чувственнымъ стимуламъ составляетъ характерную особенность вниманія въ дѣтскіе и юношескомъ возрастѣ. Въ пору зрѣлости мы вообще предпочитаемъ тѣ побужденія, которыя связаны съ одними или нѣсколькими, такъ называемыми, устойчивыми интересами, и тамъ вниманіе становится равнодушнымъ ко всему остальному. Но дѣтство отличается большой дѣлательною энергіею, и обладаетъ лишь весьма немногочисленными организованными интересами, которые бы при воспріятіи новыхъ впечатлѣній доставляли критерій для сужденія о томъ, насколько данное впечатлѣніе заслуживаетъ вниманія; отсюда и происходитъ всѣмъ намъ знакомая въ дѣтствѣ крайняя подвижность вниманія, которая начальными уроками съ ребятами придаетъ характеръ хаотической беспорядочности. Любое сильное ощущеніе вызываетъ у дѣтей аккомодацию тѣхъ органовъ чувствъ, съ помощью которыхъ оно познается, а въ это время ребенокъ совершенно забываетъ объ урокѣ, съ которымъ имѣетъ дѣло. Это рефлекторное и пассивное вниманіе, въ силу котораго, — какъ замѣчаетъ одинъ французскій писатель, — ребенокъ не столько принадлежитъ себѣ, сколько каждому предмету, случайно имъ замѣченному, и есть то самое существонное, которое наставникъ долженъ преодолѣть. У многихъ субъектовъ подвижность рефлекторнаго вниманія оказывается нескоролимою въ теченіе всей жизни, и вся вообще работа ими совершается лишь въ промежутки, свободные отъ ихъ умственныхъ блужданій.

Пассивное чувственное вниманіе оказывается производнымъ въ томъ случаѣ, когда впечатлѣніе, не будучи само по себѣ достаточно сильнымъ или инстинктивно возбуждающимъ, связано, при помощи предшествующаго опыта и воспитанія, съ предметами, имѣющими именно характеръ — или — или инстинктивнаго возбужденія. Такіе предметы можно бы назвать мотивами вниманія. Отъ нихъ-то впечатлѣніе и получаетъ интересъ или, пожалуй, даже сливается съ ними въ одинъ сложный предметъ, благодаря чему и попадаетъ въ фокусъ нашей мысли. Легкій ступень не представляетъ ничу по себѣ интереса и можетъ пробѣжать незамѣченнымъ среди всѣхъ шумовъ, которые постоянно доносятся до насъ изъ вѣшняго міра. Но если это условный знакъ, напр., любовника, съ частотою въ ставень въ избранныхъ сердцахъ, то едва ли онъ пройдетъ незамѣченнымъ.

Гербартъ пишетъ: «какъ поражаетъ грамматически неправильная фраза ухо любителя правильной рѣчи! Какъ борбитъ музыканта фальшивая нота! Какъ оскорбляетъ свѣтлаго человека погрѣшность противъ хорошихъ манеръ! Какъ быстро преусвѣаемъ мы въ наукѣ, разъ первоначальныя ея основы усвоены настолько прочно, что мы воспроизводимъ ихъ мы-

сленно съ легкостью и полною отчетливостью! Съ другой стороны, какъ медленно и неуверенно усвоимъ мы основныя положенія науки, если знакомство съ еще болѣе элементарными понятіями, связанными съ изучаемымъ предметомъ, не дало намъ достаточной подготовки. Анперцентивное вниманіе ясно наблюдается на маленькихъ дѣтяхъ, когда они, прислушиваясь къ рѣчамъ старшихъ, для нихъ пока недоступнымъ, внезапно схватываютъ то здѣсь, то тамъ отдѣльныя знакомыя слова и повторяютъ ихъ про себя. То-же дѣлаетъ собака, которая оборачивается къ намъ, если мы заговариваемъ о ней, называя ее по имени. Не далеко отъ этого ушла у вообще разсѣянныхъ школьниковъ способность въ часы классныхъ занятій точно подмѣчать моментъ, когда наставникъ отъ скучнаго преподаванія переходитъ къ разсказамъ. Мнѣ вспоминаются уроки, въ которыхъ преподаваніе велось не интересно, и дисциплина такъ плохо поддерживалась, что въ классѣ стоялъ несмолкаемый гулъ, который, однако, неизбѣжно прекращался, когда учитель начиналъ разсказывать анекдотъ. Какими образомъ школьники, которые повидному ничего не слышали, замѣчали то мгновеніе, когда начинался анекдотъ? Несомнѣнно, большинство школьниковъ все время слышало что-то изъ учительскихъ рѣчей, но такъ какъ послѣднія болѣею частью не стояли въ связи съ предшествующими ихъ познаніями и занятіями, то по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя слова вступали въ сознаніе, они тотчасъ же отсюда и исчезали: но, съ другой стороны, разъ извѣстныя слова начинали пробуждать привычныя представленія, тѣсно связанныя въ цѣльную серію идей, съ которою впечатлѣнія новыя сочетались безъ труда,—какъ изъ старыхъ и новыхъ впечатлѣній сложался общій интересъ, который выталкивалъ блуждающія идеи за порогъ сознанія, а на мѣсто ихъ временно выдвигалъ прочное вниманіе.

Непроизвольное интеллектуальное вниманіе оказывается непосредственнымъ, если мы мысленно слѣдимъ за рядомъ образовъ, которые возбуждаютъ интересъ сами по себѣ; вниманіе будетъ производное, когда образы интересуютъ насъ потому, что, служатъ средствомъ къ осуществленію болѣе отдаленной цѣли, или сочетаются съ предметомъ, придающимъ имъ цѣнность.

Теченіе мыслей въ мозгу можетъ объединяться въ столь прочную систему, а объекты ихъ настолько могутъ поглощать вниманіе, что мы забываемъ и обычныя ощущенія, и даже сильныя страданія. Паскаль, Уэслей, Робертъ Галль, по разсказамъ, обладали этою способностью. Д-ръ Карпентеръ замѣчаетъ о себѣ: «онъ червѣдо приступалъ къ чтенію лекцій, страдалъ невралгіею настолько сильною, что опасался не довести лекцію до конца; но разъ дѣлалось усиліе и онъ при чтеніи лекцій погружался въ потокъ мыслей, онъ несся впередъ, не отвлекаясь даже болью, пока не заканчивалъ лекцію, и вниманіе его не разсѣивалось опять; тутъ боль возобновлялась съ непреодолимую силою, и онъ только дивился, какъ раньше могъ забыть ея присутствіе¹⁾».

¹⁾ Физиологія ума § 124. Аналогичный примѣръ этому представляютъ нередко приводимые случаи солдатъ, въ возбужденіи боя не замѣчающихъ даже, что они ранены.

Произвольное вниманіе.

Д-ръ Карпентеръ говоритъ о сосредоточеніи вниманія путемъ определеннаго усилія. Этимъ-то именно усиліемъ характеризуется вниманіе, которое мы называемъ «дѣятельнымъ» или «произвольнымъ». Это ощущеніе знакомо каждому изъ насъ, но большинство не сумѣетъ его даже и описать. Въ области чувственной имѣемъ его, когда стараемся уловить едва примѣтное впечатлѣніе, зрительное, слуховое, вкусовое, обонятельное, осязательное; оно возникаетъ въ насъ и тогда, когда мы силится выдѣлать какое-нибудь ощущеніе, затерянное въ массѣ другихъ, ему подобныхъ; оно возникаетъ, когда мы, противоудѣствуя притягательной силѣ болѣе сильныхъ стимуловъ, заставляемъ мысль сосредоточиться на предметѣ, который при естественныхъ условіяхъ не производитъ впечатлѣнія. Въ области умственной, произвольное вниманіе возникаетъ при аналогичныхъ условіяхъ: когда мы, напр., силится рѣзко и отчетливо себѣ представить идею, которая смутно въ насъ копошится; или когда мы съ болѣзненнымъ трудомъ стараемся постигнуть отличіе даннаго понятія отъ близко ему родственныхъ; или когда мы разсудительно ухватываемся за мысль, настолько противорѣчащую нашимъ побужденіямъ, что, не будъ произвольныхъ съ нашей стороны усилій, она быстро уступила бы мѣсто образамъ болѣе возбуждающимъ и страстнымъ. Всѣ формы усилій вниманія были-бы пушпы въ ходъ тѣмъ лицомъ, которое мы представимъ себѣ за обѣдомъ съ своими гостями, настойчиво слушающимъ собесѣда, который даетъ ему вполномоса цѣлѣный и несприятный совѣтъ, въ то время, какъ всѣ окружающе гости весело смѣются и разговариваютъ объ интересныхъ и возбуждающихъ предметахъ.

Произвольное вниманіе можетъ поддерживаться не болѣе нѣсколькихъ секундъ подъ-рядъ.

То, что мы называемъ «поддерживаемымъ произвольнымъ вниманіемъ», есть только послѣдовательное повтореніе усилій съ цѣлью возсозданія въ насъ умъ все того-же предмета. Разъ предметъ вызванъ нами, онъ развивается, если имѣетъ сходство съ потокомъ нашей мысли, а если его развитіе возбуждаетъ въ насъ интересъ, то онъ вызываетъ на нѣкоторое время вниманіе уже пассивное. Какъ мы видѣли изъ приведенной выше цитаты, д-ръ Карпентеръ разсказываетъ, что «погруженіе и потокъ мыслей» «уноситъ насъ впередъ». Этотъ пассивный интересъ можетъ длиться долго или коротко; когда же онъ ослабѣваетъ, то вниманіе отвлекается какой-нибудь постороннею вещью, и тогда только произвольное усиліе можетъ направить вниманіе на прежнюю тему; при благоприятныхъ условіяхъ это можетъ длиться часами. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе всего этого времени вниманіе сосредоточивается не на тождественномъ объектѣ въ психологическомъ смыслѣ, но на послѣдовательной смѣнѣ взаимно соотносящихся предметовъ, составляющихъ только тождественную тему, на которой останавливается вниманіе. Никто по всей вѣроятности не можетъ сосредоточивать непрерывно вниманіе на предметѣ, который не измѣняется.

Но всегда на-лицо имѣются такіе предметы, которые, за время пребыванія ихъ въ сознаниі, не развиваются. Такіе предметы попросту уходятъ изъ сознанія; для сосредоточенія мысли на чемъ-либо, имѣющимъ отношеніе къ подобнымъ предметамъ, требуются столь непрерывно возобновляемые усилія, что самая настойчивая воля вскорѣ пасуетъ и даетъ мыслямъ слѣдовать внушеніямъ болѣе привлекательныхъ стимуловъ, послѣ того, какъ удерживала ихъ отъ этого такъ долго, какъ могла. У каждого изъ насъ есть такіе темы, отъ которыхъ мы сторонимся не хуже пугливой лошади, избѣгая даже объ нихъ задумываться. Такова для расточителя мысль о быстро таящемъ имуществѣ, въ разгарѣ мотовства. Впрочемъ, не зачѣмъ даже и выдѣлять особенно расточителя, если сообразить, что для всякаго человѣка, поддавшагося влеченію страсти, мысль объ интересахъ, противоборѣжащихъ этой страсти, держится въ умѣ не долѣе мимолетнаго мгновенія. Такія мысли то-же, что менѣе шогі среди гордой своею роскошью жизни. Подобныя мысли заставляютъ сопротивляться нашу природу, и мы попросту топимъ ихъ отъ себя. Какъ долго ты, любезный читатель, обладая хорошимъ здоровьемъ, станешь предаваться размышленіямъ объ ожидающей тебя могилѣ? Точно также и въ случаяхъ болѣе обыденныхъ приходится считаться съ тѣмъ же явленіемъ, особенно если мозгъ утомленъ. Каждый изъ насъ хватается за ничтожный вѣнчикъ, лишь бы отдѣлаться отъ ненавистнаго текущаго занятія. У меня, напр., есть знакомый, который будетъ мѣшать кочергой въ каминѣ, переставлять мебель у себя въ комнатѣ, подбирать съ пола соръ, приводить въ порядокъ свой письменный столъ, просматривать газеты, перелистывать книги, какія попадутся на глаза, стричь себѣ ногти и т. п.,—словомъ сказать, стараться убить какъ-нибудь утро, совершенно не преднамѣренно,—и потому только, что единственная вещь, которой онъ долженъ посвятить все свое вниманіе,—есть необходимость подготовиться къ послѣ-обѣденной лекціи по формальной логикѣ, ему ненавистной. Что угодно готовъ дѣлать, только не это!

Повторю еще разъ, предметъ, на которомъ мы сосредоточиваемъ произвольное вниманіе, долженъ измѣняться. Если это предметъ, воспринимаемый зрѣніемъ, то въ концѣ концовъ, при долгомъ смотрѣніи на него, мы перестанемъ его видѣть; если это объектъ слуха, то мы перестанемъ его слышать, разъ наше вниманіе неподвижно сосредоточено на немъ. Гельмгольцъ, который подвергалъ чувственное вниманіе точнымъ опытамъ, сосредоточивая, напр., собственное зрѣніе на предметахъ, которые въ обыденной жизни пропускаются безъ вниманія, дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о борьбѣ, вызываемой въ сѣтчатой оболочкѣ. Явленіе, называемое этимъ именемъ, состоитъ въ томъ, что когда мы смотримъ каждымъ глазомъ на разные рисунки,—напр., на прилагаемомъ стереоскопическомъ рисункѣ,—то въ наше сознаніе будетъ проникать то одно, то другое изображеніе, или частью одно и частью другое, но едва ли когда-нибудь два разныхъ изображенія скомбинируются въ одно цѣльное.

Гельмгольцъ пишетъ:

«Я убѣдился, что могу произвольно направлять вниманіе то на одну систему линій, то на другую; въ этомъ случаѣ одна система временно представляется мнѣ отчетливо, а другая совершенно исчезаетъ. Такъ

бываетъ, если я, напр., пытаюсь сосчитать сначала число линеекъ, входящихъ въ составъ одной системы, а затѣмъ другой... Но мнѣ чрезвычайно трудно надолго приковать вниманіе къ одной изъ двухъ системъ, если пристальное взглядываніе не соединяется съ опредѣленнымъ намѣреніемъ, которое бы непрестанно обновляло дѣятельность вниманія. Такъ, напр., можно задаться тѣмъ, чтобы сосчитать количество линеекъ, сравнить промежутки между ними и т. д., но ни при какихъ условіяхъ нельзя на долгое время удержать это равновѣсіе вниманія. Вниманіе, предоставленное самому себѣ, имѣетъ естественное стремленіе переходить къ каждому новому предмету; и какъ только интересъ, возбуждаемый известнымъ предметомъ, иссякаетъ, и ничего уже новаго открыть въ немъ наше вни-

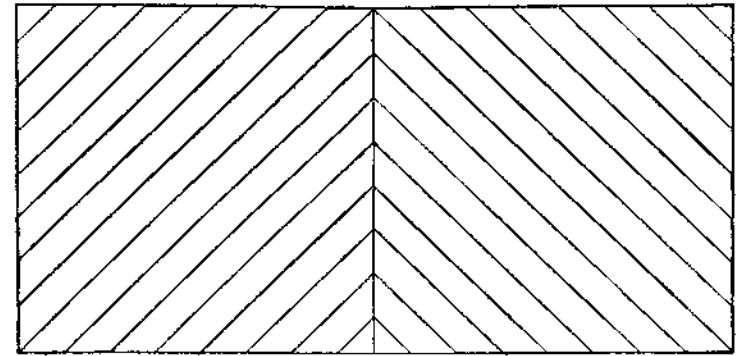


Рис. 51.

маніе не можетъ, оно, хотя бы вопреки воли, переходитъ на другой предметъ. Если же мы хотимъ сосредоточить вниманіе на одномъ предметѣ, то необходимо постоянно выискивать въ немъ что-нибудь новое, особенно же, если иныя сильныя впечатлѣнія отвлекаютъ насъ отъ этого предмета».

Слова Гельмгольца имѣютъ первостепенную важность. Если они представляются вѣрными относительно чувственного вниманія, то еще болѣшую достоверность приобретаютъ, разъ дѣло касается вниманія интеллектуальнаго. *Conditio sine qua non* для поддержанія неослабнаго вниманія къ данной темѣ мышленія въ томъ и заключается, чтобы заставить вниманіе переворачивать эту тему на всевозможные лады, послѣдовательно открывая въ ней новые виды и взаимоотношенія. Только въ патологическихъ состояніяхъ неподвижная и постоянно возвращающаяся идея (*idée fixe*) овладѣваетъ мыслью.

Геній и вниманіе.

Теперь мы безъ труда усмотримъ, что такъ называемое «поддерживаемое» вниманіе удается тѣмъ легче и бываетъ тѣмъ богаче новыми пріобрѣтеніями, чѣмъ свѣжѣе и оригинальнѣе умъ. У такихъ умовъ мысли пускаютъ новые ростки и пышно расцвѣтаютъ; въ любое мгно-

ение онъ плодитъ новые выводы и приковываютъ къ нимъ снова внимание. Наоборотъ умъ, бѣдный матеріаломъ, неподвижный, не оригинальный, неспособенъ подолгу останавливаться на одномъ предметѣ. Ему достаточно одного взгляда, чтобы истерпать свою способность интересоваться. Обыкновенно полагаютъ, что гении превосходятъ прочихъ людей силою «поддерживаемаго» вниманія. Возможно, пожалуй, опасаться, что у многихъ изъ нихъ эта «сила» поддерживаемаго вниманія носитъ характеръ пассивный. Ихъ идеи блещутъ яркими красками, плодотворны ихъ умъ въ любомъ предметѣ открываетъ безчисленные развѣтвленія, и они часами могутъ оставаться подъ обаяніемъ одного предмета. Но именно ихъ гений и дѣлаетъ ихъ внимательными, но не вниманіе дѣлаетъ ихъ гениями. Вникая глубже въ суть дѣла, мы убѣждаемся, что гении отличаются отъ заурядныхъ людей не столько характеромъ вниманія, сколько характеромъ предметовъ, на которыхъ ихъ вниманіе останавливается поочередно. У гениевъ эти предметы связываются въ неразрывную цѣпь и по опредѣленнымъ рациональнымъ законамъ; размышленія надъ однимъ предметомъ подстрекаютъ къ размышленіямъ надъ другими. Поэтому и говорятъ, что вниманіе «поддерживается» и что тема мышленія остается той же самой по цѣлымъ часамъ; у человѣка же зауряднаго, ряды мыслей безсвязны, объекты не имѣютъ рациональной связи, а потому и самое ихъ вниманіе мы называемъ неустойчивымъ и блуждающимъ.

Гений, по всей вѣроятности, дѣлательно стремится предохранить человека отъ приобретенныхъ привычекъ правильного вниманія, а среднія умственные дарованія являются тою почвою, гдѣ съ наибольшимъ достоинствомъ можно ожидать развитія такъ называемыхъ «добродѣтелей воли». Но будетъ ли вниманіе вызвано свойствами гения, или усилями воли, чѣмъ долѣе человекъ способенъ посвящать неослабное вниманіе одной и той же темѣ, тѣмъ обстоятельнѣе онъ ею и овладѣваетъ. А способность направлять по произволу блуждающее вниманіе вновь и вновь есть истинный путь сужденія, характера и воли. Никто не является *sompro sui*, если облѣненъ этою способностью. Воспитаніе, которое бы усовершенствовало эту именно способность, было бы воспитаніемъ *par excellence*. Но поставить такой идеалъ несравненно легче, чѣмъ преподавать практическія указанія къ его осуществленію. Единственное общее педагогическое положеніе, касающееся развитія вниманія, гласитъ, что чѣмъ у ребенка имѣется заранѣе большій интересъ къ предмету, тѣмъ онъ будетъ къ нему внимательнѣе. Поэтому воспитывайте ребенка такъ, чтобы каждое новое свѣдѣніе, ему сообщаемое, сплеталось съ приобретенными ранѣе, и, если возможно, будите въ немъ любопытство, придавая каждому вновь сообщаемому свѣдѣнію характеръ отвѣта или составной части отвѣта на запросы, которые уже существуютъ въ его душѣ.

Физиологическія условія вниманія.

Условія эти, повидимому, слѣдующія:

1) Соотвѣствующій центръ въ корковомъ веществѣ мозга долженъ подвергнуться какъ идеационному, такъ и чувственному раздраженію прежде, чѣмъ можетъ явиться вниманіе къ данному предмету.

2) Тотъ или другой органъ нашихъ чувствъ долженъ примѣняться къ исполнѣнію воспріятію предмета, путемъ приспособленія соотвѣствующаго мускульнаго аппарата.

3) Съ полною достовѣрностью можно предположить, что къ соотвѣствующему центру въ корковомъ веществѣ мозга долженъ происходить въ такихъ случаяхъ нѣкоторый приливъ крови.

О третьемъ условіи я распространяться не стану, такъ какъ объ этомъ предметѣ точныхъ свѣдѣній не имѣется, и я свое утвержденіе строю, основываясь на общихъ аналогіяхъ; условія же, обозначенныя въ 1 и 2 пунктахъ, могутъ быть проверены, и ради большаго удобства сначала мы рассмотримъ второе условіе, а затѣмъ первое.

Приспособленіе органовъ чувствъ.

Происходитъ оно не только въ томъ случаѣ, когда вниманіе направляется на чувственное впечатлѣніе, но и при вниманіи умственномъ.

Что подобное приспособленіе должно имѣть мѣсто, разъ вниманіе направляется на чувственные предметы, это ясно само собою.

Если мы присматриваемся или прислушиваемся къ чему-нибудь, то мы невольно приспособляемъ для этого свои глаза и уши, поворачиваемъ то такъ, то иначе свою голову и тѣло; если мы что-нибудь обоняемъ или пробуемъ на вкусъ, то въ ходъ пускаются языкъ, губы и вдыханіе; если мы хотимъ осязать какую-нибудь поверхность, то мы заставляемъ соотвѣствующій органъ дѣлать ощупывающія движенія; при всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ, независимо отъ произвольнаго совершенія положительныхъ мускульныхъ сокращеній, мы подавляемъ еще и другія, которыя могутъ неблагоприятно повліять на результаты: такъ, пробуя что-нибудь на вкусъ, мы жмуримъ глаза; прислушиваясь, задерживаемъ дыханіе и т. д. Въ результатѣ получается болѣе или менѣе массивное органическое ощущеніе того, что вниманіе направлено. Обыкновенно мы считаемъ это органическое ощущеніе частью ощущенія нашей собственной дѣятельности, хотя дается оно намъ нашими органами чувствъ, послѣ того, какъ они приспособлены. Такимъ образомъ непосредственное воздѣйствіе (возбужденіе), оказываемое какимъ-либо предметомъ, обуславливаетъ рефлектерное приспособленіе извѣстнаго органа чувства, а послѣднее въ свою очередь порождаетъ два результата — во-первыхъ, сознаніе нашей дѣятельности, а во-вторыхъ, болѣе ясное уразумѣніе того предмета, который занимаетъ наше вниманіе.

Въ области интеллектуальнаго вниманія наблюдается такое же сознаніе дѣятельности.

Фехнеръ, сколько я знаю, впервые подвергъ обследованію эти чувства и выдѣлялъ ихъ изъ болѣе рѣзкихъ, описанныхъ мною выше.

Фехнеръ пишетъ: «Переносъ вниманія съ предметовъ, ощущаемыхъ однимъ органомъ чувствъ, на предметы, ощущаемые другими органами, мы испытываемъ неподдающееся описанію чувство измѣненія направленія или на разные лады локализованнаго напряженія (*Spannung*) (по вѣстѣ съ тѣмъ чувство это исполнѣ опредѣленное и воспроизводится по произволу). Мы чувствуемъ напряженіе въ глазахъ, заставляющее насъ смотрѣть впе-

редъ; мы напрягаемъ ухо, такъ какъ до насъ доносятся шумъ сбоку; эти ощущения растутъ по мѣрѣ того, какъ усиливается наше вниманіе, и измѣняются по мѣрѣ того, какъ мы тщательно приглядываемся или прислушиваемся; поэтому мы и говоримъ о напряженіи вниманія. Различія эти ясно постигаются, если вниманіе быстро колеблется между зрѣніемъ и слухомъ, а ощущенія локализируются въ рѣшительно выраженныхъ направленіяхъ въ зависимости отъ различныхъ органовъ чувствъ и нашего желанія точно распознать предметъ съ помощью осязанія, вкуса или обонянія».

«Но вотъ я стараюсь ясно возсоздать въ памяти или воображеніи известную картину, и я испытываю чувство, аналогичное съ тѣмъ, какое испытывалъ, когда старался узнать какой нибудь предметъ при помощи глаза или уха, но только это аналогичное чувство локализируется иначе. Когда я направляю вниманіе съ особенною силою на реальные предметы (или оставленные ими «послѣ-изображенія»), напряженіе устремляется впередъ или (тамъ, гдѣ вниманіе перескакиваетъ съ одного чувства на другое) только мѣняетъ свое направленіе среди различныхъ внѣшнихъ органовъ чувствъ, оставляя остальную часть головы свободною отъ напряженія. Совершенно иное наблюдается, когда я что нибудь припоминаю или соображаю: здѣсь чувство всецѣло отвлекается отъ внѣшнихъ органовъ и повидимому ищетъ себя убаживая въ той части головы, которая заполнена мозгомъ. Если у меня, напр., является желаніе вспомнить мѣстность или личность, онъ предо мною возстаютъ съ полною яркостью лишь когда я стану устремлять вниманіе не впередъ, но, наоборотъ, направляю его, если можно такъ выразиться, назадъ».

Обыкновенно кажется, что это «направленіе вниманія назадъ», ощущаемое при обращеніи мысли на идеи воспоминанія и т. п., главнымъ образомъ, дается намъ чувствомъ дѣйствительнаго вращенія глазами яблоками, назадъ и вверхъ, подобно тому, какъ это происходитъ во снѣ,— и въ полную противоположность съ тѣмъ, какъ мы дѣйствуемъ глазами, глядяваясь въ физическіе предметы.

Однако, это приспособленіе органа чувства вовсе не является существеннымъ процессомъ въ работѣ даже чувственнаго вниманія; это второстепенный результатъ, который возможно и не допустить до проявленія, какъ показываютъ наблюденія. Обыкновенно, совершенно правильно замѣчалось, что никакой предметъ, лежащій на окраинахъ нашего поля зрѣнія, не можетъ остановить на себѣ вниманія, если одновременно не привлечетъ къ себѣ и нашего взгляда, т. е. въ данномъ случаѣ неизбежно глаза должны произвести известный вращательный движеніи и приспособиться такъ, чтобы изображеніе предмета сосредоточилось на желтомъ пятнѣ (fovea)—самой чувствительной точкѣ глаза. Практика однако-же при усиліи можетъ научить насъ схватывать вниманіемъ предметы, лежащіе на окраинѣ нашего поля зрѣнія, тогда какъ глаза остаются въ полной неподвижности. При подобныхъ условіяхъ предметъ никогда не можетъ быть воспринятъ нами отчетливо, такъ какъ самое мѣсто, гдѣ на глазную сѣтчатку падаетъ изображеніе предмета, дѣлается невозможнымъ такую отчетливость, и, однако,—какъ можетъ убѣдиться каждый изъ опыта,—въ этомъ случаѣ мы все же получимъ о предметѣ болѣе ясное сознаніе, чѣмъ когда этого внутреннего усилія вниманія сдѣлано не было. Такимъ

именно образомъ, напр., учителя въ классѣ слѣдятъ за воспитанниками, на которыхъ какъ будто и не смотрятъ вовсе. Въ обществѣ, жестикулы гораздо болѣе мушкетъ изощряются въ умѣніи пользоваться периферическимъ зрительнымъ вниманіемъ. Гельмгольцъ подтверждаетъ выставленныя имъ положенія такимъ разительнымъ наблюденіемъ, что я приведу его полностью. Онъ произвелъ опытъ, съ цѣлью сличенія въ общемъ представленіе двухъ стереоскопическихъ картинъ, мгновенно освѣщая ихъ электрическою искрою; картинки, помѣщенные въ ящикѣ, куда не проникалъ свѣтъ, освѣщались лишь отъ времени до времени электрическою искрою, а для того, чтобы въ промежуткахъ, глаза не блуждали, въ серединѣ каждой картинки былъ сдѣланъ булавочкою проколъ, черезъ который изъ комнаты проникалъ свѣтъ, такъ что каждый изъ глазъ, въ промежутки темноты, имѣлъ передъ собою свѣтящуюся точку. Когда зрительныя оси обоихъ глазъ были параллельны другъ къ другу, оба точки сдвигались въ единое представленіе, но малѣйшее движеніе глазныхъ яблокъ изобличалось немедленнымъ удвоеніемъ изображенія. Гельмгольцъ затѣмъ убѣдился, что, держа глаза неподвижно (въ направленіи оптическихъ осей) мы видимъ при каждой электрической вспышкѣ самую простую линейную изображенія, сдѣланныя на плоскости въ формѣ тѣлъ, т. е. какъ будто бы это были не рисунки на бумагѣ, а предметы, имѣющіе рельефность¹⁾. Въ тѣхъ же случаяхъ когда для стереоскопическихъ картинокъ служили сложныя фотографіи, воспріятіе ихъ въ цѣломъ требовало нѣсколько послѣдовательныхъ вспышекъ.

Любопытно тутъ то, замѣчаетъ Гельмгольцъ, что хотя мы въ промежутки темноты упорно фиксируемъ черезъ булавочные проколы свѣтящаяся точки и не позволяемъ объединенному изображенію раздвигаться, мы, тѣмъ не менѣе, прежде, чѣмъ совершится вспышка, можемъ произвольно устремить вниманіе на любую часть темнаго поля, такъ что, когда вспышка электричества, впечатлѣніе воспринимается лишь отъ части изображенія, которая падаетъ на ту часть зрительнаго поля, къ которой было обращено наше вниманіе въ этомъ отношеніи: значитъ, наше вниманіе оказывается независимымъ отъ положенія и аккомодации глазъ и отъ какихъ либо ощущаемыхъ нами измѣненій въ этомъ органѣ; оно свободно направитъ себя сознательнымъ произвольнымъ усиліемъ на избранную часть темнаго и неразличимаго поля зрѣнія. Это, несомнѣнно, одно изъ важнѣйшихъ наблюденій для будущей теоріи вниманія²⁾.

Идеаціонное возбужденіе центра.

Но если периферическая часть изображенія, въ вышеприведенномъ опытѣ, не была физически приспособлена для воспріятія (т. е. не падала на желтое пятно сѣтчатки), то какимъ же образомъ наше вниманіе могло направляться на эту не приспособленную часть? Что именно происходитъ, когда мы «распредѣляемъ» или «разсѣваемъ» вниманіе на предметъ, на

¹⁾ То есть, какъ и всегда, мы видимъ рисунки въ стереоскопѣ. Но при мгновенномъ видѣніи (при вспышкѣ электричества) такое видѣніе возможно лишь съ самыми простыми рисунками.

Ред.

²⁾ Physiolog. Optik. S. 741.

который, однако-же, не желаемъ распространить аккомодацию нашего органа зрѣнія? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнью второй характерной черты изслѣдуемаго нами процесса вниманія, т. е. къ «идеационному возбужденію», о которомъ вскользь упоминалось выше. Усиліе охватить вниманіемъ и окраинную часть изображенія заключается единственно въ усилии образовать въ себѣ, сколь возможно яснѣе, идею о томъ, что изображено на рисункѣ. Идея должна тутъ придти на помощь ощущенію для приданія послѣднему большей отчетливости. Идея можетъ явиться только путемъ усилія, и этотъ способъ ея появленія (т. е. при помощи усилія) и есть та остаточная часть, которую мы знаемъ, какъ «напряженіе» вниманія при данныхъ обстоятельствахъ.

Теперь покажемъ, насколько всеобще въ нашихъ актахъ вниманія присутствіе предварительной мысли о предметѣ, на который мы обращаемъ вниманіе.

Придуманное г. Люисомъ названіе пререперценціи удачно обозначаетъ данный случай представленія въ умѣ извѣстнаго опыта прежде его осуществленія.

Пререперценція, конечно, должна имѣть мѣсто, разъ вниманіе носитъ интеллектуальный характеръ, такъ какъ въ этомъ случаѣ объектомъ для вниманія служатъ ничто иное, какъ идея, внутреннее воспроизведеніе предмета или понятіе (концепція). Поэтому, если мы докажемъ, что идеальное построеніе предмета присутствуетъ и въ чувственномъ вниманіи, то этимъ будетъ подтверждено существованіе этого построенія (пререперценціи) и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Однако, когда чувственное вниманіе стоитъ на высшей точкѣ напряженія, невозможно и опредѣлить, какая доля воспріятія заимствуется извнѣ и какая изнутри, но если мы найдемъ, что приготовленіе къ напряженію вниманія заключается отчасти въ созданіи воображеніемъ двойника тому предмету, на который мы должны обратить вниманіе, то этого будетъ достаточно, чтобы установить исходный пунктъ спора. Въ опытахъ надъ опредѣленіемъ времени реакціи (Гл. VIII), направляя мысль на движеніе, подлежащее осуществленію, мы черезъ это ускоряли время наступленія самой реакціи. Это ускореніе въ главѣ VIII приписано тому факту, что, когда появляется сигналъ, онъ уже находитъ двигательный центръ заряженнымъ заранее почти до степени точки взрыва: тутъ вниманіе, выжидая наступленія реакціи, идетъ выѣсть съ возбужденіемъ соответствующаго нервнаго центра; когда подлежащее воспріятію впечатлѣніе слабо, то единственнымъ способомъ для уловленія его будетъ, если мы изощримъ наше вниманіе, поставивъ его въ предварительное соприкосновеніе съ тѣмъ же впечатлѣніемъ, но въ болѣе рѣзкой формѣ. Гельмгольцъ говоритъ: «Если мы хотимъ приступить къ наблюденіямъ надъ обертонами (см. объясненіе этого слова ранѣе, въ главѣ о звукѣ), то слѣдуетъ прежде, чѣмъ произвести сложный звукъ, подлежащій анализу, вызвать слабый звукъ той ноты, которая входитъ въ составъ сложнаго, и которую мы желаемъ въ немъ отыскать. Если мы напр. поставимъ около уха резонаторъ, который бы соответствовалъ извѣстному обертону, напр. g' для ноты c , и затѣмъ заставимъ прозвучать ноту c , то подзвучіе g' значительно усилится резонаторомъ. Этимъ усиленіемъ

обертона въ резонаторѣ можно воспользоваться для того, чтобы заставить и невооруженное нѣтъ ухо съ большою внимательностью уловить обертоны, который мы отыскиваемъ... Вѣдь, когда мы станемъ отодвигать резонаторъ отъ уха, обертоны g' начнутъ ослабѣвать, но вниманіе, однажды направленное на звукъ g' удерживаетъ его теперь скорѣе и легче, и наблюдателю будетъ теперь уже невооруженнымъ ухомъ слышаться этотъ звукъ въ естественной и неизмѣнно-сложной нотѣ c ¹⁾.

Вундтъ, поясняя эти опыты, говоритъ: «То-же можно замѣтить о слабыхъ или скоропреходящихъ зрительныхъ впечатлѣніяхъ. Начните освѣщать рисунокъ электрическими искрами, отдѣляя каждую искру отъ другой значительными промежутками времени: послѣ одной вспышки, а иногда даже послѣ двухъ и трехъ вы едва ли еще будете въ состояніи что либо различить на рисункѣ, такъ какъ ощущеніе отъ него черезъ-чуръ кратко. Но, однако, смутное представленіе о рисункѣ скоро начнетъ удерживаться въ памяти; каждое послѣдовательное мгновенное освѣщеніе будетъ дополнять его; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мы достигнемъ совершенно яснаго воспріятія при тѣхъ-же мгновенныхъ вспышкахъ. Первоначальнымъ поводомъ для этой внутренней дѣятельности обыкновенно является само вѣннее явленіе. Мы слышали звукъ, въ которомъ, по нѣкоторымъ ассоціациямъ, мы ожидаемъ опредѣленнаго обертона; ближайшимъ дѣйствіемъ будемъ возсоздать въ памяти этотъ обертоны, а въ заключеніе мы уловимъ его и въ слышимомъ звукѣ. Или напр., мы рассматриваемъ какое нибудь минеральное вещество, видѣнное нами раньше. Это впечатлѣніе вызываетъ въ нашей памяти извѣстный образъ, который болѣе или менѣе полно сливается съ самымъ впечатлѣніемъ... Разныя свойства впечатлѣній вызываютъ отдѣльныя приспособленія къ каждому изъ нихъ. И вотъ, мы замѣчаемъ, что ощущеніе напряженности нашего внутренняго вниманія возрастаетъ съ каждымъ увеличеніемъ силы тѣхъ впечатлѣній, на воспріятіе которыхъ мы расчитываемъ».

Всего естественнѣе представить себѣ это явленіе въ символической формѣ мозговой клѣточки, воздѣйствіе на которую оказывается съ двухъ сторонъ— въ то время какъ извѣстный предметъ возбуждаетъ данную клѣтку извнѣ, на нее дѣйствуютъ и другія мозговія клѣточки изнутри. Для полнаго возбужденія энергіи данной клѣтки требуется совмѣстное дѣйствіе обоихъ факторовъ. Предметъ подвергается полному вниманію и полному воспріятію не тогда, когда онъ только присутствуетъ, но когда сразу онъ и присутствуетъ и внутренне воображается.

Теперь намъ станутъ понятны дополнительные по этому предмету опыты. Гельмгольцъ, напр., прибавляетъ нижеслѣдующее наблюденіе къ тѣмъ наблюденіямъ, которыми онъ производилъ надъ стереоскопическими картинками, освѣщаемыми съ помощью вспышекъ электричества. «Взавъ картинки, настолько простыя, что видѣть ихъ вдвойнѣ (т. е. не слившимися въ одну стереоскопическій образъ) было для меня сравнительно трудно, я тѣмъ не

¹⁾ Почти всѣ звуки, встрѣчаемые въ природѣ (напр., голоса животныхъ, людей, и т. д.), а также издаваемые инструментами, хотя и кажутся намъ чистыми, но на самомъ дѣлѣ сопровождаются добавочными созвучіями (обертонами), которые и можно выѣять. Ред.

менте успевать добиться того, что даже и при мгновенном осязании видѣлъ ихъ двойными, и достигалъ я этого тѣмъ, что старался какъ можно ярче представить себѣ въ воображеніи, какъ эти картинки должны быть въ двойномъ видѣ. Вліяніе здѣсь вниманія вполне очевидно, такъ какъ движеніе глазъ исключается».

Разбирая вопросъ о борьбѣ съчтатыхъ оболочекъ, Гельмгольцъ говоритъ: «Это не есть борьба силы между двумя ощущеніями, но зависить отъ напряженія или ослабленія нашего вниманія. Едва ли можно найти другое явленіе, на которомъ можно было бы съ большимъ удобствомъ изучить причины опредѣляющія вниманіе. Не достаточно принять сознательное намѣреніе сначала посмотреть однимъ глазомъ, а затѣмъ другимъ, но мы должны напередъ составить себѣ наивозможное ясное понятіе о томъ, что именно ожидаемъ увидѣть. Этотъ то образъ предъ нами и появится».

Такъ напр., фиг. 55 и 56, гдѣ каждый рисунокъ можетъ представляться намъ въ двойной формѣ, мы можемъ заставить смѣняться одну видимую

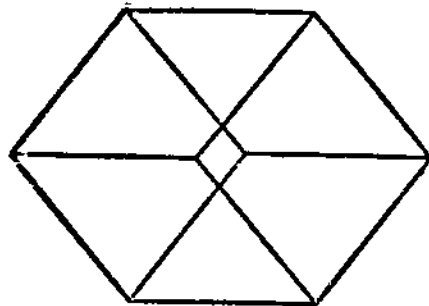


Рис. 52.

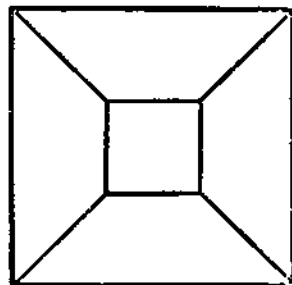


Рис. 53.

форму другой поочередно, напряженно представляя себѣ впередъ, какую изъ этихъ двухъ формъ хотимъ видѣть¹⁾.

Тоже происходитъ и въ загадочныхъ картинкахъ, гдѣ отдѣльными линіи рисунка образуютъ своимъ сочетаніемъ предметъ, не имѣющій никакого отношенія съ видимымъ рисункомъ; тоже наблюдается и въ другихъ случаяхъ, гдѣ предметъ не ясенъ и съ трудомъ отличается отъ задняго плана:— долгое время мы этого предмета не въ состояніи видѣть, но, разъ примѣтивъ его, мы получимъ возможность привлекать на него вниманіе по произволу, съ помощью его умственного дубликата, который сохранится въ

¹⁾ Первую изъ этихъ фигуръ можно видѣть такъ, что ея углы, лежащіе внутри рисунка, будутъ выступать впередъ поочередно, то одинъ, то другой, а въ тоже время соответственно удаляться въ глубину, то лежащій лѣвѣе, то лежащій правѣе. Второй же рисунокъ мы можемъ видѣть, то выходящимъ (къ намъ), то согнутымъ (отъ насъ).
Ред.

воображеніи. Кто, напр., сразу замѣтитъ въ безсмысленномъ наборѣ французскихъ словъ

«pas de lieu Rhone que nous»

англійское осмысленное наставленіе

paddle you v own sa noe?

(гребите въ своей собственной лодкѣ)¹⁾.

Но кто же, напавъ на это тожество обѣихъ фразъ, не сумѣетъ вернуться къ нему вновь вниманіемъ? Если почему-нибудь мы ожидали, что отдаленные часы сейчасъ начнутъ свой бой, нашъ умъ до такой степени переполняется представленіемъ этого боя, что намъ начинается ежесекундно казаться, будто мы уже слышимъ этотъ желаемый или наоборотъ страшный для насъ бой?

Тоже самое, когда мы ожидаемъ услышать чьи-нибудь шаги. Каждый шорохъ въ лѣсу кажется охотнику звукомъ отъ движенія подстерегаемой имъ добычи, а бѣглецу—шагами его преслѣдователей. Влюбленный подъ каждую встрѣчную на улицѣ шляпку готовъ видѣть головку своей милой. Образъ, слагающійся въ умѣ и есть вниманіе; а воспріятіе есть на половину воспріятіе того, что мы видимъ заранее, когда еще воспринимаемого предмета нѣтъ, но мы его ожидаемъ.

По этой же причинѣ люди замѣчаютъ въ предметахъ только тѣ ихъ стороны, которыя они ранѣе научились различать. Каждый изъ насъ можетъ примѣтить известное явленіе, послѣ того какъ на него намъ указали, но едва ли кто и изъ десяти тысячъ людей сумѣетъ самостоятельно открыть это явленіе. Даже въ области поэзіи и искусства требуется, чтобы кто-нибудь явился и подсказалъ намъ, какія стороны предмета слѣдуетъ выдвинуть для себя на первый планъ и какіе эффекты должны вызывать въ насъ восторги,—только тогда эстетическая наша природа «распирается» до полнаго своего объема и потомъ уже никогда не подвергается «ошибочной эмоціи»²⁾.

Въ наглядномъ обученіи по правиламъ, практикуемымъ въ дѣтскихъ садахъ, дѣтей, напр., заставляютъ перечислять, сколько опредѣленныхъ чертъ они могутъ примѣтить въ такомъ предметѣ,—какъ цвѣтокъ или птичку чучело. Дѣти тотчасъ же называютъ черты, хорошо имъ знакомые, какъ напр., листья, хвостъ, клювъ или ноги, но они цѣлыми часами будутъ смотрѣть на цвѣты или чучело и не увидятъ ни чешуекъ, ни поздрей, ни когтей, пока на этихъ подробностяхъ не остановятъ ихъ вниманія; послѣ этого ужъ, конечно, они вслѣдъ за разъ станутъ замѣчать и эти подробности. Говоря кратко, единственный вещи, которыя мы обыкновенно видимъ, это тѣ вещи, которыя мы воспринимаемъ, а воспринимаемъ мы только тѣ вещи, которыя имѣютъ для насъ известную отмычку или ярлыкъ, и эта отмычка запечатлѣлась въ нашей мысли.

¹⁾ Подобный же примѣръ даетъ намъ шутка,—кажется, принадлежащая В. С. Курочкину, гдѣ, повидимому, итальянское стихотвореніе, начинающееся стихомъ: «O, son amore, divo son», есть чисто русское: «O, сонъ на морѣ, даво-сонъ!»
Ред.

²⁾ Джемсъ тутъ, по обыкновенію, противопоставляетъ намъ, такъ называемымъ, «цѣлителямъ искусства», выдающимъ все съ чужого голоса.
Ред.

Если бы мы утратили запасъ этихъ ярлыковъ, мы умственно оказались бы потерянными среди мира.

Педагогические выводы.

Слѣдуетъ, во-первыхъ, укрѣплять вниманіе въ тѣхъ дѣтяхъ, которые, не интересуясь предметомъ изученія, даютъ своимъ мыслямъ блуждать изъ стороны въ сторону. Интересъ слѣдуетъ здѣсь «производить» чѣмъ-либо постороннимъ, что учитель связываетъ въ ассоціацію съ урокомъ. Если ничего не приходитъ на умъ болѣе духовнаго, прибѣгаютъ обыкновенно къ наградамъ и наказаніямъ... Если тема преподаванія не вызываетъ въ ребенкѣ непроизвольнаго вниманія, то слѣдуетъ заимствовать интересъ изъ чего-нибудь другого. Всего лучше, если интересъ этотъ будетъ внутренній; поэтому, преподавая дѣтямъ въ классѣ, мы должны стараться сообщаемыя новыя свѣдѣнія связывать рациональными звеньями съ предметами, о которыхъ дѣти уже имѣютъ представленія. Старое и знакомое безъ труда усваивается вниманіемъ и помогаетъ привлекать новыя понятія, образуя для нихъ «апперцепционную массу» (Apperceptionsmasse), по фразеологіи Гербарта. Несомнѣнно, талантъ наставника всего лучше называется въ умѣннѣ выбрать подходящую апперцепционную массу. Конечно, психологія для этого можетъ установить лишь общее правило.

Во-вторыхъ, необходимо устранять блужданіе мыслей, которое въ болѣе позднемъ возрастѣ служитъ большой помѣхой при чтеніи или слушаніи лекцій и рѣчей.

Если вниманіе есть не что иное, какъ воспроизведеніе ощущенія, идущаго изнутри, то не столько привычка читать не одними глазами и слушать не одними ушами, сколько привычка повторять про себя видимыя и слышимыя слова можетъ углубить вниманіе къ самымъ словамъ. Опытъ и подтверждаетъ это въ дѣйствительности. Я могу въ значительной степени удерживать мои мысли отъ блужданія, если при разговорѣ или лекціи попытаюсь активно повторять про себя слова, а не ограничусь простымъ слушаніемъ ихъ. Я убѣдился, что многимъ моимъ слушателямъ послужило на пользу произвольное употребленіе такихъ же приемовъ¹⁾.

Вниманіе и свободная воля.

До сихъ поръ я говорилъ такъ, какъ будто вниманіе наше всецѣло опредѣляется нервными условіями. Я и на самомъ дѣлѣ вѣрю тому, что этимъ опредѣляется тотъ порядокъ слѣдованія предметовъ другъ за другомъ, въ которомъ мы можемъ обращать на нихъ вниманіе. Никакой объектъ не можетъ захватить вниманія нашего иначе, чѣмъ чрезъ посредство первнаго механизма. Но та сумма вниманія, которою восполь-

зуется извѣстный предметъ, послѣ того, какъ онъ уже уловленъ нашимъ умственнымъ зрѣніемъ, составляетъ вопросъ иного свойства. Нерѣдко требуется значительное усиліе для того, чтобы удержать вниманіе на этомъ предметѣ. Мы чувствуемъ, что можемъ сдѣлать большее или меньшее напряженіе для этого, по нашему выбору. Если это сознаніе (ощущеніе) не плодъ заблужденія, если и въпрямь это усиліе или напряженіе представляетъ духовную силу, неопредѣлимаго размѣра, тогда, конечно, оно содѣйствуетъ результату наравнѣ съ мозговыми условіями. Хотя это усиліе само по себѣ никакой новой идеи не вноситъ, оно углубляетъ и дѣлаетъ болѣе продолжительнымъ пребываніе въ сознаніи безчисленныхъ идей, которыя бы при иныхъ условіяхъ быстро улетучились. Пусть задержка, достигаемая этимъ путемъ, продлится всего какую-нибудь секунду, но секунда эта можетъ оказаться критическою; въ томъ непрерывномъ подъемѣ и пониженіи умственныхъ соображеній, когда двѣ ассоціированныя системы ихъ находятся почти въ равновѣсіи, достаточно какой-нибудь одной секундой болѣе или меньше вниманія со стороны, для того, чтобы одна система соображеній завладѣла умственнымъ полемъ, развилась и вытѣснила систему противоположную, или наоборотъ. Если данная система соображеній возьметъ верхъ надъ другой, она заставитъ насъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, а эти поступки наложатъ отпечатокъ на всю дальнѣйшую нашу судьбу.

Когда мы дойдемъ до главы «О волѣ», мы увидимъ, что вся драма нашей волевой жизни всецѣло зависитъ отъ едва примѣтнаго перевѣса вниманія, немного большаго или немного меньшаго, которое могутъ получить тѣ или другія изъ нашихъ соперничающихъ двигательныхъ идей. Но все наше чувство реальности, все упорство и возбужденіе нашей волевой жизни, зависятъ именно отъ того нашего чувства, которое говоритъ, что въ немъ дѣйствительно рѣшается все каждое мгновеніе, и что это рѣшеніе не есть тупое, бессмысленное эхо той цѣпи, которая была забыта въ теченіе вѣковъ.

Такое представленіе, придающее нашей жизни и всей исторіи трагическій отбѣнокъ, быть можетъ, и не есть иллюзія. Воленое усиліе или напряженіе можетъ быть самостоятельной (первичной) силой, а не простымъ послѣдствіемъ (нервныхъ процессовъ), и притомъ силой, неопредѣлимой относительно истинныхъ ея размѣровъ. Послѣднимъ словомъ для здравомыслящаго чловека и въ этой области будетъ преклоненіе предъ невѣдѣніемъ, потому что взаимодействующія здѣсь силы настолько утонченны что не поддаются измѣренію въ деталяхъ. Однако, подобно всѣмъ наукамъ, и психологія, претендуя на званіе науки, должна постулировать полнѣйшія детерминизмъ относительно фактовъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ она должна изыять изъ своего вѣдѣнія явленія свободной воли, хотя бы эта сила и существовала въ дѣйствительности. И я отнесусь къ этому вопросу въ настоящей книгѣ, слѣдуя примѣру другихъ психологовъ. Однако же я прекрасно сознаю, что подобный приемъ, вполнѣ оправдываемый методологическими соображеніями и субъективною потребностью, придавъ фактамъ простое и «научное» изложеніе, не проливаетъ свѣта на окончательное разрѣшеніе вопроса о свободной волѣ въ томъ или другомъ направленіи.

¹⁾ По нашему мнѣнію, такой приемъ не только не долженъ возводиться въ общее правило, — такъ какъ его полезность есть лишь индивидуальная странность личъ, не привыкшихъ слушать, — но онъ прямо вреденъ, такъ какъ вноситъ въ воспріятіе чужихъ рѣчей совершенно ненужный элементъ повторнаго и сознательнаго воспроизведенія словъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Понятія (концепціи).

Различныя состоянія мысли могут означать одно и то же.

Та функція, съ помощью которой мы отмѣчаемъ, отличае́мъ, обособляе́мъ или отождествляе́мъ численно—различныя предметы рѣчи, именуется концепціею (образованіемъ идей или понятій). Ясно, что когда одно и то же состояніе ума, обдумываетъ различные предметы, оно является вмѣстѣ съ тѣмъ и вмѣстилищемъ многочисленныхъ концепцій. Если мышленіе имѣетъ такую функцію—слагать многочисленныя концепціи, то эта функція можетъ быть названа состояніемъ сложно-составной концепціи.

Мы можемъ понять, что предполагаемыя реальности могутъ быть въ высшей степени умственными, какъ, напр., паровая машина, или какъ фантастическія созданія, вродѣ русалки, или какъ отвлеченныя метафизическія сущности, чистыя *entia rationis*, напр., разность, несуществованіе и т. п. Но, что бы мы ни дѣлали своимъ понятіемъ, наше понятіе (концепція) устанавливается объ опредѣленномъ предметѣ и ни о какомъ другомъ, ни о какомъ, замѣняющемъ его, — хотя нерѣдко одинъ предметъ является пополненіемъ другихъ. Самый актъ концепціи происходитъ оттого, что вниманіе выдѣляетъ безъ смѣшенія опредѣленную часть изъ массы умственного матеріала, представляемаго намъ міромъ и схваченнаго нами. Смѣшеніе происходитъ тогда, когда мы не знаемъ, есть ли предметъ, лежащій передъ нами, тотъ самый, о которомъ мы уже составили себѣ мнѣніе, или нѣтъ. Такимъ образомъ, функція образованія концепцій требуетъ для своей полноты, чтобы наше мышленіе могло себѣ сказать не только: «вотъ то, о чемъ я думаю», но также еще: «это—не то, что я думаю».

Каждая концепція навсегда остается тѣмъ, что она есть, и никогда въ иную концепцію не можетъ превратиться. Состоянія мысли могутъ перемѣняться, могутъ измѣняться и самыя мысли (мнѣнія) въ различное время, можетъ случиться, что мы отказываемся отъ одной концепціи (понятія) и принимаемъ другую, но никоимъ образомъ нельзя сказать, что сама оставленная концепція измѣнилась въ ту, которой ее замѣнили. Я, могу, напр. увидѣть, что бумага, за мгновеніе предъ тѣмъ бѣлая, затѣла и почернѣла, но сложившееся у меня понятіе (концептъ) о «близости» не можетъ измѣниться въ понятіе «черноты». Наоборотъ, въ моемъ сознаніи это понятіе умѣщается рядомъ съ понятіемъ объективной «черноты», сохраняя особое значеніе, и, благодаря этому, я получаю возможность судить о потемнѣли, какъ о перемѣлѣ въ бумагѣ. Если бы въ умѣ у меня не сложилось для данного случая опредѣленное понятіе, я только и могъ бы сказать «вотъ чернота» и больше ничего. Такимъ обра-

зомъ среди прилива оцѣнокъ и физическихъ предметовъ, міръ концепцій или понятій, слагающихся путемъ умственныхъ сужденій, оказывается столь же прочнымъ и неизблемымъ, какъ царство идей у Платона.

Одни понятія касаются предметовъ, другія—событій, третьи—свойствъ. Любой фактъ, будь онъ предметомъ, событіемъ или свойствомъ, можетъ считаться достаточно узнаваемымъ для цѣли отождествленія его съ другимъ, если будетъ настолько обособленъ и отличенъ, что мы можемъ отдѣлять его отъ другихъ предметовъ. Даже достаточно, если мы просто говоримъ о немъ: «это» и «то». Обращаясь къ спеціальной терминологіи, можно сказать, что извѣстные предметы познаются съ помощью обозначенія, но не соозначенія или пользуясь лишь минимальной долей соозначенія. Наибо́лье тутъ существенно, чтобы мы могли предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, отождествить, а для этого не требуется цѣльности представленія о предметѣ даже въ томъ случаѣ, когда подобное представленіе и можно бы о немъ сдѣлать.

Въ этомъ смыслѣ можно допустить, что даже существа, стоящія на низкой умственной ступени, слагаютъ концепціи (понятія). Для этого требуется только одно, чтобы они умѣли узнавать вновь предметы прежняго опыта. Даже и въ полнѣ можно видѣть существо, мыслящее при помощи понятій, если онъ способенъ чувствовать примѣрно такъ: «А! опять что-то такое!»¹⁾ Это чувство «того-же самаго» является коренною сущью и осово́мъ всего нашего сознанія. Тѣ же предметы могутъ мыслиться въ разныхъ состояніяхъ нашего мышленія и нѣкоторыя изъ этихъ состояній могутъ знать, что они мыслятъ тѣ же самыя предметы, которые уже мыслялись другими состояніями. Говоря иначе, мое мышленіе можетъ всегда замѣчать и знать, когда замѣчаетъ, что оно думаетъ о томъ же самомъ, о чемъ думало прежде.

Понятія о предметахъ отвлеченныхъ, всеобщихъ и загадочныхъ. Наше ощущеніе своей собственной мысли есть совершенно особенный элементъ мышленія. Это одинъ изъ мимолетныхъ и «преходящихъ» фактовъ мышленія, на изслѣдованіе котораго невозможно обратить самопаблужденія, и, отдѣливъ его, подвергнуть изслѣдованію, какъ, напр., антомологъ въ подробности изучаетъ букашку, приколотую булавкою. Согласно (довольно-таки туманной) терминологіи, которую я употреблялъ, наше мышленіе имѣетъ здѣсь дѣло съ «ореолами» (см. ранѣе) объектовъ, и есть «чувство наклонности или стремленія», а соответствующій ему нервный процессъ несомнѣнно состоитъ изъ ряда зарождающихся и замирающихъ процессовъ, слышкомъ сложныхъ и утонченныхъ, чтобы ихъ можно было прослѣдить (см. гл. XI). Геометръ, имѣющій предъ собою опредѣленную фигуру, прекрасно сознаетъ, что процессъ его разсужденія употребляетъ съ одинаковою успѣшностью и безчисленное множество другихъ фигуръ, и что, хотя онъ въ извѣстномъ конкретномъ случаѣ видитъ линіи опредѣленной длины, толщины и цвѣта, онъ не думаетъ объ этихъ деталяхъ. Когда я употребляю слово человекъ въ двухъ разныхъ фразахъ, я могу употребить въ обоихъ случаяхъ одинъ и тѣ же звуки и вызвать передъ моимъ умственнымъ взоромъ одинъ и тотъ же образъ, но въ то же мгновеніе,

¹⁾ Hello! Thingumbob again!

т. е. когда это слово слетаетъ съ моихъ устъ и когда я представляю себя одинъ и тотъ же образъ, я отлично знаю, что думаю о двухъ совершенно различныхъ предметахъ. Такъ, если я говорю: «Что за удивительный человекъ этотъ Джонсъ», я отлично понимаю, что этимъ обособляю Джонса, не желая его смѣшивать ни съ Наполеономъ I, ни съ какимъ-нибудь Смитомъ. Если же я говорю: «Что за удивительное создание человекъ», я также отчетливо знаю, что не думаю при этомъ объ исключеніяхъ. Это добавочное сознание есть совершенно положительный родъ чувства, преобразующій то, что безъ него было бы смутнымъ шумомъ и призракомъ, — въ нечто понятное. Это-то чувство и опредѣляетъ совершенно последовательность моего мышленія, мои последующія слова и образы. Дѣло не въ томъ, насколько опредѣлены и конкретны образы въ данномъ мышленіи, — дѣло въ томъ, что, какова бы ни была эта способность, но воображаемые предметы всегда являются окруженными «ореоломъ» ихъ отношеній къ другимъ, и эти ореолы составляютъ такую же неотъемлемую часть предметовъ нашего мышленія, какъ и самые предметы. Съ постепенностью, которая известна каждому, мы доходимъ до столь-же отчетливыхъ мышленій о цѣломъ классѣ предметовъ, какъ и объ отдѣльныхъ предметахъ; или о специальныхъ качествахъ (аттрибутахъ), свойственныхъ данному предмету, какъ и о самомъ этомъ сложномъ предметѣ, въ его цѣломъ. Другими словами, употребляя принятые въ логикѣ термины, мы достигаемъ того, что вмѣсто нашихъ обыкновенныхъ предметовъ имѣемъ отвлеченные (абстрактные) или всеобщіе (универсальные). Точно также доходимъ мы до мысли о такихъ объектахъ, существованіе которыхъ проблематично ¹⁾ или не можетъ быть опредѣленно представлено, и мы думаемъ о нихъ такъ же успѣшно, какъ и о предметахъ, воображаемыхъ нами со всѣми деталями. Предметы являющиеся проблематичными, опредѣляются только по ихъ отношеніямъ. Мы мыслимъ о предметахъ, о которыхъ должны быть получены известные факты. Но мы не знаемъ, какой видъ будетъ имѣть предметъ, если онъ осуществится, т. е., узнавъ предметъ (изъ его отношеній), мы, однако, не можемъ себя вообразить его. Однако въ томъ, что намъ известно о его соотношеніяхъ къ другимъ предметамъ, мы имѣемъ достаточный матеріалъ для индивидуализированія нашего предмета, т. е. для отличенія его отъ всѣхъ другихъ предметовъ нашей мысли. Такъ, напр., мы можемъ мыслить о машинѣ, выполняющей вѣчное движеніе. Подобная машина представляетъ quasi-типъ совершенно опредѣленнаго рода, и мы всегда можемъ сказать, насколько существующія на-лицо машины приближаются или идутъ вразрѣзъ съ понятіемъ, которое у насъ сложилось о ней. Естественная возможность или невозможность какой-нибудь вещи насколько не касается вопроса о ея мыслимости на этомъ проблематическомъ пути (т. е. какъ задачи). Точно также т. н. «квадратура круга», или «черное бѣленіе» — понятія совершенно опредѣленные; и, насколько дѣло идетъ о нихъ — какъ о понятіяхъ, является дѣломъ случая то, что понятія эти относятся къ предметамъ, которыхъ природа никогда намъ не показывала, почему мы и не можемъ сдѣлать ихъ изображенія.

¹⁾ Напр., атомы, свѣтовой эфиръ и т. п.

И по сей еще часъ номиналисты и концептуалисты ведутъ неслыхаемыя пререканія о томъ, можетъ ли ужъ строить отвлеченныя и универсальныя идеи, т. е., вѣрнѣе сказать, идеи объ отвлеченныхъ и всеобщихъ предметахъ. Но вѣстину по сравненію съ тѣмъ удивительнымъ фактомъ, что наше мышленіе, какъ бы оно ни было различно въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, можетъ еще бытъ и тѣмъ же самымъ, — вопросъ о томъ, представляется ли это «самое» единичный предметъ, цѣлые классы предметовъ, отвлеченныя ихъ свойства или, наконецъ, нечто, невообразимое, — является не болѣе какъ вопросомъ о неважной подробности. Наши мысли могутъ быть объ единичныхъ явленіяхъ, о частностяхъ, о неопредѣленностяхъ, тождествахъ, проблематичностяхъ и всеобщностяхъ и смѣшиваются на всевозможные лады. Мой умъ одинаково одаренъ способностью постиженія и трактованія какъ отдѣльныхъ особей, обособляемыхъ и отдѣляемыхъ отъ протачаго міра, такъ и отвлеченнѣйшихъ, всеобщихъ свойствъ, присущихъ этимъ особямъ, въ родѣ пар. бытія. Разсматривая дѣло съ любой точки зрѣнія, всепобѣждающій и могущественный характеръ, приписываемый всеобщимъ понятіямъ, можетъ вызывать только изумленіе. Трудно даже понять, почему, начиная съ Сократа, всѣ философы непрерывно другъ передъ другомъ боготворили познаніе всеобщаго, пренебрегая постиженіемъ частнаго: вѣдь, наиболѣе привлекательнымъ знаніемъ должно-бы являться познаніе наиболѣе привлекательныхъ предметовъ, а всѣ сколько-нибудь цѣнные предметы суть конкретные и единичные. Универсальныя понятія имѣютъ только ту цѣнность, что способствуютъ намъ путемъ разсужденія постигать новыя истины о единичныхъ конкретныхъ предметахъ. Напротивъ того, ограниченіе мышленія областью единичныхъ предметовъ весьма вѣроятно потребовало бы болѣе сложныхъ мозговыхъ процессовъ, чѣмъ распространеніе мышленія на цѣлый классъ этихъ предметовъ; то же касается самаго таинства постиженія вещей, то оно въ одинаковой мѣрѣ велико, познаются ли предметы единичные или имѣющіе характеръ всеобщности. Въ концѣ концовъ, традиционное преклоненіе предъ всеобщностями, универсальностями можно справедливо назвать извращеннымъ сентиментализмомъ и философскимъ идолопоклонствомъ.

Ничто не можетъ быть узнано — какъ то же самое, если оно узнается не въ новомъ состояніи мышленія.

Едва ли по этому предмету нужно прибавлять что-нибудь къ тому, что ужъ говорено ранѣе. Такъ, напр., мое кресло является однимъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ я имѣю точное понятіе; и вчера я зналъ это кресло и сегодня, только взглянувъ на него, я его узналъ. Но когда сегодня я думаю о креслѣ, какъ о томъ самомъ, которое я видѣлъ вчера, очевидно, самое понятіе о немъ, какъ о томъ-же самомъ, вноситъ нѣсколько осложняющій придатокъ въ мою мысль о немъ, вслѣдствіе чего должна измѣниться внутренняя конституція этой мысли. Коротко сказать, логически представляется невозможнымъ, чтобы одинъ и тотъ же предметъ познавался за тотъ же самый двумя последовательными копіями одной и той же мысли. Тѣ мысли, съ которыми мы въ разное время признаемъ, что думаемъ объ одномъ и томъ же предметѣ, и сами по себѣ способны дѣйствительно рѣзко отличаться другъ отъ друга. Мы о томъ же предметѣ размышляемъ то устойчиво, то вскользь, то въ формѣ непосред-

ственного образа, то въ видѣ одного символа, или другого, но неизмѣнно мы какимъ-то образомъ—знаемъ, о какихъ именно изъ массы всѣхъ прочихъ предметовъ мы въ данную минуту думаемъ. Все остальное психологія, основанная на самонаблюденіи, должна стереть прочь мокрою губкою; колебанія внутренней жизни слишкомъ тонки и не поддаются описанію съ помощью грубой терминологіи. Психологія должна ограничиться засвидѣтельствомъ факта, что всѣ роды субъективныхъ состояній сознанія являются носителями процесса, съ помощью котораго познается тождество, и съ не мевшею рѣшительностью опровергать противоположную точку зрѣнія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Различіе.

Различіе въ сторону ассоцірованія понятій. Ранѣе я говорилъ о первомъ объектѣ мысли у младенца, объектѣ, составляющемъ зародышъ, изъ коего вырабатывается позднѣйшее міросозерцаніе посредствомъ присоединенія къ познаванію новыхъ частей извѣстъ и путемъ различенія другихъ въ нихъ самихъ. Другими словами, опытъ одновременно воспитывается сразу и путемъ ассоцірованія, и путемъ дисассоцірованія (сочетанія и разложенія), и поэтому психологія должна излагаться одновременно въ терминахъ аналитическихъ и синтетическихъ. Наши первичныя чувственные представленія, имѣющія характеръ цѣльности, разлагаются съ одной стороны съ помощью различающаго вниманія, а съ другой стороны объединяются съ прочими чувственными, столь-же цѣльными представленіями при посредствѣ собственныхъ нашихъ движеній, перемѣщающихъ наши органы чувствъ съ одной части пространства на другую, или благодаря послѣдовательному появленію новыхъ объектовъ, замѣщающихъ тѣ, которые произвели на насъ первичное впечатлѣніе. «Простое впечатлѣніе» Юма и «простая идея» Локка не болѣе какъ абстракція, никогда не осуществляющаяся въ опытѣ. Жизнь съ самаго начала снабжаетъ насъ конкретными объектами, которые съ одной стороны смутно сливаются съ прочимъ міромъ, облакающимъ ихъ въ пространство и время, а съ другой способны потенциально распадаться на внутренніе составные элементы. Эти объекты мы то раздробляемъ, то соединяемъ въцѣлѣ; и то и другое дѣлается нами въ интересахъ развитія нашихъ объ нихъ познаній, и трудно сказать, какимъ изъ обоихъ процессовъ мы вообще чаще пользуемся. Но такъ какъ первичныя «простыя чувствованія», съ которыми традиціонная школа «ассоціанистовъ» совершала свои построенія, — т. е. «простыя ощущенія», — являются всѣ продуктами различенія, доведеннаго до высшей степени, то для насъ оказывается обязательнымъ прежде всего войти въ разсмотрѣніе вопроса объ аналитическомъ вниманіи и различеніи.

Опредѣленіе различенія.

Актъ различенія будетъ, если мы замѣчаемъ какую-либо часть объекта, подвергающагося нашему вниманію. Я уже описалъ ранѣе способъ, какимъ мы часто произвольно впадаемъ въ состояніе, исключающее возможность различенія даже по отношенію къ предметамъ, которые мы уже научились различать. Такія анестезирующие средства, какъ хлороформъ, закись азота и т. п., вызываютъ временно иногда почти полную потерю сознанія, при которой, особенно числовое, различіе совершенно какъ-бы утрачивается: подъ вліяніемъ этихъ средствъ мы, правда, видимъ огонь и слышимъ звукъ, но не въ состояніи опредѣлять, сколько именно огня или звуковъ мы видимъ или слышимъ. Тамъ, гдѣ отдѣльныя части предмета были нами уже различаемы, и гдѣ каждая изъ нихъ бывала объектомъ спеціальнаго акта различенія, мы лишь съ усиленіемъ можемъ вновь почувствовать этотъ предметъ въ его первичномъ единствѣ.

Наше сознаніе относительно его составныхъ частей можетъ отдѣляться до такой степени выдвигающимися впередъ, что мы не въ силахъ повѣрить, что онъ когда-нибудь могъ казаться не раздѣленнымъ. Но это ошибочный взглядъ, ибо безспоренъ тотъ фактъ, что какое-либо количество впечатлѣній, почерпаемое изъ какого либо количества чувственныхъ источниковъ, проникая одновременно въ сознаніе, которое еще не воспринимало ихъ по-одиночкѣ, доставляетъ уму цѣльное представленіе о единствѣ и нераздѣльномъ предметѣ. Тутъ сказывается дѣйствіе закона, по которому въ сознаніи сливаются всѣ предметы, которые могутъ слиться, и ничего не выделяется, кромѣ того, что должно выдѣлиться. Въ этой главѣ мы и разсмотримъ, что именно дѣлаетъ воспринимаемая нами впечатлѣнія отдѣльными.

Условія, способствующія различенію.

Я послѣдовательно разсмотрю теперь различія:

- 1) поскольку таковыя непосредственно ощущаются;
- 2) поскольку они постигаются по выводу или заключенію
- и 3) поскольку они отъединяются отъ явленій сложныхъ.

Различія, ощущаемыя непосредственно.

Первымъ условіемъ различенія предметовъ является то, что предметы должны быть различны относительно или времени, или пространства, или качествъ. Другими словами, и выражаясь физиологически, требуется, чтобы предметы пробуждали нервные процессы, которые бы, въ свою очередь, были различны. Это, впрочемъ, какъ мы уже видѣли, хотя и является необходимымъ условіемъ, но еще недостаточно. Начать съ того, что многочисленныя нервные процессы должны быть въ достаточной степени различны. Само собою всякій невольно отличить черную полосу на бѣломъ фонѣ и ощутить контрастъ между басовою и высокою нотой, если эта послѣдняя непосредственно слѣдуетъ за первой. Различіе здѣсь воз-

никак не помимо воли; но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объективная разница между впечатлѣніями не достаточна рѣзка, можетъ потребоваться значительное усиленіе вниманія, чтобы почувствовалось различіе.

Во-вторыхъ, «впечатлѣнія, вызываемыя различаемыми объектами, не должны обрушиваться на одинъ и тотъ же органъ чувствъ сразу одновременно, но должны возбуждаться непосредственной послѣдовательностью одинъ и тотъ же органъ».

Гораздо легче сравнивать звуки, если они чередуются другъ съ другомъ, а не раздаются одновременно; точно также гораздо легче сравнить двѣ тяжести или двѣ температуры, пробуя ихъ послѣдовательно одною рукою, чѣмъ пуская для этого въ ходъ одновременно обѣ руки. Равнымъ образомъ, гораздо легче можно различить разные оттѣнки свѣта или краски, передвигая глаза отъ одного оттѣнка къ другому, такъ, чтобы оттѣнки послѣдовательно раздражали одну и ту-же часть сѣтчатой оболочки глаза. Точно также, если испытывается чувствительность кожи одновременными уколами на кратчайшемъ разстояніи, то прикосновенье ножекъ циркуля ощущается гораздо отчетливѣе, когда одинъ уколъ слѣдуетъ за другимъ, чѣмъ если оба укола производятся одновременно. Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ ощущениями запаха и вкуса, то разные впечатлѣнія этого рода, воспріятыя одновременно, почти невозможно и сравнить.

Причина, почему послѣдовательныя впечатлѣнія такъ сильно способствуютъ конечному результату различенія, повидимому, заключается въ томъ, что тутъ на-лицо оказывается реальное чувство различія, вызываемое рѣзкимъ переходомъ отъ одного воспріятія къ слѣдующему, не похожее на первое. Этому чувству различія присущи своеобразныя свойства независимо отъ того, сравненіемъ какихъ впечатлѣній оно вызывается. Коротко сказать, это одно изъ тѣхъ преходящихъ состояній сознанія или ощущеній соотношенія, о которыхъ я уже распространялся въ другомъ мѣстѣ, а разъ такое чувство возникло, его объектъ западаетъ въ память вмѣстѣ съ предшествующими и слѣдующими «устойчивыми» состояніями сознанія (см. выше), и позволяетъ намъ составить сужденіе сравненія.

Тамъ, гдѣ разница между послѣдовательными ощущениями незначительна, чередованіе между ними должно свершиться насколько возможно непосредственно и для полученія наилучшаго результата оба впечатлѣнія должны сравниваться въ памяти. Никто, напр., не составитъ точнаго сужденія о разницѣ между двумя сходными винами въ то время, когда второе еще находится во рту. То-же самое наблюдается относительно звуковъ, температуры и пр. Надо довести оба впечатлѣнія до нѣкотораго угасанія, чтобы установить правильное сравненіе между обоими. Впрочемъ тамъ, гдѣ разница между ощущениями рѣзка, условіе это особеннаго значенія не имѣетъ, и мы въ этомъ случаѣ можемъ сравнивать ощущеніе, въ данную минуту переживаемое, съ другимъ, которое лишь сохранилось въ нашей памяти. Однако, чѣмъ большій промежутокъ времени протекаетъ между обоими впечатлѣніями, тѣмъ большую неопредѣленность приобретаетъ различіе ихъ.

Такимъ образомъ различіе, непосредственно ощущаемое между двумя впечатлѣніями, совершенно не зависитъ отъ того, можемъ ли мы сказать что-нибудь о каждомъ изъ впечатлѣній, само по себѣ взятомъ. Я, напр.,

могу ощущать, что моя кожа подверглась въ двухъ разныхъ мѣстахъ уколу, но точно я не буду сознавать, какой изъ уколовъ выше и какой ниже. Точно также я могу уловить различіе двухъ сосѣднихъ музыкальных тоновъ, но я могу и не знать, какой изъ нихъ выше. Равнымъ образомъ я могу различать два сосѣднихъ цвѣтовыхъ оттѣнка, но останусь въ неопредѣленности, какой изъ нихъ нѣсколько голубѣе, и какой желтѣе или—чѣмъ каждый изъ оттѣнковъ отличается отъ другого.

Я уже говорилъ, что если какой-нибудь объектъ,—назовемъ его «*n*», слѣдуетъ непосредственно за другимъ объектомъ,—назовемъ его «*m*»,—то нами чувствуется непосредственный толчокъ¹⁾ отъ ихъ различія. Онь чувствуется повторно, когда мы идемъ назадъ и впередъ отъ «*m*» къ «*n*»; и когда толчокъ такъ слабъ, что съ трудомъ воспринимается, мы считаемъ обязательнымъ повторить его такимъ способомъ, т. е. повторно,—(измѣняя, по крайней мѣрѣ, направление нашего вниманія то на первый, то на второй изъ сравниваемыхъ термिनцовъ). Но помимо того, что различіе между ними чувствуется въ короткія мгновенья перехода отъ одного къ другому, оно чувствуется еще и какъ связанное или вытѣренное во второй терминъ, который чувствуется какъ «различный отъ—перваго», даже въ то время, когда онъ еще удерживается. Очевидно, что «второй терминъ» мысли въ этомъ случаѣ не есть простое или голое «*n*», но очень сложный объектъ; рядъ ихъ слѣдованій другъ за другомъ, не есть просто: 1) «*m*», 2) «разница между ними» и 3) «*n*»; вѣтъ, рядъ этотъ таковъ: 1) «*m*» 2) «разница» и 3) «*n*—отличающійся—отъ *m*». Первое и третье состоянія мышленія—«устойчивыя», а второе—преходящее. Дѣйствительно, нашъ мозгъ устроенъ такъ, что для него невозможно вызвать какое-нибудь «*m*» и «*n*» въ непосредственномъ слѣдованіи другъ за другомъ и сохранить ихъ въ чистомъ видѣ. Если бы они сохранились чистыми, это значило-бы, что они не подвергались сравненію. Въ насъ, благодаря механизму, который, однако, мы отказываемся объяснить, неизбежно чувствуется между ними толчокъ различія, второй объектъ не есть чистый, а «*n*—отличающійся—отъ—*m*».

Чистая идея объ «*n*» совершенно никогда не можетъ быть въ нашемъ мышленіи, ей предшествуетъ идея объ «*m*».

Различія, познаваемые умозаключеніемъ.

Съ только что описанными непосредственными воспріятіями различія не слѣдуетъ смѣшивать тѣхъ случаевъ, совершенно отличающихся отъ предыдущихъ, когда мы умозаключаемъ, что два предмета должны различаться другъ отъ друга потому, что извѣстное намъ о каждомъ изъ предметовъ заставляетъ насъ относить ихъ въ различныя рубрики. Нерѣдко при продолжительности промежутокъ между обоими опытами, относящимися къ сравниваемымъ объектамъ,

¹⁾ Изъ предыдущаго изложенія видно, что дѣлется похъ этимъ словомъ «толчокъ» (shock) подразумеваетъ непосредственное, специфическое ощущеніе различія, получаемое отъ спеціальнаго возбужденія мозговыхъ центровъ даннымъ различіемъ между двумя предметами (*m* и *n*); это не разсужденіе о различіи, а непосредственное ощущеніе различія.

бывает и такъ, что сужденія наши о нихъ опираются не столько на положительный образъ или колю, почерпаемые изъ болѣе ранняго опыта, сколько на наши воспоминанія нѣкоторыхъ фактовъ, относительно ихъ. Такъ я, напр., знаю, что сегодня солнце свѣтитъ менѣе ярко, чѣмъ въ нѣкоторые дни прошлой недѣли, потому что тогда я сдѣлалъ замѣчаніе объ ослѣпительности свѣта, а теперь мнѣ и въ голову не придетъ сказать это. Или, напр., я знаю, что мое самочувствіе теперь ухудшилось противъ минувшаго лѣта, — потому что теперь я могу заниматься психологическими работами, а тогда не могъ. Мы постоянно занимаемся сравненіемъ ощущеній, о свойствахъ которыхъ наше воображеніе не имѣетъ никакого знанія, въ данное время: таковы, напр., наслажденія и страданія. Каждому извѣстно, насколько трудно воображеніемъ возсоздать живое представленіе объ этомъ классѣ чувствованій. Ассоціационисты могутъ заниматься суесловіемъ на тему о томъ, что идея объ удовольствіи всегда пріятна, а идея о страданіи тягостна, но не поврежденный софистическою здравый умъ человѣчества высказывается противъ нихъ, соглашаясь съ Гомеромъ, что воспоминаніе о пережитыхъ напастяхъ можетъ доставлять даже радость, или съ Данте, утверждавшимъ, что нѣтъ болѣе мучки, какъ въ годину несчастія вспоминать о болѣе счастливой порѣ.

«Выдѣленіе элементовъ» изъ сложныхъ явленій.

Можно съ достовѣрностью установить то положеніе, что цѣльное общее впечатлѣніе, воспринятое нашимъ умомъ, остается не проанализированнымъ, пока входящіе въ составъ его элементы не будутъ постигнуты опытнымъ путемъ, каждый въ отдѣльности, или въ какихъ-нибудь иныхъ комбинаціяхъ. Составныя части абсолютно неизмѣнной группы свойствъ, которыя бы нигдѣ въ иныхъ комбинаціяхъ не встрѣчались, были-бы не доступны для различенія. Если бы всѣ холодные предметы были въ тоже время мокры, а всѣ мокрые предметы были бы холодны; или если бы всѣ твердые предметы были колючи, а остальные такого впечатлѣнія на нашу кожу не оказывали бы, весьма вѣроятно, мы не имѣли бы и повода проводить различія между холодомъ и мокрою, или твердостью и колючестью. Если бы всѣ жидкости были прозрачны, а всѣ не жидкія тѣла не прозрачны, то потребовалось бы не мало времени, чтобы придумать особыя наименованія для жидкости и прозрачности. Если бы теплота зависѣла только отъ положенія даннаго предмета надъ уровнемъ земной поверхности и если бы по мѣрѣ поднятія предмета вверхъ онъ все сильнѣе бы нагревался, мы примѣняли бы одно и то же слово для обозначенія и теплоты, и высоты. Въ действительности мы знаемъ цѣлый рядъ впечатлѣній, которыя неизмѣнно сопровождаются извѣстными сопутствующими имъ ощущеніями, и подвергнуть анализу то или другое внѣ того цѣльнаго состоянія, въ которомъ мы ихъ находимъ, для насъ прямо невозможно. Сокращеніе диафрагмы и расширеніе легкихъ, сжиманіе извѣстныхъ мускуловъ и сгибаніе съ тѣмъ вѣстѣ определенныхъ суставовъ — служатъ примѣрами того-же. Мы научаемся понимать, что причины группировки такихъ ощущеній многочисленны и на этомъ основаніи строить теорію о составномъ характерѣ самихъ чувсто-

ваній — путемъ «слиянія», «интеграціи», «синтеза» и т. п. Но путемъ прямого внутренняго самонаблюденія никогда не было сдѣлано никакого анализа, такихъ чувствованій. Наглядный примѣръ этому мы увидимъ, когда рассмотримъ вопросъ объ эмоціяхъ (душевныхъ движеніяхъ). Любая эмоція имѣетъ свое «выраженіе» (или, говоря точнѣе, «проявляется». Ред.) въ учащеніи дыханія, сердцебиенія, приливѣ крови къ лицу и т. п. Это «проявленіе» порождаетъ извѣстныя тѣлесныя ощущенія и сопровождается ими по необходимости и неизбежно. Следовательно, нѣтъ возможности постигнуть эмоціи сами по себѣ, какъ духовное состояніе, и подвергнуть ихъ анализу внѣ связи съ ощущеніями болѣе низкаго, физическаго порядка. Дѣйствительно, нельзя доказать, что эмоціи существуютъ какъ особенный психическій фактъ. Авторъ настоящей книги сильно сомнѣвается въ принципиальной возможности существованія эмоціи какъ духовнаго только факта.

Вообще если какой-нибудь предметъ влияетъ на насъ одновременно нѣсколькими путями. — назовемъ ихъ *a, b, c, d*, то мы получаемъ отъ него особенное интегральное впечатлѣніе, которое затѣмъ и характеризуемъ въ нашемъ мышленіи индивидуальность этого предмета, и становится «знакомъ» его наличнаго присутствія; такое впечатлѣніе можно разложить только въ составляющія его *a, b, c, d* при помощи ближайшихъ опытовъ (впечатлѣній). Къ разсмотрѣнію этихъ опытовъ мы теперь и обратимся.

Если какое-нибудь отдѣльное качество или составная часть предмета *a* были намъ предварительно знакомы въ отдѣльности или инымъ образомъ настолько сдѣлались для насъ предметомъ частнаго опыта, что въ нашемъ умѣ сложилось отчетливое или смутное о нихъ представленіе безъ связи съ *bcd*, — то эта составная часть *a* можетъ подвергнуться анализу и выдѣленію изъ совокупнаго впечатлѣнія *abcd*, — вѣдь анализъ предмета сводится къ сосредоточенію вниманія поочередно на каждой изъ отдѣльныхъ его частей. Въ главѣ XIII мы уже видѣли, что однимъ изъ условій сосредоточенія вниманія на предметѣ является созданіе внутри насъ (изъ насъ) отдѣльнаго представленія объ этомъ предметѣ, которое какъ бы устремляется навстрѣчу впечатлѣнію, получаемому непосредственно отъ предмета. Такъ какъ вниманіе является условіемъ анализа, а отдѣльные образы суть условія вниманія, то отсюда слѣдуетъ также, что отдѣльные образы суть условія анализа. Только такіе элементы, которые намъ знакомы ранѣе и которые могутъ быть воспроизведены нашимъ воображеніемъ въ отдѣльности, только они и различаются нами въ цѣльномъ чувственномъ впечатлѣніи. Имѣющіеся внутри насъ образы какъ бы привѣтствуютъ своего двойника, находятъ его въ новомъ сложномъ впечатлѣніи, выдѣляя его изъ прочихъ составныхъ частей этого послѣдняго; такимъ образомъ сложное впечатлѣніе распадается въ нашемъ сознаніи на части.

Всѣ факты, приведенные въ главѣ XIII въ доказательство того, что вниманіе требуетъ внутренняго воспроизведенія предмета, доказываютъ также то, что и для различенія необходимо такое-же воспроизведеніе представленія. Отыскивая какую-нибудь вещь, напр., книгу въ библиотекѣ, мы скорѣе ее найдемъ, если независимо отъ ея названія постараемся вызвать въ умѣ отчетливое представленіе о ея внѣшности. Вкусъ асса-фетиды въ

Ворчестершиайской соф не примѣтешь для того, кто не знакомъ съ этимъ вкусомъ, взятымъ въ чистомъ видѣ (*per se*). Въ «холодныхъ» тонахъ художникъ никогда не былъ бы въ состояніи различить преобладающее присутствіе синей краски, если-бы напередъ не ознакомился со свойствами этой краски *per se*. Всѣ краски, которыми мы теперь пользуемся, представляютъ смѣси, и даже къ самымъ чистымъ краскамъ основныхъ цвѣтовъ примѣшиваются бѣлила. Абсолютно чистая красная, зеленая и фиолетовая краски никогда на опытѣ не встрѣчаются, а слѣдовательно не могутъ быть нами различены въ такъ называемыхъ основныхъ цвѣтахъ, когда мы имѣемъ съ ними дѣло; поэтому послѣдніе и принимаются за чистые. Пусть читатель припомнитъ, что обертоны можно различить среди сочвучныхъ съ ними нотъ въ звукѣ музыкальнаго инструмента въ томъ лишь случаѣ, если этотъ обертонъ напередъ воспринять нашимъ ухомъ въ отдѣльности. Въ этомъ случаѣ наше воображеніе наполнено этимъ звукомъ и потому различаетъ его въ сложномъ тонѣ.

Элементы, не поддающіеся обособленію, могутъ быть различены, если измѣняются прочіе, сопутствующіе имъ элементы. Лишь весьма немногіе реальные предметы познаются нами въ опытѣ въ состояніи полнаго обособленія. Большею частью бываетъ такъ, что сила связанности какой нибудь составной части *a* съ *bed*, въ сложномъ явленіи *abcd*, представляетъ самыя разнообразныя степени отъ максимума до минимума, или же это *a* связывается съ другими свойствами и иными сложными явленіями въ родѣ *aefg* или *ahik*. Каждая изъ такихъ переменъ въ способѣ, какимъ мы получаемъ впечатлѣнія (опытъ) отъ *a*, позволяетъ намъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ почувствовать различіе между *a* и сопутствующими ему элементами, выдѣлить его изъ состава сложнаго явленія, правда, не вполне, но приблизительно,—и подвергнуть анализу то сложное явленіе, въ которое входитъ это *a*. Актъ выдѣленія отдѣльныхъ элементовъ изъ сложныхъ явленій называется отвлеченіемъ (абстракціею), а выдѣленный элементъ—абстрактомъ.

Блужданіе въ интенсивности качествъ является для насъ при процесѣ отвлеченія гораздо меньшимъ поведеніемъ, чѣмъ разнообразіе тѣхъ комбинацій, въ которыхъ является передъ нами подлежащій абстракціи элементъ *a*. То, что можетъ сегодня объединяться съ одними предметами, а завтра съ другими, способно, конечно, къ выдѣленію (диссоціаціи) изъ того и другого и къ превращенію въ объектъ отвѣщеннаго созерцанія для нашего ума.

Это явленіе можно назвать закономъ выдѣленія (диссоціаціи) съ помощью разнообразящихся сопутствующихъ элементовъ. Законъ этотъ приводитъ къ тому практическому результату, что, разъ нашъ умъ выдѣлилъ и отвлекъ определенное свойство или элементъ, то онъ можетъ при помощи этого выдѣленнаго свойства выдѣлять его изъ любого цѣлаго содиненія, въ какомъ бы онъ ни встрѣтился.

Д-ръ Мартини приводитъ удачный примѣръ этого закона: «Если выдѣленный нами впервые красный шаръ изъ слоновой кости будетъ затѣмъ убранъ, то у насъ останется умственное представленіе о немъ, въ которомъ всѣ впечатлѣнія, полученные нами отъ него, одновременно будутъ неразрѣдно существовать вмѣстѣ съ нимъ, не различаясь другъ отъ друга.

Но пусть затѣмъ намъ покажутъ бѣлый такой-же шаръ; только теперь, а не раньше, выдѣлится само собою особое свойство, отличающее второй шаръ отъ перваго, а именно его цвѣтъ, который и выступитъ на первый планъ въ нашемъ сознаніи, въ силу контраста. Но если бѣлый шаръ смѣнится яйцомъ, то новая смѣна привлечетъ наше вниманіе уже не къ цвѣту, а къ формѣ шара, ранѣе спавшемъ въ нашемъ сознаніи; такимъ образомъ то, что сначала являлось только предметомъ, выдѣленнымъ изъ окружающей обстановки, становится для насъ постепенно предметомъ краснымъ, затѣмъ круглымъ и т. д.»

Почему повтореніе какого-нибудь свойства въ связи съ различными цѣльными сложными явленіями производитъ то, что оно отрывается отъ своей связи съ каждымъ изъ нихъ, и какъ-бы вкатывается одно на поверхность нашего сознанія, это хотя и не большая тайна, но разсматривать ее здѣсь намъ нѣтъ надобности.

Различеніе совершенствуется путемъ практики. Если мы лично или практически заинтересованы въ достиженіи результатовъ различенія, то нашъ умъ проявляетъ усиленную способность къ различенію. Продолжительная практика и тренировка по части различенія дѣйствуетъ на наши способности съ такимъ-же результатомъ, какъ и личный интересъ. Оба эти фактора придаютъ даже незначительнымъ степенямъ объективнаго различія такую силу воздѣйствія на наше сознаніе, которую при иныхъ условіяхъ могли бы оказать только крупныя различія.

Что «упражненіе приводитъ къ совершенству» это замѣчено ясно въ области совершенія нами различныхъ движеній. Но выполненіе какого-либо движенія зависитъ отчасти и отъ чувственнаго различенія. Игра на бильярдѣ, стрѣльба изъ ружья, плаваніе на туто патаунтовъ канатѣ, все это требуетъ очень тонкой оцѣнки мельчайшаго различія ощущеній и способности отвѣчать на нихъ тщательнымъ соразмѣреніемъ мышечныхъ сокращеній. Въ области чисто чувственныхъ воспріятій, кто же не слышалъ о мастерахъ, котораго достигаютъ цѣновники, пробователи винъ и т. п. относительно самыхъ различныхъ товаровъ. Есть въ этомъ дѣлѣ такіе мастера, которые умѣютъ различить разнокачественность въ верхней и нижней половинѣ одной и той же бутылки старой мадеры. Точно также иной специалистъ, попробовавъ муку каошущу, скажетъ, смолота ли она въ Іовѣ или въ Тенесси. Слепая и глухо-нѣмая Лаура Бриджемъ такъ изощрила у себя чувство осязанія, что чрезъ годъ могла узнать руку человѣка, которую она одинъ разъ пожала, а ея сестра по несчастію Джулія Брестъ, какъ говорятъ, была приставлена, въ Гартфордскомъ приютѣ къ разборкѣ послѣ возвращенія изъ стирки бѣлыхъ многочисленныхъ обитательницъ приюта, и она исполняла эту обязанность исключительно при помощи удивительно-изощреннаго обонянія.

Это явленіе настолько обычно, что развѣ рѣдкій изъ психологовъ сочтетъ нужнымъ распространяться о его объясненіи. По большей части они думаютъ, что по самой природѣ вещей упражненіе изощряетъ тонкость различенія, а потому все прочее оставляютъ въ сторонѣ. Большею частью говорятъ: «Все это объясняется вниманіемъ; мы больше всего внимательны къ привычнымъ вещамъ, а то, что привнесло къ себѣ наше

вниманіе, то и воспринимается нами болѣе отчетливо». Подобныя разсужденія хотя правильны, но они черезъ-чуръ общи. Но здѣсь мы не можемъ сказать ничего больше объ этомъ предметѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ассоціація.

Порядокъ нашихъ идей.—За различіемъ идетъ ассоціація! Очевидно, что всякое преуспѣяніе въ познаніи должно заключаться въ объѣхъ этихъ операціяхъ,—ибо въ теченіе нашего воспитанія объекты, появляющіеся первоначально, какъ нѣчто цѣлое, разлагаются нами на части, а объекты, являющіеся въ отдѣльности, слагаются нами въцѣлѣ и являются въ сознаніи, какъ нѣчто новое, сложное цѣлое. Слѣдовательно, анализъ и синтезъ являются безпрестанно сдѣлываемыми другъ друга психическими дѣятельностями, причемъ шагъ одной дѣятельности подготавливаетъ путь для шага другой, подобно тому, какъ при ходьбѣ человѣкъ употребляетъ попеременно обѣ ноги, такъ какъ и та, и другая необходимы для всякаго правильнаго шага впередъ.

Способъ, по которому процессы воображенія и сужденія слѣдуютъ другъ за другомъ въ нашемъ мышленіи; безпокойное перебѣганіе отъ одной идеи къ слѣдующей; переходы мыслей нашихъ, совершаемые между предметами, находящимися какъ бы на различныхъ полюсахъ,—переходы, которые на первый взглядъ поражаютъ насъ своей внезапностью, но при тщательномъ изслѣдованіи обнаруживаютъ промежуточные звенья совершенной естественности и правильности,—весь этотъ волшебный невѣсомый потокъ съ незапамятныхъ временъ вызывалъ удивленіе всѣхъ, чье вниманіе было захвачено случайно его тайной. И кромѣ того онъ потребовалъ цѣлый рядъ философовъ для того, чтобы устранить кое-что изъ этой тайны посредствомъ формулированія процесса въ простыхъ выраженіяхъ. Задача, которую философы поставили себѣ, заключается въ установленіи принциповъ связи между мыслями, которыя представляются, такимъ образомъ, выросающими одна изъ другой, благодаря чему можетъ быть выяснена особая послѣдовательность или сосуществованіе этихъ мыслей.

Но немедленно возникаетъ двусмысленность: какова рода связь подразумѣвается? Связь мыслимая или связь между мыслями? Это—двѣ совершенно различныя вещи, и лишь въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ существуетъ нѣкоторая надежда отыскать «принципы». Масса мыслимыхъ связей никогда не можетъ поддаться простой формулировкѣ. Мыслью можетъ быть всякая связь, которую можно себѣ представить: связь сосуществованія, послѣдовательности, сходства, контраста, противорѣчія, причины и слѣдствія, средствъ и цѣли, рода и вида, части

и цѣлаго, субстанціи и свойства, предыдущаго и послѣдующаго, большаго и малаго, лондона и арендатора, хозяина и слуги,—всѣхъ видовъ такой связи нельзя буквально перечислить. Единственное упрощеніе, къ которому можно стремиться, было бы сведеніе соотношеній къ небольшому числу типовъ, на подобіе тѣхъ, которые нѣкоторыми авторами называются «категоріями» сужденія. Слѣдую той или другой категоріи, мы переходили бы тѣмъ или другимъ путемъ нашего мышленія отъ какого-либо объекта къ другимъ. Если бы отыскивалось то, каковъ именно видъ связи между однимъ моментомъ нашего мышленія и другимъ, то наша глава могла бы на этомъ закончиться,—ибо единственнымъ краткимъ описаніемъ этихъ категорій является то, что онѣ всѣ суть мыслимыя отношенія, и что сознаніе переходитъ отъ одного предмета къ другому нѣкоторымъ разумнымъ путемъ.

Опредѣляется-ли порядокъ идей какими-либо законами? Но въ сущности-то, это есть вопросъ о томъ, что опредѣляетъ въ частномъ случаѣ этотъ путь? Почему мы въ данное время и въ данномъ мѣстѣ начинаемъ думать о *b*, если какъ разъ до этого мы мыслили объ *a*, и почему въ другой моментъ и въ иномъ мѣстѣ мы мыслимъ не о *b*, а о *c*? Почему мы иногда напрасно тратимъ годы, надрываясь надъ какой-нибудь научной или практической проблемой, и — наше мышленіе неспособно отыскать желанной разгадки? И почему въ какой-либо день во время прогулки по улицѣ, причемъ наше вниманіе отвлечено на много миль отъ этого вопроса, отвѣтъ является въ нашемъ сознаніи безъ всякаго труда, какъ будто мы никогда его не искали, является, внушенный, можетъ быть, цвѣтками на шляпѣ впереди идущей дамы или чѣмъ-либо инымъ, чего мы не можемъ открыть?

Нужно принять за истину, что мышленіе работаетъ при странныхъ условіяхъ. «Разумъ» въ чистомъ видѣ является въ мышленіи каждаго изъ насъ только одною изъ тысячи возможностей. Кто можетъ считать всѣ глупыя идеи, странныя предположенія, совершенно непримѣнимыя размысленія, которыя приходятъ ему въ голову въ теченіе дня? Кто можетъ полагаться, что его предрасудки и неразумныя мнѣнія составляютъ менѣе обширную часть его умственнаго багажа, чѣмъ его просвѣщенныя вѣрованія? И, тѣмъ не менѣе, способъ происхожденія цѣннаго и недолжнаго въ нашемъ мышленіи, повидимому, одинъ и тотъ же. Законы эти суть мозговые законы.—Повидимому, существуютъ механическія условія, отъ которыхъ зависятъ мысль, и которыя, по меньшей мѣрѣ, опредѣляютъ порядокъ, въ которомъ объекты представляются мысли, производящей сравненія и выборъ. Не даромъ Локкъ и многіе позднѣйшіе психологи континентальной Европы нашли себя вынужденными прибѣгнуть къ механическому процессу для объясненія заблужденій мысли, мѣшающихъ предубѣжденій и обмановъ разума. Они нашли этотъ процессъ въ законѣ привычки или въ томъ, что мы теперь называемъ ассоціаціей по смежности. Но этимъ писателямъ не приходило въ голову, что процессъ, который идетъ параллельно дѣятельному образованію нѣкоторыхъ идей и слѣдованій въ сознаніи, можетъ съ такимъ же правомъ вызывать образованіе также другихъ идей, и что тѣ привычныя ассоціаціи, которыя способствуютъ мысли, могутъ

исходить из того же механического источника, как и ассоциация, представляющая мысль. Согласно этому взгляду, Гартли считал удовлетворительным объяснением следования наших мыслей—привычку и становился таким образом в этой задаче прямо на причинную точку зрения, пытаясь разсматривать и рациональные, и иррациональные ассоциации с одной только этой точки зрения. Каким образом человек, имея мысль об *A*, в следующий момент приходит к мысли о *B*? Или каким образом он приходит всегда к мысли об *A* и *B* вместе? Эти явления Гартли пытался объяснить при помощи физиологии мозга. Я думаю, что в существе дела он был на правильном пути, и я имью во виду изложить его заключения, указав только детали, имъ пропущенныя.

Ассоциируются объекты, а не идеи. Мы избежимъ запутанности, если будемъ условно говорить, будто ассоциация, поскольку это слово означаетъ следствие, происходитъ между мыслимыми вещами, т. е., будто въ сознании ассоциируются вещи, а не идеи. Мы будемъ говорить объ ассоциации объектовъ, а не объ ассоциации идей. А поскольку ассоциация означаетъ причину, она происходитъ между процессами въ мозгу, то есть, тѣми, которые, будучи связаны въ известныхъ направленияхъ, опредѣляютъ то, въ какомъ порядкѣ будутъ мыслиться объекты.

Элементарный принципъ. — Теперь я попытаюсь показать, что нѣтъ иного элементарнаго причиннаго закона ассоциации, кромѣ закона привыканія нервовъ (нервной привычки). Всѣ матеріалы нашего мышления обусловлены тѣмъ направлениемъ, по которому одинъ элементарный процессъ въ мозговыхъ полушаріяхъ стремится вызвать какой-либо прежній элементарный процессъ, т. е. такой, который могъ быть вызванъ въ какой-либо прежній моментъ. Какъ бы то ни было, число такихъ дѣйствующихъ элементарныхъ процессовъ и природа тѣхъ изъ нихъ, которые въ какое-либо время играютъ дѣйствующую роль въ возбужденіи другихъ процессовъ,—опредѣляютъ характеръ всей мозговой дѣятельности и, какъ следствие сего, опредѣляютъ также объектъ, мыслимый въ данную минуту. Согласно тому, представляется-ли этотъ вызывающійся объектъ одной вещью или другой, мы называемъ его продуктомъ ассоциации по смежности, или по сходству, или по контрасту, или же продуктомъ ассоциации какихъ-либо другихъ видовъ, которые мы можемъ признать первичными (основными). Однако, образование ассоциаций въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно объясняться только количественнымъ измѣненіемъ въ элементарныхъ мозговыхъ процессахъ, находящихся въ данный моментъ въ дѣйстви по закону привычки.

Мой тезисъ, изложенный такимъ образомъ вкратцѣ, станетъ скорѣе болѣе яснымъ, и въ то же самое время выступать на свѣтъ нѣкоторыя нарушающіе его факторы, которые дѣйствуютъ сообща съ закономъ нервной привычки.

Итакъ, примемъ за основаніе всего нашего дальнѣйшаго разсужденія слѣдующій законъ: когда два элементарныхъ мозговыхъ процесса находились въ дѣйстви вмѣстѣ или слѣдуя непосредственно

другъ за другомъ, то одинъ изъ нихъ, когда происходитъ снова, стремится распространить свое возбужденіе и на другой.

По обыкновенно каждый элементарный процессъ неизбѣжно оказывался въ разлчныя времена возбужденнымъ въ соединеніи съ многими другими процессами. Теперь является задача, который изъ этихъ другихъ процессовъ будетъ возбужденъ? Наличие *a* возбуждетъ-ли *b* или *c*? Чтобы отвѣтить на это, мы должны принять другое положеніе, основанное на фактѣ напряженія въ нервной ткани и на фактѣ суммированія въ одну равнодѣйствующую нѣсколькихъ возбужденій, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности неполно и скрыто (латентно) въ самомъ себѣ. Процессъ *b* возбуждится скорѣе, чѣмъ *c*, если, въ дополненіе къ вибраціи пути *a*, какой-нибудь другой путь *d* находится въ состояніи неполнаго возбужденія (подъ-возбужденія) и который прежде возбуждался только съ *b*, а не съ *a*. Короче, мы можемъ сказать:

Степень дѣятельности въ любой данной точкѣ мозговой коры равна суммѣ стремленій всѣхъ другихъ точекъ произвести разрядъ въ данную точку, стремленій, пропорціональных: 1) числу, показывающему, сколько разъ возбужденіе каждой другой точки могло сопровождать возбужденіе въ данной точкѣ; 2) интенсивности этихъ возбужденій, и 3) отсутствію какой-либо противодействующей точки, функционально разобщенной съ первой точкой и въ которую разряды могутъ быть отвлечены.

Разсмотримъ теперь только произвольныя связи мысли и построенія идей, что встрѣчается при грезахъ и задумчивости.

Непроизвольныя связи мысли.—Чтобы точно опредѣлить наши идеи, возьмемъ два стиха изъ «Locksley Hall»:

«I, the heir of all the ages in the foremost files of time»,
и другой

«For I doubt not through the ages one increasing purpose runs».

Почему, когда мы читаемъ на память одну изъ этихъ строкъ и доходимъ до словъ the ages, та часть второй строчки, которая слѣдуетъ и, такъ сказать, вырастаетъ изъ словъ the ages, не возникаетъ тоже въ нашей памяти и не запутывается смысла нашихъ словъ? Просто потому, что слово, слѣдующее за the ages, возбуждило свой мозговой процессъ не только при помощи мозгового процесса отъ the ages, но еще плюсъ мозговые процессы отъ всѣхъ словъ, предшествовавшихъ словамъ the ages. Слово ages въ моментъ наибольшей его дѣятельности само по себѣ разрядилось бы безразлично или въ слово «in», или «one». Такимъ же образомъ предшествующія слова (напряженіе которыхъ въ данный моментъ много слабѣе напряженія слова ages) каждое въ отдѣльности разряжаются безразлично въ каждый изъ тѣхъ длинныхъ рядовъ другихъ словъ, съ которыми они были скомбинированы въ разное время. Но когда процессы, соответствующіе словамъ: «I, the heir of all the ages», одновременно вибрируютъ въ мозгу, при чемъ послѣдній изъ нихъ—въ наивысшей фазѣ возбужденія, а другіе—въ ослабѣвающей, тогда наиболѣе сильной линіей разряда будетъ та, по которой стремятся идти всѣ процессы одинаково. «In», а не «one» и ни какое-нибудь другое слово,

возбудится прежде всего, ибо мозговой процесс, связанный съ «и» предварительно происходилъ въ униссонъ не только съ процессомъ ages, но и съ тѣмъ, который связанъ со всѣми другими предшествующими словами стиха, дѣятельность которыхъ замираетъ. Это служить хорошимъ примѣромъ воздѣйствія на мысль со стороны того, что мы назвали въ книгѣ обертонами (мысли).

Но если бы какое-либо изъ этихъ предшествующихъ словъ, напимѣръ «heig» (наследникъ), чрезвычайно сильно ассоциировалось съ какими-нибудь мозговыми путями, совершенно не соединенными опытомъ съ поэмой «Locksley Hall», если бы декламаторъ, напимѣръ, съ трепетомъ ожидалъ вскрытія завѣщанія, которое могло бы сдѣлать его миллионеромъ, то вѣроятно, путь разряда черезъ слова поэмы внезапно прервался бы на словѣ «heig». Эмоциональный интересъ декламатора къ этому слову былъ бы таковъ, что собственныя спеціальныя ассоціаціи получили бы перевѣсъ надъ другими словами, скомбинированными кѣмъ-то другимъ. Мы хотимъ сказать, что декламаторъ, въ этотъ моментъ, могъ внезапно вспомнить о своемъ собственномъ положеніи, и поэма совершенно исчезла бы изъ его мыслей.

Авторъ этихъ страницъ каждый годъ долженъ былъ заучивать имена большого числа студентовъ, сидящихъ въ алфавитномъ порядкѣ въ аудитории. Въ концѣ концовъ онъ научился вызывать ихъ по фамилии, когда они сидѣли на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, при встрѣчѣ на улицѣ, въ началѣ года, лицо студента едва ли когда-либо вызывало въ памяти автора фамилію, но оно могло вызвать въ памяти мѣсто, занимаемое этимъ студентомъ въ аудитории, затѣмъ—лица его сосѣдей и последовательно общее его положеніе по алфавиту, и тогда, обыкновенно, какъ продуктъ общей ассоціаціи этихъ скомбинированныхъ данныхъ, въ сознаніи появлялась и фамилія студента.

Отецъ желаетъ показать гостямъ развитіе своего ребенка, обучающагося въ дѣтскомъ саду и не отличающагося острыми способностями. Держа ножъ перпендикулярно къ столу, онъ говоритъ: «какъ ты называешь это, мой милый?» «Я называю это ножомъ, вотъ какъ», слѣдуетъ рѣшительный отвѣтъ, отъ котораго нельзя побудить ребенка отказаться никакимъ измѣненіемъ въ формѣ вопроса до тѣхъ поръ, пока отецъ, вспомнивъ, что въ дѣтскомъ саду употреблялся не ножъ, а карандашъ, вынимаетъ длинный карандашъ изъ своего кармана, держитъ его въ такомъ же положеніи и тогда получаетъ желанный раніше отвѣтъ ребенка: «я называю это вертикалью». Всѣ обстоятельства, сопутствующія опыту въ дѣтскомъ саду, должны воспроизвести сообща свой эффектъ для того, чтобы можно было вызвать вновь слово «вертикаль».

Полное воспоминаніе. Идеальное осуществленіе закона сложной ассоціаціи (название это дано проф. Вэнномъ), если бы оно не было видоизмѣнено никакимъ постороннимъ вліяніемъ, было бы таково, что захватывало бы сознаніе въ безконечную суетолю конкретныхъ воспоминаній, въ которыхъ нельзя было бы отдѣлаться ни отъ одной изъ деталей. Допустимъ, напимѣръ, что мы начинаемъ думать о какомъ-нибудь званомъ общѣ. Единственной вещью, которую всѣ слагающіяся обстоятельства этого обща могли бы въ сочетаніи своемъ намъ напомнить, было бы первое конкрет-

ное происшествіе, непосредственно слѣдовавшее за нимъ. Всѣ детали этого происшествія могли бы въ свою очередь въ сочетаніи вызвать въ памяти только ближайшее слѣдующее происшествіе и такъ далѣе. Если a, b, c, d, e, напимѣръ, суть элементарные нервные пути, возбужденные послѣднимъ фактомъ званого обща (назовемъ его A), а l, m, n, o, p, суть нервные пути, возбужденные возвращеніемъ домой въ морозную ночь, что мы обозначимъ буквой B, то мысль объ A должна вызвать мысль о B, такъ какъ a, b, c, d, e, каждое въ отдѣльности и всѣ вѣтви, разрядятся въ l, по путямъ, по которымъ произошелъ ихъ первоначальный разрядъ. Подобнымъ же образомъ они разрядятся въ m, n, o, p, и эти послѣдніе пути, каждый въ отдѣльности, также усилятъ дѣйствіе другихъ, такъ какъ въ опытѣ B они уже выбрировали въ униссонъ. Линіи на рисункѣ 54

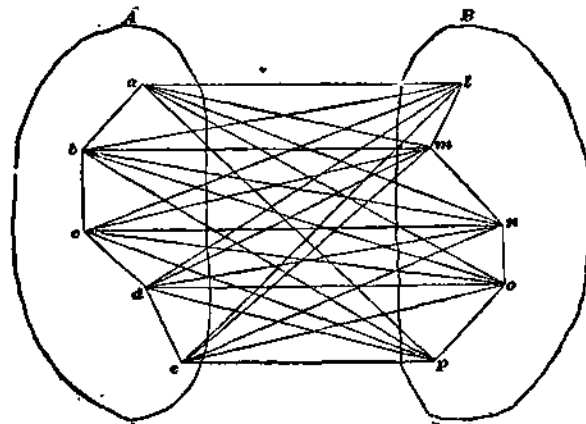


Рис. 54.

символически обозначаютъ сложеніе разрядовъ въ каждомъ изъ слагающихъ B, и силу, получающуюся отъ сочетанія вліяній, при помощи которыхъ B вызывается въ памяти во всей его полнотѣ.

Гамильтонъ первый употребилъ слово «рединтеграція» для обозначенія всякой ассоціаціи. Такие процессы, какъ только что описанные нами, могли бы быть въ полномъ смыслѣ опредѣлены, какъ рединтеграціи, ибо они необходимо привели бы, если бы ничто имъ не препятствовало, къ восстановленію въ мысли всего содержанія длинныхъ періодовъ минувшаго опыта. Отъ этой полной рединтеграціи не могло бы быть никакого спасенія, развѣ только помощью вторженія какого-нибудь новаго и сильнаго впечатлѣнія на чувства, или помощью чрезвычайно сильнаго стремленія какого-нибудь изъ элементарныхъ мозговыхъ путей къ независимому разряженію въ части мозга, находящейся въ сторонѣ. Таковыми были бы, напр., стремленіе лектора при словѣ «heig» въ стихѣ изъ «Locksley Hall», который мы взяли для нашего перваго примѣра. Какъ образуются подобныя стремленія, мы изслѣдуемъ болѣе подробно. Если бы ихъ не было, то панорама прошлаго, однажды отерывшись, должна была бы разверты-

ваться съ фатальной буйностью до конца, развѣ только какой-нибудь вѣтшій звукъ, свѣтъ или прикосновеніе отклонили бы въ сторону теченіе мысли.

Назовемъ этотъ процессъ полной рединтеграціей или, еще лучше, полнымъ воспоминаніемъ. Сомнительно, существуетъ-ли вообще абсолютно полная форма его. Впрочемъ, мы все непосредственно замѣчаемъ, что въ нѣкоторыхъ сознаніяхъ существуетъ гораздо больше стремленія, чѣмъ въ другихъ, къ тому, чтобы потокъ мыслей принималъ эту форму. Тѣ невыносимо болтливыя старыя женщины, тѣ грубыя, лишенные воображенія существа, которыя не пропускаютъ никакой подробности; хотя бы самой ничтожной, изъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ они рассказываютъ, и которыя при этихъ разсказахъ упрямо нагромождаютъ въ одну кучу какъ бы ненужныя, такъ и существенныя подробности, рабаги буквальной передачи факта, задерживающія на своемъ пути за каждую самую ничтожную мысль, промелькнувшую у нихъ когда-то въ умѣ,—эти фигуры извѣстны всѣмъ намъ. Комическая литература пользовалась ими для своихъ цѣлей. Нянька Джульетты является классическимъ примѣромъ. Деревенскіе типы у Джорджа Эліота и нѣкоторые второстепенныя лица у Диккенса служатъ прекрасными образцами.

Быть можетъ, удачной передачей одного изъ такихъ психическихъ типовъ является характеръ миссъ Бэтсъ въ романѣ миссъ Остенъ «Эмма». Послушаемъ, какъ она рединтегрируетъ:

«Но гдѣ вы могли это слышать?» воскликнула миссъ Бэтсъ! «Гдѣ могли вы это слышать, мистеръ Найтли? Ибо не прошло еще и пяти минутъ, какъ я получила записку мистриссъ Коль,—не можетъ быть больше пяти минутъ или по большей мѣрѣ десять,—такъ какъ я надѣла свою шляпу и пальто, совсѣмъ готовая уйти. (Я только пошла внизъ еще разъ сказать Патти объ окорокѣ)—Жанъ стоялъ въ проходѣ—развѣ это былъ не ты, Жанъ?—такъ какъ моя мать сильно боялась, что мы не имѣемъ достаточно большой банки для соленья. Итакъ я сказала, что хочу пойти внизъ и посмотреть, а Жанъ сказалъ: «Не пойти ли мнѣ вмѣсто тебя? Я думаю, ты немощно простужена, а Патти мила кухню». «О, мой милый!» отвѣчаю я: «хорошо», и какъ разъ въ эту минуту пришла записка. Я знаю только то, что миссъ Гоукнисъ (да, я только это и знаю), миссъ Гоукнисъ—въ Батѣ. Но, мистеръ Найтли, какъ вы могли услышать объ этомъ? Ибо въ тотъ самый моментъ, какъ мистеръ Коль передалъ мистриссъ Коль объ этомъ, она сѣла и написала мнѣ... Миссъ Гоукнисъ... и т. д.

Частичное воспоминаніе. Этотъ случай помогаетъ намъ понять, почему обыкновенное произвольное теченіе нашихъ идей не слѣдуетъ закону полного воспоминанія. Когда въ нашей памяти нѣтъ никакихъ остатковъ прошлаго опыта, тогда все отбѣтки нашей мысли играютъ одинаковую роль въ опредѣленіи того, какою должна быть слѣдующая мысль. Всегда какой-нибудь ингредиентъ преобладаетъ надъ всѣми остальными. Особая внушенія или ассоціація этого ингредиента въ этомъ случаѣ часто отличаются отъ тѣхъ, которыя у него общи съ цѣлой группой отбѣтокъ; и его стремленіе пробудить эти, стоящія въ сторонѣ, ассоціаціи отклоняютъ путь нашихъ мечта-

ній. Совершенно такъ, какъ въ первичномъ чувственномъ опытѣ наше вниманіе сосредоточивается на немногихъ впечатлѣніяхъ отъ міра, находящагося передъ нами, такъ здѣсь при воспроизведеніи этихъ впечатлѣній обнаруживается такая же пристрастность: нѣкоторыя замѣтки подчеркиваются больше, чѣмъ все остальныя. Каковы будутъ эти замѣтки,—это въ большей части случаевъ произвольной мечтательности, трудно опредѣлять a priori. Съ субъективной точки зрѣнія мы говоримъ, что преобладающія замѣтки суть тѣ, которыя вызываютъ въ насъ болѣе интересъ.

Выражаясь терминомъ физиологій мозга, законъ интереса таковъ: при возникновеніи дѣйствія въ какомъ-либо направленіи, какой-нибудь мозговой процессъ всегда преобладаетъ надъ сопутствующими ему процессами.

«Два процесса», говоритъ Годгсонъ: «совершаются постоянно при рединтеграціи. Одинъ процессъ развѣданія, таянія, увяданія; другой—обновленія, возникновенія, образованія... Объектъ нашего представленія не остается долго передъ сознаніемъ въ одномъ и томъ же самомъ состояніи: онъ блѣднѣетъ, угасаетъ и становится неяснымъ. Однако, тѣ части объекта, которыя имѣютъ для насъ интересъ, сопротивляются этому стремленію въ постепенному исчезновенію всего объекта... Эта неравномерность въ объектѣ,—когда нѣкоторыя части, не представляющія интереса, подвержены исчезновенію, а другія, представляющія интересъ, сопротивляются ему,—если такая неравномерность продолжается нѣкоторое время, то оканчивается она выступаніемъ новаго объекта».

Только тамъ, гдѣ интересъ равномерно распределенъ по всѣмъ частямъ, этотъ законъ не имѣетъ мѣста. Всего меньше ему повинуются тѣ умы, которые обладаютъ самой ничтожной измѣняемостью и интенсивностью интересовъ,—тѣ умы, которые, благодаря общей пошлости и бѣдности ихъ эстетической натуры, принуждены вѣчно вращаться въ тѣсномъ кругѣ, воспроизводящемъ въ буквальномъ порядкѣ мелочныя происшествія ихъ мѣстной и личной жизни.

Однако, большинство изъ насъ обладаетъ лучшей организаціей, и наши размышленія текутъ безпорядочно, распространяясь постоянно по какому нибудь новому направленію, начерченному измѣнчивой игрой интересовъ, сообразно тому, на какую частную подробность въ каждомъ сложномъ представленіи, вызванномъ имъ, онъ направляется. Такимъ образомъ, часто происходитъ, что мы находимъ въ себѣ, въ два близко слѣдующіе другъ за другомъ момента, мысли о вещахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ въ пространствѣ и во времени. Только въ томъ случаѣ, если впоследствии мы тщательно воспроизведемъ въ памяти каждый шагъ нашего размышленія, мы можемъ увидѣть, какъ естественно мы, осуществляя законъ Годгсона, перешли отъ одной изъ этихъ вещей къ другой. Такъ, напримѣръ, я замѣтилъ, что послѣ того, какъ я посмотрѣлъ на мои часы (дѣло было въ 1879 г.), я задумался о недавнемъ рѣшеніи сената по поводу нашихъ бумажныхъ денегъ. Какое отношеніе могли имѣть часы въ этому рѣшенію сената? А вотъ какое: часы напомнили мнѣ образъ человѣка, который исправилъ ихъ бой. Часовщикъ напомнилъ мнѣ о лавкѣ ювелира, гдѣ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; эта лавка—о рубашечныхъ запонкахъ, которыя я тамъ купилъ; запонки—

о цѣнности золота и его недавнемъ пониженіи; послѣднее о равной цѣнности кредитныхъ билетовъ, а затѣмъ, естественно, о вопросѣ, какъ долго они будутъ держаться и о предложеніи Байарда. Каждый изъ этихъ образовъ представлялъ въ различныхъ пунктахъ интересъ. Тѣ пункты, которые явились поворотными въ моемъ мысленіи, легко могутъ быть указаны. Въ данный моментъ бой былъ наиболее интересной частью часовъ, такъ какъ въ первое время послѣ ихъ приобритенія они имѣли пріятный тонъ, но недавно онъ сдѣлался дисгармоничнымъ и вызывалъ неудовольствіе. Но, вѣдь, часы могли бы возбудить и другой рядъ мыслей, напр., напомнить о другѣ, который далъ ихъ мнѣ, или о всякомъ другомъ изъ тысячи фактовъ, связанныхъ съ часами. Лавка ювелира напоминала о запонкахъ, такъ какъ онъ одинъ изъ всего содержимаго въ лавкѣ были отбѣлены эгоистическимъ интересомъ приобритенія. Этотъ интересъ къ запонкамъ, къ ихъ цѣнности, выдвинулъ передо мною впередъ ихъ матеріалъ, какъ главный источникъ ихъ, и т. д. до конца. Всякій читатель, который останавливается въ какой-либо моментъ и говоритъ: «Какъ я пришелъ къ мысли именно объ этомъ»,—навѣрно, начертить ходъ представленій, связанныхъ вмѣстѣ линіями смежности и точками чрезвычайно запутаннаго интереса. Вотъ обычный процессъ ассоціаціи идей, какъ онъ непроизвольно происходитъ у среднихъ людей. Мы можемъ назвать его обычной или смысловой ассоціаціей или, если вамъ больше нравится, частичнымъ воспоминаніемъ.

Какіе элементы ассоціаціи входятъ при частичномъ воспоминаніи?—Когда извѣстная часть текущей мысли въ силу своего интереса стала настолько преобладающей, что исключительно свои собственные элементы ассоціаціи она дѣлаетъ господствующими чертами приходящей (затѣмъ) мысли,—можемъ ли мы опредѣлить, какіе изъ свойственныхъ ей элементовъ будутъ вызваны,—ибо ихъ много. Hodgson говоритъ:

«Интересующія части исчезающаго объекта свободно комбинируются вновь съ тѣми объектами или частями объектовъ, съ которыми когда то раньше онѣ комбинировались. Всѣ прежнія комбинаціи этихъ частей могутъ снова вернуться въ сознание; но одна комбинація должна вернуться, кака-же?»

М. Годгсонъ на это отвѣчаетъ:

«На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: та, которая наиболее обычно комбинировалась съ прежними. Этотъ новый объектъ начинаетъ вдругъ образовываться въ сознаніи и группировать свои части вокругъ еще остающейся доли прежняго объекта; часть за частью появляется и становится въ прежнее положеніе; но едва этотъ процессъ начался, какъ первичный законъ интереса начинаетъ проявлять свое дѣйствіе въ этомъ новомъ образованіи, овладѣваетъ интересными частями и обращаетъ на нихъ вниманіе въ ущербъ остальному; этотъ процессъ цѣлкомъ повторяется съ безконечными видоизмѣненіями. Я рѣшаюсь предложить вышеказанное, какъ полное и истинное изложеніе всего процесса рединтеграціи».

Объясненіе Годгсона представляется, несомнѣнно, неполнымъ, такъ какъ ограничиваетъ нервный разрядъ отъ интересной части въ тотъ путь, который является просто наиболее привычнымъ (въ смыслѣ наиболее

тастаго), Никкимъ образомъ не всегда образъ вызываетъ за собою элементъ наиболее часто—ассоциировавшійся съ нимъ, хотя частое повтореніе является, конечно, однимъ изъ наиболее сильныхъ опредѣляющихъ элементовъ оживанія (въ памяти). Если я внезапно произнесу слово жаба, то читатель, если онъ по привычкѣ зоологъ, подумаетъ о пресмыкающемся, если же онъ спеціалистъ по горловымъ болѣзнямъ, то подумаетъ о горловой болѣзни. Если я скажу матерія, то продавецъ мануфактурныхъ товаровъ подумаетъ о шелковой или шерстяной ткани, а если же мы имѣемъ дѣло съ физикомъ или философомъ, они навѣрное тотчасъ-же подумаютъ о «веществѣ». Если я скажу по порядку «постель, ванна, утро», то читатель непремѣнно подумаетъ о своемъ ежедневномъ туалетѣ въ виду сочетанія названій этихъ трехъ привычныхъ элементовъ ассоціаціи. Но часто повторяющіеся линіи перехода ипогда, и даже весьма не рѣдко, не имѣютъ вліянія на теченіе мыслей. Видѣ какой-нибудь книги очень часто вызывалъ во мнѣ мысли о взглядахъ, изложенныхъ въ ней, но мысль о самоубійствѣ никогда не связывалась съ этой книгой. Однако, минутою назадъ, когда мой взглядъ упалъ на нее, мысль о самоубійствѣ промелькнула въ моемъ сознаніи. Почему? Потому что только вчера я получилъ письмо, извѣщающее меня, что авторъ этой книги недавно покончилъ жизнь самоубійствомъ. Значитъ, мысли стремятся вызвать элементы ассоціаціи и наиболее недавніе, какъ и наиболее привычные. Это фактъ, извѣстный всѣмъ по опыту, настолько извѣстный, что не нуждается въ дальнѣйшихъ иллюстраціяхъ. Если мы видѣли сегодня утромъ вашего друга, то напоминаніе объ его имени вызываетъ теперь въ памяти обстоятельства этой встрѣчи скорѣе, чѣмъ всякія болѣе отдаленныя детали, касающіяся его. Если упоминаютъ о пьесахъ Шекспира, а мы вчера вечеромъ читали «Ричарда второго», то въ нашемъ сознаніи промелькнутъ скорѣе воспоминанія объ этой пьесѣ, чѣмъ о «Гамлетѣ» или «Отелло», которыхъ мы видѣли много разъ, но рѣшше. Возбужденіе особыхъ путей или особые способы общаго возбужденія въ мозгу оставляютъ послѣ себя особую чувствительность или повышенную восприимчивость, которая уничтожается лишь въ теченіе нѣсколькихъ дней. Пока она держится, эти пути или эти способы подвержены возбужденію своей дѣятельности причинами, которыя въ другое время могли бы оставить ихъ въ покоѣ. Отсюда вытекаетъ, что недавность опыта является первымъ факторомъ въ опредѣленіи оживанія въ мысли¹⁾.

Яркость въ первоначальномъ опытѣ можетъ также имѣть такое-же дѣйствіе, какъ привычка или недавность, въ возникновеніи вѣроятности оживанія (въ памяти). Если мы когда либо присутствовали при смертной казни, то вслѣдующій разговоръ или чтеніе о смертной казни почти навѣрное вызовутъ въ нашей памяти образы этого необыкновеннаго зрѣлища. Такимъ образомъ, происшествія, пережитыя всего одинъ разъ, и при томъ въ юности, могутъ стать въ болѣе поздніе годы, въ виду ихъ

¹⁾ Я намекаю на недавность въ нѣсколько часовъ. М. Гальтонъ пишетъ, что опыты въ дѣтствѣ и юности болѣе вѣроятно вымолкались словами, замѣченными случайно, чѣмъ опыты болѣе зрѣлаго возраста. См. въ высшей степени интересное изложеніе опытовъ, произведенныхъ имъ, въ его книгѣ: „Inquiries into Human Faculty“, стр. 191—203.

возбуждающего характера или эмоциональной интенсивности, типами или образами, употребляемыми нашим сознанием для того, чтобы иллюстрировать всякое происшествие, даже очень отдаленное, связанное с ними по своему интересу. Если человек в детстве однажды беседовал с Наполеоном, то всякое упоминание о великих людях или исторических происшествиях, сражениях или тронах, или о превратности судьбы и об островах на океане способно навести его на рассказ об обстоятельствах этого памятного свидания. Если внезапно на страницах перед глазами читателя явится слово «зубъ», то существует 50 шансов на 100, что, если будет достаточно времени, чтобы вылезть какойнибудь образъ, то это будет образъ какойнибудь операции у дантиста, во время которой читатель былъ страдательнымъ лицомъ. Ежедневно читатель касается своихъ зубовъ и жуется ими; навѣрно сегодня утромъ онъ чистилъ ихъ, или пользовался ими, папиръ, жевалъ; по объ этомъ онъ не вспомнитъ собою, т. е. болѣе рѣдкія и отдаленныя ассоціаціи возникаютъ въ немъ скорѣе, такъ какъ онѣ были гораздо интенсивнѣе и ярче.

Четвертымъ факторомъ въ опредѣленіи теченія воспроизведенія (оживанія образовъ) является соотвѣстствіе въ эмоциональномъ тонѣ между воспроизводимой идеей и нашимъ настроеніемъ духа. Одни и тѣ же объекты вызываютъ не одни и тѣ же ассоциируемые элементы, когда мы веселы и когда мы настроены печально. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе парализующаго, чѣмъ наша неспособность вызвать рядъ веселыхъ образовъ въ то время, когда мы находимся въ угнетенномъ состояніи духа. Буря, мракъ, войпа, образы страданія, бѣдность, гибель и огорченіе безпрестанно пугаютъ воображеніе меланхоликовъ. Люди же сангвиническаго темперамента, когда они хорошо настроены, считаютъ невозможнымъ предаваться долгое время злымъ предчувствіямъ или мрачнымъ мыслямъ. Въ одно мгновеніе потокъ ассоціацій перескакиваетъ къ цвѣтамъ, отъ цвѣтовъ къ сіянію солнца, къ образамъ весны и надежды.

Воспоминанія объ арктическихъ путешествіяхъ, прочитанныя въ одномъ какомъ-либо настроеніи духа, пробуждаютъ мысли лишь объ ужасѣ и коварствѣ природы; прочитанныя же въ иное время, они вызываютъ лишь восторженныя размышленія о неукротимой энергіи и мужествѣ человека. Немногіе романы такъ переполнены настроеніемъ чисто животной радости, какъ «Три мушкетера» — Дюма. Однако, въ сознаніи читателя, угнетеннаго морской болѣзью (какъ это можетъ засвидѣтельствовать самъ авторъ), можетъ быть вызвано весьма грустное впечатлѣніе отъ жестокости и рѣзни, виновниками которой являются герои такого сорта, какъ Атосъ, Портосъ и Арамисъ.

Итакъ, привычка, недавность, живость и эмоциональное соотвѣстствіе являются причинами того, почему одно представленіе скорѣе другого вызвано было интересной частью исчезающей мысли. Мы можемъ сказать съ увѣренностью, что въ большинствѣ случаевъ послѣдующее представленіе было или привычнымъ, или недавнимъ, или яркимъ, или эмоциональнымъ, и не ошибемся. Если всѣ эти качества соединены въ одномъ какомънибудь ассоциированномъ отсутствующемъ элементѣ, то мы можемъ предсказать почти безошибочно, что именно этотъ элементъ объекта, мыслимаго въ данное мгновеніе, образуетъ

главный ингредиентъ объекта, который послѣдуетъ непосредственно. Однако, вопреки тому факту, что чередованіе представленій такимъ образомъ освобождено отъ совершеннаго индетерминизма¹⁾ и ограничено немногими классами, характерное свойство которыхъ опредѣлено природой нашего прошлаго опыта, нужно еще признать, что громадное число звеньевъ въ связной цѣпи нашихъ представленій находится въ всякаго опредѣленнаго закона. Возьмемъ примѣръ съ боемъ часовъ, данный ранѣе. Почему лавка ювелира напомнила о запонкахъ скорѣе, чѣмъ о цѣпочкѣ, которую я купилъ тамъ же, уже значительно позднѣе запонки и которая стояла дороже, т. е. эмоциональныя ассоціаціи которой были гораздо интереснѣе? Любой опытъ читателя легко доставитъ подобные примѣры. Такимъ образомъ мы должны допустить, что до известной степени, даже въ тѣхъ формахъ обычной смѣшанной ассоціаціи, которая лежитъ наиболее близко къ полной рединтеграціи, то обстоятельство, какая именно ассоциируемый элементъ интересной частности выступитъ (на первый планъ), должно быть названо въ широкомъ смыслѣ дѣломъ случая, случая, разумѣется, для нашего пониманія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣдній опредѣляется мозговыми причинами, но онъ слишкомъ тонки и измѣнчивы для того, чтобы мы были въ состояніи ихъ анализировать.

Сосредоточенное воспоминаніе, или ассоціація по сходству.— При частичной или смѣшанной ассоціаціи мы все время предполагали, что интересная часть исчезающей мысли значительна по величинѣ, и что она достаточно сложна для того, чтобы образовать самой-по-себѣ конкретный объектъ. Сэръ Вильямъ Гамильтонъ передаетъ, на примѣръ, что послѣ мысли о Бенѣ Ломондѣ²⁾ онъ поймалъ себя на мысли о прусской системѣ воспитанія, и открылъ, что звеномъ ассоціаціи были нѣмецъ, котораго онъ встрѣтилъ на Бенѣ-Ломондѣ, затѣмъ, — Германія и т. д. Интересной частью Бенѣ-Ломонда, насколько онъ запалъ въ его опытъ, — частью, подѣйствовавшей на опредѣленіе теченія идей Гамильтона, была сложный образъ частнаго человека. Но теперь предположимъ, что заинтересованное вниманіе утончается еще болѣе и отгѣняетъ одну часть уходящаго объекта, настолько малую, что она не можетъ уже быть изображеніемъ конкретной вещи, но только изображеніемъ отвлеченнаго качества или свойства. Сверхъ того предположимъ, что часть, такимъ образомъ отгѣненная, остается въ сознаніи (или, говоря языкомъ физиологовъ, — соотвѣтствующіе ей мозговые процессы продолжаютъ) еще послѣ того, какъ прочія части объекта потускнѣли. Тогда эта незначительная, но пережившая другихъ, часть окружитъ себя своими собственными ассоціаціями. — тѣмъ способомъ, который мы видѣли выше, и соотношеніе между новымъ объектомъ мысли и объектомъ исчезнувшей мысли будетъ соотношеніемъ по сходству. Пара такихъ мыслей образуетъ примѣръ того, что называется «ассоціаціей по сходству».

Тѣ сходства, которые здѣсь ассоциируются или за первымъ изъ кото-

¹⁾ Индетерминизмомъ, въ противоположность детерминизму, называется такое теченіе явленій другъ за другомъ, которое не опредѣляется ничѣмъ, т. е. независимо отъ чего либо другого.

²⁾ Название горы.

рыхъ въ сознаниі слѣдуетъ второе, оказываются при рассмотрѣніи ихъ сложными. Опытъ доказываетъ, что такъ бываетъ всегда. У той части объекта, которая состоитъ изъ простыхъ «идей», атрибутовъ или качествъ, нѣтъ стремленія напоминать намъ о своемъ сходствѣ. Мысль объ оттѣнкѣ голубого цвѣта не вызываетъ мысли о другомъ голубомъ оттѣнкѣ и т. д., развѣ только дѣйствительно мы въ умѣ имѣемъ какую нибудь общую цѣль назвать или сравнивать ихъ, что требуетъ рассмотрѣнія многихъ оттѣнковъ голубого цвѣта.

Но двѣ сложныхъ вещи сходны, когда какое-нибудь одно качество или группа качествъ находится одинаково у обоихъ, хотя относительно другихъ ихъ качествъ объекты эти могутъ не имѣть ничего общаго между собою. Луна похожа на пламя газового рожка; она также похожа на мячикъ; но пламя газового рожка и мячикъ не похожи другъ на друга. Когда мы устанавливаемъ сходство двухъ сложныхъ объектовъ, мы всегда должны были-бы говорить, въ какомъ отношеніи существуетъ это сходство. Луна и пламя газового рожка сходны въ отношеніи блеска и ни въ чемъ иномъ; луна и мячъ—въ отношеніи круглой формы и ни въ чемъ иномъ. Мячъ и пламя газового рожка не сходны ни въ какомъ отношеніи, то есть они не имѣютъ ни одного общаго пункта, ни одного тождественнаго атрибута.

Въ сложныхъ объектахъ сходство есть частичное тождество (тождество какихъ-либо частей).

Когда одинъ и тотъ же атрибутъ появляется въ двухъ явленіяхъ, то оба явленія настолько сходны, насколько этотъ атрибутъ является ихъ общимъ свойствомъ. Вернемся теперь къ нашимъ ассоциированнымъ представленіямъ. Если мысль о лунѣ смѣняется мыслью о мячѣ, а послѣдняя мыслью объ одной изъ железнодорожныхъ вѣтвей, принадлежащихъ г-ну X., то это происходитъ оттого, что, при появленіи въ мысли о лунѣ образа мяча, атрибутъ круглости (общій мячу и лунѣ) выдѣляется впередъ изъ всего остального, которое уходитъ, а онъ окружается совершенно новымъ подборомъ спутниковъ, находимыхъ у мяча, —каковы: эластичность, кожаная оболочка, быстрая подвижность въ подчиненіи человѣческой при-

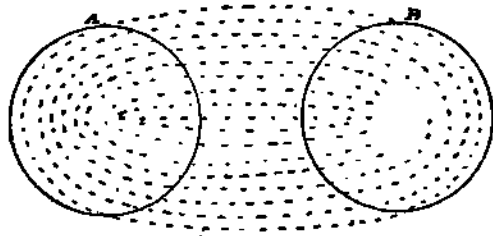


Рис. 55.

хоти и т. д.; послѣдній изъ названныхъ атрибутовъ мяча въ свою очередь выдвигается впередъ и отпадаетъ отъ своихъ спутниковъ которые уходятъ, а самъ онъ, оставшись, окружается такими новыми атрибутами, которые даютъ въ свою очередь идеи—о «железнодорожномъ кораблѣ», о повышеніи и пониженіи биржевыхъ бумагъ и т. д.

Постепенный переходъ отъ полнаго до сосредоточеннаго воспоминанія, черезъ то, что мы назвали обыкновеннымъ, можетъ быть символически изображенъ посредствомъ диаграммы. Рисунокъ 56 представляетъ полное, тогда какъ рис. 56—частичное, а рис. 57—сосредоточенное воспоминаніе. Въ каждомъ изъ нихъ А означаетъ уходящую мысль, В—мысль, непосредственно являющуюся за первой. При «полномъ воспоминаніи» всѣ части А равно принимаютъ участіе въ вызваніи В. При «частичномъ воспоминаніи» большая часть А бездѣтельна; только часть М выступаетъ и вызываетъ В. При ассоціаціи по сходству или «сосредоточенномъ воспоминаніи» часть

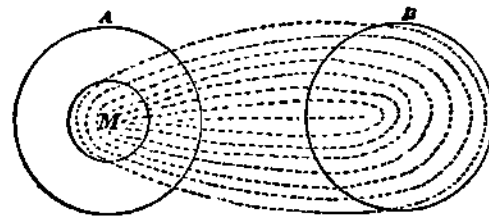


Рис. 56.

М гораздо меньше, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, и, вызывая свою новую группу элементовъ ассоціаціи, эта часть вмѣсто того, чтобы самой исчезнуть, продолжаетъ настойчиво дѣйствовать вмѣстѣ съ послѣдними (то есть

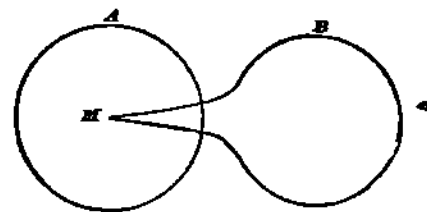


Рис. 57.

съ вызванными элементами), образуя тождественную часть въ обоихъ идеяхъ и тѣмъ самымъ дѣлая ихъ сходными другъ съ другомъ ¹⁾.

¹⁾ Мысль М. В. Кошкинъ (Philosophical Review, I. 389, 1892) отмѣчаетъ что наличная черта текущей мысли, отъ которой зависятъ ассоціація по сходству, никомъ образомъ не всегда настолько слаба, чтобы соответствовать термину „сосредоточенное“. „Если видъ всей столовой влечетъ за собою зрительное представленіе о вчерашнемъ завтракѣ съ тѣмъ же расположеніемъ частей и при той же обстановкѣ, то ассоціація практически является полной“, а „ѣсть не менѣе это—случай ассоціаціи по сходству. Согласно этому, для мысли Кошкинъ болѣе важнымъ является различіе между тѣмъ, что она называетъ прекращающейся и остающейся ассоціаціей. Въ „прекращающейся“ ассоціаціи всѣ части протекающей мысли исчезаютъ и замѣняются. Въ „остающейся“ ассоціаціи, нѣкоторые части остаются и образуютъ узелъ сходства между смѣ-

Почему одна только часть исчезающей мысли должна выделиться из группы всех остальных и действовать, как мы говорим, самостоятельно; почему остальные части должны становиться бездейственными, это тайны, которые мы можем установить, но не истолковать. Может быть, более тщательное и подробное знание законов первой деятельности когда-нибудь выяснит суть дела; может быть, недостаточно будет первой деятельности, и нам нужно будет прибегнуть к динамическому воздействию самого сознания. Но теперь в это мы не можем вдаваться.

Волевая течения мысли. До сих пор мы принимали, что процесс подсказывания или внушения идеи об одном объекте при помощи другого является произвольным. Смѣна представлений совершается по их собственному капризу, то двигалась по солидным путям привычки, то устремляясь скачками и прыжками по всему полю времени и пространства. Такими являются грезы или мечтательность; но значительная часть потока наших идей состоит в чем-то, весьма отличающемся от этого. Здесь руководителем является ясно выраженная цель или сознательный интерес, и такое течение наших идей называется поэтому волевым.

Разсматривая его с физиологической точки зрения, мы должны предположить, что цель подразумевает постоянную деятельность известных, достаточно определенных мозговых процессов, в продолжение всего течения мысли. Наши наиболее обычные размышления суть не чистые грезы, не отвлеченные блуждания мысли, но вращаются около некоторого центрального интереса или темы, к которой большая часть образов имеет отношение, и к которой мы быстро возвращаемся после случайных отклонений. Как мы уже ранее предположили, этот интерес поддерживается теми мозговыми путями, которые продолжают оставаться деятельными. В смѣшанных ассоциациях, которые мы до сих пор изучали, части каждого объекта, являющиеся, так сказать, осями, к которым последовательно обращаются наши мысли, представляют интерес, определяемый в значительной мере их связью с некоторым общим интересом, который на время овладевает мыслью. Назовем буквой *z* мозговой ряд общего интереса; если появляется объект *abc*, и *b* имеет больше ассоциаций с *z*, чем *a* или *c*, то *b* станет интересной, осевой (см. ранее) частью объекта и вызовет исключительно свои собственные элементы ассоциации. Ибо энергия мозгового пути *b* будет увеличена дей-

ствием друг друга объектами сознания; только там, где эта связь чрезвычайно тонка, — как напр., в случае отвлеченного (абстрактного) отношения или качества, — там нужно называть остающийся процесс „сосредоточенным“. Я должен согласиться с правильностью критики мисс Коокинз и думаю, что здесь полезно применять два ее новых термина. Разделение ассоциаций, по Вундту, на два класса — внешние и внутренние, — совпадает с делением, предложенным мисс Коокинз. Вещи, ассоциированные внутренне, должны иметь какой-либо общий элемент; и термин, предложенный мисс Коокинз, „остающаяся ассоциация“, дает нам представление о том, как это может происходить в мозгу. С другой стороны, „прекращающаяся“ (ассоциация) указывает на процесс, посредством которого чередующиеся идеи становятся внешними друг к другу или не сохраняют никакой внутренней связи.

тельностью *z* (всего ряда), деятельностью, которая, вследствие отсутствия предварительной связи между *z* и *a* и между *z* и *c*, не окажет влияния на *a* или *c*, а окажет его на *b*. Если, например, в то время, когда я голоден, я думаю о Париже, то очень вероятно, что рестораны этого города станут „осевыми“ элементом моей мысли о нем.

Задачи. Но как в теоретической, так и в практической жизни существуют интересы более острого типа, принимающие форму определенных образов некоторой цели, которой мы желаем достигнуть. Течение мысли, возникающих при условиях подобного интереса, составляет обыкновенно мысль о средствах, при помощи которых цель должна быть достигнута. Если цель самим своим присутствием не указывает мгновенно на средства, то поиски за последними становятся задачей, и открытие средств образует новый вид цели совершенно особого характера, — именно цели, которую мы сильно желаем прежде, чем она достигнута, но о характере которой мы не имеем отчетливого представления даже в то самое время, когда наиболее жаждем ее (см. описание поисков забытого слова или имени).

То же самое происходит тогда, когда мы стараемся вспомнить что-нибудь позабытое или подыскать основание тому мнению, которое мы составили интуитивным¹⁾ путем. Желание влечет и гонит нас по направлению, которое представляется правильным, но по направлению к пункту, которого нельзя видеть. Говоря короче, отсутствие ярлыка настолько же определяет течение наших представлений, как и присутствие его. Проблема дѣлается не только пустотой, но тем, что называется страданием от пустоты. Если мы попытаемся истолковать терминами из физиологии мозговой деятельности, каким образом мысль, которая существует только потенциально, может все-же-таки проявлять деятельность, то, повидимому, мы будем принуждены допустить, что соответствующий ей мозговой путь должен быть при этом возбужден, но только в минимальной и подсознательной степени. Попытаемся, например, символически выразить, что происходит в человеке, который нагирает свои мозги, чтобы припомнить мысль, явившуюся у него на прошлой неделе. Ассоциированные элементы этой мысли — на-лицо, во всяком случае на-лицо многие из них, но они отказываются вызвать самую мысль. Мы не можем предположить, что они вовсе не распространяют (не ирадируют) своего возбуждения на мозговой путь этой иско-мой мысли, — так как эта мысль, так сказать, бьется где-то, готовая каждую минуту открыться. Настоящий ритм (этой мысли) звучит в наших ушах; слова, повидимому, готовы сорваться с языка, но их нет. Единственная разница между усилием вспомнить о забытом и исканием средств для достижения данной цели заключается в том, что последние (т. е. средства) не составляют части нашего прошлого опыта, отыскиваемое забытое (факты) уже составляет часть нашего

¹⁾ Т. е. такому мнению, которое образовалось не сознательным и отчетливым разсуждением или мышлением, а как-то неведомо для нас, словно по интуиции.

опыта. Если мы сперва изучим способы припоминания забытого, то с большим пониманием мы сумеем исследовать волевые поиски за неизвестным средством.

Разрешение задачи.—Забытое ощущается нами, как пробел среди других известных вещей. При этом мы имеем смутную идею о том, около какого времени или места в последний раз эта забытая вещь встретила нас. Мы помним общую тему, в которой позабытая вещь имела отношение. Но все эти детали отказываются сдаться вместе, в одно прочное целое, за неизвестным позабытой вещи, так что мы кружимся мысленно вокруг них, неудовлетворенные, и жажда чего-то большего. От каждой детали радиально расходятся линии ассоциации, образуя большое поле для соблазнительных догадок. Многие из этих ассоциаций, с первого же взгляда, оказываются явно не подходящими, а потому, как не представляющие интереса, немедленно исчезают из сознания. Другие же ассоциируются как с наличными прочими деталями, так и с позабытой мыслью. Когда выступают в сознании именно они, то мы испытываем особое чувство, которое похоже на чувство, испытываемое участниками игры в прятки, когда они думают, что попали на следы отыскиваемого, что он «вот», «близко», что они уже чувствуют его «теплоту». За такие элементы мы ухватываемся, мы чувствуем их «теплоту» и стараемся сосредоточить на них внимание, так напр., мы последовательно припоминаем, что, когда мы в последний раз разбирали данный вопрос, мы были за обеденным столом; что тогда же был и наш друг N. N., что тема беседы была такая-то, наконец, что мысль пришла нам в голову по поводу одного анекдота, и что при этом она имела нечто общее с какой-то французской цитатой. Все эти добавочные элементы ассоциации возникают не зависимо от воли, а при помощи хорошо знакомых каждому произвольных процессов. Воля только подчеркивает и останавливается на тех

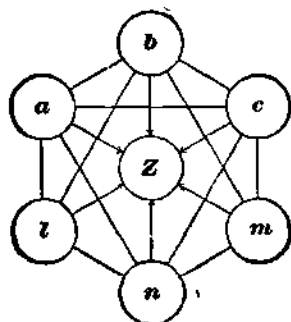


Рис. 58.

элементах, которые представляются подходящими, и игнорирует остальные. Помощью этого, бродящего осязая, внимания вокруг да около искомого объекта, накопление ассоциируемых элементов становится столь обширным, что соединенные напряжения их первых процессов прорывают преграду, и первая волна бросается на путь, который так долго ждал ее появления. И когда подсознательный, так сказать, зуд ожидания насыщается полнотой оживленного чувствования, ум испытывает невыразимое облегчение.

Весь этот процесс может быть выражен грубо символически на диаграмме. Назовем забытую вещь буквой Z; первые факты, имеющие, как нам кажется, отношение к ней—буквами a, b и c, а детали, которые будут иметь решающее значение при припоминании вещи,—i, m и n. Затем каждый кружок будет означать мозговой процесс,

запятый (основным образом) мыслью о том частном факте, который обозначен буквой, стоящей внутри кружка. Деятельность в Z сперва будет простым напряжением; но когда деятельности в a, b и c мало по малу распространяется (иррадирует) на i, m и n, и когда все эти процессы будут каким-либо образом связаны с Z, то их соединенные воздействия на Z, представленные идущими к центру стрелками, успеют пробудить также и в Z полную деятельность.

Обратимся теперь к тому случаю, когда мы отыскиваем неизвестные средства для ясно понимаемой цели. Цель станет теперь теперь на той же диаграмме, на место a, b и c. Она является теперь исходным пунктом распространения (иррадиации) возбуждения; и здесь, как в предыдущем случае, волевое внимание лишь отстраняет некоторые возбуждения, как неподходящие к цели, и крепко ухватывается за другие, которые кажутся более подходящими, которые мы обозначим буквами i, m и n. Эти последние, наконец, накапливаются в настолько достаточном количестве, что способны все вместе вызвать в Z возбуждение процесса, который в психической сфере соответствует разрешению нашей проблемы. Единственная разница между предыдущим и этим случаем состоит в том, что теперь не требуется никакого первоначального «подвозбуждения» (подвозбуждения), или скажем, латентного возбуждения в Z, которое существовало в прежнем случае, когда мы отыскивали забытую мысль. При решении задачи, мы знаем о решении (т. е. об отыскиваемом объекте) только его отношении. Такими отношениями могут быть или его причина или следствие, или его свойство, атрибут, или средство и тому подобное. Одним словом, мы знаем об этом решении (предмете) много, между тем как еще не имеем никакого знакомства с ним самим. Наше восприятие о том, что один из представляющихся объектов является, наконец, *quaesitum* для нас, обусловлено нашим признанием того, что его отношения тождественны с теми, которые мы имели в уме, и это может быть довольно медленным актом суждения. Всякий знает, что какой-либо объект может быть объектом сознания некоторое время, прежде чем будут сознаны его отношения к другим предметам. Совершенно так же можно сознавать отношения до сознания объекта.

В отгадывании по газетным намекам замыслов государственной политики играет роль именно этот процесс. Мы должны положиться на то, что законы природы мозга доставят нам сами собой соответствующую идею, но признать ее правильною, когда она явится, мы должны сами.

Я далеко от намерения входить здесь в какой-либо подробный анализ различных классов психических исканий. В научных исследованиях мы находим, может быть, самые богатые образцы их. Исследователь исходит от факта, причину которого он ищет, или от гипотезы, для которой он ищет доказательства. В том и другом случае он разбирает в своем уме непрерывно суть дела до тех пор, пока среди вызываемых элементов ассоциаций то по привычке, то по сходству, выделится один, который исследователь признает подходящим. Однако, такой процесс может продолжаться годами. Нельзя дать никаких правил, при помощи которых исследователь мог бы идти

прямо къ результату; но и здѣсь, какъ и въ случаѣ воспоминанія, накопленіе вспомогательныхъ средствъ на пути ассоціацій можетъ происходить быстрее благодаря употребленію давно извѣстныхъ способовъ. При стараніи, вапримѣръ, вспомнить какую-нибудь мысль, мы можемъ нарочно поставить себя послѣдовательно въ тѣ положенія, съ которыми могла быть связана мысль, полагаясь на то, что, когда встрѣтится подходящее положеніе, оно поможетъ вспомнить эту мысль. Такимъ образомъ, мы можемъ припомнить всѣ мѣста, гдѣ могли имѣть ее; мы можемъ представить себѣ всѣхъ лицъ, съ которыми, какъ мы помнимъ, мы говорили и, быть можетъ, о ней, или вспоминаемъ послѣдовательно всѣ книги, которыя мы недавно читали. Если мы стараемся вспомнить какого-нибудь человѣка, мы можемъ обратиться къ списку улицъ или профессій. Какая-нибудь отмѣтка въ такихъ методически разсматриваемыхъ спискахъ можетъ быть ассоциирована съ требуемымъ фактомъ, можетъ вызвать его или помочь это сдѣлать. И, между тѣмъ, эта отмѣтка могла бы никогда не придти на мысль безъ такой систематической процедуры. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ такое накопленіе элементовъ ассоціаціи было приведено въ систему Миллемъ въ главѣ о «Четырехъ методахъ экспериментальнаго изслѣдованія». Мы составляемъ ряды случаевъ по «методу согласованія», по «методу различія», по методамъ «остатковъ» и «сопутствующихъ измѣненій» (опредѣлять ихъ болѣе подробно мы здѣсь не можемъ), и, обдумывая эти ряды въ нашемъ сознании, мы можемъ гораздо легче найти причину, которую ищемъ. Но этимъ не совершается, а лишь подготавливается послѣдній шагъ къ открытію. Мозговые токи должны по собственному согласованію устремиться наконецъ по правильному пути, иначе мы по прежнему будемъ искать ощупью въ темнотѣ. Что въ нѣкоторыхъ мозгахъ токи устремляются по правильному пути гораздо чаще, тѣмъ въ другихъ, и что мы не можемъ сказать, почему, — это окончательные факты, на которые мы не должны никогда закрывать глаза. Даже составляя списки примѣровъ, по методу Милля, мы зависимъ отъ произвольныхъ дѣйствій «сходства» на нашъ мозгъ. Почему наносится на анкетъ масса фактовъ, сходныхъ съ однимъ, причину котораго мы ищемъ, если не потому, что одинъ быстро вызываетъ (въ памяти) другой помощью ассоціаціи по сходству?

Сходство вовсе не есть элементарный законъ. Таковъ анализъ, который я предлагаю, сперва для трехъ главныхъ типовъ не произвольныхъ теченій мысли, а затѣмъ для типовъ волевыхъ теченій. Нужно замѣтить, что вызываемый объектъ можетъ не имѣть никакого логическаго отношенія къ объекту, его вызывающему. Законъ требуетъ, чтобы только одно условіе было выполнено: исчезающій объектъ долженъ быть обусловленъ мозговымъ процессомъ, нѣкоторые элементы котораго вызываютъ по привычкѣ нѣкоторые элементы другого мозгового процесса, обуславливающего появленіе новаго объекта. Это вызваніе и представляется причиной въ томъ родѣ ассоціаціи, который называется ассоціаціями по сходству, а также и во всякихъ другихъ родахъ. Сходство между объектами само по себѣ не имѣетъ никакого причиннаго вліянія на приведеніе насъ отъ одного объекта къ другому. Оно является только

результатомъ, т. е. слѣдствіемъ привычки, когда этотъ причинный факторъ является дѣйствовать привычнымъ образомъ.

Обыкновенно писатели говорятъ, будто сходство объектовъ само по себѣ является факторомъ одинаковаго сорта съ привычкой, но независимымъ отъ нея и способнымъ, подобно ей, выдвинуть объекты передъ сознаніемъ. Но это совершенно непонятно. Сходство двухъ вещей не существуетъ, пока нѣтъ передъ нами обѣихъ вещей; бессмысленно говорить о сходствѣ, какъ о факторѣ, производящемъ нѣчто въ физической или психической областяхъ. Сходство есть отношеніе, замѣчаемое сознаніемъ послѣ факта, точно такъ же, какъ можно познавать отношенія превосходства, разстоянія, причинности, формы и содержанія, субстанціи и акциденціи, или контраста между даннымъ объектомъ и нѣкоторымъ другимъ, вызываемымъ механизмомъ ассоціаціи.

Заключение.—Итакъ резюмируя, мы видимъ, что разница между тремя видами ассоціаціи сводится къ простой разницѣ въ величинѣ той части нервнаго пути, по которой идетъ наличная мысль, являющаяся активной въ вызываніи слѣдующей мысли. Но самый способъ дѣйствія этой активной части одинъ и тотъ же, независимо отъ того, велика или мала эта часть. Отмѣтки, образующія новый объектъ, преобладаютъ каждый моментъ, такъ какъ ихъ нервные пути были развѣ возбуждены въ связи съ путями исчезающаго объекта или его дѣйствующей части. Этотъ окончательный физиологическій законъ привычки между нервными элементами, именно и ведетъ цѣпь или рядъ. Его направленіе, его движеніе и форма его переходовъ отъ одного объекта къ другому, обусловлены неизвѣстными условіями, благодаря которымъ въ однихъ мозгахъ дѣйствіе стремится сосредоточиться въ нѣкоторыхъ точкахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ оно терпѣливо наполняетъ все его широкое ложе. Повидимому, невозможно разгадать, въ чемъ заключаются эти различныя условія. Но что бы они ни представляли собою, они именно отличаютъ гениальнаго человѣка отъ прозаическаго существа, подчиненнаго привычкѣ и шаблонному мышленію. Въ главѣ о разсужденіи мы должны будемъ снова вернуться къ этому предмету. Я надѣюсь, что изучающій психологію почувствуетъ теперь, что путь къ болѣе глубокому пониманію порядка слѣдованія нашихъ идей лежитъ въ направленіи физиологій мозга. Элементарный процессъ оживанія въ памяти можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ закономъ привычки. Дѣйствительно, далека тотъ день, когда физиологи счумѣютъ чертить отъ одной группы кѣлокъ къ другой гипотетически вызванныя нами соотношенія; можетъ быть, этотъ день никогда не придетъ. Кромя того, схематизмъ, которымъ мы пользовались, взять непосредственно изъ анализа объектовъ въ ихъ элементарныхъ частяхъ, и онъ только по аналогіи распространяемъ на мозгъ. И тѣмъ не менѣе этотъ схематизмъ только въ приложеніи къ мозгу можетъ представить нѣчто причинное. По моему мнѣнію, это даетъ намъ рѣшительное право сказать, что порядокъ представленія матеріаловъ мысли обусловленъ только одной физиологіей мозга.

Законъ случайнаго преобладанія извѣстныхъ процессовъ надъ другими попадаетъ также въ сферу мозговыхъ вѣроятностей. Разъ признано, что нервная ткань неустойчива, то извѣстные пункты должны всегда разряжать

Сдмнрзчс

Горбуновъ

скорѣе и сильнѣе, чѣмъ другіе; и это преобладаніе должно мѣнять свое мѣсто отъ времени до времени благодаря случайнымъ причинамъ, давая намъ прекрасную механическую диаграмму причудливой игры ассоціаціи по сходству, въ наиболѣе одаренномъ мозгу. Изученіе сновидѣній подтверждаетъ этотъ взглядъ. Обычное изобиліе путей разряда, въ мозгу спящаго, повидимому, уменьшается. Только немногіе изъ нихъ проходимы, и вотъ являются наиболѣе фантастическія смѣны образовъ, такъ какъ тоя стремятся, «подобно искрамъ по подожженной бумагѣ», только туда, гдѣ питаніе даннаго момента сдѣлало для нихъ проходъ.

Результаты заинтересованнаго вниманія и хотѣнія остаются. Эти дѣятельности, повидимому, держатся крѣпко за нѣкоторые элементы и, подчеркивая и напирая на нихъ, онѣ дѣлаютъ эти элементы ассоціаціи единственными, которые вызываются. Этотъ пунктъ должна имѣть въ виду анти-механическая психологія, когда она имѣетъ дѣло съ ассоціаціей. Всякая другая вещь, очень вѣроятно, обусловлена мозговыми законами. Мое собственное мнѣніе по вопросу объ активномъ вниманіи и духовной самопроизвольности духа изложено въ другомъ мѣстѣ. Но даже, если существуетъ психическая самопроизвольность, она налѣрное не можетъ создать идей и вызывать ихъ ex abrupto. Ея роль ограничена выборомъ между тѣми идеями, которыя представляетъ ей механизмъ ассоціацій. Если она можетъ подчеркнуть, усилить или отсрочить на полсекунды какую-нибудь идею, она можетъ дѣлать все, что долженъ бы былъ требовать наиболѣе ярый защитникъ свободы воли; ибо въ этомъ случаѣ она рѣшаетъ направленіе слѣдующихъ ассоціацій, ставя ихъ въ зависимость отъ подчеркнутой идеи; предопредѣляя такимъ образомъ теченіе мыслей человѣка, она также предопредѣляетъ его поступки.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Чувство времени.

Чувствуемое настоящее (время) имѣетъ продолжительность.— Пусть кто-нибудь попытается, я не скажу—остановить, но только подиѣтить и выждать настоящій моментъ времени: послѣдуетъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ (разочаровывающихъ) опытовъ. Гдѣ оно, это настоящее? Оно растаяло въ нашихъ рукахъ, исчезло прежде, чѣмъ мы его могли коснуться, ушло въ моментъ появленія. По словамъ поэта, цитируемаго Годгсономъ: «Le moment où je parle est déjà loin de moi»¹⁾, и если настоящее, въ строгомъ смыслѣ этого слова, можетъ быть подмѣчено нами, то только

¹⁾ „Мигъ, когда я говорю, уже далеко отъ меня!“

какъ вступленіе въ яркую и движущуюся организацію болѣе широкаго пути времени. Дѣйствительно, настоящее является совершенно идеальной абстракціей, не только никогда не реализующейся въ чувствѣ, но даже вѣроятно никогда не познаваемой тѣми, которые не привыкли къ философскому мышленію. Размышленіе приводитъ насъ къ заключенію, что настоящее должно существовать, но то, что оно существуетъ—никогда не можетъ быть фактомъ нашего непосредственнаго опыта. Единственнымъ фактомъ непосредственнаго опыта является то, что было удачно названо «нагляднымъ» настоящимъ, нѣчто вроде сѣдла на хребтѣ времени, извѣстной, его собственной длѣны, на которомъ мы сидимъ бокомъ и съ котораго разсматриваемъ время по двумъ направленіямъ. Мѣрой (единицей) сложенія нашего воспріятія времени является продолжительность съ носомъ и кормой, какъ бы съ концами, смотрящими назадъ и впередъ. И только, какъ части этого отрывка—продолжительности, мы воспринимаемъ отношеніе послѣдовательности одного конца къ другому. Мы не чувствуемъ сперва одного конца, а потомъ другого, не выводимъ изъ воспріятія послѣдовательности о существованіи промежутка времени между ними, но намъ кажется, что мы чувствуемъ этотъ промежутокъ времени, какъ нѣчто цѣлое, съ его двумя концами. Съ самаго начала опытъ является не простымъ, а синтетическимъ даннѣмъ, и для чувственнаго воспріятія его элементы неотдѣлимы, хотя вниманіе, направленное назадъ, можетъ легко разложить опытъ на составные его элементы и различить его начало отъ его конца.

Если мы сѣднемъ промежутокъ времени выше нѣсколькихъ секундъ, то наше сознаніе продолжительности перестаетъ быть непосредственнымъ воспріятіемъ и становится болѣе или менѣе символическимъ построеніемъ. Чтобы представить себѣ ясно даже часъ, мы должны считать безъ конца: «теперь! теперь! теперь! теперь!..» Каждое «теперь» есть чувство отдѣльнаго отрывка времени, и точная сумма этихъ отрывковъ никогда не произведетъ яснаго впечатлѣнія на наше сознаніе. Самый длинный по продолжительности отрывокъ времени, который мы можемъ уловить сразу такъ, чтобы отличить его отъ болѣе длинныхъ или болѣе короткихъ отрывковъ времени (по опытамъ, сдѣланнымъ съ другой цѣлью въ лабораторіи Вундта), повидимому, равенъ приблизительно 12 секундамъ. Самый короткий промежутокъ, вообще познаваемый нами, какъ время, равняется, повидимому, $\frac{1}{1000}$ долѣ секунды; это значитъ, что экпертъ (производившій опытъ) распознавалъ послѣдовательность двухъ электрическихъ искръ, слѣдовавшихъ одна за другой въ этотъ промежутокъ времени.

Мы не чувствуемъ ничѣмъ незанятаго (пустого) времени. Пусть кто-либо сидитъ съ закрытыми глазами и, отвлекшись совершенно отъ вѣшняго міра, обратитъ исключительно вниманіе на теченіе времени подобно тому, кто, какъ говоритъ поэтъ, «бѣдитъ, чтобы услышать время, несущееся въ темную ночь, и вселенную, движущуюся ко дну страднаго суда». При подобныхъ условіяхъ, повидимому, нѣтъ никакого разнообразія въ содержаніи матеріала нашей мысли, а то, что, какъ намъ кажется, мы замѣчаемъ, есть не болѣе, какъ простые ряды продолжительностей, какъ бы образующихся и растущихъ на нашихъ глазахъ. Но такъ-ли это на

самомъ дѣлѣ, или нѣтъ? Вопросъ этотъ важенъ: ибо если опытъ оказывается тѣмъ, чѣмъ онъ кажется съ перваго взгляда, то мы, значитъ, обладаемъ какимъ-то особымъ чувствомъ чистаго времени, чувствомъ, для котораго вполне соответствующимъ (адекватнымъ) возбуждителямъ является ничтъ не заполненная продолжительность; между тѣмъ, если опытъ оказывается иллюзией, то должно признать, что наше воспріятіе полета времени тѣмъ, чѣмъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ обусловлено, заполнено время, и нашей памятью содержаніемъ предыдущаго момента, которое мы чувствуемъ сходнымъ или несходнымъ съ содержаніемъ теперешняго момента.

Требуется лишь незначительное усиленіе самонаблюденія для того, чтобы показать, что послѣдняя альтернатива является истиной и что мы не можемъ познавать длительность, какъ и протяженіе, лишённое всякаго чувственного содержанія. Подобно тому, какъ, закрывъ глаза, мы видимъ темное зрительное поле, на которомъ постоянно происходитъ развѣтвляющаяся игра самостоятельныхъ явленій свѣта,—точно такъ, отвлекшись совершенно отъ ясныхъ вѣщныхъ впечатлѣній, мы, однако, все время внутренне погружены въ то, что Вундтъ гдѣ-то называлъ «полусвѣтомъ» нашего общаго сознанія. Біенія нашего сердца, наше дыханіе, усиленія и ослабленія нашего вниманія, обрывки словъ или фразъ, проходящихъ въ нашемъ воображеніи,—вотъ что населяетъ эту туманную область. При этомъ всѣ эти процессы ритмичны и схватываются нами, какъ только появятся во всей своей цѣлости: дыханіе и пульсація вниманія, какъ связныя чередованія съ подъемомъ и паденіемъ, у того и другого; точно также біенія сердца, только относительно болѣе короткія; слова не отдѣльны, а въ связныхъ группахъ. Короче говоря, если мы сдѣлаемъ наше сознаніе, насколько можемъ, пустымъ, остается все же нѣкоторая форма измѣняющагося процесса въ нашемъ чувствованіи, и она не можетъ быть устранена. И паряду съ чувствованіемъ этого процесса и съ его ритмомъ существуетъ чувство длины времени, которое продолжается. Такимъ образомъ сознаніе смѣны является условіемъ, отъ котораго зависитъ наше воспріятіе потока времени; но нѣтъ никакой причины предполагать, что сами чередованія пустого времени достаточны для того, чтобы возникло сознаніе о чередованіи. Чередованіе это должно обладать нѣкоторой конкретной природой.

Оцѣнка болѣе длительныхъ промежутковъ времени. — Въ попыткахъ наблюденія потока пустого времени,—«пустого», въ томъ смыслѣ, какъ мы выяснили выше, т. е. въ относительномъ смыслѣ,—мы говорили о немъ въ формѣ біеній. Мы говоримъ: «теперь! теперь! теперь!» или мы считаемъ «еще! еще! еще!», какъ бы мы чувствуемъ, что время идетъ. Это сложеніе единицъ длительности называется закономъ прерывнаго теченія времени. Однако эта прерывность обусловлена только тѣмъ обстоятельствомъ, что наши послѣдовательные акты распознаванія или апперцепціи того, что такое она есть, прерывны. Ощущеніе времени такъ же непрерывно, какъ всякое ощущеніе. Мы названіями *біеній* отмѣчаемъ всѣ непрерывныя ощущенія. Мы замѣчаемъ, что нѣкоторое определенное «еще» у насъ или проходитъ, или уже прошло. Принимая аналогію, предложенную Годгсономъ, мы скажемъ, что ощущеніе есть измѣрительная

тѣсма, а воспріятіе—длительная машина, отмѣчающая на ней дѣсенія. Прислушиваясь къ постоянному шуму, мы воспринимаемъ его по прерывной пульсациі распознаванія, говоря про себя: «тоже... тоже... тоже...» Такова же точно и процедура наблюденія времени.

Уже послѣ небольшого числа этихъ біеній, наше впечатлѣніе отъ суммы ихъ становится совершенно смутнымъ. Единственнымъ способомъ для болѣе тщательнаго опредѣленія этой суммы является счетъ, или отмѣчаніе по часамъ, или какое нибудь-другое символическое представленіе. Когда промежутки времени превосходятъ часы или дни, то представленіе о немъ становится совершенно символическимъ. Мы думаемъ о суммѣ этихъ біеній времени или только какъ о названіяхъ, или обращаемся къ немногимъ выдающимся датамъ, не претендуя при этомъ на представленіе въ мысли всѣхъ продолжительностей, которыя лежатъ между этими датами. Никто не имѣетъ ничего похожаго на воспріятіе того, что продолжительность времени между нынѣшнимъ столѣтіемъ и первымъ вѣкомъ до Р. Х., болѣе продолжительности времени между нынѣшнимъ столѣтіемъ и десятимъ. Правда, для историка, болѣе длинный промежутокъ времени вызываетъ массу добавочныхъ датъ и событій и такимъ образомъ является болѣе богатымъ фактами. И по той же причинѣ многіе полагаютъ, что они непосредственно воспринимаютъ большую продолжительность минувшихъ двухъ недѣль сравнительно съ продолжительностью минувшей одной недѣли. Но, собственно говоря, въ данномъ случаѣ вовсе нѣтъ сравнительной интуиціи времени. Есть только даты и событія, представляющія время,—обиліе ихъ, символически выражающее продолжительность времени. Я увѣренъ, что это такъ даже тогда, когда сравниваемы времена не болѣе часа или около часа. То же самое бываетъ съ разстояніями въ нѣсколько миль, которыя мы всегда сравниваемъ другъ съ другомъ при помощи количества единицъ, которыми измѣряемъ ихъ.

Отъ этого намъ естественно перейти къ нѣкоторымъ общеизвѣстнымъ видоизмѣненіямъ въ нашей оцѣнкѣ длины времени. Вообще, время, заполненное разнообразными и интересными опытами, кажется короткимъ, когда оно протекаетъ, но долгимъ, когда мы окидываемъ его взглядомъ въ прошедшемъ. Съ другой стороны, теченіе времени, не заполненное вовсе никакими опытами, кажется долгимъ во время его движенія и короткимъ, когда мы о немъ думаемъ въслѣдствіи. Недѣля путешествія или посѣщенія зрѣлищъ можетъ въ воспоминаніи казаться равной тремъ недѣлямъ, а мѣсяцъ болѣзни приноситъ едва-ли болѣе воспоминаній, чѣмъ одинъ день. При взглядѣ на продолжительность уже протекашаго времени оно, очевидно, зависитъ отъ многочисленности воспоминаній, которыя оставляетъ это время. Многочисленность объектовъ, событій, переменъ, многочисленныя подраздѣленія расширяютъ непосредственно уголъ нашего зрѣнія, когда мы смотримъ назадъ (на прошлое). Отсутствіе же содержанія, разнообразія и новизны, наоборотъ, суживаетъ этотъ уголъ.

Когда мы становимся старше, одинъ и тотъ-же промежутокъ времени кажется короче, то есть кажутся короче дни, мѣсяцы и годы; кажутся-ли короче часы, это сомнительно, а минуты и секунды, повидимому, остаются приблизительно той-же величины. Старому человѣку, въ-

роятно, не чувствуется вся его прошлая жизнь больше долгой, чѣмъ ему казалась его-же жизнь, когда онъ былъ мальчикомъ, хотя теперь время, прошедшее съ той поры, увеличилось во много разъ. У большинства людей всѣ событія въ годы зрѣлаго возраста такъ привычны, что оригинальных, индивидуальных впечатлѣній не остается. Въ то же самое время все больше и больше событій болѣе ранняго возраста начинаютъ забываться, и отъ этого происходитъ то, что въ памяти уже не остается болѣе обширнаго количества отчетливыхъ объектовъ.

О кажущемся укороченіи теченій времени при ретроспективномъ взглядѣ (на прошлое)—сказано достаточно. Эти промежутки времени кажутся короче при ихъ протеканіи всякій разъ, какъ мы настолько глубоко заняты ихъ содержаніемъ, что не замѣчаемъ самаго времени.

День, полный возбужденія, безъ всякихъ паузъ, проходитъ, какъ говорятъ, «прежде, чѣмъ мы это замѣтили». Наоборотъ, день, полный выжиданія, неудовлетвореннаго желанія переменъ, покажется «маленькой» вѣчностью. *Tedium, ennui, Langeweile, boredom* суть слова, для которыхъ всякій извѣстный человѣку языкъ имѣетъ свой соответствующій и равносильный терминъ. Скука приходитъ всякій разъ, какъ мы, вследствие относительной пустоты содержанія промежутка времени, становимся внимательными къ протеканію самаго времени. Ожидая и готовые къ чередованію новыхъ впечатлѣній, мы въ томъ случаѣ, когда они не приходятъ, воспринимаемъ вмѣсто нихъ ничѣмъ не заполненное время; и такіе опыты, безпрестанно повторяясь, заставляютъ насъ чрезвычайно сильно замѣчать именно продолжительность самого времени. Закройте глаза и просто ожидайте, чтобы кто-нибудь вамъ сказалъ, что прошла уже минута, и продолжительность этого вашего состоянія покажется вамъ невѣроятной. Минута эта васъ такъ же поглощаетъ, какъ нескончаемая первая недѣля путешествія по океану, и вы сами находите удивительнымъ, что исторія въ своемъ теченіи прошла множество такихъ періодовъ. Все это потому, что вы обращаете исключительное вниманіе именно на чувствованіе времени *per se*, и потому, что ваше вниманіе становится восприимчиво къ тонко разграниченному, чередующемуся его подраздѣленію. Тяжелое впечатлѣніе, выносимое отъ такого опыта, вытекаетъ изъ его безсодержательности; ибо возбужденіе является необходимымъ условіемъ удовольствія въ опытѣ, а чувствованіе пустого времени является наипаче возбуждающимъ опытомъ, какой только мы можемъ имѣть. Ощущеніе скуки, какъ говоритъ Фолькманнъ, есть протестъ противъ настоящаго въ его цѣломъ.

Чувствованіе прошедшаго времени есть теперешнее чувствованіе. — Размышляя о способѣ, какимъ происходитъ наше сознаніе времени, мы склонны сперва предположить, что это самая легкая вещь для пониманія. Наши внутренніе состоянія смѣняютъ другъ друга. Они познаютъ сами себя, какъ таковыя; поэтому кажется, очевиднымъ, что они должны сознать и свое чередованіе. Но такая философія слишкомъ груба; ибо между измѣненіями самого мышленія, происходящими послѣдовательно, и познаніемъ этой ихъ послѣдовательности той же мыслью лежитъ широкая пропасть, какъ между объектомъ и субъектомъ въ любомъ случаѣ сужденія. Послѣдовательность чувство-

ваній сама по себѣ не есть чувствованіе послѣдовательности. И такъ какъ къ нашимъ послѣдовательнымъ чувствованіямъ прибавляется чувствованіе ихъ послѣдовательности, то послѣднее должно разсматриваться, какъ добавочный фактъ, требующій своего особаго объясненія, котораго мы до сихъ поръ еще не касались, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о чувствованіяхъ, познающихъ свои отношенія во времени, о чемъ мы еще не говорили.

Если мы представимъ потокъ нашего мышленія, происходящаго въ настоящее время, въ видѣ горизонтальной линіи, то мысль объ этомъ потокѣ или любомъ отрѣзкѣ его длины, прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ, можетъ быть изображена перпендикуляромъ, возставленнымъ къ горизонтальной линіи въ какой-нибудь ея точкѣ. Длина этого перпендикуляра означаетъ какой-нибудь объектъ или содержаніе, а такимъ объектомъ или содержаніемъ въ данномъ случаѣ является время, въ теченіе котораго мы думаемъ въ настоящій моментъ о потокѣ, къ которому возстановленъ перпендикуляръ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ нѣчто вроде уменьшеннаго въ размѣрахъ изображенія (перспективной проекціи), какое получается на экранѣ камеръ-обскуры отъ обширнаго ландшафта¹⁾.

А такъ какъ мы видѣли (см. выше), что максимумъ нашего отчетливаго «воспріятія продолжительности» едва-ли превышаетъ 12 секундъ (между тѣмъ, какъ максимумъ неотчетливаго воспріятія продолжительности охватываетъ около шестидесяти секундъ), то мы должны предположить, что эта сумма продолжительности рисуется, въ каждомъ прошедшемъ моментѣ сознанія, вполнѣ постоянной, благодаря совершенно постоянной чертѣ въ мозговомъ процессѣ, съ которымъ связано сознаніе. Эта черта мозгового процесса, какова бы она ни была, должна быть причиной нашего воспріятія факта времени вообще. Такимъ образомъ, прочно воспринимаемая длительность представляется едва-ли чѣмъ-то большимъ, чѣмъ «приблизительное настоящее», какъ мы его назвали нѣсколькими страницами выше. Его содержаніе находится въ постоянномъ измѣненіи, причемъ событія по мѣрѣ того, какъ они исчезаютъ на заднемъ концѣ его, вновь начинаются на переднемъ, и каждое изъ нихъ измѣняетъ свой коэффициентъ—времени отъ «нѣтъ еще» или «не совсѣмъ еще» до «вотъ прошло» или «прошло» (когда событіе проходитъ). Въ это время «приблизительное настоящее», продолжительность, воспринимаемая интуитивно, остается неизмѣнной, подобно радугѣ на водопадѣ, со своимъ особымъ свойствомъ, неизмѣняемымъ событіями, проходящими черезъ него. Каждое изъ этихъ событій, уходя, сохраняетъ способность быть вновь воспроизведеннымъ; а при воспроизведеніи оно является съ тою же длительностью и съ тѣми же сѣдѣніями лѣмениями, которыя оно имѣло первоначально. Впрочемъ, прошу замѣтить, что воспроизведеніе событія послѣ того, какъ оно однажды уже совершенно вышло изъ задняго конца «приблизительнаго настоящего», является психическимъ фактомъ, совершенно отличнымъ отъ

¹⁾ Т. е. на предположенной авторомъ фигурѣ выражены въ видѣ линій отношенія времени (длины) потока къ времени (длитель) мысли объ этомъ потокѣ или его отрѣзкѣ
Ред.

непосредственного восприятия этого события въ «приблизительномъ настоящемъ», какъ вещь, непосредственно прошлой. Быть можетъ, есть существо, совершенно лишенное воспроизводительной памяти, но обладающее, однако, чувствомъ времени; и въ этомъ случаѣ послѣднее было бы ограничено немногими непосредственно протекающими секундами. Въ слѣдующей главѣ, принимая чувство времени, какъ данное, мы обратимся къ анализу того, что происходитъ въ воспроизводительной памяти, въ припоминаніи объектовъ, отмѣченныхъ моментами времени (датами).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Память.

Анализъ явленій памяти.

Память собственно или вторичная память есть знаніе о прежнемъ состояніи мысли, послѣ того, какъ оно уже однажды ушло изъ нашего сознанія; или, вѣрнѣе, она есть знаніе о случаѣ или фактѣ, о которомъ мы въ данную минуту не думали, съ добавленіемъ сознанія, что мы думали или испытывали это раньше.

Повидному, первымъ элементомъ такого знанія должно бы быть оживаніе въ мысли образа или копіи первоначальнаго событія. И многіе писатели именно признаютъ, что такое оживаніе образа есть все, что нужно для образованія памяти о первоначальномъ событіи. Но такое оживаніе, очевидно, не есть память, какова бы она ни была; это просто дубликатъ, второй случай, не имѣющій никакой связи съ первымъ случаемъ, исключая того, что оно сходно съ нимъ. Часы бьютъ сегодня; они били вчера и могутъ бить еще миллионъ разъ, пока не изотрутся. Дождь льется по водосточной трубѣ; онъ лился и на прошедшей недѣлѣ и будетъ также литься во вѣки вѣковъ. Но будетъ ли сегодняшній бой часовъ поминуть о томъ, какъ онъ звонилъ прежде, или теперешній дождевой потокъ вспоминать ли о томъ, какъ онъ лился раньше, потому что онъ похожъ на прежній и повторяетъ его? Конечно, — нѣтъ. И пусть не говорятъ, что это отъ того, что бой часовъ, какъ и дождевая струя, — объекты физическіе, а не психическіе, потому что и психическіе объекты, — какъ, напр., ощущенія, — если они только просто повторяются (возвращаются) въ послѣдующихъ изданіяхъ, — будутъ вспоминать другъ друга нисколько не больше, чѣмъ дождевая струя или бой часовъ, если смотрѣть только съ этой точки зрѣнія, т. е. объяснять память повторяемостью и сходствомъ впечатлѣній. Никакой памяти не вложено въ одну только повторяемость. Повторное изданіе какаго-либо ощущенія представляетъ просто множество независимыхъ другъ отъ друга событій, изъ которыхъ (см. 288 стр. подлин.) каждое замкнуто въ своей особой оболочкѣ. Вчерашнее ощущеніе умерло и погребено, а сегодняшнее не даетъ никакихъ основаній къ тому, чтобы съ его появленіемъ воскресло и вчерашнее. Требуется еще одно условіе, чтобы теперешній образъ могъ быть признанъ представителемъ прошедшаго своего подлинника.

Это условіе состоитъ въ томъ, чтобы воспроизводимый въ мышленіи фактъ былъ явно относимъ къ прошлому, мыслился — какъ прошлый. Но какъ же мы можемъ мыслить фактъ въ прошедшемъ, если не станемъ мыслить о прошедшемъ, вмѣстѣ съ самой вещью, и объ отношеніяхъ между ними? А какъ мы можемъ думать о прошедшемъ? Въ главѣ о воспріятіи времени мы видѣли, что наше интуитивное или непосредственное сознаніе едва ли ведетъ насъ дальше нѣсколькихъ секундъ назадъ отъ настоящаго момента времени. Болѣе отдаленныя даты нами понимаются, а не воспринимаются; познаются символически при посредствѣ названій, вроде «послѣдняя недѣля» 1856 г., или мыслятся по тѣмъ событіямъ, которыя случились въ нихъ, какъ, напр., годъ, когда мы посѣщали школу, или повесели какую-нибудь потерю. Такъ что, если мы хотимъ подуматъ о какой-нибудь частной прошедшей эпохѣ, мы должны думать объ имени или о другомъ какомъ-нибудь символѣ, или только объ извѣстныхъ конкретныхъ происшествіяхъ, ассоціированныхъ съ этимъ. Чтобы думать соотвѣтственно, необходимо думать и о томъ, и о другомъ. А чтобы отнести какой-нибудь специальный фактъ къ прошедшему, нужно мыслить этотъ фактъ съ именемъ и случаемъ, которые характеризуютъ его дату. Говоря кратко, его приходится мыслить вмѣстѣ съ какимъ-нибудь случаемъ, съ которымъ онъ неразрывно ассоціируется.

Но даже и это не было бы еще памятью. Память требуетъ не одной только отмѣтки факта въ прошедшемъ. Онъ долженъ быть отмѣченъ въ моемъ прошедшемъ. Другими словами, я долженъ думать, что я прямо испыталъ его совершеніе. Онъ долженъ обладать той теплотой и интимностью, о которыхъ такъ много говорилось (въ главѣ о «я»), какъ о такомъ элементѣ, который характеризуетъ всѣ опыты, усвояемые тѣмъ, кто думаетъ, — какъ его собственные.

Такимъ образомъ, элементы всякаго объекта памяти таковы: общее чувство прошедшаго направленія во времени, затѣмъ особая дата, понимаемая такъ, что она лежитъ въ этомъ направленіи, и опредѣляемая посредствомъ ея наименованія или посредствомъ связанныхъ съ этой датой явленій, напр., съ какимъ-нибудь происшествіемъ, которое я воображаю, какъ помѣщающееся въ этомъ прошломъ отрѣзкѣ и принадлежащее имъ, какъ часть моего опыта (конецъ 288 стр. подлин.).

Запоминаніе и припоминаніе. — Разъ явленія памяти таковы, или, говоря иначе, таковъ анализъ ея предмета, можемъ ли мы подмѣтить, какъ этотъ процессъ совершается? Можемъ ли мы обнаружить ея причины? Полное ея дѣйствіе предполагаетъ необходимость двухъ вещей:

- 1) задержанія или запоминанія факта, составляющаго достояніе памяти, и
- 2) его вспоминанія, вызванія, воспроизведенія, восстановленія. Затѣмъ, причина и того и другого, т. е. и запоминанія, и вспоминанія, есть законъ привычки въ нервной системѣ, дѣйствующій также, какъ онъ дѣйствуетъ въ «ассоціаціи идей».

Ассоціація объясняетъ запоминаніе. — Ассоціонисты долго объясняли запоминаніе ассоціаціей. Джемсъ Милль далъ истолкованіе этой теоріи, въ которомъ я не въ силахъ ничего исправить, исключая развѣ того, что можно бы замѣнить его слово «идея» словами «мысль о вещи», или «объектъ».

«То состояние сознания,—говорит онъ,—о которомъ, когда мы находимся въ немъ, говорится: «мы вспоминаемъ»,—известно каждому. Въ этомъ состояніи, какъ всякій знаетъ, въ нашемъ умѣ нѣтъ той идеи (мысли о вещи), которую мы стараемся отыскать въ немъ. Какимъ же способомъ мы орудуемъ въ теченіе нашихъ поисковъ, чтобы достигнуть введенія этой идеи въ нашу мысль? Если мы еще не имѣемъ самой идеи, у насъ есть нѣкоторыя другія идеи, связанные съ нею. Мы переходимъ отъ одной изъ этихъ идей къ другой въ надеждѣ, что которая-нибудь изъ нихъ подскажетъ намъ ту, которую мы ищемъ; та идея, которая это сдѣлаетъ, есть всегда такая, которая связана съ нею именно такимъ образомъ, что вызываетъ ее путемъ ассоціаціи. Я встрѣтилъ стараго знакомаго, имя котораго не могу вспомнить, но желаю. Я перебираю множество именъ, надѣясь, что какое-нибудь изъ нихъ можетъ быть ассоциировано съ идеей объ этомъ индивидуумѣ. Я думаю о всѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я видѣлъ его участвующимъ; время, когда я зналъ его, лицъ, вмѣстѣ съ которыми я его встрѣчалъ; я вспоминаю, что онъ дѣлалъ, что онъ перенесъ, и,—если попадаю на идею, съ которой ассоциируется его имя,—то непосредственно я и вспоминаю его; если же не попадаю, мои поиски пропадаютъ напрасно. Есть другой рядъ случаевъ, очень всѣмъ известный, но проливающий очень важный свѣтъ на это дѣло.

«Часто случается, что у насъ есть что-нибудь, чего мы стараемся не забыть. Къ какимъ же способамъ мы прибѣгаемъ, чтобы сохранить воспоминаніе, т. е. чтобы обезпечить себя въ томъ, что данная идея явится, какъ только мы этого пожелаемъ? Всѣ люди неизмѣнно употребляютъ для этого одинъ и тотъ же способъ: они стараются образовать ассоціацію между идеей о той вещи, которую желаютъ запомнить, и какимъ-нибудь ощущеніемъ или другой идеей, о которой знаютъ, что она легко подвернется подъ руку въ тотъ моментъ (или близко отъ того момента), когда они пожелаютъ вспомнить то, что хотѣли сохранить въ своей памяти. Если такая ассоціація образована и если эта ассоціація (или идея, вмѣстѣ съ которой она была образована) возникла, то ощущение или идея вызываютъ воспоминаніе, и объектъ его, образовавшій ассоціацію, получается.

«Возьмемъ общезвѣстный примѣръ: кто-нибудь получаетъ порученіе отъ своего друга и, чтобы не забыть его какъ-нибудь, дѣлаетъ узелокъ на своемъ носовомъ платкѣ. Какъ истолковать этотъ фактъ? Прежде всего, идея порученія ассоциируется съ дѣланіемъ узла. Затѣмъ, носовой платокъ есть вещь, которая, какъ известно ему заранее, часто попадаетъ на глаза и, слѣдовательно, онъ его увидитъ не задолго до того срока, въ который желательно вспомнить о порученіи. Увидѣвъ платокъ, онъ замѣчаетъ узелъ, и это ощущение вызываетъ въ памяти идею порученія, при чемъ между этой идеей и ощущеніемъ предвѣстительно была образована ассоціація».

Короче говоря, мы разыскиваемъ въ нашей памяти забытую идею точно такъ, какъ мы перерываемъ все въ домѣ, чтобы найти потерянную вещь. Въ обоихъ случаяхъ мы обыскиваемъ то, что кажется намъ въ вѣроятномъ сосѣдствѣ съ тѣмъ, что мы потеряли. Мы переворачиваемъ

вещи, подъ которыми, въ которыхъ или подлѣ которыхъ можетъ находиться потерянный предметъ, и если онъ лежитъ вблизи, то онъ скоро бросается намъ въ глаза. Но въ случаѣ поисковъ за психическимъ объектомъ, всѣ эти перерываемыя вещи суть не что иное, какъ элементы, входящіе съ нимъ въ ассоціацію. Слѣдовательно, механизмъ припоминанія тождественъ съ механизмомъ ассоціаціи, а механизмъ ассоціаціи, какъ мы знаемъ, есть не что иное, какъ элементарный законъ привычки въ нервныхъ центрахъ.

Она (привычка) также объясняетъ и запоминаніе. Этотъ самый законъ привычки является также механизмомъ запоминанія. Запоминаніе узнается по способности припоминать и именно только по этой способности.

Единственнымъ доказательствомъ того, что въ такомъ-то случаѣ существуетъ запоминаніе, служитъ наличность припоминанія. Запоминаніе опыта (факта), говоря кратко, есть другое названіе для возможности снова думать о немъ, или для стремленія снова думать о немъ при обстоятельствахъ, окружавшихъ опытъ въ прошломъ. Какой бы случайный (намекъ) поводъ ни обратилъ это стремленіе въ осуществленіе, но постоянное основаніе самого стремленія лежитъ въ организованныхъ нервныхъ путяхъ, помощью которыхъ этотъ «поводъ» вызываетъ запомнившійся фактъ, прошедшія ассоціаціи, чувство того, что въ то время тутъ присутствовало наше «я», вѣру въ то, что все это дѣйствительно случилось и т. д., какъ было описано выше. Когда припоминаніе идетъ «правильно», оживаніе (образа) происходитъ въ тотъ же самый моментъ, когда возникаетъ и поводъ; когда припоминаніе замедляется, оживаніе происходитъ съ опозданіемъ. Но будетъ-ли припоминаніе быстрымъ или медленнымъ, а все же условіемъ, дѣлающимъ его возможнымъ вообще (или, другими словами, самая возможность «запоминанія» опыта), являются мозговые пути, которые ассоциируютъ данный опытъ съ случаемъ и поводомъ воспоминанія. Эти нервные пути являются условіемъ запоминанія, когда они находятся въ невозбужденномъ состояніи. Когда же они приходятъ въ дѣятельное состояніе, то являются условіемъ припоминанія.

Схема процесса памяти въ мозгу. — Простая схема намъ объяснить всю причину памяти. Пусть *n* означаетъ минувшее событіе, *o* — его «entourage» (сопутствующія обстоятельства, дата, наличность нашего «я», теплота и интимность и т. д., какъ было указано раньше) и *m* — нѣкоторая наличная мысль или фактъ, который можетъ соотвѣтственно сдѣлаться поводомъ для припоминанія. Пусть нервные центры, активныя при мысли *m*, *n* и *o*, будутъ представлены буквами M, N и O, тогда существованіе путей, символически выраженныхъ линіями между M и N, N и O, будетъ фактомъ, заключающимся въ выраженіи «задержаніе въ памяти событія *n*», а возбужденіе мозга вдоль по этимъ путямъ будетъ условіемъ наличности припоминанія событія *n*. Нужно замѣтить, что задержаніе *n* въ памяти не есть таинственное сохраненіе «идеи» въ безсознательномъ состояніи. Оно вовсе не является фактомъ псп-

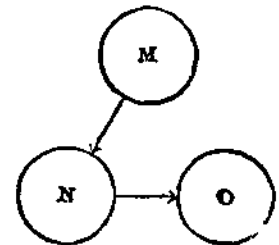


Рис. 59.

хического порядка; это — чисто физическое явление, морфологическая особенность, именно наличие этих «путей» в тончайших изгибах мозговой ткани. С другой стороны, припоминание или воспоминание есть психофизическое явление, имѣющее и тѣлесную и духовную, сторону. Тѣлесная сторона, это — возбужденіе данныхъ путей; духовная же — сознательное представление минувшаго событія и вѣра въ то, что мы его пережили раньше.

Говоря кратко, единственной гипотезой, которую подтверждаютъ факты внутреннего опыта, является та, что мозговые пути, возбуждаемые при самомъ событіи, и пути, возбуждаемые при воспоминаніи о немъ, въ нѣкоторой части своей отличаются другъ отъ друга. Если бы мы могли оживить въ памяти прошлое событіе безъ всякихъ элементовъ ассоціаціи, мы должны были бы исключить возможность памяти, т. е. мы просто воображали бы, что мы переживаемъ минувшій опытъ какъ бы въ первый разъ.

Дѣйствительно, всякій разъ, какъ вспоминаемое событіе является безъ определенной «обстановки», его трудно отличить отъ простого творенія фантазіи. Но мѣръ того, какъ образъ событія связывается и вызываетъ элементы ассоціаціи, которые становятся постепенно все болѣе определенными, онъ все болѣе и болѣе ясно становится (сознается нами) тѣмъ предметомъ, который мы желаемъ вспомнить. Напримеръ, я вхожу въ комнату пріятеля и вижу на стѣнѣ картину. Прежде всего мною овладѣваетъ странное, поразительное сознаніе, что «я навѣрно видѣлъ картину прежде», но когда или гдѣ — я не помню. Мнѣ видится въ картинѣ нѣчто знакомое, — какъ вдругъ я восклицаю: «Да, вѣдь, это копія съ части картины Фра Анжелико во Флорентинской академіи, — теперь я ее вспоминаю». Лишь тогда, когда образъ академіи появился въ моей памяти, вспомни — нается и картина, какъ бы видимая мною теперь.

Условія хорошей памяти.

Пусть припоминаемый фактъ будетъ обозначенъ буквой *n*; слѣдъ въ головномъ мозгу *n* — о пусть будетъ тѣмъ слѣдомъ, который возникаетъ для установленія подлинности *n*, т. е. его мѣста въ ряду другихъ, когда оно уже вызвано, и который дѣлаетъ его тѣмъ, что болѣе простого продукта воображенія. Пусть слѣдъ *m* — *n*, съ другой стороны, даетъ поводъ или случай къ возобновленію *n* въ нашей памяти вообще. Такимъ образомъ, память будетъ всегда обусловлена мозговыми слѣдами, а ея превосходство у даннаго индивидуума будетъ зависѣть отчасти отъ числа, а отчасти отъ стойкости этихъ слѣдовъ.

Стойкость или постоянство слѣдовъ есть физиологическое свойство нервной ткани индивидуума, тогда какъ число слѣдовъ зависитъ всегда отъ фактовъ его умственного опыта. Назовемъ это качество слѣдовъ «врожденной стойкостью» или «физиологической запоминаемостью». Эта стойкость чрезвычайно различна въ разные періоды жизни, отъ дѣтства до старости; она различна также и у различныхъ лицъ. Нѣкоторые умы похожи на воскъ, на которомъ отчетливо выходятъ малѣйшія отпечатки — емыя детали: всякое впечатлѣніе, — какъ бы мало ою ни было связано

съ другими, — не проходить для нихъ безслѣдно, не оставивъ отпечатка. Нѣкоторые же умы, наоборотъ, похожи на желе, которое, хотя и дрожитъ отъ каждаго прикосновенія, но при обыкновенныхъ условіяхъ не задерживаетъ въ себѣ ни малѣйшей отпѣтки. Умы этого послѣдняго сорта, прежде, чѣмъ они въ состояніи припомнить какой-нибудь фактъ, должны выискивать его въ постоянномъ складѣ своихъ знаній. У нихъ нѣтъ «отрывочной» памяти. Наоборотъ, тѣ лица, которые безъ усилія вспоминаютъ имена, даты, анекдоты, стихи, цитаты и всякаго рода мелочные факты, обладаютъ отрывочной памятью въ высшей степени и, конечно, обязаны ею необыкновенной стойкости мозгового вещества для всякаго слѣда, образовавшагося въ немъ. Вѣроятно, ни одинъ человѣкъ, у котораго нѣтъ этой физиологической стойкости мозгового вещества, не достигаетъ широкихъ ступеней въ своихъ произведеніяхъ. Какъ въ практической, такъ и въ теоретической жизни, человѣкъ, у котораго все его умственные впечатлѣнія какъ бы прилипаютъ къ мозгу, будетъ приобретать болѣе знаній и съ болѣею быстротой, чѣмъ его сосѣдъ, теряющій время на то, чтобы вновь заучивать уже заученное ранѣе, но забытое имъ, и который поэтому будетъ вѣчно оставаться съ тѣмъ, что онъ имѣлъ и прежде. Карлъ Великій, Лютеръ, Лейбницъ, Вальтеръ Скоттъ, — однимъ словомъ герои или творцы многотомныхъ произведеній, наполняющихъ наши библиотеки, должны были обладать изумительною памятью, т. е. чисто физиологическимъ качествомъ.

Человѣкъ, безъ этой задерживающей способности, можетъ превосходить другихъ въ качествѣ своихъ произведеній въ томъ или другомъ отношеніи, но онъ никогда не произведетъ такой суммы ихъ или не будетъ имѣть такого вліянія на своихъ современниковъ.

Но наступаетъ для всѣхъ такой возрастъ, когда мы въ состояніи только удерживать то, что приобрѣли ранѣе, когда старые слѣды ослабѣваютъ такъ же скоро, какъ новые образуются въ нашемъ мозгу и когда мы въ одну недѣлю забываемъ почти столько-же, сколько могли приобрести въ то же время. Это равновѣсіе можетъ оставаться долгое, долгое годы. Въ очень преклонномъ возрастѣ, является отступленіе въ обратномъ порядкѣ, и забываемое превышаетъ приобретаемое, или, — говоря вѣрнѣе, — приобретеннѣе уже не оказывается. Мозговые слѣды такъ быстро исчезаютъ, что, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разговора, задается десять разъ одинъ и тотъ-же вопросъ и десять разъ забывается отвѣтъ на него. Тогда начинается проявляться задерживающая способность мозга относительно слѣдовъ приобретенныхъ въ дѣтствѣ: старикъ, впадшій въ дѣтство, перебираетъ факты своихъ раннихъ лѣтъ послѣ того, какъ онъ потерялъ все воспоминанія, относящіяся къ послѣднему времени.

До сихъ поръ мы говорили о прочности слѣдовъ, теперь скажемъ объ ихъ числѣ.

Очевидно, что чѣмъ болѣе въ мозгу такихъ слѣдовъ какъ *m* — *n*, и чѣмъ болѣе возможныхъ поводовъ или случаевъ для вызова *n* въ мысли, тѣмъ чаще и увѣреннѣе, въ цѣломъ, будетъ память объ *n*, тѣмъ болѣе данное лицо будетъ вспоминать о немъ, тѣмъ болѣе путей будетъ оно имѣть для приближенія къ нему. Говоря психологическими терминами, это будетъ такъ: чѣмъ болѣе другихъ фактовъ ассоціировано въ

въ умѣ съ воспоминаемымъ фактомъ, тѣмъ лучше нашъ умъ сохраняетъ обладаніе имъ. Каждый изъ ассоціированныхъ съ нимъ фактовъ становится какъ бы крючкомъ удочки, на которой онъ виситъ, и съ помощью котораго его можно выудить, если онъ скроется надъ поверхностью потока сознанія. Вмѣстѣ же, всѣ факты ассоціаціи образуютъ сѣть скрѣпленій, съ помощью которыхъ онъ вылетаетъ въ ткань нашей мысли. Такимъ образомъ, секретъ хорошей памяти есть секретъ образования многочисленныхъ и разнообразныхъ ассоціацій съ каждымъ фактомъ, который мы желаемъ сохранить въ памяти. Но что-же такое — это образование ассоціацій съ даннымъ фактомъ, какъ не то, что мы думаемъ объ этомъ фактѣ насколько возможно больше? Однимъ словомъ, отсюда слѣдуетъ, что изъ двухъ людей, съ одинаковымъ количествомъ опыта и съ одинаковой способностью задерживать его, — тотъ, который думаетъ больше о своихъ опытахъ, и приводитъ ихъ въ систематическія ассоціаціи съ каждымъ другимъ опытомъ, будетъ имѣть лучшую память. Примеры этому мы видимъ на каждомъ шагѣ. Наибольшая часть людей имѣютъ хорошую память для фактовъ, связанныхъ съ ихъ собственными цѣлями. Школьникъ, увлеченный атлетическими упражненіями и остающийся типичной относительно книгъ, удивитъ васъ своими знаніями о людяхъ побивающихъ «рекорды» въ различныхъ физическихъ упражненіяхъ и играхъ, и будетъ ходить справочной книгой по статистикѣ спорта. Причина этого состоитъ въ томъ, что онъ постоянно имѣетъ дѣло съ этими фактами въ своемъ мышленіи, сравниваетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ ряды. Они образуютъ для него не отрывочные факты, а стройную систему, до такой степени они взаимно связаны. Такъ, купецъ помнитъ цѣны, политикъ — рѣчи и число голосовъ на выборахъ, съ такой точностью, которая изумляетъ посторонняго человѣка, но которая легко объясняется той массой умственной работы, которую эти люди употребляютъ для соответствующихъ фактовъ. Огромная память, которую проявляютъ въ своихъ сочиненіяхъ Дарвинъ и Спенсеръ, несомнѣнима съ средней способностью ихъ мозга къ физиологическому задерживанію. Пусть человѣкъ съ молодыхъ лѣтъ зацѣпляется цѣлью проверить такую теорію, какъ теорія эволюціи, и факты будутъ скоро скопляться и группироваться у него, подобно вистямъ винограда на ихъ лозахъ. Ихъ отношенія къ теоріи будутъ скрѣплять ихъ прочно; и чѣмъ больше этихъ фактовъ способенъ различать умъ, тѣмъ больше будетъ становиться эрудиція. Тѣмъ не менѣе, теоретикъ можетъ имѣть меньше, чѣмъ кто-нибудь, отрывочную память. Факты, которыхъ утилизировать онъ не можетъ, могутъ не замѣчаться или забываться тотчасъ послѣ того, какъ онъ о нихъ слышалъ. Невѣжество почти столь же энциклопедическое, какъ энциклопедична эрудиція, можетъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ и, такъ сказать, прятаться въ прорѣхахъ знаній этого лица. Лица, имѣвшія дѣло съ учениками и учеными, не затруднятся отыскать примѣры тому, о чемъ я говорю.

Въ какой-нибудь системѣ, каждый фактъ связанъ съ какимъ-нибудь другимъ фактомъ нѣкоторымъ отношеніемъ въ мысли. Послѣдствіемъ этого является то, что каждый фактъ задерживается (сохраняется) соединенной внушающей силой всѣхъ остальныхъ фактовъ системы, и забыть этихъ фактовъ почти нѣтъ возможности.

Причина, почему зубреніе уроковъ является столь плохимъ способомъ обученія, теперь должна быть совершенно ясна для читателей. Я понимаю подъ зубреніемъ способъ приготовленія къ экзаменамъ лицами, довѣряющимися «остротѣ» памяти, въ теченіи немногихъ часовъ или дней напряженнаго ея примѣненія, непосредственно предшествующаго окончательному испытанію, тогда какъ въ теченіе предшествовавшаго курса или періода преподаванія не производило никакой работы или очень мало. То, что заучено такимъ способомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, на одинъ разъ, для одной цѣли, не имѣетъ возможности образоваться въ мысли значительнаго числа ассоціацій съ другими предметами. Мозговые процессы, соответствующіе такому заучиванію, сводятся къ небольшому числу слѣдовъ и мало связаны между собою, чтобы ихъ можно было пробудить впоследствии. Полное и быстрое забываніе является почти неизбежной судьбой всего того, что довѣрено памяти этимъ простымъ способомъ. Между тѣмъ, наоборотъ, еслибы тотъ же матеріалъ изучался постепенно, день за днемъ, возвращаясь въ различныхъ контекстахъ, разсмотрѣнный въ различныхъ отношеніяхъ, ассоціированный съ разными вѣщими происшествіями, и еслибы при этомъ онъ нѣсколько разъ, повторяю, обдумывался, онъ выросъ-бы въ такую систему, образовалъ бы такую связь съ остальнымъ матеріаломъ умственной фабрики, и оставилъ-бы для себя такое множество слѣдовъ, близкихъ другъ къ другу, что остался-бы прочнымъ богатствомъ. Вотъ умственное основаніе того, почему привычка постоянного примѣненія памяти должна быть укрѣпляема въ учебныхъ заведеніяхъ. Конечно, въ зубреніи нѣтъ нравственнаго проступка. Если-бы оно вело къ же анной цѣли прочнаго заучиванія, оно было бы безконечно лучшимъ способомъ изученія. Но это — не такъ, и сами учащіеся должны понять, почему это не такъ.

Врожденная способность запоминанія не измѣнима. Теперь должно быть яснымъ, что всякое улучшеніе памяти лежитъ на пути выработки элементовъ ассоціаціи для каждаго изъ разнообразныхъ предметовъ, которые мы желаемъ запомнить. Никакая масса искусственныхъ пріемовъ воспитанія памяти казалось бы не можетъ измѣнить общую задерживающую способность даннаго человѣка. Она есть физиологическое свойство, данное однажды вмѣстѣ со всей его организаціей, и измѣнить которое когда-нибудь онъ не можетъ надѣяться. Конечно, эта способность можетъ измѣняться въ здоровомъ и бодромъ состояніи; и можно считать фактомъ, подтвержденнымъ наблюденіями, что эта способность дѣйствуетъ лучше въ тѣ часы, когда мы свѣжи и бодры, чѣмъ тогда, когда утомлены или больны. Поэтому, мы можемъ сказать, что человѣческая врожденная способность задерживанія впечатлѣній колеблется иногда одновременно съ его гигиеной, и что для этой способности полезно тоже самое, что полезно для общаго тонуса здоровья. Мы можемъ даже сказать, что когда извѣстная сумма умственныхъ упражненій полезна для общаго тонуса и питанія мозга, она должна быть полезна также и для его задерживающей способности. Но больше этого мы ничего сказать не можемъ; и это, очевидно, гораздо меньше того, чему вѣрить значительное большинство людей относительно улучшенія памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, общее мнѣніе состоитъ въ томъ, что извѣстныя упраж-

ненія, повторяемыя систематически, укрѣпляютъ не только память человѣка о частныхъ фактахъ, употребленныхъ при упражненіяхъ, но и его способность запоминать факты вообще. И постоянно въ доказательство приводятся факты, что заучиваніе словъ наизусть облегчаетъ позднѣйшее заучиваніе тѣмъ же способомъ новыхъ словъ. Если это вѣрно, то все, что я только что сказалъ, ложно, и теорія зависимости памяти отъ «слѣдовъ», должна быть пересмотрѣна и проверена вновь. Но я склоненъ думать, что вышеупомянутый фактъ невѣренъ. Я тщательно спрашивалъ нѣсколькихъ зрѣлыхъ актеровъ относительно этого пункта, и всѣ они отрицали, чтобы практика изученія ролей произвела хотя малѣйшее измѣненіе въ трудности заучиванія, какъ это утверждаютъ поборники упражненія памяти.

Единственное улучшеніе, котораго они достигли, это—улучшеніе ихъ способности изучать роли систематически. Теперь ихъ мысль полна предшествующимъ опытомъ относительно интонацій, повышеній голоса, жестикюляцій; новыя слова пробуждаютъ различныя внушенія и рѣшенія, вплетаются, дѣйствительно, въ ранѣе существующую сѣть, подобно цѣнкамъ у купцовъ, или заласу «рекордовъ» у атлета, и вспоминаются легче. Однако, врожденная задерживающая способность памяти не усовершенствуется сама по себѣ, а обыкновенно, какъ это доказываютъ факты, —ослабляется съ возрастомъ. Это просто случай лучшаго воспоминанія вслѣдствіе лучшаго думанія. Подобное этому происходитъ и съ ученикомъ, когда говорятъ, что онъ улучшилъ свою память, заучивал наизусть, т. е. получилъ способность заучивать легче. Я увѣренъ, что въ этомъ случаѣ всегда окажется улучшеніе въ способѣ изученія частнаго отрывка (зависящее отъ большаго интереса, отъ большаго его внушительности, отъ генетическаго его сходства съ другимъ урокомъ, отъ усиленно поддерживавшагося вниманія и т. п.), но вовсе не отъ улучшенія грубой задерживающей способности мозга.

Заблужденіе, о которомъ я говорю, переполняетъ и книгу, въ другихъ отношеніяхъ повезшую и справедливую, «Какъ усилить память», принадлежащую перу д-ра М. С. Гольбрука изъ Нью-Йорка. Авторъ не отличаетъ общей физиологической задерживающей способности и той же способности относительно частныхъ вещей, и говоритъ такъ, какъ будто и той, и другой должны помогать одни и тѣ же средства.

«Въ настоящее время,—пишетъ онъ,—я лечу больного преклонныхъ лѣтъ отъ потери памяти; онъ не зналъ, что память его въ высшей степени ослабѣла, пока я не сообщилъ ему объ этомъ. Онъ употребляетъ энергическія усилія, чтобы возстановить ее, и отчасти успѣшно. Методъ, принимаемый имъ, состоитъ въ томъ, что два часа ежедневно онъ упражняетъ память: одинъ часъ утромъ и другой—вечеромъ. Я требую отъ пациента, чтобы онъ съ напряженнымъ вниманіемъ усваивалъ то, что изучаетъ, такъ, чтобы это изучаемое ясно отпечатывалось въ его памяти; затѣмъ, я прошу его вспоминать каждый вечеръ тѣ факты и опыты, которые онъ узналъ за день, а затѣмъ повторять это воспоминаніе на слѣдующее утро. Каждое имя, которое онъ услышитъ, онъ записываетъ и старается ясно отпечатать въ мысли, а затѣмъ съ промежутками дѣлаетъ усилія, чтобы припомнить его. Положено запоминать десять именъ общественныхъ дѣятелей въ недѣлю. Ежедневно онъ заучиваетъ одну строфу изъ какого-нибудь стихотворенія, и одинъ параграфъ изъ библіи. Я требую также, чтобы

онъ запоминалъ цифру страницы въ книгѣ, которую онъ читаетъ и гдѣ онъ встрѣтилъ что-нибудь интересное. Эти и нѣкоторые другіе способы немного возстановляютъ упавшую память».

Я очень не расположенъ вѣрить тому, что память бѣднаго старика стала лучше отъ всѣхъ этихъ пытокъ, исключая запоминанія тѣхъ частныхъ фактовъ, которые онъ запоминалъ, и нѣкоторыхъ другихъ, которые, благодаря этимъ приемамъ, вошли съ нимъ въ ассоціацію.

Улучшеніе памяти. Всякое улучшеніе памяти состоитъ, такимъ образомъ, въ улучшеніи у кого-нибудь обычныхъ способовъ запоминанія фактовъ. Эти способы раздѣляются на: 1) механическіе, 2) методы разсужденія и 3) техническіе.

Механическіе методы состоятъ въ усиливаніи степени, въ большей продолжительности и повтореніи впечатлѣній, которыя должны быть удержаны въ памяти. Современный способъ обученія дѣтей чтенію при помощи писанія на классной доскѣ, при чемъ каждое слово вводится въ память четырьмя путями,—глазами, ушами, горломъ и рукой,—представляетъ одинъ изъ образцовъ улучшеннаго механическаго метода запоминанія.

Методы разсужденія о воспоминаемыхъ предметахъ суть не что иное, какъ логическій путь восприниманія ихъ, и обработка ихъ въ логическія системы, классифицированіе, раздѣленіе (анализъ) ихъ на части и т. н. Подобными методами пользуются всѣ науки.

Техническіе методы были избрѣаемы многими подъ именемъ техническихъ памятокъ. Посредствомъ этихъ системъ, часто возможно удерживать въ памяти совершенно несвязанные факты, списки именъ, цифры и т. п. въ такомъ объемѣ, какой было-бы рѣшительно невозможно запомнить естественнымъ путемъ. Способъ этотъ обыкновенно заключается въ нѣкоторомъ подобіи трафаретки или умственной канвы, заучиваемой механически, и которая, какъ предполагаютъ, должна остаться въ памяти надолго и помогать запоминанію. Затѣмъ, то, что нужно запомнить, ассоциируется произвольно, при помощи нѣкоторыхъ придуманныхъ сходствъ или иныхъ связей, съ нѣкоторыми частями этой трафаретки и вотъ эта-то связь помогаетъ потомъ припомнить данный фактъ. Наиболѣе употребительный изъ числа этихъ способовъ состоитъ изъ буквъ азбуки¹⁾. Для запоминанія чиселъ былъ изобрѣтенъ прежде всего, такъ называемый, цифровой алфавитъ, въ которомъ каждая цифра представлена одной или нѣсколькими буквами. Затѣмъ числа,—которыя нужно запомнить, переводятся въ буквы, соответствующія каждой цифрѣ, чтобы изъ этихъ буквъ составлять слова и, по возможности, слова, напоминающія о томъ предметѣ, въ которому относится запоминаемое число. Если число (напр., годъ

¹⁾ Для поясненія, Джемсъ приводитъ образецъ такой трафаретки, которую мы приспособили для русскаго читателя, въ нижеслѣдующемъ видѣ:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
б	в	г	д	ж	з	л	м	н	р
		ф	к	т	ч	с	ц		
		х		ш					
				щ					

Тутъ взяты только одни согласныя буквы, такъ какъ изъ нихъ можно составить слова съ самыми различными гласными. Сходныя (по звучанію) соглас-

какого-нибудь события) забудется, то слово, составленное из его числа, может удержаться в памяти. Менее механический новый метод Луазета состоит в том, чтобы вводить данный предмет в ассоциацию, помогающую его вспомнить.

Узнавание. Однако, если какой-нибудь факт встречается через-чур часто в связи с через-чур большим числом разнообразных окружающих его условий, то хотя запомнить и припомнить его образ сравнительно легко, но ему будет недоставать ясности и определенности в смысле того частного положения его (во времени и месте), которое мы желали бы запомнить. Как только мы захотим припомнить, когда именно и при каких условиях он явился нам, напр., в предпоследний раз, — нам весьма трудно будет это сделать. Мы узнаем этот предмет при встрече, но не вспомним его, — если ассоциируемые с ним образы через-чур спутанны и смутны. Подобный же результат случится и тогда, если мы слабо запомнили определенным обстоятельством, при которых данное событие произошло. В этом случае, мы только припомним, что видели этот предмет, но где и когда — мы не можем сказать, хотя нам будет казаться, что вот сейчас мы это найдем. Что «зародышевое» мозговое возбуждение может действовать таким образом на сознание, это очевидно из того, что происходит в нашей мысли, когда мы стараемся припомнить какое-нибудь имя. Оно «вертится», оно трепещет на языке, но не приходит. Совершенно такое же как бы трепетание и безпрестанное ожидание, что вот-вот мы вспомним, — происходит и в вышеупомянутом случае, когда нераскрывшиеся ассоциации облекают припоминаемый факт как бы полусветом, в котором мы видим, что этот факт нам знаком, но откуда и как, — не знаем.

Есть очень любопытное явление, с которым, вероятно, знаком каждый: у нас является иногда такое чувство, как будто то, что мы сказали сейчас или слышим и видим сейчас, мы уже говорили и видели прежде и т. п. Это «чувство прежнего существования» считалось тем то таинственным и вызвало не мало догадок и соображений. Доктор Wigan думает, что оно зависит от разобщения и деятельности двух полушарий нашего головного мозга, при чем одно полушарие создает данное явление несколько ранее, чем другое. Должен признаться, что я не вижу в этом явлении ничего таинственного и загадочного. Когда со мной случалось нечто подобное, я успевал объяснить себе это явление состоянием памяти, которое было так нечетливо, что некоторые обстоятельства, окружавшие какой-то факт в прошлом опыте (именно тот факт, который я считал предшественником первого), припоминались сейчас, тогда как другие отсутствовали. Припоминались именно те обстоятельства, которые были похожи у этого прежнего факта с тем,

что происходило сейчас, а несходная часть обстоятельств его не являлась сразу настолько достаточно полной, чтобы можно было точно узнать, что этот факт был совсем другой, т. е. чтобы можно было определить время, когда мы его видели. Благодаря этой то неточности воспоминания об обстановке, нам и начинает казаться, что прежний факт был совершенно тем же самым, как и новый. Все, что совершается при этом, состоит в ясном сознании нами только той сцены, которая сейчас перед нами происходит, и в смутном, неполном воспоминании о какой-то другой сцене, о которой напоминает нам она и которая имеет, вероятно, некоторое сходство с ней. Такого же мнения держится об этом явлении проф. Lazarus, исследователь, достойный полного доверия. И замечательно, что как только этот прошедший случай вспомнится нам во всей полноте и отчетливости, т. е. со всеми своими ассоциациями, в то же мгновение выпадает из нашего сознания это чувство двойственности того, что мы видим перед собою.

Забывание. — Для практических целей, забывание так же важно нам, как и запоминание. Мы уже говорили ранее, что «всецелое воспоминание ассоциаций» должно быть сравнительно чрезвычайно редко. Если бы мы вспоминали решительно все, то, во многих случаях, мы были бы так же беспомощны, как и в том случае, если бы не помнили ровно ничего. Припомнить какой-нибудь факт мы могли бы, только добравшись до него через массу мелочей всех фактов, всех ощущений, всех ассоциаций, которые испытывали после того, как нам являлся в прошлом этот факт, т. е. нам потребовалось бы для воспоминания его столько же времени, сколько действительно прошло (сколько мы пережили) от момента его появления. Но понятно, что при таких условиях наше мышление не могло бы подвинуться ни на шаг вперед. Всякое вспоминаемое время претерпевает поэтому то, что Рибо называет «укорочением», а это укорочение обязано тому, что опускается множество фактов, наполнявших это время в действительности. «Таким образом», — добавляет Рибо, — «мы приходим к парадоксальному результату, что одно из условий воспоминания состоит в забывании. Без совершенного забывания огромного множества состояний сознания, и без временного забывания также огромного числа их, мы не могли бы вспомнить вовсе. Таким образом, забывание, — за исключением некоторых случаев, — есть не болезнь памяти, а условия ее здоровья и ее жизни».

Болезненные условия. — Загипнотизированные люди обыкновенно забывают все, что происходило во время их гипнотического усыпления или транса. Но, когда пробудившись, они через некоторое время, приводятся вновь в состояние гипнотического сна, они часто могут вспомнить то, что происходило в прежнем трансе. Это совершенно сходно с тем, что происходит в случаях, так называемого, «раздвоения личности», когда одна из этих личностей не может вспомнить ничего из жизни другой. В этих случаях нередко и чувствительность у двух этих личностей бывает различна, так что часто особа, обладающая полной чувствительностью, оказывается лишенной ее (анестетичной) в некоторых отношениях, — когда приходит в одно из вторичных своих состояний. Понятно, что и память должна приходить и уходить

ныя а—б, в—к—х, д—т, ж—ч—ш—щ, з—с—ц, обозначаются одной и той же цифрой. Предположим, что вы хотите запомнить год вторжения в Россию Наполеона (1812); его цифры будут соответствовать буквам б, м, в. Поставьте придумать слово, соответствующее этим буквам, или фразу, в которой каждое слово начиналось бы с этих букв по порядку, и постарайтесь запомнить это слово или фразу. — В этом и состоит метод! Ред.

выстъ съ чувствительностью. Пьеръ Жане доказалъ рядомъ различныхъ опытовъ, что обстоятельства, забываемыя его паціентами въ состояніи анестезіи, вспоминались снова, когда возвращалась чувствительность. Такъ, напримѣръ, онъ возстановлялъ у нихъ временно осязательное чувство посредствомъ электрическихъ токовъ, пассивовъ и т. п. и затѣмъ заставлялъ ихъ брать въ руки разные предметы,—ключи, карандаши, или дѣлать извѣстные движенія, напр., креститься. Когда возвращался моментъ анестезіи, они были не въ состояніи припомнить ни этихъ предметовъ, ни этихъ движеній. «Они ничего не имѣли въ рукахъ, они ничего не дѣлали» и т. д. Таковы были ихъ отвѣты. На слѣдующій день, однако, когда чувствительность снова возстановилась на время электрическимъ токомъ, они совершенно ясно вспоминали всѣ обстоятельства и рассказы-вали о томъ, что брали въ руки и что дѣлали.

Эти патологическіе случаи доказываютъ, что сфера возможныхъ воспоминаній въ состояніи быть гораздо шире, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, и это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажущееся забвеніе, не доказываетъ, что воспоминаніе не можетъ быть вызвано при другихъ условіяхъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, однако, что справедливо экстравагантное мнѣніе, будто бы ни одна часть изъ нашего опыта не можетъ быть забыта.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Воображеніе.

Что такое воображеніе.—Ощущеніе, испытанное однажды, измѣняетъ нервный организмъ, такъ что копія этого ощущенія возникаютъ вновь въ умѣ, послѣ того, какъ исчезъ первоначальный стимулъ, вызвавшій это ощущеніе. Однако, никакая умственная копія, какова бы то ни было рода ощущеній, не можетъ возникнуть въ умѣ, если раньше не было возбуждено извнѣ соответствующее ощущеніе. Человѣкъ ослѣпшій можетъ мечтать о зрительныхъ образахъ, а сдѣлавшійся глухимъ—о звукахъ, черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ потерялъ зрѣніе, а другой—слухъ. Но слѣпой отъ рожденія, какъ и человекъ, родившійся глухимъ, никогда не могутъ вообразить и ихъ ничѣмъ нельзя сдѣлать способными вообразить, на что похожъ свѣтъ или на что похожъ свистъ, т. е. они не могутъ имѣть—одинъ умственного зрѣнія, а другой умственного слуханія¹⁾. По словамъ Локка, уже цитированнымъ нами, «умъ не можетъ составить въ себѣ самомъ ни одной новой простой идеи». Причины для всѣхъ такихъ идей должны быть даны извнѣ.—

¹⁾ Намъ кажется, что это положеніе надо принимать съ большою оговоркой. Читатели уже знаютъ, что если зрительный или слуховой нервъ раздражатъ даже механически (прижать, ударить), то одинъ всегда даетъ свѣтъ, а другой звукъ. Отсюда весьма вѣроятно можно предположить, что въ случаѣ возбужденія какихъ

фантазій или воображеніемъ называется способность воспроизводить копій съ оригиналовъ, которые мы видѣли хотя одинъ разъ. Воображеніе называется «воспроизводящимъ», когда копія воспроизводятся буквально; и оно называется «производящимъ», когда элементы, взятые отъ различныхъ оригиналовъ, комбинируются имъ такъ, что образуютъ новое цѣло.

Когда представляемый нами съ окружающей обстановкой конкретный фактъ или образъ достаточно ясенъ для того, чтобы установить его дату (время его образованія въ нашемъ умѣ), то мы называемъ такой образъ, оживающій въ нашей памяти, воспоминаніемъ. Когда же такой душевный образъ скомбинированъ нами произвольно, мы называемъ его воображеніемъ, въ точномъ смыслѣ.

Зрительное воображеніе различно у людей. Наши идеи или опыты о прошлыхъ чувственныхъ воспріятіяхъ могутъ или отчетливо и достаточно полно воспроизводить эти послѣдніе, или же могутъ быть смутны, туманны и неполны. Кажется, именно это различіе у разныхъ людей въ степеняхъ, до какихъ они въ состояніи доводить яркость и полноту этихъ образовъ, было отчасти причиной разногласія Берклея и Локка относительно отвлеченныхъ идей. Локкъ думалъ, что мы обладаемъ «общей идеей треугольника, который долженъ быть ни прямоугольнымъ, ни равнобедреннымъ, ни равнобедреннымъ, ни равнобедреннымъ, а каждымъ изъ нихъ сразу и ни однимъ изъ таковыхъ въ отдѣльности». Берлей же говорилъ: «если бы какой нибудь человекъ обладалъ такой способностью построить въ своемъ умѣ идею треугольника, какой здѣсь описанъ, было-бы тщетно надѣяться убѣдить его въ противномъ, и я отказался бы отъ этого. Я жажду только одного, чтобы читатель вполне и совершенно удостоверился, есть-ли у него такая идея (образъ) или нѣтъ».

Еще весьма недавно философы предполагали, что существуетъ типическое человеческое мышленіе, которому подобны всѣ индивидуальныя мышленія, и что предположеніе о всеобщей (универсальной) пригодности можетъ быть распространено также и на способность воображенія. Впослѣдствіи, однако, обнаружилось множество наблюдений, показавшихъ несвѣрность этого предположенія. Существуютъ «воображенія», а не «воображеніе», и они должны изучаться въ деталяхъ.

Гальтонъ, въ 1880 году, началъ статистическое изслѣдованіе, о которомъ можно сказать, что оно сдѣлало эру въ описательной психологіи. Онъ обратился съ циркулярнымъ письмомъ ко множеству лицъ, прося ихъ описать тѣ образы, которые они способны вызывать передъ своимъ внутреннимъ взоромъ за завтракомъ въ данное утро. Разнообразіе этой способности, когда получились отвѣты, оказалось громаднымъ; и странно, оказалось, что знаменитые люди наукъ обладаютъ, въ среднемъ, меньшей способностью зрительнаго воспроизведенія, чѣмъ болѣе молодые и менѣе значительныя лица.

Нѣбудь способомъ (хотя бы изнутри мозга) зрительныхъ нервовъ и центровъ у слѣпого, и слуховыхъ нервовъ и центровъ у глухого, одинъ изъ нихъ можетъ увидѣть свѣтъ, а другой—услышать звукъ. Здѣсь забывается, что наши ощущенія свѣта и звука не существуютъ въ насъ, а суть лишь реакція нашихъ нервовъ и центровъ на внѣшнія вибраціи (звуковыя и свѣтковыя). Значитъ, свѣтъ и звукъ,—какъ ощущенія,—суть свойства нашего мозга.

Читатель может найти подробности об этом исследовании в соч. Гальтона «Inquiries into Human Faculty», стр. 83—114. Я сам, в течение многих лет, собирал от всех и каждого из моих слушателей по психологии описания их зрительного воображения, и нашел (наряду с некоторыми странными идиосинкразиями) полное совпадение со всеми видоизменениями, о которых сообщает Гальтон. Для образника, приведу извлечение из двух описаний, приближающихся к верхнему и нижнему концу скалы, по которой я расположил все эти описания, согласно степени остроты воображения. Мои корреспонденты—двоюродные братья между собою и внуки одного знаменитого ученого. Один, у которого особенно сильно зрительное воображение, пишет:

«Картина моего завтрака сегодня утром, когда я вспоминаю о нем, кажется мне и смутной, и яркой; она смутна, когда я стараюсь думать о ней с открытыми глазами, устремленными на какой-нибудь предмет; и она совершенно ясна и ярка, если я думаю о ней с закрытыми глазами.—Все предметы тогда совершенно ясны сразу; однако, когда я обращаю свои внимания на какой-нибудь один из них, он становится еще более отчетливым.—У меня большие способности вызывать в своем воображении цвет, чем что либо другое: если, напр., я вызываю в воображении блюдо, украшенное цветами, я могу точно воспроизвести в этом образе краски, тона и т. д. Цвета каждого предмета, бывшего на столе, совершенно ярки.—Что касается протекания этих образов в пространстве, то оно очень мало ограничено: я могу видеть все четыре стороны одной комнаты и могу видеть все четыре стороны двух, трех, четырех комнат и даже больше, и это все так ясно, что если бы вы спросили о том, какой предмет находится в таком-то месте этих комнат, или сколько там стульев, я ответил бы вам без малейшего колебания.—Чем больше я что-нибудь заучивал наизусть из книги, тем яснее мог вообразить ее страницы; даже перед тем, как я готов произнести на память заученную строку, я вижу их в воображении так ясно, что мог бы прочесть медленно, слово за словом, но при этом мое внимание так поглощено всматриванием в эти образы печатных строк, что я совершенно не понимаю их смысла и не имею никакой идеи об их содержании. Когда в первый раз я заметил в себе эту особенность, я думал, что она зависит от недостаточного знакомства моего с самими строками; однако, я скоро убедился, что действительно вижу их образ. Лучшее доказательство тому, что это есть действительный факт, служить, я думаю, нижеследующее:

«Я могу смотреть на умственно-видимую страницу и вижу слова, которыми начинаются все строки, и от любого из этих слов я могу продолжать умственно соответствующую ему строку. Я нашел, что мне легче это сделать, если все начальные слова строк натянутся в одной линии, напр.,

Etant fait...

Tous...

A des...

Que fit... и т. д.

чем в том случае, когда некоторые строки отступают, как, например:

Céres...

Avec...

Un fleur...

Comme... и т. п.

А вот что пишет корреспондент, обладающий слабой воспроизводительной способностью зрительных образов.

«Моя способность вызывать зрительные образы кажется мне болѣе-малѣе и болѣе-малѣе исключительной, поскольку я мог узнать о том, какие образы получаются в умственном зрении других лиц. Процесс, которым, мне кажется, я вызываю в себе какой-нибудь образ или случай, состоит не из ряда различных отчетливых образов, а представляется нечто вроде панорамы, в которой болѣе тонкие черты представляются как бы сквозь густой туман. Я не могу, закрыть глаза, вызвать отчетливый образ чего бы то ни было, хотя мог это делать болѣе-малѣе тому назад, так что, повидимому, эта способность постепенно теряется у меня. В самых ярких моих сновидениях, когда все обстоятельства являются сходными с самой действительностью, я часто начинаю волноваться мутностью взгляда, причиняющего то, что образ является неотчетливым. Переходя к вопросу о картинах моего завтрака, я должен сказать, что относительно его в моем восприятии нет ничего определенного. Все смутно. Я не могу сказать, что именно я вижу. По всей вероятности, я не мог бы сосчитать стульев, но я знаю, что там их десять. Деталей я не вижу вовсе. Главное дело в том общем впечатлении, что я не могу сказать, что именно я вижу. Окраска та же почти самая, поскольку я могу припомнить ее, но только значительно болѣе блѣдая (как бы полупрозрачная). Кажется, всего яснее я вижу цвет скатерти и мог бы, вероятно, видеть цвет обоев, если бы мог его припомнить».

Лицо, обладающее сильным зрительным воображением, едва в состоянии понять то, как может думать вообще человек, не обладающий этой способностью. Некоторые лица совсем не живут способностями зрительного воспроизведения и вместо того, чтобы рассказать вам, что они видят из обстановки своего завтрака, они рассказывают о том, что они вспоминают или что они знают о нем. «Умственный материал», из которого построено это их «знание», кажется, составлен исключительно из словесных образов. Но если слова—«кофе», «ветчина», «булка», «лицо» и т. п. позволяют человеку так же легко разговаривать со своей кухаркой, платить по счетам и называть на завтра кушанья так же отчетливо, как это делается и при точном зрительном или вкусовом воображении, то почему бы не было считать, что, для целей и намерений житейских, род их умственного материала не настолько же хорош, как и этот последний? Но на самом деле, можно ожидать, что для весьма многих целей он служит даже лучше, чем богатое красками воображение. Если схема отпущения и выводов составляет существенную вещь в мышлении, то род материала, который по своей скорости спланирует, будет и наи-

лучшимъ для этой цѣли. Поэтому, слова, какъ произнесенныя, такъ и не произнесенныя, представляютъ самый удобный матеріалъ для мышленія, какой только мы имѣемъ. Они не только очень быстро вызываются (оживаются) въ памяти, но они способны оживляться, какъ настоящія ощущенія, гораздо легче, чѣмъ какія-либо другія «отмѣтки» нашего опыта. Если бы они не обладали нѣкоторыми подобными преимуществами, едва ли былъ бы возможенъ фактъ, что, чѣмъ люди старше и чѣмъ большей успѣшностью они обладаютъ какъ мыслители, тѣмъ болѣе они обыкновенно оказываются утратившими зрительную память, какъ это оказалось по матеріалу, собранному Гальтономъ о членахъ «Королевскаго общества»¹⁾.

Воспроизведение звуковъ въ воображеніи. — Эта способность также различна у разныхъ лицъ. Тѣхъ людей, которые думаютъ преимущественно «слуховыми образами» (т. е. звуками, воспроизводимыми воображеніемъ), Гальтонъ называетъ «слуховиками» (audiles). Какъ полагаетъ А. Биле (Bile), этотъ типъ встрѣчается рѣже чѣмъ типъ людей, думающихъ зрительными образами». Лица этого типа воображаютъ, что они мыслятъ на языкѣ звуковъ (звуковымъ языкомъ). Для того, чтобы запомнить урокъ, они стараются запечатлѣть въ памяти не видъ страницы, а звуки словъ своего урока. Они и разсуждаютъ, и припоминаютъ при помощи слуха. Дѣлая въ умѣ сложенія, они повторяютъ словесныя названія цифръ и складываютъ какъ бы звуки, безъ малѣйшей мысли о начертаніи цифровыхъ знаковъ. Воображеніе принимаетъ у нихъ также форму слуховую. «Когда я пишу какую-нибудь сцену», — говорилъ Легувэ Скрибу, «я ее слышу, а вы ее видите. Въ каждой фразѣ, которую я пишу, мой слухъ воспроизводитъ голосъ соответствующаго персонажа пьесы. Вы же, — вы, котораго можно назвать самимъ театромъ, — у васъ актеры ходятъ, жестикуютъ передъ вашими глазами. Я слушатель, а вы зритель создаваемыхъ вами сценъ». Совершенно вѣрно», — отвѣчалъ Скрибу: «знаете ли вы, гдѣ я нахожусь, когда пишу свои пьесы? Въ срединѣ партера».

Несомненно, однако, что чистые «слуховики», заботясь о развитіи только одной этой способности, могутъ, подобно чистому «зрительному типу», создать изумительныя свойства своей памяти: такъ, Моцартъ положилъ на потоки на память «Miserere» Сикстинской капеллы, прослушавъ это созданіе музыкальнаго искусства только два раза; Бетховенъ, послѣ того, какъ потерялъ слухъ, сочинялъ и внутренне воспроизводилъ свои огромныя симфоніи. Съ другой стороны, человѣкъ слухового типа, подобно людямъ зрительнаго типа, находится въ опасности, такъ какъ съ потерей своихъ слуховыхъ образовъ онъ оказывается беспомощнымъ и совершенно потеряннымъ».

Воспроизведение въ воображеніи мускульныхъ ощущеній. — Вѣснскій профессоръ Штриккеръ, который, повидимому, принадлежалъ къ «мышечному или двигательному типу» (мотористовъ), — т. е. у него, была необычайно развита эта форма воображенія, — далъ очень точное описаніе своего собственнаго состоянія въ этомъ отношеніи. Его воспоминанія какъ о своихъ собственныхъ движеніяхъ, такъ и о движеніяхъ

другихъ предметовъ сопровождаются неизмѣнно отчетливыми мускульными ощущеніями въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя должны были бы естественно совершать эти движенія, если бы эти послѣднія совершались имъ на самомъ дѣлѣ или были нужны, напр., для того, чтобы слѣдить за движеніемъ какого-нибудь другаго предмета. Такъ, напр., думая о марширующемъ солдатѣ, онъ какъ бы помогалъ этому образу маршировать, маршируя самъ слѣдомъ за нимъ. Если онъ подавлялъ въ себѣ это «отзывное» чувство въ своихъ собственныхъ ногахъ и сосредоточивалъ все вниманіе на воображаемомъ солдатѣ, тотъ вдругъ оказывался какъ бы охваченнымъ парализмомъ. Вообще, воображаемыя имъ движенія какого бы то ни было предмета казались парализованными, какъ только ихъ переставало сопровождать воображаемое чувство движенія либо въ его собственныхъ глазахъ, либо въ его членахъ. Движенія, сопровождающія членораздѣльную рѣчь, играли огромную роль въ его умственной жизни. «Когда, послѣ моей экспериментальной работы, я занялся ея изложеніемъ, то обыкновенно мнѣ прежде всего было пужно воспроизводить только слова, которыя я уже ассоциировалъ съ воспріятіемъ различныхъ деталей моихъ наблюденій, когда я производилъ ихъ. Это потому, что рѣчь имѣетъ во всемъ, что я наблюдаю, столь важное значеніе, что я обыкновенно облакаю явленія въ слова тотчасъ же, какъ наблюдаю ихъ».

Большая часть лицъ, если ихъ спросить, въ какихъ формахъ (родахъ терминовъ) они воображаютъ слова, отвѣтятъ, что они ихъ воображаютъ въ «слуховыхъ формахъ». И это они утверждаютъ до тѣхъ поръ, пока ихъ вниманіе не обращено усиленно на такой пунктъ, о которомъ имъ трудно сказать, — слуховые, или двигательные образы связаны у нихъ болѣе съ органами членораздѣльной рѣчи. Хорошій способъ устранивъ это затрудненіе сознанія предложенъ Штриккеромъ. «Откройте слегка вашъ ротъ и тогда вообразите себѣ какое-нибудь слово съ губными или зубными согласными, напр., «публика», «тотъ» и т. п. Отчетливъ ли вашъ образъ при этихъ условіяхъ? Для большинства этотъ образъ сразу кажется «глухимъ» (смутнымъ), какимъ и былъ бы звукъ слова, если бы они произносили его съ закрытымъ ртомъ (со сжатыми губами). Многіе совсѣмъ никогда не могутъ вообразить ясно словъ съ закрытымъ ртомъ; другимъ удается это послѣ нѣсколькихъ усилій. Эти опыты доказываютъ, насколько наше воображеніе словъ зависитъ отъ настоящихъ ощущеній (мышечныхъ) въ губахъ, языкѣ, щечкахъ, гортани и т. д. Профессоръ Бенъ говоритъ, что «подавленная артикуляція есть дѣйствительный матеріалъ нашего запоминанія, есть умственное проявленіе, идея (образъ) рѣчи. У людей, обладающихъ слабымъ слуховымъ воображеніемъ, образы артикулированія дѣйствительно, кажется, составляютъ весь матеріалъ для сложнаго мышленія. Проф. Штриккеръ говоритъ, что у него самого никакихъ слуховыхъ образовъ не входитъ въ слова, о которыхъ онъ думаетъ».

Воображеніе осязательныхъ ощущеній (осязательные образы). — Они очень сильны у многихъ людей. Самые сильныя (яркія) осязательныя ощущенія мы испытываемъ тогда, когда стараемся избѣгнуть какого-нибудь мѣстнаго поврежденія въ тѣлѣ или видимъ, какъ это поврежденіе причиняется другимъ. Мѣсто поврежденія можетъ въ такихъ случаяхъ испытывать воображаемое страданіе или ощущеніе, а иногда, быть можетъ,

¹⁾ Состоящаго изъ выдающихся ученыхъ Англіи.

и не воображаемое ощущение, какъ, наприм., «гусиная кожа», блѣдность и краснѣніе или иныя проявленія настоящаго мускульнаго сокращенія въ известномъ мѣстѣ.

«Человѣкъ очень образованный»,—говоритъ Р. Г. Мейеръ,—«разсказывалъ мнѣ, что, входя однажды къ себѣ въ домъ, онъ былъ потрясенъ тѣмъ, что придавилъ дверью палецъ одного изъ своихъ маленькихъ дѣтей. Въ моментъ своего ужаса, онъ чувствовалъ жестокую боль въ соответствующемъ суставѣ своего собственнаго пальца, и эта боль продолжалась у него три дня».

Воображеніе у слѣпой, глухой и нѣмой, вродѣ Мауры Бриджменъ, должно было образоваться исключительно изъ двигательныхъ и осязательныхъ матеріаловъ. Всякій слѣпой долженъ принадлежать къ «осязательному» типу, по вышеприведенной классификаціи французскаго автора. Когда молодому человѣку, у котораго д-ромъ Францемъ былъ только что снятъ катарактъ съ глаза, показали различныя геометрическія фигуры, онъ сказалъ, что «не способенъ образовать изъ нихъ какой-либо образъ (идею) квадрата или диска, пока не восприметъ ихъ тѣмъ чувствомъ, которое онъ зналъ въ концахъ своихъ пальцевъ, когда дѣйствительно прикасался къ предметамъ».

Большенныя различія.—Изученіе «афазіи» (см. ранѣе) показало въ послѣдніе годы, какъ неожиданно громаднa разница въ способности воображенія у разныхъ индивидуумовъ. У однихъ—обычный матеріалъ мышленія,—если его можно такъ назвать,—зрительный; у другихъ,—слуховой, членодвигательный или просто двигательный; у многихъ вѣроятно, онъ различнымъ образомъ смѣшанъ. Этихъ послѣднихъ Шарко называетъ «безразличными» (индифферентными). Одно и то же мѣстное пораженіе мозга должно необходимо давать различныя практическія результаты у лицъ съ различными способностями этого рода. Особенно поучителенъ одинъ случай, опубликованный Шарко въ 1887 году. Его пациентомъ былъ купецъ, въ высшей степени образованный человѣкъ, но изъ типа «зрительнаго», т. е. способнаго къ воспроизведенію зрительныхъ впечатлѣній и притомъ исключительно зрительныхъ. Благодаря нѣкоторымъ внутри-мозговымъ процессамъ, онъ вдругъ утратилъ всѣ свои зрительные образы, а съ ними и значительную часть своей умственной силы, безъ всякаго иного нарушенія въ другихъ своихъ способностяхъ. Скоро онъ открылъ, что могъ бы вести свои дѣла, пользуясь своею памятью въ совершенно новомъ направленіи, и описалъ ясно различіе между двумя этими условіями... Каждый разъ, какъ онъ возвращался въ А, куда часто призывали его торговые дѣла, ему казалось, что онъ возвращается въ какой-то чужой городъ. Онъ видѣлъ памятники, дома и улицы съ той же самой неожиданностью, съ какой онъ видѣлъ ихъ въ первый разъ. Когда его просили описать какое-нибудь мѣсто въ городѣ, онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что оно тамъ, но я не могу его себѣ представить, а потому не въ состояніи ничего сказать вамъ о немъ». Онъ не могъ вспомнить лицъ даже своей жены и дѣтей совершенно такъ же, какъ не могъ вспомнить города А. Даже послѣ того, какъ онъ пробылъ съ ними нѣкоторое время, онъ не могъ привыкнуть узнавать ихъ. Онъ забылъ свое собственное лицо и однажды заговорилъ съ собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ, принявъ его за постороннее лицо. Онъ жаловался и на потерю ощущенія красокъ.

«У моей жены черныя волосы»,—говорилъ онъ,—«и я это знаю; но только теперь я уже не могу больше вспомнить ихъ цвѣта, какъ не могу припомнить ни ея фигуры, ни чертъ ея лица». Эта зрительная амнезія (потеря памяти) разрослась у него на предметы изъ эпохи самаго дѣтства, такъ что, напр., онъ не помнитъ родительскаго дома и т. п. И никакихъ другихъ нарушенийъ у него не было, кромѣ этой потери зрительныхъ образовъ. Отыскивая что-нибудь въ своей корреспонденціи, онъ, какъ и нормальные люди, пересматривалъ ее, пока не находилъ того, что было ему нужно. Онъ помнилъ лишь нѣсколько первыхъ стиховъ изъ «Илліады», и долженъ былъ рыться въ памяти, чтобы процитировать что-нибудь изъ Гомера, Виргилія и Гораціи. Дѣламъ сложеніе, онъ долженъ былъ говорить себѣ шопотомъ цифры. Онъ понялъ ясно, что долженъ помогать своей памяти слуховыми образами, составляемыми имъ съ значительными усиліями. Слова и выраженія, которыя онъ теперь вспоминалъ, казались ему тѣмъ-то вродѣ эхо, достигающимъ до его слуха, и каждый разъ казались ему новыми. Если онъ хотѣлъ выучить что-нибудь наизусть, напр., рядъ фразъ, онъ долженъ громко читать ихъ вслухъ нѣсколько разъ подрядъ, такъ, чтобы запечатлѣть ихъ въ своемъ слухѣ. Когда онъ впоследствии повторяетъ вслухъ ту же фразу, ему кажется, что слуховое ощущеніе происходитъ внутри его, предшествуя членодвигательнымъ ощущеніямъ. Сначала это чувство было ему совершенно неизвестно.

Такой человѣкъ испытывалъ-бы сравнительно меньше неудобствъ, если бы были вдругъ разрушены его слуховые образы, а не зрительные.

Значеніе первыхъ процессовъ въ воображеніи. Многіе изъ авторовъ по вопросамъ врачебной науки принимаютъ, что мозговая дѣятельность, отъ которой зависитъ воображеніе, занимаетъ опредѣленное мѣсто, особое отъ тѣхъ мѣстъ, которыя служатъ для воспріятія соответствующихъ ощущеній. Однако, возможно болѣе простое объясненіе фактовъ, позволяющее предположить, что одни и тѣ же нервные пути служатъ и для того, и для другого процесса. Наши умственные образы возникаютъ всегда путемъ ассоціаціи; нѣкоторые предшествующія идеи или ощущенія должны «возбуждать» ихъ, что-бы они появились (воскресли) въ сознаніи. Ассоціаціи, конечно, зависятъ отъ токовъ, идущихъ отъ одного центра корковаго вещества къ другому. Теперь намъ достаточно только допустить, что эти внутри—корковые токи не способны производить въ клѣткахъ такихъ же сильныхъ взрывовъ, какіе производятъ токи, идущіе отъ органовъ чувствъ; отъ этого-то мы и чувствуемъ разницу между образами памяти и настоящими ощущеніями. И не нужно предполагать различій въ мѣстѣ ихъ расположенія. Высшимъ степенямъ взрыва соответствуетъ характеръ «яркости» или нахожденія предмета передъ органами чувствъ, тогда какъ слабымъ степенямъ соответствуетъ та «блѣдность», которую мы замѣчаемъ въ образахъ воспоминанія, когда сравниваемъ ихъ съ дѣйствительными ощущеніями.

Если мы допустимъ, что и ощущеніе, и воображеніе зависятъ отъ дѣятельности тѣхъ-же самыхъ частей мозговой коры, то мы увидимъ превосходныя философскія мотивы того, почему они должны соответствовать различнымъ родамъ процессовъ въ этихъ центрахъ и почему процессъ, дающій чувство того, что предметъ дѣйствительно находится здѣсь, можетъ возникать нормально только отъ токовъ, входящихъ отъ периферіи, а не

отъ токовъ, идущихъ отъ соседнихъ частей коркового вещества. Говоря коротко, мы можемъ видѣть, почему процессъ ощущеній долженъ быть неразрывенъ со всякимъ нормальнымъ идеациональнымъ процессомъ (процессомъ вызванія образовъ), но только сильнѣе (интенсивнѣе) его. Ибо, — какъ справедливо замѣчаетъ д-ръ Мюнстербергеръ, — «если-бы не было этого особеннаго приспособленія, мы не различали-бы реальности отъ фантазии, наше поведение приспособлялось бы не къ фактамъ окружающимъ насъ, а было бы не соответствующимъ имъ и безсмысленнымъ, и мы были-бы не въ силахъ охранять свою жизнь».

Иногда, какъ исключеніе, болѣе сильный сортъ взрыва въ центрѣ можетъ произойти и отъ одного внутри - мозгового тока (т. е. идущаго отъ соседнихъ частей мозговой коры). Въ слуховомъ чувствѣ, ощущенія нельзя различить отъ воображенія, если они такъ слабы, что мы едва въ состояніи воспринять ихъ. Такъ, ночью, когда мы слышимъ очень отдаленный бой часовъ, наше воображеніе воспроизводитъ сразу и звуки, и ихъ ритмъ, и поэтому не рѣдко трудно сказать, какой (по числу) былъ дѣйствительный ударъ и не создали-ли мы его своимъ воображеніемъ. Такъ о ребенкѣ, кричащемъ въ отдаленной комнатѣ дома, мы часто неуверенны, пересталъ-ли онъ кричать или еще продолжаетъ. Нѣкоторые скрипачи пользуются этимъ въ окончаніяхъ *diminuendo*. Послѣ того, какъ *piuissimo* достигло своего высшаго предѣла, они еще продолжаютъ водить смычкомъ, какъ будто еще играя, но тщательпо избѣгаютъ прикоснуться имъ къ струнѣ. Благодаря такому приему, слушатель ощущаетъ въ воображеніи звукъ болѣе утопченный, чѣмъ самое тонкое *piuissimo*. Галлюцинаціи, — какъ слуховыя, такъ и зрительныя, — представляютъ другой случай этого-же рода явленій, но мы будемъ говорить о нихъ въ слѣдующей главѣ.

Я упомяну здѣсь только о фактѣ, еще необъясненномъ, замѣченномъ разными наблюдателями (г. Мейеромъ, Шарлемъ Фере, проф. Скоттомъ и Т. Сиддомъ), а именно о фактѣ появленія въ зрительномъ полѣ отрицательныхъ образовъ предмета послѣ того, какъ этотъ предметъ былъ нѣкоторое время объектомъ воображенія. То есть, сѣтчатка была какъ бы утомлена этимъ актомъ воображенія.

ГЛАВА XX.

Воспріятіе (перцепція).

Сравненіе воспріятія и ощущенія. — Чистое ощущеніе, — какъ мы видѣли выше, — есть наше отвлеченіе (наша абстракція) отъ того, что мы дѣйствительно ощущаемъ. Чистаго ощущенія никогда не можетъ быть въ жизни взрослого человѣка. Все, что воздѣйствуетъ на наши органы чувствъ, производитъ нѣчто большее, чѣмъ простое, чистое ощущеніе: оно заставляетъ возникать въ мозговыхъ полушаріяхъ нѣкоторый мозговой процессъ, обязаный отчасти организаціи этого органа, вызванной прошедшими ощущеніями, а результатъ этого процесса въ сознаніи является въ видѣ идей (воспроизведенныхъ образовъ предметовъ), которыя возбуждены ощущеніемъ. Первая изъ этихъ идей, есть идея о вещѣ, которой принадлежатъ

данныя чувственные качества. Сознаніе объ отдѣльныхъ матеріальныхъ вещахъ, стоящихъ передъ органами чувствъ, называется въ настоящее время воспріятіемъ (перцепціей). Сознаніе о такихъ вещахъ можетъ быть и болѣе и менѣе полнымъ; оно можетъ быть сознаніемъ только о названіи этого предмета, или о какихъ либо другихъ его существенныхъ свойствахъ (аттрибутахъ), или же оно можетъ быть сознаніемъ о какихъ нибудь отдаленныхъ его отношеніяхъ. Невозможно провести никакой рѣзкой линіи различія между болѣе скуднымъ и болѣе богатымъ сознаніемъ, такъ какъ въ моментъ, когда мы выходимъ за первое «простое» ощущеніе, все наше сознаніе состоитъ изъ того, что въ немъ возбуждается имъ (посредствомъ ассоціаціи), а различныя возбужденія связываются постепенно другъ съ другомъ, будучи всѣ, какъ и одно, продуктами того-же самаго психологическаго механизма ассоціаціи. И въ болѣе непосредственной, и въ болѣе отдаленной сознательности дѣйствуютъ тѣже процессы ассоціаціи, но въ первой ихъ больше, во второй меньше.

Чувственные и воспроизводящіе процессы мозга комбинируются и образуютъ, затѣмъ, то, что даетъ содержаніе нашимъ воспріятіямъ. Каждая особая, конкретная, матеріальная вещь есть комплексъ (сочетаніе) чувственныхъ качествъ, съ которыми мы познакомились въ разное время. Нѣкоторые изъ этихъ качествъ, — по скольку они болѣе постоянны, интересны намъ или важны въ житейскомъ отношеніи, — мы рассматриваемъ, какъ существенные составные элементы предмета. Обыкновенно это такіа качества, какъ протяженное очертаніе предмета, его величина, масса и т. п. Другія-же качества, какъ болѣе измѣнчивыя, мы считаемъ болѣе или менѣе случайными (акцидентальными) или несущественными. Мы называемъ первыя качества реальными или реальностью, а вторыя — проявленіями этой реальности. — Такъ, напр., я слышу звукъ и говорю: «это — карета». Но звукъ — не карета: онъ есть лишь одно изъ наименѣе важныхъ проявленій кареты. Дѣйствительная (реальная) карета есть предметъ, отчетливо чувствуемый или видимый, предметъ, который только вызванъ въ моемъ воображеніи звукомъ. Когда сейчасъ въ полѣ моего зрѣнія я вижу коричневую плоскость съ непараллельными краями и съ неодинаковыми углами, я называю это изображеніе на сѣтчаткѣ моихъ глазъ — моимъ большимъ, прочнымъ, прямоугольнымъ рабочимъ столомъ, то образъ его въ моемъ зрѣніи совсѣмъ не этотъ столъ. Онъ не похожъ даже на тотъ столъ, который является въ моемъ зрѣніи, когда я на него смотрю прямо. Это есть искаженный перспективный образъ (видъ) трехъ его сторонъ, который я умственно воспринимаю (болѣе или менѣе), во всей его цѣлости въ не искаженномъ видѣ. Задняя часть стола, его прямые углы, его величина, его тяжесть, все это такіа черты, которыя я уже сознаю (изъ себя), когда я смотрю на него, сознаю почти также, какъ и его названіе «столъ». Вызваніе во мнѣ этого его названія есть только дѣло обычая, какъ и названія: «задняя часть, величина, вѣсъ, прямоугольность» и т. п.

Природа, — какъ говоритъ Рядъ, — экономитъ свои дѣйствія и не станетъ расходовать на особый инстинктъ, пугивый намъ для пріобрѣтенія такихъ знаній, которыя быстро производятся инымъ путемъ, путемъ опыта и привычки. Воспроизведенныя существенныя свойства предмета (аттрибуты), связанныя съ аттрибутами, чувствующими въ таинный

моментъ, — въ единство предмета, носящее определенное имя, — таковы материалы, изъ которыхъ сдѣланъ этотъ столь дѣйствительно воспринимаемый моей мыслью. Дѣтство должно пройти черезъ долгое воспитаніе глаза и уха, прежде чѣмъ оно можетъ воспринимать реальности, легко воспринимаемыя зрѣлымъ возрастомъ. Каждое воспріятіе есть пріобрѣтенное воспріятіе.

Воспринимающее состояніе мысли не есть сложное состояніе. Хотя мы и сказали въ предыдущемъ параграфѣ, что воспріятіе не есть «чистое» ощущение, однако, нѣтъ основанія предполагать, что оно требуетъ «слиянія» (fusion) отдѣльныхъ ощущений и идей. Воспринимаемый предметъ есть объектъ единого состоянія мышленія, происшедшаго отчасти отъ периферическихъ, исходящихъ отъ органовъ чувствъ, а отчасти отъ центрально-мозговыхъ, идеациональныхъ токовъ, но никоимъ образомъ не содержащій (психически) тождественныхъ съ нимъ «ощущеній» и образовъ, которые эти же точки возбуждали бы въ отдаленности, если бы тутъ не было одновременно другихъ токовъ. Мы часто можемъ замѣтить удивительную разницу въ сознаніи между первымъ явленіемъ и вторымъ. Какое-нибудь чувственное качество измѣняется передъ нашими глазами. Возьмемъ уже приведенный примѣръ: *Pas de lieu Rhône, que nous*: кто-нибудь можетъ читать эту фразу нѣсколько разъ, не узнавая звуковъ, тождественныхъ съ фразой «*Paddle your own canoe*». Какъ только возникаютъ англійскія ассоціаціи, самый звукъ окажется измѣнившимся. Звуки словъ обыкновенно воспринимаются вмѣстѣ съ ихъ смысломъ въ моментъ, когда мы ихъ слышимъ. Иногда, однако, ассоциированныя пріращенія задерживаются на нѣсколько мгновеній (если мысль будетъ болѣе запята другими мыслями), а въ это время слова слышатся ухомъ, какъ простое эхо чисто акустическихъ (т. е. лишенныхъ смысла) ощущений. Затѣмъ, обыкновенно, истолкованіе ихъ происходитъ внезапно. Но въ этотъ моментъ человѣкъ часто бываетъ пораженъ перемѣной въ дѣйствительномъ ощущеніи отъ слова. Нашъ родной языкъ звучалъ бы для насъ совершенно иначе, если бы мы слышали его, не понимая, подобно тому, напр., какъ мы слышимъ чужой языкъ. Повышенія и пониженія голоса, особая сочетанія пилящихъ и другихъ согласныхъ буквъ падали бы въ нашъ слухъ такими образомъ, о какомъ мы теперь не можемъ себѣ составить понятія. Французы говорятъ, что англійскій языкъ кажется имъ щебетаніемъ птицъ, но на слухъ англичанъ ихъ языкъ, конечно, не производитъ такого впечатлѣнія. Многие изъ англичанъ описываютъ такими же словами русскій языкъ. Многие изъ насъ сознаютъ рѣзкія, взрывчатые и гортанныя измѣненія звуковъ говора въ нѣмецкой рѣчи, но, конечно, нѣмцы никоимъ образомъ не могутъ этого замѣтить.

Вѣроятно, въ этомъ заключается причина, почему при продолжительномъ разсматриваніи отдѣльнаго напечатаннаго слова и, при многократномъ повтореніи его, кончается тѣмъ, что оно принимается совершенно неестественный видъ. Пусть читатель проверитъ это на любомъ словѣ подлежащей страницы. Скоро онъ начнетъ удивляться тому, какъ было возможно, что онъ такое слово употреблялъ всю жизнь въ такомъ-то смыслѣ. Оно будетъ смотрѣть на него со страницы, какъ стеклянный глазъ, не имѣющій никакого выраженія мысли. Его тѣло осталось прежнимъ, но его душа отлетѣла. Этимъ путемъ оно приводится къ своей чистой, голой чувственной формѣ. (Т. е. безъ обычнаго ассоциированнаго съ нимъ смысла, придававшего ему

значеніе. Такой же опытъ можно сдѣлать и по надъ писаннымъ, а надъ воображаемымъ словомъ, повторяя много разъ медленно и раздѣльно составляющія его буквы. Кончится тѣмъ, что мы его перестанемъ узнавать, оно явится намъ чѣмъ-то новымъ, бессмысленнымъ, страннымъ. Ред.). Мы никогда до тѣхъ поръ не разсматривали его такимъ образомъ, по обыкновенно воспринимали его вмѣстѣ съ его значеніемъ, а въ тотъ же моментъ нашъ глазъ перебѣгалъ отъ него къ другимъ словамъ фразы. Говоря кратко, мы воспринимали его въ облакѣ ассоциированныхъ съ нимъ идей и, при этихъ условіяхъ воспріятія, чувствовали его совершенно иначе, чѣмъ теперь, когда мы его обнажили и поставили одиноко.

Другая, хорошо извѣстная перемѣна въ нашемъ воспріятіи происходитъ тогда, когда мы разсматриваемъ какой-нибудь ландшафтъ съ откинутой назадъ головой. Это положеніе головы до извѣстной степени нарушаетъ обычный порядокъ въ нашемъ воспріятіи; привычное определеніе различныхъ степеней разстоянія дѣлается неувереннымъ и петочнымъ; однимъ словомъ, воспроизводительные или ассоціативные процессы приходятъ въ упадокъ; я, одновременно съ ихъ уменьшеніемъ, цвѣта предметовъ кажутся болѣе и болѣе яркими, разнообразными, а контрасты свѣта и тѣни усиливаются. То же явленіе происходитъ, если повернемъ картину вверхъ ногами. Мы много утрачиваемъ изъ ея смысла, но, въ видѣ компенсачіи (возмѣщенія) потери, мы чувствуемъ яснѣе значеніе однихъ только оттѣнковъ и тѣней и становимся придирчивыми къ малѣйшему недостатку чисто чувственной гармоніи или равновѣсія красокъ, какія могутъ оказаться въ картинѣ. Можно сдѣлать тотъ же опытъ иначе: ложиться на полъ и, смотря назадъ, черезъ лобъ, на валегаго пріятеля, стоящаго сзади, попросите его говорить. Такъ какъ нижняя его губа будетъ теперь занимать въ нашемъ глазу на ретинѣ мѣсто, занимаемое обыкновенно верхней, вы будете поражены тѣми необыкновенными и несоотвѣтствующими верхней губѣ движеніями, какія представляются вамъ здѣсь. Причина вашего изумленія будетъ зависѣть отъ того, что обычныя ассоціи движенія губъ съ тѣмъ смысломъ, который мы до извѣстной степени привыкли видѣть въ этихъ движеніяхъ, теперь нарушены, а потому мы получаемъ отъ этихъ движеній одно только голое, чувственное (зрительное) ощущеніе, а не воспріятіе части знакомаго намъ предмета (лица).

Повторяю еще разъ: такимъ образомъ, мы озадачиваемся вынужденными признать, что когда качества предмета даютъ впечатлѣніе въ нашемъ органѣ чувствъ и мы, благодаря этому, воспринимаемъ объектъ, тѣмъ не менѣе чистое ощущеніе этихъ качествъ не существуетъ, какъ таковое, внутри этого воспріятія и не образуетъ составной части этого послѣдняго. Чистое ощущеніе, это — одно, а воспріятіе — другое дѣло, такъ какъ ихъ мозговые условия — не одно и то же. Они могутъ быть сходны другъ съ другомъ, но ни въ какомъ отношеніи они не составляютъ тождественныхъ состояній мысли.

Возможно воспріятіе и определенныхъ, и вѣроятныхъ предметовъ. Главное мозговое условіе воспріятія, это — старые слѣды ассоціи, освѣщаемые лучами впечатлѣній, получившагося въ органѣ чувствъ. Если какое-нибудь впечатлѣніе прочно ассоциировано съ существенными свойствами (аттрибутами) извѣстной вещи, то эта вещь будетъ узнаваема, т. е. воспринята почти съ полной увѣренностью, разъ мы получили это впечатлѣніе. Примѣрами такихъ предметовъ могутъ служить знакомыя лица,

мѣста и т. п., которые мы узнаемъ и называемъ сразу. Но если впечатлѣніе ассоціировано больше чѣмъ съ одной реальностью, такъ что можетъ возбудить каждое изъ двухъ отдѣльныхъ комплексовъ остальныхъ свойствъ, то воспріятіе будетъ возбуждать сомнѣніе, колебаться, и наибольшее, что мы можемъ о немъ сказать, это то, что оно будетъ воспріятіемъ вѣроятнаго предмета или предмета, который по большей части давалъ намъ такое ощущение.

Въ этихъ сомнительныхъ случаяхъ замѣчательно то, что воспріятіе рѣдко бываетъ не законченнымъ: нѣкоторое воспріятіе все же получается. Два различныхъ комплекса (или группы) ассоціированныхъ свойствъ не обезсиливаетъ (не нейтрализуютъ) другъ друга и не смѣшиваются въ смутное пятно. Обыкновенно случается такъ, что сперва мы увидимъ во всей полнотѣ одинъ изъ вѣроятныхъ предметовъ, а затѣмъ другой, и также въ совершенно полномъ образѣ. Другими словами, всѣ мозговые процессы таковы, что способны дать намъ то, что можно назвать фигурнымъ (образнымъ, то есть дающимъ цѣльную фигуру) сознаниемъ. Если слѣды въ мозгу вполнѣ проложены, они проложены всегда въ связной

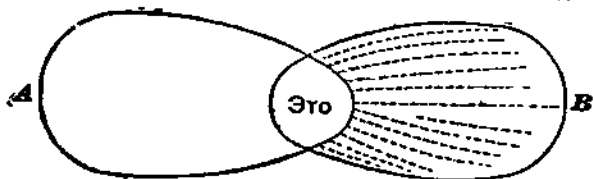


Рис. 60.

системъ, а потому производить и мысли объ определенныхъ предметахъ, а не простой винегретъ изъ разныхъ элементовъ. Даже тамъ, гдѣ отправления мозга на половину разстроены, какъ, напр., въ афазіи или въ отрывочныхъ сновидѣніяхъ, этотъ законъ образнаго (фигурнаго) сознания остается прочнымъ. Человѣкъ, который читаетъ вслухъ въ состояніи мгновенно наступившей дремоты, продолжаетъ читать, хотя бы и неправильно, но не такъ, чтобы вычитывать несуществующія, нелѣпыя слова, а только другія слова, сходныя съ напечатанными, но всегда цѣльныя и вѣрныя сами-по-себѣ, напр., вмѣсто «столъ» онъ можетъ прочесть «столъ», или измѣнить цѣлую фразу, составивъ новую, однако, изъ определенныхъ словъ, и эту фразу или вставить между другими фразами книги, или замѣнить ею ту, которая есть въ книгѣ. То же самое и въ афазіи: пока болѣзнь еще не сильно развилась, пациентъ употребляетъ цѣлыя ошибочныя слова, вмѣсто тѣхъ, какія желаетъ сказать. Только въ очень сильныхъ степеняхъ развитія болѣзни онъ начинаетъ произносить почти несочлененные звуки. Эти факты доказываютъ, какъ утонченна ассоціонная цѣпь; какъ нѣжна, а въ то же время и прочна та связь между мозговыми слѣдами, которая заставляетъ какое угодно число ихъ, — разъ они были возбуждены вмѣстѣ, — вибрировать въ послѣдствіи въ систематической, цѣлой фигурѣ. На прилагаемомъ рисункѣ читатель можетъ видѣть наглядное изображеніе вышесказаннаго. Маленькая группа элементовъ (напр., качества предмета), обозначенная въ серединѣ рисунка словомъ «это», представляетъ общее достояніе двухъ системъ A и B (рис. 60). Если случилось такъ, что какой-нибудь одинъ

пунктъ, ведущій отъ «эго» къ A, временно мѣнѣе проходитъ, чѣмъ какой-либо пунктъ, ведущій къ B, то это позначительное преимущество B должно нарушить равновѣсіе между A и B въ пользу всей системы B и токи направляются сперва черезъ этотъ болѣе проходимый пунктъ въ системѣ B, а отсюда на всѣ слѣды этой же системы, дѣлая появленіе въ системѣ A все болѣе и болѣе невозможнымъ каждымъ своимъ дальнѣйшимъ распространениемъ. Мысли, соотносящіяся къ A и B, будутъ имѣть въ этомъ случаѣ разныя, хотя и похожіе (кое въ чемъ) объекты. Однако, это сходство будетъ состоять въ нѣкоторыхъ весьма ограниченныхъ чертахъ, если «это» было мало. Такимъ образомъ, самыя утонченныя ощущенія дадутъ возможность возникать воспріятію определенныхъ предметовъ, если только они напоминаютъ тѣ ощущенія, которыя нужны для возникновенія въ мысли этихъ предметовъ.

Иллюзіи. — Позвольте намъ теперь, для краткости, принять, что A и B, на томъ-же рисункѣ, обозначаютъ предметы, а не мозговые процессы (или системы ихъ). И позвольте предположить дальше, что A и B суть такіе предметы, которые могутъ (вѣроятно) возбудить оба то ощущеніе, которое я называю «это»¹⁾, но въ настоящемъ случаѣ дѣйствуетъ A, а не B. Если, значитъ, въ данномъ случаѣ, «это» возбудитъ A, а не B, то въ результатѣ будетъ «правильное воспріятіе». Но если, наоборотъ, «это» возбудитъ B, а не A, то въ результатѣ будетъ «ошибочное воспріятіе», или, какъ его называютъ специально, — иллюзія. Однако, вы видите, что процессъ и тутъ тотъ же самый, будетъ-ли воспріятіе вѣрно или ошибочно.

Замѣтимъ, что въ каждой иллюзіи ошибочно то, что явилось результатомъ вывода, а не то, что дано непосредственно. Если бы «это» чувствовалось одно и само себѣ, оно было бы вполнѣ правильно. Неправильнымъ оно становится только по тому предмету, образъ котораго пробуждается. Если, наприм., «это» есть зрительное впечатлѣніе, оно можетъ возбудить въ насъ образъ, положимъ, «осызаемаго предмета», который, при дальнѣйшемъ осязательномъ опытѣ, окажется не тѣмъ, за что мы его приняли. Такъ называемыя «ошибки органовъ чувствъ», которыми древними скептиками давалось такъ много объясненій, суть не ошибки самихъ чувствъ, а скорѣе ошибки ума, истолковывающаго невѣрно то, что дается чувствами²⁾.

Послѣ этихъ длинныхъ предварительныхъ разсужденій, позвольте намъ рассмотреть нѣсколько ближе эти иллюзіи... Объектъ воспринимается не вѣрно или потому, 1) что, хотя въ данномъ случаѣ, дѣйствительнымъ возбудителемъ ощущенія «это» является не тотъ предметъ, который вызванъ въ умъ, но этотъ предметъ является обычнымъ, укоренившимся или наиболѣе вѣроятнымъ его возбудителемъ; или потому, 2) что нашъ умъ, въ данное время, поглощенъ мыслью

¹⁾ Напомнимъ, что подъ терминомъ «это», авторъ подразумеваетъ то общее свойство, которое имѣется у двухъ предметовъ, изъ которыхъ одинъ только производитъ впечатлѣніе (т. е. имѣется въ наличности). Ред.

²⁾ Въ журналѣ „Mind“, т. IX, стр. 206, А. Бине указываетъ на тотъ фактъ, что ошибочные выводы всегда составляютъ объекты какого нибудь иного чувства, а не того, которому дано „это“. Оптикозрительныя (зрительныя) иллюзіи суть вообще заблужденія осязательнаго и мышечнаго чувства: ошибочно воспріятіе предметовъ и искаженіе ихъ очертаній, въ обычныхъ этихъ случаяхъ, осязательно.

объ известномъ предметѣ, и потому «это» особенно склонно возбудить его образъ въ данный моментъ.

Я дамъ кратко нѣсколько примѣровъ иллюзій того и другого рода. Особенно важны тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ типу, поставленному нами первымъ, такъ какъ онъ включаетъ въ себя нѣсколько постоянныхъ иллюзій, свойственныхъ каждому человѣку и отъ которыхъ можно избавиться только многочисленными опытами.

○ Иллюзій первого типа.—Одинъ изъ самыхъ старинныхъ образчиковъ этого типа относится ко временамъ Аристотеля. Скрестите два пальца и начните катать между ними горошину, хлѣбный шарикъ или какойнибудь другой маленькій предметъ. Вы будете ощущать, что у васъ между пальцами не одинъ, а два шарика. Профессоръ Крумъ Робертсонъ далъ самостоятельный анализъ этой иллюзій. Онъ замѣчаетъ, что если предметъ будетъ приведенъ сперва въ соприкосновение съ указательнымъ пальцемъ, а затѣмъ съ среднимъ, то два соприкосновения явятся исходящими изъ двухъ различныхъ точекъ пространства. Ощущеніе указательнаго пальца кажется лежащимъ болѣе высоко, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ ниже; прикосновение



Рис. 61.

же средняго пальца кажется ниже, хотя въ дѣйствительности этотъ палецъ выше. «Мы воспринимаемъ прикосновение, какъ двойное, потому что относимъ его къ двумъ различнымъ частямъ пространства». Тѣ стороны пальцевъ, къ которымъ мы прикасаемся шарикомъ, когда они скрещены, не бываютъ нормально вмѣстѣ, и обычно не могутъ осязать одновременно одного и того же предмета; поэтому

то одинъ предметъ, осязаемый ими теперь совмѣстно, кажется находящимся въ двухъ разныхъ мѣстахъ, т. е. кажется двумя предметами.

✻ Здѣсь мы находимъ полное совпаденіе съ той иллюзіей, которая происходитъ отъ зрительнаго ощущенія, истолковываемаго нами согласно общему правилу его появленія, хотя, въ данномъ случаѣ, это ощущеніе вызвано не обычнымъ предметомъ. Примѣромъ можетъ служить стереоскопъ. Въ стереоскопѣ каждый глазъ видитъ свою особую картинку, но различіе этихъ картинокъ не велико, а именно: та изъ нихъ, на которую смотритъ правый глазъ, сдѣлана съ той точки зрѣнія на изображенный предметъ, которая лежитъ нѣсколько правѣе отъ той точки зрѣнія, съ которой сдѣлана картинка, находящаяся передъ лѣвымъ глазомъ. Но такъ какъ въ дѣйствительности всегда, когда мы смотримъ на какойнибудь «объемный» (выпуклый или входящій въ глубину) предметъ, наши оба глаза видятъ его не вполне одинаково, а правый глазъ видитъ немножко больше правую сторону, а лѣвый—лѣвую, то очевидно, что и изображенія этого предмета на двухъ сѣтчатыхъ оболочкахъ не вполне одинаковы, т. е. они обыкновенно и естественно бываютъ именно такими, какими сдѣланы два нѣсколько разныхъ рисунка въ стереоскопѣ. Поэтому мы воспринимаемъ эти оба рисунка такъ, какъ привыкли воспринимать всегда подобныя же изображенія на двухъ сѣтчаткахъ, т. е. мы видимъ какъ-бы стоящій «объемный» предметъ (выпуклый и входящій въ глубину), а не плоскостное изображеніе, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Если мы переставимъ картинку одну на мѣсто другой, то увидимъ предметъ уже не выпуклымъ, а вогну-

тымъ, т. е. какъ бы пустую оболочку предмета, обращенную къ намъ своей пустотой, и это опять таки потому, что такого рода предметы должны обыкновенно и всегда давать на нашихъ двухъ сѣтчаткахъ именно такія изображенія. Инструментъ, изобрѣтенный Уитстономъ (Wheatstone) и называемый псевдоскопомъ, даетъ намъ возможность смотрѣть на дѣйствительный «объемный» предметъ и видѣть каждымъ глазомъ изображеніе его, обыкновенно попадающее въ другой глазъ. Въ такомъ случаѣ, мы видимъ его также вогнутымъ, а не выпуклымъ, конечно, въ томъ случаѣ, если это такой предметъ, который можетъ быть выгнутымъ (т. е. пустымъ), но не иначе. Такимъ образомъ, процессъ воспріятія остается вѣрнъ своему закону, который всегда состоитъ въ реакціи на ощущеніе опредѣленнымъ и обычно-фигурнымъ способомъ, если это возможно, или возможно—обычнымъ способомъ, если данный случай это допускаетъ. То есть, напр., человѣческое лицо въ псевдоскопѣ никогда не кажется вогнутымъ (пустымъ и обращеннымъ къ намъ пустотой), потому что сочетаніе лица съ вогнутостью уничтожаетъ все, къ чему мы привыкли относительно лица. Но той же причинѣ, очень легко превратить вдавленное изображеніе лица (ниталъ) въ выпуклое изображеніе или увидѣть, внутреннюю, не раскрашенную сторону маски въ выпукломъ видѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она вогнутая и т. п.

Любопытныя иллюзій относительно движенія предметовъ происходятъ тогда, когда глазныя яблоки наши движутся незамѣтно для насъ самихъ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что первоначальное зрительное ощущеніе движенія производится какимъ либо изображеніемъ, проходящимъ по ретинѣ. Однако, первоначально, это ощущеніе не приписывается ни предмету, ни нашимъ глазамъ. Этотъ опредѣленный выводъ возникаетъ позднѣе и подчиняется нѣкоторымъ простымъ законамъ. Когда мы думаемъ, что нашъ глазъ неподвиженъ, а, между тѣмъ, изображеніе движется по нашей сѣтчатой оболочкѣ, мы увѣрены, что это движется внѣшній предметъ. Отсюда возникла всѣмъ известная иллюзій, состоящая въ томъ, что если мы вертима нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ вдругъ останавливаемся, то намъ кажется, что предметы начинаютъ, въ теченіи нѣкотораго времени, двигаться мимо насъ въ томъ направленіи, въ какомъ только что поворачивалось наше тѣло. Причина этого явленія состоитъ въ томъ, что, при этихъ условіяхъ, нашими глазными орбитами овладѣваетъ непроизвольное колебаніе, такъ называемое nystagmus, которое можно наблюдать у каждаго, кто испытываетъ головокруженіе послѣ того, какъ онъ нѣсколько времени вертится на одномъ мѣстѣ. Всѣ такія движенія (глазъ) безсознательны, а потому естественно, что получаемыя при этомъ ощущенія движенія на ретинѣ приписываются внѣшнимъ объектамъ, а не самому глазу. Все это явленіе исчезаетъ совершенно черезъ нѣсколько секундъ. Его можно прекратить и произвольно, устремивъ глаза на одну точку.

Есть иллюзій противоположнаго сорта, съ которыми каждый знакомъ, кто отправлялся на поѣздѣ съ какойнибудь желѣзнодорожной станціи. Обыкновенно, когда мы сами движемся впередъ, все поле нашего зрѣнія скользитъ по ретинѣ въ обратную сторону. Но когда мы движемся въ вагонѣ, имѣющемъ окна, въ каретѣ или на лодкѣ, однимъ словомъ, когда наше движеніе зависитъ отъ движенія тѣхъ предметовъ, въ которыхъ мы сидимъ, то всѣ неподвижные предметы, видимые нами въ окно, даютъ

намъ такое ощущение, какъ будто они движутся въ направленіи, обратномъ нашему движению. Поэтому, когда-бы мы ни испытали такого ощущения отъ окна съ предметами, видимыми черезъ него, и которые движутся въ одномъ направленіи, мы реагируемъ на это ощущение привычнымъ образомъ, т. е. воспринимаемъ (признаемъ), что мы сами выскочимъ съ окномъ движемся по этому полю зрѣнія, которое неподвижно, — какъ это и бываетъ обыкновенно въ действительности. Но, благодаря этому-же, если, наоборотъ, нашъ поездъ стоитъ на станціи, а другой подходитъ или отходитъ, и мы видимъ въ окно только его движущіе вагоны, а въ полѣ нашего зрѣнія нѣтъ никакихъ другихъ предметовъ, видимыхъ черезъ окно, кромѣ этихъ движущихся вагоновъ, заполняющихъ все поле нашего зрѣнія, то мы получаемъ ощущение, что нашъ поездъ двинулся съ мѣста, а что движущійся поездъ стоитъ. Однако, если, въ это время, намъ удастся увидѣть, хотя мелькомъ, черезъ окна движущагося поезда или въ промежуткахъ между его вагонами, какую нибудь часть станціи, иллюзія въ то же мгновеніе моментально исчезаетъ, и мы воспринимаемъ, что движется только этотъ (другой) поездъ. Эта иллюзія производится также благодаря привычному выводу изъ нашихъ ощущений.

Еще одна иллюзія, обязательная движению, объяснена Гельмгольцемъ. Многие предметы, находящіеся по сторонамъ дороги, — деревья, дома и т. п. кажутся маленькими, если на нихъ смотрѣть въ окно быстро мчащагося поезда. Это зависитъ отъ того, что въ первое мгновеніе мы воспринимаемъ ихъ, какъ будто-бы они находились гораздо ближе къ намъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Но почему-же они кажутся намъ ближе, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ? Потому что мы привыкли къ нижеслѣдующему опыту нашего зрѣнія: всѣ предметы, какъ уже было сказано, кажутся намъ движущимися въ направленіи, обратномъ нашему движению; но, чѣмъ ближе къ намъ предметы, тѣмъ они движутся (видимо) съ большей быстротой передъ окнами вагона, а предметы задняго плана — наоборотъ. Поэтому сравнительная быстрота этого кажущагося движенія предметовъ такъ ассоціировалась съ ихъ близостью, что, когда мы видимъ быстро движущіеся передъ окномъ вагона предметы, мы считаемъ ихъ близкими. Но, конечно, если, напр., на нашей ретинѣ является вѣсколко предметовъ одинаковой величины, то тотъ изъ нихъ, который къ намъ ближе, долженъ быть, при этой видимой величинѣ, меньше и наоборотъ. Поэтому-то въ поезде, чѣмъ онъ идетъ скорѣе, тѣмъ ближе къ намъ должны казаться деревья и дома, проносящіеся мимо оконъ; но чѣмъ ближе они намъ кажутся, тѣмъ меньшими они должны казаться при данной величинѣ ретинального образа.

Причинами иллюзіи относительно величины и разстоянія предметовъ могутъ быть также и конвергенція (сведеніе зрительныхъ осей), и аккомодация, и такая иллюзія относится къ тому-же типу.

Иллюзія второго типа. — Въ этомъ типѣ мы воспринимаемъ ложный предметъ потому, что нашъ умъ поглощенъ мыслью о немъ въ данный моментъ и какое-нибудь ощущение, связанное съ нимъ даже въ самой отдаленной степени, даетъ толчокъ уже готовой идѣи, отчего мы получаемъ ощущение, что этотъ предметъ, действительно, находится передъ нами. Вотъ всѣмъ известный образчикъ:

«Если охотникъ, подстерегающій тетерева, видитъ птицу, имѣющую

приблизительно величину и цвѣтъ тетерева, которая поднималась и летитъ сквозь листву, а онъ не имѣетъ времени рассмотреть больше того, что это — птица той же величины и цвѣта, онъ тотчасъ получаетъ путемъ вывода и другіе признаки тетерева, и лишь убивъ его, убѣждается, къ немалой своей досадѣ, что застрѣлил не тетерева, а дрозда. Со мною случалось такое происшествіе, и я едва-едва могъ повѣрить, что птица, въ которую я стрѣлялъ, была дроздомъ, до такой степени полно было умственное дополненіе, сдѣланное мною къ зрительному воспріятію»¹⁾.

Съ мерещущимися врагами, духами и т. п. случается такая же иллюзія, какъ и съ дичью. Кто нибудь, поджидая въ темномъ мѣстѣ, съ предосторожностями или страхомъ, появленіе извѣстнаго существа, будетъ истолковывать себѣ каждое свое мимолетное ощущение присутствіемъ этого существа. Дѣти, играющія въ прятки, преступникъ, скрывающійся отъ своихъ преслѣдователей, суевѣрный человѣкъ, пробирающійся черезъ лѣсъ или кладбище въ полночь, человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, дѣвушка, которая назначила трепеща, свиданіе вечеромъ молодому человѣку, пѣ являются жертвами иллюзіи зрѣнія и слуха, заставляющихъ сердца биться до тѣхъ поръ, пока эта иллюзія не прогнапа. Влюбленный утѣряетъ двадцать разъ въ день, что видитъ передъ собой шляпку своей милой, о которой онъ мечтаетъ, бродя по улицамъ.

Иллюзіи корректоровъ. — Я вспоминаю одну ночь, въ Бостонѣ, когда, ожидая вагона въ «Mount Auburn», который долженъ былъ перенести меня въ Кембриджъ, я прочиталъ очень отчетливо это имя на доскѣ вагона, на которой (какъ я убѣдился потомъ) было написано «North Avenue». Иллюзія была такъ велика, что я едва могъ повѣрить, что мои глаза обманули меня. При каждомъ чтеніи случается нѣчто подобное.

«Лица, напратиковавшіеся въ чтеніи газетъ и романовъ, не могли бы, вѣроятно, читать такъ быстро, еслибы внимательно всматривались въ каждую букву, каждое слово, съ цѣлью воспринять слова. Больше половины словъ они дополняютъ изъ мысли и едва ли половину берутъ изъ того, что напечатано. Если бы было иначе, если бы мы замѣчали каждую букву въ отдѣльности, то типографскія опечатки въ хорошо знакомыхъ намъ словахъ никогда не проходили бы незамѣченными. Дѣти, идущихъ еще не достаточно готовы, чтобы воспринимать слова однимъ взглядомъ, читаютъ ихъ не вѣрно, если они не вѣрно напечатаны, т. е. совершенно точно, согласно напечатанному. На иностранныхъ языкахъ, хотя для письма и печати употреблялись тѣ же буквы, тотъ же алфавитъ, мы читаемъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ менѣе намъ понятно содержаніе книги и чѣмъ труднѣе намъ схватывать сразу смыслъ словъ. Но за то мы легче замѣчаемъ при этомъ опечатки. Поэтому-то латинскія, греческія и еврейскія книги печатаются съ меньшими корректурными ошибками, такъ какъ опечатки замѣчаются легко, чѣмъ въ сочиненіяхъ на родномъ языкѣ. Изъ двухъ моихъ друзей, одинъ хорошо знаетъ еврейскій языкъ, другой — немного; однако, послѣдній даетъ уроки еврейскаго языка въ гимназіи и когда онъ пригласилъ перваго проверить сочиненія своихъ учениковъ, то долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ самъ онъ былъ способенъ

¹⁾ Romanes: Mental Evolution in Animals, p. 324.

къ числу моихъ собственныхъ воспоминаній. Я лежалъ на моей койкѣ на пароходѣ и прислушивался къ вознѣ матросовъ на палубѣ; вдругъ, обративъ глаза къ окну, я увидѣлъ совершенно ясно главного машиниста нашего парохода, вошедшаго въ мою каюту и смотрѣвшаго въ окно на людей, работавшихъ на вахтѣ. Пораженный его неожиданнымъ появленіемъ и его неподвижностью, я сталъ молча наблюдать за нимъ и все больше удивлялся, что онъ такъ долго остается въ моей каютѣ, не двигаясь. Наконецъ, я заговорилъ, но не получилъ никакого отвѣта. Я сѣлъ на свою койку и только тогда увидѣлъ, что принялъ за машиниста мою шапку и пальто, висѣвшія на гвоздѣ рядомъ съ окномъ. Иллюзія была полная. У машиниста парохода была довольно оригинальная наружность, и я видѣлъ его несомнѣнно, но по исчезновеніи иллюзіи тщетно усиливался найти какое-либо сходство между моей шляпой и пальто и этимъ человекомъ.

«Апперцепція».—Въ Германіи, начиная съ Гербарта, психологія придавала большее значеніе процессу, названному «апперцепціей», и много имъ занималась.

По этой теоріи, входящая въ воспріятіе идея или ощущеніе замѣчаются, схватываются («апперцепируются») «массой» идей, уже существующихъ въ умѣ. Ясно, что процессъ, который мы только описали подъ именемъ перцепціи, есть, въ этомъ отношеніи, процессъ апперцептивный. Таковы всѣ узнаванія, классифицированія и наименованія; переходя за эти простѣйшія сужденія, всѣ дальнѣйшія мысли относительно нашихъ «перцептовъ» (т. е. вещей, которые мы восприняли), являются точно также апперцептивными. Самъ я не употреблялъ слова «апперцепція», такъ какъ оно выражаетъ мнѣнія, значительно различающіяся другъ отъ друга въ исторіи философіи, а «психическія реакціи», «истолкованія» (интерпретаціи), «концепціи», «ассимиляціи» (уподобленія), «элаборации» (вырабатыванія) или просто «мышленіе» (мысль) представляютъ только синонимы мысли Гербарта о нихъ, если ее взять шире. Кромѣ того, едва ли нужно пытаться анализировать такъ называемые апперцептивные процессы дальше того, что можно назвать первой или перцептивной стадіей, такъ какъ видоизмѣненія и степени ихъ буквально неисчислимы. «Апперцепція» есть названіе для всей суммы результатовъ того, что мы называли и изучили подъ именемъ ассоціаціи. И очевидно, что то, какіе образы возбуждѣтъ въ человѣкѣ данный опытъ, зависитъ отъ того, что Льюисъ называетъ «совокупностью психологическихъ условий» человека, его природой и основнымъ запасомъ его идей или, говоря иначе, — отъ его характера, привычекъ, памяти, воспитанія, прежняго опыта и временнаго настроенія. Мы не выигрываемъ нисколько въ болѣе знаніи того, что происходитъ въ дѣйствительности въ мысли или мозгу, если назвать все это «апперцептивной массой», хотя, конечно, могутъ быть случаи, когда такой терминъ удобенъ. Въ общемъ же, я склоненъ думать, что терминъ Льюиса, «ассимиляція», есть одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ.

«Апперцептивная масса» считается нѣмецкими психологами дѣятельнымъ факторомъ, а апперцепируемыя ощущенія — пассивными элементами, такъ какъ ощущенія обыкновенно видоизмѣняются идеями въ мысли

Изъ взаимодействій тѣхъ и другихъ порождается познаніе. Но, какъ замѣтилъ Штейнталь, сами апперцепирующія массы часто измѣняются ощущеніями. Вотъ что онъ говоритъ: «Хотя моментъ а priori (изнутри) оказывается обыкновенно самымъ важнымъ, но можетъ случиться такой апперцепционный процессъ, въ которомъ новыя наблюденія преобразуютъ или обогащаютъ саму воспринимающую группу идей. Ребенокъ, который до сей поры не видѣлъ никакихъ другихъ столовъ, кромѣ четырехугольныхъ, апперцепируетъ и круглый, какъ столъ; но, благодаря этому, его апперцепирующая масса («столъ») обогатилась. Къ его прежнему знанію о столахъ присоединилась та новая черта, что столъ не долженъ быть обязательно четырехугольнымъ, но можетъ быть и круглымъ. Въ исторіи науки случалось довольно часто, что какое-нибудь открытіе, одновременно съ тѣмъ, какъ оно было апперцепировано, т. е. приведено въ связь съ системой нашихъ знаній, преобразовывало всю систему. Однако, въ принципѣ мы должны принять, что, хотя каждый изъ двухъ факторовъ (ощущенія и идея изнутри) можетъ быть и активнымъ и пассивнымъ, но факторъ а priori почти всегда болѣе дѣятеленъ»¹⁾.

Геній и шаблонность мысли.—Это объясненіе Штейнтала дѣлаетъ чрезвычайно яснымъ различіе между нашими психологическими концепціями и тѣмъ, что называется концепціями въ логикѣ. Въ логикѣ концепція неизмѣнима; но то, что популярно называется «нашими понятіями (концепціями) о вещахъ» измѣняется при употребленіи. Цель науки — достигнуть такихъ концепцій, которыя болѣе соответствовали бы реальности (были адекватны ей) и достигали въ этомъ такой точности, что-бы она никогда не имѣла надобности измѣнять ихъ. Въ каждомъ умѣ существуетъ вѣчно продолжающаяся борьба между стремленіемъ сохранить неизмѣнными свои идеи и стремленіемъ обновить ихъ. Наше образованіе есть безпрестанный компромисъ между консервативными и прогрессивными фактами. Каждый новый опытъ долженъ быть подведенъ подъ какую-нибудь старую рубрику. Самымъ важнымъ пунктомъ при этомъ оказывается то, чтобы отыскать такую рубрику, которую нужно-бы было всего менѣе измѣнять, подводя подъ нее новый фактъ. Нѣкоторые уроженцы Полинезіи, видя въ первый разъ въ жизни лошадь, называли ее «свиньей», такъ какъ это была ближайшая рубрика, подъ которую ее можно было подвести. Мой сынъ, двухлѣтокъ, цѣлую недѣлю игралъ съ апельсиномъ, даннымъ ему, называя его «ball» (мячикъ). Первое лицо, которое онъ увидѣлъ, было имъ названо; «картофелемъ», такъ какъ онъ привыкъ видѣть ранѣе только содержимое яйца, вылитое въ стаканъ, а картофель ему подавали безъ кожуры. Складной пробочникъ онъ называлъ, не колеблясь, «плохими-ножницами». Едва-ли кто-нибудь изъ насъ можетъ легко создать новую рубрику, когда является совершенно новый опытъ. Большинство становится все болѣе и болѣе рабами основныхъ концепцій, къ которымъ они привыкли, и становится все менѣе и менѣе способнымъ усвоить новое впечатлѣніе какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ стараго. Говоря кратко, «шаблонность ума», это

¹⁾ Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. (1881). Стр. 171.

неизбѣжный предѣлъ, къ которому жизнь влечетъ насъ. Объекты, нарушающіе установившіяся привычки нашей «апперцепціи», мы просто стараемся обходить вовсе безъ объясненія; или, если какое-нибудь обстоятельство вынуждаетъ насъ принять ихъ во вниманіе, то уже на другой день мы опять игнорируемъ ихъ, и изъ нашего ума исчезаютъ малѣйшіе слѣды этихъ не ассимилированныхъ фактовъ. Геній заключается на самомъ дѣлѣ почти только въ томъ, чтобы воспринимать вещи не путемъ обычнымъ.

Съ другой стороны, ничто такъ не свойственно человѣку, съ ранняго дѣтства и до конца жизни, какъ эта способность ассимилировать новое со старымъ, вводить каждаго дерзкаго нарушителя привычныхъ рубрикъ въ хорошо извѣстные намъ ряды концепцій. Эта побѣдоносная ассимиляция новаго есть на самомъ дѣлѣ типъ всякаго умственного удовольствія. Кажда такого ассимилированія есть научная любознательность. Намъ кажется чудомъ, возбуждающимъ удивленіе, то отношеніе новаго факта къ старымъ рубрикамъ, которое предшествуетъ ассимиляціи; т. е. все, что мы еще не успѣли подвести подъ рубрику, вызывающіе наше удивленіе и мы называемъ это чудомъ. Мы не чувствуемъ ни любопытства, ни удивленія относительно предметовъ, стоящихъ настолько выше нашего пониманія, что у насъ нѣтъ никакого концепта (понятія), къ которому было бы можно отнести ихъ, или какого-нибудь образца, которымъ можно бы было ихъ измѣрить¹⁾. Дарвинъ рассказываетъ, что фиджійцы, удивляясь на маленькіе европейскіе ботики, смотрѣли на большіе корабли, какъ на самыя обыкновенныя вещи. Только то, что мы хотя отчасти знаемъ, вызываетъ въ насъ желаніе узнать о себѣ и больше. Самыя сложныя по устройству фабрики ткацкаго производства, самыя огромныя сооруженія изъ металла также мало удивительны для многихъ изъ насъ, какъ воздухъ, вода и земля, такъ какъ представляются намъ такими-же безусловными существованіями, какъ и эти послѣднія, и потому не вызываютъ въ насъ никакихъ идей. Дѣло весьма обыкновенное, когда надпись на мѣдной дощечкѣ болѣе или менѣе красива, и это насъ не удивляетъ. Но если намъ показываютъ такую-же надпись, сдѣланную перомъ, наша личная симпатія къ трудности задачи заставляетъ насъ немедленно чувствовать удивленіе при видѣ та-

¹⁾ Важное правило въ педагогикѣ состоитъ въ томъ, чтобы каждый новый кусокъ знанія свести на какое-нибудь другое, возбуждавшее прежде любопытство, т. е. ассимилировать его содержаніе какимъ-либо способомъ съ тѣмъ, что уже извѣстно. Отсюда-то и получается преимущество системы «сравненія всего, что отдаленно и чуждо, съ чѣмъ нибудь такимъ, что есть около родного дома, дѣлая неизвѣстное дополненіемъ образцамъ извѣстнаго и связывая все преподаваемое съ личнымъ опытомъ учениковъ... Если, напр., преподаватель объясняетъ разстояніе солнца отъ земли, онъ можетъ спросить: «Если-бы кто-нибудь, находясь на солнцѣ, выстрѣлилъ въ насъ изъ пушки, чтобы мы стали дѣлать?..» И если бы отвѣтъ былъ таковъ: «Я отошелъ-бы въ сторону», то учитель могъ бы отвѣтить: «Этого совсѣмъ не нужно. Вы покойно могли-бы спать въ вашей комнатѣ и одну ночь, и другую и такъ до того времени, когда вы пойдете въ первый разъ къ причастію (до двѣ конфирмаціи), вы можете успѣть выучиться какому-нибудь ремеслу и стать такимъ-же старымъ, какъ я, и только тогда пущенное ядро могло бы приблизиться къ вамъ и вамъ пришлось бы отскочить. Вотъ какъ велико разстояніе земли отъ солнца!» (K. Lange: Ueber apperception. 1879 г., стр. 76).

кого искусства. Одна старая дама, восхищаясь картиною академика, спросила у него: «И вы дѣйствительно сдѣлали все это рукой?»

Физиологическій процессъ въ воспріятіи (перцепціи).—Теперь было достаточно сказано, чтобы указать общій законъ перцепціи, который таковъ: «когда часть того, что мы воспринимаемъ, входитъ черезъ наши чувства отъ объекта, находящагося передъ нами, другая часть (и она можетъ быть болѣе обширной частью) всегда приходитъ отъ нашего собственнаго ума.

Въ сущности это только частный случай общаго факта, что наши первыя центры суть органы для реагированія на впечатлѣнія чувствъ, и что наши мозговые полушарія, въ частности, даны намъ затѣмъ, чтобы замѣтки о нашемъ прошломъ частичномъ опытѣ могли кооперировать (взаимо-дѣйствовать) въ этой реакціи. Конечно, это положеніе, въ своей общей формѣ, — смутно. Если мы хотимъ дать ему болѣе точное выраженіе, то должны признать самымъ естественнымъ объясненіемъ слѣдующее: мозгъ реагируетъ (т. е. обратно дѣйствуетъ на впечатлѣнія) тѣми слѣдами, которые оставилъ въ немъ предыдущій опытъ, и которые заставляютъ насъ узнавать предполагаемую (вѣроятную) вещь, т. е. вещь, которая всего чаще вызывала реакцію въ прежнихъ случаяхъ. Реакція полшарій состоитъ въ освѣщеніи извѣстной системы слѣдовъ посредствомъ тока, входящаго изъ вѣшняго міра. Умственно этому соответствуетъ нѣкоторый спеціальныи пульсъ мышленія, именно мышленія объ этомъ болѣе вѣроятномъ предметѣ. Дальше этого нашъ анализъ едва ли можетъ идти.

Галлюцинація. Мы уже видѣли, что между дѣйствительнымъ воспріятіемъ и галлюцинаціей нѣтъ рѣзкаго перерыва, — такъ, у обоихъ процессъ одинъ и тотъ же. Та иллюзія, которую мы рассмотрѣли послѣдней, можетъ быть названа галлюцинаціей. Въ обыкновенной рѣчи, галлюцинацію принято различать отъ иллюзіи тѣмъ, что въ этой послѣдней есть какой-нибудь реальный предметъ, но принимаемый не за то, что онъ представляетъ на самомъ дѣлѣ, тогда какъ въ галлюцинаціи нѣтъ вовсе никакого объективнаго стимула (возбужденія). Мы теперь увидимъ, что такое опредѣленіе галлюцинаціи ошибочно и что галлюцинаціи часто суть лишь крайнія степени процесса воспріятія, когда вторичныя мозговыя реакціи превышаютъ всякую нормальную пропорцію относительно того вѣшняго стимула, который вызвалъ ихъ дѣятельность. Обыкновенно галлюцинаціи являются внезапно, сразу, и имѣютъ такой характеръ, какъ будто онъ навязаны субъекту. Но онъ обладаетъ различными степенями кажущейся объективности. Необходимо остерегаться нижеслѣдующаго заблужденія: часто говорятъ о галлюцинаціяхъ, какъ объ образахъ, относимыхъ вонъ по ошибкѣ. Но тамъ, гдѣ имѣется полная галлюцинація, дѣло заходитъ гораздо дальше умственного образа. Разсматриваемая субъективно, галлюцинація есть ощущеніе столь же ясное и полное, какъ если бы оно было ощущеніемъ, получаемымъ отъ настоящаго реального предмета. Но предмета, воспринимаемаго въ галлюцинаціи, тутъ нѣтъ, — вотъ и все.

Среднія степени галлюцинацій называли псевдо-галлюцинаціями. Разницу между ними и настоящими галлюцинаціями стали рѣзко отличать лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Отъ обыкновенныхъ образовъ памяти

или воображения псевдо-галлюцинации отличаются темъ, что онѣ болѣе ярки (живы), отчетливы въ подробностяхъ, кратки, внезапны и произвольны въ томъ смыслѣ, что у насъ отсутствуетъ всякое ощущение, которое бы говорило намъ, что производимъ ихъ мы сами. У д-ра Кавдинскаго былъ пациентъ, который, послѣ приема опія или гашиша, имѣлъ множество псевдо-галлюцинацій и настоящихъ галлюцинацій. Такъ какъ онъ обладалъ сильной зрительной воспроизводительностью и былъ однимъ изъ образованныхъ врачей, то при видѣ зрительныхъ заблужденій, о которыхъ мы говорили, ему было легко сравнить ихъ между собою. Псевдо-галлюцинации, хотя и проектируются (относятся) во внѣшній міръ (обыкновенно не дальше границы отчетливаго видѣнія, т. е. около фута), но у нихъ нѣтъ характера объективной реальности, свойственной галлюцинаціямъ; однако, онѣ не похожи и на образы воображенія, такъ какъ ихъ нельзя, почти невозможно, вызвать по произволу. Большая часть «голосовъ», слышимыхъ людьми (даютъ им они или не даютъ обманъ полной объективности), суть псевдо-галлюцинаціи. Ихъ описываютъ, какъ «внутренніе» голоса, хотя характеръ ихъ совершенно не похожъ на внутреннюю речь людей, когда они говорятъ сами съ собою. Я знаю многихъ субъектовъ, слышавшихъ такіе внутренние голоса, какъ бы вставляющія свои непредвидѣнныя замѣчанія, выслушиваемыя покойно и со вниманіемъ. Все это—обычные случаи при употребленіи и, въ концѣ концовъ, могутъ развиться въ полныя галлюцинаціи, относимыя вонѣ. Эти послѣднія сравнительно часто случаются въ спорадической формѣ. Изъ результатовъ статистическаго изслѣдованія о галлюцинаціяхъ («Census of Hallucinations»), начатаго Эдмондомъ Гернесомъ, можно бы сдѣлать выводъ, что одно лицо изъ десяти (говоря приблизительно) должно имѣть, хотя-бы разъ въ жизни, яркую галлюцинацію. Нижеслѣдующій случай относительно совершенно здоровой особы даетъ идею о томъ, что такое эти галлюцинаціи:

«Будучи дѣвушкой 18 лѣтъ, я вела очень мучительный для меня разговоръ съ однимъ лицомъ гораздо старше меня. Мое огорченіе было такъ сильно, что я, взявъ толстую костяную вязальную иглу, лежавшую на каминѣ, изломала ее на мелкие куски, не замѣчая этого. Въ срединѣ спора мнѣ очень захотѣлось узнать мнѣніе моего брата, съ которымъ мы были необыкновенно дружны. Я повернула голову и увидѣла его на отдаленной сторонѣ стола въ позѣ, необычной для него, а именно—со сложенными на груди руками. Въ моему огорченію, я замѣтила на его губахъ усмѣшку, выразившую, какъ мнѣ показалось, что онъ не симпатизируетъ тому, что я говорила, т. е. не «держится моей стороны», какъ я тогда выразилась мысленно. Эта неожиданность охладила меня, и споръ былъ прерванъ. Нѣсколько минутъ спустя, я снова обернулась къ брату, такъ какъ мнѣ было нужно что-то сказать ему. Но его не было. Я спросила у окружающихъ: «Куда онъ ушелъ?» Но они отвѣтили, что его въ комнатѣ вовсе не было. Я не повѣрила имъ, предполагая, что, быть можетъ, онъ вошелъ въ комнату на минуту и не былъ никѣмъ замѣченъ, а затѣмъ также незамѣтно ушелъ. Однако, когда часа черезъ полтора онъ вернулся домой, и я узнала отъ него, что весь этотъ вечеръ онъ былъ далеко отъ дома».

Въ состояніи горячечнаго бреда имѣется смѣсь псевдо-галлюцинацій, настоящихъ галлюцинацій и иллюзій. Въ этомъ состояніи онѣ напоми-

наютъ галлюцинаціи, происходящія отъ приѣмовъ опія, гашиша или белладонны. Наиболее обыкновенная галлюцинація, это—галлюцинація слуха, когда вамъ кажется, что кто-то называетъ васъ по имени. Почти половина спорадическихъ случаевъ, которые я собралъ, принадлежатъ къ этому сорту.

Галлюцинація и иллюзіи. У лицъ, склонныхъ къ гипнотическому состоянію, достаточно словеснаго внушенія, чтобы вызвать галлюцинацію. Такъ, укажите подобному субъекту пятно на бумагѣ и скажите, что это, положимъ, фотографія съ генерала Гранта, и вашъ субъектъ будетъ видѣть фотографическій портретъ этого генерала, вмѣсто пятна. Пятно даетъ объективную кажущуюся образъ, а внушенное понятіе о генералѣ даетъ ему форму. Затѣмъ было испытано увеличеніе этого пятна при посредствѣ ободко-выпуклаго стекла, удвоеніе его посредствомъ призмы или сжатіемъ глазъ (давленіемъ на глазъ яблокомъ), отраженіе его въ зеркалѣ, поворачиваніе верхомъ внизъ и, наконецъ, стираніе его, и пациентъ во каждомъ изъ этихъ опытовъ давалъ соответствующій отвѣтъ: то ему видѣлось, что «портретъ» увеличился, то онъ удвоился или отразился въ зеркалѣ, или казался стоящимъ вверхъ ногами, а когда пятно было стерто, исчезъ и портретъ. По терминологіи А. Бине, пятно, принимаемое за портретъ, есть вѣнчанный point de repère, нужное для того, чтобы придать объективность вашему внушенію, такъ какъ безъ этого пятна мы имѣли бы только умственный образъ въ умѣ испытываемаго субъекта. Такіе вѣнчанные points de repère имѣютъ, какъ доказываетъ Бине, важное значеніе въ огромномъ количествѣ не только гипнотическихъ галлюцинацій, но и галлюцинацій у душевно-больныхъ. У этихъ послѣднихъ они часто бываютъ односторонними т. е. пациентъ слышитъ голоса всегда на одной своей сторонѣ, или видитъ фигуры только тогда, когда открытъ одинъ лишь его глазъ. Во многихъ такихъ случаяхъ доказано вполнѣ точно, что болѣзненное возбужденіе во внутреннемъ ухѣ или потягиваніе въ жидкостяхъ глаза было исходной точкой того нервнаго тока, который въ больныя слуховыхъ и зрительныхъ центрахъ вызывалъ особые продукты (образы) посредствомъ идей, свойственныхъ пациенту. Галлюцинація, порождаемая этимъ путемъ, суть «иллюзіи», и теорія Бине, утверждающая, что всѣ галлюцинаціи должны имѣть исходнымъ пунктомъ периферію, можетъ быть названа попыткой привести галлюцинаціи и иллюзіи къ физиологическому типу, а именно къ типу, къ которому принадлежитъ и нормальный процессъ. Въ каждомъ случаѣ, какъ думаетъ Бине, мы и въ воспріятіи, и въ иллюзіи, и въ галлюцинаціяхъ получаемъ требуемую яркость и живость образовъ посредствомъ токовъ, исходящихъ отъ периферическихъ нервовъ. Они могутъ быть даже только слѣдами тока. Но этихъ слѣдовъ достаточно для того, чтобы вызвать максимальный процессъ разложенія (дисинтеграціи) въ нервныхъ клеткахъ (см. выше) и дать восприимаемому предмету характеръ объективности. Каковъ будетъ характеръ (природа) объекта, будетъ зависѣть вполнѣ отъ той частной системы слѣдовъ, въ которыхъ возбудится процессъ. Извѣстная часть объекта во всѣхъ случаяхъ (т. е. и въ простомъ воспріятіи, и въ галлюцинаціяхъ, и въ иллюзіи) приходитъ отъ органа чувствъ, а все остальное дается мыслью. Но путемъ внутренняго самонаблюденія мы не можемъ различать, что идетъ извнѣ и что—изнутри, и наша формула для цѣлаго результата состоитъ

только въ томъ, что мозгъ реагируетъ, въ концѣ концовъ, на впечатлѣніе.

Теорія Бине объясняетъ значительное количество случаевъ, но, конечно, не всѣ. Призма не всегда удваиваетъ ошибочное изображение, а это послѣднее не всегда исчезаетъ, когда глаза закрыты. По Бине, не нормальная или исключительно дѣятельная часть мозговой коры даетъ природу того образа, который долженъ литься, — тогда какъ периферическіе чувственные органы одни только могутъ дать интенсивность, достаточную для того, чтобы заставить этотъ образъ казаться перенесеннымъ во внѣшнее пространство. Но такъ какъ интенсивность есть, въ концѣ концовъ, только вопросъ о степени, то трудно понять, почему, при нѣкоторыхъ рѣдкихъ условіяхъ, требуемая степень не можетъ быть достигнута исключительно внутренними причинами. Въ этихъ случаяхъ, у насъ могли бы быть галлюцинаціи, имѣющія начало въ центральной области, совершенно такъ же хорошо, какъ галлюцинаціи, начинающіяся въ периферіи и которыя считаются Бине единственно возможными. Такимъ образомъ, въ цѣломъ, кажется вѣроятнымъ, что галлюцинаціи могутъ имѣть начало и въ центральной области мозга. Другой вопросъ, насколько часто онѣ случаются. Существованіе галлюцинацій, принадлежащихъ болѣе тѣмъ одному чувству, представляетъ аргументъ за центральное ихъ происхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, принимая, что видимый предметъ можетъ имѣть свой исходный пунктъ во внѣшнемъ мірѣ, необходимо допустить, что голосъ, слышимый при этомъ извнѣ, обязанъ вліянію, исходящему отъ зрительной области, т. е. долженъ имѣть центральное происхожденіе.

Спорадическіе случаи галлюцинацій, посѣщающихъ людей однажды въ теченіе всей ихъ жизни (что, повидному, представляетъ наиболѣе обыкновенный типъ) не легко объяснимы въ своихъ деталяхъ какой-бы то ни было теоріей. Часто они чрезвычайно полны. И тотъ фактъ, что многія изъ нихъ описываются, какъ веридикальныя, т. е. какъ совпадающіе съ дѣйствительными происшествіями, какими нибудь катастрофами, чьей либо смертью и т. п., у тѣхъ лицъ, которыя ихъ видятъ, есть лишь добавочное усложненіе явленій.

Первое, дѣйствительно научное изученіе галлюцинацій въ ихъ всевозможныхъ отношеніяхъ, было пачато Эдмундомъ Гернеемъ и продолжалось другими членами Общества для Психическихъ Исслѣдованій. Статистическое же изученіе теперь примѣняется къ нимъ въ различныхъ странахъ подъ руководствомъ «Международнаго конгресса Экспериментальной психологіи». Можно падѣяться, что изъ всѣхъ этихъ соединенныхъ трудовъ родится что либо солидное. Собираются факты относительно двигательнаго автоматизма (непроизвольныхъ, машинальныхъ движеній), относительно транса, и т. п. Только обширнымъ сравнительнымъ изученіемъ могутъ быть получены результаты, дѣйствительно, внушительныя¹⁾.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Воспріятіе пространства.

Каждый взрослый человѣкъ обладаетъ опредѣленнымъ и повидному мгновеннымъ знаніемъ объ объемѣ, величинѣ и разстояніи предметовъ, среди которыхъ онъ живетъ и движется. Кроме того, каждый изъ насъ обладаетъ практически опредѣленнымъ понятіемъ о всей великой безконечной непрерывности пространства, въ которомъ движутся міры и въ которомъ имѣютъ мѣсто всѣ существующія вещи. Тѣмъ не менѣе, какотся очевиднымъ, что міръ ребенка смутенъ и неясенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какимъ образомъ возникаетъ и развивается наше знаніе о пространствѣ? Это — одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ психологіи. Настоящая глава поповоль должна быть настолько кратка, что въ ней не будетъ мѣста для полемическихъ и историческихъ точекъ зрѣнія на этотъ предметъ, и я установлю здѣсь лишь просто и догматически тѣ выводы, которые мнѣ кажутся наиболѣе правильными.

Качествомъ величины (или объемности) обладаютъ всѣ ощущенія, точно такъ же какъ и качествомъ напряженности или силы. Мы называемъ раскатъ грома или шумъ бури болѣе сильнымъ или могучимъ, чѣмъ скрипъ грифеля объ аспидную доску; ощущеніе отъ входа въ теплую ванну кажется намъ болѣе массивнымъ, чѣмъ ощущеніе отъ укола булавкой; легкая невралгическая боль въ лицѣ, тонкая, какъ прикосновеніе паутины, чувствуется нами какъ имѣющая гораздо меньшую величину, сравнительно съ мучительной болью отъ обжога или отъ нервныхъ коликъ и боли въ поленицѣ; солнце кажется намъ меньше полуденнаго поба. Ощущеніе мускульнаго, какъ и ощущенія, порождаемыя полукруглыми каналами, имѣютъ для насъ объемъ. Не безъ того же и ощущенія вкусовые и обонятельныя; объемностью обладаютъ въ замѣтной степени и ощущенія нашихъ внутреннихъ органовъ.

Ощущенія ихъ переполненности или пустоты, одышки, сердцебиенія, головной боли — вотъ образчики чувствованій этого рода и, конечно, не менѣе пространственно, имѣющееся у насъ, знаніе нашихъ общихъ тѣлесныхъ состояній, каковы: тошнота, жаръ, солливость и усталость. Наше цѣлоскубическое содержаніе является, такимъ образомъ, чувственно проявляющимся для насъ, какъ таковое, и чувствуется гораздо болѣе широкимъ (въ пространственномъ смыслѣ), чѣмъ какая нибудь мѣстная пульсація, давленіе или неудобство. Однако, кожа и слѣпая оболочка глаза суть органы, въ которыхъ пространственные элементы играютъ самую дѣятельную роль. Не только максимальная обширность, даваемая ретиной, превосходитъ также же максимумы, даваемые другими органами чувствъ, но и та точность, съ какой наше вниманіе способно подраздѣлять эти пространственныя представленія и замѣчать, что они составлены изъ меньшихъ частей, одновременно существующихъ рядомъ другъ съ другомъ, не имѣетъ ничего

¹⁾ Авторъ настоящаго сочиненія состоитъ агентомъ «Статистическаго отдѣленія» для Америки и будетъ очень благодаренъ за сообщеніе свѣдѣній о случаяхъ галлюцинацій зрѣнія, слуха и т. п., извѣстныхъ читателямъ.

себѣ подобнаго въ другихъ органахъ. Слухъ даетъ большіе размѣры, чѣмъ кожа, но онъ значительно менѣе способенъ ихъ подраздѣлять. Кромѣ того, здѣсь обширность одинаково велика, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ направленіи. Ея измѣренія такъ смутны, что въ звукѣ не можетъ быть вопроса о поверхности, какъ о чемъ-то противоположномъ глубинѣ; «объемъ» вотъ лучшее наименованіе для того ощущенія, о которомъ мы говоримъ здѣсь.

Ощущенія разныхъ порядковъ могутъ быть грубо сравниваемы другъ съ другомъ относительно объема. — Слѣпорожденные, какъ говорятъ, поражены обширностью, въ какой имъ представляется предметъ, когда ихъ зрѣніе восстановлено. Французъ рассказываетъ о своемъ пациентѣ, у котораго были сняты катаракты: «онъ видѣлъ все въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагалъ на основаніи своихъ осязательныхъ ощущений. Предметы движущіеся и въ особенности живыя существа казались ему чрезвычайно большими».

Громкіе звуки вызываютъ въ насъ ощущенія чего-то неизмѣримо огромнаго. «Блестящіе предметы — говоритъ Герингъ, — даютъ намъ воспріятіе, которое кажется обладающимъ большимъ мѣстомъ въ пространствѣ (ganzhaft), чѣмъ предметы съ не блестящей окраской поверхности. Раскаленное желѣзо кажется свѣтящимся и въ доль и въ глубину, и то же мы видимъ относительно пламени». Внутренность собственного рта кажется каждому изъ насъ болѣе обширной, когда мы судимъ о ней по осязательнымъ ощущеніямъ языка, чѣмъ тогда, когда мы разсматриваемъ ее глазами (въ зеркало). Яма, оставленная въ деснѣ только что вырваннымъ зубомъ, какъ и движеніе вырываемаго зуба кажутся почти чудовищными. Мотылька, забравшаяся въ ухо и жужжащая около барабанной перепонки, кажется такой-же большой, какъ бабочка. Давленіе воздуха барабанной полости на барабанную перепонку даетъ удивительно обширныя ощущенія.

Объемистость ощущенія, кажется, имѣетъ очень мало отношенія съ величиной органа, доставляющаго это ощущеніе. Слуховой органъ и глазъ — сравнительно самыя небольшія органы, а, между, тѣмъ они даютъ намъ ощущенія огромнаго размѣра. Тотъ же недостатокъ точной пропорціи между величиной ощущенія и величиной части воспринимательнаго органа оказывается въ предѣлахъ одного какого нибудь органа. Предметъ кажется меньшимъ на боковыхъ частяхъ свѣтатки, чѣмъ въ желтомъ пятнѣ, какъ это легко проверить, держа два указательныхъ пальца параллельно, въ двухъ дюймахъ отъ глаза и переводя взглядъ глаза отъ одного на другой: тогда пальцы, на которые мы смотримъ вносъ, будутъ казаться болѣе тонкими. На кожѣ, если двѣ точки берутся въ разныхъ мѣстахъ, но постоянно при одинаковомъ разстояніи между ними (напр., прикосновеніемъ двухъ пальцевъ циркуляра, установленныхъ неподвижно относительно другъ друга), это разстояніе будетъ казаться неодинаковымъ въ разныхъ мѣстахъ кожи. Такъ, напр., если мы будемъ проводить этими ножками по кожѣ лица, то испытуемая особа будетъ чувствовать, что она какъ бы раздвигается около губъ. И это преувеличеніе размѣровъ имѣетъ около рта опредѣленное пространство кожи, образующее вокругъ него ичто въ родѣ эллипса.

Теперь я выскажу мой первый тезисъ. Онъ состоитъ въ томъ, что эта экстенсивность, различаемая въ каждомъ ощущеніи и во

всѣхъ ихъ, хотя и развитая болѣе въ однихъ, чѣмъ въ другихъ, есть первоначальное ощущеніе пространства, изъ котораго выводятся процессами различенія, ассоціаціи и подбора все точное знаніе о пространствѣ, какое мы впоследствии постепенно приобретаемъ.

Построеніе реального пространства. — Для ребенка, впервые открывающаго свои чувства вѣшнему міру, хотя опытъ состоитъ только въ одномъ, — въ обширности или протяженности, эта протяженность такова, что въ ней еще не обозначены опредѣленныя дѣленія, направленія, величины или разстоянія. Потенціально, комната, въ которой рождено дитя, подраздѣлима на множество частей, неподвижныхъ и подвижныхъ, кото-

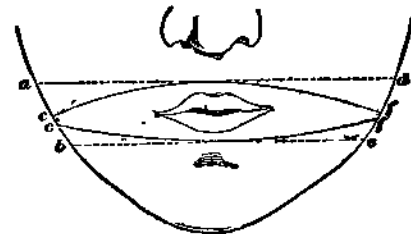


Рис. 62. Линіями изъ точекъ обозначено реальный ходъ ножки циркуля, а линіями непрерывными, — то, какъ этотъ ходъ кажется.

рыи въ каждый данный моментъ времени имѣютъ опредѣленныя отношенія другъ къ другу и къ личности этого ребенка. Потенціально, эта комната, взятая, какъ цѣлое, можетъ быть продолжена новорожденнымъ въ разныхъ направленіяхъ посредствомъ прибавленія въ ней тѣхъ дальшележащихъ пространствъ, которыя составляютъ вѣшній міръ. Но, въ дѣйствительности, дальнѣйшее пространство не ощущается, а раздѣленія его не различаются ребенкомъ; главная часть его воспитанія, въ теченіе первыхъ лѣтъ, состоитъ въ томъ, что онъ начинаетъ приобретать знакомство съ ними и познавать, и отождествлять ихъ въ деталяхъ. Этотъ процессъ можетъ быть названъ процессомъ построенія различнаго пространства, какъ вновь воспринятаго объекта изъ первоначальнаго хаотическаго опыта «обширности». Процессъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ соподчиненныхъ процессовъ:

Во первыхъ: цѣлый объектъ зрѣнія или осязанія, въ какое либо время, долженъ былъ раздѣлиться на отчетливо различаемые меньшіе объекты, имѣющіеся въ немъ.

Во вторыхъ: объекты видимые или производящіе вкусовые впечатлѣнія, должны отождествляться съ объектами осязаемыми, слышимыми и т. д., и обратно, такъ что «вещь» можетъ узнаваться, какъ та же самая, хотя познана она будетъ самыми различными путями¹⁾.

¹⁾ Напр., зрительное впечатлѣніе отъ апельсина отождествляется съ обонятельнымъ, осязательнымъ и вкусовымъ впечатлѣніемъ отъ него; благодаря этому, достаточно, напр., почувствовать вѣстный запахъ (апельсиновый), чтобы сказать, — закрывъ глаза, — что, передъ нами — апельсинъ, т. е. тотъ-же самый предметъ, который мы знаемъ зрительно, какъ этотъ самый.

Въ третьихъ: цѣлое протяженіе предмета, чувствуемое въ какое либо время, должно быть понято, какъ опредѣленно находящееся въ данномъ мѣстѣ (локализованное), среди окружающихъ протяженностей, изъ которыхъ состоитъ міръ.

Въ четвертыхъ: эти объекты должны быть расположены въ опредѣленномъ порядкѣ, въ такъ называемыхъ трехъ измѣреніяхъ; и

въ пятыхъ: ихъ относительныя величины должны быть восприняты, т. е. они должны быть измѣрены.

Позвольте намъ разсмотрѣть эти процессы въ правильномъ порядкѣ.

1) Подраздѣленіе и различеніе.—По этому вопросу намъ нечего прибавлять много къ сказанному въ главѣ XIV. Движущіяся части, острые и яркоосвѣщенные части всего поля воспріятія «притягиваютъ къ себѣ вниманіе» и, благодаря этому, различаются какъ особые предметы, окруженные всѣмъ остальнымъ, находящимся въ полѣ зрѣнія или осязаемомъ. Тотъ фактъ, что, когда эти предметы различены отдѣльно, они должны явиться окруженными, необходимо устанавливается какъ окончательный фактъ нашего чувственного воспріятія, о которомъ не можетъ быть дано дальнѣйшихъ объясненій. Позднѣе, послѣ того, какъ одинъ за другимъ выдѣленные предметы этого рода станутъ знакомы ребенку настолько, что онъ узнаетъ ихъ, вниманіе можетъ привлекаться не однимъ, а нѣсколькими предметами сразу. Тогда мы видимъ или вообще ощущаемъ нѣсколько различныхъ предметовъ рядомъ другъ съ другомъ въ общемъ полѣ протяженности. «Нахожденіе рядомъ» является первоначально въ смутномъ видѣ; оно не можетъ еще идти объ руку съ чувствомъ опредѣленныхъ направленій или разстояній: его слѣдуетъ считать конечнымъ фактомъ нашей способности чувственного воспріятія.

2) Сочетаніе различныхъ ощущенію въ опредѣленную (т. е. признаваемую «этой самой») «вещь» или «предметъ». Когда два органа чувствъ получаютъ одновременно впечатлѣнія, мы склонны отождествлять предметы, вызывавшіе наше впечатлѣніе, какъ одинъ (или одинъ и тотъ же) предметъ. Когда проводникъ электрическаго тока подводится близко къ нашей кожѣ, мы слышимъ трескъ, видимъ искру и чувствуемъ уколъ: все это локализируется (помѣщается) нами вмѣстѣ (въ одномъ предметѣ) и считается лишь различными видами, съ разныхъ точекъ зрѣнія, одной сущности, т. е. «электрическаго разряда». Пространство, занимаемое видимымъ проводникомъ, сливается съ пространствомъ слышимого объекта (треска искры) и объекта чувствуемого (укола или содроганія отъ разряда); и это происходитъ въ силу конечнаго закона нашей сознательности, состоящаго въ томъ, что мы упрощаемъ, объединяемъ и отождествляемъ все, что только можно и насколько возможно. Всякое «данное» чувственного опыта, которое мы схватываемъ вмѣстѣ съ другими, мы и помѣщаемъ вмѣстѣ. Ихъ различныя протяженія кажутся единымъ протяженіемъ. Мѣсто, въ которомъ появляется каждое изъ нихъ, считается нами тѣмъ же самымъ мѣстомъ, въ которомъ являются и другія. Это первый и великій «актъ», посредствомъ котораго міръ, окружающій насъ, получаетъ свое расположеніе въ пространствѣ.

Въ этомъ сочетаніи въ «вещь», одно изъ сочетающихся ощущеній принимается нами какъ должствующее быть самой вещью, а другія ощу-

щенія считаются ея болѣе или менѣе случайными свойствами или способами проявленія. То ощущеніе, которое избирается для того, чтобы считаться существеннымъ въ данномъ объектѣ, есть то, которое наиболѣе постоянно и важно практически; всего чаще, это—ощущеніе твердости или вѣса. Но твердость или вѣсъ иногда не бываютъ безъ осязательнаго ощущенія нѣкоторой величины, а такъ какъ мы всегда можемъ видѣть что-либо въ нашихъ рукахъ, когда чувствуемъ осязательно, что въ нихъ что-то находится, то мы и уравниваемъ объемъ, чувствуемый осязаніемъ, съ объемомъ, видимымъ глазомъ, а затѣмъ уже далѣе этотъ общій объемъ способны также фигурировать, какъ сущность «вещи». Часто въ видѣ такого существеннаго свойства вещи фигурируетъ его внѣшній видъ, иногда температура, иногда вкусъ и т. п. Но, по большей части,—температура, запахъ, звукъ, цвѣтъ и всякія другія явленія могутъ,—вызывая въ насъ яркое впечатлѣніе одновременно съ величиной видимой или осязаемой,—фигурировать въ числѣ свойствъ предмета изъ разряда не существенныхъ (акцидентальныхъ). Правда, запахъ и звукъ производятъ на насъ впечатлѣніе и тогда, когда мы не видимъ вещи или не прикасаемся къ ней; но они сильнѣе, когда мы одновременно видимъ или осязаемъ предметъ, такъ что мы локализуемъ источникъ этихъ свойствъ въ томъ мѣстѣ пространства, которое видимъ или осязаемъ, между тѣмъ, какъ самыя свойства (запахъ, звучаніе) мы считаемъ проносающимися въ слабой формѣ въ пространствѣ, наполненномъ другими предметами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ намъ важно, чтобы читатель замѣтилъ, что чувственные данныя,—пространства которыхъ сочетаются въ одно пространство,—даются различными органами чувствъ. Такія данныя не имѣютъ наклонности замѣнять другъ друга въ сознаніи, но могутъ быть узнаваемы всѣ вмѣстѣ сразу. Часто они измѣняются въ соотвѣтствіи съ этими и достигаютъ вмѣстѣ своего максимума. Значитъ, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что общее правило нашей мысли состоитъ въ локализованіи въ каждомъ другомъ ощущеніи всѣхъ ощущеній, которыя ассоциированы вмѣстѣ, благодаря одновременности своего появленія въ нашемъ опытѣ, а не интерферируютъ,—т. е. не вторгаются нарушающимъ образомъ,—въ каждое другое воспріятіе.

3) Ощущеніе окружающаго міра. — Разныя впечатлѣнія одного и того же органа чувствъ интерферируютъ съ каждымъ другимъ воспріятіемъ того же органа и не могутъ быть сразу хорошо восприняты вмѣстѣ съ этими другими. Поэтому мы не локализуемъ ихъ въ одномъ и томъ же пространствѣ вмѣстѣ со всѣми другими одновременными ощущеніями того же органа, но располагаемъ ихъ въ извѣстные ряды по степени ихъ внѣшняго проявленія, при чемъ каждое помѣщается рядомъ съ другими въ пространствѣ болѣе, чѣмъ то, какое приноситъ намъ съ собою одно ощущеніе. Обыкновенно мы можемъ отыскать какой-нибудь предметъ, утерянный изъ нашего поля зрѣнія, посредствомъ движенія глазами по тому направленію, въ какомъ исчезъ этотъ предметъ; и благодаря-то этимъ постояннымъ перемѣнамъ, каждое поле видимыхъ предметовъ начинается въ концѣ концовъ мыслиться нами, какъ имѣющее всегда нѣкоторый «ореолъ» изъ другихъ вещей, которыя мы можемъ увидѣть, вещей, разбѣженныхъ въ разныхъ на-

движений вокруг данного предмета. В то же время, движения, сопутствующие этой перемене полей зрения, чувствуются и вспоминаются также; и вот, постепенно (путем ассоциаций) то одно, то другое движение выступает в нашей мысли, вызывая ощущение того или другого протяжения введенного нового объекта. Точно также, постепенно, по мере того, как роды объектов бесконечно изменяются, мы отвлекаемся от их различий (различных их природ) и начинаем мыслить отдельно—только их протяженности, о которых мы сохранили в памяти только протяженности различных наших движений, как единственный постоянный показатель и спутник этих объектов. Отсюда мало-по-малу мы начинаем мыслить о движении и видеть протяженность, как взаимно связанные друг с другом, пока, наконец, не доходим до того, что считаем их синонимами, а затем уже пустое пространство начинает обозначать для нас просто место для движения и, если мы психологи, то можем легко, но ошибочно приписать «мышечному» (мышечному) чувству главную роль в восприятии протяженности вообще и всюду.

4) Порядок рядов в локализации (размещении объектов в пространстве).—Мышечное чувство играет значительную роль в определении порядка расположения предметов видимых, осязаемых или слышимых. Мы смотрим на какую-нибудь точку; другая точка на сетине привлекает наше внимание, и в одно мгновение мы обращаем на нее желтое пятно, заставляя ее изображение падать постепенно на все точки той линии, которая соединяет на сетине ее первоначальное положение с первой точкой, на которую мы сначала смотрели. Значит, линия, пройденная так быстро второй точкой, является сама зрительным объектом, у которого на концах находятся точки—первая и вторая. Она разделяет точки, которые становятся размещенными ее длиной, служащей определением положения и той, и другой. Если наше внимание будет привлечено еще и третьей точкой, лежащей еще дальше на периферической части сетины, тем же лежит вторая, то потребуются еще большее движение глазного яблока, чтобы привести эту третью точку на желтое пятно, а продолжение прежней линии до этой третьей точки будет иметь результатом то, что теперь вторая точка очутится между первой и третьей. В каждое мгновение нашей жизни предметы, лежащие на периферии нашего зрительного поля, проводят линии, подобные вышеописанной, между собою и другими предметами, занимающими их место в нашем внимании, пока скоро мы переносим их в центр нашего зрительного поля. Всякая периферическая точка на сетине возбуждается этим способом линию, на конце которой она лежит, т. е. линию, являющуюся возможным движением, которое будет совершено; и даже неподвижное поле зрения вызывает в конце концов отгибание какой-нибудь системы положений, вызванной возможными движениями между его центром и периферическими частями.

То же самое происходит в коже и сочленениях. Двигая рукой по предметам, мы проводим линии направления, и на их концах возникают новые впечатления. Эти «линии» иногда намечаются на сочлененных поверхностях, иногда на коже; в некоторых случаях они дают определенный порядок расположения последовательных объектов, между кото-

рыми эти линии проходят. То же самое относительно звуковых и обонятельных ощущений. При известных положениях нашей головы, более различимы соответственные звуки и запахи. Вращая головой, делают эти опыты уточнения и доводят новый звук или новый запах до их максимума. Два звука или два запаха раздвигаются, таким образом, движением, оконченным там, где они кончаются, при чем самое движение реализовано—как пролететь через пространство, оценка которого дается отчасти посредством ощущения полукружных каналов, отчасти сочленений шейных позвонков и отчасти тем впечатлением, которое воспринимается глазом.

Таковыми общими принципами действия, как вышеописанные, все видимое, осязаемое, обоняемое или слышимое начинает размещаться в более или менее определенное положение относительно других побочных предметов, как имеющих действительно в наличности перед нами, так и воображаемых, как возможные здесь. Я сказал «побочные» предметы, так как предпочитаю не усложнять рассмотрение этого вопроса специальным рассмотрением так называемого «третьего измерения», расстояния, глубины.

5) Измерение предметов в терминах друг друга.—Очевидно с первого взгляда, что мы не имеем непосредственной способности сравнивать с некоторой точностью протяжения, возбуждаемые в нас различными ощущениями. Внутренность нашего рта кажется более обширной, если мы определяем ее языком, тем, если мы это делаем пальцем или глазами; наши губы чувствуются нами как нечто более широкое, тем участок кожи того же размера, взятый на бедре. Так в крайней мере кажется, когда сравнение производится непосредственно, а для более точных измерений мы должны прибегать к помощи других предметов.

Важнейшим посредником при сравнении протяжений, чувствуемых посредством одной чувствующей поверхности, с протяжением, чувствуемым другой, служит наложение, напр., наложение одной поверхности на другую или наложение одной вещи на многие поверхности.

Две поверхности кожи, расположенные одна на другую, чувствуются одновременно и, по закону, приведенному выше, о них судят, как о занимающих одинаковое место. Точно также и относительно руки, когда мы видим и чувствуем ее в одно и то же время посредством заключенной в ней осязательной чувствительности.

В этих отождествлениях и приведениях многого к единому, должно быть отмечено то, что когда приходят в столкновение присутствующие ощущения величины двух противоположаемых поверхностей, одно из ощущений избирается как верный показатель (или мерило), а другое как продукт иллюзии. Так предполагается, что пустота от вырванного зуба должно быть в действительности меньшей, тем конец пальца, который не войдет в эту пустоту, хотя она может чувствоваться более широкой. И вообще можно сказать, что рука, как почти исключительный орган осязания, дает определение всем

другим частямъ тѣла по своей величинѣ, вмѣсто того, чтобы опредѣлять свой размѣръ по нимъ.

Но хотя бы даже изслѣдованіе одной поверхности посредствомъ другой было невозможно, мы могли бы всегда измѣрять различныя наши поверхности посредствомъ другихъ таковыхъ же, прилагая одинъ и тотъ же протяженный предметъ поочередно, то къ одной, то къ другой изъ нихъ. Мы, конечно, могли бы сперва предполагать, что самъ предметъ, которымъ мы производимъ такое сравненіе, растетъ и увеличивается въ то время, какъ мы его переносимъ съ одного мѣста на другое; но принципъ невозможнаго упрощенія нашего міра скоро заставилъ бы насъ бросить это предположеніе, замѣнивъ его болѣе легкимъ, а именно, что объекты обыкновенно сохраняютъ свой объемъ и что многія изъ нашихъ ощущеній подвергаются заблужденіямъ, которыя должно постоянно приниматься въ расчетъ.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что на ретинѣ величины двухъ впечатлѣній (напр., линій или пятенъ), падающихъ на различныя области, чувствуются сразу, какъ стояція въ какомъ нибудь точномъ взаимномъ отношеніи. Но если впечатлѣнія идутъ отъ одного и того же предмета, то мы можемъ сдѣлать выводъ, что величина ихъ одна и та же. Однако, это мы можемъ предполагать лишь тогда, когда мы увѣрены, что отношеніе объекта къ глазу осталось совершенно неизмѣненнымъ. Если же предметъ, — напр., посредствомъ движенія, — измѣняетъ свое отношеніе къ глазу, то ощущеніе, возбужденное его образомъ даже въ одной и той же части сѣтчатки, становится настолько измѣнчивымъ, что, въ концѣ концовъ, мы не приписываемъ никакого абсолютнаго значенія какому бы то ни было пространственному ощущенію ретины, которое можемъ получить въ тотъ или другой моментъ. Это убѣжденіе въ неточности величины образовъ на ретинѣ становится до такой степени полнымъ, что почти невозможно сравнивать видимыя величины объектовъ, находящихся на различныхъ разстояніяхъ, не прибѣгая къ опытамъ съ наложеніемъ. Мы не можемъ сказать заранее, на какомъ разстояніи находится домъ или дерево, которые могутъ закрыть нашъ палецъ, если его держать передъ глазомъ. Различныя отвѣты на извѣстный вопросъ: «Какъ велика луна?» — при чемъ отвѣты варьируютъ отъ величины карточной марки до колеса, — показываютъ это съ поразительной наглядностью. Самая трудная часть, при обученіи юноши чертежному искусству, состоитъ въ томъ, чтобы научить его чувствовать попросту величину (конечно, примитивно ощущаемую) образовъ на ретинѣ, занимаемую различными предметами въ полѣ его зрѣнія. Чтобы этому научиться, онъ долженъ возстановить въ себѣ то, что Рёскингъ называлъ «невинностью глаза», т. е. родъ дѣтскихъ воспріятій пятенъ свѣта, какъ таковыхъ, безъ сознанія того, что они обозначаютъ.

() Для остальныхъ изъ насъ эта невинность утрачена. Изъ всѣхъ зрительныхъ величинъ каждаго познаннаго предмета мы выбрали одну, какъ «реальную», а всѣ остальные низвели до степени знаковъ этой реальной величины. Эта реальная величина предопредѣляется эстетическими и практическими интересами. Она есть величина, которую мы воспринимаемъ, когда предметъ находится на разстояніи, наиболѣе удобномъ для точнаго зрительнаго различенія его деталей. Это раз-

стояніе есть то, въ которомъ мы держимъ всякій предметъ, изслѣдуемый нами. Далѣе этого разстоянія, мы видимъ его очень малымъ, а на болѣе близкомъ разстояніи — черезчуръ большимъ. И черезчуръ малый, и черезчуръ большой видъ предмета исчезаютъ въ актѣ вызывающемъ тотъ образъ, который имѣетъ наиболѣе важное значеніе. Когда я смотрю вдоль обѣдennого стола, я не обращаю вниманія на то, что тарелки и стаканы, по мѣрѣ ихъ удаленія отъ меня, становятся все меньшими и меньшими сравнительно съ моимъ, ибо я знаю, что всѣ они равны по величинѣ; и ощущеніе, получаемое отъ нихъ, т. е. дѣйствительное наличное ощущеніе, затмевается въ сіяніи того знанія, которое я только воображаю.

То же самое и съ видомъ или формой предметовъ, что и съ ихъ величиной. Почти всѣ зрительныя формы предметовъ представляютъ собой то, что мы называемъ перспективными «измѣненіями». Четыре прямыхъ угла у столовъ представляются намъ двумя острыми и двумя тупыми углами; круги, нарисованные на нашихъ коврахъ, обояхъ или на листахъ бумаги, перспективно видятся нами — какъ эллипсы; параллели сходятся вдаль; человеческое тѣло укорачивается; а переходы отъ одной изъ этихъ измѣняющихся формъ къ другой безконечны и непрерывны. Однако, изъ этого потока измѣнчивыхъ формъ, мы всегда даемъ предпочтеніе одной фазѣ. Это — та форма, которую имѣетъ предметъ, когда мы видимъ его всего лучше и легче; а это случается тогда, когда наши глаза и предметъ находятся оба въ томъ положеніи, которое можно назвать нормальнымъ положеніемъ. Въ этомъ положеніи наша голова держится прямо, а наши зрительныя оси — или параллельны, или симметрично сходятся; плоскость предмета перпендикулярна къ зрительной плоскости, и если объектъ содержитъ много линій, онъ обращенъ къ намъ такой своей стороной, что эти линіи, насколько возможно, являются параллельными или перпендикулярными къ зрительной плоскости. Въ такомъ положеніи, мы сравниваемъ другъ съ другомъ всѣ фигуры (виды) предметовъ; при этихъ же условіяхъ дѣлаются всѣ точныя измѣренія и всѣ опредѣленія формъ.

Наибольшая часть ощущеній есть лишь знаки для насъ о другихъ ощущеніяхъ, пространственная цѣнность которыхъ принимается нами за болѣе реальную. Вещь въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась бы намъ въ «нормальномъ положеніи», всегда является передъ нашей мыслью, въ какомъ-бы зрительномъ видѣ или формѣ она ни оказывалась на нашей ретинѣ¹⁾. Только представленный въ своемъ нормальномъ положеніи, предметъ возбуждаетъ въ насъ увѣренность, что мы видимъ именно этотъ предметъ; въ противномъ случаѣ, мы говоримъ: «кажется этотъ предметъ». Опытъ и привычка быстро научаютъ насъ, однако, что кажущаяся фигура-предмета переходитъ въ реальную непрерывными ступенями. Они учатъ насъ, кромѣ того, что кажущееся и дѣйствительное могутъ очень странно смѣнить другъ друга. То фигура дѣйствительнаго круга можетъ обратиться въ кажущійся эллип-

¹⁾ Напр., кругъ, рассматриваемый вами въ перспективѣ, хотя и кажется глазу оваломъ, но, смотря на этотъ овалъ, вы умственнымъ взоромъ видите всегда кругъ; квадратъ вы видите умственно квадратнымъ, хотя на ретинѣ онъ имѣетъ форму, описанную выше.

сисъ, то эллипсисъ можетъ, будучи разсматриваемъ въ одномъ и томъ же направленіи, обратиться въ кажущійся кругъ; то прямоугольный крестъ получаетъ видъ косоугольного; то косоугольный—прямоугольного.

Почти всѣ формы косвеннаго зрѣнія могутъ, значить, считаться производными почти изъ каждой другой формы, получаемою въ нормальномъ положеніи, и мы должны научиться, когда къ намъ приходитъ одна изъ первыхъ «видимостей», переводить ее въ соответственную ей форму второго рода (т. е. полученную въ «нормальномъ положеніи»); мы должны узнать: знакомъ какой «зрительной реальности» служить тотъ или другой образъ, явившійся намъ. Узнавъ же это, мы должны подчиниться лишь закону экономіи или упрощенія, господствующему надъ всею нашей психической жизнью; этотъ законъ проявляется въ данномъ случаѣ въ томъ, что мы думаемъ исключительно о «реальномъ» образѣ предмета, и игнорируемъ настолько, насколько наша сознательность допускаетъ это,—тѣ «знаки», благодаря которымъ мы узнаемъ этотъ реальный образъ. Знаки каждаго реального предмета, который мы можемъ предположить за ними, многочисленны, а предметъ одинъ и неизмѣненъ, и мы выгадываемъ, получая одинъ и тотъ же умственный предметъ посредствомъ игнорирования знаковъ въ пользу самаго предмета; это же самое мы дѣлаемъ, когда покидаемъ умственные образы, со всѣми ихъ измѣняющимися чертами, для опредѣленнаго и неизмѣннаго «имени», возбуждаемаго въ насъ этими чертами. Подборъ, изъ хаоса нашихъ зрительныхъ опытовъ, различныхъ «нормально» видимыхъ образовъ, служащихъ тѣми реальными представителями вещей, о которыхъ мы будемъ думать, имѣетъ, такимъ образомъ, нѣкоторое сходство съ привычкой думать словами,—сходство въ томъ отношеніи, что и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ, мы замѣняемъ немногочисленными и стойкими терминами термины сложные, многочисленные и смутные.

И такъ, если зрительное ощущеніе можетъ быть только знакомъ, вызывающимъ другое ощущеніе того же органа чувствъ, считаемое болѣе реальнымъ, то а fortiori ощущенія одного органа чувствъ могутъ быть знаками такихъ реальностей, которые являются объектами другого органа чувствъ. Запахъ и вкусъ заставляютъ насъ (напр., въ темнотѣ) вѣрить, что передъ нами стоятъ видимые предметы, напр., бутылка съ одеколономъ, тарелка съ земляникой или сыръ. Зрительные образы вызываютъ въ насъ объекты осязанія, осязаніе вызываетъ объекты зрѣнія и т. д. Во всѣхъ этихъ подстановкахъ и возбуждаемыхъ вызовахъ объектовъ, единственный законъ, соблюдаемый прочно, состоитъ въ томъ, что вообще самое интересное изъ ощущеній, какия можетъ дать «предметъ», способно представлять его реальную природу болѣе вѣрно. Объ этой подбирающей дѣятельности, мы уже говорили ранѣе.

Третье измѣреніе или разстояніе.—Та услуга, какую оказываютъ намъ ощущенія, являясь «знаками», игнорируемыми нами, какъ только эти знаки вызвали другія ощущенія, которыя мы считаемъ имѣющими большее значеніе, было замѣчено впервые Берклемъ въ его теоріи зрѣнія. Онъ останавливается въ особенности на томъ фактѣ, что знаки не суть естественные знаки, но свойства предмета, только ассоциированные опытомъ съ болѣе реальнымъ его видомъ, который и вызывается этими знаками. Протяженное «осязаніе» предмета и зрительное «видѣніе» его

глазами не имѣютъ абсолютно ничего общаго,—говоритъ онъ,—и если я думаю о его «видѣ» въ то время, когда осязаю его, или, если думаю о его осязаемыхъ свойствахъ (твердости, мягкости, гладкости, шероховатости и т. п.), когда вижу его, то это обязано лишь тому факту, что я имѣю во многихъ прежнихъ опытахъ два этихъ ощущенія сразу. Напримѣръ, когда мы открываемъ глаза, намъ думается, что мы видимъ, какъ далеко находится отъ насъ предметъ. Но, согласно Берклею, это чувство разстоянія не можетъ быть ощущеніемъ ретины, такъ какъ точка во внѣшнемъ пространствѣ можетъ впечатлѣваться на нашей сѣтчатой оболочкѣ только какъ простое пятно, которое эта точка бросаетъ (проектируетъ) на «дно глаза», а такое пятно всегда одно и тоже для всякихъ разстояній. Разстояніе отъ глаза Берклей считаетъ вовсе не зрительнымъ объектомъ, а объектомъ осязанія, о которомъ у насъ имѣются зрительные «знаки» различнаго сорта, какъ, напр., кажущаяся величина изображенія, его «блѣдность» или «смутность», далѣе,—сила (напряженность) аккомодации (см. выше) и конвенгенция (сведенія осей). Подъ разстояніемъ, какъ объектомъ осязанія, Берклей понимаетъ то, что наше понятіе о немъ состоитъ изъ идей о суммѣ тѣхъ мышечныхъ движеній руки или ногъ, которыя требовались-бы для того, чтобы положить нашу руку на данный предметъ. Значительная часть психологовъ соглашалась съ Берклемъ въ томъ, что существо, не способное двигать своихъ глазъ или другихъ членовъ, не имѣло-бы понятія о какомъ-бы то ни было разстояніи или третьемъ измѣреніи.

Однако, этотъ взглядъ кажется мнѣ не вѣрнымъ. Я не могу упустить изъ вида того факта, что всѣ наши ощущенія объемны и что первичное поле зрѣнія (какъ-бы не могло быть несовершенно различіе или измѣреніе въ немъ разстояній) не можетъ быть чѣмъ-то плоскимъ, какъ доказываютъ единогласно упомянутые авторы. Я не могу обойти и того факта, что пространство, когда я вижу его, есть подлинное зрительное чувство, даже, если-бы я не могъ указать какого-либо физиологическаго процесса въ органѣ зрѣнія, измѣняющимся степенямъ котораго однообразно соответствовали-бы измѣняющіяся ощущенія разстоянія. Это послѣднее пробуждается въ насъ всѣми зрительными знаками, о которыхъ говоритъ Берклей, и еще многими другими, напр., бинокулярнымъ несовпаденіемъ Уитстона, паралаксомъ, образуемымъ незначительными движеніями головы и т. д. Однако, когда ощущенія разстоянія пробуждены, они кажутся зрительными, а не разнородными съ двумя остальными измѣреніями зрительнаго поля.

Взаимная равноцѣльность размѣровъ разстоянія (въ глубину) съ размѣрами въ высоту (сверху внизъ) и въ ширину (справа на лѣво), въ нашемъ полѣ зрѣнія, легко можетъ быть воспринята безъ помощи осязательныхъ ощущеній. Если бы мы могли вообразить существо, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ глазъ, мы все же должны были бы признать, что оно будетъ воспринимать, какъ и мы, пространство съ тремя измѣреніями, если только въ его распоряженіи будутъ наши мыслительныя способности. Вѣдь, сами движущіеся предметы, попеременно покрывающіе различныя части ретины, должны были бы опредѣлять взаимную равноцѣльность первыхъ двухъ измѣреній поля зрѣнія; а, путемъ возбужденія въ такомъ

существовѣ психологической причины воспріятія глубины въ ея различныхъ степеняхъ, — это существо установило бы шкалу равноцѣнности между двумя первыми измѣреніями и третьимъ.

Прежде всего, для этого было бы избрано одно изъ ощущений, даваемыхъ объектомъ, для представленія его реальной величины и вида, — согласно съ принципами, изложенными выше. Это одно ощущение дало бы измѣреніе даннаго присутствующаго «предмета», а этотъ предметъ измѣрялъ бы другія ощущения, при чемъ периферическая часть сѣтчатки была бы уравнена съ центральной путемъ полученія образа одного и того же предмета, то въ периферической, то въ центральной части ея. Это не требуетъ различеній къ томъ случаю, когда объектъ не измѣняетъ своего разстоянія отъ глаза или своего фронта передъ нимъ. Но предположимъ, что взять случай болѣе сложный, что, напримѣръ, предметъ этотъ — палка, видимая сперва во всю ея длину, а затѣмъ, при ея поворотѣ вокругъ одного своего конца; пусть этотъ неподвижный конецъ будетъ вблизи глаза. При этомъ движеніи палки, ея фигура будетъ постепенно укорачиваться; ея отдаленный конецъ будетъ казаться меньше и меньше отдаленнымъ отъ ея неподвижнаго ближайшаго конца, а скоро онъ и совсѣмъ скроется за этимъ послѣднимъ, а потомъ появится вновь на противоположной сторонѣ, пока образъ палки не дастъ въ концѣ концовъ ея первоначальной длины. Предположимъ, что это движеніе стало привычнымъ опытомъ; мысль будетъ предубѣжденно реагировать на него обычнымъ способомъ (т. е. объединяя всѣ данныя, какія объединить возможно), и будетъ считать его скорѣе движеніемъ неизмѣняющагося предмета, чѣмъ измѣненіемъ самаго предмета. И вотъ, ощущеніе глубины, которое она получить во время опыта, возбуждается болѣе тѣмъ его концомъ, который лежитъ дальше, чѣмъ концомъ ближайшимъ. Но насколько большой глубины? Что будетъ служить мѣриломъ ея величины? Ясно — что: вѣдь, въ тотъ моментъ, когда задній конецъ уже близится къ тому положенію, когда онъ скроется за ближайшимъ концомъ, разница между его разстояніемъ отъ насъ и разстояніемъ отъ насъ ближайшаго конца должна въ нашемъ сужденіи быть равна цѣлой длинѣ палки; но эта длина уже была видима нами и измѣрена известнымъ зрительнымъ ощущеніемъ отъ ея длины. Такимъ образомъ, мы находимъ, что данныя величины зрительнаго чувства глубины становятся знаками даннаго зрительнаго чувства глубины, при чемъ глубина становится равноцѣнной съ длиной. Измѣреніе разстоянія есть, — какъ правильно считалъ Берклеи, — результатъ мышленія и опыта. Но одинъ зрительный опытъ вполне достаточенъ, чтобы произвести его, а это Берклеи ошибочно отрицалъ ¹⁾.

¹⁾ Джемсъ упустилъ тутъ изъ вида одно обстоятельство, которое превосходитъ помилуй такой великій мыслитель, какъ Берклеи: какимъ образомъ существо, не вѣдающее въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ органовъ, кромѣ глаза, можетъ сдѣлать выводъ, что палка, уменьшающаяся передъ нимъ въ объемѣ до того, что становится точкой при поворачиваніи къ глазу однимъ концомъ, — дѣйствительно поворачивается, а не уменьшается, или не увеличивается, напр., подобно парѣ, облаку и т. п.?

Роль интеллекта (ума) въ воспріятіи пространства. Но хотя Берклеи ошибался, утверждая, будто бы изъ одного зрительнаго опыта не можетъ быть выведено никакой перцепціи разстоянія, онъ внесъ великій вкладъ въ психологію, показавъ, какъ разными наши ощущенія первоначально безсвязаны и несомнѣнны относительно ихъ протяженности, и какъ нашимъ теперешнімъ столь быстрымъ воспріятіемъ пространства почти всѣ приобрѣтены воспитаніемъ. Осязательное пространство, это — одинъ міръ; зрительное пространство — другой міръ. Два эти міра не обладаютъ никакимъ существеннымъ или внутреннимъ сходствомъ, и только путемъ ассоціаціи идей мы знаемъ, что значитъ видимый предметъ, — въ терминахъ осязанія. Лица съ врожденнымъ катарактомъ, выведенные при помощи хирургической операціи, міръ которыхъ былъ до операціи только міромъ исключительно осязательной протяженности, — совершенно не способны сразу назвать какой-либо предметъ, въ первый разъ падающій имъ на сѣтчатку. Одному изъ такихъ пациентовъ поставили десяти-метровую бутылъ передъ глазами, въ разстояніи фута, и спросили: «что это?» «Быть можетъ, это — лошадь», — отвѣчалъ онъ ¹⁾. Этотъ пациентъ не имѣлъ также никакого точнаго понятія, въ терминахъ движенія, относительно разстоянія предметовъ отъ его глазъ. Всѣ эти ошибки скоро исчезаютъ, благодаря практикѣ, и новыя зрительныя впечатлѣнія сами переводятся на привычный языкъ осязательныхъ ощущений. Факты доказываютъ окончателно не то, что зрительныя ощущенія не пространственны, а только то, что необходимо болѣе утонченное чувство для аналогій, сравнительно съ тѣмъ, какое есть у большинства людей, чтобы различать тѣ самыя пространственныя образы и отношенія въ нихъ, которыя прежде были узнаны только осязательнымъ и двигательнымъ опытомъ.

Заключеніе. Подводя итогъ всему сказанному о пространствѣ, приходимъ къ тому, что вся исторія воспріятія пространства объяснима, если мы допустимъ, съ одной стороны, ощущенія съ нѣкоторой суммой протяженности, врожденной имъ; а съ другой — обыкновенную способность различенія, выбора и ассоціаціи въ умѣ, работающемъ надъ ними. Измѣчивый видъ многихъ нашихъ зрительныхъ ощущений, — при чемъ одно и то же ощущеніе даетъ различный смыслъ и значеніе величинѣ, фигурѣ, мѣсту и т. п., — привелъ многихъ къ убѣжденію, что такія свойства (атттрибуты) не могли быть вовсе продуктомъ нашихъ чувствъ, но должны исходить отъ какой-то высшей способности — интуиціи, синтеза или, назовите ее какъ угодно.

Но фактъ состоитъ въ томъ, что наличное (присутствующее) ощущеніе можетъ въ какое-либо время сдѣлаться знакомъ одного какого-нибудь представляемаго ощущенія, считаемаго болѣе реальнымъ и, что такой процессъ достаточенъ для объясненія всѣхъ явленій, безъ необходимости прибѣгать къ предположенію, будто бы качество протяженности создано откуда-то изъ непротяженнаго опыта посредствомъ сверхъ-чувственной способности души.

¹⁾ Cf. Raelmann in Zeitschrift für Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane, II. 79.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Разсуждение.

Что такое разсуждение. Мы говорим о человеке, что он разумное животное; а традиционная философия интеллектуалистов всегда дѣлала пунктомъ большой важности свое утверждение, что остальные животныя суть существа совершенно неразумныя. Тѣмъ не менѣе, ни коимъ образомъ не легко рѣшить, что понимаютъ подъ разумомъ, или—чѣмъ особый процессъ мышления, называемый разсужденіемъ, отличается отъ другихъ видовъ мысли, которые могутъ вести къ подобнымъ же результатамъ.

Значительная часть нашего мыслительнаго процесса состоитъ въ сѣпленіяхъ образовъ, возбуждаемыхъ одинъ другимъ, въ родѣ произвольныхъ грѣзъ, къ которымъ, кажется, должны быть, по всей вѣроятности, способны высшіе породы животныхъ (не считая человека). Этотъ сортъ мышления ведетъ тѣмъ не менѣе къ рациональнымъ выводамъ какъ практическимъ, такъ и теоретическимъ. Связи между терминами подобнаго мышления составляются или «смежностью» или «сходствомъ», а при соединеніи этихъ двухъ элементовъ мы едва-ли можемъ предполагать мышление черезъ чужъ безсвязнымъ. Можно считать общимъ правиломъ въ такомъ безотчетномъ мышленіи, что термины, которые попадаютъ въ пары, связываясь другъ съ другомъ, имѣютъ характеръ опытно-конкретный, а не отвлеченный. Солнечный закатъ можетъ вызвать палубу корабля, съ которой я видѣлъ его послѣднимъ лѣтомъ; товарищъ моего путешествія можетъ вызвать прибытіе мое въ портъ и т. п., или же солнечный закатъ можетъ заставить меня думать о солнечномъ мифѣ, о погребальныхъ кострахъ Геркулеса и Гектора, о Гомерѣ и о томъ, умѣлъ-ли онъ писать, о греческомъ алфавитѣ и т. д. Если преобладаетъ обычная смежность образовъ въ этой цѣпи, то мы имѣемъ мысль прозаическую; если, наоборотъ, это—рѣдкія сочетанія по смежности или сходству, свободно играющія въ чьемъ-либо мышленіи, то мы называемъ такое лицо поэтическимъ, обладающимъ фантазіей или остроуміемъ. Но вообще мыслить о матеріалѣ, выступающемъ въ мысль. Подумавъ объ одномъ, мы находимъ, что затѣмъ думаемъ о другомъ, и какъ это произошло—мы едва-ли знали сами. Если въ этомъ процессѣ фигурируетъ какое-нибудь абстрактное качество, оно только на мгновение привлекаетъ наше вниманіе, переходя во что нибудь другое, и никогда оно не черезъ-чуръ абстрактно. Такъ, подумавъ о солнечномъ мифѣ, мы можемъ мелькомъ придти въ восхищеніе отъ красоты древняго мышления, или намъ можетъ подвернуться моментъ отвращенія къ узколобію современныхъ толкователей этого мифа. Но, въ главномъ, мы больше думаемъ о конкретныхъ вещахъ, реальныхъ или возможныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ имѣемъ въ опытѣ, и гораздо меньше объ отвлеченныхъ качествахъ.

Въ этихъ случаяхъ наша мысль можетъ быть разумна, но она не является плодомъ разсужденія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Хотя наши выводы въ разсужденіи могутъ быть мыслимы какъ конкретныя вещи, но они не возбуждены непосредственно другими конкретными вещами, какъ это происходитъ въ цѣпяхъ мышления, слагающагося просто по ассоціаціи. Они связаны съ конкретными вещами предшествующими имъ непосредственными ступенями, а эти ступени образуются общими отвлеченными признаками, выделяемыми нами ясно изъ опыта и анализируемыми тщательно.

Выводъ, сдѣланный посредствомъ разсужденія, вовсе не обязательно долженъ быть привычнымъ членомъ ассоціаціи съ тѣмъ даннымъ фактомъ, изъ котораго мы его вывели, и не долженъ онъ быть обязательно подобнымъ ему. Онъ можетъ быть предметомъ совершенно неизвѣстнымъ въ нашемъ прежнемъ опытѣ, чѣмъ-нибудь такимъ, чего никакая простая ассоціація конкретныхъ предметовъ никогда не могла бы возбудить. Дѣйствительно, огромная разница между этимъ, болѣе простымъ родомъ рациональнаго мышления, которое состоитъ въ томъ, что конкретныя предметы прошедшаго опыта только вызываютъ другъ друга,—и между разсужденіемъ въ точномъ смыслѣ этого слова, заключающагося въ слѣдующемъ: въ то время, какъ эмпирическое мышление только воспроизводитъ рядъ ощущеній данныхъ прошлымъ опытомъ, разсужденіе производитъ.

Грубый эмпирикъ не можетъ ничего вывести изъ такихъ данныхъ, со свойствами которыхъ и ихъ ассоціаціями въ конкретномъ мірѣ онъ не знакомъ. Но помѣстите мыслителя, въ точномъ значеніи этого слова, среди цѣлаго ряда конкретныхъ объектовъ, которыхъ онъ ранѣе никогда не видѣлъ и о которыхъ ничего не слыхалъ, и въ самое короткое время онъ сдѣлаетъ изъ нихъ такіе выводы, которые совершенно устраняютъ его незнакомство съ этими конкретными фактами. Разсужденіе помогаетъ намъ въ такихъ положеніяхъ, которыя ранѣе никогда не случались, т. е. въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ все наше общее богатство эмпирическихъ ассоціацій, все наше воспитаніе, общее намъ съ другими животными, не можетъ дать намъ никакихъ ресурсовъ для рѣшенія вопроса.

Точное опредѣленіе разсужденія. Позвольте намъ сдѣлать техническимъ опредѣленіемъ, отличающимъ разсужденіе отъ другихъ способовъ мышления, такъ: это есть способность имѣть дѣло съ совершенно новыми фактами. Такое опредѣленіе достаточно отличить его отъ обыденной ассоціативной мысли и дать намъ возможность сказать прямо и непосредственно, въ чемъ состоитъ его особенность. Эта особенность—въ анализѣ и отвлеченіи.

Въ это время, какъ простой эмпирическій умъ исходитъ изъ фактовъ, принимаемыхъ имъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они ему являлись, и становится безпомощнымъ или отбрасываетъ фактъ, если онъ не вызываетъ въ немъ за собою никакого спутника или ничего себѣ подобнаго,—въ это время мыслитель, идущій путемъ разсужденія, разбиваетъ такой фактъ на части и отмѣчаетъ какой-нибудь одинъ изъ его отдѣльныхъ атрибутовъ. Этотъ атрибутъ онъ дѣлаетъ существенной частью всего (цѣлаго) факта, находящагося передъ нимъ. Этотъ атрибутъ имѣетъ свои собственные свойства или слѣдствія, которыя до тѣхъ поръ не были извѣстны

относительно факта въ его цѣломъ, но которыя теперь, послѣ того, какъ замѣчено, что ихъ содержать въ себѣ его атрибуты, должны быть написаны и самому факту.

Назовемъ фактъ, или конкретное данное буквой *S*;

Существенный его атрибутъ буквой *M*;

Свойство этого атрибута—буквой *P*;

Очевидно, что выводъ *P* изъ *S* не можетъ быть сдѣланъ мыслителемъ безъ посредства *M*. Значитъ, «сущность» *M* (составляетъ) тотъ третій или средний терминъ разсужденія, который мы только что называли существеннымъ. Вмѣсто своего первоначальнаго конкретнаго *S*, мыслитель подставляетъ его отвѣченное свойство *M*. То, что вѣрно относительно *M* и что сочетается, т. е. идетъ вмѣстѣ съ *M*, то въ силу этого вѣрно и для *S* и сочетается съ *S*. Такъ какъ *M* есть собственно одна изъ частей цѣлаго *S*, то разсужденіе мы можемъ исполнѣть вѣрно опредѣлить, какъ подстановленіе частей и ихъ атрибутовъ или слѣдствій вмѣсто цѣлаго.

Отсюда искусство мыслителя будетъ состоять изъ двухъ стадій:

1) Изъ прозорливости или способности открыть, какая часть, т. е., *M*, заключена въ цѣломъ *S*.

2) Изъ знаній или способности быстро вызвать въ своемъ умѣ слѣдствія, сопутствующія обстоятельства и заключенія изъ *M*.

Если мы взглянемъ на обычный силлогизмъ—

M есть *P*; . . . (киноварь—ртутное соединеніе);

S есть *M*; . . . (краска вермильонъ есть киноварь);

значитъ: *S* есть *P*; . . . (вермильонъ есть ртутное соединеніе),

то мы увидимъ, что вторая или меньшая посылка или «субсумпція» (подъ—большая посылка), какъ ее иногда называютъ, есть именно та посылка которая требуетъ прозорливости; первая или большая посылка требуетъ плодотворности или полноты знанія. Обыкновенно ученость встрѣчается чаще, чѣмъ прозорливость; способность внести новыя точки зрѣнія въ конкретные факты встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ способность заучивать старыя правила; такимъ образомъ, во многихъ случаяхъ дѣйствительнаго разсужденія, шагъ въ области мысли совершаетъ меньшая посылка, или, говоря иначе,—способъ или путь познания предмета. Но это бываетъ не всегда, такъ какъ тотъ фактъ, что *M* ведетъ за собою *P*, можетъ быть также не извѣстенъ заранее и только теперь формулированъ въ первый разъ. Воспріятіе того факта, что *S* есть *M*, есть способъ познания *S*. Утвержденіе, что *M* есть *P* есть абстрактное или общее положеніе (сужденіе).

Что мы подразумеваемъ подъ способомъ познания. — Когда мы узнаемъ объ *S* только то, что оно есть *M* (напр., о вермильонѣ или киновари, что это есть просто ртутное соединеніе), мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ другія свойства, какія у него могутъ быть, и останавливаемся исключительно на этомъ одномъ. Мы уменьшаемъ полноту дѣйствительнаго *S*. На каждый дѣйствительный предметъ можно смотрѣть съ безчисленныхъ точекъ зрѣнія, а, слѣдовательно, и открывать въ немъ безконечное число свойствъ. Даже такую простую вещь, какъ линію, которую мы проводимъ

въ воздухѣ, можно разсматривать относительно—или ея формы, или ея длины, или ея направленія, или мѣста, гдѣ она проведена. Когда мы имѣемъ дѣло съ болѣе спорнымъ фактомъ, то число способовъ, какими мы можемъ его разсматривать, буквально безконечно. Киноварь — не только ртутное соединеніе, но она обладаетъ ярко краснымъ цвѣтомъ, тяжела, растворима, идетъ изъ Китая и т. д., до безконечности. Всѣ предметы суть богатые источники свойствъ, которые лишь мало-по-малу раскрываются нашему познанію, и справедливо было сказано, что познать какую-нибудь вещь во всей ея полнотѣ, было бы равносильно познанію всего міра. Прямо или косвенно, но каждая вещь имѣетъ какое либо отношеніе ко всѣмъ другимъ; а знать о ней все, значитъ, знать всѣ ея отношенія. Однако, каждое отношеніе образуетъ одинъ изъ ея атрибутовъ, одинъ уголокъ ея, по которому кто нибудь можетъ узнать ее, а, узнавая по этому уголку, можетъ игнорировать все другое относительно ея. Человѣкъ есть такой-же сложный фактъ. Но все, что беретъ изъ этой сложности, напр., провиантмейстеръ арміи, заключается въ томъ, что важно для его собственной цѣли, а именно ему нужно знать способность человѣка съѣдать въ день столько-то фунтовъ провіанта; для генерала нужно знать его способъ проходить въ день столько-то миль; для мебельщика—величина человѣческой фигуры; для оратора — тѣ или нѣя чувства, которыя ему нужно возбудить; для театральнаго антрепренера—желаніе людей платить такую-то плату, но не больше, за вечернія развлеченія. Каждый изъ этихъ людей выделяетъ изъ цѣлаго человѣка частную сторону, которая имѣетъ соприкосновеніе съ тѣмъ, что его занимаетъ, и только съ того момента, когда эта сторона будетъ узнаваема имъ отчетливо и отдѣльно, можетъ быть выведено нужное для даннаго лица, соответственное практическое заключеніе, послѣ чего другія свойства человѣка могутъ быть имъ игнорированы.

Всѣ пути пониманія конкретнаго факта, если они вѣрны во всемъ, вѣрны одинаково съ другими. Ни у какого предмета не существуетъ абсолютно существеннаго свойства. То самое свойство, которое фигурируетъ какъ «существенное» или какъ сущность вещи въ одномъ случаѣ, становится очень не существеннымъ—въ другомъ. Въ то время, какъ я пишу, весьма существенно, что я знаю мою бумагу, какъ поверхность, назначенную для писанія. Если бы я не зналъ этого, я долженъ бы было остановить свою работу. Но если бы я хотѣлъ не писать, а получить свѣтъ отъ огня, и никакого другого матеріала для этого не было бы, то существеннымъ способомъ моего знанія бумаги, было бы узнать, что она можетъ служить матеріаломъ для горѣнія; и въ этихъ условіяхъ, мнѣ вовсе не было бы нужды въ знаніи другихъ ея назначеній. Въ дѣйствительности она — все, что она есть: и горючій матеріалъ, и поверхность для писанія, и углеводородное вещество, и предметъ, имѣющій восемь дюймовъ ширины, при десяти дюймахъ длины, и вещь, сдѣланная въ Америкѣ и находящаяся въ данный моментъ на моемъ столѣ, къ западу отъ такого-то камня на полѣ моего сосѣда, и т. д., и т. д. до безконечности. Какую бы изъ этихъ точекъ зрѣнія или сторонъ предмета я не взялъ для его временнаго классифицированія, я одинаково несправедливъ относительно цѣлаго предмета, т. е. всегда беру часть его, всегда исклю-

реальности, *S*. Но *M* въ нашемъ мірѣ неизбѣжно связано съ *P*; такъ что *P* есть ближайшее явленіе или вещь, которая мы можемъ ожидать найти связанными съ фактомъ *S*. Мы можемъ вывести *P*, при посредствѣ *M*, которое наша прозорливость начала различать—какъ сущность даннаго случая, когда *S* возникло передъ нами ¹⁾.

Теперь замѣтимъ, что если *P* имѣетъ для насъ цѣнность или важность ²⁾, то *M* будетъ очень хорошимъ признакомъ для нашей прозорливости, чтобы выдвинуть впередъ *P* и отвлечь его отъ остальныхъ свойствъ *S*. Если, наоборотъ, *P* не имѣло бы для насъ никакого значенія, то нѣкоторыя другія свойства *M* могли-бы служить для насъ лучшей сущностью, чтобы познать, при помощи ихъ,—*S*. Психологически, обыкновенно, *P* затемняетъ процессъ съ самаго начала.

Мы ищемъ *P* или что нибудь подобное *P*. Но совокупность свойствъ *S* не выдаетъ его сразу нашему взгляду. Ища въ *S* такихъ признаковъ, которые бы позволили намъ открыть въ немъ *P*, мы,—если только мы прозорливы,—наталкиваемся на *M*, такъ какъ *M* случайно обладаетъ тѣмъ признакомъ, который связанъ съ *P*. Еслибы мы искали вмѣсто *G* что либо другое, напр., *Q*, и если бы *N* было свойствомъ *S*, связаннымъ съ *Q*, мы должны бы были игнорировать *M*, отмѣтить *N* и познать *S*, исключительно, какъ нѣкоторый сортъ *N*.

Разсужденіе есть всегда стремленіе достигнуть нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ или удовлетворить нѣкоторому специальному любопытству. Оно не только раздѣляетъ то данное, которое имѣетъ передъ собою, и познаетъ его отвлеченно,—оно должно узнать его правильно, т. е. посредствомъ одного частнаго отвлеченнаго признака, приводящаго къ выводу того сорта, достигнуть котораго представляетъ для разсуждающаго интересъ данной минуты. На результаты разсужденія мы можемъ натолкнуться случайно. Стереоскопъ былъ на самомъ дѣлѣ результатомъ разсужденій, однако, можно себя представить, что человекъ, забавляясь рисунками и зеркалами, могъ натолкнуться случайно на идею стереоскопа. Бошки научаются иногда открывать двери, нажимая ручку. Но никакая кошка, если дверная ручка испортилась, не будетъ въ состояніи открыть дверь снова, если какая нибудь новая случайная удачная шалость не научитъ ее ассоциировать нѣкоторыя новыя движенія съ цѣлымъ фактомъ запертой двери. Однако, разсуждающій человекъ открылъ-бы дверь при первомъ анализѣ препятствія. Онъ удостоверился бы, какое частное поврежденіе двери явилось причиной его первой неудачи. Напримѣръ, если рычагъ не достаточно приподнимаетъ щеколду, значитъ дѣло въ низкомъ положеніи двери на петляхъ: поднимите дверь на петляхъ, и препятствіе будетъ

¹⁾ Напр., пусть *M* будетъ красная краска, лежащая передъ нами и лези-
ваемая кинovarью; мы находимъ, что лежащая передъ нами краска *S* можетъ
быть кинovarью. Съ мыслью о киновари неизбѣжно связано, что она есть
ртутное соединеніе, *P*. Поэтому, если въ *S* окажется ртуть, то наше утвержденіе,
что *S* есть киноварь, подтвердится. Но чтобы сказать, что *S* (т. е. лежащая пе-
редъ нами краска) есть *M* (киноварь), мы должны узнать, есть-ли въ ней ртуть,
т. е. существенный признакъ *M*. Ред.

²⁾ Какъ, напр., содержаніе ртути въ краскѣ, опасное для здоровья. Ред.

устранено; или дверь задвѣвается за порогъ, и тогда опять нужно при-
поднять ее. Теперь очевидно, что дитя или идіотъ могутъ и безъ этого раз-
сужденія узнать правило открытія такой особенной двери. Я припоминаю,
какъ моя служанка открыла, что стѣнные часы не идутъ у насъ потому,
что недостаточно наклонены впередъ. Она натолкнулась на эту мысль
послѣ нѣсколькихъ недѣль возни съ этими часами. Причиной остановки ихъ
было треніе чечевичы маятника о заднюю стѣнку часового ящика, т. е.
такая причина, которую развитой человекъ анализировалъ-бы въ пять
минутъ. У меня есть лампа для запятій, огонь которой дрожитъ самымъ
непріятнымъ образомъ, пока не поднимешь стекла, при помощи маленькой
подставки около $\frac{1}{10}$ части дюйма. Я нашелъ это средство, послѣ многихъ
опытовъ, совершенно случайно. Но мой способъ есть только простая ассо-
ціація двухъ цѣлыхъ данныхъ — плохого предмета и средства отъ него.
Человекъ, знакомый съ пневматикой, достигъ-бы того-же, выдѣливъ при-
чину—миганіе лампы и отсюда вывелъ-бы средство противъ него непо-
средственно. При помощи многихъ измѣреній треугольниковъ, нѣкто можетъ
найти ихъ площадь, всегда равную ихъ высотѣ, умноженной на половину
основанія, и затѣмъ формулировать эмпирическій законъ этого результата,
полученнаго съ такимъ трудомъ. Между тѣмъ мыслитель, идущій путемъ
разсужденій, избавляетъ себя отъ этого труда, такъ какъ видитъ, что
сущность треугольника состоитъ въ томъ, что онъ есть половина паралле-
лограма, площадь котораго есть цѣлая высота, умноженная на цѣлое осно-
ваніе. Чтобы увидѣть это, ему приходится только придумать добавочныя
лініи, и геометръ часто долженъ ихъ проводить, чтобы дойти до суще-
ственного свойства, которое ему нужно открыть въ данной геометрической
фигурѣ. Сущность состоитъ въ какомъ нибудь отношеніи фигуры къ
новымъ лініямъ, отношеніи, которое не представляется вовсе очевид-
нымъ, пока эти лініи не проведены. Геній геометра заключается въ созда-
ніи этихъ новыхъ ліній посредствомъ воображенія, а его прозорливость—
въ узнаваніи этого отношенія.

Такимъ образомъ, въ разсужденіи есть два важныхъ пункта.
Во-1-хъ, признакъ или свойство, извлеченные нами изъ цѣлаго
факта, дѣлаются равнозначными этому цѣлому факту, изъ кото-
раго они взяты; во-2-хъ, свойство, употребленное такимъ обра-
зомъ, возбуждаетъ въ насъ извѣстныя послѣдствія болѣе оче-
видно, чѣмъ они возбуждались цѣлымъ фактомъ въ его перво-
начальномъ видѣ. Разсмотримъ эти пункты еще разъ по порядку:

1) предположимъ, что, когда мнѣ показали въ магазинѣ кусокъ сукна,
я говорю: «это сукно мнѣ не нравится, оно имѣетъ линючій видъ». Этими
словами я хочу сказать только, что въ этомъ сукнѣ что-то возбуждаетъ
во мнѣ идею о линючести; такое сужденіе, хотя оно и можетъ быть пра-
вильнымъ, получено не путемъ разсужденія, а чисто эмпирически. Но
если я могу сказать, что въ цвѣтъ этого сукна входитъ такое вещество,
которое, какъ мнѣ извѣстно, химически не стойко и потому цвѣтъ дол-
женъ полинять, то мое сужденіе будетъ составлено посредствомъ разсужде-
нія. Понятіе объ этомъ не стойкомъ веществѣ, входящемъ въ составъ
сукна, есть связующая лінія между этимъ послѣднимъ и понятіемъ о ли-
няніи. Или, вотъ, необразованный человекъ станетъ ожидать, на основаніи

прошедшаго опыта, что кусок льда, помещенный вблизи огня, растает, или, что кончик его пальца, если онъ будетъ смотрѣть на него въ увеличительное стекло, окажется шероховатымъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ результаты не могли бы быть предсказаны впередъ, безъ полнаго предварительнаго знакомства съ цѣлымъ явленіемъ. Такое мышленіе не есть продуктъ разсужденія, а только воспроизведеніе прошлаго опыта. Между тѣмъ, человекъ, который знаетъ, что теплота есть форма движенія, а обращеніе твердыхъ тѣлъ въ жидкія зависитъ отъ увеличивающагося движенія частицъ твердаго тѣла, — или, который знаетъ, что кривыя поверхности (какъ у увеличительнаго стекла) преломляютъ свѣтовые лучи особымъ образомъ и что кажущаяся величина предмета связана съ величиной преломленія свѣтовыхъ лучей, отражаемыхъ этимъ предметомъ и входящихъ въ глазъ, — такой человекъ сдѣлалъ-бы правильный выводъ изъ всѣхъ этихъ предметовъ даже въ томъ случаѣ, если-бъ онъ ни разу въ жизни не испробовалъ ихъ на опытъ. Это онъ сдѣлалъ бы потому, что идеи, которыя, какъ мы предположили раньше, онъ имѣетъ объ этихъ предметахъ, явились-бы для него посредствующею связью между тѣмъ явленіемъ, которое послужило для него исходнымъ пунктомъ, и его выводомъ изъ нихъ. Но вѣдь всѣ эти идеи суть лишь части, извлеченныя изъ цѣлыхъ фактовъ или обстоятельствъ. Движенія, образующія теплоту, преломленіе свѣтовыхъ волнъ, правда, представляютъ чрезвычайно скрытые элементы; причина, останавливающая маятникъ, о которой я говорилъ раньше, уже менѣе скрыта, а причина удерживающая дверь, о которой я говорилъ еще раньше, уже и совсѣмъ не скрыта. Но всѣ эти случаи и каждый изъ нихъ сходны въ одномъ, а именно, что они даютъ болѣе очевидное отношеніе какого-нибудь разсматриваемаго нами явленія къ выводу, который намъ нужно о немъ сдѣлать, чѣмъ дастъ это самое явленіе въ его цѣлости.

2) Теперь разсмотримъ второй пунктъ. Почему сочетанія (комбинаціи), слѣдствія и выводы изъ свойствъ извлеченныхъ болѣе наглядны и очевидны, чѣмъ комбинаціи, слѣдствія и выводы изъ цѣлага явленія?

На это есть двѣ причины.

Во-первыхъ, извлеченное свойство или признакъ имѣютъ характеръ болѣе общій, чѣмъ цѣлый конкретный фактъ, а потому связь, которую они могутъ имѣть, болѣе знакома намъ, такъ какъ чаще встрѣчается въ нашемъ опытѣ. Думайте о теплотѣ, какъ движеніи, и тогда все, что вѣрно для движенія, будетъ вѣрно и для теплоты. Но на каждый одинъ опытъ съ теплотой, мы имѣли въ жизни сто опытовъ съ движеніемъ. Думайте о линзахъ, проходящихъ черезъ эту линзу, что они суть линніи, преломляющіяся по направленію къ перпендикулярѣ, и вы, на мѣсто сравнительно мало знакомой линзы, подставите понятіе объ особой пережѣ въ направленіи линніи, а понятіе о направленіи дается вамъ безчисленнымъ множествомъ ежедневныхъ примѣровъ.

Другая причина, почему отношенія извлеченныхъ признаковъ такъ очевидны, состоитъ въ томъ, что свойства этихъ признаковъ весьма немногочисленны, сравнительно со свойствами того цѣлага факта, отъ котораго мы ихъ отыскали. Въ каждомъ конкретномъ фактѣ признакъ и ихъ слѣдствія такъ безчисленны, что мы можемъ потерять между ними свой путь, прежде

чѣмъ замѣтимъ частныя слѣдствія, которыя намъ нужно изъ нихъ сдѣлать. Но, если мы достаточно просвѣщены для того, чтобы выдѣлать нужный признакъ, мы какъ бы однимъ взглядомъ открываемъ въ немъ всѣ его возможные слѣдствія. Такъ напр., такой признакъ, какъ скребушій звукъ при отвореніи двери, имѣетъ очень мало связи съ какими-либо другими явленіями, и потому намъ легко понять, что препятствіе, оказываемое порогомъ, прекратится, если мы поднимемъ дверь на петляхъ; между тѣмъ, плохо отворяющаяся цѣлая дверь возбудитъ въ нашей мысли множество понятій, среди которыхъ мы запутаемся, отыскивая причину ея сопротивленія. Такіе примѣры могутъ показаться тривиальными, грубыми, но въ нихъ заключается сущность самаго утонченнаго и трансцендентальнаго теоретическаго мышленія. Причина, почему физика становится все болѣе дедуктивной, чѣмъ болѣе основныя свойства, принимаемая ею, имѣютъ математическій характеръ (какъ, напр., молекулярныя массы или длина волнъ), состоитъ въ томъ, что непосредственныя слѣдствія изъ этихъ понятій весьма немногочисленны, благодаря чему, мы можемъ видѣть ихъ всѣ сразу и быстро изыскать тѣ изъ нихъ, которыя намъ нужны.

Прозорливость. Такимъ образомъ, чтобы разсуждать, мы должны обладать способностью — изыскать признаки или свойства для нашихъ выводовъ, но не всякіе признаки, а правильные. Если мы извлечемъ ложный признакъ, онъ не приведетъ насъ къ вѣрному выводу. Въ этомъ и заключается трудность: какъ изыскиваются признаки, и почему во многихъ случаяхъ требуется пришествіе генія, чтобы выступилъ на свѣтъ нужный признакъ или свойство явленія, дающіе плодотворные выводы? Почему кто-нибудь одинъ не можетъ выполнить этого такъ же хорошо, какъ кто-нибудь другой? Почему нуженъ Ньютонъ, чтобы замѣтить законъ «квадратовъ разстояній», или Дарвинъ, чтобы замѣтить переживание наиболѣе приспособленныхъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны начать новое изслѣдованіе и посмотрѣть, какъ естественно разростается наше проникновеніе въ факты.

Первоначально наше знаніе смутно. Когда мы говоримъ, что предметъ смутенъ, то подразумѣваемъ, что онъ не имѣетъ подраздѣленій въ самомъ себѣ (*ab intra*), и не имѣетъ точныхъ отграниченій вовнѣ (*ab extra*); хотя къ нему примѣнны всѣ формы мысли. Онъ можетъ имѣть единство, реальность, внѣшность, протяженность, что еще не есть предметность — въ полномъ смыслѣ слова, а только предметность какъ цѣлое, т. е. вообще. Этимъ смутнымъ путемъ, напр., для ребенка, впервые начинающаго сознавать, его комната можетъ оказаться чѣмъ-то инымъ, чѣмъ его движущаяся кормилица. Комната еще не подраздѣляется въ его мысли на свои составныя части, хотя, напр., окно можетъ привлечь его вниманіе отдѣльно. Этимъ же смутнымъ путемъ, конечно, является и взрослому каждый совершенно новый опытъ. Библіотека, музей древностей, складъ машинъ представляютъ для невѣжды лишь смутное, смутное цѣлое, но для любителя книгъ, для антикаря, для машиниста цѣлое пройдетъ даже почти вовсе не замѣченнымъ, такъ они будутъ увлечены деталями.

Знаніе предмета произвело въ нихъ способность различенія. Такіе смутныя термыны, какъ «травы», «плѣсень», «мясо», не существуютъ для бота-

ника или анатома. Они черезчур много знают о травахъ, грибахъ и мышцахъ. Когда Чарльзъ Книгслий показалъ одному лицу препаратъ гусеницы съ ея обработанными внутренностями, тотъ сказалъ: «А я думаю, что у нея нѣтъ ничего, кромѣ кожи и мѣкоти». Частный человѣкъ, присутствуя при кораблекрушеніи, въ сраженіи, или на пожарѣ,—совершенно безпомощенъ. Способность различенія такъ мало пробуждается у него прежнимъ опытомъ въ томъ-же родѣ, что его сознаніе не можетъ избрать ни одного пункта изъ сложнаго исключительнаго положенія, происходящаго передъ нимъ, чтобы дать ему возможность начать дѣйствовать. Но морякъ, пожарный, генералъ знаютъ сразу, куда направить свои усилія. Они «проникаютъ» взоромъ въ положеніе, т. е. говоря иначе, они анализируютъ его съ перваго взгляда. Ихъ умъ полонъ утонченно-раздѣлившимися составными частями явленія, которыя, мало-по-малу, ихъ опытъ принесъ ихъ сознанію, но о которыхъ новичокъ не имѣетъ никакой ясной идеи.

Какимъ образомъ эта способность анализа выдвинулась впередъ, мы видѣли въ главахъ о «Различеніи» и «Вниманіи». Мы разлагаемъ, т. е. диссоциируемъ элементы смутно воспріятого первоначальнаго цѣлаго, конечно, обращая вниманіе и замѣчая эти элементы одинъ за другимъ. Но отчего зависить, что тотъ или другой элементъ привлекаетъ наше вниманіе прежде другихъ? На это есть два прямыхъ и очевидныхъ отвѣта: во-первыхъ, это зависить отъ нашихъ практическихъ или инстинктивныхъ интересовъ и, во-вторыхъ, отъ нашихъ эстетическихъ интересовъ. Собака выдѣляетъ изъ всякаго положенія запахъ, а лошадь—звукъ, потому что эти впечатлѣнія могутъ вызывать въ нихъ представленія о фактахъ, имѣющихъ для нихъ практическое значеніе, и благодаря этому способны инстинктивно возбуждать мозгъ этихъ животныхъ. Ребенокъ замѣчаетъ пламя свѣчи или окно, игнорируя въ комнатѣ все остальное, просто потому, что эти предметы даютъ ему яркое удовольствіе. Деревенскій мальчикъ, придя въ лѣсъ, тотчасъ выдѣляетъ, изъ смутной массы всевозможныхъ кустовъ и деревьевъ, кусты черники, орѣшника, грушницы, ради ихъ практическаго употребленія; дикарь восторгается бусами, кусочками цвѣтнаго стекла, привезенными на кораблѣ его эксплуататоровъ, и не обращаетъ никакого вниманія на сложныя детали самаго корабля, черезчуръ превышающаго сферу его пониманія. Эти эстетическіе и практическіе интересы являются, такимъ образомъ, самыми вѣскими причинами, заставляющими тотъ или другой элементъ сложнаго явленія выступить передъ нами съ особенной рельефностью. То, что они подчеркиваютъ, то замѣчаемъ и мы; но что такое они сами, мы сказать не можемъ. Мы должны здѣсь довольствоваться простымъ признаніемъ ихъ за конечные и не сводимые на другіе факторы или причины, опредѣляющіе путь, которымъ возрастаетъ наше знаніе.

Такимъ образомъ, существо, у котораго очень мало инстинктивныхъ побужденій (импульсовъ) или мало интересовъ практическихъ и эстетическихъ, будетъ также мало разлагать (диссоциировать) свойства или признаки сложнаго явленія; поэтому, даже въ лучшемъ случаѣ, способность его разсужденія должна быть ограничена. Между тѣмъ существо, интересы котораго очень разнообразны, будетъ разсуждать гораздо лучше. Человѣкъ, благодаря своимъ безконечно разнообразнымъ инстинктамъ, житейскимъ потребностямъ и эстетическимъ чувствамъ, которымъ служатъ

каждый изъ его органовъ воспріятія, долженъ ужь поэтому одному различать гораздо больше свойствъ или признаковъ, чѣмъ какое-нибудь другое животное. И, дѣйствительно, оказывается, что самые низшіе дикари разсуждаютъ несравненно лучше, чѣмъ самыя высшія породы звѣрей. Различные интересы ведутъ къ различію опытовъ, скопленіе которыхъ становится условіемъ для дѣйствія того закона диссоціаціи посредствомъ измѣняющихся спутниковъ, о которомъ я говорилъ въ главѣ о «различеніи».

Помощь, оказываемая ассоціаціями по сходству.—По всей вѣроятности, высшія ассоціаціи по сходству имѣютъ большое значеніе въ тѣхъ различеніяхъ, на которыхъ основаны болѣе высшіе полеты человѣческой мысли. Такъ какъ эти послѣдніе весьма важны, а между тѣмъ о нихъ сказано было мало, или почти ничего, въ главѣ о различеніи, то остановимся здѣсь на нихъ немножко.

Что дѣлаетъ читатель, когда онъ хочетъ увидѣть, въ чемъ состоитъ точное сходство или различіе двухъ предметовъ? Онъ, насколько возможно быстро, переноситъ свое вниманіе отъ одного предмета къ другому назадъ и впередъ. Быстрые перемены въ сознаніи какъ-бы выдвигаютъ точки различія или сходства, которыя прошли-бы навсѣгда незамѣченными, если-бы сознаніе сравниваемыхъ предметовъ были отдѣлены другъ отъ друга большимъ промежуткомъ времени. Что дѣлаетъ человѣкъ науки, когда ищетъ причину или законъ, скрытые въ явленіи? Онъ собираетъ всѣ примѣры, какіе можетъ найти, имѣющіе какое-нибудь сходство съ даннымъ явленіемъ и, наполняя всѣми ими сразу свою мысль, онъ часто успѣваетъ отдѣлить отъ этой группы ту особенность, которой онъ не могъ-бы формулировать въ одномъ предметѣ, хотя-бы этому одному предмету предшествовали всѣ тѣ прежніе опыты, съ которыми онъ теперь сразу сопоставилъ этотъ предметъ. Эти примѣры показываютъ, что одинъ только фактъ, случившійся въ какое-нибудь время, въ чьемъ-либо опытѣ, выстѣ со своими измѣняющимися спутниками, еще не является отъ этого самъ по себѣ достаточнымъ основаніемъ, чтобы его отличительный признакъ былъ теперь выдѣленъ. Нужно нѣчто большее, нужно, чтобы всѣ измѣняющіеся спутники, во всемъ ихъ разнообразіи, предстали въ сознаніи сразу.

Только съ этого момента отыскиваемое его свойство можетъ отдѣлиться отъ своей связи со всѣми другими и стать отдѣльно въ нашемъ сознаніи. Это будетъ непосредственно признано тѣми, кто читалъ логику Милля гдѣ въ его знаменитыхъ «четырехъ методахъ опытнаго изслѣдованія» указаны причины полезнаго значенія методовъ сходства, различія, остатковъ и сопутствующихъ видоизмѣненій.

Какой изъ этихъ методовъ даетъ рядъ сходныхъ примѣровъ, среди которыхъ отыскиваемый признакъ можетъ поразить нашу мысль и быть открытымъ.

Теперь очевидно, что тотъ умъ, въ которомъ высоко развита ассоціаціи по сходству, есть такой умъ, который способенъ произвольно обрабатывать ряды подобныхъ примѣровъ. Возьмемъ какой-нибудь стоящій передъ нами фактъ и назовемъ его буквой А; пусть его признакъ или свойство будетъ—ш Умъ можетъ быть не въ силахъ сперва замѣтить то свойство и вовсе. Но если А вызываетъ С, D, и F, которыми мы на

зовем явления, сходные съ А въ томъ, что и они обладаютъ свойствомъ *m*, но которые по цѣлымъ мѣсяцамъ не встрѣчались въ опытѣ существа, испытывающаго теперь фактъ А, то такая ассоціація исполнитъ роль, какую у читателя сыграло то быстрое сравненіе, о которомъ мы говорили выше, а также ту роль, какъ о систематическое разсматриваніе подобныхъ случаевъ играетъ у научнаго изслѣдователя, гдѣ оно можетъ привести къ выдѣленію *m* отвлеченнымъ путемъ. Конечно, это очевидно и никакого другого вывода изъ этого нельзя сдѣлать, кромѣ одного, что послѣ немногихъ, самыхъ сильныхъ, жизненныхъ эстетическихъ интересовъ, главную помощь въ подмѣчаніи тѣхъ специальныхъ свойствъ явленія, которыя, разъ мы ихъ схватили и назвали, употребляются въ качествѣ—причинъ, классовыхъ наименованій, сущностей, или среднихъ терминовъ силлогизма,—эту помощь оказываетъ ассоціація по сходству. Дѣйствительно, безъ этого

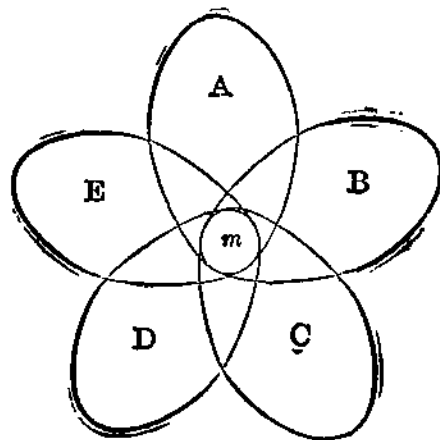


Рис. 63.

была бы невозможна выработанная процедура человека науки; онъ никогда не могъ-бы собрать своихъ сходныхъ примѣровъ. Но въ высоко одаренныхъ умахъ весь этотъ процессъ совершается самъ собою, безъ всякой заранѣе выработанной процедуры; произвольно скопчившіеся сходные примѣры въ одинъ моментъ объединяютъ то, что въ природѣ живетъ отдѣльно въ пространствѣ и времени, и помогаютъ воспріятію тождественныхъ пунктовъ, среди различныхъ обстоятельствъ; этого никогда не могутъ достигнуть умы, вообще управляемые закономъ непрерывности или смежности.

Фигура 63 показываетъ это. Если *m* изображаетъ представленіе А, вызванное посредствомъ В, С, D и Е, которые подобны А тѣмъ, что обладаютъ также этимъ свойствомъ *m* и вызываютъ его въ быстрой послѣдовательности, то *m*, будучи ассоциировано почти одновременно съ этими измѣняющимися спутниками, такъ сказать «выкатится» и привлечетъ отдаленно наше вниманіе и, конечно, будетъ замѣчено.

Если все вышесказанное достаточно ясно читателю, то, вѣроятно, онъ готовъ будетъ принять, что умъ, въ которомъ этотъ способъ ассоціаціи, т. е. ассоціація по сходству, является преобладающимъ, долженъ имѣться у людей наиболее способныхъ къ разсуждающему мышленію, такъ какъ они должны быть болѣе способны къ отвлеченію свойствъ и признаковъ отъ сложныхъ явленій. И наоборотъ: умы, отъ которыхъ трудно ожидать разсуждающаго мышленія, будутъ по всей вѣроятности мыслить почти исключительно посредствомъ ассоціаціи по смежности.

Всѣ согласны, что гении отличаются отъ обыкновенныхъ умовъ чрезвычайнымъ развитіемъ ассоціаціи по сходству. Одно изъ лучшихъ мѣстъ въ работѣ профессора Бэна заключаетъ въ себѣ доказательство этой истины;

она примѣнима къ гениямъ не только въ области разсужденія, но и въ другихъ областяхъ умственной дѣятельности.

Способность разсужденія у животныхъ. Мышленіе гениевъ также отличается отъ мышленія простыхъ (обыкновенныхъ) людей, какъ умъ этихъ послѣднихъ отъ ума животныхъ. По сравненію съ человѣческой мыслью, мысль животныхъ, по всей вѣроятности, не возвышается до отвлеченныхъ свойствъ и признаковъ и не имѣетъ ассоціацій по сходству. Ихъ мысли переходятъ, вѣроятно, отъ одного конкретнаго объекта къ его обычному конкретному спутнику съ гораздо большимъ однообразиемъ, чѣмъ это происходитъ у насъ. Другими словами, ихъ ассоціаціи идей совершаются почти исключительно по смежности. Насколько, однако, какое-нибудь животное можетъ думать посредствомъ отвлеченныхъ свойствъ, вмѣсто конкретныхъ ассоціацій, его можно бы признать разсуждающимъ въ совершеннѣйшемъ человѣческомъ смыслѣ. Но совершенно неизвѣстно, насколько это возможно. Извѣстно только, что наиболее интеллигентныя животныя подчиняются отвлеченнымъ свойствамъ, хотя нельзя рѣшить, выделяютъ ли они ихъ умственно, какъ таковыя, или нѣтъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ они различаютъ вещи по классамъ, а это предполагаетъ нѣкотораго рода подчеркиванія,—если не отвлеченія,—классовыхъ сущностей умомъ животныхъ. Одно дѣло—конкретный индивидуальный случай, безъ всякихъ подчеркнутыхъ свойствъ или признаковъ, и другое дѣло отчетливое знаніе атрибута (свойства), отвлеченнаго изъ всѣхъ другихъ данныхъ ему названіемъ. Но между полнымъ отсутствіемъ анализа конкретнаго явленія и полнымъ анализомъ, между совершеннымъ отсутствіемъ отвлеченія свойствъ даннаго объекта и полнымъ отвлеченіемъ должны лежать всевозможныя переходныя ступени, и нѣкоторыя изъ этихъ ступеней должны имѣть названія для точнаго ихъ воспроизведенія въ умѣ. Докторъ Роменсъ предложилъ названіе «рецептъ», а профессоръ Ллойдъ-Марганъ—названіе «конструктъ» для идей, смутно отвлечающихся и обобщающихъ классъ, къ которому принадлежитъ предметъ. Этотъ послѣдній называется опредѣленную абстракцію «изолятомъ». Но названія «конструктъ» и «рецептъ»,—какъ бы неудачны они ни были, тѣмъ не менѣе, вносятъ въ психологію нѣкоторое новое отличіе, а потому я и упомянулъ здѣсь о нихъ. Не лучше-ли звучитъ слово инфлюэнтъ, чѣмъ рецептъ, въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ изъ Роменса?

«Водяныя морскія птицы обыкновенно нѣсколько иначе спускаются на землю и даже на ледъ, чѣмъ на воду, а тѣ породы, которыя ныряютъ прямо съ высоты (какъ бакланъ и чагравъ) никогда не садятся такъ на землю или ледъ. Эти факты доказываютъ, что у животныхъ есть «рецептъ», соответствующій твердымъ поверхностямъ, и другой рецептъ, соответствующій жидкимъ. Подобно этому и человекъ не будетъ нырять съ высоты на твердую почву или ледъ и всегда прыгнетъ въ воду иначе, чѣмъ онъ прыгнетъ на сушу. Иными словами, подобно морскимъ птицамъ, у него два разныхъ рецепта: одинъ для твердой почвы, другой для несопротивляющейся жидкости. Но онъ не сходится съ морскими птицами въ томъ, что способенъ установить для этихъ рецептовъ названія и, такимъ образомъ, возвысить ихъ до уровня понятій (концептовъ). Насколько дѣло касается прѣдѣльных цѣлей — передвиженія, то конечно сущственно,

достигаютъ-ли эти рецепты до уровня концептовъ, или нѣтъ, но... для многихъ другихъ цѣлей имѣетъ величайшее значеніе ихъ способность достигать этого уровня *)».

Я знаю одну очень породистую лгавую собаку, которая никогда не бусала приносимыхъ ею птицъ. Но однажды, когда ей нужно было принести двухъ птицъ сразу, которыя были живы и бились, хотя уже не могли летать, она предусмотрительно укусила одну до смерти, оставила ее и принесла хозяину ту, которая осталась жива, а затѣмъ вернулась за мертвой. Нѣтъ возможности не думать, что здѣсь были такіа отвлеченныя мысли, какъ—«жива... уйдеть... нужно убить»..., которыя прошли быстро и послѣдовательно въ умѣ собаки, каковы бы ни были тѣ чувственные образы, съ какими ассоциировались эти абстракціи. Такое практическое повиновеніе специальнымъ сторонамъ вещей, которыя могутъ быть важны, включаетъ въ себя существенныя черты разсужденія. Но свойства, присутствіе которыхъ производятъ впечатлѣніе на животныхъ, очень немногочисленны и принадлежатъ исключительно къ числу тѣхъ, которыя прямо связаны съ наиболее инстинктивными интересами. Они никогда не извлекаютъ, какъ люди, такихъ свойствъ или признаковъ предмета, которыя служатъ для забавы. Пытались объяснить это тѣмъ, что у нихъ почти совершенно отсутствуютъ такіа ассоціаціи по сходству, которыя характеризуютъ человѣческую мысль. Какой-нибудь предметъ можетъ напомнить животному только совершенно сходный съ нимъ другой предметъ, но никакъ не такіе предметы, которые лишь слабо похожи на него. И то различіе посредствомъ измѣняющихся спутниковъ, которое въ человеческой мысли такъ широко опирается на ассоціацію по сходству, едва-ли имѣетъ мѣсто въ мышленіи низшемъ, тѣмъ у человѣка. Цѣлый предметъ возбуждаетъ образъ другого цѣлаго предмета, и низшіе млекопитающіе оказываются имѣющими дѣло съ свойствами, причины дѣйствія которыхъ они не знаютъ. Самый фундаментальный основной недостатокъ ихъ мысли состоитъ въ ихъ неспособности группировать идеи и, различая ихъ, размѣщать въ непривычномъ порядкѣ. Они рабы рутинны, и если бы самаго прозаическаго изъ людей перенести въ душу собаки, онъ пришелъ бы въ ужасъ отъ крайняго отсутствія воображенія, которое тамъ господствуетъ. Мысли не могли бы здѣсь вызывать другія подобныя же мысли, а вызывали бы только своихъ привычныхъ спутниковъ. Завать солонца вызвалъ бы мысли не о смерти героя, а только объ ужинѣ. Вотъ почему только человѣкъ есть метафизическое животное.

Для того, чтобы допытываться—почему вселенная должна быть такой, какова она есть, нужно имѣть понятіе о возможности иной вселенной, а животное, которое никогда не сводитъ дѣйствительнаго къ возможному, путемъ измѣненія его буквальныхъ слѣдствій въ своемъ воображеніи, никогда не можетъ образовать такого понятія. Оно беретъ міръ просто какъ данное и никогда не удивляется на него.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Сознаніе и движеніе.

Всякое сознаніе есть двигатель. Читатель, слѣдя за нашимъ изложеніемъ предыдущей главы, посвященной чисто внутреннимъ процессамъ и ихъ продуктамъ, не долженъ былъ упускать изъ виду, что конечный результатъ ихъ всѣхъ есть нѣкоторая форма тѣлесной дѣятельности, происходящей отъ возбужденій, распространяющихся отъ нервныхъ центровъ черезъ отводящіе нервы. Онъ долженъ припомнить, что весь нервный организмъ, если его разсматривать физиологически, представляетъ собою только машину, обращающую возбужденія (стимулы) въ реакцію; а умственная часть нашей жизни связана только съ средней или «центральной» частью операций этой машины. Теперь мы рассмотримъ тѣ операции, которыми оканчиваются вышеописанные процессы въ нервной машинѣ, т. е. операціи, выходящія наружу въ формѣ тѣлесной дѣятельности, а также тѣ формы сознанія, которыя являются ихъ слѣдствіемъ.

Каждое впечатлѣніе, воздействующее на входящій (идущій къ центру) нервъ, производитъ нѣкоторое разряженіе на нервъ выходящій (идущій отъ центра), независимо отъ того, сознаемъ-ли мы это или нѣтъ. Говоря въ общихъ чертахъ и опуская подробности, мы можемъ сказать, что всякое ощущеніе производитъ движеніе и что это движеніе есть движеніе всего организма и каждой его части. То, что происходитъ съ нашимъ организмомъ явно при взрывѣ и блескѣ молніи или щекотанія, то самое происходитъ и при всякомъ ощущеніи, которое мы получаемъ, но только въ скрытомъ (латентномъ) видѣ. Единственная причина, почему мы не чувствуемъ при этомъ вздрагиванія или тѣхъ явленій, которыя бывають при щекотаніи въ тѣхъ случаяхъ, когда ощущенія незначительны, зависитъ частью отъ ихъ малой величины, а частью отъ нашей притупленности къ нимъ. Уже много лѣтъ тому назадъ, проф. Бэнъ назвалъ «закономъ диффузіи»—это явленіе общаго разряженія, и выразилъ его такъ: «Согласно тому, какъ впечатлѣніе сопровождается ощущеніемъ, возникающіе токи распространяются по мозгу, сопровождаясь общимъ возбужденіемъ органовъ движенія, а въ то же время дѣйствуя и на внутренніе органы».

По всей вѣроятности, эта диффузія každого ощущенія черезъ нервные центры не имѣетъ исключеній. Однако, дѣйствіе новой волны, дѣйствующей черезъ центры, можетъ иногда столкнуться (интерферировать) съ процессомъ, уже происходящимъ тамъ, а конечный результатъ такого столкновенія можетъ состоять въ остановкѣ тѣлесной дѣятельности, начавшейся въ данномъ случаѣ. Когда это случается, то процессъ, вѣроятно, похожъ на тотъ, какой мы наблюдаемъ, когда жидкость, идущая по одной трубкѣ, задерживается жидкостью, входящей по другой; въ себѣ самихъ мы можемъ это наблюдать, когда во время ходьбы вдругъ какой-нибудь звукъ, видъ или запахъ, или мысль, привлекаютъ наше вниманіе и застав-

*) Mental Evolution in Man. стр. 74.

ляют нас остановиться. Но здесь мы видим остановку внешней деятельности, зависящую не от подавления деятельности центра, а от нового возбуждения, идущего от центра, разряжающегося отходящим током, который имеет характер задерживающего. Например, когда нас щекочут, то сердце у нас моментально останавливается или замедляет свои движения, а затем колотится съ ускоренной быстротой. Эта короткая задержка сердцебиения производится током, отходящим по легочно-желудочному (пневмогастрическому) нерву. Всегда, когда этот нерв возбуждается, он останавливает или замедляет биения сердца, и это его особое действие прекращается, если нерв перерезан.

Но, вообще, возбуждающее (стимулирующее) действие преобладает над задерживающим, так что мы, въ общих чертах, можем сказать, — как мы уже и сказали въ началѣ, — что волна разряда производит известное действие во всех частях тела. Задача — прослѣдить всѣ результаты какого нибудь приходящего ощущения — не была еще выполнена физиологами. Однако, въ последнее время наши свѣдѣнія объ этомъ стали расширяться, и теперь у нас уже есть экспериментальныя (данныя опытами) доказательства того, что биения сердца, давленіе крови въ артеріяхъ, дыхательныя движения, служебныя зрачковъ, движения мочевого пузыря, внутренностей, мышцъ, произвольныхъ движений матки, могутъ измѣнять степень своей напряженности и продолжительности отъ возбужденій, идущихъ отъ органовъ чувствъ, какъ бы ни были незначительны эти возбужденія. Говоря кратко, въ какомъ бы мѣстѣ центральной нервной системы ни возбудился процессъ, онъ всегда тѣмъ или другимъ путемъ действуетъ на весь организмъ, заставляя его деятельность или усиливаться или ослабляться. Дѣло происходитъ такъ, какъ еслибы центральная нервная масса была хорошимъ электрическимъ проводникомъ, заряженнымъ электричествомъ, напряженія котораго не могли бы измѣняться, не отзывавшись сразу во всемъ организмѣ.

Шнейдеръ пытался доказать замѣчательнымъ зоологическимъ обзоромъ, что всѣ спеціальныя движения, производимыя высокоразвитыми животными, дифференцировались ¹⁾ изъ двухъ первоначально — простыхъ движений, — сокращенія и расширенія, производившихся всѣмъ организмомъ или его частью. Стремленіе «сокращаться» явилось источникомъ всѣхъ импульсовъ самозащиты и реакціи (противодѣйствія), развившихся впоследствии, включая сюда и бѣгство. Наоборотъ, стремленіе къ расширенію складывается въ побужденія и инстинкты нападающаго (агрессивнаго) характера, — питанія, борьбы, половыхъ сношеній и т. п. Я цитирую эти соображенія, построенныя на почвѣ эволюціонной теоріи, чтобы добавить механическія, а ригорныя объясненія того, почему должна существовать волна диффузии, такъ какъ а posteriori'ные примѣры доказываютъ, что она дѣйствительно существуетъ.

Теперь мнѣ необходимо произвести детальное изученіе болѣе важнаго класса движений, являющихся слѣдствіемъ умственно-мозговыхъ перемѣнъ. Ихъ можно классифицировать такъ:

- 1) Выраженіе эмоцій (душевныхъ волненій или душевныхъ движеній)
 - 2) Инстинктивныя или импульсивныя дѣйствія; и
 - 3) Произвольныя дѣйствія.
- Каждому изъ нихъ мы посвятимъ особую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Эмоціи.

Сравненіе эмоцій съ инстинктами. Эмоція есть наклонность къ чувствованію, тогда какъ инстинктъ есть наклонность къ дѣйствію — въ присутствіи известнаго объекта окружающей среды: вотъ — отличительные признаки ихъ обоихъ. Но эмоціи обладаютъ также своимъ тѣлеснымъ «выраженіемъ», которое можетъ включать въ себя сильную мышечную деятельность (напр., въ страхъ или гнѣвъ); и во многихъ случаяхъ довольно трудно раздѣлить описаніе «эмоціональнаго» состоянія отъ описанія «инстинктивной» реакціи, которая можетъ вызвать одинъ и тотъ же предметъ. Такъ, напр., слѣдуетъ-ли изслѣдовать страхъ въ главѣ объ «эмоціяхъ», или въ главѣ объ «инстинктахъ»? Въ какой изъ этихъ главъ нужно описывать любопытство, соревнованіе и т. п.? Съ точки зрѣнія науки, вопросъ можно рѣшить и такъ, и иначе, и рѣшеніе теперь принадлежитъ только практическому удобству. Внутреннія, душевныя условія эмоцій невозможно описать. Кроме того, описаніе было бы излишнимъ, такъ какъ читатель отлично знаетъ, какъ онъ чувствуетъ. Въ этомъ сочиненіи можно коснуться только отношенія между эмоціями и объектами, возбуждающими ихъ, а также къ реакціямъ, которыя они влекутъ за собою.

Каждый объектъ, возбуждающій инстинктъ, возбуждаетъ и какую нибудь эмоцію. Единственное различіе, какое можно провести между ними, состоитъ въ томъ, что реакція, называемая эмоціональною, кончается въ собственномъ тѣлѣ субъекта, а реакція, называемая инстинктивною, способна идти далѣе и вступать въ практическія отношенія съ возбуждавшимъ ее объектомъ. Для возбужденія инстинкта и эмоціи, бываетъ достаточно одного воспоминанія или воображенія относительно объекта. Человѣкъ можетъ даже чувствовать большій гнѣвъ при воспоминаніи объ обидѣ, чѣмъ другой чувствуетъ въ самый моментъ ея полученія; онъ можетъ любить мать гораздо сильнѣе послѣ ея смерти, чѣмъ при жизни. Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи этой главы, я буду называть объектомъ совершенно всякій предметъ, будетъ ли онъ дѣйствительно присутствовать или только воображаться.

Эмоціи безчисленны по своему разнообразію. Гнѣвъ, страхъ, любовь, ненависть, радость, печаль, стыдъ, гордость и различныя виды ихъ можно назвать низшими (coarser) эмоціями, такъ какъ они

¹⁾ Выдѣлились посредствомъ спеціализаціи.

соединены съ сравнительно сильными тѣлесными возбужденіями. Высшія или болѣе утонченныя эмоціи принадлежатъ къ области моральныхъ, умственныхъ и эстетическихъ чувствованій, а ихъ тѣлесныя реакціи обыкновенно менѣе сильны. Одно только описаніе объектовъ, обстоятельствъ и разнообразныхъ оттѣнковъ различныхъ видовъ эмоцій можетъ занять сколько угодно времени и мѣста. Ихъ внутренніе оттѣнки безконечно переходятъ другъ въ друга, и отчасти запечатлѣны въ языкѣ, какъ, напр., почти синонимическія слова—«ненавистный», «антипатичный», «злоба», «вражда», «отвращеніе», «нерасположеніе», «омерзеніе», «мстительность», «злопамятство» и т. д. Словари синонимовъ и руководства къ психології, дали ихъ отличительные оттѣнки, и нѣкоторые нѣмецкіе учебники психології суть не что иное, какъ диксионары синонимовъ,—по крайней мѣрѣ, въ главахъ, касающихся эмоцій. Но есть границы, за предѣлами которыхъ разработка предмета, очевиднаго для всѣхъ, становится не производительною; а результатомъ напылива работы въ этомъ духѣ явилось то, что отъ Декарта и до нашего времени, самый утомительно-скучный отдѣлъ психології состоитъ изъ этихъ описательныхъ литературныхъ упражненій. И не только они скучны, но вы чувствуете, что ихъ подраздѣленія въ значительной степени или фиктивны, или не основательны, а ихъ претензіи на точность—простое шарлатанство (sham). Къ несчастію, мы имѣемъ очень мало психологическихъ сочиненій объ эмоціяхъ, которыя не были бы только описательными. Намъ интересуютъ описанія эмоцій въ беллетристикѣ, такъ какъ наше устройство заставляетъ переживать ихъ.

Мы росли, знакомясь съ объектами и условіями, вызывающими эмоціи, и умѣлое прикосновеніе къ нашему самонаблюденію заставляетъ насъ быстро отвѣчать чувствомъ на то, что мы находимъ въ книгѣ. Общепризнанныя литературныя произведенія, наполненныя философскими мыслями въ формѣ афоризмовъ, также проливаютъ свѣтъ на нашу эмоциональную жизнь и доставляютъ намъ волнующее удовольствіе. Что же касается «научной психології» объ эмоціяхъ, то быть можетъ, потому, что я чересчуръ переутомился чтеніемъ многочисленныхъ классическихъ работъ по этому предмету, я предпочитаю бы теперь буквальное описаніе вида скаль въ Нью-Гампширѣ, чѣмъ возвратиться вновь къ чтенію вышеупомянутыхъ «научныхъ» сочиненій. Они не даютъ нигдѣ центральной точки зрѣнія, дедуктивныхъ или творческихъ началъ. Они различаютъ, утончаютъ и специфицируютъ эмоціи до безконечности, не приходя никогда къ какому-нибудь другому логическому уровню. Между тѣмъ, красота истинно научныхъ произведеній состоитъ именно въ томъ, что они достигаютъ все болѣе и болѣе глубокаго уровня. Неужели въ изученіи эмоцій нѣтъ пути отъ этого уровня чисто индивидуальныхъ описаній? Я полагаю, что такіе пути есть, если только желаютъ отыскать ихъ и воспользоваться ими.

Причина разнообразія эмоцій. Причина той путаницы въ психології, которая происходитъ относительно эмоцій, состоитъ въ томъ, что имъ чересчуръ приписываютъ характеръ абсолютно-индивидуальныхъ вещей. Пока ихъ разсматриваютъ, подобно прежнимъ, неподвижнымъ видамъ въ зоології, какъ множество вѣчныхъ и священныхъ психическихъ сущностей (entitas), до тѣхъ поръ все, что можетъ быть дано о нихъ, будетъ благоговѣйнымъ каталогомъ ихъ отдѣльныхъ признаковъ, степеней и дѣйствій.

Но если мы будемъ разсматривать ихъ, какъ продуктъ болѣе общихъ причинъ (подобно тому, какъ теперь «виды» считаются продуктомъ послѣдственности и видоизмѣненія), то ихъ различеніе и занесеніе въ каталогъ получить лишь вспомогательное значеніе. Когда имѣешь гусыню, несущую золотыя яйца, то описаніе одного яйца, уже становится на второй планъ. Я посвящаю нѣсколько первыхъ страницъ этой главы установленію одной самой общей причины нашихъ эмоциональныхъ чувствованій, ограничившись сперва тѣми эмоціями, которыя могутъ быть названы низшими (см. ранѣе) или грубыми.

Въ низшихъ эмоціяхъ, чувствованія являются послѣдствіемъ тѣлесныхъ выраженій. Естественный путь нашего мышленія относительно низшихъ эмоцій состоитъ въ томъ, что душевное воспріятіе нѣкоторыхъ фактовъ возбуждаетъ въ насъ душевное волненіе, называемое эмоціей, и что это послѣднее состояніе души вызываетъ тѣлесное выраженіе. По моей же теоріи, наоборотъ, тѣлесныя измѣненія слѣдуютъ прямо вслѣдъ за воспріятіемъ возбуждающаго факта, а эмоціи суть наши чувствованія этихъ самыхъ тѣлесныхъ перемѣнъ. Обыденный здравый смыслъ говоритъ такъ: «мы разорились,—это насъ огорчило и мы плачемъ»; «мы встрѣтились съ медвѣдемъ, испугались и побѣжали»; «мы оскорблены врагомъ, разсвирѣпѣли и ударили его»... Но, по гипотезѣ, которую я буду поддерживать здѣсь, этотъ порядокъ слѣдованія явленій не точенъ: одно душевное состояніе не слѣдуетъ непосредственно за другимъ душевнымъ состояніемъ, а сперва между ними должно появиться тѣлесное состояніе. Поэтому, болѣе рациональное положеніе должно быть сформулировано такъ: «мы чувствуемъ печаль, потому что плачемъ», «мы разсвирѣпѣли, потому что насъ ударили»; «мы испугались, потому что задрожали, (обратились въ бѣгство)»¹⁾; но нельзя сказать, что мы плачемъ, напомнимъ ударъ или дрожимъ, потому что огорчены, озлаблены или испуганы,—какъ это обыкновенно говорятъ. Безъ тѣлеснаго состоянія, слѣдующаго за воспріятіемъ, это послѣднее было бы по своей формѣ чисто познавательнымъ, бѣднымъ, безцвѣтнымъ, лишеннымъ эмоциональнаго жара. Увидѣвъ медвѣда, мы могли бы рѣшить (мыслью), что лучше убѣжать; или, получивъ оскорбленіе, разсудили бы, что слѣдуетъ ударить или, потерявъ состояніе, надумали бы заплакать, но въ дѣйствительности мы не чувствовали бы гнѣва или страха.

Пока моя гипотеза поставлена въ такой общей и грубой формѣ, она легко можетъ возбудить сомнѣнія, а между тѣмъ, не нужно даже очень обширныхъ соображеній, чтобы устранить ея кажущійся парадоксальный характеръ, а быть можетъ, даже заставить признать ея справедливость.

¹⁾ Неточность этой постановки дѣла бросается въ глаза особенно наглядно на этомъ послѣднемъ примѣрѣ: если бы эмоцію страха возбуждала не самая встрѣча съ медвѣдомъ, а то, что мы побѣжали, т. е. тѣлесное состояніе бѣга, то всегда, когда мы бѣгаемъ, мы чувствовали бы страхъ. Но вѣдь можно бѣжать ради удовольствія, можно бѣжать не только спасаясь, но и преслѣдуя врага, добычу. Точно также, если возбуждаетъ горе плачь, а не самое событіе, то и слезы отъ радости (случающіяся часто) вызывали бы чувство горя. Впрочемъ, эти наши возраженія не опровергаютъ нѣкоторыхъ другихъ сторонъ гипотезы Джемса, имѣющихъ известное значеніе.

Начать съ того, что каждое отдѣльное воспріятіе, конечно, производитъ широко-расходящіяся тѣлесныя послѣдствія посредствомъ чего-то въ родѣ непосредственнаго психическаго вліянія, предшествующаго возникшей эмоціи или эмоциональной идеѣ. Слушая стихотвореніе, драму или героическую поему, мы часто неожиданно замѣчаемъ дрожь въ кожѣ, пробѣгающую по ней, подобно волнѣ, а въ промежуткахъ—сжиманія сердца и приступъ слезъ. Это еще болѣе поразительно при слуханіи музыки. Если мы въ лѣсу видимъ внезапно темное движущееся тѣло, наше сердце останавливается, и мы мгновенно задерживаемъ дыханіе, прежде чѣмъ возникнетъ какая бы то ни было раздѣльная идея объ опасности. Если нашъ другъ подошелъ близко къ краю пропасти, нами овладѣваетъ известное каждому ощущеніе «содроганія», мы отступаемъ назадъ, хотя положительно знаемъ, что онъ внѣ опасности, и у насъ не явилось никакого отчетливаго представленія о его паденіи. Авторъ этой книги хорошо помнитъ, что будучи мальчикомъ 7 или 8 лѣтъ, онъ упалъ въ обморокъ, увидавъ кровь послѣ того, какъ ее пустили у лошади. Кровь была въ ведрѣ, и въ ней была палка, и если мѣся не обманываетъ память, я началъ мѣшать кровь этой палкой и смотрѣть, какъ она каплями сбѣгаетъ въ ведро, и при этомъ, не чувствовалъ ничего, кромѣ дѣтскаго любопытства. Вдругъ, все въ моихъ глазахъ потемнѣло, въ ушахъ я почувствовалъ шумъ, и уже затѣмъ не помнилъ ничего. Раньше я никогда не слышалъ, чтобы видъ крови производилъ обморокъ или тошноту, и у меня было такъ мало отвращенія къ крови, такъ мало знанія о какой-либо иного рода опасности отъ крови, что даже въ томъ раннемъ возрастѣ,—какъ я отлично помню,—я не могъ не удивиться тому, что простое присутствіе ведра съ красной жидкостью могло причинить во мнѣ столь огромное тѣлесное потрясеніе.

Лучшимъ доказательствомъ того, что непосредственная причина эмоцій есть физическій эффектъ на наши нервы, служатъ тѣ патологическіе факты, когда появляются эмоціи, не имѣющія соответственнаго имъ объекта. Наибольшая заслуга того взгляда, который я отстаиваю, состоитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что мы можемъ посредствомъ его формулировать очень легко какъ патологическіе, такъ и нормальные случаи въ одной общей схемѣ. Въ каждомъ помѣщеніи для душевно больныхъ, мы найдемъ примѣры абсолютно немотивированнымъ эмоцій—страха, гнѣва, печали (меланхоли) или задумчивости, а также образчики ничѣмъ не мотивированной апатіи¹⁾ упорной и продолжительной, безъ всякихъ внѣшнихъ поводовъ, которые могли бы возбудить эти душевные состоянія. Въ первомъ случаѣ, мы должны предполагать, что нервный механизмъ такъ «связанъ» въ одномъ и томъ же эмоциональномъ направленіи, что почти каждое возбужденіе (какъ бы оно ни было несоответственно съ данной эмоціей), направляется по тому же пути и вызываетъ тотъ особый комплексъ чувствованій, изъ котораго состоитъ психическое цѣлое данной

¹⁾ Едва ли точно выраженіе: „ничѣмъ не мотивированный“. На самомъ дѣлѣ, больные почти всегда мотивируютъ свои эмоціи, но только придумывая сами эти мотивы, иногда совершенно фантастическіе и не соответствующіе действительности.

эмоціи. Такъ, напр., возьмемъ специальный случай: если больной не можетъ глубоко дышать, а въ то же время испытываетъ сердцебиеніе, и ту особую перемену въ пневмогастрической нервной системѣ, которая известна подъ именемъ «предсердечной тоски», съ ея непреодолимымъ стремленіемъ принимать слюненное неподвижное положеніе, съ ея, быть можетъ, и другими внутренностными процессами, еще не известными,—но всегда случающимися одновременно у нѣкоторыхъ лицъ,—то ощущенія такого человѣка, соединяясь вмѣстѣ, даютъ эмоцію страха, и мы имѣемъ въ такомъ больномъ жертву, такъ называемаго, болѣзненнаго страха. Одинъ изъ моихъ друзей, охваченный этой ужаснѣйшей болѣзнью, рассказывалъ мнѣ, что центромъ всей его душевной драмы была область сердца и дыхательнаго аппарата; его главное усиліе, въ теченіе приступа, было направлено на контролированіе вдыханій и на замедленіе сердца, и въ тотъ моментъ, когда ему удавалось вздохнуть глубоко и держать себя прямо, его страхъ, уже въ силу этого факта (*ipso facto*), казался, исчезать.

Здѣсь эмоція есть не что иное, какъ ощущеніе тѣлеснаго состоянія, имѣющее чисто тѣлесную причину.

Теперь слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующее: всякая тѣлесная перемена, какова-бы она ни была, чувствуется ясно или смутно въ тотъ моментъ, какъ она происходитъ.²⁾

Если читатель никогда не обращалъ на это вниманія, то онъ будетъ очень заинтересованъ, а въ то же время и удивленъ, когда узнаетъ, что можетъ уловить въ себѣ многія мѣстныя и весьма различныя тѣлесныя ощущенія, какъ отличительные признаки своихъ различныхъ эмоциональных состояній. Быть можетъ, было-бы неосновательно ожидать, что читатель задержитъ въ себѣ теченіе какого-нибудь сильнаго порыва страсти, чтобы заняться такимъ любопытнымъ ея анализомъ, но онъ можетъ наблюдать болѣе покойныя состоянія, и то, что можетъ быть принято относительно этихъ послѣднихъ, будетъ вѣрно и относительно болѣе сильныхъ порывовъ. Все наше тѣло, занимающее известное кубическое пространство, чувствуется нами—какъ живое, и каждая частичка его даетъ свои нульсанціи ощущеній—слабыя или рѣзкія, пріятныя, мучительныя или неопредѣленныя—тому «чувству личности», которое каждый изъ насъ непрерывно носитъ въ себѣ. Поразительно, до какой степени малы тѣ признаки или отмѣтки, которые подчеркиваютъ для насъ эти комплексы чувствительности. Если мы огорчены хотя-бы чрезвычайно легко, мы можемъ замѣтить, что центромъ этой общей нашей «тѣлесной сознательности» становится нѣкоторое сокращеніе глазъ и бровей, часто въ высшей степени незначительное. Если мы мгновенно очутились въ затруднительномъ положеніи, мы чувствуемъ что-то такое въ горлѣ, что вызываетъ или глотаніе, или потребность слегка кашлянуть какъ-бы для очистки горла. И такихъ примѣровъ можно привести много. Различныя сплетенія, къ какимъ способны эти органическія перемены, даютъ возможность предположить отвлеченно, что нѣтъ такого оттѣнка эмоціи, который не зависѣлъ бы отъ этихъ тѣлесныхъ сплетеній, образующихъ какъ-бы нѣчто «единое» и цѣлое при каждой эмоціи, какъ это и чувствуется нами въ самомъ душевномъ состояніи.

Безконечное число изменяющихся при этом частей и делает то, что нам так трудно воспроизвести в хладнокровном состоянии целое и неразрывное телесное выражение какой-либо эмоции. Мы можем сощурить глаза произвольными мышцами, но мы не можем этого сделать с кожей, железами, сердцем и другими внутренними органами. Совершенно так, как искусно подражаемое чиханье воспроизводит только ничтожную часть действительного, так попытка подражать печали или энтузиазму при отсутствии причины, вызывающей их нормально, будет «пустой ложью».

Теперь я изложу жизненный пункт всей моей теории, который состоит в следующем: если мы вообразим какую-нибудь сильную эмоцию и затем постараемся отвлечь от нашего сознания о ней все чувствования и ощущения, получаемые от ее телесных проявлений (симптомов), мы найдем, что от нее ничего не осталось, никакого «душевного вещества», из которого могла бы состоять эмоция; мы найдем, что все оставшееся есть лишь холодное и безразличное состояние умственного восприятия. Правда, большинство людей, если спросить у них, скажут, что их внутреннее самонаблюдение подтверждает это положение, но иные будут настаивать на обратном. Для других даже самый вопрос будет непонятен. Так, если вы просите их вообразить выкинутыми все ощущения смеха и стремление смеяться, из их сознания о том, что предмет смеха, и затем сказать вам, на что похоже чувство, вызывающее «смешливость» от этого предмета, — будет ли оно тем же большим того восприятия, что этот предмет принадлежит к классу «смешных», — они будут настаивать на том ответе, что предложенная им задача физически невозможна, и что они всегда вынуждены смеяться, когда видят смешной предмет. Конечно, предложенная задача не есть задача практическая, имеющая целью, смотря на смешной предмет, уничтожить в себе стремление смеяться. Она чисто умозрительная, имеющая целью абстрагировать (отвлечь) некоторые элементы чувствования — от эмоционального состояния, предполагаемого существующим во всей его полноте, и чтобы затем сказать, каков будет его остаточный элемент. Я не могу разсчитывать, чтобы все, кто правильно поймет эту задачу, согласились с вышеприведенным положением. Я не могу вообразить себе, какой род эмоции страха остался бы, если бы не было в наличии ни ощущений, связанных с усиленным сердцебиением, ни ощущений укороченного дыхания, ни ощущения дрожания губ и расслабления членов, ни того, что мы чувствуем, когда мурашки пробегают по коже (гусиная кожа), или когда происходит движение в наших внутренних органах и т. п. Можете ли кто-нибудь представить себе состояние гнева и нарисовать в своем воображении не трепетание в груди, не прилив крови к лицу, не расширение ноздрей, не стискивание зубов и не побуждение к сильным действиям, а вместо всего этого — расслабленные мышцы, покойное дыхание и равнодушное лицо? Я безусловно не могу себе представить ничего подобного. Гнев здесь должен совершенно также испариться, как и чувство так называемых его проявлений, и единственная вещь, которую можно было бы предположить на его место, есть какое-то хладнокровное

безстрастное, разсудочное изречение, принадлежащее исключительно к умственному циклу, к числу выводов, что данное лицо или лица должны заслуживать наказания за свои грехи. К подобному же заключению мы должны прийти и относительно скорби: тем бы она была без слез, без рыданий, без замедления сердцебиения, без тяжести в грудной клетке? Простое безчувственное признание, что известными обстоятельствами прискорбны, и больше ничего. При анализировании всякой другой страсти окажется тоже. Эмоция, лишенная тела, есть нечто не существующее (non-entity). Я этим вовсе не хочу сказать, что это не в природе вещей или что чистый дух неизбежно обречен на холодную умственную жизнь; я говорю только, что для нас эмоция, разобщенная со всеми телесными ощущениями и чувствованиями, не мыслима. Чем ближе я всматриваюсь в мои душевные состояния, тем более убеждаюсь, что какие-бы «низшие» волнения и страсти я ни мыслит, они, на самом деле, образуются теми телесными переживаниями, которые мы обыкновенно называем их выражением или следствием, и тем сильнее я верю, что если бы я стал телесно анестетичен, я должен бы был оказаться исключенным из жизни душевных волнений (враждебных или дружелюбных); я был бы обречен на существование только познавательное или мыслительное. Хотя такое существование и казалось идеалом древних мудрецов, но оно чересчур апатично для того, чтобы на него не имели истинного взгляда позднейшие поколения, пережившие стадию поклонения чувственности.

Моего воззрения нельзя назвать материалистическим. Мое воззрение ни более, ни менее материалистично, чем другие взгляды, утверждающие, что наши эмоции обусловлены нервными процессами. Читатель этой книги, вероятно, не возстанет против этого, пока оно выражено в общей форме; а если кто-нибудь еще способен найти материализм в записанном мною тезисе, это должно быть только относительно специальных процессов. Эти процессы чувственные, т. е. происходящие от внутренних токов, возникающих от физических условий. Да, такие процессы платониками в психологии всегда считались имеющими в себе что-то особенно низменное. Но наши эмоции внутренне должны быть всегда тем, что они есть, какова бы ни была физиологическая почва их появления. Если они представляют глубокие, чистые, ценные душевные факты для какой-нибудь теории, стремящейся познать их физиологический источник, они остаются не менее глубокими, чистыми, душевными и ценными с точки зрения моей сенсуалистической теории. Они несут в самих себе внутреннее мерило своей ценности; и столь же логично пользоваться настоящей теорией эмоций для доказательства, что чувственные процессы не обязаны быть непременно низменными и материальными, как и употребляют их минимую низменность и материальность в вид доказательства, что эта теория не может быть справедлива.

Мои взгляды объясняют чрезвычайное разнообразие эмоций. Если моя теория верна, то каждая эмоция есть результат суммы элементов, а каждый элемент имеет своей причиной физиологический процесс того сорта, о котором мы уже достаточно говорили. Все эти элементы

суть органически перемѣны, и каждый изъ нихъ есть рефлекторное дѣйствіе, возбуждаемое объектомъ. Теперь возникаютъ окончательные вопросы,—вопросы, совершенно отличающіеся отъ тѣхъ, которые одни только, и были возможны безъ того взгляда, который мы здѣсь проводимъ. Прежніе вопросы состояли въ томъ: «Къ какому роду (гевега) относится эмоція и къ какому виду слѣдуетъ отнести каждую изъ нихъ?» Или, если дѣло шло объ описаніи, то возникалъ вопросъ: «Какимъ выраженіемъ характеризуется каждая эмоція?» Теперь же возникли вопросы причинные: «Какія перемѣны производитъ этотъ объектъ, и какія перемѣны онъ возбуждаетъ?» Затѣмъ: «какимъ образомъ эти перемѣны, происходящія въ предметѣ, возбуждаютъ въ насъ такіе-то перемѣны, а не другія. Такимъ образомъ мы переходимъ отъ поверхностнаго изслѣдованія къ болѣе глубокому. Классификація и описаніе, это—нижнія ступени науки. Они отступаютъ на задній планъ тотчасъ, какъ только формулированъ вопросъ о причинности, и сохраняютъ свое значеніе настолько, насколько облегчаютъ отвѣтъ на него. Теперь, когда наступилъ моментъ причиннаго объясненія эмоцій, какъ вызываемыхъ объектомъ рефлекторныхъ дѣйствій чувствительныхъ въ тотъ же моментъ, мы непосредственно видимъ, что нѣтъ предѣловъ числу различныхъ возможныхъ эмоцій, видимъ и то, почему эмоціи у различныхъ индивидуумовъ могутъ измѣняться безконечно, какъ относительно ихъ состава, такъ и относительно объектовъ, ихъ вызывающихъ. Въдѣ въ рефлекторномъ дѣйствіи нѣтъ ничего, установленнаго сакраментально, или навѣки. Мы знаемъ, что рефлекторная дѣятельность измѣняется безконечно и возможенъ всякій родъ рефлекторнаго дѣйствія.

Говоря кратко: всякая классификація эмоцій, повидимому, должна быть такъ же правдѣльна и такъ же естественна, какъ и всякая другая, если она служитъ какой-нибудь цѣли. А такіе вопросы, какъ, на примѣръ: каково реальное, или типическое выраженіе гнѣва или страха,—не имѣютъ никакого объективнаго смысла. Въмѣсто этого, мы теперь спрашиваемъ: какимъ образомъ могло возникнуть данное выраженіе гнѣва, или страха? А это реальный вопросъ о физиологическомъ механизмѣ съ одной стороны и объ исторіи его съ другой стороны. На подобный вопросъ, какъ и на всѣ реальные вопросы, возможенъ отвѣтъ по существу, хотя отыскать его, быть можетъ, и не легко. На послѣдней страницѣ я сообщу попытку отвѣчать на него, сдѣланныя ранѣе.

Подтверждающій выводъ.—Если наша теорія вѣрна, то необходимый выводъ изъ нея долженъ быть таковъ: всякое волевое и хладнокровное возникновеніе проявленій определенной эмоціи должно давать намъ самую эмоцію. Теперь, въ предѣлахъ, въ какихъ этотъ выводъ можетъ быть пробѣренъ, опытъ оказывается скорѣе подтверждающимъ, чѣмъ опровергающимъ его. Каждый знаетъ, какъ увеличивается паника дѣствомъ и какъ увеличиваются печаль и гнѣвъ, если мы даемъ ходъ ихъ проявленіямъ. Каждый приступъ рыданій дѣлаетъ печаль болѣе острой и вызываетъ приступы еще болѣе сильные, пока, наконецъ наступаютъ успокоившіе вытѣтъ съ усталостью и съ очевидныхъ истощеніемъ механизма слезъ и рыданій. Во всякомъ припадкѣ страсти замѣчательно, какъ мы вырабатываемъ себя для ея ослабленія, посредствомъ повторяющагося устраниенія ея вѣднншаго выраженія. Остановите выраженіе страсти, и она умретъ. Попро-

будьте считать десять, прежде чѣмъ обнаружите вашъ гнѣвъ, и его причина покажется вамъ странной или смѣшной. Это не просто фигуральное выраженіе, что систомъ мы поддерживаемъ свою храбрость. Съ другой стороны, попробуйте цѣлый день посидѣть въ подавленной позѣ, вздыхая, отвѣчая всѣмъ подавленнымъ голосомъ, и вы значительно усилите свое меланхолическое настроеніе. Всѣ люди, опытные въ моральномъ воспитаніи, знаютъ, что въ немъ самое цѣнное правило таково: если мы хотимъ побѣдить въ себѣ наклонность къ нежелательнымъ эмоціямъ, мы должны терпѣливо и, прежде всего, хладнокровно воспроизводить вѣднншія движенія тѣхъ противоположныхъ наклонностей, которыя мы предпочитаемъ воспитать въ себѣ. Награда нашей настойчивости непременно придетъ въ уничтоженіи злобнаго или мрачнаго настроенія, которое замѣнится веселымъ и яростнымъ. Разгладьте вашъ лобъ, смотрите весело, сократите сильнѣе спящие мускулы и меньшіе брюшные, говорите въ мажорномъ тонѣ, привѣтствуйте любезно встрѣчающихся, и ваше сердце, если оно не затвердѣло, мало-по-малу откроется для свѣтлаго настроенія.

Противъ этого могутъ возразить, что многіе актеры, превосходно передающіе вѣднншія выраженія эмоцій мимикой лица, жестами и голосомъ, заявляютъ, что не чувствуютъ при этомъ вовсе никакихъ эмоцій. Однако, другіе,—по словамъ Арчера, сдѣлавшаго среди актеровъ очень цѣнное статистическое изслѣдованіе,—говорятъ, что только тогда, когда эмоція какой-нибудь роли овладѣваетъ ими, они могутъ играть хорошо. Объяснить разпояснне между артистами очень легко. Тѣ части выраженія эмоцій, которыя связаны съ движеніями организма и внутренностей, могутъ быть подавлены у однихъ индивидуумовъ, а у другихъ нѣтъ. И вотъ у этихъ то послѣднихъ они составляютъ главную часть, отъ которой зависитъ чувствуемая эмоція. Актеры, чувствующіе эмоціи, вѣроятно, не способны,—а тѣ, которые внутренне холодны, способны—совершенно разъединить эмоцію отъ ея выраженія.

Отвѣтъ на возраженіе.—Мы могутъ возразить по поводу общей моей теоріи, что задержка выраженія эмоціи часто дѣлаетъ ее еще болѣе тяжелой и сильной. Такъ, напр., что нибудь смѣшное, если необходимо сдерживать смѣхъ, можетъ достигнуть почти мучительныхъ степеней; если гнѣвъ мы вынуждены подавить ради страха, то онъ обращается въ ненависть. И наоборотъ: когда есть возможность осуществить свободное выраженіе эмоціи, это даетъ облегченіе. Такое возраженіе болѣе кажется возраженіемъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Въ теченіи выраженія эмоціи, эта послѣдняя всегда чувствуется. Послѣ выраженія центръ нормально разряжается, и мы не чувствуемъ болѣе эмоціи. Но тамъ, гдѣ лицевая часть разряженія центра подавлена, тамъ возбужденіе въ груди и внутрнностяхъ можетъ проявиться въ усиленной и болѣе продолжительной степенн, какъ это и бываетъ при подавленномъ смѣхѣ; или же первоначальная эмоція можетъ измѣниться сочетаніемъ объекта, произведшаго ея съ подавляющимъ напряженіемъ, и изъ этой комбинаціи произойдетъ совершенно другая эмоція, въ которой замѣшаны различныя и восторженныя глубокія органическія потрясенія. Если-бы я хотѣлъ, но не смѣлъ убитъ своего врага, моя эмоція была бы, очевидно, совѣсмъ мной, чѣмъ та, какая овладѣла бы мною, если-бы я привелъ въ исполненіе свой

Зарождение эмоциональной реакции. — Каким образом различные объекты достигают того, что, возбуждая эмоцию, производят ту или другую специальную и различную телесную пертурбацию? Этот вопрос не ставился до новейшего времени, но теперь уже были сделаны интересные попытки ответить на него.

Некоторые движения, выражающие эмоцию, могут быть объяснены как ослабленные повторения тех движений, которые первоначально (когда они были сильнее) являлись полезными для человека. Другим же суть также ослабленные повторения тех движений, которые, при иных условиях, были физиологически необходимыми спутниками полезных движений. Из этих последних реакций, дыхательные нарушения, в гнѣвъ и страхъ, могут быть взяты за образцы органических воспоминаний, как бы отражений, въ воображении, усилий человека, делающего рядъ движений борьбы или бѣгства, когда приходилось тяжело дышать. По крайней мѣрѣ, таково объяснение, даваемое Гербертомъ Спенсеромъ, которое было принято многими. Но онъ также первый, — насколько я знаю, — подаетъ мысль, что другие движения гнѣва и страха могут быть объяснены рудиментарнымъ возбужденіемъ техъ актовъ, которые когда-то давно были полезны предкамъ. «Испытывать, — говоритъ онъ, — въ слабой степени то душевное состояние, какое сопровождаетъ получение ранъ, или переживаемое когда-то въ моменты спасения бѣгствомъ, — вотъ то значить быть въ томъ состоянии, которое мы называемъ страхомъ. А имѣть въ слабой степени тѣ душевные состояния, которые возбуждаются схватываніемъ добычи, убіеніемъ ея и поѣданіемъ, это значить имѣть желаніе схватить, убить, съѣсть. Что наши склонности къ дѣйствию суть не что иное, какъ рудиментарныя возбужденія техъ психическихъ состояній, которые связаны съ этими дѣйствіями, доказывается естественнымъ языкомъ нашихъ склонностей. Страхъ, если онъ силенъ, выражается въ крикахъ, въ усиленныхъ убѣжать или спрятаться, въ біеніяхъ сердца и въ дрожаніи, а эти симптомы суть какъ разъ тѣ проявленія, которые происходятъ вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ страданіемъ отъ страшнаго врага. Разрушительныя страсти проявляются въ общемъ напряженіи мускульной системы, въ скрежетаніи зубами и выпусканіи когтей, въ расширеніи глазъ и ноздрей, сопровождаемомъ фырканьемъ, и все это — болѣе слабыя формы техъ дѣйствій, которые сопровождали убіеніе добычи. Къ этимъ объективнымъ доказательствамъ каждый можетъ добавить субъективные доказательства. Каждый можетъ удостоверить, что психическое состояніе, именуемое страхомъ, состоитъ въ умственномъ представленіи нѣкоторыхъ послѣдствій, причиняющихъ страданіе, и что то состояніе, которое называютъ гнѣвомъ, состоитъ изъ умственныхъ представленій техъ дѣйствій и впечатлѣній, которые случались бы съ нами въ то время, когда мы причиняли-бы другимъ какого либо рода страданіе».

Принципъ переживания (въ ослабленной формѣ) техъ реакций, которые употреблялись или были обычны въ болѣе сильной формѣ относительно объекта, вызвавшего эмоцію, подходит множеству примѣсловъ. Такъ, слабыя симптомы, какъ брезгливость или выражение презрѣнія, состояща въ подниманіи губъ надъ верхними зубами (или комъ), объясняются Дарвиномъ какъ пережитокъ того времени, когда

наши предки лѣзли большіе камни и оскаливалили ихъ для напастія (какъ теперь дѣлаютъ собаки). Подобнымъ-же образомъ прищипываніе бровей вверхъ при вниманіи, открываніе рта при изумленіи, идетъ, по мнѣнію Дарвина, отъ той пользы, какую могли приносить эти движенія въ крайнихъ случаяхъ. Подниманіе бровей помогало большему раскрыванію глазъ для лучшаго видѣнія; открываніе рта сопутствовало усиленному прищипыванію и быстрой задержкѣ дыханія, которые предшествовали мускульнымъ усиленіямъ. Расширеніе ноздрей въ гнѣвъ объясняется Спенсеромъ также, какъ эхо техъ присмовъ, какими наши предки дышали, во время борьбы, когда ихъ «ротъ былъ занятъ схватываніемъ частию тѣла ихъ противника» (!). Относительно дрожанія, вызываемого страхомъ, Мантеганца полагаетъ, что оно было результатомъ стремленія увеличить жаръ крови (!). Покраснѣніе лица и шен Вундтъ называетъ компенсационнымъ (уравновѣшивающимъ) приспособленіемъ для облегченія мозга отъ кровяного давленія, которое приносило съ собою одновременное возбужденіе сердца. Источеніе слезъ объясняется Вундтомъ и Дарвиномъ, какъ подобное же отвлеченіе притока крови. Сокращеніе мускуловъ вокругъ глазъ, первоначальное назначеніе котораго состояло въ защитѣ этихъ органовъ отъ чрезмернаго прилива крови во время крика въ дѣтствѣ, переживаетъ въ зрѣломъ возрастѣ — въ формѣ нахмуриванія бровей, которое наступаетъ въ то мнovenіе, когда что-нибудь тяжелое или неприятое возникаетъ передъ нами въ мысли или въ дѣйствіи.

«Такъ какъ привычка сокращать брови слѣдовала у дѣтей въ теченіи безчисленныхъ поколѣній въ началѣ каждаго крика или плача», — говоритъ Дарвинъ, — «то она прочно ассоціировалась съ наступающимъ чувствованіемъ чего-нибудь печальнаго или неприятаго. Отсюда, при подобныхъ же условіяхъ, она могла быть способна продолжаться и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя никогда не развивалась здѣсь до крикливаго плача. Вопли и плачъ начали произвольно задерживать еще въ раннемъ періодѣ жизни, но нахмуриваніе бровей едва-ли задерживается въ какомъ бы то ни было возрастѣ».

Другой принципъ, которому Дарвинъ не отдастъ, быть можетъ, достаточной справедливости, можно назвать принципомъ сходнаго реагирования на побужденія сходнаго чувствованія. Можно составить цѣлый словарь изъ описательныхъ прилагательныхъ именъ, которые одинаково примѣняются для выраженія отбѣнковъ ощущеній, принадлежащихъ самымъ различнымъ сферамъ чувствъ; такъ, напр., мы называемъ сладкимъ — и выраженіе лица, и вкусовое ощущеніе; мы говоримъ «богаты», «прочны», «остры», относительно всѣхъ классовъ свойствъ. Вундтъ и Пидеритъ одинаково объясняютъ много изъ самыхъ выразительныхъ нашихъ реакцій на моральныя причины символическими вкусовыми движеніями. Какъ только возникаетъ какой-нибудь такой случай, который имѣетъ нѣкоторое сходство съ ощущеніемъ сладости или горечи, или кислоты, мы совершаемъ тѣ самыя движенія, которые были-бы у насъ результатомъ того вкусового ощущенія, которому соответствуетъ данный случай. «Всѣ состоянія мысли, которые языкъ обозначаетъ метафорами — горькій, сладкій, острый, — комбинируются, благодаря этому, съ соответствующими мимическими движеніями рта». Конечно, эмоція вкусового отвращенія (пеу-

довольствия) или, наоборот, удовлетворения—выражаются этимъ же мимическимъ способомъ. Мимика отвращения имѣть признаки сходные съ тѣми движеніями, которыя мы дѣлаемъ при наступленіи тошноты или рвоты, при чемъ она часто ограничивается только гримасой губъ и носа; чувство же вкусового удовольствія сопровождается мимикой сосанія чего-то сладкаго, или вообще такимъ движеніемъ губъ, которое мы дѣлаемъ, когда смакуемъ что-нибудь вкусное. Обыкновенный жестъ отрицанія (состоящій у европейцевъ въ поворачиваніи головы около ея оси вправо и влево) есть реакція, употребляемая первоначально ребятишками для того, чтобы оттолкнуть что-нибудь неприятное отъ своего рта, и это движеніе можно наблюдать выполняемымъ въ совершенствѣ въ любой дѣтской. У взрослыхъ это движеніе различается отъ дѣтскаго только тѣмъ, что оно возбуждается не предметомъ, подносимымъ ко рту, а одной идеей о немъ и о чемъ бы то ни было, чего мы не ждемъ. Подобно этому, движеніе головой, направленное впередъ, выражающее обыкновенно согласіе или утвержденіе, напоминаетъ то движеніе, которое мы дѣлаемъ, когда беремъ въ ротъ пищу. Связь выражений моральнаго или социального удовольствія или отвращения,—особенно у женщинъ,—съ движеніями, имѣющими совершенно определенное происхожденіе съ обонятельной функціей, настолько очевидна, что доказывать ее не нужно. Миганіе есть результатъ всякой угрожающей неожиданности и происходитъ не только тогда, когда какая-нибудь опасность угрожаетъ глазу; а мгновенное отворачиваніе глазъ очень способно быть первымъ симптомомъ отвѣта на неожиданное и неприятное предложеніе. Этихъ примѣровъ достаточно для поясненія выразительныхъ движеній—по сходству.

Но если нѣкоторыя изъ нашихъ эмоціональныхъ реакцій могутъ быть объяснены двумя вышеуказанными принципами (а самъ читатель почувствуетъ, какъ условно и натянуто это объясненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ), то остается много реакцій, которыя вовсе не могутъ быть объяснены, и такія реакціи мы должны поставить особо, какъ чисто идиопатическія слѣдствія возбужденій. Таковы, напр., слѣдствія возбужденія внутреннихъ органовъ и внутреннихъ железъ, сухость рта, поносъ и рвота при страхѣ, усиленное возбужденіе въ мочевомъ пузырьѣ, производящее иногда желтуху послѣ сильнаго гнѣва (rage), выдѣленіе мочи при кровавомъ возбужденіи, судороги мочевого пузыря при испугѣ, зѣваніе при какомъ-нибудь ожиданіи, ошупеніе «влубка въ горлѣ» при печали, смѣхъ или глотаніе при замѣнательствѣ и смущеніи, «предсердечная тоска» при страхѣ, измѣненія зрачка, различныя измѣненія влажности кожи, ея общій или мѣстный холодъ или жаръ и покраснѣніе, выстѣсъ съ другими симптомами, которые вѣроятно существуютъ, но только очень подавлены, такъ что ихъ невозможно замѣтить и назвать. Дрожаніе, которое было найдено при многихъ возбужденіяхъ кромѣ ужаса, относится Спенсеромъ и Мантегацца къ явленіямъ патологическимъ. Таковы же и другіе сильные симптомы ужаса: они вредны для существа, переживающаго ихъ. Въ столь сложномъ организмѣ, какъ нервная система, должно быть много случайныхъ (incidental) реакцій, которымъ въ отдѣльности и независимо отъ другихъ реакцій никто не отдавался ради какой-нибудь пользы, какую онѣ могли бы имѣть. Морская болѣзнь, шекотливость, застѣнчивость, лю-

бовь къ музыкѣ (?), различныя склонности къ опьяняющимъ веществамъ, а, пожалуй, и вся эстетическая жизнь человѣка должны быть прослѣжены до этого случайнаго происхожденія.

Было бы нелѣпостью предполагать, что ни одна изъ реакцій, называемыхъ эмоціональными, не могла возникнуть этимъ quasi-случайнымъ путемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

И Н С Т И Н К Т Ъ.

Опредѣленіе инстинкта. — Инстинктъ опредѣляется обыкновенно какъ способность дѣйствовать такимъ способомъ, который достигалъ-бы извѣстныхъ цѣлей, безъ предвидѣнія этихъ цѣлей и безъ предварительнаго пріученія (или воспитанія) къ ихъ выполненію. Инстинкты суть функціональныя коррелаты строевннхъ организма¹⁾.

Съ существованіемъ какого-либо органа идетъ, такъ сказать, почти врожденная его приспособленность для его употребленія.

Всѣ дѣйствія, которыя мы называемъ инстинктивными, совершаются сообразно общему типу рефлекса; они вызываются опредѣленными чувственными стимулами, происходящими или при соприкосновеніи съ самимъ тѣломъ животнаго, или на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Кошка бѣжитъ за мышью, но она же бѣжитъ отъ собаки или обороняется отъ нея, избѣгаетъ падать со стѣны и деревьевъ, боится огня и воды и т. д. не потому, чтобы у нея было какое-нибудь понятіе о жизни и смерти или о своей особѣ самосохраненіи. По всей вѣроятности ни одно изъ этихъ понятій не было получено ею такимъ способомъ, чтобы она могла опредѣленно на него реагировать. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ она дѣйствуетъ отдѣльно и только потому, что она не можетъ дѣйствовать иначе. Она устроена такъ, что, когда какая-нибудь убѣгающая вещь, напоминающая мышь, появляется въ ея полѣ зрѣнія, она должна ее преслѣдовать. Когда-же она встрѣчается съ какимъ-нибудь лающимъ, шумнымъ существомъ, напоминающимъ собаку, она должна убѣгать, если находится отъ нея на нѣкоторомъ разстояніи, или параняться, оцѣгиваться и выпускать когти, если это существо совсѣмъ близко. Она должна оберегать свои ноги отъ воды, а мордочку отъ огня и т. д. Ея нервная система въ значительной

¹⁾ Т. е. инстинктами мы называемъ тѣ функціи (отправленія) организма, которыя непосредственно относятся къ себѣ приспособленія организма (коррелятивныя, въ общ. — соотносительныя).

степени заранѣе организована такъ, чтобы совершать подобнаго рода реакціи. Онѣ совершаются такимъ же роковымъ образомъ, какъ чиханіе, и столь же точно соответствуютъ своимъ особымъ специальнымъ возбудителямъ, какъ чиханіе соответствуетъ своимъ собственнымъ возбудителямъ. Хотя натуралистъ можетъ, для собственного удобства, классифицировать эти реакціи подъ одну общую рубрику, однако онъ не долженъ забывать, что у животнаго реакціи вызываются особымъ ощущеніемъ или воспріятіемъ, или образомъ.

На первый взглядъ эта точка зрѣнія внушаетъ намъ недоумѣніе безчисленнымъ количествомъ специальныхъ приспособленій, которыми, по ея предположенію, должно быть надѣлено животное, чтобы совершать всѣ необходимыя дѣйствія относительно окружающихъ предметовъ, при чемъ эти приспособленія должны, такъ сказать, предусматривать заранѣе (антиципировать) свойства и характеръ этихъ вѣншихъ предметовъ. Можетъ ли взаимная зависимость животнаго и его среды быть такъ непосредственна и заходить такъ далеко? Неужели каждое существо рождается приспособленнымъ къ каждой другой отдѣльной вещи и исключительно къ нимъ, какъ ключъ приспособленъ къ своему замку? Несомнѣнно, приходится вѣрять, что это—дѣйствительно—такъ. Каждый уголокъ и каждая трещинка въ твореніи, до нашей собственной кожи и внутреннихъ включительно, имѣютъ своихъ живыхъ обитателей, обладающихъ органами, соответствующими мѣсту ихъ жизни, чтобы поглощать и переварить пищу, даваемую имъ средой, и чтобы защищаться отъ опасностей, какія могутъ встрѣтиться именно въ данномъ мѣстѣ; такимъ образомъ, уточненная миниатюрность приспособленія оказывается безграничною. Точно также невозможно указать границъ уточненности миниатюрности въ области поведенія, которое выполняютъ различные обитатели творенія.

Прежнія сочиненія объ инстинктахъ изобилуютъ бесплоднымъ множествомъ словъ, такъ какъ ихъ авторы никогда не доходили до этой опредѣленной и простой точки зрѣнія, а сводили все къ туманному чуду ясновидѣнія и пророческаго дара животныхъ (превышающихъ все что нибудь подобное у человѣка), а также къ божественной благодати, надѣлившей животныхъ такими дарами. Но божественная благодать прежде всего одарила животныхъ нервной системой и, обративъ на это наше вниманіе, она сдѣлала инстинктъ не болѣе и не менѣе удивительнымъ чудомъ, какъ всѣ другія факты жизни.

Каждый инстинктъ есть побужденіе (импульсъ). Назовемъ ли мы такіе побужденія, какъ побужденія къ покраснѣнію кожи, чиханію, кашлю музыкальной ритмичности, улыбка и т. п., инстинктами, или нѣтъ, это—дѣло простой терминологіи. И тамъ, и тутъ психологическій процессъ—совершенно одинаковъ. Д-ръ Шнейдеръ, въ своей превосходной книгѣ «О воляхъ животныхъ», подраздѣляетъ побужденія (Triebe) на побужденія—ощущенія, побужденія—воспріятія и побужденія—идеи. Побужденіе, заставляющее насъ ежиться отъ холода, представляетъ побужденіе, исходящее отъ ощущенія; стремленіе, при видѣ бѣгущей толпы, повернуть и бѣжать за нею, это—побужденіе воспріятія; стремленіе найти себѣ убѣжище отъ дождя или вѣтра есть побужденіе, идущее отъ воображенія (или идеи). Отдѣльное сложное инстинктивное дѣйствіе можетъ включать въ себя по-

сѣдовательно пробужденіе побужденій всѣхъ трехъ классовъ. Такъ, голодный левъ начинаетъ искать добычу, благодаря пробужденію въ его воображеніи образа, связаннаго съ желаніемъ; онъ начинаетъ выслѣживать ее, когда на его глазъ, ухо или ноздри подѣйствовало впечатлѣніе присутствія дичи на известномъ разстояніи; онъ преслѣдуетъ ее явн тогда, когда добыча въ ужасѣ обращается въ бѣгство, или когда разстояние до нея достаточно уменьшилось; онъ вонзаетъ въ нее зубы и пожираетъ ее, когда испытываетъ ощущеніе прикосновенія къ ней своихъ когтей и челюстей. Исканіе, выслѣживаніе, преслѣдованіе и похищеніе суть именно сочетанія многочисленныхъ мускульныхъ сокращеній различнаго сорта, и никакой сортъ этихъ сокращеній не вызывается побужденіемъ, вызывающимъ другой сортъ сокращеній.

Теперь спросимъ себя: почему различныя животныя совершаютъ дѣйствія которыя намъ кажутся странными, когда пѣются на-лино побужденія или стимулы, совершенно чуждые намъ самимъ? Почему, напримѣръ, курица обрекаетъ себя на скуку выснаживанія такой страшно неинтересной вещи, какъ гнѣздо съ яйцами, если у нея нѣтъ чего-то вроде пророческаго предвкусенія результата? Единственный отвѣтъ, который можно дать на это, есть отвѣтъ ad hominem (т. е. примѣняясь къ склонностямъ самого человѣка). Мы можемъ объяснять инстинкты другихъ животныхъ только по тому, что мы знаемъ о собственныхъ инстинктахъ. Почему люди всегда, если могутъ, ложатся на мягкую постель охотнѣе, чѣмъ на голый, твердый полъ? Почему, въ холодный день, они садятся вокругъ каминна? Почему, сидя въ комнатѣ, они 99 разъ на 100 размѣщаются лицомъ къ ея срединѣ, а не къ стѣнамъ? Почему они предпочитаютъ «сѣдло барашка» и шампанское твердому сухарю и грязной водѣ? Почему дѣвушка такъ интересуется юпошю, что всякая бездѣлка, касающаяся ея, кажется ему важнѣе и значительнѣе всего на свѣтѣ? На это нельзя отвѣтить ничего, кромѣ того только, что таковы пути человѣческіе и что каждое созданіе любитъ свои особые пути и слѣдуетъ по нимъ безъ всякихъ разсужденій. Можетъ придти наука и изслѣдовать эти пути, и найти, что большая ихъ часть—полезна. Но не ради ихъ полезности живыя существа слѣдуютъ по этимъ путямъ, а потому, что въ моментъ этого слѣдованія по нимъ, мы чувствуемъ, что только это намъ свойственно и естественно дѣлать. Не найдется на биліонѣ людей одного человѣка, который, обѣдая, думалъ-бы о пользѣ ѣды. Онъ ѣстъ потому, что пища ему кажется вкусной и заставляетъ его продолжать ѣду. Если вы его спросите, почему онъ сталъ бы ѣсть больше то, что ему кажется приятнымъ на вкусъ, онъ вѣсто того, чтобы отвѣчать вамъ, какъ философъ, засмѣется, вѣроятно, надъ вами, какъ надъ дуракомъ. Связь между вкусовыми ощущеніями и дѣйствіями, которыя они вызываютъ, является для него безусловной и «понятной сама по себѣ» (selbstverständlich), «априорнымъ синтезомъ» самого совершеннаго сорта, не требующимъ никакихъ доказательствъ, кромѣ своей собственной очевидности. Говоря кратко, тутъ происходитъ то, что Беркли называлъ «жолъ, собитымъ съ тол-у ученіемъ до такой степени, что ему кажется страннъ: ли естественныя вещи, и онъ задался вопросомъ «почему» о какомъ-нибудь инстинктивномъ человѣческомъ дѣйствіи. Только одному метафизику приходятъ въ голову такіе

вопросы, какъ «почему мы улыбаемся, а не хмуримся, когда намъ что-нибудь приятно? Почему мы не способны говорить съ толпой такъ, какъ говоримъ съ единственнымъ другомъ? Почему намъ нравится именно вотъ эта, а не какая-нибудь другая дѣвушка?» Обыкновенно человѣкъ можетъ только сказать: «Само собой понятно—почему мы улыбаемся; само собой понятно, почему наше сердце бьется сильнѣе, когда мы говоримъ съ толпой; само собой понятно, что мы любимъ молодую дѣвушку, что прекрасная душа вложена въ совершенную форму, очевидно и явно созданную такъ отъ вѣчности, чтобы ее любить!»

И, по всей вѣроятности, также чувствуетъ каждое животное относительно тѣхъ особыхъ дѣйствій, которыя оно стремится совершить въ присутствіи особыхъ предметовъ. Эти его дѣйствія тоже представляютъ апріорный синтезъ. Для льва—это именно львица создана такъ, чтобы онъ ее любилъ; для медвѣдя—медвѣдица. Для насѣдки, если-бы она могла мыслить понятіями, казалось бы чудовищнымъ, что въ мірѣ могутъ быть существа, для которыхъ гнѣздо съ яйцами не было бы самымъ очаровательнымъ и драгоцѣннымъ предметомъ, сидѣть на которомъ пріятно безъ конца.

Такимъ образомъ можно быть увѣреннымъ, что, какъ бы ни казались намъ таинственными нѣкоторые инстинкты животныхъ, имъ покажутся на менѣ таинственными наши. А отсюда мы можемъ вывести, что животному, которое повинуется своему инстинкту,—каждое побужденіе и каждая ступень инстинкта освѣщается его особеннымъ, вполне достаточнымъ свѣтомъ и представляется въ нужный моментъ единственнымъ вѣчно правильнымъ и соответственнымъ дѣйствіемъ, которое надо совершить. И это дѣйствіе совершается исключительно ради него самого. Какое ужасное событіе могло-бы отклонить муху отъ кладки своихъ яичекъ, когда она нашла наконецъ нужный ей листокъ или навозъ, или гнилое мясо? Развѣ такая кладка не кажется ей тогда единственной важной вещью въ мірѣ? И развѣ для этого ей нужно тогда заботиться и думать о будущности потомства и его пищѣ?

Инстинктъ не всегда слѣпъ и неизмѣненъ. Ничто не можетъ быть общезвѣстнѣе, какъ замѣчаніе, будто-бы человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ почти полнымъ отсутствіемъ инстинктовъ и что у него ихъ инстинкты замѣняются разумомъ. Бесплодныя пренія объ этомъ вопросѣ могутъ тянуться бесконечно у двухъ теоретиковъ, если они не озаботились заранее опредѣлить свои термины. Мы, конечно, не будемъ спорить о словахъ, когда дѣйствительность даетъ по этому предмету достаточное число фактовъ. У человѣка гораздо больше разнообразія въ побужденіяхъ (импульсахъ), чѣмъ у какого-нибудь другого животного; и каждый изъ этихъ импульсовъ, взятый самъ по себѣ, также «слѣпъ», какъ самый низшій инстинктъ. Но благодаря памяти, способности размышленія, способности вывода, каждое изъ этихъ инстинктивныхъ побужденій, послѣ того, какъ человѣкъ разъ выполнилъ ихъ и узналъ на опытъ ихъ результаты, связывается для него съ предвидѣніемъ этихъ результатовъ. При такихъ условіяхъ, можно сказать, что какое-нибудь инстинктивное побужденіе, которое дѣйствуетъ на него, должно дѣйствовать, по крайней мѣрѣ отчасти, ради своихъ результатовъ. Очевидно, что каждое инстинктивное дѣйствіе у живого, обладающаго памятью, пере-

стало быть слѣпымъ, послѣ того, какъ оно однажды повторено и должно сопровождаться предвидѣніемъ его «конца» (цѣли) какъ разъ настолько, насколько этотъ конецъ (или цѣль) могъ быть познать животнымъ. Насѣкомое, кладущее свои яйца въ такое мѣсто, въ которомъ оно никогда не видѣло ихъ созрѣвшими, должно конечно дѣлать это «слѣпо»; но о курицѣ, которая уже высиживала цыплятъ, можно-ли утверждать, что она сидитъ на яйцахъ съ полнымъ познаніемъ о послѣдствіяхъ? Во всѣхъ случаяхъ, подобныхъ этому, должно возникать нѣкоторое ожиданіе послѣдствій, и это ожиданіе, такъ какъ оно всегда есть ожиданіе чего-либо пріятнаго или непріятнаго, должно необходимо или усиливать, или задерживать самый импульсъ. Идея курицы о цыплятахъ, вѣроятно, подкрѣпляла бы ея сидѣніе; съ другой стороны, воспоминаніе крысы о томъ, какъ она прежде усвоилась отъ крысолова, должно бы было нейтрализовать ея побужденіе схватить приманку, напоминающую о крысоловѣ. Когда мальчуганъ видитъ толстую жабу, у него, вѣроятно, является неудержимое побужденіе (особенно, въ присутствіи другого мальчика) разожжить это пресмыкающееся камнемъ. Можно предположить, что этому интересу онъ подчиняется «слѣпо». Но что-нибудь въ судорожныхъ движеніяхъ лапокъ умирающей жабы возбуждѣтъ въ немъ чувство омерзѣнія къ этому поступку, или же напомнимъ ему то, что онъ слышалъ о страданіяхъ животныхъ, чувствующихъ подобно ему самому, эти страданія,—и, вотъ, когда вскорѣ послѣ этого случая онъ снова встрѣтитъ жабу и почувствуетъ желаніе убить ее, въ его умѣ можетъ родиться мысль, которая не только удержитъ его отъ жестокаго поступка, но можетъ даже сдѣлать его защитникомъ жабы отъ менѣе размысливающихъ товарищей.

Отсюда ясно, что дѣло не въ томъ, насколько хорошо первоначально надѣлено инстинктами животное, но во всякомъ случаѣ его дѣйствія, являющіяся результатами ихъ, очень измѣнятся, если инстинкты комбинируются съ опытомъ, т. е. если въ добавленіе къ инстинктивному побужденію у него будутъ дѣйствовать воспоминанія, ассоціаціи идей, выводы и ожиданія въ сколько-нибудь значительной степени. Предметъ *O*, на который былъ у него инстинктивный импульсъ реагировать способенъ *A*, вызвалъ бы у него непосредственно эту реакцію. Но *O* сталъ въ то же время для него признакомъ близости *P*, реагировать на который у него есть не менѣе сильный импульсъ *B*, совершенно не похожій по способу дѣйствія на *A*. Такимъ образомъ, когда онъ встрѣчаетъ *O*, то непосредственный импульсъ *A* и отдаленный импульсъ *B* борются въ немъ за свое господство. Роковой характеръ и однообразие, которые будто-бы характеризуютъ инстинктивные дѣйствія, будутъ здѣсь проявляться такъ мало, что кто нибудь, пожалуй, станетъ и совсѣмъ отрицать существованіе у него какого-нибудь инстинкта относительно *O*. Но такое умозаключеніе было-бы весьма ошибочно. Инстинктъ относительно *O* здѣсь есть, но только, благодаря осложненію ассоциированными воспоминаніями, онъ начнетъ приходить въ столкновеніе съ другимъ инстинктомъ относительно *P*.

Здѣсь мы непосредственно получаемъ добрые плоды нашей простой физиологической теоріи объ инстинктѣ. Если инстинктъ есть только воз-

буждающе-двигательный импульс, обусловленный предположением иббогорой «нервной дуги» въ нервныхъ центрахъ даннаго существа, то, конечно, инстинктъ долженъ слѣдовать закону всѣхъ такихъ рефлекторныхъ дугъ. Однимъ изъ отанчій дѣятельности такихъ дугъ является то, что эта дѣятельность подвергается «задержкѣ» со стороны другихъ процессовъ, происходящихъ въ то же самое время. При этомъ безразлично, организована ли эта дуга отъ рожденія, или произвольно сложилось впоследствии, или порождена установившейся привычкой, — она должна конкурировать со всѣми другими дугами и порою имѣть успѣхъ сравнительно съ ними, порою же наоборотъ. По мистическому взгляду на инстинкты, ихъ слѣдовало бы считать неизмѣняющимися. Физиологическій же взглядъ требуетъ допущенія неправильностей (уклоненій) въ каждомъ животномъ, у котораго число отдѣльныхъ инстинктовъ и возможное вхожденіе однихъ и тѣхъ же стимуловъ во многіе изъ нихъ, было бы велико. И вотъ эти-то неправильности (уклоненія) и оказываются въ изобиліи въ инстинктахъ каждаго высшаго животного.

Тамъ, гдѣ у животного умъ уже развился настолько, что возникла способность различенія, а также тамъ, гдѣ, — вмѣсто того, чтобы отдаться какому-нибудь дѣйствию мгновенно по первому неопредѣленному возбужденію отъ предмета извѣстнаго сорта, — животное выкидываетъ, чтобы замѣтить, какой именно передъ нимъ предметъ изъ этого сорта и при какихъ обстоятельствахъ онъ полвлется, — наконецъ, тамъ, гдѣ различные индивидуумы и различные обстоятельства могутъ направлять его на различные пути, — вездѣ, гдѣ существуютъ такіе условия, передъ нами нечто иное, какъ замаскированное элементарное строеніе инстинктивной жизни. Вся исторія нашихъ сношеній съ низшими и дикими животными есть исторія о томъ, какія преимущества мы имѣли передъ ними, благодаря тому, что они судили о предметахъ только по внѣшнему виду таковыхъ, сами идя на приманки и убивая себя въ ловушкахъ. Въ нихъ природа оставила матерію въ ея сыромъ видѣ и дала имъ возможность дѣйствовать всегда такимъ способомъ, который бываетъ правильнымъ не всегда, а только чаще всего. На свѣтѣ гораздо больше червей, не надѣтыхъ на удочки, чѣмъ надѣтыхъ на нихъ, поэтому природа и сказала рыбамъ вообще: «Дѣти, хватайте каждаго червяка и добивайтесь успѣха». По мѣрѣ того, какъ ея дѣти развивались выше и выше, и ихъ жизнь становилась дороже, сама природа уменьшаетъ для нихъ рискъ. Съ тѣхъ поръ, какъ то, что кажется однимъ и тѣмъ же предметомъ, можетъ быть на самомъ дѣлѣ то пицей, то приманкой; съ тѣхъ поръ, какъ, у общественныхъ животныхъ видовъ, каждый индивидуумъ можетъ оказаться, смотря по обстоятельствамъ, то другомъ, то врагомъ, съ тѣхъ поръ, какъ каждый предметъ, если онъ совершенно незнакомъ, можетъ считаться и вреднымъ, и полезнымъ, — природа вселяетъ въ животное противоположные импульсы дѣйствія относительно многихъ классовъ вещей, предоставляя ему самому, при легкомъ измѣненіи въ условіяхъ даннаго частнаго случая, рѣшать, какой изъ импульсовъ долженъ быть выполненъ въ данную минуту. Такимъ образомъ, жадность и подозрительность или осторожность, застенчивость и спящее желаніе, тщеславіе и скромность, общительность и угроза у высшихъ птицъ и млеко-

питающихъ, повидимому, также борются другъ съ другомъ и находятся въ столь же неустойчивомъ равновѣсіи, какъ и у человека. Всѣ они суть импульсы врожденные и первоначально — слѣпые, производящіе двигательныя реакція строго опредѣленнаго сорта. Поэтому каждый изъ нихъ есть инстинктъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно опредѣляютъ инстинктъ. Но эти инстинкты противорѣчатъ другъ другу, а потому, въ каждомъ частномъ случаѣ, «опытъ» рѣшаетъ, какой изъ нихъ долженъ быть примѣненъ. При такихъ условіяхъ, животное, хотя и пользуется своими инстинктами, но теряетъ видъ «инстинктивной» машины, п оказывается, что оно ведетъ свою жизнь при посредствѣ обдумыванія и выбора, т. е. при посредствѣ умственной жизни; однако, не потому, что у него нѣтъ инстинктовъ, а скорѣе — наоборотъ потому, что, благодаря изобилію у него инстинктовъ, пути этихъ послѣднихъ скрещиваются между собою.

Итакъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что, — какъ бы иногда по казалась неопредѣленной реакція человека на окружающую среду, сравнительно съ опредѣленностью реакцій у низшихъ животныхъ, — эта неопредѣленность, по всей вѣроятности, зависитъ вовсе не отъ того, что у человека недостаетъ какого-либо «начала», которое есть у животныхъ. Наоборотъ, человекъ обладаетъ всѣми импульсами, какіе есть у животныхъ, и еще многими другими, какихъ нѣтъ у животныхъ. Иными словами, между инстинктомъ и разумомъ нѣтъ антагонизма по существу. Разумъ, самъ по себѣ (per se), не можетъ остановить побужденія (импульса); единственно что можетъ нейтрализовать или задержать импульсъ, это какой-нибудь другой импульсъ, явившійся на другомъ пути. Однако, разумъ можетъ сдѣлать выводъ, который возбудитъ образъ, способный измѣнить путь импульса. Такимъ образомъ, хотя животное съ самымъ богатымъ разумомъ въ то же время есть животное самое богатое инстинктивными импульсами, оно никогда не оказывается такимъ фатальнымъ автоматомъ, какимъ должно быть животное только инстинктивное.

Два принципа, нарушающіе однообразие. — Инстинкты, могутъ быть замаскированы у взрослого животного еще и двумя другими причинами, а именно:

- а) задержкой инстинктовъ привычкой; и
- б) переходящимъ характеромъ инстинктовъ.
- а) Законъ задержки инстинктовъ привычками таковъ: Когда извѣстнаго класса предметъ вызываетъ у животного извѣстный сортъ реакцій, часто случается, что животное становится болѣе склоннымъ къ тому экземпляру изъ числа предметовъ даннаго класса, на который оно уже реагировало въ первый разъ. П впоследствии оно уже не будетъ реагировать ни на какой другой экземпляръ этого класса, исключая этого, — знакомаго.

Выборъ особаго, опредѣленнаго уголка для обитанія, опредѣленной пищи, опредѣленнаго мѣстечка для добыванія пищи, опредѣленнаго сорта птицъ или, говоря короче, выборъ чего бы то ни было исключительно и предпочтительно изъ всѣхъ другихъ возможныхъ и многочисленныхъ предметовъ и мѣстъ есть склонность, широко распространенная среди живот-

ных, даже стоящих на самых низких ступенях лестницы живых существ. Мягкотелое, живущее в раковине, носящей название «блюдечка», возвращается постоянно в ту же самую трещину скалы, а морской рак в ту же излюбленную нору на дне моря. Зайцы стремятся оставлять свои испражнения постоянно в одном и том же месте; птицы стараются вить свои гнѣзда в одном и том же кустѣ. Но каждое такое предпочтение имѣетъ своимъ послѣдствиемъ пѣкоторую нечувствительность къ другимъ обстоятельствамъ и случаямъ,—нечувствительность, которая физиологически можетъ быть понята только—какъ задержка новыхъ импульсовъ привычкой къ старымъ, уже образовавшимся импульсамъ. Когда у насъ есть свой домъ, своя жена, мы становимся очень мало впечатлительны къ чужимъ домамъ и женамъ. Весьма немногіе изъ насъ относятся безразлично къ тому или иному сорту пищи; въ самомъ дѣлѣ, большинство думаетъ, что въ кушаньяхъ, къ которымъ они не привыкли, есть что-то отвратительное. Мы способны думать, что люди не нашего круга, особенно если они прибыли изъ отдаленныхъ городовъ, не могутъ представлять интереса для знакомства съ ними и т. д. Первоначальный импульсъ, возбуждаемый въ насъ нашими домами, женами, нашими привычными блюдами, нашими друзьями и т. п., повидному, совершенно истощается при своемъ первомъ выполненіи и не оставляетъ никакого остатка энергии для реагирования на новые предметы. И это доходитъ до того, что наблюдатель подобной тупости человѣка можетъ сказать, будто въ человѣчествѣ не существуетъ никакого инстинктивного расположения къ пѣкоторымъ предметамъ. Въ дѣйствительность же эти расположения существуютъ, во въ смѣшанномъ состояніи, или они существовали въ формѣ чистаго и простаго инстинкта, по до тѣхъ поръ, пока не образовалась новая привычка. Привычки, овладѣвъ разъ какимъ-нибудь инстинктивнымъ нашимъ стремленіемъ, суживаютъ рамки этого самаго стремленія и удерживаютъ насъ отъ реагирования на какой-нибудь предметъ, кромѣ привычнаго, хотя эти другіе предметы могли-бы такъ же хорошо быть выбраны, если бы они подвергались ранѣ.

Другой сортъ задержки инстинкта привычкой происходитъ тамъ, гдѣ одинъ и тотъ же классъ предметовъ пробуждаетъ взаимно-противоположные инстинктивные импульсы. Здѣсь импульсъ, имѣвъ въ первый разъ такіа послѣдствія относительно индивидуальнаго предмета известнаго класса, что способенъ потянуть за собою, при каждомъ своемъ пробужденіи, противоположный импульсъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый классъ предметовъ можетъ быть защищенъ даннымъ индивидуальнымъ экземпляромъ отъ притягиванія къ нему другого импульса. Такъ, напр., животныя возбуждаются въ дѣтяхъ противоположные стимулы—боязни и желанія приласкать. Но если ребенокъ, при первой своей попыткѣ погладить собаку, встрѣтилъ оскаленные зубы, или собака при этомъ укусила его, такъ что импульсъ страха возникъ съ очень большой силой, то возможно, что на многіе годы ни одна собака уже не возбудитъ въ немъ импульса—приласкать ее. Съ другой стороны, величайшіе естественные враги, если ихъ заботливо сводить другъ съ другомъ въ юности и руководить при этомъ ихъ поведеніемъ относительно другъ друга при помощи своей высшей власти,—могутъ образовать тѣ «счастливыя семьи» друзей, какія мы видимъ нерѣдко

въ нашихъ зѣбрицахъ. Молодые животныя, взятые тотчасъ послѣ рожденія, не имѣютъ инстинкта страха, но проявляютъ свою зависимость тѣмъ, что позволяютъ брать себя свободно въ руки. Однако, позднѣе, они «дичаютъ» съ возрастомъ и, если ихъ предоставить самимъ себѣ, не позволяютъ человѣку приблизиться къ нимъ. Мнѣ рассказывали фермеры въ дикой мѣстности Адирондакъ, что для нихъ представляется событіемъ очень серьезнымъ, если корова отелится въ лѣсу и не отыщется съ пѣдлаю или больше. Теленокъ за это время дичаетъ и бѣгаетъ быстро, какъ лань, такъ что поймать его можно только силой. Но относительно людей, которые были въ соприкосновеніи съ телятами въ теченіе первыхъ дней ихъ жизни, когда инстинктъ привязанности особенно силенъ, эти послѣдніе не обнаруживаютъ никакой дикости; они не боятся и чужихъ людей, какъ тѣ телята, которые дичаютъ, родившись въ лѣсу.

Цыплята даютъ любопытную иллюстрацію къ тому же самому закону. Удивительная статья Спальдинга объ инстинктѣ даетъ намъ много фактовъ по этому поводу. Эти маленькія созданія обнаруживаютъ противоположные инстинкты страха и привязанности, изъ которыхъ каждый можетъ быть вызванъ въ нихъ однимъ и тѣмъ же предметомъ,—человѣкомъ. Если цыпленокъ родится въ отсутствіи курицы, онъ «будетъ слѣдовать за всякимъ движущимся предметомъ». И когда онъ руководится однимъ только зрѣніемъ, у него, кажется, нѣтъ предпочтенія за кѣмъ идти,—за курицей ли, или за индюкомъ, или за человѣкомъ. Неразымыслимый зритель,—продолжаетъ Спальдингъ,—если бы онъ увидѣлъ какъ цыплята, имѣющіе всего одинъ день отъ рожденія, бѣгаютъ за мною, и какъ цыплята постарше этихъ слѣдуютъ за мною по цѣлымъ милямъ и отвѣчаютъ на мой свистъ,—вообразилъ бы, что я долженъ обладать какой-нибудь волшебной силой надъ животными. А между тѣмъ я просто позволяю имъ сразу ходить за мной. Слѣдовать за кѣмъ-нибудь, это—ихъ инстинктъ; а слухъ, этотъ первый источникъ ихъ опыта,—указываетъ имъ тотъ предметъ, за которымъ нужно идти¹⁾.

Но если цыпленокъ видитъ человѣка въ первый разъ тогда, когда инстинктъ страха силенъ, явленіе получаетъ совершенно противоположный характеръ. Спальдингъ взялъ троихъ цыплятъ и держалъ ихъ въ теченіе первыхъ четырехъ дней отъ рожденія съ завязанными глазами. Вотъ какъ онъ описываетъ ихъ поведеніе послѣ снятія повязки:

«Каждый изъ нихъ, послѣ того, какъ повязка была снята, проявляя относительно меня величайшій ужасъ, бросался въ противоположномъ направлении, какъ только замѣчалъ мое приближеніе. Столъ, на которомъ съ нихъ была снята повязка, находится передъ окномъ, и каждый изъ нихъ ударялся о стекло, какъ это случается съ дикими птицами. Одинъ изъ нихъ спрятался за книгами и, свернувшись тамъ въ уголѣ, долго дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Можно догадываться о причинѣ таковаго страннаго и исключительнаго одичанія этихъ птичекъ, но пока для моей цѣли достаточно указать на самый фактъ. Каково бы ни было наше мнѣніе объ этой замѣчательной перемѣнѣ въ ихъ умственномъ состояніи, по, если бы повязки были сняты съ нихъ въ предыдущій день, то они бѣжали бы не

¹⁾ Spalding: Macmillan's Magazine, февраль 1873 г. стр., 187.

отъ меня, а за мной. Какъ бы то ни было, но эта переменна не могла имѣть своимъ основаніемъ опытъ: она должна была явиться результатомъ переменъ въ ихъ собственной организаціи»¹⁾.

Этотъ случай вполне аналогиченъ съ тѣмъ, который разсказать выше объ адирондакскихъ телатахъ. И тамъ, и тутъ два противоположные инстинкта, касающіеся одного и того же предмета, возникаютъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Если первый изъ нихъ порождаетъ привычку, эта привычка будетъ задерживать проявленіе второго инстинкта, касающагося того же предмета. Всѣ животныя являются ручными въ первые дни своей жизни. Привычки, образующіяся затѣмъ, ограничиваютъ дѣйствія, которыя могутъ развиваться позднѣе въ инстинкты дикости.

б. Это ведетъ насъ къ закону переходящихъ инстинктовъ, который состоитъ въ слѣдующемъ: значительное число инстинктовъ созрѣваетъ къ извѣстному возрасту, а затѣмъ снова исчезаетъ. Послѣдствіемъ этого закона является то, что, если, въ продолженіе времени живости такого инстинкта, встрѣчается предметъ, соответствующій ему, то образуется привычка дѣйствовать на него, которая остается, когда первоначальный инстинктъ уже исчезъ; но если никакого изъ подобныхъ предметовъ не встрѣтилось, то не образуется и привычки, и позднѣе въ жизни, когда животному можетъ подвергнуться соответствующій предметъ, оно вовсе не будетъ на него реагировать такъ, какъ реагировало бы инстинктивно въ раннюю эпоху.

Несомнѣнно, что этотъ законъ ограниченъ. Нѣкоторые инстинкты гораздо менѣе способны исчезать, чѣмъ другіе, — какъ, на примѣръ, инстинкты, связанныя съ питаніемъ и «самосохраненіемъ», которые едва ли даже могутъ быть переходящими; нѣкоторые же, послѣ исчезанія на извѣстное время, возвращаются столь же сильными, какъ и прежде, на примѣръ, инстинкты полового соблазна и выведенія дѣтей. Однако, законъ измѣнчивости инстинктовъ, хотя и не абсолютенъ, тѣмъ не менѣе онъ весьма распространенъ, и немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы пояснить это.

Въ приведенныхъ выше случаяхъ съ телатами и цыплятами, очевидно, что инстинктъ, заставляющій ихъ слѣдовать за кѣмъ-нибудь или прививаться, падаетъ черезъ нѣсколько дней, а его мѣсто занимаетъ инстинктъ убѣганія, и что поведение этихъ созданий относительно человека опредѣляется образованіемъ или необразованіемъ извѣстныхъ привычекъ въ теченіе этихъ дней. Что у цыплятъ ихъ инстинктъ, заставляющій слѣдовать за кѣмъ-нибудь, имѣетъ переходящій характеръ, доказывается и поведеніемъ ихъ относительно курицы-наседки. Спаладинъ отдалить отъ матери нѣсколькихъ цыплятъ, пока они не подросли, и разсказываетъ о нихъ слѣдующее:

«Цыпленокъ, не слышавшій призывовъ матери до восьми или девяти дней, слушаетъ ихъ впослѣдствіи такъ, какъ будто это вовсе до него не касается. Я сомнѣю, что въ этомъ отношеніи мои наблюденія и замѣтки о нихъ не такъ полны, какъ я желалъ бы и какъ они могли бы быть полны. Однако, есть у меня упоминаніе объ одномъ цыпленкѣ, котораго нельзя было привязать къ матери послѣ десяти дней отдѣльнаго его

содержаніи. Курица бѣгала за нимъ и старалась привязать его къ себѣ всевозможными способами, но цыпленокъ продолжалъ вести себя по-прежнему, убѣгая отъ нея въ домъ или бросаясь къ каждому человеку, который попадался ему на глаза. Цыпленокъ продолжалъ вести себя такимъ образомъ, несмотря на то, что его разъ двѣнадцать постегали за это маленькимъ прутикомъ и вообще обращались съ нимъ довольно жестоко. Такъ, на ночь его сажали подъ насѣдку, но утромъ онъ опять убѣгалъ.

Инстинктъ сосанія уже при рожденіи всѣхъ млекопитающихъ животныхъ является у нихъ готовымъ и ведетъ въ той привычкѣ брать грудь и сосать которая у дѣтей человека можетъ продолжаться, благодаря ежедневнымъ упражненіямъ, дольше чѣмъ нужно на годъ и на полтора. Но самый инстинктъ является «переходящимъ» въ томъ смыслѣ, что, если ребенка, въ теченіе первыхъ дней его жизни, вскармливали искусственно, такъ что онъ не зналъ груди, его потомъ очень трудно заставить сосать. То же самое извѣстно относительно телятъ: если ихъ мать умираетъ или не имѣетъ молока, или не даетъ имъ сосать день или два, такъ что они кормятся съ руки, то становится очень труднымъ заставить ихъ сосать даже тогда, когда имъ дають новую кормилицу. Та легкость, съ какою сосущія существа отучаются брать грудь, благодаря простому перерыву привычки, или кормленію ихъ какимъ-либо другимъ способомъ, показываетъ, что инстинктъ, даже такой чистый, долженъ совершенно исчезать. Конечно, простой фактъ, что инстинкты переходящи, и что дѣйствіе позднѣйшихъ инстинктовъ можетъ быть измѣнено привычками, оставленными послѣ себя инстинктами болѣе ранними, является гораздо болѣе философскимъ явленіемъ, чѣмъ идея о томъ, будто бы устройство инстинкта можетъ быть «повреждено» или «выбито изъ колеи».

Я наблюдаю шотландскую таксу, которая родилась въ декабрѣ, на полу колыбели, а когда черезъ шесть недѣль ее перевели въ домъ, гдѣ полъ былъ устланъ коврами, она до четырехъ мѣсяцевъ сохранила привычку рыть яму, чтобы прятать въ ней тѣ предметы, которыми обыкновенно играла, какъ, на примѣръ, перчатки и т. п. Она скребла коверъ передними лапами, бросала изъ рта предметы своей забавы въ эту ямочку и потомъ дѣлала такія движенія кругомъ ямы, какъ будто засыпала ее землей; послѣ этого она уходила, оставивъ свою игрушку лежать на коврѣ. Конечно, всѣ эти дѣйствія были совершенно бесполезны. Я наблюдалъ ее въ то время за этимъ занятіемъ четыре или пять разъ, а впослѣдствіи, этого уже не случалось никогда за всю ея жизнь. Не было условій, чтобы установилась привычка, которая могла бы остаться, хотя инстинктъ и исчезъ бы. Но предположите мясо, вмѣсто перчатки, землю — вмѣсто ковра, страданія голода, вмѣсто хорошей пищи, которую дають нѣсколько разъ въ день, и вы легко поймете, какимъ образомъ эта собака могла бы дойти до привычки зарывать въ землю лишнюю пищу, причемъ эта привычка сохранилась бы на всю жизнь. Можно ли поручиться за то, что у дикой собаки стремленіе зарывать пищу въ землю не представляетъ столь же переходящаго инстинкта, какъ и у описанной нами таксы?

Оставивъ низшихъ животныхъ и вернемся къ человѣческимъ инстинктамъ. Мы увидимъ, что закону переходности инстинктовъ соответствуетъ и

¹⁾ Тамъ же, стр. 289.

обширных предѣлахъ измѣненіе различныхъ интересовъ и страстей въ теченіи человѣческой жизни. У ребенка вся жизнь проходитъ въ играхъ, въ связкахъ, въ изученіи внѣшнихъ свойствъ «вещей»; у юноши—это болѣе систематическія тѣлесныя упражненія, повѣствованія о дѣйствительномъ мірѣ, товарищество и музыка, дружба и любовь, природа, путешествія и походы, наука и философія; у взрослого человѣка—самолюбіе и политика, наклонность къ приобритенію, отвѣтственность передъ другими и эгоистическое стремленіе къ борьбѣ за жизнь. Если мальчуганъ растетъ одиноко въ періодъ игръ и спорта, не умѣетъ играть въ мячъ, грести, управлять парусами, кататься на конькахъ, ловить рыбу, стрѣлять, то, по всей вѣроятности, онъ останется равнодушнымъ къ этому и во всю остальную свою жизнь. И если бы даже, при лучшихъ условіяхъ, ему представилась со временемъ возможность легко научиться всему этому, то вѣроятно на 100 случаевъ въ 99 онъ бы не воспользовался этимъ и отступилъ бы передъ тѣми усиліями, которыя нужно сдѣлать для этого на первыхъ шагахъ, тогда какъ въ болѣе раннемъ возрастѣ это-то именно и наполнило бы его неистовымъ восторгомъ. Отъ чрезмернаго воздержанія ослабляется половое влеченіе, но прекрасно извѣстно, что особыя проявленія этого влеченія у даннаго индивидуума зависятъ почти всецѣло отъ привычекъ, которыя могли образоваться въ болѣе ранніе періоды этой дѣятельности. Пріимѣры дурной компаніи въ это время дѣлаютъ его потеряннѣмъ существомъ на всю жизнь; цѣломудріе въ раннемъ періодѣ половой зрѣлости дѣлаетъ легкимъ сохраненіе его и въ позднѣйшіе годы. Во всей педагогикѣ самое важное правило—ковать желѣзо, пока оно горячо, и схватывать волю интереса въ ученикѣ къ каждому предмету раньше того момента, какъ она начнетъ падать, такъ чтобы прибывало и знаніе, и приобриталась привычка къ искусственному выполнению, на главномъ пути интереса, или, говоря кратко, ученикъ приобриетъ-бы то, что позднѣе дастъ основу всей его жизни. Это есть лучший моментъ для выработки искусства въ рисованіи, въ собираніи коллекцій по естественной исторіи и т. п., а позднѣе—для посвященія его въ стройныя явленія механики, въ чудеса физическихъ и химическихъ законовъ. Еще позднѣе наступаетъ очередь для интроспективной (основанной на внутреннемъ самонаблюденіи) психологін, для тайнъ метафизики и религій; а послѣ всего—для драмы человѣческихъ дѣяній и царство вселенной въ самомъ широкомъ смѣслѣ этого слова. У каждаго изъ насъ, во всѣхъ этихъ предметахъ, скоро наступаетъ точка насыщенія; запасъ нашего чисто умственного интереса и усердія истощается и, если эти задачи не ассоціировались съ какими-либо исключительно личными интересами, которыя постоянно удерживаютъ насъ около нихъ, мы приходимъ въ равновѣсіе и живемъ тѣмъ, чему научились ранѣе, когда нашъ интересъ былъ свѣжъ и инстинктивенъ,—уже не прибавляя больше ничего къ приобритенному запасу знаній. Помимо своихъ собственныхъ дѣловыхъ занятій, идея, приобритенная человѣкомъ до двадцати пяти лѣтъ, остаются единственными,—такъ сказать, практически,—какія онъ будетъ имѣть и во всю остальную свою жизнь. Онъ не можетъ приобриетать новыхъ идей. Безрасчетная любознательность пропала, умственные наѣздки и каналы для идей установились, способность ассимилированія ослабла. Если случайно мы познаемъ что-ли-

будь о совершенно новомъ для насъ предметѣ, нами овладѣваетъ странное чувство неувѣренности и мы боясь высказать о немъ окончательное мнѣніе. Наоборотъ, относительно того, чему мы научились въ болѣе восприимчивомъ возрастѣ инстинктивной любознательности, мы никогда не теряемъ совершенно того чувства, которое говоритъ намъ, что здѣсь мы у себя дома.

Въ этой области остается юта, чувство близкаго знакомства, которое даже тогда, когда намъ вѣстно, что мы не овладѣли предметомъ сполна, не лишаетъ насъ сознанія господства надъ нимъ и не заставляетъ насъ приходить въ смущеніе.

Тѣ исключительныя индивидуальности, которыя, повидному, не подпадаютъ подъ это правило, на самомъ дѣлѣ только подтверждаютъ его.

Установить моментъ инстинктивнаго интереса къ какому-нибудь предмету есть, такимъ образомъ, первая обязанность воспитателя. Что же касается учащихся, то эти ображенія, вѣроятно, привели бы къ болѣе серьезному отношенію срединъ ихъ, разъ они имѣли бы меньше увѣренности въ свои неограниченныя, будущія умственные способности; эти соображенія могли бы убѣдить ихъ, что тѣ знанія, какія они лучше или хуже приобриетутъ теперь физикѣ, политической экономіи или философіи, будутъ служить имъ до конца жизни.

Перечисленіе инстинктовъ у человѣка.

Профессоръ Преьеръ въ своей тщательной небольшой книгѣ «Душа ребенка» («Die Seele d. Kindes») говоритъ: «инстинктивныхъ дѣйствій у человѣка мало и, кромѣ тѣхъ, которыя связаны съ половой страстью, трудно отыскать какія либо другія, послѣ того, какъ прошла ранняя юность». Къ этому онъ добавляетъ: «тѣмъ болѣе вниманія слѣдуетъ удѣлять инстинктивнымъ движеніямъ новорожденныхъ дѣтей, грудныхъ и вообще маленькихъ дѣтей». Что инстинктивныя дѣйствія должны быть легче подмѣчены въ дѣтскомъ возрастѣ, это является естественнымъ результатомъ нашего принципа о переходѣ инстинктовъ и о задерживающемъ вліяніи привычекъ, разъ онѣ приобритены; но, что инстинктовъ у человѣка не много, это очень далеко отъ истины. Профессоръ Преьеръ подраздѣляетъ движенія дѣтей на импульсивныя, рефлективныя и инстинктивныя. Подъ импульсивными движеніями онъ понимаетъ тѣ случайныя и безцѣльныя движенія членовъ, тѣла, органовъ голоса, которыя производятся ребенкомъ до того времени, когда у него образовались воспріятія. Что касается движеній рефлективныхъ, то среди нихъ первое по времени мѣсто занимаетъ крикъ отъ соприкосновенія съ воздухомъ, чиханіе, обнюхиваніе, сопѣніе (Snoring—храпѣніе?), кашель, вдыханіе, рвотныя движенія, рыданія, икота, вздрагиваніе, рефлективныя движенія отъ прикосновенія и сосаніе. Къ этимъ движеніямъ можно прибавить еще наклонность «вѣшаться руками» (см. «Nineteenth Century» 1891 г. Ноябрь). Позднѣе приходятъ кусаніе, хватаніе предметовъ и записываніе ихъ въ ротъ, сидѣніе, стояніе, ползаніе и хожденіе. Довольно вѣроятно, что мозговые центры, исполняющіе три послѣднихъ дѣйствій, развиваются произвольно, точно такъ же, какъ это было доказано

относительно центров летанія у птицъ, и что видимое обученіе стоянію и ходьбѣ, при посредствѣ неудачныхъ попытокъ и паденій, есть результатъ упражненія, начинающагося у большей части дѣтей до полнаго созрѣванія центровъ. Дѣти отличаются большимъ разнообразіемъ относительно тѣхъ способовъ, какими они учатся ходить. Съ первыми побужденіями къ подражательности, рождаются и подражанія звукамъ голоса (вокализаци), имѣющимъ то или иное значеніе. Далѣе идетъ быстро—соревнованіе, а за нимъ драчливость. Страхъ относительно предметовъ идетъ очень рано, симпатія гораздо позднѣе, хотя отъ инстинкта (или эмоціи? см. ранѣе) симпатія зависитъ очень многое въ жизни человѣка. Застѣнчивость и общественность, игры, любопытство, пріобрѣтательность начинаются довольно рано. Инстинкты охотничьи, скромность, любовь, родительскіе инстинкты наступаютъ гораздо позднѣе. Въ возрастѣ отъ 15 до 16 лѣтъ весь списокъ чело вѣческихъ инстинктовъ уже выполненъ. Нужно замѣтить, что никакое другое животное, не исключая обезьянъ, не даетъ такого обширнаго списка ихъ. При совершенно законченномъ развитіи этихъ инстинктовъ, каждый изъ нихъ установилъ бы привычку къ извѣстнымъ предметамъ и задерживалъ привычку къ нѣкоторымъ другимъ. Обыкновенно такъ и бываетъ; но при одностороннемъ развитіи цивилизованной (городской) жизни, случается, что во время нужное для развитія той или другой привычки, ребенокъ испытываетъ, такъ сказать, «голодъ предметовъ», и тогда индивидуумъ вырастаетъ съ пробѣломъ въ своей психической организаціи, который никакой позднѣйшій опытъ уже никогда не можетъ восполнить. Сравните правильно воспитаннаго джентльмена съ городскимъ работникомъ или торговцемъ: первый, въ теченіе своего взростанія, пользуется всѣми предметами своего растущаго интереса и усваиваетъ ихъ непосредственно, какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ душевномъ отношеніи; они открываются ему тотчасъ-же, какъ пробуждается интересъ къ нимъ, а въ результатъ, онъ оказывается, такъ сказать, вооруженнымъ и снабженнымъ всѣмъ, что ему будетъ нужно для жизненной борьбы. Спортъ слѣдуетъ на выручку и пополняетъ воспитаніе тамъ, гдѣ не достаетъ реальныхъ предметовъ. Онъ испыталъ хотя что нибудь изъ сущности всѣхъ сторонъ чело вѣческой жизни, былъ и морякомъ, и охотникомъ, и атлетомъ, и школьникомъ, и бѣгуномъ, и ораторомъ, и танцоромъ, и дѣловымъ чело вѣкомъ, и т. д., и т. д. Для бѣднаго городского ребенка не существуетъ такихъ счастливыхъ условій, и въ его зрѣломъ возрастѣ нѣтъ, относительно всѣхъ этихъ сторонъ жизни, никакихъ желаній. Это еще счастье для него, если въ результатъ оказываются только пробѣлы въ его инстинктивной жизни и если аномаліи ея не идутъ дальше. Но чаще всего результатомъ неестественно проводимой юности являются извращенія.

Описаніе страха.

Для того, что-бы разсмотрѣть подробнѣе, по меньшей мѣрѣ, хотя одинъ изъ самыхъ крупныхъ инстинктовъ, я возьму ради образца—страхъ.

Страхъ есть реакція, возбуждаемая тѣми-же самыми предметами, какими возбуждается и свирѣлость. Въ динамикѣ инстинктовъ, чрезвычайно

интересно изучить антагонизмъ этихъ двухъ состояній. Мы одновременно и боимся, и желаемъ убить всякое существо, которое можетъ убить насъ; и вопросъ о томъ, какое изъ этихъ двухъ побужденій поведетъ насъ за собою, обыкновенно рѣшается какимъ нибудь изъ тѣхъ побочныхъ обстоятельствъ даннаго случая, подчиненіе которому отличаетъ натуры болѣе высокія въ умственномъ отношеніи. Конечно, это вводитъ въ реакцію нѣкоторую нерѣшимость; но эта нерѣшимость именно и встрѣчается какъ у высшихъ животныхъ, такъ и у людей, и никоимъ образомъ не должна считаться доказательствомъ того, будто бы мы менѣе обладаемъ инстинктами, чѣмъ они. Страхъ обладаетъ тѣлеснымъ выраженіемъ чрезвычайной энергическаго сорта и является,—если не считать радости и гнѣва,—одной изъ трехъ наиболѣе возбудимыхъ эмоцій, къ какимъ способна наша природа. Прогрессъ отъ звѣря до чело вѣка не характеризуется ни чѣмъ такъ сильно, какъ постепеннымъ уменьшеніемъ числа случаевъ, способныхъ вызвать проявленія страха. Въ частности, въ цивилизованной жизни, становится, по меньшей мѣрѣ, возможнымъ для огромнаго числа людей прожить отъ колыбели до могилы, не испытавъ ни разу сильнаго страха. Многимъ изъ насъ нужно впасть въ припадокъ душевной болѣзни, что бы просто понять значеніе слова «страхъ»¹⁾. Благодаря этому и сдѣлалась возможной столь слѣпо-оптимистическая философія и религія. Ужасы жизни становятся «подобными сказочному повѣствованію, у котораго, хотя слова и сильны, но смыслъ ихъ для насъ чрезвычайно малъ»; мы сомнѣваемся могъ-ли кто нибудь, подобный намъ, очутиться въ дѣйствительности когда нибудь въ когтяхъ тигра, и дѣлаемъ выводъ, что ужасы, которые мы слышимъ объ этомъ, это—лишь нѣчто въ родѣ живописныхъ обоевъ той комнаты, въ которой мы живемъ такъ комфортабельно, въ мирѣ съ самими собой и съ остальной вселенной.

Но въ этихъ условіяхъ, страхъ есть самый естественный инстинктъ и одинъ изъ самыхъ раннихъ, какія проявляются у нашихъ дѣтей. Повидимому, этотъ инстинктъ вызывается въ особенности всякаго рода «шумами». Большая часть шумовъ, исходящихъ отъ внѣшняго міра, не имѣетъ опредѣленной важности для ребенка, воспитывающагося въ стѣнахъ дома. Они просто пугаютъ его. Возьмемъ выдержку изъ труда такого прекраснаго наблюдателя, какъ Perez:

«Дѣти,—говоритъ онъ,—между тремя и десятию мѣсяцами, гораздо рѣже пугаются отъ зрительныхъ, чѣмъ отъ слуховыхъ впечатлѣній. У кошекъ, въ возрастѣ отъ пятинадцати дней, замѣчается обратное явленіе. Ребенокъ трехъ съ половиною мѣсяцевъ, среди суматохи пожара, въ виду вспыхивающаго пламени и разрушенныхъ стѣнъ, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго удивленія или страха, а улыбался женщинамъ, ухаживавшей за нимъ, пока его родители были заняты. Однако, громкій звукъ трубы приближавшихся пожарныхъ и грохотъ колесъ ихъ машинъ вызвали у него испугъ и крики. Я никогда не видѣлъ, чтобы въ этомъ возрастѣ ребенокъ пугался блеска молніи, какъ-бы она ни была ярка; но многіи дѣти пуга-

¹⁾ Не забудемъ, что дѣло идетъ объ американской жизни, гдѣ цивилизація и культура съумѣли въ значительной степени устранить случайности и вообще причины, вызывающія страхъ.

ются отъ звука громовыхъ раскатовъ... Этотъ страхъ возбуждается скорѣе слухомъ, чѣмъ зрѣніемъ, у ребенка, еще не имѣющаго опыта» ¹⁾).

Въ зрѣломъ возрастѣ весьма замѣтно, что шумъ повышаетъ чувство страха; такъ, напр., ревъ бури на сушѣ или на морѣ, есть главная причина нашего страха, когда мы переживаемъ на себѣ это явленіе природы. Авторъ этой книги былъ заинтересованъ, когда, пробужденный въ постели шумомъ вѣтра снаружи дома, замѣтилъ на собственной особѣ, что каждый разъ, когда ревъ вѣтра усиливался, у него мгновенно «замирало» (пріостанавливалось) сердце. Собака, бросающаяся на насъ, пугаетъ гораздо больше, если при этомъ громко лаетъ.

Странные или незнакомые люди и животныя, будутъ-ли они велики или малы, возбуждаютъ страхъ, и въ особенности, если они приближаются къ намъ съ угрожающими движеніями. Этотъ страхъ совершенно инстинктивенъ и чуждъ какому-бы то ни было опыта. Нѣкоторые дѣти поднимаютъ крикъ, когда видятъ въ первый разъ кошку или собаку, и нерѣдко ихъ нельзя заставить въ теченіе нѣсколькихъ недѣль прикоснуться къ этимъ животнымъ. Другія, наоборотъ, желаютъ ихъ погладить, какъ только увидятъ. Нѣкоторые породы пресмыкающихся и насѣкомыхъ, особенно змѣи и пауки, оказываются возбуждающими такой страхъ, что его очень трудно преодолѣть. Невозможно сказать, насколько все это зависитъ отъ инстинкта и насколько отъ страшныхъ рассказовъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ объ этихъ существахъ. Что страхъ передъ «гадами» созрѣваетъ постепенно, мнѣ кажется, доказывается примѣромъ моего собственнаго ребенка, которому однажды въ возрастѣ отъ шести до восьми мѣсяцевъ, я далъ въ руки живую лягушку, а затѣмъ повторилъ этотъ опытъ, когда ему было уже полтора года. Въ первый разъ, онъ быстро схватилъ ее и держалъ ее крѣпко, не смотря на ея сопротивленіе, а затѣмъ взялъ голову лягушки себѣ въ ротъ. Затѣмъ онъ позволилъ ей ползать по своей груди и лицу, не показывая ни малѣйшаго страха. Но во второй разъ, хотя въ этотъ промежутокъ времени онъ ни разу не видѣлъ лягушекъ и не слышалъ о нихъ ничего, было почти невозможно убѣдить его прикоснуться къ этому животному. Другой ребенокъ, одного года, охотно бралъ въ руки очень большихъ пауковъ. Теперь онъ ихъ боится, но главнымъ образомъ подъ влияніемъ рассказовъ о нихъ своей няни. Одна изъ моихъ дочерей, съ самаго ея рожденія, постоянно видѣла въ нашемъ домѣ общаго любимца, маленькаго мопсика и никогда не обнаруживала къ нему ни малѣйшаго страха, пока ей не исполнилось, если я вѣрно припоминаю, около 8 мѣсяцевъ. Тогда инстинктъ, повидимому, развился вдругъ и съ такой силой, что долгое знакомство съ собакой не могло его смягчить. Дѣвочка вскрикивала каждый разъ, когда собака входила въ комнату, и еще много мѣсяцевъ спустя не рѣшалась ее погладить. Необходимо добавить, что никакой перемѣны въ постоянной ласковости мопсика за это время не произошло, такъ что измѣненіе въ чувствахъ дѣвочки этому приписать нельзя. Двое другихъ моихъ дѣтей въ дѣтствѣ боялись мѣха; Рише сообщаетъ о подобномъ-же наблюдении.

Преьеръ сообщаетъ о маленькомъ ребенкѣ, который начиналъ кричать отъ

страха, когда его приводили на берегъ моря. Большимъ источникомъ страха въ дѣтствѣ служить одиночество. Цѣлесообразность этого инстинкта очевидна, какъ и того факта, что дѣти, проснувшись и замѣтивъ, что они одни въ комнатѣ, начинаютъ кричать.

Черныя вещи, а въ особенности, темныя мѣста, ямы, пещеры и т. д. возбуждаютъ въ дѣтяхъ особенно сильное чувство страха. Этотъ страхъ точно также, какъ и страхъ уединенія, страхъ былъ потеряннымъ, забытымъ, объясняется по новой гипотезѣ «опыта предковъ». Такъ, Шнейдеръ говоритъ:

«Несомнѣнъ фактъ, что люди, особенно въ дѣтствѣ, боятся войти въ темную пещеру, или въ очень тѣnistый лѣсъ. Это чувство страха возникаетъ, конечно, отчасти отъ того, что мы легко ожидаемъ возможности встрѣтить въ такихъ мѣстахъ опасныхъ звѣрей, при чемъ это ожиданіе вызывается тѣми рассказами, которые мы слышали и читали. Но, съ другой стороны, можно сказать съ совершенной увѣренностью, что этотъ страхъ отъ извѣстныхъ воспріятій нами непосредственно унаслѣдованъ. Дѣти, которыхъ очень заботливо охраняли отъ всякихъ рассказовъ о духахъ, тѣмъ не менѣе приходили въ ужасъ и кричали, если ихъ водили въ темныя мѣста, особенно, если тамъ раздавались звуки. Даже взрослый легко можетъ замѣтить, что въ него забирается неприятное чувство робости, когда онъ находится ночью одинъ въ густомъ лѣсу, хотя-бы онъ былъ твердо убѣжденъ, что по близости нѣтъ ни малѣйшей опасности.

«Это чувство страха темноты многие взрослые люди испытываютъ даже у себя дома, оставшись впотьмахъ, хотя въ темной пещерѣ или лѣсу оно гораздо сильнѣе. Фактъ такого инстинктивнаго страха легко объяснить, когда мы вспомнимъ, что наши дикіе предки въ теченіе ряда безчисленныхъ поколѣній привыкли встрѣчать опасныхъ звѣрей, особенно медвѣдей, въ пещерахъ и, что по большей части, эти звѣри нападали на нихъ ночью и въ лѣсахъ; такимъ образомъ, возникла неразрывная ассоціація между воспріятіемъ темноты пещеръ, лѣсовъ и страхомъ, а это было передано намъ по наслѣдству». ¹⁾

Высокія мѣста причиняютъ страхъ особаго, тошнотворнаго сорта, хотя и здѣсь индивидуальности чрезвычайно различны. Крайне слѣпой инстинктивный характеръ двигательныхъ импульсовъ доказывается здѣсь тѣмъ фактомъ, что эти импульсы почти всегда совершенно неразумны, по разумъ безсиленъ подавить ихъ.

Мнѣ кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что такіе импульсы суть лишь случайныя особенности нервной системы, подобныя наклонности къ морской болѣзни, любви, къ музыкѣ и т. под. безъ всякаго цѣлесообразнаго значенія этихъ инстинктовъ. Страхъ высокихъ мѣстъ такъ различенъ въ силѣ у различныхъ лицъ, и его вредныя дѣйствія настолько очевидны, чѣмъ его польза, что трудно усмотрѣть, какимъ-бы образомъ это могло быть инстинктомъ, выработаннымъ путемъ подбора. Анатомически человѣкъ представляетъ собою одно изъ самыхъ приспособленныхъ животныхъ, для лазанія по высокимъ мѣстамъ. Этому тѣлесному строенію, повидимому, соответствовало бы всего лучше такое психическое состояніе, которое поз-

¹⁾ Psychologie de l'Enfant, стр. 72.

¹⁾ Der Menschliche Wille, стр. 224.

воляло бы безъ страха подниматься на самые высокіе уровни. Но, на самомъ дѣлѣ, цѣлесообразность страха весьма сомнительна за известными предѣлами. Известная степень робости, очевидно, приспособляетъ насъ къ міру, въ которомъ мы живемъ, но припадки страха очевидно всегда вредны тому, къ чему они овладѣваютъ.

Боязнь сверхъестественнаго есть одно изъ видоизмѣненій страха. Трудно подыскать нормальный предметъ для этого страха, если не допускать, что это былъ настоящий духъ; но, вопреки всякимъ обществамъ для психическихъ изслѣдованій, наука не признаетъ духовъ. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать только, что известные идеи о сверхъестественныхъ дѣятеляхъ, ассоциируясь съ реальными богатствами, порождаютъ особый родъ ужаса или страха. Этотъ страхъ можно съ вѣроятностью объяснить сочетаніемъ нѣсколькихъ болѣе простыхъ чувствованій страха. Чтобы довести страхъ духовъ до высшей степени, необходимо соединить многіе обыкновенные элементы страха, какъ, напр., одиночество, темноту, необъяснимыя звуки, — въ особенности, если они мрачнаго характера, — движущаяся, полуразличимыя фигуры (или, если ихъ можно различить, то они должны имѣть устрашающій характеръ), наконецъ, ожиданіе, порождающее головокруженіе. Ожиданіе есть элементъ интеллектуальный, и этотъ элементъ весьма важенъ. Онъ производитъ тотъ странный эмоциональный моментъ, о которомъ говорятъ — «кровь застыла въ жилахъ», — и происходитъ это въ тотъ моментъ, когда мы видимъ какой-нибудь процессъ, хорошо намъ знакомый, но вдругъ произвольно принимающій необычайное теченіе. У волнаго сердца перестало-бы биться, если-бы онъ замѣтилъ, что стулъ въ его комнатѣ началъ двигаться по полу безъ всякаго посторонняго вниманія. Низшія животныя оказываются, какъ и мы, чувствительными къ исключительной таинственности явленій. Мой другъ, профессоръ В. К. Бруксъ (Brooks) рассказывалъ мнѣ о своей большой и породистой собацѣ, что она была испугана до степени почти эпилептического припадку костью, провалившейся подъ полъ черезъ отверстіе, котораго собака не видѣла. Дарвинъ и Ромэпсъ рассказываютъ о такихъ же случаяхъ. Идея о сверхъестественномъ заключаетъ въ себѣ другую, что обыкновенный порядокъ явленій обращенъ въ ничто. Въ понятіе о сверхъестественныхъ существахъ, въ родѣ вѣдьмъ и лѣшихъ, привносятся еще другіе элементы страха, — пещеры, болота и топи, гады, трупы и т. п. Мертвое человеческое тѣло, производитъ нормально инстинктивный страхъ, который, несомнѣнно, зависитъ отчасти отъ его таинственности, но при ознакомленіи съ трупомъ эта таинственность, а вмѣстѣ съ ней и страхъ быстро исчезаютъ. Но, въ виду того факта, что страхъ, возбуждаемый трупами, пещерами и гадами играетъ такую специфическую и постоянную роль во многихъ кошмарахъ и формахъ бреда, быть можетъ, будетъ не совершенно бессмысленнымъ вопросъ: не могли-ли эти формы устрашающихъ явленій когда-нибудь, въ старинныя времена, быть болѣе естественными и нормальными объектами окружающей среды, чѣмъ теперь. Послѣдователь эволюціонной теоріи, обыкновенно находящій вполнѣ рѣшительные отвѣты, не затрудняется объяснить страхъ этого рода и обстановку, которой онъ окружаетъ себя этотъ страхъ, какъ возвращеніе современнаго намъ человѣка въ состояніе созна-

нія, бывшее у пещернаго человѣка, состояніе, которое у насъ обыкновенно затмевается опытами новыхъ условій жизни человѣка.

Есть нѣкоторыя другія формы патологическихъ явленій страха, а также нѣкоторыя особенности въ выраженіи обыкновеннаго страха, объясненію которыхъ могутъ нѣсколько помочъ указанія на условія жизни предковъ, и не только — предковъ людей, но и предковъ, предшествовавшихъ возникновенію человѣческаго типа. При обыкновенномъ страхѣ, или пускаясь въ бѣгство, или остаются на мѣстѣ, въ состояніи полупарализованномъ. Это послѣднее состояніе напоминаетъ, такъ называемую, «притворную смерть», т. е. инстинктъ, проявляемый многими животными ¹⁾. Д-ръ Линдсей, въ своемъ сочиненіи «Mind in Animals», говоритъ, что у тѣхъ животныхъ, которые практикуютъ этотъ инстинктъ, онъ долженъ требовать огромной власти животнаго надъ своимъ собственнымъ организмомъ. Но въ дѣйствительности, тутъ нѣтъ никакого подражанія смерти, и не требуется вовсе какого либо самообладанія. Это просто парализованное состояніе, вызванное страхомъ, которое было такъ обычно, что сдѣлалось наследственнымъ. Животное, ищущее добычи, вовсе не думаетъ, что эти неподвижныя животныя, птицы или насѣкомыя мертвы; оно просто не можетъ замѣтить ихъ вовсе, такъ какъ его органы чувствъ, подобно нашимъ, возбуждаются гораздо больше движущимися предметами, чѣмъ неподвижными. Это тотъ-же самый инстинктъ, который побуждаетъ мальчишку, играющаго въ «прятки» и котораго ищутъ, затаить дыханіе, когда ищущій приближается къ тому мѣсту, гдѣ онъ спрятанъ. И этотъ же инстинктъ заставляетъ хитрое животное иногда лежать неподвижно, поджидая свою жертву, или тихо подкрадываться къ ней, дѣлая періодическія остановки послѣ нѣсколькихъ шаговъ. Это — инстинктъ, противоположный тому, когда мы, наоборотъ, желаемъ привлечь къ себѣ кого-нибудь, идущаго вдалекѣ, и для этого махаемъ руками, дѣлаемъ прыжки; а моряки, потерѣвшие крушеніе и спасающіеся на какомъ-нибудь плоту, махаютъ въ воздухѣ одеждой, чтобы ихъ замѣтили съ судовъ, плывущихъ мимо. Быть можетъ, статуеобразное, скорченное положеніе нѣкоторыхъ меланхоликовъ, охваченныхъ общимъ болѣзненнымъ душевнымъ угнетеніемъ и страхомъ передъ всѣмъ на свѣтѣ, — связано до нѣкоторой степени съ этимъ инстинктомъ? Они не могутъ дать никакого объясненія о причинахъ своей боязни движенія, но неподвижность позволяетъ имъ чувствовать себя болѣе обезпеченными, имъ кажется, что оно для нихъ удобнѣе. Не видимъ-ли мы тутъ душевнаго состоянія «притворной смерти» животныхъ?

Возьмемъ, затѣмъ, странный симптомъ, описанный въ послѣднее время подъ довольно нелѣпнымъ названіемъ «агорафобія». Больные, одержимые этимъ состояніемъ, охватываются ужасомъ и трепетомъ при видѣ открытыхъ площадей или широкихъ улицъ, которыя имъ нужно перейти. Они дрожатъ, колѣни у нихъ гнутся, они могутъ даже упасть въ обморокъ отъ одной мысли о такомъ переходѣ. Когда у нихъ еще есть достаточно

¹⁾ Читатели могутъ легко наблюдать это явленіе у насѣкомыхъ, особенно у жуковъ и вообще у жестокрылыхъ.

самообладания, они иногда совершают этот переход, прикрываясь про-
изводящими экипажами или прячась за прохожих. Но обыкновенно они
не решаются и на это, и обходят далеко площадь кругом, идя по ее
сторонам и держась около домов настолько близко, насколько это воз-
можно. Эта эмоция не представляет никакой пользы для человека, жи-
вущего в цивилизованной среде, но если мы обратим внимание на хро-
ническую агорафобию наших домашних кошек и заметим, как многие
дикие животные, особенно грызуны, стараются быть всегда под каким-
нибудь прикрытием, а по открытому месту решаются пробраться только
тогда, когда в этом является крайняя необходимость, — да и тут они
ищут случая спрятаться за каждый встречный предмет, за какой-нибудь
камень или кустик, — то мы невольно зададим себе вопрос: не пред-
ставляет ли у людей агорафобия — давнишний инстинкт предков, прино-
сившего им известную пользу, и пробуждающегося теперь в потомках,
под влиянием болезни?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

В о л я.

Действия, вызываемые волей. — Желание, хотение, воля суть состоя-
ния души, известные каждому, и никакое определение не может сделать
полноты их понимание. Мы желаем чувствовать, иметь, делать всевоз-
можными вещи, которых в настоящий момент не чувствуем, не имеем,
не делаем. Если желание соединено с недостижимостью желаемого, мы просто
хотим. Но, если мы уверены, что желаемая цель зависит от нас,
то мы желаем, чтобы наше хотение данного предмета стало реальным,
т. е. осуществилось¹⁾, при чем оно или осуществляется немедленно
вслед за желанием, или вслед за тем, как мы выполняем некоторые
предварительные условия или действия для достижения желанной цели.
Единственные цели, которые следуют непосредственно за нашими же-
ланиями, это, кажется, движения нашего собственного тела. Каждое чув-
ствование или обладание, которое мы желали бы получить, требует, нао-

¹⁾ В русском языке нет точно определенного различия между значением
глаголов „хотеть“ и „желать“, в том смысле, в каком указывает Джемс.
Иные авторы и переводчики употребляют слово „хотеть“ там, где цель до-
стижима, и слово „желать“, где она недостижима. Начинаясь, что соотносится
с духом русского языка обратное употребление, как это сделано у нас, что
показывают такие выражения, как „желанная“ (пародное выражение, замещаю-
щее слово „любимая“), предполагающая определенное лицо. С другой сто-
роны, есть пословица: „на всякое хотение есть तरीба“, показывающее, что
народ не соединяет с словом „хотение“ понятия непреклонного осуществления
(по крайней мере, — скорого).

бороть, каких-нибудь предварительных движений, совершаемых нами
для его получения. Это так известно, что не требует дальнейших по-
яснений. Таким образом мы можем исходить из того положения, что
прямыми, т. е. непосредственными результатами нашей воли могут быть
только наши телесные движения. Механизм совершения этих волевых
движений мы рассмотрим теперь.

Волевые движения суть вторичные продукты. — До сих пор мы
разматривали те движения, которые называются автоматическими или
рефлекторными, т. е. такими, которые не предвидятся тем существом,
которое их исполняет (по крайней мере в первый раз); наоборот,
те движения, к изучению которых мы приступаем теперь, желаются за-
ранее, мы заранее к ним стремимся, а потому конечно, они совершаются
с предвидением того, тем, они должны быть. Отсюда следует, что
волевые или произвольные движения должны быть вторичными,
а не первичными продуктами (функциями) нашего организма.
Это первый пункт, который мы должны понять в психологии воли. Реф-
лекс, а также движения инстинктивные и эмоциональные все суть пер-
вичный продукт. Нервные центры так организованы, что известное воз-
буждение производит взрыв в известной части нервных клеток, и
животное, переживающее один из таких взрывов в первый раз, пе-
реживает в сущности совершенно новый и неизвестный для него опыт.
Однажды я стоял на железнодорожной станции с моим маленьким
сыном в тот момент, когда к ней подходил с грохотом скорый
поезд. Ребенок, который стоял у края платформы, испугался, задро-
жал, дыхание его замерло, он поблбднл, начал кричать, быстро бро-
сился ко мне и спрятал свое лицо. Я не сомневаюсь, что ребенок был
почти также удивлен своим поведением, как и подошедшим поездом
и, конечно, более удивлен, тем я, стоявший рядом. Несомненно, что если
подобная реакция случалась с нами несколько раз, мы узнаем, чего
нужно ждать от самих себя, и благодаря этому, можем предвидеть свое
поведение, даже в том случае, когда оно остается таким же произ-
вольным и неподдающимся контролю, как у моего мальчика. Но если
в произвольном действии, в точном смысле этого слова, действие должно
предвидеться, то отсюда следует, что ни одно существо, не одаренное да-
ром пророчества, не может производить какого-либо произвольного дей-
ствия в первый раз. Да, мы столь же мало одарены пророческим пред-
видением того, к каким движениям мы способны, как и пророческим
предвидением того, какие ощущения мы способны получить. Совершенно
так же, как мы должны для этого подождать и испытать ощущения, ко-
торые будут даны нам, точно также мы должны подождать и испы-
тать движения, совершаемые произвольно, прежде тем мы можем со-
ставить себе идею, о котором либо из этих явлений. О всех наших
способностях и обо всем, что мы можем, мы узнаем только путем
опыта. Когда какое-нибудь отдельное движение совершилось однажды-слу-
чайным, рефлекторно, т. е. произвольно, оно оставляет в нашей памяти
образ самого себя, и затем движение может быть уже желаемо вновь и
произведено преднамеренно. Но нет возможности представить себе, каким
образом мы могли бы пожелать его, еще не испытав.

Такимъ образомъ, первымъ условіемъ волевой жизни является накопленіе идей о различныхъ движеніяхъ возможныхъ для насъ, идей, оставленныхъ въ памяти опытами ихъ произвольнаго совершенія.

Два рода идей о движеніяхъ. Эти идеи могутъ быть или непосредственными, или отдаленными. Т. е. онѣ могутъ быть о движеніи, какъ оно чувствуется, когда происходитъ въ движущейся части тѣла; или онѣ могутъ быть о движеніи, какъ оно чувствуется въ какой-нибудь другой части тѣла, которая причиняетъ его (ударяетъ, давитъ, царапаетъ и т. д.), или какъ это движеніе звучитъ, или какъ оно видится глазомъ. Непосредственные ощущенія въ движущейся части были названы кинестетическими чувствованіями, а воспоминанія о нихъ—кинестетическими идеями. Благодаря этимъ-то кинестетическимъ ощущеніямъ, мы получаемъ сознаніе о пассивныхъ движеніяхъ т. е. движеніяхъ, сообщаемыхъ нашимъ членамъ другими. Если вы лежите съ закрытыми глазами, а другое лицо тихонько помѣститъ вашу руку или ногу въ какое-нибудь имъ избранное положеніе, вы получаете ощущеніе о новомъ положеніи этого члена и можете воспроизвести его вами рукой или ногой противоположной стороны тѣла. Точно также, когда человекъ вдругъ пробуждается въ темнотѣ, онъ тотчасъ узнаетъ, въ какой позѣ лежитъ; по крайней мѣрѣ, такъ бываетъ при нормальныхъ условіяхъ. Но когда ощущеніе пассивныхъ движеній и вообще всякія другія ощущенія своихъ членовъ потеряны, мы получаемъ то, что описано въ нижеслѣдующемъ сообщеніи профессора Штрюмпеля объ его замѣчательномъ анестетичномъ мальчикѣ, у котораго единственными источниками ощущеній были—правый глазъ и лѣвое ухо ¹⁾:

«Всѣмъ его конечностямъ можно было придавать какое угодно положеніе, не привлекая ни малѣйшаго вниманія больного. Только при насильственномъ перерастяженіи связокъ, особенно въ колѣняхъ, возникало очень смутное ощущеніе напряженія, но и оно рѣдко было локализовано (т. е. больной не могъ обозначить мѣста, гдѣ возникало это ощущеніе). Иногда, завязавъ больному глаза, мы носили его по комнатамъ, клали на столъ, придавали его рукамъ самыя неудобныя положенія, но онъ ничего этого не замѣчалъ. Трудно описать словами выраженіе изумленія на его лицѣ, когда вдругъ снимали повязку съ его глазъ, и онъ узнавалъ свое положеніе. Только когда голова его во время опыта очень свѣшивалась, онъ тотчасъ говорилъ, что у него началось головокруженіе, но не могъ указать на его причину. Впослѣдствіи иногда онъ выводилъ изъ звуковъ связанныхъ съ манипуляціями, которыя надъ нимъ производили, что съ нимъ происходило что-то особенное... у него не было «чувства» мускульной усталости: если мы, завязавъ ему глаза, просили поднять руку и держать ее въ этомъ положеніи, онъ выполнялъ это безъ малѣйшаго колебанія, однако, послѣ одной или двухъ минутъ рука начинала дрожать и падала, безъ малѣйшаго знанія его о томъ; онъ увѣрялъ, что держать ее еще въ томъ же положеніи... Въ немъ не производило ощущенія пассивное положеніе, въ какое приводили его пальцы. Онъ постоянно думалъ, что онъ открываетъ и закрываетъ руку, въ то время, какъ она была неподвижна.

¹⁾ Deutsches Archiv f. Klin. Medicin. XXII. 321.

Не требуется для вызванія движенія какого-либо третьяго рода идей. Такимъ образомъ, когда мы совершаемъ движеніе, намъ нужна, или «кинестетическая» или «отдаленная» ¹⁾ идея о немъ. Часто предполагали, что, кромѣ этого, существуетъ и намъ нужна еще идея о суммѣ инерваціи, требующейся для сокращенія мускула (т. е. о величинѣ нервнаго тока, посылаемаго центромъ въ мускулъ. Ред.) Разряженіе двигательнаго перваго центра въ двигательный нервъ даетъ, по этой гипотезѣ, ощущеніе особаго рода (*sui generis*), противоположное всѣмъ другимъ нашимъ ощущеніямъ: въѣтъ, всѣ другія наши ощущенія сопровождаются токи, входящие въ нервныя центры, а это, наоборотъ, сопровождается токи, отходящие изъ центра, и никакое движеніе, —согласно этой гипотезѣ,—не можетъ быть вполне опредѣлено въ нашемъ умѣ, если въ нашу идею не входитъ предварительное знаніе (антиципация) объ этомъ движеніи, выраженное въ формѣ инерваціоннаго ощущенія. Степень силы движенія и усиліе, требуемое для его выполненія, какъ предполагаетъ эта гипотеза, должны спеціально возбуждаться ощущеніями инерваціи. Многие авторы отрицаютъ существованіе такого ощущенія, а доказательства въ пользу его существованія весьма недостаточны.

Различныя степени усилія, которыя мы дѣйствительно чувствуемъ, когда производимъ одно и то же движеніе, для преодоленія различныхъ препятствій, всѣ объясняются ощущеніями, входящими въ наши центры изъ груди, челюстей, брюшной полости и другихъ частей нашего тѣла, сокращающихся симпатически, когда усиліе значительно. Тутъ не нужно сознанія о суммѣ требующагося отходящаго тока. Единственно, что мы можемъ замѣтить путемъ самонаблюденія, это есть то, что степень силы, употребляемой нами для какого-нибудь движенія, вполне указывается намъ входящими ощущеніями отъ самихъ мускуловъ, отъ ихъ прикрѣпленій, отъ ближайшихъ связей и отъ общаго напряженія глотки, груди, лица и тѣла. Когда въ нашей мысли является извѣстная степень энергіи сокращенія, а не другая, этотъ сложный агрегатъ «входящихъ» ощущеній, образующій матеріалъ нашей мысли, доставляетъ намъ абсолютно точный и отчетливый образъ той вполне опредѣленной силы движенія, которое должно быть сдѣлано, и точной суммы сопротивленія, которое слѣдуетъ преодолѣть.

Пусть читатель попробуетъ направить свою волю къ какому-нибудь опредѣленному движенію и затѣмъ замѣтитъ, въ чемъ состоитъ направленіе его воли. Есть-ли въ немъ что-нибудь, кромѣ понятія о различныхъ ощущеніяхъ, которыя возбудитъ движеніе, когда оно будетъ совершаться? Останется ли, помимо этихъ ощущеній, какой-нибудь знакъ, принципъ, или способъ ориентировки, посредствомъ которыхъ воля можетъ инервировать нужные мускулы съ правильной интенсивностью, а не направить токъ куда поало. Выдѣлите эти образы, предваряющіе результаты движенія, и у васъ не только не получится полнаго ассортимента направленій, въ какихъ можетъ дѣйствовать ваша воля, но вы замѣтите въ вашемъ сознаніи абсолютную пустоту. Если я хочу написать Петръ, а не Павелъ, то моя мысль состоитъ изъ извѣстныхъ двигательныхъ ощущеній, изъ извѣстныхъ звуковъ азбуки, изъ извѣстныхъ изображеній на бумагѣ и не

¹⁾ См. объясненіе этихъ терминовъ ранѣе.

изъ чего другого, что предшествовало бы движению моего пера. Если я хочу произнести слово Павелъ, а не Петръ, это значитъ, что моимъ произношеніемъ руководить мысль о моемъ голосѣ, уже известномъ моему слуху, и мысль объ опредѣленныхъ мускульныхъ ощущеніяхъ въ моемъ языкѣ, губахъ и гортани. Всѣ эти ощущенія суть ощущенія «выходяща», и между мыслью о нихъ, въ силу которой дѣйствіе воспроизводится умственно, во всей возможной полнотѣ, и между самими дѣйствіемъ—нѣтъ мѣста для какого-либо третьяго рода умственныхъ явленій. Здѣсь есть дѣйствительно какъ бы соизволеніе, «да будетъ», или рѣшеніе, чтобы дѣйствіе совершилось. Именно это, конечно,—какъ въ моей собственной мысли, такъ и въ мысли моихъ читателей,—составляетъ сущность того, что мы называемъ произвольностью дѣйствій. Это «да будетъ» мы подробнѣе рассмотримъ дальше. Здѣсь можно его совершенно обойти молчаніемъ, т. е. оно является постояннымъ косфицентомъ, одинаковымъ у всѣхъ произвольныхъ дѣйствій, а потому не можетъ служить для различенія ихъ другъ отъ друга. Никому не придетъ въ голову утверждать, что качество движенія измѣняется, смотря потому, напримѣръ, дѣйствуетъ ли онъ правой, или лѣвой рукой.

Такимъ образомъ, предшествующій образъ чувственного результата движенія плюсъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) рѣшеніе («да будетъ») того, что эти слѣдствія должны дѣйствительно начаться,—вотъ единственное психическое состояніе, которое наше самонаблюденіе позволяетъ намъ различить, какъ предтечу нашихъ произвольныхъ дѣйствій. Тутъ нѣтъ никакихъ основаній допустить какое-нибудь другое ощущеніе, связанное съ токомъ исходящимъ изъ нервнаго центра. Все содержаніе и весь матеріалъ нашего сознанія (сознанія о движеніи, какъ и обо всѣхъ другихъ вещахъ), имѣетъ, такимъ образомъ, повидимому, периферическое происхожденіе и идетъ къ намъ прежде всего черезъ периферическіе нервы.

Двигательный знакъ.—Позвольте намъ назвать послѣднюю идею, которая въ умѣ предшествуетъ двигательному разряженію,—«двигательнымъ знакомъ». Вопросъ въ томъ, «образы-ли непосредственные», или «образы отдаленные» (объясненіе этихъ терминовъ см. стр. 330) должны быть эти «двигательными знаками».

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что двигательными знаками могутъ быть или «непосредственные образы», или «отдаленные». Хотя вначалѣ, когда мы учимся какому-нибудь движенію, передъ сознаніемъ должны, кажется, проходить непосредственныя ощущенія, но впослѣдствіи этого вовсе не нужно. Фактически можно, кажется, признать правиломъ, что непосредственныя идеи стремятся мало-по-малу изглаживаться изъ сознанія и что, чѣмъ больше мы напрактиковались въ какомъ-нибудь движеніи, тѣмъ больше его умственнымъ «двигательнымъ знакомъ» бываютъ «отдаленныя идеи». То, что насъ интересуетъ, то и остается въ сознаніи; все остальное мы стараемся пробѣжать какъ можно скорѣе. Обыкновенно «непосредственныя ощущенія» движенія не имѣютъ для насъ никакого существеннаго интереса. Насъ интересуютъ цѣли, достигаемыя движеніями. Обыкновенно, такая цѣль есть «отдаленное ощущеніе», т. е. то впечатлѣніе, которое движеніе производитъ на глазъ или слухъ, или на какое-

нибудь мѣсто кожи, ность или небо. Теперь представимъ себѣ, что идея о такой цѣли ассоциируется опредѣленно съ нужнымъ для ея осуществленія разряженіемъ нервнаго центра въ мускулы,—въ такомъ случаѣ мысль о непосредственныхъ дѣйствіяхъ иннервации станетъ такой-же большой помѣхой, какъ и сама иннервация, о чемъ мы говорили выше. Мысль не нуждается въ ней; для нея достаточно одной только цѣли, ради которой совершается движеніе.

Идея о цѣли стремится, такимъ образомъ, больше и больше сдѣлать себя совершенно достаточной. Но, во всякомъ случаѣ, если кинестетическія идеи и возникаютъ во всемъ этомъ процессѣ, онѣ до такой степени ослабляются въ кинестетическихъ ощущеніяхъ, которыми онѣ непосредственно захватываются, что у нихъ нѣтъ времени увѣриться въ ихъ отдѣльномъ существованіи. Когда я пишу, у меня нѣтъ «антиципации», т. е. предварительнаго представленія (отдѣльнаго отъ моихъ ощущеній) о вѣтѣ видѣ буквъ, которыя я напишу, или объ ощущеніи въ пальцахъ тѣхъ движеній, которыми я напишу ихъ. Слово какъ-бы шепчетъ только въ моемъ умственномъ ухѣ—передъ тѣмъ, какъ я напишу его, но не ощущается заранее ни въ глазу, ни въ мускулахъ пальцевъ. Это происходитъ отъ быстроты, съ какой движеніе слѣдуетъ за своимъ умственнымъ «знакомъ». И цѣль,—соизволяемая тотчасъ, какъ только она создается,—инервируетъ непосредственно центръ перваго движенія изъ всей цѣли движеній, ведущихъ къ ея осуществленію, а затѣмъ вся эта цѣль выполняетъ какъ-бы рефлекторно, что уже описано ранѣе.

Читатели, конечно, признаютъ, что это вѣрно для всѣхъ быстрыхъ произвольныхъ дѣйствій, не осложненныхъ колебаніями воли. Только въ моментъ самаго начала такихъ дѣйствій, тутъ существуетъ единственный специальный знакъ. Такъ, человѣкъ рѣшаетъ: «я долженъ надѣть другой костюмъ», и непроизвольно онъ снимаетъ свой скюртку, а его пальцы работаютъ при этомъ привычнымъ образомъ, разстегивая пуговицы жилета и т. д., и т. д.; или онъ рѣшаетъ: «надо спуститься внизъ», и едва это рѣшеніе имъ признано, онъ идетъ, берется за ручку двери и т. д., т. е. совершаетъ все это по идеѣ о цѣли, связанной съ рядомъ руководящихъ ощущеній, возникающихъ послѣдовательно. Дѣйствительно, повидимому, у насъ должна отсутствовать точность и увѣренность въ достиженіи цѣли, если мы озабочены тѣмъ путемъ, какимъ движеніе должно быть выполнено. Мы тѣмъ лучше пройдемъ, напр., по бревну, чѣмъ меньше будемъ думать о положеніи на немъ нашихъ ногъ. Мы тѣмъ удачнѣе бросаемъ и ловимъ (напр., мячъ), стрѣляемъ и рубимъ, чѣмъ меньше наше сознаніе занято осязательной и мускульной («непосредственной») стороной этихъ дѣйствій и чѣмъ больше оно сосредоточено на зрительной (болѣе «отдаленной») сторонѣ его. Устремите вашъ глазъ на намѣченную цѣль, и рука сама броситъ къ ней наиболѣе удачно мячъ или камень; но если вы въ этотъ моментъ будете заботиться о движеніи самой руки, то, всего вѣрнѣе, что вы промахнетесь. Д-ръ Southard нашелъ, что онъ болѣе точно можетъ прикоснуться къ какому-нибудь намѣченному мѣсту кончикомъ карандаша, если руководится зрительнымъ умственнымъ «знакомъ», чѣмъ «осязательнымъ». Въ первомъ случаѣ онъ взглядывалъ на какой-нибудь маленькій предметъ и, прежде чѣмъ прикоснуться къ нему, закрывалъ глаза; во

второмъ случаѣ, онъ бралъ въ руки этотъ предметъ и, закрывъ глаза, ставилъ его на какое-нибудь мѣсто, а, затѣмъ, продолжая оставаться съ закрытыми глазами, дѣлалъ нѣсколько движеній рукой въ воздухѣ и, послѣ этого, стараясь сразу прикоснуться къ предмету (конечно, съ закрытыми глазами). Оказалось, что среднимъ числомъ, съ осязательнымъ образомъ, онъ въ самыхъ удачныхъ случаяхъ, ошибаясь на 17,13 миллиметровъ, тогда какъ съ зрительнымъ образомъ только на 12,37 м.м. Все это дополняетъ результаты внутреннего самонаблюдения.

Но какой первый механизмъ дѣлаетъ возможнымъ такіе акты, мы не знаемъ.

Въ главѣ XIX мы видѣли, какъ безмѣрно отличаются другъ отъ друга различные индивидуумы относительно способности умственныхъ образовъ. Въ томъ типѣ воображенія, который названъ французскими психологами тактильнымъ (осязательнымъ), вѣроятно, кинестетическія идеи преобладаютъ больше, чѣмъ это описано у насъ. Мы не должны думать, что у отдельныхъ индивидуумовъ существуетъ очень значительное однообразие въ этомъ отношеніи, и нельзя чересчуръ спорить о томъ, который изъ типовъ является «истиннымъ» представителемъ процесса.

Надѣюсь, мнѣ удалось теперь выяснитъ, что такое та «идея о движеніи», которая должна предшествовать ему, чтобы оно было произвольнымъ. Это вовсе не идея объ инерваціи, требуемой даннымъ движеніемъ. Это—антиципация (предварительное представление) чувственныхъ результатовъ движенія, — непосредственныхъ или отдаленныхъ, а иногда и очень отдаленныхъ. Въ концѣ концовъ, такія антиципация опредѣляютъ, каково будетъ наше движеніе. До сихъ поръ я говорилъ такъ, какъ будто это предварительное умственное представление опредѣляетъ и то, что данное движеніе будетъ сдѣлано. Несомнѣнно, это не встрѣтитъ согласія у многихъ читателей, такъ какъ имъ, конечно, кажется, что, во многихъ случаяхъ хотѣнія, необходимо специальное «да будетъ» или созволеніе на движеніе, въ дополненіе къ простому представленію его въ мысли, а это-то «да будетъ» я совершенно оставилъ пока въ сторонѣ. Это приводитъ насъ къ послѣднему пункту нашего разсужденія.

Идео-моторныя дѣйствія.—Вопросъ вотъ въ чемъ: Можетъ-ли одна чистая идея о чувственномъ результатѣ движенія быть достаточнымъ «двигательнымъ знакомъ» или къ ней должно прибавляться еще нѣкоторое умственное рѣшеніе «да будетъ», согласие, волевое повелѣніе или иной однородный фактъ сознанія, прежде чѣмъ можетъ послѣдовать движеніе?

На это я отвѣчу: иногда достаточно одной чистой идеи, но иногда долженъ предшествовать движенію сознательный элементъ въ видѣ повелѣнія, выраженнаго согласія или «да будетъ».

Случай, когда не бываетъ этихъ «да будетъ», составляютъ самую основную разновидность волевыхъ дѣйствій, потому что они самые простые. Другіе-же случаи содержатъ спеціальныя дополненія, которые дальше мы рассмотримъ подробно. Теперь-же позволимъ намъ обратиться къ идеомоторнымъ дѣйствіямъ, какъ ихъ называютъ, т. е. къ движеніямъ, являющимся результатомъ одной только мысли о нихъ, безъ всякаго особаго рѣшенія: это типичный процессъ волевыхъ дѣйствій.

Когда движеніе слѣдуетъ безъ всякаго колебанія и непосредственно за идеей о немъ, мы имѣемъ идеомоторное дѣйствіе. Въ этомъ случаѣ, мы не ощущаемъ ничего между идеей и ея исполненіемъ. Всѣ роды нервно-мышечныхъ процессовъ, которые совершаются, конечно, между этими двумя моментами, абсолютно не доходятъ до нашего сознанія. Мы думаемъ о дѣйствіи, и оно совершается, и вотъ все, что намъ говорить объ этомъ самонаблюденіе. Докторъ Карпентеръ, который, если я не ошибаюсь, первый употребилъ терминъ идеомоторныя дѣйствія, помѣщаетъ ихъ, сколько мнѣ помнится, среди рѣдкихъ явленій нашей душевной жизни. На самомъ дѣлѣ они вовсе не рѣдкія явленія, а просто нормальный процессъ, но только не замаскированный никакими побочными добавленіями. Во время разговора, я вдругъ замѣчаю булавку на полу или пылъ на моемъ рукавѣ, и вотъ, не прерывая рѣчи, я смахиваю пылъ или поднимаю булавку. Я не дѣлаю никакого выраженнаго рѣшенія, но одно только воспріятіе предмета, мимолетное понятіе о дѣйствіи, повидимому, сами вызываютъ мое дѣйствіе. Подобнымъ-же образомъ, сидя за столомъ, послѣ обѣда, я замѣчаю, что время отъ времени беру орѣхъ или виноградъ съ моей тарелки и ѣмъ ихъ. Собственно обѣдъ мой уже оконченъ, и, въ пылу разговора, я едва-ли сознаю то, что я дѣлаю; но воспріятіе фруктовъ и мимолетное представленіе о томъ, что я могу ихъ съѣсть, вызываютъ, повидимому, фатально мое дѣйствіе. Здѣсь, конечно, нѣтъ никакого выраженнаго рѣшенія, и столь-же мало такихъ рѣшеній во всемъ томъ, какъ мы обыкновенно ходимъ, что мы дѣлаемъ, во всѣхъ приспособленіяхъ нашихъ, наполняющихъ каждый часъ дня; они всѣ возбуждаются входящими ощущеніями такъ непосредственно, что часто трудно рѣшить, не лучше ли называть ихъ рефлекторными, а не произвольными дѣйствіями. Логче говорить:

«При писаніи и игрѣ на фортепіано мы видимъ множество очень сложныхъ движеній, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, возбуждающихъ представленія, которыхъ едва-ли остаются даже одну секунду въ сознаніи и, конечно, не достаточно длинны, чтобы возбудить какое-нибудь иное хотѣніе, кромѣ общаго желанія передать каждый моментъ, являющійся въ сознаніи, и останавливаясь на проходящемъ впечатлѣніи больше, чѣмъ на моментъ, когда оно переходитъ въ дѣйствіе. Всѣ акты нашей ежедневной жизни происходятъ такимъ образомъ: стоимъ-ли мы, ходимъ-ли, или разговариваемъ,—все это никогда не требуетъ особаго импульса воли, но проносится одинаково приспособленно однимъ чистымъ потокомъ мысли¹⁾».

Во всемъ этомъ опредѣляющимъ условіемъ для неколеблющагося и безпрепятственнаго слѣдованія нужнаго дѣйствія является отсутствіе въ умѣ какой-либо осложняющей идеи. Тутъ или нѣтъ ничего другого въ мысли, или только то, что не сталкивается съ рѣшеніемъ. Мы знаемъ, каково вставать съ постели морознымъ утромъ въ холодной комнатѣ, и какъ само жизненное начало внутри насъ протестуетъ противъ такой пытки. Вѣроятно, многіе провели при этомъ въ постели лишніи часы, не будучи способными заставить себя рѣшиться встать. Мы думаемъ, какъ много дурного произойдетъ отъ этого, какъ много пострадаютъ наши дневныя обязанности; мы говорили себѣ: да долженъ-же я, наконецъ,

¹⁾ «Medicine Psychologie» стр. 298.

встать, это—безобразіе... и пр., но теплая постель еще чувствуется такой приятной, а холодная комната такой ужасной, что рѣшеніе опять скрывается вновь и вновь, и мы оттягиваемъ рѣшеніе, ставя ему препятствія и пропуская мимо моменты рѣшимости. Спрашивается, какимъ-же образомъ мы, наконецъ, встаемъ при такихъ условіяхъ. Если я могу дѣлать обобщеніе изъ моего собственнаго опыта, мы гораздо чаще поступаемъ, безъ всякой борьбы и рѣшенія, чѣмъ съ этими осложненіями. Внезапно оказывается, что мы уже встали съ постели, или, вообще, начали дѣйствія. Въ нашемъ сознаніи происходитъ счастливое затемненіе,—мы забываемъ и про теплоту, и про холодъ. Нами овладѣваетъ нѣчто вродѣ грезъ, связанныхъ съ нашей обыденной жизнью, во время которыхъ вдругъ мелькаетъ идея: «ну, довольно лежать!»—Идея, которая въ этотъ счастливый моментъ не пробуждаетъ никакихъ противорѣчащихъ, или парализующихъ вліяній, а потому производитъ непосредственно свойственный ей двигательный эффектъ. Между тѣмъ въ періодъ борьбы, наше острое сознаніе сразу и о теплотѣ, и о холодѣ парализовало нашу активность и удерживало нашу идею о вставаніи въ состояніи хотѣнія, а не желанія. Но разъ прошелъ моментъ задержки отъ борьбы этихъ идей, и первоначальная идея выполнила свое дѣйствіе.

Этотъ случай заключается, по-моему, въ миниатюрной формѣ, основныя данныя для всей прихологій водевыхъ дѣйствій. Я пришелъ впервые къ убѣжденію о справедливости теории, излагаемой здѣсь, путемъ размышленія надъ явленіями, наблюдаемыми мною въ самомъ себѣ. Причина, почему эта теорія не кажется само-очевидной истиной, заключается въ томъ, что у насъ является множество идей, не переходящихъ въ дѣйствія. Но мы сейчасъ увидимъ, что, во всѣхъ такихъ случаяхъ безъ исключенія, это происходитъ потому, что одновременно въ сознаніи появляются и другія идеи, отнимающія у первыхъ ихъ побудительную способность. Но даже здѣсь,—и когда движеніе удержано отъ полнаго осуществленія противоположной идеей,—оно все-же совершается въ зачаточной формѣ. Прочитируемъ еще разъ Лотце:

«Зритель, наблюдавшій за игроками на бильярдѣ или за фехтовальщиками, производитъ самъ легкія движенія руками, вслѣдъ за ихъ движеніями; плохо воспитанные люди сопровождаютъ свои рассказы многочисленными жестами; читатель, поглощенный яркимъ описаніемъ сцены борьбы, чувствуетъ легкое напряженіе, возбуждающееся въ его мышечной системѣ, чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ участвуетъ въ дѣйствіи, о которомъ читаетъ. Эти результаты становятся тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ больше мы поглощены мыслью о тѣхъ движеніяхъ, описаніе которыхъ внушаетъ намъ наши сочувственные движенія; и эти послѣднія становятся слабѣе пропорціонально тому, какъ, подъ господствомъ толпы другихъ представленій, сознаніе, дѣлающееся сложнымъ, препятствуетъ проходящимъ умственнымъ созерцаніямъ описываемыхъ движеній переходить во внѣшнія дѣйствія».

Сдѣлавшееся въ послѣднее время столь моднымъ, такъ называемое «чтеніе мыслей» есть собственно «мускульное чтеніе»: оно основано на этомъ начальномъ подчиненіи мускульныхъ сокращеній идеямъ даже тогда,

когда есть предумышленное стремленіе, чтобы этихъ сокращеній не произошло ¹⁾.

Такимъ образомъ, мы можемъ признать достовѣрнымъ нижеслѣдующее: каждое представленіе какого-либо движенія возбуждаетъ до извѣстной степени дѣйствительное движеніе, соответствующее представляемому движенію; и оно возбуждаетъ его въ наибольшей степени тогда, когда движеніе не задерживается какими-либо противодѣйствующими представленіями, являющимися въ умѣ одновременно.

Выраженное «да будетъ», или актъ умственного согласія на движеніе, приходится тогда, когда требуется обезсилить (нейтрализовать) противоположныя и задерживающія идеи. Но читателю теперь уже не нужно доказывать больше, что когда условія движенія просты, то нѣтъ и никакой надобности въ выраженномъ «да будетъ». Однако, онъ еще можетъ возразить, на основаніи общаго предразсудка, что произвольное дѣйствіе безъ «проявленія силы-воли» есть оборотная сторона роли принца Гамлета, а потому я долженъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Первый пунктъ, изъ котораго слѣдуетъ исходить, чтобы понять произвольныя дѣйствія и возможность совершенія ихъ безъ выраженныхъ рѣшеній и «да будетъ»,—это тотъ фактъ, что сознаніе, по самой природѣ своей, импульсивно. Мы не сперва имѣемъ ощущеніе или мысль и не потомъ должны добавить къ нимъ что-либо двигательное (динамическое), чтобы они перешли въ движеніе. Каждое трепетаніе чувства, происходящее въ насъ, есть коррелятъ (соотносительное) нѣкоторой нервной дѣятельности, находящейся уже на пути къ возбужденію движенія. Наши ощущенія и мысли есть какъ-бы точки пересѣченія токовъ, существенныя слѣдствія которыхъ суть движенія, которые не могутъ перейти въ движеніе въ одномъ нервѣ скорѣе, чѣмъ въ другомъ. Популярное понятіе, что сознаніе не есть существенный предтеча дѣятельности, а что эта послѣдняя должна быть результатомъ добавочной силы воли, есть весьма естественный выводъ изъ тѣхъ особенныхъ случаевъ, когда мы думаемъ о какомъ-нибудь дѣйствіи неопредѣленно долгое время, безъ всякаго дѣйствія. Однако такіе случаи не представляются нормальными; это—случаи задержки дѣйствія противоположными мыслями. Когда задержка устранена, мы чувствуемъ, что какъ-бы была освобождена внутренняя пружина, и это есть дополнительный импульсъ или «да будетъ», за которымъ актъ дѣйствительно слѣдуетъ. Мы должны изслѣдовать теперь, въ чемъ состоитъ эта задержка и освобожденіе отъ нея. Въ нашемъ мышленіи высшаго порядка, такіе случаи постоянны. Но гдѣ нѣтъ задержки, тамъ естественно нѣтъ промежутка между умственнымъ процессомъ и двигательнымъ разряженіемъ. Движеніе есть естественный, непосредственный результатъ процесса чувствованія, безразлично, какого-бы качества ни было это чувствованіе. Такъ

¹⁾ По этому объясненію «чтенія мыслей», дѣло происходитъ такъ: обыкновенно задумываютъ, чтобы лицо, берущееся угадывать чужія мысли, исполнило какое-нибудь сложное движеніе. И вотъ, это лицо приводитъ себя въ соприкосновеніе съ однимъ изъ знатоковъ намѣченный планъ и, подчиняясь безсознательно или сознательно его невольнымъ, едва уловимымъ мышечнымъ толчкамъ, выполняетъ иногда весьма сложныя задачи.

происходить въ рефлекторномъ чувствѣ, такъ происходитъ въ выраженіи эмоцій и то же происходитъ въ волевой жизни.

Такимъ образомъ, идео-моторное дѣйствіе не есть парадоксъ, который слѣдовало бы смягчить, или объяснить какъ-нибудь иначе. Оно подчиняется типу всякаго сознательнаго дѣйствія и, отъ него можно исходить, чтобы объяснить тотъ родъ дѣйствія, въ который входитъ специальное рѣшеніе «да будетъ».

Можетъ быть замѣчено мимоходомъ, что остановка движенія также не включаетъ въ себя выраженнаго усилія или приказанія, какъ и самое исполненіе. Но каждый изъ нихъ можетъ иногда требовать его. Однако во всѣхъ простыхъ и обыкновенныхъ случаяхъ, совершенно также, какъ чистое присутствіе одной только идеи вызываетъ движеніе, такъ чистое присутствіе другой идеи мѣшаетъ совершиться этому движенію. Старайтесь почувствовать, будто вы сгибаете свой палецъ, въ то время, когда вы его удерживаете въ прямомъ положеніи. Одно мгновеніе въ немъ ясно почувствуется содроганіе, къ смыслѣ воображаемой перемѣны положенія, однако онъ не двинется на самомъ дѣлѣ, потому что часть вашей мысли составляетъ и то, что онъ въ дѣйствительности не двигается. Отбросьте эту идею, подумайте просто только о движеніи пальца, и въ одно мгновеніе оно уже будетъ сдѣлано вами безъ всякаго усилія.

Такимъ образомъ, поведение бодрствующаго человѣка, во всякій данный моментъ, есть равнодѣйствующая двухъ противоположныхъ нервныхъ силъ. Нѣкоторые токи между клѣтками и фибрами его мозга своеобразно утонченно играютъ на его двигательныхъ нервахъ, въ то время какъ другіе токи столь-же своеобразно утонченныя играютъ на этихъ первыхъ токахъ, то задерживая ихъ, то помогая имъ, то измѣняя ихъ направленіе, или ихъ скорость. Въ концѣ концовъ, — хотя токи должны оканчиваться всегда тѣмъ, что они проводятся по какимъ-нибудь двигательнымъ нервамъ, — они проводятся иногда черезъ одинъ слой, иногда черезъ другой; а иногда они удерживаютъ другъ друга въ равновѣсіи такъ долго, что поверхностный наблюдатель можетъ подумать, будто они не проводятся совсѣмъ. Однако, такой наблюдатель долженъ вспомнить, что съ физиологической точки зрѣнія, какой-нибудь жестъ, какое-нибудь выраженіе лица или вздохъ суть совершенно такіе-же движенія, какъ и движенія перемѣненія. Душovenіе короля можетъ убить также, какъ и ударъ убійцы; и вѣншее проявленіе этихъ токовъ, которые сопровождаются магически невѣсомыми потоками нашихъ идей, вовсе не должны быть всегда взрычатыми или физически грубыми въ какомъ-нибудь другомъ родѣ.

Дѣйствіе по обсужденію. — Теперь намъ предстоитъ описать то, что происходитъ при дѣйствіи по обсужденію, или когда передъ мыслью находится нѣсколько предметовъ, относящихся другъ къ другу враждебно или благоприятно. Однимъ изъ этихъ предметовъ мысли можетъ быть какое либо дѣйствіе. Самъ по себѣ этотъ послѣдній предметъ вызываетъ бы движеніе, однако нѣкоторые добавочныя предметы или соображенія задерживаютъ двигательныя разряженія, тогда какъ другіе помогаютъ имъ совершиться. Результатомъ является то особенное чувство внутренняго безпокойства, которое извѣстно подъ именемъ нерѣшимости. Къ

счастію оно настолько знакомо каждому, что не нуждается въ описаніи, да и описать его было бы невозможно. Пока оно остается, съ различными объектами передъ нашимъ вниманіемъ, о насъ говорятъ, что мы обсуждаемъ; а когда, наконецъ, первоначальное возбужденіе или перевѣшивается и даетъ мѣсто движенію, или уходитъ окончательно, побѣжденное своими противниками, о насъ говорятъ, что мы рѣшили, или обнаружили наше произвольное «да будетъ» въ пользу того или другого теченія. Объекты помогающіе и задерживающіе называются вообще основаніями или мотивами, при посредствѣ которыхъ выносятся рѣшенія.

Процессъ обсужденія содержитъ въ себѣ безконечныя степени сложности. Въ каждый его моментъ наше сознаніе есть до крайности сложная вещь, а именно цѣлая коллекція мотивовъ и ихъ столкновеній. Изъ этой сложной вещи, совокупность которой испытывается все время болѣе или менѣе смутно нашимъ сознаніемъ, — нѣкоторыя части выступаютъ болѣе или менѣе резко на первый планъ въ одинъ моментъ, тогда какъ въ другой моментъ сильнѣе выступаютъ другія части, что зависитъ отъ колебанія нашего вниманія и отъ «ассоциативнаго» потока нашихъ идей. Но какъ бы ни были ярки мотивы передняго плана, и какъ бы ни былъ неизбеженъ въ концѣ разрывъ сдерживающей плотины и проведеніе двигательныхъ результатовъ на ихъ собственное русло, однако, задній планъ, какъ бы смутно мы его ни чувствовали, всегда есть на — лицо, вродѣ того «оросла» и «умственныхъ обертоновъ», о которыхъ мы говорили ранѣе. И его присутствіе (до тѣхъ поръ, пока не прекратилась нерѣшимость) служитъ дѣйствительной задержкой неминуемаго разряженія. Обсужденіе можетъ оставаться на недѣли и мѣсяцы, занимая нашу мысль съ извѣстными промежутками. Мотивы, которые вчера казались яркими, полными жизни и значенія, сегодня кажутся блѣдными, слабыми и мертвыми. Но какъ вчера, такъ и сегодня, вопросъ не рѣшается нами окончательно. Что-то подсказываетъ намъ, что все это есть только подготовительная работа, что ослабѣвшіе мотивы снова станутъ сильными, а тѣ, которые сильны теперь, ослабѣютъ; что не достигнуто еще равновѣсіе; что сейчасъ именно необходимо пробѣхать наши мотивы, не подчиняясь имъ, и что намъ слѣдуетъ ждать терпѣливо или нетерпѣливо, пока наша мысль не обдумаетъ «всего какъ можно лучше». Это склоненіе то къ одному, то къ другому будущему, при чемъ и то, и другое мы представляемъ возможными, похоже на колебаніе туда и сюда матеріальнаго тѣла въ предѣлахъ его упругости. Это — внутреннее напряженіе, но не наружный разрывъ. И это состояніе можетъ, съ достаточной полнотой, продолжаться неопредѣленное время въ мысли, какъ и въ физическомъ тѣлѣ. Однако, если упругость ослабѣла, если плоть прорвана, тогда токи прорѣзываютъ кору, колебанія кончаются и въ этомъ-то состоитъ непрерывное рѣшеніе.

Рѣшеніе можетъ придти какимъ-либо изъ многихъ способовъ. Я попытаюсь набросать кратко самые характерные типы его, предупреждая читателя, что этотъ очеркъ будетъ только плодомъ внутренняго самонаблюденія, отчетомъ о даваемыхъ имъ симптомахъ и явленіяхъ, и что всѣ вопросы о причинахъ, какъ нервныхъ, такъ и психическихъ, откладываются мною до послѣдующихъ страницъ.

Пять типовъ рѣшенія. — Обращаясь теперь къ формамъ самаго рѣ-

шения, мы можем различить пять главных типов. Первый тип может быть назван разсудительным типом (reasonable type). Это — тот тип, при котором аргументы за и против данного курса, кажется, постепенно и почти нечувствительно укладываются сами в ум и кончают тем, что остается ясный баланс в пользу одного из двух возможных решений, которое мы и принимаем без усилий и возражений. Пока этот разсудочный баланс нашей умственной бухгалтерии еще не закончен, мы чувствуем покойно, что документы еще не все готовы, а это удерживает действие в нерешенном состоянии. Но в какой-нибудь день мы пробуждаемся с чувством, что видим предмет правильно, что никакого нового света на него не прольется дальнейшим размышлением, и что лучше решить дело теперь. В этом легко перейти от сомнения к уверенности мы кажемся себе почти пассивными; «мотивы», решившие вопрос, кажутся нам вытекшими из самой природы вещей и не обязанными ничем нашей воле. Однако, мы испытываем молившее чувство нашей свободы, так как совершенно лишены ощущения какого-либо принуждения. Заключительное основание для решения вопроса, в этих случаях, обыкновенно состоит в открытии, что мы можем отпести данный случай к тому классу, относительно которого мы привыкли действовать без колебания по известному стереотипному пути. В общем, можно сказать, что большая часть каждого обсуждения состоит из обращения ко всем возможным способам понимания (или представления себя) совершения или несовершения данного действия, о котором идет вопрос. В тот момент, когда мы натапливаемся на такое понимание (концепцию), которое позволяет нам применить какой-нибудь принцип действия, который составляет установившуюся и постоянную часть нашего «я», наши сомнения кончаются. Лица, стоящие у власти, которым приходится произносить много решений ежедневно, носят в себе целый запас рубрик для классификации, при чем каждая из этих рубрик связана с каким-либо произвольным своим следствием, и по этим рубрикам они стараются по возможности разбить новый вопрос или дело, встретившиеся им. Если это новое дело такого рода, что не имеет прецедента (т. е. такого же подобного дела, уже решенного раньше) и к которому нельзя применить никакого из готовых правил, то эти лица чувствуют себя растерянными и разстроенными неопределенностью задачи. Однако, как только они видят путь к знакомой классификации, они снова чувствуют себя легко. Таким образом, в действии, как и в разсуждении, важной вещью является отыскание верной концепции. Конкретные дилеммы не идут к нам с ярлыками, наклеенными на их спинах. Мы можем назвать их множеством названий. Умный человек тот, кто, отыскивая такое название, следует требованиям данного частного случая. «Разсудительный характер» — это такой, который обладает запасом стойких и значительных идей, и который не решается на действие, пока не удостоверится покойно, способствует ли оно или вредит какой-нибудь из них.

В двух других ближайших типах решения, окончательное «да будет» случается до того, когда все документы (умственные) находятся

налицо. Часто случается, что нет никакого высшего и властного основания избрать один путь или курс, а не другой. Мы остаемся долго в состоянии колебания и нерешительности, и может наступить час, когда мы чувствуем, что даже плохое решение лучше, чем вовсе никакого решения. При таких условиях часто случается, что какое-нибудь побочное или второстепенное обстоятельство, исходящее от какого-нибудь частного движения нашей утомленной мысли, перевесит баланс в сторону какой-нибудь одной альтернативы, к которой мы начинаем склоняться, хотя если бы произошел в то время какой-нибудь противоположный случай, он мог бы произвести обратный результат.

Во втором типе решений, наше ощущение в значительной степени таково, что мы как бы оставляем себя плыть по течению, относясь безразлично к тому направлению, в котором нас случайно направит что-либо извне, при чем нами владеет уверенность, что, в конце концов, будет также хорошо, направимся ли мы в одну сторону, или в другую, и что дело, во всяком случае, будет навстречу выполнено правильно.

В третьем типе определение пути кажется одинаково случайным, но оно исходит изнутри, а не извне. Часто, — когда отсутствие господствующего и повелительного принципа делает наше решение запутанным и нерешительно блуждающим, — мы замечаем, что начинаем действовать как бы автоматически или как будто отдаваясь непроизвольному разряжению наших нервов в направлении одного из членов дилеммы. Но это ощущение движения действует на нас так возбуждительно после пестеряемого состояния колебания и бездействия, что мы безропотно предаемся ему и восклицаем: «Ну, вперед! Что будет, то будет! Пусть хоть небо на нас обвалится!» Это беззаботное, ликующее торжество в нас энергии, почти не предшествуемое размышлением, вызывает у нас такое самочувствие, как будто бы мы являемся скорее пассивными зрителями наших действий, влекомыми какой-то внешней силой, чем людьми произвольно действующими. Этот тип решений, черезчур внезапных и порывистых, редко случается у натур хладнокровных и вялых. Но, вероятно, он част у лиц с сильной эмоциональностью и неустойчивым, колеблющимся характером. В людях же, прославленных миром, таковы: Наполеон, Лютер и т. п., у которых упорная страсть соединяется с кипучей деятельностью, если по какому-нибудь случаю исходу их страсти мешают колебания или предварительные размышления, решение должно, во всей вероятности, очень часто получаться катастрофическим путем. Поток прорывается совершенно неожиданно сквозь плотину. У известных характеров это должно происходить так часто, что может служить достаточным объяснением их склонности к фаталистическому образу мысли. А фаталистический образ мысли сам, конечно, увеличивает силу энергии, только что выходящей на свои возбуждающиеся пути разряжения.

Есть четвертая форма решения, которою часто колчается обсуждение столь же внезапно, как и в третьей форме. Она бывает тогда, когда, вследствие какого-либо внешнего опыта или каких-нибудь необъяснимых внутренних перемен, мы переходим внезапно от легкого и без-

заботного настроеніе къ серьезному, напряженному, а, быть может, и въ какихъ-либо другихъ случаяхъ. Цѣлая лѣстница, по которой мы до тѣхъ поръ располагали наши мотивы и побужденія, по ихъ сравнительной важности, претерпѣваетъ тогда перемѣну, подобную той, какую производятъ въ зрѣніи перемѣна зрительнаго уровня у наблюдателя. Въ этомъ случаѣ, объекты, возбуждающіе печаль или страхъ, вліяютъ всего сильнѣе. Когда одинъ изъ нихъ дѣйствуетъ на насъ, то всѣ мотивы, явившіеся яркими въ «свѣтѣ фантазіи», теряютъ свою двигательную способность, а все серьезное увеличиваетъ чувства страха, или печали во много разъ. Последствиемъ является случай, когда человекъ мгновенно покидаетъ свои болѣе тривиальные проекты, на которые онъ тратилъ время, и мгновенно принимаетъ самые строгія и серьезные ихъ противоположности (альтернативы), которые до той минуты не могли вызвать его согласія. Всѣ т. п. «перемѣны сердца», «пробужденія совѣсти» и т. п., дѣлающія многихъ изъ насъ какъ бы «новыми людьми», можно классифицировать въ этотъ четвертый типъ. Характеръ человека вдругъ поднимается въ этихъ случаяхъ до много «уровня», и колебанія въ обсужденіи рѣшительнаго шага сразу прекращаются.

Въ пятомъ и последнемъ типѣ рѣшеній можетъ быть или не быть ощущенія того, что всѣ документы для рѣшенія падаютъ на-лицо и что всѣмъ мотивамъ подведенъ балансъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы чувствуемъ, рѣшая вопросъ, что мы сами, нашей собственной волей, склоняемъ чашку вѣсовъ въ одну сторону: въ первомъ случаѣ (т. е. когда балансъ законченъ) намъ и чувствуется такъ, какъ будто мы добавили собственное живое усиліе къ ряду логическихъ доводовъ, которые, если бы они дѣйствовали одни, были бы безсильны вызвать рѣшающее раздраженіе; во второмъ же случаѣ (т. е. когда балансъ еще не готовъ) мы, какъ намъ кажется, дѣлали какое-то творческое добавленіе вмѣсто того мотива или основанія, который приходитъ путемъ работы простого разсужденія. Чувствуемъ мы въ этихъ случаяхъ тяжелый глухой подъемъ воли, заставляющій отнести ихъ къ классу рѣшеній, совершенно отличныхъ субъективно, отъ всѣхъ четырехъ предыдущихъ классовъ. Здѣсь мы не будемъ разсматривать вопроса о томъ, какое метафизическое значеніе можетъ имѣть этотъ подъемъ воли, и къ какимъ выводамъ такое усиліе можетъ привести насъ относительно существованію особой «силы воли», отличной отъ обыкновенныхъ мотивовъ. Субъективно и феноменально чувство усилія, отсутствовавшее въ первыхъ рѣшеніяхъ, приведенныхъ нами, сопровождаетъ рѣшенія этого типа. Отрекаемся ли мы при этомъ, ради чистаго и суроваго долга, отъ всякаго рода богатыхъ свѣтскихъ радостей, или наше рѣшеніе будетъ тяжкимъ рѣшеніемъ, состоящимъ въ томъ, что изъ двухъ путей нашего будущаго поведенія, какъ не совмѣстимыхъ другъ съ другомъ, долженъ быть избранъ одинъ, хотя бы оба они были одинаково пріятны и хороши, и хотя бы оба были одинаково совмѣстимы съ объективнымъ, повѣщающимъ принципомъ, — какъ бы тамъ ни было, — но этого рода дѣйствія всегда связаны съ горькимъ чувствомъ какого-то разрушенія, какъ будто мы вступаемъ въ какую-то удлинненную нравственную пустыню. Если изслѣдовать ближе это состояніе, то его отличіе отъ первыхъ разсмотрѣнныхъ случаевъ должно состоять въ томъ, что въ этихъ первыхъ случаяхъ

въ моментъ рѣшенія въ пользу одной изъ двухъ половинъ альтернативы, умъ какъ бы теряетъ изъ вида другую половину, тогда какъ, въ случаѣ, описанномъ теперь, обѣ части альтернативы ярко стоятъ передъ умственнымъ взоромъ; и во время самого дѣйствія, такъ сказать, убивающаго эту вторую половину, — т. е. ея возможность, — рѣшившійся на это представляетъ себѣ ясно, какъ много въ этотъ моментъ онъ заставлялъ себя потерять. Онъ намѣренно возмаетъ терпѣніе въ свое тѣло, и чувство внутренняго усиленія, съ какимъ совершается дѣйствіе, есть тотъ элементъ, который дѣлаетъ этотъ пятый типъ рѣшенія яркимъ контрастомъ съ предыдущими четырьмя разновидностями, образуя изъ него совершенно особый родъ душевнаго явленія. Громадное большинство человѣческихъ рѣшеній принадлежатъ къ рѣшеніямъ «безъ усиленія». Въ сравнительно маломъ ихъ числѣ финальный актъ сопровождается усиленіемъ. Я думаю, что, когда мы предполагаемъ, что усилія встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ, мы вводимся въ ошибку тѣмъ фактомъ, что во время обсужденія у насъ часто является ощущеніе большой затруднительности рѣшить то или другое движеніе сейчасъ же, теперь. Позднѣе, послѣ того какъ рѣшеніе само собою легко совершилось, мы вспоминаемъ это ощущеніе и ошибочно предполагаемъ, будто бы усиліе дѣйствительно было сдѣлано нами.

Существованіе усилія, какъ факта феноменальнаго¹⁾ въ нашемъ сознаніи, конечно, не можетъ вызывать сомнѣній или отрицанія. Но, съ другой стороны, его значеніе есть такой вопросъ, о которомъ господствуетъ крайнее различіе мнѣній. Отъ его истолкованія зависятъ рѣшенія вопросовъ, какъ о дѣйствительномъ существованіи спиритуальной причинности, такъ и о существованіи всеобщаго предопредѣленія явленій (детерминизма) или о такъ называемой «свободной волѣ». Поэтому намъ необходимо теперь болѣе тщательно изслѣдовать тѣ условія, при которыхъ у насъ является ощущеніе «волевого усилія».

Ощущеніе усилія. — Когда я говорилъ раньше, что сознаніе (или нервный процессъ, лежащій съ нимъ) по своей природѣ импульсивно²⁾, я долженъ бы былъ прибавить заранѣе, что оно должно быть для этого достаточно сильно. Существуетъ замѣчательное различіе въ способности у различныхъ родовъ сознанія возбуждать движеніе. Интенсивность (сила) пѣкоторыхъ ощущеній или чувствованій практически способна стоять ниже возможности раздраженія, тогда какъ интенсивность другихъ — выше этой возможности. Подъ «практической способностью» я подразумѣваю здѣсь, способность при обыкновенныхъ условіяхъ. Такими условіями могутъ быть, впримѣръ, задержки, подобныя тому пріятному чувству «douce fagiente» (дакому всѣмъ и каждому изъ насъ извѣстную тозу лѣни, которое можно преодолѣть только острой импульсивной инерціи или внутренняго сопротивленія самихъ двигательныхъ центровъ, дѣлающихъ невозможнымъ раздраженіе, пока

¹⁾ Здѣсь слово «феноменальный» употреблено въ смыслѣ «являющагося», «кажущагося», что не значитъ, что фактъ дѣйствительно существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ является намъ.

²⁾ Т. е. способно быть «импульсивомъ», возбуждателемъ движенія.

не достигнуто и не превышено некоторое внутреннее напряжение. Эти условия могут быть различны у разных лиц, а также и у одного и того же лица в разное время. Первая инерция может увеличиваться или падать, а обыкновенная задерживаемость уменьшаться или увеличиваться. Интенсивность каких-нибудь процессов мысли и стимуляции может также изменяться независимо, а также какой-нибудь один путь ассоциации может стать более проходным или наоборот. Таким образом, в результате может явиться большая возможность изменения в действительной импульсивности, в данный момент, каких-либо отдельных мотивов, сравнительно с другими. Когда действия, совершаемые обыкновенно без усилия или задерживания, обыкновенно легки, становятся или невозможными, или совершаются с расходом усилия, — это всегда происходит от того, что мотив, менее действующий при нормальных условиях, становится более действующим, а действующий нормально сильнее, становится слабее действующим.

Здоровье воли. — Есть известная нормальная степень возбуждающей способности у различных умственных объектов, характеризующая то, что может быть названо — обыкновенным здоровым состоянием воли. Отклонение от этого состояния является только в исключительных случаях или у исключительных индивидуумов. Состояния ума, которые обладают нормально наиболее импульсивными свойствами суть или такие, которые представляют объекты страсти или эмоций, т. е., говоря кратко, объекты инстинктивных реакций; или же это чувствования либо идеи — удовольствия или страдания; или это такие идеи, которыми по каким-либо причинам мы привыкли повиноваться, так что привычка реагировать на них укоренилась в нас; или, наконец, это суть идеи о предметах, присутствующих или близких во времени и пространстве, сравнительно с идеями о более отдаленных предметах. Все отдаленные соображения, все высокоотвлеченные теории, все непривычные основания и мотивы, далекие от истории инстинктов расы, обладают сравнительно с этими различными объектами, меньшей импульсивной силой, а иногда и советом ее теряют перед ними. Если когда-нибудь им случается преобладать, то они преобладают только с усилием; и нормальная (в отличие от патологической) сфера усилий имется тогда, когда неинстинктивные мотивы поведения должны быть усилены, чтобы они могли стать руководящими.

Здоровье воли требует по большей части известной суммы сложности в том процессе, который предшествует окончательному решению о действии. Каждый стимул или идея, в то время как они пробуждают свой собственный импульс, должны пробуждать также другие идеи, вместе с их характеристическими импульсами, а потому действие должно последовать не очень медленно, ни очень скоро, как равнодействующая всех вызванных сил. Даже тогда, когда решение черезчур быстро, все же, при нормальных условиях, перед наступлением решения, имется нечто вроде прилиминарного обзора для того, чтобы увидеть, какое направление действия будет лучшим. И там, где воля здорова, этот обзор должен быть верным (т. е. мотивы должны стоять в центре), в нормаль-

ная или не черезчур необычайной пропорции друг к другу), а действие должно руководствоваться этим обзором.

Болтливости, может следовательно, проявиться многими способами. Действие может последовать за стимулом или идеей очень скоро, не оставляя времени для возникновения задерживающих ассоциаций. — в этом случае, мы имеем порывистую волю. Или, хотя ассоциации и могут возникнуть, но пропорции, в которых импульсивные или задерживающие силы стоят друг к другу в нормальном состоянии, могут быть нарушены, и тогда мы имеем извращенную волю. В свою очередь извращенность может зависеть от многих причин: то от черезчур большой интенсивности импульсов, то от черезчур малой; то от черезчур большой энергии, или, наоборот, черезчур малой; иногда от слишком большой задержки, иногда наоборот. Если мы сравним высшие проявления извращенной воли, то они распадутся на две группы: в одной — нормальные действия невозможны, а в другой — ненормальные действия непреодолимы. И кроме того можно назвать первую группу — подавленной волей, а вторую — взрывчатой волей.

Однако, необходимо помнить, что, — так как равнодействующая, которая определяет поступок, всегда зависит от пропорции между подавляющими и взрывающими силами, находящимися сейчас налицо, — то по одним только внешним симптомам мы никогда не можем сказать, какой элементарной причиной обусловлено извращение воли — увеличением или уменьшением одного из этих элементов, или уменьшением другого. Один человек может сделаться более взрывчатым от потери своей обыкновенной задержки, или его захватить более возбуждающее течение, а другой может найти известные действия невозможными, вследствие ослабления первоначального желания, или вследствие выступления в ум новых мнимых опасностей. Доктор Clouston говорит: «Или вздох может быть так слаб, что не может править хорошо обученной лошадей, или лошадь может быть так твердоузда, что никакой вздох не может с ней справиться.»

Взрывчатая воля. 1) От недостатков задержки. — Есть нормальный тип характера, у которого, например, импульсы так быстро разряжаются в движение, что, по видимому, нет времени возникнуть задержке. Это — темпераменты смелые, «рутные», через чур воодушевляющиеся и любящие поговорить. Такой темперамент очень обычен в славянской и кельтической расах, с которыми представляют замечный контраст хладнокровные и медленно мыслящие англичане. Если нам, англичанам, они кажутся прыгающими обезьянами, то мы кажемся им черепахами. Совершенно невозможно решить, какой из двух индивидуумов имется больше жизненной энергии, — медлительный, или взрывчатый. Взрывчатый итальянец, с хорошим восприятием и умом, произведет потрясающее впечатление на окружающих, тогда как внутреннее богатство, скрывающееся внутри американского янки, едва ли даст вам возможность узнать, что оно существует. Первый будет душой общества, — будет пить романы, говорить рчи, руководить развлечениями, цедовать молодым девушкам, вышучивать, драться на дуэли, а, если понадобится, идти на безнадежный приступ или иное предприятие: так что со стороны

можно подумать, что въ его пальцѣ больше жизни, чѣмъ въ цѣломъ тѣлѣ его корректнаго и разсудительнаго товарища. Но разсудительный товарищъ можетъ имѣть всѣ эти способности и, кромѣ того, многія другія и готовъ бы былъ проявить ихъ съ такой же и даже большей силой, если бы только устранилось то, что его сдерживаетъ. Только отсутствие добросовѣстности и разборчивости, послѣдовательности, сообразительности, чрезвычайное упрощеніе умственного обзора каждаго момента—даетъ взрывчатому индивиду такую двигательную энергію и легкость. Для этого вовсе не нужно, чтобы сила какой-нибудь изъ его страстей или мыслей, или, какого-нибудь изъ его мотивовъ была больше. По мѣрѣ движенія впередъ умственной эволюціи, сложность человѣческаго сознанія увеличивается больше и больше, а съ нею растетъ и многочисленность сдерживающихъ моментовъ относительно каждаго импульса. Какъ много мы, англичане, теряемъ свободы въ спорахъ или рѣчахъ отъ того, что чувствуемъ себя обязанными говорить только правду! Это преобладаніе сдержанности имѣетъ и худую, и хорошую стороны, и, если импульсы какого-нибудь человѣка, въ своихъ главныхъ и важнѣйшихъ частяхъ правильны, а въ то же время и быстры, если онъ храбро принимаетъ ихъ слѣдствія, а умъ ведетъ его къ такимъ цѣлямъ, которыя достигаются успѣшно, то, значить, онъ имѣетъ все лучшее для подвижной организаци, способной быстро достигать разнообразныхъ цѣлей, не мѣшая въ блѣдныхъ потугахъ мысли. Большинство историческихъ военныхъ вождей и революціонеровъ принадлежало къ этому простому, но сложному, но быстро рѣшающему импульсивному типу. Типу рефлектирующему¹⁾ и сдержанному задачи не даются такъ легко. Правда, лица, принадлежащія къ этому типу, способны рѣшать болѣе широкия задачи: они могутъ избѣгать многихъ ошибокъ и недоразумѣній, во власти которыхъ постоянно можетъ находиться импульсивный типъ. Но если этотъ послѣдній не дѣлаетъ ошибокъ, или если онъ способенъ всегда исправить ихъ,—онъ является однимъ изъ самыхъ желанныхъ и цѣнныхъ человѣческихъ типовъ.

Въ дѣтствѣ и при нѣкоторыхъ условіяхъ истощенія организма, а также въ особыхъ патологическихъ состояніяхъ, задерживающая способность можетъ упасть до неспособности останавливать взрывы импульсивныхъ разряженій: тогда мы можемъ наблюдать взрывчатый темпераментъ, временно воплощенный въ индивидуумъ, который въ другое время могъ принадлежать къ сравнительно замедленному типу. Затѣмъ, у многихъ другихъ лицъ, какъ, напр., у истеричныхъ, эпилептиковъ, преступниковъ того невро-патологическаго класса, который названъ французскими авторами типомъ «вырождающихся», существуетъ такая врожденная слабость умственного механизма, что импульсъ переходитъ въ дѣйствіе прежде, чѣмъ могутъ возникнуть задерживающія идеи. У людей, одаренныхъ здоровой волей отъ природы, дурныя привычки могутъ дать въ результатъ подобное же увѣличеніе, особенно по отношенію къ какимъ-нибудь частнымъ видамъ импуль-

совъ. Спросите у помойны извѣстныхъ вамъ пьяницъ, почему они такъ часто предаются неводержанности, и они вамъ скажутъ, что въ большей части случаевъ они не могутъ объяснить причины. Это—нѣкотораго рода головокруженіе. Ихъ нервныя центры стали какъ бы шлюзами, открываемыми патологически каждаымъ мелькнувшимъ представленіемъ о бутылкѣ или рюмкѣ. У нихъ нѣтъ жажды къ самому напитку; его вкусъ можетъ даже казаться имъ отвратительнымъ, и они прекрасно предвидятъ завтрашніе результаты выпивки, но когда они думаютъ о водкѣ или видятъ ее, они чувствуютъ себя уже готовыми пить и не удерживаютъ себя. Больше этого они не могутъ ничего рассказать о своемъ состояніи. Подобнымъ же образомъ, человѣкъ можетъ проводить свою жизнь въ непрывныхъ любовныхъ похожденияхъ или половой неводержанности, хотя побужденія къ этому заключаются не столько въ какомъ-нибудь реальномъ, сильнымъ давленіи страсти и желанія, сколько въ самыхъ тривиальныхъ мысляхъ или представленіяхъ о возможности. Такие характеры черезъ-чуръ ничтожны для того, чтобы ихъ можно было назвать дурными въ какомъ-либо болѣе глубокомъ смыслѣ этого слова. Пути естественныхъ (или, быть можетъ, не-естественныхъ) импульсовъ у нихъ такъ проторены и пропашены, что малѣйшій подъемъ уровня инерціи производитъ реакцію. Это состояніе извѣстно въ патологіи подъ именемъ «раздражительной слабости». Періодъ, извѣстный подъ именемъ «скрытаго» (латентнаго) или зарождающагося, такъ коротокъ въ возбужденіи нервной ткани, что нѣтъ возможности для напряженія и накопленія въ ней раздраженія, а потому въ результатъ получается чрезвычайное слабое суммарное ощущеніе при очень, повидимому, сильномъ возбужденіи и дѣятельности. Почвой такого неустойчиваго равновѣсія бываетъ по преимуществу истерическій темпераментъ. Нѣкоторыя изъ такихъ лицъ могутъ, повидимому, чувствовать самое искреннее и прочное отвращеніе къ такому поведенію, а черезъ мгновеніе слѣдуютъ появленію соблазна и отдаютъ ему всецѣло.

2) Отъ усиленной импульсаци.—Съ другой стороны, безпорядочное и импульсивное поведеніе можетъ являться тамъ, гдѣ нервная ткань сохраняетъ свой собственный внутренній тонусъ, и гдѣ задерживающая способность нормальна и даже необычайно велика. Въ этихъ случаяхъ сила импульсивной идеи возбуждена выше нормальной своей величины, и то, что было бы для большинства мимолетнымъ возбужденіемъ возможности дѣйствія, здѣсь является неуправляемымъ побужденіемъ къ дѣйствію. Сочиненія о душевныхъ болѣзняхъ переполнены случаями этихъ болѣзненно настойчивыхъ (или навязчивыхъ) идей, въ упорной борьбѣ съ которыми несчастная душа ихъ жертвы часто истощается до агоніи, пока, наконецъ, не послѣдуетъ смерть.

Стремленіе къ привычному наитку у настоящаго пьяницы (диномана) или къ опию и хлорулу у лицъ, подверженныхъ опьяненію этого сорта, такъ сильно, что человѣкъ нормальный не можетъ составить себѣ даже приблизительно представленія объ этой силѣ. «Если бы бутылка съ ромомъ была въ одномъ углу комнаты, а я въ другомъ, и если бы въ промежуткѣ между мною и ею непрерывно стрѣляли ядрами изъ пушки, я не могъ бы удержаться, чтобы не перейти передъ пушкой къ этой бутылкѣ»; «если бы съ одной стороны около меня стояла бутылка водки, а съ другой

¹⁾ Здѣсь слово „рефлектирующий“ употребляется авторомъ не въ смыслѣ нервныхъ рефлексовъ, а какъ производное отъ „рефлексія“, т. е. это характеръ или видъ мышленія, осложненный оглядками на множество своихъ прежнихъ и настоящихъ душевныхъ состояній, вѣншихъ и внутреннихъ опытовъ и т. п.

были открыты врата ада, и я знал бы, что едва я выпью один стакан водки, меня немедленно свергнут в ад, я не отказался бы от этого стакана», — эти слова взяты из уст диссидентов.

Д-р Муссей (Mussey) из Цинцинати сообщает такой случай:

Несколько лет тому назад, один пьяница был помещен в приют для алкоголиков этого штата. В течение нескольких дней он изобретал различные способы, чтобы достать рому, но — напрасно. Однако, в конце концов, он придумал один способ оказавшийся успешным. Он зашел на деревянную дверь приюта, положил свою руку на комок и топором, взятым в другую руку, отрубил себе кисть одним ударом. С обрубленной рукой, облитой кровью, он вбжал в приют крича: «Скорее рому! Дайте рому! Я отрубил себе руку». В суматохе и растерянности от этого случая, ром был, действительно, принесен в чашке. Больной окунул туда руку, а затем поднес чашку ко рту, выпил и радостно воскликнул: «Ну, теперь я доволен!» Д-р I. E. Tytner рассказывает, что один больной, лечившийся от пьянства, тайно пил в течение четырех недель спирт из шести банок, в которых лежали препараты образцов разных болезней. Когда у него спросили, как он мог пить такую мерзость, он отвечал: «Сэр, для меня также невозможно управлять этой болезненной жаждой, как невозможно управлять биениями моего сердца».

Часто называемая идея имеет сама по себе характер самый обыденный и тривиальный, но, овладев человеком, она может погубить всю его жизнь. Так, например, человек чувствует, что его руки грязны и что их нужно вымыть. Он знает, что они не грязны, но под влиянием неотвязной идеи он идет и моет их. Однако, через мгновение, та же идея возвращается снова, и несчастная жертва ее, хотя она несколько не вовлечена в заблуждение умственно, кончает тем, что всю жизнь проводит около умывальника. Другому кажется, что он надел свой костюм неправильно, и, чтобы отделиться от этой мысли, он разбегается и одевается снова, пока не доходит до того, что его туалет требует два или три часа времени. Многие лица охвачены этой болезненной тенденцией (т. е. в возможности). Весьма немногие не случалось, пока того, как они уже легли в постель, вообразить, что они забыли запереть входную дверь или завернуть газ в рожек. И немногие из нас, в этом случае, не вставали, чтобы во второй раз продолжать то же самое, вовсе не потому, чтобы мы были уверены в вообразившемся нам упущении, а только для того, чтобы отделиться от неотвязного сомнения и иметь возможность заснуть.

Подавленная воля. — Поразительный контраст с теми случаями, где способность задерживания недостаточна, или где импульсы превышают норму, представляют случаи, когда, наоборот, импульсы недостаточны или задерживающая способность оказывается выше нормальной. Мы все знаем условия, описанные выше, на стр. 170, того случая, когда ум на несколько мгновений как бы теряет способность сосредоточиваться и не может остановить своего внимания ни на каком определенном предмете. В такие минуты мы сидим, уставившись глазами в неопределенное пространство, и ничего не делаем. Объекты сознания не задевают нас и как бы отсла-

иваются. Они — есть, но не достигают уровня, вызывающего действие. Такое состояние, если оно состоит в недействии на нас некоторых присутствующих предметов, является у всех нас нормальным. Сильная усталость или истощение могут довести это состояние до безразличия относительно почти всех предметов и подобная же апатия, но доведенная до высокой степени, известна в убийщах для душевно-больных под именем абulia, как симптом душевной болезни. Здоровое состояние воли требует, как уже сказано выше, сразу и того, чтобы было правильно наше воззрение на вопрос, и того, чтобы наши действия подчинялись этому воззрению. Но в тех болезненных состояниях, о которых идет речь, воззрение может быть не повреждено и ум ясен, но действие или не сопровождает его, или идет по другому пути.

Классическое выражение этого последнего состояния мысли гласит: «Video meliora proboque, deteriora sequor». Правдивая трагедия человеческой жизни исходит по большей части вполне из того факта, что связи, нормально существующие между сознанием истины и действием, нарушены, и что с некоторыми идеями не связывается это побуждающее к действию чувство возбудившей на нас действительности. Если принять во внимание только ощущения и понятия, то в них люди обыкновенно не очень отличаются друг от друга. Их понятия о возможности и их идеалы вовсе не так различны, как может казаться, если судить по их действиям. Никто из людей не чувствует так хорошо или так постоянно разницы между более высокими и более низкими стезями жизни, как безнадежно павшие, сумасбродные чувственики, пьяницы, прожоры, люди разбитые на всех пунктах, жизни которых есть одно длинное противоречие между знанием и действием, в которые, при полном главенстве в области теории, никогда не могут овладеть недостатками своего характера. Иные из них обладают огромными познаниями, не имеящими себя равных; относительно моральных взглядов обыкновенный пользующийся успехом и благосостоянием филистер, который скандализируется их поведением, представляется сравнительно с ним грудным ребенком. И, несмотря на их моральные знания, они всегда ворчат и жалуется на то, что остаются на заднем плане, — впрочем они истолковывают, определяют разные тонкости, протестуют, медлят, рѣшают на половину, никогда ничего не решая вполне; никогда их голос не переходит из минорного в мажорный; никогда их рѣши не переходят из тона подчипленного в повелительный; никогда они не выпадают на новый путь, взяв руль в свои руки. Может показаться, что у таких характеров, как Руссо и Ретиф, все низшие мотивы, со всею их действующею силой, держат их в своем распоряжении. Подобно поездам, идущим по прямой дороге, они владеют всем путем. Более высокие мотивы существуют рядом с ними в изобилии и излишке, но они никогда не подгоняют таких людей и на их поведение влияют так же мало, как мало влияет на скорый поезд какой-нибудь путник, стоящий около дороги и просящий, чтобы его посадили. Эти высшие мотивы являются у них инертным аккомпаниментом до конца жизни; и сознание внутренней пустоты, которое усиливается тем, что постоянно видишь,

как лучший дѣлаетъ худшее, есть одно изъ самыхъ мучительныхъ чувствъ, какое можно испытывать въ нашемъ печальномъ мѣрѣ.

Усилие чувствуется, какъ первичная сила. Теперь мы видимъ, когда волевое дѣйствіе осложняется усиломъ. Это случается тогда, когда болѣе рѣдкій или идеальный стимулъ вызывается въ насъ и нейтрализуетъ другіе, болѣе инстинктивные стимулы; это случается и тогда, когда сильныя взрывчатые наклонности задерживаются, или сильныя задерживающія условія преодолеваются. «Une âme bien née», — какъ говорятъ французы, — дитя, которому при рожденіи феи принесли свои дары, не нуждается въ усилахъ во всю остальную жизнь. Герой и нервный человѣкъ, наоборотъ, постоянно прибѣгаютъ къ нимъ. Непроизвольный способъ нашего пониманія внутреннихъ усилій при всѣхъ вышеописанныхъ условіяхъ, представляетъ намъ ихъ активной силой, прибавляющей свою силу къ силамъ мотивовъ, которые въ концѣ концовъ преобладаютъ. Когда вѣншая сила воздѣйствуетъ на тѣло, мы говоримъ, что движеніе произойдетъ по линіи наименьшаго сопротивленія или наибольшаго напряженія силы. Но, странный фактъ! Нашъ произвольный языкъ никогда не говоритъ въ этомъ же смыслѣ о волевомъ движеніи, сопровождаемомъ усиломъ. Конечно, если мы будемъ разсуждать а priori и опредѣлимъ линію наименьшаго сопротивленія, какъ линію, по которой послѣдовало движеніе, то физическій законъ долженъ съ такимъ-же значеніемъ удержаться и въ умственной сферѣ. Но мы чувствуемъ, во всѣхъ случаяхъ сильнаго волевого дѣйствія, что, когда преобладаніе получаютъ болѣе рѣдкіе и идеальные мотивы, линія, по которой направляется дѣйствіе, есть линія не наименьшаго, а наибольшаго сопротивленія, и, наоборотъ, линія отвергнутой мотивации была какъ будто болѣе проторенной и легкой даже въ то самое мѣсто, когда мы отказываемся слѣдовать по ней. Кто, подъ ножомъ хирурга, подавляетъ крики боли, или тотъ, кто выставляетъ себя на общественную клевету ради исполненія своего долга, чувствуютъ такъ, какъ будто-бы они слѣдуютъ по линіи наибольшаго временнаго сопротивленія. Они говорятъ о побѣдѣ и преодоленіи своихъ побужденій и искушеній.

Но пѣшцы, дѣтяны и трусы никогда не говорятъ о своемъ поведеніи такимъ образомъ, т. е. дѣтяны не говорятъ, что должны были побѣдить свою любовь къ труду, пѣшцы не говорятъ, что имъ пришлось побороть свою наклонность къ трезвости, трусы не утверждаютъ, что они побѣдили свою храбрость, и т. д. Если вообще мы классифицируемъ пужины, вызывающія дѣйствіе, на склонности, съ одной стороны, и на идеалы съ другой, то чувственники никогда не скажутъ, что его поведение есть результатъ побѣды надъ его идеаломъ. За то моралисты всегда говорятъ о своемъ поведеніи, какъ о побѣдѣ надъ склонностями или влеченіями. Чувственники употребляютъ термины недѣятельности, говорятъ, что онъ забылъ свой идеалъ, что онъ сталъ глухимъ къ велѣніямъ долга и т. п. Эти термины, повидимому, предполагаютъ, что идеальные мотивы *per se* могутъ быть приведены къ нулю безъ употребленія на это энергіи или усилія, и что самая сильная принудительность лежитъ только по линіи склонностей. Въ сравненіи съ склонностями, идеальные мотивы проявляютъ еще столь слабый голосъ, что его нужно искусственно поддѣлывать, чтобы онъ получилъ преобладаніе. Его и поддерживаетъ усилие, дѣлающее то, что кажется,

будто-бы въ то время, какъ сила склонности была существенно неизмѣнна количественно, въ это время сила идеала можетъ имѣть различную величину. Но что же опредѣляетъ сумму усилія, когда, при его помощи, идеальный мотивъ становится побѣдителемъ надъ сильнымъ сопротивленіемъ чувственнаго сорта? Сама величина этого сопротивленія. Если чувственная склонность мала, тогда и усилие мало; оно становится большимъ, благодаря присутствію сильнаго антагониста, котораго нужно преодолѣть. И если нужно самое кроткое опредѣленіе идеальнаго или моральнаго дѣйствія, то самымъ лучшимъ, наиболее выражающимъ то, что намъ въ этомъ случаѣ представляется, было бы такое: это есть дѣйствіе по линіи наибольшаго сопротивленія.

Факты можно символизировать наиболее кратко такъ: пусть буква *U* обозначаетъ склонность, *U*—идеальный импульсъ, *X*—усиліе:

U само по себѣ меньше $< C$.

$U + X$ больше $> C$.

Другими словами, если *X* прибавляется къ *U*, то *C* непосредственно противопоставляетъ наименьшее сопротивленіе, и движеніе совершается вопреки ему.

Но *X*, кажется, не составляетъ нераздѣльной части *U*. Оно является по случаю, и его нельзя опредѣлить впередъ. Мы можемъ сдѣлать меньше или больше (усилія) по желанію, и если мы дѣлаемъ усилие достаточное, мы можемъ обратить самое большое умственное сопротивленіе въ самое наименьшее. Таково, по крайней мѣрѣ, то впечатлѣніе, которое факты непроизвольно производятъ на насъ. Но мы не будемъ теперь обсуждать вѣрность этого впечатлѣнія; позвольте намъ продолжать наше описаніе деталей.

Удовольствіе и страданіе, какъ пружины дѣйствія. — Предметы и мысли о предметахъ являются точкой исхода нашихъ дѣйствій, но удовольствія и страданія, приписываемыя дѣйствіемъ, видоизмѣняютъ направленіе (курсъ) дѣйствія и регулируютъ его; позднѣе-же мысли объ удовольствіяхъ и страданіяхъ пріобрѣтаютъ сами возбуждающую и задерживающую способность. Это не значитъ, что для этого нужно, чтобы мысль объ удовольствіи сама была удовольствіемъ; обыкновенно бываетъ даже обратное: нѣтъ печали больше той, какъ мысль о прошедшемъ счастьѣ, или, какъ говоритъ Данте: *nessun maggior dolore*. Нѣтъ необходимости и въ томъ, чтобы мысль о страданіи сама была страданіемъ; не даромъ Гомеръ сказалъ, что воспоминанія о минувшихъ страданіяхъ даютъ удовольствіе. Но такъ какъ настоящія удовольствія (даннаго момента) чрезвычайно усиливаются, а настоящія страданія чрезвычайно задерживаютъ—дѣйствія, ведущія къ нимъ, то и мысли объ удовольствіяхъ и страданіяхъ принадлежатъ къ числу наиболее возбуждающихъ или задерживающихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, точное отношеніе этихъ мыслей къ другимъ мыслямъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Если движеніе намъ пріятно, мы поворачиваемъ его до тѣхъ поръ, пока остъ тел удовольствіе. Если оно причиняетъ намъ страданіе, наше мышечное сокращеніе *тотчасъ-же* останавливается. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ задерживающее дѣйствіе страданія такъ сильно, что для человѣка становится почти невозможнымъ рѣзать или терзать самого себя медленно и

преднамеренно; его рука непреодолимо отказывается причинять страдание своему владычству. И есть множество удовольствий, которые, если мы начали ощущать их, заставляют нас непреодолимо продолжать те действия, которые их доставляют. Это влияние удовольствий и страданий на наши действия так широко и явно, что некоторые философы решили, будто бы они являются единственными побудителями нашей деятельности и что во всех случаях, когда они кажутся отсутствующими, это происходит только потому, что они являются черезчур «отдаленными» образами, действующими на нас, а потому не замечаются нами.

Однако, это—большая ошибка. Как бы ни было важно влияние удовольствия и страдания на наши движения, однако от этого еще далеко до того, чтобы они были его единственными побудителями. Напр., при проявлениях инстинктов и эмоциональных выражений,—чувствования удовольствия и страдания равно не при чем. Разве кто-нибудь улыбается ради удовольствия от улыбки, или хмурится от того, что ему доставляет удовольствие хмуриться? Или разве кто-нибудь краснеет для того, что бы избежать неприятных неудобств от того, что он не покраснеет? Или: кто в гнев, печали или страх производит движения, выражающие эти состояния, ради удовольствия, которое они возбуждают? Во всех этих случаях, движения раздражаются роковым образом от внутреннего импульса, действующего на нервную систему, устроенную так, что она отвечает на этот стимул данным путем. Предметы нашего гнева, любви или ужаса, случал, вызвавшие наши слезы или улыбку, имеют эту особую способность возбуждать нас известным образом, находятся ли они непосредственно перед нашими органами чувства, или являются только в представлении в форме идей. Импульсивное качество душевных состояний есть такой атрибут, за предель которого мы идти не в состоянии. Некоторые состояния мысли обладают этим качеством больше, чем другие, одни обладают им в каком-либо одном направлении, другие—в другом. Чувства удовольствия и страдания обладают этим качеством, обладают им и представления или образы фактов, но ни одно из душевных состояний не обладает им исключительно или преимущественно. Притом того, что от известного стимула происходит движение известного сорта, заключается в сущности всего сознания (или нервного процесса, лежащего в его подкладке). Почему относительно одного какого-нибудь существа или процесса это движение будет таким-то—это задача истории эволюции. Но как бы-бы образом ни возник когда-то теперешний импульс, он теперь должен быть описан в том виде, в каком существует; и те лица, которые считают как бы своей обязанностью объяснять наши импульсы во всех случаях действия тайной привлекательности удовольствия и отталкивающего влияния страдания,—подчиняются узкому предразсудку пессимизма. Если мысль об удовольствии может возбуждать действие, то, конечно, могут его возбуждать и другие мысли. Только опыт может решить, какие мысли способны к этому. Главы об инстинктах и эмоциях показали нам, что при них—акции, и этим решением мы должны довольствоваться, не пытаясь искать мнимых упрощений, жертвуя полнотой фактов, известных по этому вопросу.

Если в этих актах (первичного происхождения), удовольствия и страдания не играют роли, то не большее участие они принимают и в наших действиях, выработавшихся впоследствии или приобретенных искусственным выполнением, обратившимся в привычку. Все ежедневные обычные наши действия,—одевание и раздевание, начинание, продолжение и окончание нами какой-нибудь работы и т. п.,—без умственного приписывания им удовольствия и страдания, если не считать редко осуществленных условий. Это—действия идеомоторны. Подобно тому, как я не могу дышать рад удовольствием, доставляемого дыханием, а просто нахожу, что я дышу и только, также точно я пишу не для удовольствия писания, а просто потому, что я раз начал писать и, находясь в состоянии умственного возбуждения, требующего себя выражения этим путем, нахожу, что еще продолжаю писать. Кто станет уверять, что, разбавно играя своим ножом по поверхности стола, он делал это ради удовольствия или для того, чтобы избежать страдания? Все это мы делаем потому, что в известный момент не можем не делать этого; наша нервная система устроена так, что действует именно этим путем; и для многих из наших безсознательных или «нервных» движений мы решительно не можем отыскать никаких оснований.

Или: что мы скажем о застенчивом и необщительном человеке, которого вы неожиданно приглашаете на небольшой вечер? Такие вечера для него одна только мука. Но ваше присутствие оказывает на него такое действие, что он отвечает, в крайнем смущении, согласием, проклиная себя за это. Только люди с необыкновенной самостоятельностью не совершают таких поступков почти ежедневно. Такие случаи—*voluntas invita*—показывают не только то, что наши действия не могут все истолковываться—как результаты представляемого удовольствия, но что они не могут даже быть классифицируемы среди действий, вызываемых представлением добра или блага. Класс «благ» включает в себя гораздо более влиятельных мотивов общего характера для нашей деятельности, чем класс «удовольствий». Но почти так же мало наши действия вызваны нас мотивами в форме «благ», как и в форме удовольствий; по крайней мере ничего неизменного в таких мотивах не замечается. Все болезненные импульсы и патологические *idées fixes* представляют даже примеры совершенно обратной мотивировки. То головокружительное очарование, каким нас влекут к себе некоторые действия, лежит именно в том, что они дурны.

Не запрещайте какого-нибудь действия, и вы лишите его привлекательности. В дни моего студенчества один из товарищей бросился из окна верхнего этажа одного из зданий нашего колледжа и убила до смерти. Другой студент, мой друг, должен был проходить каждый день мимо этого окна, входя и выходя из своей комнаты, и испытывал при этом ужасное стремление подражать умершему. Он был католик и рассказал об этом своему духовнику. «Ну, что же! Если вы должны это сделать, то сделайте», сказал тот и добавил:—«Идите наверх и бросьтесь!» У студента тотчас же прошло его желание. Этот духовник знал, как нужно управлять больной мыслью. Но нам даже нет надобности обращаться к болезненным случаям, чтобы найти примеры возбуждающей

силы зла или неудовольствія, самихъ по себѣ. Каждый, у кого есть кака-нибудь рана, даралина или гнилой зубъ и т. п., непременно надавливаетъ на нихъ, чтобы вызвать боль. Если мы замѣчаемъ вблизи дурно пахнущій предметъ, мы непременно понюхаемъ еще разъ, чтобы удостовѣриться, какъ онъ отвратительно пахнетъ. Какъ разъ сегодня я не разъ повторилъ какую-то фразу нѣсколько разъ, и меня влекла къ этому именно ея полная цѣлѣность. Я всѣми силами старался отъ нея отдѣлаться, но она не выходила изъ головы.

То, что овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, то опредѣляетъ и наше дѣйствіе. Если бы нужно было однимъ названіемъ обозначить то условіе, онъ котораго зависитъ импульсивность или, наоборотъ, задерживательная способность какого-либо качества у предметовъ, то всего лучше назвать это условіе—интересомъ. «Интересный»,—вотъ то названіе, которое совмѣщаетъ въ себѣ не только то, что причиняетъ намъ удовольствіе и страданіе, но и то, что болѣзненно влечетъ насъ, что преслѣдуетъ насъ неотвязчиво; наконецъ, въ это-же понятіе «интересный» включается и то, къ чему мы просто привыкли,—на что наше вниманіе привыкло обычно направляться въ данномъ направленіи,—такъ что можно считать синонимами два, повидимому, различныхъ термина: «интересное» и «влекущее наше вниманіе». Дѣло представляется такъ, какъ будто секретъ импульсивности какой-нибудь идеи слѣдуетъ видѣть не въ какихъ-либо особенныхъ отношеніяхъ этихъ идей съ путями двигательнаго разряженія (такъ какъ всѣ идеи имѣютъ отношенія къ какому-нибудь изъ такихъ путей), а скорѣе въ предварительныхъ явленіяхъ, а именно, въ стремительности, съ какой извѣстная идея способна овладѣть нашимъ вниманіемъ и сдѣлаться господствующей въ сознаніи. Дайте такой идее стать господствующей такимъ образомъ, и пусть никакая другая послѣдующая идея не замѣняетъ ея въ этомъ смыслѣ, и тотъ двигательный импульсъ, который естественно ей принадлежитъ, совершится неизбежно,—однимъ словомъ, ея двигательный импульсъ выдвинется и проявится самъ собою. Это-то именно мы и видимъ въ инстинктахъ, въ эмоціяхъ, въ общихъ идеомоторныхъ дѣйствіяхъ, въ гипнотическомъ внушеніи, въ болѣзненныхъ импульсахъ и въ *voluntas invita*,—вездѣ идея, возбуждающая движеніе, есть та, которая привлекаетъ вниманіе. Это же происходитъ и тогда, когда пружинами дѣйствія являются удовольствіе или страданіе: они вытѣсняють изъ нашего сознанія другія мысли въ тотъ самый моментъ, какъ возбуждаютъ свойственный имъ «волевые» дѣйствія. И это же самое происходитъ въ тотъ моментъ, когда въ мысли является рѣшеніе на дѣйствіе («да будетъ!») во всѣхъ тѣхъ пяти типахъ «рѣшеній», которыя были описаны выше. Однимъ словомъ, нельзя отыскать случая, при которомъ господствующая въ нашемъ вниманіи идея не была бы, въ то же время, первымъ условіемъ импульсивной силы. Еще очевиднѣе, что то же самое является и первымъ условіемъ задерживающей силы. Наши импульсы задерживаются не что иное, какъ простая мысль о мотивахъ, противоположныхъ тѣмъ, которые были готовы вызвать нашъ поступокъ: достаточно одного присутствія этихъ противоположныхъ мыслей, чтобы явилась «вето» и сдѣлало невозможнымъ совершеніе извѣстнаго дѣйствія, которое, при другихъ условіяхъ, послѣдовало бы неизбежно. Если бы мы только могли

забыть наши колебанія, наши сомнѣнія, какую бы огромную энергію получили бы всѣ наши побужденія!

Воля есть отношеніе между душой и ея «идеями».—Такимъ образомъ, подводя итогъ всѣмъ этимъ предварительнымъ соображеніямъ о внутренней, сокровенной природѣ волевого процесса, мы окажемся вынужденными больше и больше считаться исключительно только съ условіями, которыя создаютъ преобладаніе въ мышленіи той или другой идеи. На этомъ преобладаніи двигательной идеи,—какъ на простомъ фактѣ,—собственно психологія воли или волевыхъ дѣйствій должна окончить свою задачу. Движенія, которыя слѣдуютъ за идеей, суть уже исключительно явленія физиологическія, т. е. слѣдующія по физиологическимъ законамъ за первыми состояніями, соотвѣтствующими данной идее. «Волевая сторона» (желательность) кончается съ преобладающей идеей; и послѣдуетъ ли затѣмъ дѣйствіе, или нѣтъ,—это вопросъ совершенно не существенный, насколько дѣло идетъ собственно о самомъ волевомъ явленіи. Я хочу писать, и слѣдуетъ дѣйствіе. Я рѣшилъ чихнуть, но дѣйствія не происходитъ. Я хочу, чтобы столъ, находящійся на другомъ концѣ комнаты, подвинулся ко мнѣ, и этого также не происходитъ. Мое волевое представленіе настолько-же не можетъ возбудить мой нервный центръ, производящій чиханіе, какъ не можетъ возбудить въ столѣ движеніе. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ была моя воля, было волевое явленіе настолько-же, какъ и въ томъ случаѣ, когда я пожелалъ писать, и дѣйствіе послѣдовало. Однимъ словомъ, хотѣніе есть чистый и простой психическій или моральный актъ, и онъ всегда является тамъ, гдѣ есть устойчивое состояніе идеи. Добавленіе къ нему движенія есть уже явленіе добавочное, зависящее отъ выполняющей это движеніе нервной клетки (гангліи), функція которой лежитъ за предѣлами мышленія или ума. Если нервная ганглія дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ,—дѣйствіе совершается превосходно. Если-же гангліи, хотя и дѣйствуютъ, но неправильно,—передъ нами «плесія св. Витта», двигательная атаксія (*ataxia locomotrica*), двигательная афазія или яныя, низшія степени неправильностей движенія. Если гангліи не дѣйствуютъ вовсе, не будетъ вовсе и движенія, и мы говоримъ, что такой-то человекъ одержимъ параличомъ. Онъ можетъ производить самыя ужасныя усилія и сохранять другіе мускулы тѣла, но парализованная конечность не будетъ двигаться. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, хотѣніе, рассматриваемое, какъ процессъ чисто психическій, остается неприкосновеннымъ.

Волевое усиліе есть усиліе вниманія.—Такимъ образомъ, мы находимъ, что достигли самой сердцевины нашего изслѣдованія о явленіяхъ воли, когда дошли до вопроса: посредствомъ какого процесса, мысль о какомъ-нибудь данномъ дѣйствіи становится стойко преобладающей въ нашей душѣ? Когда какія-нибудь мысли преобладаютъ безъ усилій, это мы достаточно изучили въ различныхъ главахъ объ «ощущеніи», «Ассоціаціяхъ» и «Вниманіи», гдѣ были указаны законы ихъ появленія и удерживанія передъ сознаніемъ. Мы не будемъ возвращаться вновь къ этимъ изслѣдованіямъ, ибо мы узнали, что «интересъ» и «ассоціація»—вотъ тѣ слова (пусть это вполнѣ или не вполнѣ достаточно), на которыхъ должно остановиться наше объясненіе. Тамъ-же, гдѣ преобладаніе какой-нибудь мысли сопровождается явленіемъ

усилия, мы имѣемъ случай гораздо менѣ ясный. Ужъ въ главлѣ о вниманіи, мы общими окончательнѣе разсмотрѣть позднѣе произвольное вниманіе, сопровождаемое усиленіемъ. Теперь мы довели наше изложеніе до того пункта, гдѣ увидѣли, что вниманіе, сопровождаемое усиленіемъ, есть все, что требуется въ какомъ-либо случаѣ «волевого» процесса. Говоря кратко, существенное положеніе воли,—т. е. положеніе, когда она наиболѣе «произвольна»,—мы имѣемъ тогда, когда она обращаетъ вниманіе на предметъ, на который обратитъ вниманіе затруднительно, и удерживаетъ его передъ сознаніемъ. Это и есть сущность того, что мы раньше называли образнымъ выраженіемъ—«да будетъ». А тотъ результатъ, что за достиженіемъ этого волевого акта (т. е. за остановкой вниманія на известномъ объектѣ) долженъ слѣдовать непосредственно двигательный результатъ, есть чисто физиологическій случай.

Такимъ образомъ, существеннымъ явленіемъ воли является усиленіе вниманія¹⁾. Каждый изъ моихъ читателей знаетъ по собственному опыту, что это такъ, ибо каждый бывалъ охваченъ порывомъ какой-либо страсти. Въ чемъ состоитъ трудность для того человѣка, который дѣйствуетъ подъ вліяніемъ неразумной страсти, поступать такъ, какъ будто-бы его страсть была разумна? Конечно, эта трудность не физическаго sorta. Физически также легко избѣжать драки, какъ и начать ее, присвоить себѣ чьи-нибудь деньги, какъ и истратить ихъ на чью-нибудь чужую прихоть, уйти отъ дверей кокетки, какъ и войти въ нихъ. Трудность тутъ—душевного свойства. Она состоитъ въ вызваніи передъ сознаніемъ разумной идеи и въ удержаніи ея. Когда нами овладѣваетъ какое-либо сильное эмоциональное состояніе, то съ нимъ вѣстѣ является и наклонность вызывать только такіе образы, которые благоприятны этому состоянію. Если случайно обнаруживаются какіе-либо другіе, то мы мгновенно подавляемъ или изгоняемъ ихъ. Если намъ весело, то мы не можемъ удержаться на думаніи о тѣхъ неудачахъ или о томъ рискѣ, какими обставленъ избранный нами путь; наоборотъ, если мы настроены мрачно, мы не можемъ думать о новыхъ триумфахъ, прогулкахъ, любовныхъ похожденияхъ и забавахъ; если

¹⁾ Это волевое усилие, въ чистомъ и простомъ видѣ, должно тщательно отличать отъ мускульнаго усилия, съ которымъ его обыкновенно смѣшиваютъ. Это послѣднее состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ периферическихъ ощущеній, которыя могутъ возникнуть при совершеніи мускульнаго движенія. Эти ощущенія, если движенія массивны, а тѣло (т. е. мускулы) не достаточно «свѣжо» (т. е. полно энергіи), могутъ быть весьма часто неприятны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда сопровождаются проставочкой дыханія, приливами крови къ головѣ, рѣзкимъ тревіемъ кожи пальцевъ, сильнымъ напряженіемъ въ ногахъ, плечахъ и связкахъ. И только въ виду этой неприятности ихъ осуществленіе и затѣмъ волевое усилие, чтобы устойчиво представить ихъ осуществленіе и затѣмъ вызвать его. Но то, что они будутъ осуществлены мускульнымъ дѣйствіемъ, является чисто случайной подробностью. Бываютъ примѣры, когда рѣшеніе («да будетъ») требуетъ огромнаго волевого усилия, хотя мускульное дѣйствіе совершенно незначительно, напр., вставаніе съ постели и умываніе въ холодное утро. Между тѣмъ, солдатъ, стоящій тихо въ огнѣ выстрѣловъ сраженія, долженъ испытывать тяжелое ощущеніе отъ бездѣятельности своихъ мускуловъ. Дѣйствіе его воли, удерживающее отъ бѣгства, тождественно съ тѣмъ, какое требуется для бодрости мускульнаго усилия. Въ обоихъ случаяхъ трудно удерживаніе себя на осуществленіи идеи.

мы переполнены истиннымъ чувствомъ къ кому-нибудь, то мы не чувствуемъ склонности оправдать своего врага, сравнивая его характеръ съ нашимъ собственнымъ. Намъ ничто въ мірѣ не способно такъ сердить и раздражать, какъ хладнокровныя реплики тѣхъ лицъ, къ которымъ мы обращаемся съ горячими упреками и страстными рѣчами. Если мы не можемъ отвѣтить, мы начинаемъ сердиться; это происходитъ потому, что наши страсти имѣютъ нѣчто въ родѣ самосохраненія, благодаря которому эти страсти какъ бы чувствуютъ, что, если въ нашей мысли найдутъ себѣ мѣсто образы, противорѣчащіе имъ, то эти образы станутъ работать постепенно до тѣхъ поръ, пока не охладятъ самую живую искру всего нашего расположенія и не разрушатъ въ прахъ нашихъ воздушныхъ замковъ. Таковъ неизбежный результатъ дѣйствія разсудочныхъ идей на другія идеи, разъ первыя могутъ достигнуть того, что ихъ покойно выслушаютъ; и, соотвѣтственно этому, голосъ страсти вездѣ и всегда старается совершенно заглушить слабый голосъ благоразумія, чтобы предупредить возможность его вліянія на насъ, если онъ будетъ слышанъ. «Дайте мнѣ не думать объ этомъ! Не говорите со мной вовсе!». Вотъ внезапный крикъ всѣхъ тѣхъ, которые въ страстномъ состояніи истрѣчаютъ среди своего пути благоразумныя соображенія, способныя удержатъ ихъ движеніе. Въ разумѣ есть нѣчто до такой степени ледяное, какъ въ холодномъ душѣ,—нѣчто, кажущееся столь враждебнымъ данному движенію нашей жизни, столь отрицательное, когда этотъ разумъ прикасается къ нашему сердцу своимъ перстомъ, холоднымъ, какъ у трупа, и говоритъ: «Стои! Оставь! Вернись! Сиди спокойно»,—что нѣтъ ничего удивительнаго въ пугливомъ отношеніи большинства людей къ вліянію, которое, въ данный моментъ, кажется намъ голосомъ самой смерти.

Однако, человѣкомъ съ сильной волей можно назвать только того, кто неуклонно прислушивается къ самонаизыскаемому голосу благоразумія и кто смотритъ безъ страха въ лицо этому, дѣлающему смертью, совѣтнику, когда онъ приходитъ,—кто даетъ свое согласіе на присутствіе этого совѣтника, самъ призываетъ его, соглашается съ нимъ и удерживаетъ его вопреки цѣлой толпѣ возбуждающихъ умственныхъ образовъ, которые поднимаютъ бунтъ противъ этого голоса и желали бы выкинуть его изъ ума. Удерживаемый такимъ образомъ при посредствѣ разумнаго вниманія, этотъ трудно-сохраняемый образъ начинаетъ затѣмъ самъ призывать себѣ на помощь своихъ союзниковъ и сродниковъ, копчаль тѣмъ, что измѣняетъ совершенно разположеніе сознанія у человѣка. А съ измѣненіемъ въ сознаніи, измѣняется и дѣйствіе человѣка, такъ какъ новый предметъ, занявъ стойкое положеніе среди его мыслей, производитъ неизбѣжно свои особые, собственные двигательные результаты. Трудность состоитъ тутъ именно въ томъ, чтобы достигнуть обладанія полемъ сознанія. Хотя произвольное теченіе мысли влечетъ на совсѣтъ иной путь, но слѣдуетъ держать вниманіе въ такомъ напряженіи, чтобы данный объектъ,—но крайній мѣръ до тѣхъ поръ, пока онъ достаточно разовьется,—удерживался передъ мыслію по чинному вопросу. Эта напряженность сознанія—вотъ фундаментальный актъ воли. И, практически, работа воли, въ большинствѣ случаевъ кончается тогда, когда обезпечено хотя-бы простое присутствіе въ нашей мысли объекта, который встрѣчается неблагоприятно при произвольномъ ходѣ мысли.

затѣмъ уже выступаетъ сама собою и начинаетъ дѣйствовать таинственной связью между мыслью и двигательными центрами, послѣ чего слѣдуетъ обыкновенно повиновение органовъ нашего тѣла нашей мысли, но какимъ путемъ совершается это послѣднее, мы не можемъ даже вообразить себѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго должно быть ясно каждому, что непосредственный пунктъ приложения волевыхъ усилій лежитъ исключительно въ умственной (психической) области. Вся драма (борьба) есть душевная драма. Вся трудность есть душевная трудность, трудность съ идеальными объектами нашего мышления. Однимъ словомъ, это—идея, къ которой примѣняется (или прилагается) наша воля, — идея, которая, — если мы упустили ее, — снова погрузилась-бы въ сонъ, но которую мы не хотимъ упустить. Согласіе на безраздѣльное присутствіе идеи,—единственная заслуга усилія. Единственная функція усилія состоитъ въ томъ, чтобы вызвать такое согласіе въ душѣ. А для этого существуетъ одинъ только путь. Что бы человѣкъ согласился на известную идею, она должна быть удержана отъ угасанія и ухода. Она должна удерживаться передъ умомъ, пока не наполнитъ его. Это наполненіе ума идеей, съ сопровождающими ее союзниками (ассоциированными съ нею идеями и образами) и есть согласіе на идею и на фактъ, который она собою представляетъ. Если эта идея есть идея о нашемъ собственномъ тѣлесномъ движеніи (или включаетъ его въ себя), въ такомъ случаѣ, согласіе на нее, котораго мы достигаемъ съ такимъ трудомъ, называется двигательной волей. Ибо природа мгновенно слѣдуетъ за нами, идетъ, такъ сказать, по пятамъ внутренняго рѣшенія нашей воли, сопровождая его вѣнскими пережѣвками (движеніями) въ томъ, что составляетъ въ насъ ея (т. е. природы) собственную часть. Если бы природа была еще великодушнѣе, она подчинила бы нашей волѣ непосредственно и всѣ другія свои части или области!

Описывая выше разсуждающій типъ рѣшитель, мы уже говорили, что такое рѣшеніе приходитъ обыкновенно тогда, когда найдется правильное понятіе о данномъ случаѣ. Однако, тамъ, гдѣ правильное понятіе является инстинктивнымъ (т. е. противнымъ двигательному побужденію), вся наша умственная изобрѣтательность обыкновенно направляется на то, чтобы скрыть это правильное понятіе отъ нашего взгляда и отыскать для данного случая такіе примѣры, при помощи которыхъ наше расположеніе въ данный моментъ могло-бы быть санкціонировано и наша страсть или порокъ могли-бы царствовать безъ помѣхи. Сколько оправданій себѣ изобрѣтаетъ пьяница при каждомъ новомъ влеченіи къ вину! То онъ увѣряетъ себя, что необходимо попробовать вотъ это вино, потому что оно—новинка, и съ извѣстными интересами умственного прогресса; тѣмъ болѣе, что оно уже пазито, и было-бы грѣшно выплеснуть его; къ тому-же другіе стали уже пить, и было-бы лошакъ передъ ними — отказать отъ палитой рюмки. Или пьяница увѣряетъ себя, что вино нужно ему только какъ средство хорошенько уснуть, или получить, благодаря вину, большую способность къ работѣ; или онъ утверждаетъ, что не сталъ бы пить, если бы ему не было такъ холодно; или онъ пьетъ по случаю Рождества Христова; или-же вѣчно является для него только средствомъ, чтобы возбудить его рѣшимость навсегда отказаться отъ него; или онъ увѣренъ, что пьетъ въ самый послѣдній разъ вотъ эту одну, только эту одну рюмку, и т. д., и

т. д. ad libitum. Онъ готовъ признать все, что вамъ угодно, исключая одного, что онъ поступаетъ такъ потому, что онъ пьяница. Вотъ единственная мысль, которая не хочетъ удержаться передъ вниманіемъ этой бѣдной души! Но если хотя однажды онъ сдѣлается способнымъ направить свою мысль на этотъ путь пониманія своихъ поступковъ, изъ всѣхъ другихъ возможныхъ путей ихъ пониманія, если онъ, преодолевъ всѣ другія пріятныя и непріятныя объясненія, удержится на томъ, что онъ—пьяница и только, или будетъ пьяницей непремѣнно,—то весьма возможно, что это пониманіе удержитъ его надолго. Усиліе, благодаря которому онъ схватилъ правильное названіе своего поведения и, не колеблясь, удерживаетъ его передъ своей мыслью, показываетъ, что оно способно быть моральнымъ актомъ, несущимъ ему спасеніе.

Такимъ образомъ, функція усилія вездѣ одна и та же: удержать, согласиться и принимая, известную мысль, которая безъ этого ушла бы и пропала.

Усиліе можетъ быть холодно и блѣдно, если произвольное душевное теченіе клонится къ возбужденности, или, наоборотъ, оно можетъ быть горячо и сильно, когда произвольное теченіе склонно къ покою. Въ одномъ случаѣ, усиліе должно сдерживать взрывъ, въ другомъ—возбудить отсутствующую волю. У истощеннаго пловца, спасающагося на обломкѣ судна, воля теряется. Одна изъ мыслей, наполняющихъ его, есть мысль о его истомленныхъ рукахъ, о невообразимомъ истощеніи, которое послѣдуетъ, если онъ будетъ продолжать долѣе выкачивать воду, затѣмъ, мысль о прелести погруженія въ сонъ. Другая его мысль—о морѣ, готовомъ поглотить его. «Лучше же еще поработать!»—думаетъ онъ, и эта мысль воплощается, вопреки подавляющему вліянію сравнительно болѣе яркихъ ощущеній, представляющихъ ему прелесть отдохновенія. Иногда, наоборотъ, мысль о снѣ и о томъ, что ведетъ къ нему, одерживаетъ верхъ и прочно остается передъ его умомъ.

Если человѣкъ, страдающій бессонницей, можетъ еще управлять теченіемъ своихъ идей настолько, чтобы не думать вовсе ни о чемъ (что возможно), или настолько, чтобы воспроизводить въ воображеніи медленно и монотонно одну за другою буквы какого-нибудь стиха изъ Библіи или поэтическаго произведенія, то почти навѣрное за этимъ послѣдуетъ специфическій тѣлесный результатъ и явится сонъ. Трудность состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы удержать мысль на нѣсколькихъ объектахъ, естественно разрозненныхъ. Говоря кратко, удержаніе какого-либо представленія, мышленія о немъ,—вотъ единственный моральный актъ—и въ случаяхъ импульсивности, и въ случаяхъ ослабленія импульсовъ, и въ здоровомъ состояніи, и въ лунатизмѣ. Большая часть маниаковъ отлично знаютъ, что ихъ мысли нелѣпы, но находятъ ихъ до такой степени подавляющими, что преодолѣть ихъ кажется имъ невозможнымъ. Въ сравненіи съ ними здравая истина кажется такой мрачной и мертвенной, что маниакъ не можетъ смотрѣть на нее прямо, и говоритъ: «такие мнѣ считать мои мысли единственной дѣятельностью». Однако, при достаточномъ усиліи,—какъ говорить д-ръ Богапъ,—«такой человѣкъ можетъ на время какъ-бы взвинтить себя и рѣшить, что идеи его разстроеннаго ума не будутъ проявляться. Множество примѣровъ согласуются съ рассказомъ д-ра Пинеля объ одномъ сумасшедшемъ изъ Бисстра, ко-

торый послѣ того, какъ выдержалъ долгое провѣрочное испытаніе и проявилъ всѣ признаки возстановившагося умственного здоровья, вдругъ, подписывая на документѣ, удостоверяющемъ его освобожденіе, черкнулъ вѣсто своего имени, — «Иисусъ Христосъ», а затѣмъ впалъ вновь во всѣ проявленія и отѣнки симптомовъ, связанные съ его болѣзнью. «По выраженію этого джентльмена, случай съ которымъ описанъ въ предыдущей части того-же сочиненія (Вигана), — онъ «заставлялъ себя молчать» въ теченіе испытанія для того, чтобы достигнуть своей цѣли, но когда она была достигнута, онъ «снова выпустилъ себя изъ рукъ» и, хотя признавалъ свое заблужденіе, однако, не могъ уже управлять собой. Изъ моихъ наблюденій надъ такими лицами я вынесъ заключеніе, что требуется значительное время для того, чтобы они взвѣсили себя до степени полного самоконтроля и что усиліе, нужное имъ для этого, есть одно изъ мучительныхъ напряженій ума... Если ихъ контроль надъ собою нарушается какимъ-нибудь случайнымъ замѣчаніемъ или прерывается благодаря продолжительности испытанія, и они «выпускаютъ себя изъ рукъ», то для новаго подъема до уровня такого-же контроля требуется долгая подготовительная внутренняя борьба».

Суммируя все сказанное выше въ нѣсколькихъ словахъ, мы находимъ, что конечный моментъ психологическаго процесса воли, т. е. тотъ пунктъ, къ которому воля прилагается непосредственно, есть всегда идея. Во всякое время, есть нѣсколько идей, отъ которыхъ мы бросаемся прочь, подобно испуганной лошади, въ тотъ моментъ, когда ихъ слабый профиль мелькнетъ на порогѣ нашего мышленія. Единственное сопротивленіе, какое можетъ испытать наша воля, есть сопротивленіе, которое такая идея представляетъ намъ, когда мы стремимся вполнѣ сосредоточить на ней наше вниманіе. Остановить на ней вниманіе есть актъ воли, и это единственный случай произвольнаго акта, какой мы когда-бы то ни было совершаемъ.

Вопросъ о свободѣ воли. — Какъ уже было замѣчено выше, — при испытаніи нами внутренняго усилія, мы чувствуемъ его такъ, какъ будто-бы могли сдѣлать больше или меньше того, что обыкновенно дѣлаемъ.

Однимъ словомъ, усиліе является намъ не въ видѣ неизмѣнной (fixed) реакціи съ нашей стороны, необходимо вызываемой сопротивляющимся предметомъ, но въ видѣ того, что математики называютъ «независимой переменнѣй» среди постоянныхъ (fixed) данныхъ, а въ этомъ случаѣ — среди нашихъ мотивовъ, характера и т. п. Если-бы дѣйствительно было такъ, если-бы наше усиліе не было опредѣлимой функцией этихъ другихъ данныхъ, въ такомъ случаѣ, говоря общепринятымъ языкомъ, наша воля была-бы свободна. Если-же, наоборотъ, сумма усилій была бы постоянной функцией, такъ что, какой-бы предметъ въ какое-либо время ни наполнилъ нашего сознанія, онъ отъ вѣка былъ-бы обязанъ наполнить его тогда-то и тамъ-то и вызывать въ насъ точно-опредѣленное усиліе, не большее и не меньшее, чѣмъ то, какое мы представляемъ для него, — въ такомъ случаѣ, наша воля была бы не свободна, а всѣ наши дѣйствія были бы заранее опредѣлены. Такимъ образомъ, вопросъ о фактѣ,

въ спорѣ о свободной волѣ, чрезвычайно простъ. Онъ относится только къ суммѣ усилій вниманія, которую мы можемъ выдвинуть въ данное время. Продолжительность и интенсивность этого усилія есть-ли постоянная функція предмета или нѣтъ? Какъ я уже сказалъ, намъ кажется, что въ каждомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать большее или меньшее усиліе. Если какой-нибудь человекъ допустилъ свою мысль въ теченіе цѣлыхъ дней и недѣль работать безъ контроля до той поры, пока она, въ концѣ концовъ, дошла до кулиминаціоннаго пункта въ какомъ-нибудь подломъ, грязномъ или жестокомъ поступкѣ, то впослѣдствіи, во время его раскаянія, весьма трудно доказать ему, что онъ не могъ не совершить его при данномъ теченіи мышленія; трудно заставить его вѣрить, что вся прекрасная вселенная (противъ которой онъ возсталъ своимъ поступкомъ) требовала отъ него этого поступка, опредѣлила его въ данный роковой моментъ, и что отъ вѣчности было невозможно ничто другое. Но съ другой стороны, тутъ есть увѣренность, что всѣ его волевые дѣйствія, если они совершаются безъ усилія, являются равнодѣйствующими интересамъ и ассоціаціи. сила и результаты которыхъ предопредѣлены механически строеніемъ той физической массы, которая называется его мозгомъ: а общая непрерывность вещей и монистическая ¹⁾ концепція міра могутъ вести непреодолимо къ постулату, что крохотный фактъ, подобный усилію, не можетъ образовывать реальнаго исключенія изъ всею господствующаго царства детерминистическаго закона. Даже въ волевыхъ дѣйствіяхъ, не связанныхъ съ усиліемъ, мы находимъ также возможнымъ сознаніе альтернативы или выбора. Конечно, здѣсь это ошибка; но почему тотъ-же взглядъ не есть ошибка повсюду?

Слѣдуетъ признать фактомъ, что вопросъ о свободной волѣ не разрѣшимъ на узко-психологической почвѣ. Послѣ того, какъ какой-либо идеѣ была дана извѣстная сумма усилій вниманія, очевидно невозможно говорить о томъ, могло-ли быть дано этого усилія больше или меньше; чтобы сказать это, мы должны спуститься къ предшествующимъ моментамъ (антецедентамъ) усилія и, опредѣливъ ихъ съ математической точностью, доказать посредствомъ закона, о которомъ теперь мы не имѣемъ даже и намекъ, что сумма тѣхъ усилій, которая дѣйствительно была сдѣлана, была точной суммой тѣхъ усилій, которая были возможны при воздѣйствіи данныхъ предшествующихъ моментовъ (антецедентовъ). Но, конечно, такое пзмѣреніе, какъ психическихъ, такъ и нервныхъ количествъ, и такое дедуктивное разсужденіе, какихъ требуетъ этотъ методъ доказательствъ, будутъ навсегда недостижимы для человека. Никакой серьезный психологъ или физиологъ не вздумаетъ даже задаваться вопросомъ о томъ, какъ-бы это могло быть практически. Не имѣя никакихъ другихъ основаній для рѣшенія этого вопроса, можно было-бы безъ затрудненій оставить его безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Но отъ психолога нельзя ожидать такой вибартіанности, потому въ его распоряженіи нѣтъ очень много основаній въ пользу детерминизма. Онъ обязанъ строить паузу, а наука есть система «постоянныхъ» отношеній. Тамъ.

¹⁾ Концепція (т. е. теоретическая схема) міра, которая не допускаетъ въ себѣ двухъ началъ, напр., матеріи и духа. Гед.

гдѣ мы находимъ независимыя переменныя, наука останавливается. Такимъ образомъ, настолько, насколько наши желанія могутъ быть независимыми переменными, научная психологія должна игнорировать этотъ фактъ и изслѣдовать соответствующія явленія лишь настолько, насколько они представляются постоянными функциями. Говоря иначе, — научная психологія должна имѣть дѣло исключительно съ общими законами хотѣнія, съ возбуждающимъ или задерживающимъ свойствомъ идей, съ природой того свойства, которое позволяетъ имъ возбуждать наше вниманіе, съ условіями, при которыхъ можетъ возникать усиліе, и т. п. Но она не можетъ имѣть дѣло съ точными суммами усилія, такъ какъ эти суммы, — если-бы наша воля была свободна, — было-бы невозможно вычислить. Такимъ образомъ, научная психологія, не отрицая свободной воли, ведетъ свое дѣло, устранивъ ее изъ счета. Однако, практически, такое устраненіе (абстракція) не отличимо отъ отрицанія, и многіе изъ теперешнихъ психологовъ, колеблясь, отвергаютъ существованіе свободной воли.

По нашему, вопросъ о свободной волѣ долженъ быть предоставленъ метафизикамъ. Конечно, психологія никогда не дойдетъ до такой утонченности, чтобы открыть, въ каждомъ случаѣ индивидуальнаго рѣшенія, несоответствіе между ея научными вычислениями и свершившимся фактомъ. Ея предвидѣніе никогда не будетъ въ состояніи предсказать заранее тотъ путь, какимъ разбѣжится каждая индивидуальная случайность, — какъ въ томъ случаѣ, когда усиліе для его выполненія вполнѣ предопредѣлено предшествующими моментами, такъ и въ томъ случаѣ, когда такого предопредѣленія нѣтъ. Психологія останется психологіей, а наука — наукой, будетъ-ли въ ней признаваться свобода воли или нѣтъ.

Такимъ образомъ мы можемъ игнорировать свободу воли. Какъ мы уже сказали ранѣе, все дѣйствіе свободнаго усилія, — если таковое существуетъ, — могло-бы состоять только въ томъ, чтобы удержать какой-нибудь идеальный объектъ, или часть объекта, немного долѣе или немного сильнѣе, передъ нашей мыслью. Благодаря этому, изъ двухъ возможныхъ исходовъ, представляющихся (въ видѣ альтернативы) нашему уму, одинъ приобретаетъ бы большую силу. И хотя такое усиліе одной идеи можетъ морально и исторически имѣть громадное значеніе, однако, если его разсматривать динамически, оно было-бы процессомъ, который современная наука должна навсегда устранивъ изъ счета, какъ и многія другія физиологическія безконечно малыя величины.

Этическое значеніе явленій усилія. — Хотя мы устранили вопросъ относительно суммы нашего усилія, такъ какъ его никогда не будетъ въ состояніи рѣшить психологія практически, однако, я долженъ сказать нѣсколько словъ о чрезвычайно важномъ характерѣ, какой принимаетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ, какъ индивидуальныхъ людей, это явленіе усилія. Конечно, мы оцениваемъ или измѣряемъ себя самихъ различными мѣрками. Наша физическая сила и нашъ умъ, наше богатство и даже наши удачи, все это такія вещи, которыя какъ-бы согревають наше сердце и заставляютъ насъ чувствовать себя болѣе пригодными для жизненной борьбы. Но ощущеніе той суммы усилія, какое мы можемъ произвести, глубже всѣхъ подобныхъ вещей; оно способно удовлетворить самое себя безъ нихъ. Всѣ остальные вещи, перечисленные выше, являются въ концѣ

концовъ лишь результатами, продуктами и отраженіями вѣшняго міра внутри насъ. Но усиліе кажется намъ принадлежащимъ совершенно другому міру; оно кажется намъ какъ-бы существенной частью насъ самихъ, тогда какъ все другое кажется намъ чѣмъ-то вѣшнимъ, что мы только несемъ на себѣ или въ себѣ. Если-бы эта внутренняя борьба человѣка имѣла своимъ назначеніемъ открытіе намъ самой нашей сущности, открытіе того, что ведетъ насъ въ жизни, то оказалось бы, что это есть именно усиліе, которое, какъ намъ кажется, мы можемъ дѣлать. Тотъ, кто не можетъ сдѣлать его, — есть только тѣнь; тотъ, кто можетъ сдѣлать его много — герой. Обширный міръ, окружающій насъ со всѣхъ сторонъ, задаетъ намъ всевозможные вопросы и испытываетъ насъ всѣми возможными способами. Нѣкоторые изъ этихъ испытаній мы преодолеваемъ при помощи нетрудныхъ дѣйствій, и на нѣкоторые вопросы мы отвечаемъ отчетливо формулированными словами. Но на самый глубочайшій изъ всѣхъ вопросовъ, которые когда-либо предлагаются намъ міромъ, не допускается другого отвѣта, кромѣ нѣмага сопротивленія воли и сжиманія фибръ нашего сердца, когда мы какъ-бы говоримъ: «пусть такъ, а я все-же буду дѣлать вотъ этакъ». Когда передъ нами предстаетъ жизненное положеніе, внушающее ужасъ, когда жизнь, какъ дѣло, обращается къ намъ своей темной бездною, тогда наиболѣе ничтожные среди насъ утрачиваютъ совершенно свою власть надъ положеніемъ, и либо убогаютъ отъ его затрудненій, отклоняя куда-нибудь въ сторону свое вниманіе, или-же, если они не могутъ этого сдѣлать, они погружаются въ уступчивую трясику жалобъ и страха. Усиліе, требуемое для того, чтобы взглянуть прямо въ глаза ужасному положенію или объекту и признать его, какъ фактъ, для нихъ невозможно: это превышаетъ ихъ силы. Только героическая душа поступаетъ иначе. Для нея также положенія или предметы могутъ являться ужасными, неблагоприятными, несоизмеримыми съ тѣмъ, чего она желаетъ отъ міра, но она, если это необходимо, можетъ прямо смотрѣть на нихъ, не теряя своего самообладанія и силы относительно всѣхъ другихъ явленій жизни и міра. Такимъ образомъ, въ героической душѣ міръ находитъ достойнаго соперника и товарища. Это усиліе, которое героическая душа способна выполнить, чтобы не склониться передъ ужаснымъ положеніемъ и сохранить непоколебимымъ свое сердце, есть прямое мѣрило его достоинства и его функций въ ирѣ человеческой жизни. Онъ можетъ выдержать этотъ міръ. Онъ можетъ встрѣтить его и удержать свою вѣру въ него, не смотря на то, что находится подъ давленіемъ тѣхъ самыхъ свойствъ этого міра, которыя заставляютъ падать его болѣе слабыхъ братьевъ. Онъ еще можетъ пасть въ этомъ мірѣ въкусъ, не путемъ того трусливаго, какъ у страусовъ, прятанія своей головы, чтобы не видѣть приближающейся опасности, — т. е. не стараясь забыть тяжелаго положенія, а наоборотъ, посредствомъ противопоставленія этому ужасному положенію своей чисто-внутренней воли и вызываемой ею борьбы. И этимъ-то онъ дѣлаетъ себя господиномъ и обладателемъ жизни. Съ этого времени, съ нимъ нужно считаться; онъ образуетъ часть человеческой судьбы (исторіи). Но, подобно тому, какъ наша храбрость часто есть лишь отраженіе чужой храбрости, такъ наша вѣра способна быть лишь увѣренностью въ вѣрѣ кого-либо другого. Изъ героическаго примѣра мы извлекаемъ новую жизнь. Пророкъ пьетъ болѣе глубокую чашу горечи жизни, чѣмъ кто бы

то ни было другой, по его повелению такъ непреклонно, а его рѣчь такъ могущественно возбуждаетъ бодрость, что его воля становится нашей волей, а наша жизнь зажигается его жизнью.

Такимъ образомъ, не только наша нравственность, но и наша религія, — насколько эта послѣдняя связана съ нашей волей, зависятъ отъ усилія, какое мы можемъ сдѣлать. «Желаете ли вы или нѣтъ, чтобы было такъ?» — вотъ самый испытательный вопросъ, который намъ всегда предлагаютъ; у насъ спрашиваютъ объ этомъ каждый часъ въ теченіе дня, и относительно предметовъ, какъ самыхъ обширныхъ, такъ и самыхъ мизерныхъ, — какъ въ области теоретической, такъ и въ практической. Мы отвечаемъ согласіемъ или несогласіемъ, и не словами. Что же удивительнаго, что эти нѣмые отвѣты кажутся намъ глубочайшими органами, соединяющими насъ съ природой вещей! Что удивительнаго, если требуемое ими усиліе становится для насъ мѣриломъ достоинства или цѣнности людей! Что удивительнаго въ томъ, если та сумма, какую мы приписываемъ этому усилію, есть единственный и оригинальный взносъ, который мы дѣлаемъ въ міръ отъ себя.

Заключение.

Психологія и философія.

Что мы обозначаемъ словомъ «метафизика». — Въ послѣдней главѣ мы сказали, что вопросъ о свободной волѣ относится къ области «метафизики». И, въ самомъ дѣлѣ, было-бы черезъ-чуръ поспѣшно — ставить абсолютно этотъ вопросъ въ предѣлахъ психологіи. Пусть психологія приметъ открыто, что для ея научныхъ цѣлей можетъ быть признанъ детерминизмъ, и никто не найдетъ ошибочнымъ такого условнаго признанія. Такимъ образомъ, если-бы внослѣдствіи оказалась необходимость признать противоположное положеніе, то, въ виду условности принятія детерминизма, примиреніе было-бы вполне возможно. На это противоположное положеніе претендуетъ теперь этика. И авторъ этой книги не встрѣчаетъ препятствій отнести къ требованіямъ этики, какъ къ болѣе сильнымъ, и признать, что наша воля «свободна». Поэтому для него детерминистическое положеніе психологіи имѣетъ лишь предварительное и методологическое значеніе. Доказывать здѣсь подробно этическую точку зрѣнія — не мѣсто, и я только отмѣчу здѣсь это столкновеніе для того, чтобы показать, какъ каждая изъ специальныхъ наукъ, отдѣленная ради удобства отъ остальной совокупности знанія, должна удерживать свои спеціальныя положенія и выводы до ихъ провѣрки при свѣтѣ потребностей всѣхъ другихъ специальныхъ наукъ. Та арена, на которой происходитъ эта провѣрка и судъ надъ спеціальными положеніями, есть метафизика. Метафизика есть ничто иное, какъ необычайно-упорное стремленіе мыслить ясно

и правильно. Спеціальныя науки имѣютъ дѣло съ данными, которыя переполнены неясностями и противорѣчіями; но съ точки зрѣнія ограниченныхъ цѣлей каждой отдѣльной науки можно оставлять безъ вниманія эти недостатки. Отсюда-то и возникло столь общее презрительное отношеніе къ слову метафизика. Человѣкъ, съ ограниченными цѣлями, презрительно называетъ метафизическимъ всякое обсужденіе вопроса, становящееся выше и утонченнѣе, чѣмъ это требуется его спеціальными цѣлями. Напр., для цѣлей геолога не представляеть важности пониманіе сущности «времени». Механику не нужно знать, какимъ образомъ возможно вообще дѣйствіе и противоѣйствіе. У психолога достаточно работы и безъ вопроса о томъ, какимъ образомъ онъ и его мысль, которую онъ изучаетъ, способны познавать одинъ и тотъ-же внѣшній міръ. Но очевидно, что вопросы, чуждые точкѣ зрѣнія одной науки, могутъ быть существенны для другой. И какъ только мы ставимъ себѣ цѣлью достиженіе максимума возможнаго умственного проникновенія въ міръ, какъ цѣлю, такъ метафизическія задачи становятся самыми постоянными. Психологія представляетъ общей философіи обширный выборъ такихъ задачъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ.

Отношеніе сознанія къ мозгу. — Когда психологія разрабатывается какъ естественная наука (т. е. тѣмъ способомъ, какимъ она излагалась въ этой книгѣ), «состоянія мысли» или души принимались — какъ данныя, непосредственно представляющіяся въ опытѣ; а «рабочей гипотезой» (см. выше) служила лишь эмпирический законъ, состоящій въ томъ, что цѣлому состоянию мозга въ какой-нибудь моментъ «соотвѣтствуетъ» одно единичное состояніе мысли. Этого было вполне достаточно для нашихъ цѣлей, пока мы не вступили на метафизическую почву, задавъ себѣ вопросъ: что-жъ именно означаетъ это слово «соотвѣтствуетъ»? Это понятіе является темнымъ до крайности, какъ только мы пробуемъ перевести его на нѣчто болѣе интимное, чѣмъ простое параллельное измѣненіе (въ мозгу и въ мысли). Одни думаютъ, что они дѣлаютъ это понятіе болѣе яснымъ, назвавъ душевное состояніе «внутренней», а мозговое — «внѣшней» стороной или точкой зрѣнія (aspect), «одной и той-же реальности». Другіе считаютъ душевное состояніе «реакціей» единой сущности души — на множество процессовъ или дѣятельностей, представляемыхъ мозгомъ. Наконецъ, нѣкоторые рѣшаютъ этотъ секретъ предположеніемъ, что каждая мозговая клетка сознаетъ сама, отдѣльно, а данное эмпирически душевное состояніе (т. е. то душевное состояніе, которое мы чувствуемъ въ извѣстный любой моментъ) есть лишь «являющееся» намъ сліяніе восдино всѣхъ этихъ маленькихъ сознаній; совершенно также, какъ самъ мозгъ есть только «являющееся» намъ сплавленіе всѣхъ его клеточекъ вмѣстѣ, если мы смотримъ на него снаружи, съ какой-нибудь одной точки зрѣнія.

Мы можемъ дать этимъ тремъ метафизическимъ попыткамъ объясненія названія теорій — монистической¹⁾, спиритуалистической и атомистической. У каждой изъ нихъ есть свои затрудненія, причемъ, по моему мнѣнію, затрудненія, представляемыя спиритуалистической теоріей, являются, въ логическомъ отношеніи, наименѣе серьезными. Но спиритуалистическая

¹⁾ Объясненіе этого слова см. раньше въ примѣч.

теорія совершенно не выжется съ такими фактами, какъ множественность сознанія и измѣненіе личности (см. выше). Эти факты принимаютъ болѣе естественно къ атомистической формулировкѣ, такъ какъ, кажется, что легче объяснить эти факты сочетаніями мелкихъ сознаній, группирующихся то въ обширныя массы, то въ сравнительно меньшія, чѣмъ думать, что одна сущность, т. е. душа, то дѣйствуетъ, какъ одно цѣлое, то раздробляется въ различныя, не связанныя между собою, одновременныя реакціи. Точно также и локализція мозговыхъ функций ближе совпадаетъ съ атомистической точкой зрѣнія. Если въ моемъ опытѣ, положимъ—о колоколѣ, затылочная доля моего мозга является условіемъ того, что я его вижу, а височная—условіемъ того, что я слышу его звонъ, то всего естественнѣе сказать, что затылочная доля его видитъ, височная слышитъ, а затѣмъ они «соединяютъ свои показанія.» Въ виду крайней естественности такого способа представленія вполне установленнаго факта, состоящаго въ томъ, что явленіе различныхъ частей предмета передъ сознаніемъ зависитъ въ каждый моментъ отъ многихъ различныхъ частей мозга, приходящихъ при этомъ въ дѣятельное состояніе, — философъ-атомистъ найдетъ, что слѣдуетъ отбросить всѣ тѣ возраженія, которыя мы считали необходимымъ сдѣлать, что выше относительно понятія о «частяхъ» сознанія, могущихъ будто-бы «соединяться». Вѣдь, «цѣль» философа-атомиста состоитъ только въ томъ, чтобы имѣть формулу, объединяющую предметы естественнымъ и легкимъ способомъ, а для такой цѣли атомистическая теорія является въ его рукахъ самой выразительной.

Но затрудненіе, представляемое задачей о «соотвѣтствіи» (мозговыхъ процессовъ и состояній сознанія), заключается не только въ рѣшеніи ея, но даже въ ея постановкѣ, при помощи элементарныхъ терминовъ.

L'ombre en ce lieu s'amasse, et la nuit est la toute ¹⁾. Прежде, чѣмъ мы можемъ узнать, какого сорта процессъ происходитъ въ то время, когда перемиѣна въ мозгу имѣетъ соотвѣтствующую перемиѣну въ мысли, мы должны сперва ознакомиться съ носителями (субъектами) этого процесса. Мы должны узнать, какого рода душевное явленіе (или фактъ) и какого рода мозговой процессъ (или фактъ) находятся, такъ сказать, въ непосредственномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Мы должны отыскать то минимальное душевное явленіе, которое непосредственно опиралось бы на соотвѣтственное минимальное мозговое явленіе; и, совершенно также, мы должны отыскать минимальный мозговой процессъ, который можетъ имѣть соотвѣтственный душевный дубляжъ. Между душевнымъ и физическимъ минимумами, отысканными этимъ путемъ, будетъ непосредственное отношеніе, выраженіемъ котораго, —если-бы оно было найдено, —былъ-бы элементарный психо-физическій законъ.

Наша собственная формула избѣгала сверхъопытнаго допущенія психическихъ атомовъ, принимая цѣлую мысль (хотя бы о сложномъ объектѣ) за тотъ минимумъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, обращаясь къ психической сторонѣ, и за весь мозгъ, когда мы обращаемся къ физической сторонѣ. Но «весь мозгъ» не есть вовсе физическій фактъ. Онъ есть только имя, данное нами тому способу, какимъ могутъ дѣйстви-

вать на наши чувства билліоны молекулъ, разнѣщающихся въ извѣстныхъ положеніяхъ. По принципамъ философіи, сводящей всѣ явленія на механическіе процессы между тѣлесными единицами (*corpuscular philosophy*), единственными реальностями могутъ быть молекулы или, —самое большее, —кѣтъ. Ихъ сочетаніе въ «мозгъ» есть не больше, какъ «фигція» (вымыселъ) популярной рѣчи. Но такая фигція не можетъ служить объективно реальнымъ дубликатомъ никакого психического состоянія. Таковымъ можетъ быть только подлинный физическій фактъ, а такий подлинный физическимъ фактомъ можетъ быть только фактъ молекулярный. Отсюда очевидно, что, если мы хотимъ имѣть вполне элементарный психо-физическій законъ, мы имѣемъ право искать его только ниже, въ чемъ либо подобномъ душевно-атомной теоріи, такъ какъ молекулярный фактъ, будучи элементомъ «мозга», казалось бы, долженъ соотвѣтствовать естественно не цѣлой мысли, но элементамъ мысли. Такимъ образомъ, въ психикѣ «реальное» кажется соотвѣтствующимъ «не реальному» въ физикѣ, и наоборотъ; и запутанность вопроса доходитъ до крайности.

Отношеніе состояній ума къ «объектамъ». —Запутанность не уменьшится, если мы станемъ размышлять надъ нашимъ допущеніемъ, что состоянія сознанія могутъ сами знать. Съ точки зрѣнія здраваго смысла, (а эта точка зрѣнія именно и господствуетъ во всѣхъ естественныхъ наукахъ) знаніе есть окончательное ¹⁾ отношеніе между двумя сущностями, вѣчными другъ другу, а именно —познающимъ и познаваемымъ. Сперва существуетъ міръ, затѣмъ состоянія мысли или ума; и эти состоянія приобретаютъ познаніе міра, становящееся постепенно болѣе и болѣе сложнымъ. Но такая попытка провести задачу черезъ упрощенный дуализмъ, является передъ идеалистическимъ мышленіемъ черезъ чуръ грубымъ приемомъ вторженія. Возьмемъ состоянія сознанія, называемыя чистыми ощущеніями (насколько они могутъ существовать вообще), напр., ощущеніе голубого цвѣта, которое можетъ быть вызвано въ насъ смотрѣніемъ на небесный зенитъ въ ясный день. Представляетъ-ли это «голубое» только опредѣленіе самаго ощущенія, или-же и его «предмета?» То есть, опишемъ-ли мы этотъ нашъ опытъ, какъ качество нашего ощущенія или какъ наше ощущеніе качества? Обыкновенная рѣчь безпрестанно колеблется въ этомъ пунктѣ. Въ послѣднее время было придумано двусмысленное слово «содержаніе» (представленія) вмѣсто слова объектъ (представленія), и сдѣлано это, чтобы избѣжать точнаго опредѣленія. Вѣдь, слово «содержаніе» говорить намъ о чемъ-то не точно соотвѣтствующемъ тому, что лежитъ въ ощущеніи, но, однако, и не точно тождественнымъ самому ощущенію, такъ какъ послѣднее остается подразумеваемымъ, какъ нѣкій носитель или сосудъ, заключающій это «содержаніе». Однако, о нашихъ ощущеніяхъ, какъ нѣкихъ сосудахъ или носителяхъ особыхъ отъ ихъ содержаній мы не имѣемъ въ дѣйствительности ни малѣйшаго понятія. Фактъ-же состоитъ въ томъ, что такой опытъ, какъ «голубое», насколько оно дано непосредственно, можетъ быть названъ только какиъ-нибудь совершенно нейтральнымъ именемъ, какъ, напр., явленіе (феноменонъ). Ощущеніе вовсе не является намъ непосредственно —какъ отношеніе между двумя реальностями—

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ скопится тьма и ночь окутываетъ все.

¹⁾ Т. е. не доступное дальнѣйшему анализу.

душевной и физической. Только тогда, когда еще думая об этом голубомъ, какъ о томъ-же самомъ, мы прослѣживаемъ отношеніе между нимъ и другими вещами, оно, такъ сказать раздваивается и развивается въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, входя въ связь съ нѣкоторыми своими спутниками, оно фигурируетъ, какъ физическое качество, а съ другой, въ связи съ другими ассоциирующими спутниками, является какъ ощущение въ области нашей души.

Иному закону подчинены, какъ кажется, тѣ наши состоянія ума, которыя принадлежать не къ классу чувственныхъ ощущений, а къ классу концепцій или понятій. Они представляются непосредственно, какъ говорія о чемъ-то, лежащемъ внѣ ихъ. Хотя они обладаютъ также непосредственно даннымъ содержаніемъ, но у нихъ есть «орвольтъ» (см. выше), есть стремленіе представлять собою нѣчто иное, чѣмъ они сами. Такъ, напр., «голубое», о которомъ мы уже говорили выше, было при долгомъ разсужденіи его по существу, словомъ, но это было слово со многими значеніями. Качество «голубое» было объектомъ мысли, а самое слово—его содержаніемъ. Говоря кратко, душевное состояніе не было само-довѣ-ющаго, какъ въ простыхъ ощущенияхъ, но ясно указывало на что-то другое, большее, въ которомъ завершалось его значеніе.

Но относительно момента, когда,—какъ въ ощущенияхъ,—объектъ и состояніе сознанія кажутся различными способами разсужденія одного и того-же факта, становится трудно оправдать наше отрицаніе того, что душевное состояніе состоитъ изъ частей. Голубое небо, разсуждаемое физически, есть сумма взаимно вѣдѣмыхъ частей; почему оно перестаетъ быть такой суммой, когда мы его разсуждаемъ какъ содержаніе ощущенія?

Единственный результатъ, какой можно считать достигнутымъ всѣмъ предыдущимъ разсужденіемъ въ достаточной полнотѣ, состоитъ въ томъ, что отношенія познаваемого къ познающему безконечно усложнены, и что гениальный, смѣлый, популярно-научный способъ формулированія этихъ отношеній будетъ недостаточенъ. Единственно возможный путь пониманія ихъ лежитъ въ области метафизическихъ утонченностей.—Идеализмъ и теорія познанія должны сказать свое слово передъ положеніемъ, принятымъ естествознаніемъ, что мысли «познаютъ» предметы.

Измѣняющійся характеръ сознанія представляетъ другое затрудненіе. Сначала мы признали «состоянія» сознанія за тѣ единицы, съ которыми имѣетъ дѣло психологія, а затѣмъ сказали, что они постоянно измѣняются. Однако, каждое состояніе должно имѣть извѣстную продолжительность, чтобы быть дѣйственнымъ (эффективнымъ, т. е. дающимъ результаты); страданіе, дающее лишь сотую часть секунды, практически не есть страданіе. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ: сколько времени должно оставаться какое-нибудь состояніе, чтобы его еще можно было считать за одно состояніе? Напр., въ воспріятіи времени, если «настоящее», («пагальное настоящее», какъ мы его называли) можетъ, какъ извѣстно, заключать въ себѣ какихъ-нибудь двѣнадцать секундъ, то насколько длительно должно быть настоящее для возможности познать его? То есть, каковъ минимумъ продолжительности сознанія, въ теченіе котораго эти двѣнадцать секундъ могутъ быть восприняты, какъ уже прошедшія, или каковъ тотъ минимумъ, который можетъ быть названъ «состояніемъ» для познаватель-

ной цѣли этого рода? Сознаніе, какъ процессъ во времени, обнаруживаетъ ту же парадоксальность, какая была найдена во всѣхъ непрерывныхъ переменахъ. Въ непрерывныхъ переменахъ нѣтъ «состояній» также точно, какъ нѣтъ граней въ кругѣ, или какъ нѣтъ такихъ мѣстъ, гдѣ «находится» летящая стрѣла. Перпендикуляръ, опущенный на линію, изображающую прошедшее время (см. выше), проектируемое въ какой-либо моментъ воспоминанія, есть лишь идеальное построеніе. Однако, ничто имѣющее большую широту, чѣмъ эта перпендикулярная линія, здѣсь не существуетъ, такъ какъ дѣйствительное настоящее есть только мѣсто соприкосновенія между прошедшимъ и будущимъ и не имѣетъ никакой своей собственной ширины. Тамъ, гдѣ все есть перемены и процессъ, можемъ-ли мы говорить о «состояніяхъ»? Однако, возможно-ли обойтись безъ «состояній» (сознанія), описывая то, каковы должны быть носители нашего знанія?

Сами состоянія сознанія не суть такіе факты, которые можно было-бы проверить. Ни здравый смыслъ, ни психологія, — по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, — никогда не сомнѣвались въ томъ, что тѣ состоянія сознанія, которыя исследовались этой наукой, представляютъ непосредственныя данныя опыта. Сомнѣвались въ подлинномъ существованіи «вещей», но мысли и ощущенія никогда не вызывали сомнѣнія о своемъ дѣйствительномъ существованіи. Если отрицали, то только вѣншній міръ, но никогда не отрицали внутренняго міра. Каждый увѣренъ, что мы обладаемъ (во внутреннемъ самонаблюденіи) знаніемъ нашихъ душевныхъ дѣятельностей, въ ихъ совершенной подлинности, а также знаніемъ о нашемъ сознаніи, какъ о чемъ-то внутреннемъ и противоположномъ вѣншнему міру или объекту, которые познаются этимъ сознаніемъ. Однако, я долженъ покаяться, что не могу увѣренно согласиться съ такимъ выводомъ. Когда-бы мнѣ ни случилось подмѣчать, что я ощущаю свою мыслительную дѣятельность, какъ таковую, я наталкиваюсь на какой-нибудь тѣлесный фактъ, идущій или отъ головы, или отъ бровей, или отъ горла, носа, и т. п. Кажется, какъ будто сознаніе (въ смыслѣ внутренней дѣятельности) есть скорѣе постулатъ¹⁾, чѣмъ фактъ, данный въ непосредственномъ ощущеніи, а именно постулатъ о существованіи познающего, соответствующаго всему познаваемому. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что лучшимъ словомъ для описанія «сознанія» или «сознательности» было-бы слово «познавательность», (т. е. способность знать или познавать). Но «познавательность», постулируемая, какъ гипотеза, практически представляется совершенно иной вещью, чѣмъ «состоянія сознанія, воспринимаемая (будто-бы) во внутреннемъ чувствѣ съ непоколебимой увѣренностью». Очисти слова, вопросъ о томъ, кто или что является дѣйствительнымъ познающимъ, долженъ быть оставленъ опять открытымъ, а отвѣтъ на этотъ вопросъ, данный намъ въ концѣ XII вѣка, слѣдуетъ считать только предварительнымъ положеніемъ, сдѣланнымъ съ популярной точки зрѣнія, не чуждой нѣкотораго предразсудка.

Выводъ.—И такъ, когда мы говоримъ о «психологіи, какъ объ одной изъ отраслей естествознанія», мы не должны понимать этого въ томъ

¹⁾ Познаніе или предположеніе, не требующее доказательства, Ред
и ученыя основы психологии.

смыслѣ, что этотъ родъ психологіи стоитъ окончательно на твердой почвѣ. Наоборотъ, мы хотѣли этимъ обозначить психологію особенно хрупкую, и въ которую волны метафизической критики, такъ сказать, вторгаются черезъ всѣ ея пробѣлы. Однимъ словомъ, всѣ положенія, принятые естественно-научной психологіей, какъ и всѣ ея данныя, должны быть вновь пересмотрѣны критически въ болѣе широкой связи съ другими терминами, на которые должны быть переведены термины этой науки. Говоря кратко, названіе «научной психологіи» впушено намъ не высокомеріемъ, а наоборотъ, неувѣренностью въ ея силахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, странно слышать, когда люди толкуютъ съ триумфомъ о «новой психологіи» пишутъ «исторіи психологіи», въ то время, какъ въ дѣйствительности, элементы и силы, обозначаемыя этимъ названіемъ, еще не озажены даже первымъ проблескомъ яснаго пониманія ихъ. Эта психологія представляетъ еще груду сырыхъ фактовъ; мелкія сплетни и споры о мнѣніяхъ; незначительную классификацію, не выходящую за описательный уровень; крупный предразсудокъ, что мы обладаемъ состояніями души и что нашъ мозгъ является ихъ условіемъ... И ни одного закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ даетъ намъ свои законы физика, ни одного положенія, изъ котораго могло-бы быть выведено дедуктивно какое-нибудь слѣдствіе, какъ отъ причинны. Мы даже не знаемъ терминовъ, между которыми можно было-бы получить законы, если-бы мы имѣли ихъ (см. выше). Это — не наука, это — только надежда на науку. У насъ есть матеріалъ для науки. Есть нѣчто определенное, когда дѣло идетъ о нѣкоторыхъ состояніяхъ мозга, соответствующихъ нѣкоторой «познавательности». Подлинный настоящий свѣтъ, брошенный на то, что такое представляетъ собою теперь научная психологія, былъ-бы такимъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, передъ которымъ поблѣднѣли-бы всѣ ея прежнія пріобрѣтенія. Но въ настоящее время, психологія находится въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась физика до Галилея и до законовъ движенія, или химія до Лавоазье и до понятія о томъ, что масса остается постоянной во всѣхъ реакціяхъ. Когда явятся свои Галилей и Лавоазье въ психологіи, — это будутъ, дѣйствительно, великіе люди, и они несомнѣнно придутъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, прошедшіе успѣхи не были-бы указателями для будущаго. Но когда они явятся, необходимость заставить ихъ стоять на философской (метафизической) точкѣ зрѣнія. Лучшій путь, которымъ мы можемъ идти, чтобы облегчить ихъ появленіе, это путь пониманія того, какъ велика еще тьма, въ которой мы копошимся, и путь отчетливаго памятованія о томъ, что тѣ естественно-научныя положенія, изъ которыхъ мы исходимъ, суть лишь предварительныя (провизіональныя) положенія, подлежащія критическому пересмотру.

К о н е ц ъ .

Оглавленіе-конспект ¹⁾

главы

стр.

- I. Введеніе. Понятіе о предметѣ психологіи, 3. — Психологія, какъ отрасль естествознанія, 7. — Отдѣлы психологіи. 3—9
- II. Ощущеніе въ общемъ смыслѣ. Нервные токи, идущіе къ центру, суть единственные, которые нормально вліяютъ на мозгъ, 9. — Каждый „вносящій“ нервъ отходитъ отъ определенной части периферіи и приводитъ въ возбужденіе особой силой внѣшняго міра, 9. — „Специфическія энергіи“, 10. — Ощущеніе отличается отъ воспріятія, 11. — Познаніе, какъ ознакомленіе, и познаніе о средѣ, 12. — Существованіе во внѣ объектовъ ощущенія, 13. — Интенсивность ощущеній, 14. — Законъ Вебера, 14. — Законъ Фехнера, 18. — Законъ относительности, 20. — Дѣйствіе контраста, 21 9—22
- III. Зрѣніе. Строеіе глаза, 22. — Сѣтчатка, 24. — Слѣпое пятно (т). — Желтое пятно, 25. — Аккомодация, (т). — Конвергенція (т). — Одинокое изображеніе на двухъ сѣтч., (т). — Двойное изображеніе, 29. — Рельефность, 30. — Разстояніе, 32. — Воспріятіе величины, 33. — Цвѣта, (т). — Ихъ смѣшеніе, 34. — Длительность свѣтовыхъ ощущеній, 35. — Отрицательные слѣды, (т). — Интенсивность, 37 22—37
- IV. Слухъ. Ухо, 38. — Среднее ухо, 39. — Слуховыя косточки, (т). — Аккомодация, (т). — Внутреннее ухо, 40. — Костный лабиринтъ, (т). — Перепончатый лабиринтъ, (т). — Концевые органы, 42. — Качество звука: высота, тембръ, 43—44. — Разложеніе звуковой волны, 44. — Гармонія и диссонансъ, 46 38—48

¹⁾ Тамъ, гдѣ цифры страницъ повторяются, стоитъ буква „т“ (тоже).

а	стр.
V. Осязательное, температурное (термическое) чувство, мускульное (мышечное) чувство и боль. Нерве. оконч. въ кожѣ, 48. — Локализирующая (опредѣляющая мѣсто) способность кожи, 49. — Конечные органы температурнаго чувства, 51. — Мускульное чувство, 52. — Чувство тяжести, 53. — Боль, (т)	48—55
VI. Ощущеніе движенія — по поверхностямъ, 55. — Иллюзіи его, 56. — Ощущеніе суставныхъ поверхностей, 58. — Ощущеніе движенія въ пространствѣ, 59. — Головокруженіе, (т). — Чувство перемѣщенія, 60	55—60
VII. Строеніе мозга. Эмбриологическій очеркъ, 61. — Разсѣченіе мозга (барана), 63	63—66
VIII. Функция мозга. Общее понятіе о функции нервовъ, 70. — Первые центры души, 71. — Нижніе центры голубя, 75. — Локализациа, 80. — Зрительный центръ, 84. — Душевная слѣпота, 85. — Центръ слуха, 87. — Центръ обонанія, вкуса, осязанія, 89	70—90
IX. Нѣкоторыя общія условія нервной дѣятельности. Нервный разрядъ, 91. — Время реакціи, (т). — Сложная реакція, 94. — Время для ассоціаціи, 96. — Сложеніе стимуловъ, 97. — Притокъ крови, 98. — Температура мозга, 100. — Фосфоръ и мысль, (т)	91—101
X. Привычка. Значеніе ея въ психологіи, 102. — Физическая основа ея, 103. — Практическіе результаты привычки, 104.	102—114
XI. Потокъ сознанія, 114. — Сознаніе находится въ постоянномъ измѣненіи, 116. — Дважды получается только одинъ и тотъ же объектъ, 117. — Мышленіе кажется для каждаго личнаго сознанія непрерывнымъ, 119. — „Ореолъ“ вокругъ объекта, 124. — Нервно-мозговые условія психическаго ореола, 126. — Тема мышленія, 127. — Мысль можетъ оставаться одинаково рациональной, 128	114—134
XII. Личность. „Мое“ и „Я“, 135. — Личность, какъ познаваемое эмпирическое „Его“ (т). — Матеріальное „Его“, 136. — Соціальное „Его“ 137. — Духовное „Мое“, 139. — Самоопредѣленіе и самооцѣнка, (т). — Самообезпеченіе и самосохраненіе, 141. — Соперничество различныхъ „Его“, 142. — Иерархія „Его“. Классификація нѣхъ, 147. — Телеологическое значеніе самопр-	

дѣленія, 149. — Единство преходящихъ состояній, 152. — Состоянія сознанія не могутъ сплавляться, 153. — Душа, какъ комбинирующее нѣчто, 155. — Чувство личнаго тождества, 156. — Вопросъ о существованіи особой души есть вопросъ метафизики, а не психологіи, 158. — Измѣненія „Его“ и ихъ умноженіе, 160. — Медіумъ и одержаніе, 166	135—166
XIII. Вниманіе. Ограниченность сознанія и его физиологическія основы, 169. — Разсѣянное вниманіе, 170. — Его объемъ, (т). — Разновидности вниманія, 172. — Произвольное вниманіе, 175. — Геній и вниманіе, 177. — Физиологическ. условія вниманія, 178. — Приспособленіе органовъ чувствъ, 179. — Идеаціонное возбужденіе центра, 181. — Вниманіе и свободная воля, 184	169—187
XIV. Понятія (концепціи). Различныя состоянія мысли могутъ означать одно и то же, 188. — Предметы отвлеченныя, всеобщіе и загадочныя, 189. — Ни что не можетъ быть узнано, какъ то же самое, если оно узнается не въ новомъ состояніи мышленія, 191	188—192
XV. Различеніе. Различеніе въ стороны ассоцірованія понятій, 192. — Определеніе различенія, 193. — Условія различенія, (т). — Выдѣленіе элементовъ изъ сложныхъ явленій, 196. — Различеніе путемъ практики, 199	192—199
XVI. Ассоціаціи. Порядокъ нашихъ идей, 200. — Какими законами онъ опредѣляется, 201. — Элементарный принципъ: законъ привычки нервовъ, 202. — Полное воспоминаніе (или ассоціація по смежности), 204. — Частичное воспоминаніе, 206. — Сосредоточенное воспоминаніе или ассоціація по сходству, 211. — Сходство, какъ частичное тождество, 212. — Волелья (произвольныя) теченія мысли, 214. — Разрѣшеніе задачъ, 216. — Сходство не есть элементарный законъ, 218	200—218
XVII. Чувство времени. Чувствуемое настоящее имѣетъ продолжительность, 220. — Оцѣнка болѣе длительныхъ промежутковъ времени, 222. — Чувствованіе прошедшаго времени есть теперешнее чувствованіе, 224	220—224
XVIII. Память. Определеніе, 226. — Запоминаніе и припоминаніе, 227. — Объясненіе запоминанія ассоціаціей, (т). — Объясненіе запоминанія привычкой, 229. — Схема процесса памяти въ мозгу,	

- (т).—Условия хорошей памяти, 230.—Зубрение урока, 233.—
Улучшение памяти; различные методы, 235.—Узнавание, 236.—
Забывание, 237.—Болтливости условия, (т) 226—237
- XIX. Воображение. Определение, 238. — Различие зрительного во-
ображения у разных лиц, 239. — Воображение мускульных
ощущений, 242.—Болтливости различия, 244.—Значение нерв-
ных процессов в воображении, 245. 238—246
- XX. Восприятие (перцепция). Восприятие и ощущение, 246.—Состав
восприятия, 247.—Восприятие есть явление не сложное, 248. —
Иллюзии, 251. — Узнавание лиц, 256. — Апперцепция, 258. —
Гений и шаблонность, 259.—Физиологический процесс в вос-
приятии, 261.—Галлюцинации, (т). 246—265
- XXI. Восприятие пространства. Величина и объемность ощу-
щений, 265.—Построение реального пространства, 267. — Измѣ-
рение предметов в терминах друг друга, 271. — Третье
измерение или расстояние, 274. — Роль интеллекта в воспри-
ятии пространства, 277 265—277
- XXII. Разсуждение. Общее определение, 278.—Точное определение,
279.—Способ познания, 280.—Прозорливость, 287.—По-
мощь, оказываемая ассоциациями по сходству, 289.—Разсуж-
дение у животных, 291. 278—292
- XXIII. Сознание и движение. Всякое сознание есть двигатель, 293. 293—295
- XXIV. Эмоции. Эмоция и истинность, 295.—Разнообразие эмоций, (т).—
В высших эмоциях чувствования являются последствием
телесных выражений, 297. — Это воззрение не есть материа-
листическое, 301.—Болтливости эмоций, 304.—Описание
страха, 304. — Зарождение эмоциональной реакции, 306. — Теория
„переживания“, (т) 295—308
- XXV. Инстинкты. Определение, 309. — Инстинкты не всегда слѣпы
и названы, 312. — Комбинирование инстинкта с опытом,
313. — Инстинкты и привычки, 315. — Инстинкты и возраст,
318. — Перечисление инстинктов у человека, 321. — Описание
страха, 322. — Страх неизвестного, страшного, темноты и
т. п. 324—328 309—328

- XXVI. Воля. Действия, вызываемые волей, 328.—Они суть вторичные
продукты, 329.—Два рода идей о движениях—„непосредствен-
ные“ и „отдаленные“, 330.—Для вызывания движений не тре-
буется какого-либо третьего рода идей, 331. — Субъективные
предтечи наших действий, 332. — Двигательный знак, (т).—
Идео-моторные действия, 334.—Действие по обсуждению, 338.—
Пять типов решений, 339.—Ощущение усилия, 343.—Здоровая
воля, 344. — Болтливости воли, 345. — Удовольствие и страдание,
как пружины действия, 351. — То, что завлаживает внима-
нием, то определяет и действие, 354.—Воля есть отношение
между душой и ее идеями, 355. — Волевое усилие есть усилие
внимания, (т).—Вопрос о свободе воли, 360.—Он не решим
на чисто психологической почве, 361. — Этическое значение
усилия воли, 362 328—363
- „ЗАКЛЮЧЕНИЕ“. Психология и философия“. Что мы обозначаем сло-
вом „метафизика“, 364.—Отношение сознания к мозгу, 365.—
Отно состояний ума к объектам, 367. — Мѣняющийся
характер сознания, 368. — Состояния сознания не суть такіе
факты, которые можно бы было проверить, 369 364—369